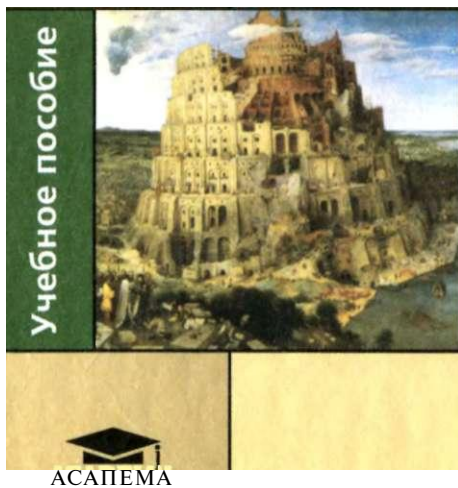

£
\$
%
&
*
^
_
`
~
!@#
\$%&
*^_`
~!
@#
\$%&
*^_`
~!
@#
\$%&
*^_`
~!

Т. А. Амирова
Б. А. Ольховиков
Ю. В. Рождественский

ИСТОРИЯ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

2-е издание

Языкознание

ВЫСШЕЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

**Т.А.АМИРОВА, Б.А.ОЛЬХОВИКОВ,
Ю.В.РОЖДЕСТВЕНСКИЙ**

ИСТОРИЯ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Под редакцией С.Ф. Гончаренко

Рекомендовано

Учебно-методическим объединением по образованию в области лингвистики Министерства образования Российской Федерации в качестве учебного пособия для студентов вузов, реализующих лингвистические и филологические образовательные программы

2-е издание, стереотипное

Москва

АСА^М?А
2005

УДК 800(075.8)

ББК 81я73

А62

Авторы:

Т.А.Амирова — глава 4 (I—III), глава 5 (III—V), глава 6 (I — в соавт. с Б.А.Ольховиковым, II—V), глава 7 (II—IV), глава 8 (I—IV);
Б. А. Ольховиков — введение (в соавт. с Ю. В. Рождественским), глава 2 (IV, V — в соавт. с Ю.В.Рождественским), глава 3, глава 4 (IV — в соавт. с Ю.В.Рождественским), глава 5 (I — II, V), глава 6 (I — в соавт. с Т.А.Амировой, VI), глава 7 (I), глава 8 (V);
Ю.В.Рождественский — введение (в соавт. с Б.А.Ольховиковым), глава 1, глава 2 (I—III, V — в соавт. с Б.А.Ольховиковым), глава 4 (IV — в соавт. с Б.А.Ольховиковым)

Рецензенты:

доктор психологических наук, профессор, действительный член Российской академии образования *Н.Н.Нечаев*;
доктор филологических наук, профессор Московского государственного лингвистического университета *Б.А.Шитов*;
доктор филологических наук, профессор, действительный член Международной академии информатизации *Р. К. Потапова*

Амирова Т. А.

А62 История языкознания: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / Т.А.Амирова, Б.А.Ольховиков, Ю.В.Рождественский; Под ред. С. Ф. Гончаренко. — 2-е изд., стер. — М.: Издательский центр «Академия», 2005. — 672 с.

ISBN 5-7695-2377-8

Учебное пособие содержит обзор развития теоретических идей и конкретных лингвистических исследований начиная с древности (китайская, индийская и греко-латинская традиции). В нем подробно освещается состояние теории языка в Средние века и эпоху Возрождения, становление и развитие языкознания в Новое время. Особое внимание уделяется описанию сравнительного языкознания и философии языка в XVII—XIX вв. и первой—третьей четверти XX в. Каждая глава снабжена подробной библиографией.

Для студентов высших учебных заведений. Может быть рекомендовано для магистрантов, аспирантов и для всех интересующихся возникновением и развитием философии и истории языкознания.

УДК 800(075.8)

ББК 81я73

Оригинал-макет данного издания является собственностью Издательского центра «Академия», и его воспроизведение любым способом без согласия правообладателя запрещается

В оформлении обложки использован фрагмент репродукции картины Питера Брейгеля Старшего «Вавилонская башня» (ок. 1525—1569 гг.)

© Амирова Т.А., Ольховиков Б.А.,
Рождественская Н.А. — наследница
Рождественского Ю.В., 2003

ISBN 5-7695-2377-8

© Издательский центр «Академия», 2003

ОТ АВТОРОВ

Учебное пособие «История языкознания» дает обзор развития теоретических идей и принципов описания языка с Античности до третьей четверти XX в.

История языкознания, по мнению авторов, должна описываться путем раскрытия связи общественно-языковой практики (и вытекающих отсюда потребностей в регулировании языка) с собственно лингвистической теорией. Книга строится с учетом этой общей идеи: предпринимается попытка выявить основные черты истории общественно-языковой практики и подойти к пониманию задач и способов языкового строительства, одним из инструментов которого является теория языка, и в особенности лингвистическая теория.

«История языкознания» представляет собой цельную книгу. Высказанные в ней идеи и оценки, как правило, отражают коллективную точку зрения трех авторов.

ПРЕДИСЛОВИЕ РЕДАКТОРА

Уже с 1930-х годов, а особенно со второй половины XX в., история языкознания стала рассматриваться лингвистами и филологами в целом как одна из наиболее фундаментальных историко-филологических дисциплин в системе гуманитарного образования.

Оказалось, что без глубокого освоения достижений теории языка Античности, зрелого и позднего Средневековья и Возрождения не может быть достигнуто понимание логики исторического развития гуманитарного знания. Кроме того, стало ясно, что вновь выдвигаемые идеи и концептуальные построения имеют свои прародители в гораздо более раннем лингво-филологическом знании, дающем зачастую весьма глубокую и тонкую их разработку. И учет этих как бы забытых знаний открывает для исследователей Нового и Новейшего времени новые грани в исследуемом важнейшем атрибуте человеческого рода — языке. Понимание и учет добытых предшествующими исследователями знаний обогащают сегодняшнюю научную парадигму лингвистики, филологии и философии языка.

В предлагаемой вниманию читателя книге показано формирование исходных идей и научно-практических направлений в изучении языка в греко-римской античности, а позднее — их развитие и совершенствование, в частности при переносе лингво-филологической систематики, выработанной античными школами, на материю языков иных генетических семей, иной типологии, в том числе и при изучении культуры новых познаваемых этносов; изучаются исходные концепции новых национальных лингвистических школ, и вместе с тем выделен значительный вклад в общую теорию языка выдающихся ученых европейского культурно-языкового региона в процессе его исторического и современного развития.

В тексте книги подробно рассматривается сам механизм выработки системы описания классических и новых языков как со стороны общей конструкции лингвистического описания, так и со стороны ее главных составляющих частей и элементов. В этой связи особое внимание уделено исторически становящимся новым государственным и национально-культурным традициям и лингво-филологическим школам и в их составе проблемам критериев и способов нормирования, кодификации и преподавания языка

на общем фоне развития национальных языков, новых наук и переводческой деятельности по освоению достижений Античности и новых национально-языковых культур. Особенно ярко это представлено в разделе, посвященном «Грамматике Пор-Рояль» и отражению ее метода в теории языка XVII—XVIII вв.

Философически окрашенные теории языка рассматриваются как в контексте, свойственном их прошлому, так и с точки зрения сегодняшней научной парадигмы.

В книге содержится разбор поступательного движения научных идей и конкретных исследований в исторической динамике связей языковедения и философии языка со всеми имеющимися на данном историческом этапе лингво-филологическими дисциплинами и опоре на базу образцов речевой культуры и потребности речевой деятельности общества.

Как и всякое исследование по истории любой науки, данная работа не является исчерпывающим описанием истории и историографии лингвистики, охватывающим во всей полноте идей и научных изысканий лингвистические (грамматические, поэтические, риторические, экзегетические и пр.) штудии. Но давая систематический обзор истории лингвистики, она фокусирует внимание на гранях еще мало изученных проблем концептуальных трактовок языка исследователями целого ряда сменяющих друг друга эпох и научных школ с древнего периода до новейшей лингвистики.

Интересно и ново прослеживается механизм развития понятийно-терминологического аппарата научного описания языка, вплоть до полной смены значений терминов в процессе преобразования лингво-философской категоризации организма языка (пользуясь термином В. фон Гумбольдта), его функциональных возможностей и практической реализации в познавательной, коммуникативной и практической деятельности общества.

В разделе, посвященном структурно-функциональному языкознанию, наряду с описанием конкретной методологии и методики анализа анализируются сильные и слабые стороны направления, причины, приведшие к его возникновению и развитию, а впоследствии — к отказу от многих его догм.

Авторам книги удалось выявить наиболее существенные черты лингво-филологической методологии и показать становление и развитие категоризации языка в научных штудиях, принадлежащих истории, философии языка, грамматике, риторике, поэтике, семиотико-семантическим исследованиям, а позднее и языкознанию в его современном понимании. Таким образом удалось объединить историю науки о языке общей концепцией, дающей наглядную логическую картину развития лингвистического знания в широком его понимании.

*С. Ф. Гончаренко, действительный член РАЕН,
член Академии наук Испании*

ВВЕДЕНИЕ

- I. Предмет и задачи истории языкознания.
- II. Вопросы систематизации научных направлений в истории языкознания.
- III. Некоторые вопросы построения истории языкознания.

I. Предмет и задачи истории языкознания

Задача истории любой науки состоит прежде всего в том, чтобы дать систематику и каталогизацию научных теорий внутри данной науки в процессе ее развития. Такой подход предполагает критическое рассмотрение накопленных знаний и оценку имеющихся достижений под углом зрения перспектив развития науки.

Исторический подход к теории науки означает, что нельзя отбрасывать ничего из прежних достижений, всему нужно дать определенное место и современное толкование. Многие мысли, представлявшиеся забытыми и устаревшими, оказываются весьма полезными и необходимыми для развития современной теории. Вместе с тем нередко случается и так, что ряд идей и проблем, на первый взгляд совершенно новых, уже был фундаментально разработан ранее [см., например, 38; 44 — 46; 49]¹.

Исторический подход убеждает в том, что для развития языкознания, как и для всякой другой области научного знания, характерна непрерывность. Каждая вновь возникающая научная концепция, школа, направление, научная традиция формируется как результат творческого исследования нового фактического материала и критической переоценки и переосмысления прежних достижений. Каждое данное состояние в развитии научных знаний есть лишь фаза поступательного движения науки в целом и языковедческой науки в частности.

¹ В квадратных скобках даются ссылки на работы, которые под соответствующими номерами включены в списки литературы, помещаемые после каждой главы. После номера работы, если необходимо, указывается страница, отделяемая запятой и выделенная курсивом. Номера разных работ разделяются точкой с запятой.

В образующейся научной непрерывности те или иные научные идеи, школы и течения не представляют собой обособленного явления. Уходя своими корнями в более древние традиции, они часто переплетаются с другими современными им идеями, школами и течениями и, синтезируя в себе разные достижения, дают жизнь новым традициям. Так, почти во всех современных концепциях науки о языке мы находим отчетливые следы влияния идей авторов прошлых веков.

Эти идеи и формируемые на их основе научные концепции и теоретические построения, как нетрудно убедиться из обзора исторического движения лингвистической мысли, не всегда бывают удачными. В прогрессивном движении науки они сменяются другими. Важно, однако, то, что на каждом историческом этапе эти концепции показывают степень постижения языка как объекта наблюдения и предмета исследования и степень своей зависимости от общего уровня знаний.

Возникновение новых теорий, лингвистических школ и традиций может создать впечатление, что прежние научные построения неизбежно и последовательно оказывались несостоятельными. В действительности это не так. Научные теории, сменяя друг друга, не отменяют одна другую. Ценное «старое» становится достоянием науки, получает новое осмысление и истолкование в новых теориях и гипотезах. Научно же несостоятельное отсеивается.

Этапы развития и дифференциации научных областей внутри лингвистики легко иллюстрируют это положение.

Например, фонетика находит новое объяснение в фонологии, античная грамматика — в грамматической науке, системная лингвистика — в структурном языкознании и теории методов.

История языкознания демонстрирует различные пути и методы исследования языка, устанавливает связь между многочисленными способами описания языка, объясняет причины неодинаковых интерпретаций одних и тех же явлений в разных научных школах и направлениях на всех этапах развития языковедческой науки. В том числе в связи с развитием философской и общетеоретической базы лингвистических построений, в связи с новыми задачами, вытекающими из теоретических или практических потребностей социума.

По мере того как меняются задачи, которые ставит перед наукой общественное развитие, меняются объем и характер тех признаков, которые вычлняются в исследуемом объекте, в известной мере меняется и сам характер научного описания. В качестве иллюстрации приведем такой пример. Один из кардинальных вопросов языкознания — вопрос о сущности языка, определение языка — в истории языкознания решался по-разному. Так, например, термин *язык* в античных грамматиках или средневековых трактатах — это совсем не то же самое, что *язык* в понимании языковедов XIX в. А термин Ф.де Соссюра *la langue* отнюдь нельзя

приравнивать по значению к термину *язык*, скажем, у Фортунатова или какого-либо другого автора. То, что в обиходном употреблении обозначается термином *язык*, у Ф. де Соссюра передается совокупностью трех терминов, обозначающих три расчлененных понятия: *la langue—la parole—la langage* {язык—речь—речевая деятельность). Или термин *речь*. В старом русском употреблении (в грамматическом описании) *речь* совершенно неэквивалентна современному употреблению (ср. следы прежнего значения в обороте *родная речь*, т.е. *родной язык*) [см., например, 2; 4; 5; 8; 15; 17; 23; 24; 30; 32; 34].

Неодинаков не только объем тех или иных понятий в истории языковедческой мысли, но нередко и их предметное содержание, которое придается терминам, обозначающим эти понятия в том или ином сочетании.

Понятия и терминологические названия подчас оказываются весьма многозначными при употреблении их различными научными школами даже одного и того же периода, одного и того же этапа развития науки о языке.

Развитие языкознания как науки — и это можно проследить на примере развития наиболее значительных идей — носит интернациональный характер. Научное творчество не является привилегией отдельных наций. Подчеркивая интернациональный характер развития научных знаний, история языкознания должна стремиться показать, каким является вклад отдельных народов, отдельных ученых в ее развитие.

История языкознания как самостоятельная научная область в системе знаний имеет целый ряд своих теоретических проблем. Часть их может быть отнесена и к другим наукам, остальные специфичны только для нее.

Среди фундаментальных теоретических проблем истории языкознания можно указать следующие.

1. Установление методологических основ истории языкознания. Определение места истории языкознания как науки в системе знаний.

2. Определение предмета и задач истории языкознания.

3. Определение основных понятий, с которыми приходится встречаться при изучении развития языкознания.

4. Установление взаимосвязей языкознания с другими науками, прежде всего с философией.

5. Разработка основных принципов периодизации истории языкознания.

6. Установление внутренней логики развития языкознания.

Исследуя вопросы развития языковедческой науки, история языкознания исходит из того, как решаются важнейшие вопросы теории языка, например: 1) проблема языка как объекта и предмета языкознания; природа языка; определение языка; 2) проблема вза-

и соотношения языка и мышления; 3) проблема методов и процедур лингвистического анализа; 4) характер исследования конкретных языковых фактов; трактовка лингвистических единиц; 5) проблема строения языкознания [см., например, 29; 43; 46; 56].

Все эти проблемы история языкознания рассматривает не только в плане общей постановки, но и конкретно, в процессе их исторического развития, суммируя полученные научные знания.

Систематизация научных теорий особенно нужна тогда, когда в теории науки делаются новые шаги, позволяющие по-иному оценить прежние достижения.

Историческое изучение развития лингвистической мысли необходимо для общелингвистических исследований, так как ориентирует ученых в методах анализа языковых фактов и языковых процессов, в принципах исследования механизма функционирования языка, подчеркивает преемственность разработки основных проблем языкознания. История языкознания объясняет истоки различий в подходе к объяснению языковых явлений.

Анализируя сферу научного познания, можно выделить ряд таких основных вопросов, как: 1) сущность научного познания; 2) источники научного познания; 3) общие пути научного познания; 4) законы развития научного познания; 5) инструменты научного познания; 6) типы научных теорий; 7) влияние различных философских концепций на развитие эмпирии научного исследования.

Перечень проблем, принадлежащих истории языкознания как части общей лингвистики, показывает, что история языкознания тесно связана с конкретным науковедением и философией научного знания, с изучением диалектики мышления.

Фундаментальные научные открытия показывают, как протекает процесс научного познания и использования выводов науки для целей практики. Здесь в принципе можно выделить два основных этапа: 1) открытие того или иного фундаментального общего закона и 2) познание механизма действия этого закона, дальнейшее объяснение его природы и влияние полученного знания на исследовательскую эмпирию и практическую деятельность людей.

Эти два этапа по большей части разделены временем. Второй, как правило, отстает от первого.

История языкознания подтверждает общие законы развития научной мысли и в этом качестве является не только частью общей лингвистики, но и частью науковедения в философии науки.

II. Вопросы систематизации научных направлений в истории языкознания

Научный анализ должен основываться на объективном теоретическом осмыслении и обобщении всего известного в данный

момент и доступного наблюдению фактического материала. При этом метод анализа (способ описания) должен соответствовать природе и специфике объекта исследования.

История языкознания, как и история любой другой науки, в соответствии со своими задачами оперирует особыми единицами описания. Эти единицы описания есть научные теории, т.е. комплексы понятий, в которых обнаруживается определенная системность, обусловленная исходными посылками и логикой развития теоретического знания.

Такие единицы в истории конкретной науки имеют свои названия: *школа, направление, научная традиция, этап в развитии науки*. Каждый из этих терминов отмечает научную теорию или совокупность научных теорий, обладающих определенной содержательной близостью [см. 16; 28].

Систематизация теорий в истории конкретной науки подчиняется особенностям содержания самих теорий. Конечно, биографии ученых, история создания их работ, библиографические материалы, социальные условия становления науки и ее разных областей — это тоже источники, которыми пользуется история конкретной науки, но они не входят в содержание систематизации научных теорий, являются внешними по отношению к ней факторами.

В плане истории науки систематизация нередко выступает как периодизация научного процесса. Но построение периодизации научного процесса связано с пониманием основных категорий языкознания [см. 9; 13; 18; 22; 23; 26; 47].

Чтобы определить предмет языкознания, полезно кратко коснуться того, как функционирует язык, когда возникает потребность в языкознании и формируются условия для становления языковых описаний.

Общеизвестно, что языкознание начинается с того времени, когда уже существует развитая письменная традиция, когда есть относительно развитый письменный язык, когда имеется потребность в толковании письменных текстов, нормировании языка, формализации взаимосвязи письменного текста с устной речью.

Предмет лингвистики возникает тогда, когда естественный звуковой язык и письменный (искусственный) язык вступают в особый контакт, т.е. тогда, когда появляется письменная речь, где звуковой язык получает искусственное графическое изображение. В письменной речи впервые отображается соответствие последовательностей графических изображений последовательностям звучащей речи. Графическая запись звучащей речи и правила чтения записанного составляют основу для построения предмета лингвистики [см. 18; 22; 34].

Возрастание цивилизованного общества, увеличение словарного состава языка вызывают необходимость формулировать за-

коны создания письменной речи. Это приводит к появлению специального предмета — описания нормативов речи, как таковой, с тем чтобы, руководствуясь этими нормативами, можно было воссоздавать на письме не только известное нам слово, но и неизвестное; не только известное нам предложение, но и неизвестное, не только известное нам выражение, но и неизвестное. Причем создавать так, чтобы любой человек, осведомленный в искусстве письменной речи, мог бы легко прочесть, понять и усвоить содержание написанного. Эта принципиально новая задача, поставленная перед обществом развитием цивилизации, и приводит к формированию собственно предмета лингвистики, целью которого является описание общих законов построения и порождения речи.

Из изложенного становится понятным, почему мы сталкиваемся с разными лингвистическими традициями. Их различие определяется прежде всего формой письменного языка, его алфавитом (под *алфавитом* в широком смысле слова понимаем любой перечень знаков, например, перечень знаков, применяемых в египетской или китайской иероглифике). Форма описания зависит от количества знаков в алфавите языка. Предмет лингвистики, как показывает история языкознания, в разных культурных ареалах формируется на базе определенных теоретических допущений. Эти допущения, как увидим, зависят от характера связи устной и письменной речи.

Разные этапы в развитии лингвистики связаны и с характером прикладных задач языкознания. Свои прикладные задачи языкознание, как и другие общественные науки, решает путем формирования и изменения языковой деятельности, прежде всего путем воздействия на обучение языку.

Для установления самых общих единиц классификации теорий языкознания — этапов в развитии языкознания — надо исследовать отношения между теорией языка и общественно-языковой практикой.

Современное языкознание есть сложное образование. Оно включает в себя 1) описания систем языков и 2) обобщение данных, полученных в результате таких описаний.

В соответствии с этим языкознание, рассматриваемое с исторической точки зрения, формирует свой объект и строит свою теорию как бы в два этапа. Первый этап можно назвать **этапом грамматического искусства** (*ars grammatica*), которое в различных модификациях и с различными теоретическими наращиваниями представлено в античных и средневековых учениях, и второй этап — это этап **лингвистической** (грамматической) **науки** (*scientia grammatica*), которая начинается с универсальной грамматики, представленной в ее классическом виде, — «Граматики Пор-Рояль».

Грамматическое искусство¹ возникает в античных культурных ареалах и существует как вид описания языковой системы (в рамках античных грамматических учений). Античное грамматическое учение может быть шире, чем грамматическое искусство (как, например, в греко-латинском культурном ареале), включая в себя некоторые общие суждения о языке, его природе, характере членения, закономерностях построения, т.е. то, что позже войдет в предмет лингвистической науки.

Грамматическое искусство и лингвистическая наука отличаются друг от друга и по отношению к системам языков. Это разделение связано с отношением к так называемой *грамматической правильности*.

Грамматическая правильность — это понятие, характерное только для грамматического искусства (см. последний раздел главы 1). Грамматическая правильность дополняет так называемую **истинность описания** системы языка.

Истинность описания означает, во-первых, его соответствие объекту в пределах тех свойств, которые рассматриваются, и, во-вторых, его логическую непротиворечивость.

Система языка, понимаемая как идеализированный инвариант, существует физически (как совокупность реализованных вариантов) и нефизически (как норматив деятельности, как совокупность правил и алгоритм их применения).

В соответствии с культурно-историческим взглядом на язык описание систем языка есть форма существования этих систем [см. 30].

Научное языкознание, возникшее уже в Новое время, начинается с того, что стремится объяснить рациональным образом законы построения языка. Так рождаются разные научные системы, объясняющие строение языка через сравнительное наблюдение различных языковых систем: универсальная грамматика, сравнительно-историческое языкознание, типология языков, структуральная теория языка.

Каждая теория объясняет строение языка как строение объективной данности, не нормируя язык и не внося в него свода правил. Однако результаты научных исследований находят отражение в общественно-языковой практике. Школьные грамматики и словари исходят из данных науки, а правила функционирования языка даются через школьное обучение. Тем самым грамматическая правильность выступает как некая научная модель языка. Предлагая модели языка, наука разрабатывает принципы грамматической правильности. Эти принципы используются в школьной практике.

¹ Термин *искусство* используется здесь и далее в значении, соответствующем употреблению лат. *ars* применительно к отраслям знаний, связанных с интеллектуально-духовной деятельностью, в противоположность техническим знаниям и ремеслам.

III. Некоторые вопросы построения истории языкознания

Этапы развития языкознания не зависят от национальных границ, но протекают в определенных национальных рамках. Те или иные национальные границы, в которых развивается наука о языке, принято называть *лингвистическими традициями*. Теснейшим образом это понятие связывается с конкретной разновидностью нормирования языков, с национальным характером развития лингвистических исследований в разных культурных ареалах.

Так, например, при нормировании языка в русской традиции принято уделять большее место разработке грамматики, нежели лексикографии, тогда как английский или китайский язык нормирован в большей мере или преимущественно лексикографически [см., например, 3; 4].

Лингвистическая традиция в истории языкознания определяется по конкретным региональным особенностям связи между общественно-языковой практикой и теорией языка. Главные различия в лингвистических традициях начинаются с грамматического искусства.

В истории цивилизации были созданы три важнейшие традиции — китайская, индийская и греко-латинская (или средиземноморская). Они возникают примерно в одно время.

Китайская грамматическая традиция формируется на основе иероглифической письменности. Поэтому первые грамматические сочинения в Китае формулируют отдельно правила создания знаков письменной речи — иероглифов и правила чтения (произнесения) иероглифов, т.е. правила порождения письменной речи и правила порождения устной речи. Это объясняется тем, что в основу иероглифики положено представление о целом слого, а целый слог в китайском языке соотнесен с мельчайшим элементом смысла, поэтому иероглиф записывает слово через смысл. Композиция знаков для записи смысла слов может не зависеть от композиции знаков для записи звучащей речи. Однако определенная связь между записью смысла и записью звучания в китайской иероглифике все же существует.

Индийская и греко-латинская грамматические традиции могут быть представлены в виде двух ветвей более широкой традиции, которая дтроеится на базе письменности, где в основании лежит звуко-буквенный алфавит. Базу звуко-буквенного алфавита составляет представление о звуке речи вне зависимости от его смысла. В этой традиции невозможно формировать правила порождения графических знаков в отрыве от правил порождения звуков. Именно поэтому в данной традиции соотнесение звука и графического знака таково, что звуки и графические знаки в ней рассматриваются как некая единая сущность. При этом могут иметь

место два способа рассмотрения. Один заключается в том, что за основу нормирования берется графический знак, посредством которого формулируется правильное произношение. При другом способе за основу берется звучание, исходя из которого формируется правильный графический знак.

Там, где движение идет от графического знака к звучанию, мы имеем дело с **индийской** традицией. Индийская традиция формулирует прежде всего систему графических знаков. Эта система далее рассматривается в правилах их комбинаций, и все это служит для того, чтобы обеспечить правильное «озвучивание» письменных (канонических) текстов.

В **греко-латинской** традиции античного Средиземноморья, отличающейся многообразием как алфавитов, развившихся, по-видимому, из общего источника [см. 37], так и культурных языков, проблема должна была ставиться совершенно иначе. Здесь важно движение от звучания к графическому знаку, т. е. сначала необходимо было установить, какие правила изменения и создания новых слов имеют место в плане звучания, а затем соотнести их с правилами порождения графических знаков.

Три традиции, описанные нами, по-видимому, исчерпывают возможности самой проблемы формирования общих правил письменного языка.

Если звук и смысл при создании письменного языка не соотнесены друг с другом, то можно изложить их отдельно, как это и сделали китайцы.

Если они соединены (звуко-буквенное письмо), то можно двигаться либо от знака к звуку (санскритская грамматика Панини), либо от звука к письменному знаку (александрийская грамматика древнегреческого языка).

Предметом грамматической науки является описание не одного, а многих (практически всех) языков, но не с целью их нормирования, как это имеет место в античной грамматике или в грамматиках национальных языков Европы, а с целью объективного воспроизведения их *общих* и *специфических* черт (что, в свою очередь, в обобщенном и преломленном виде может служить основой нормирования).

В предмет истории лингвистической (грамматической — в ином понимании) науки входит прежде всего знакомство с «мудростью древних», обобщение опыта и результатов разных грамматических искусств и шире — грамматических теорий Античности и Средневековья.

Новая наука (наука в современном ее понимании) родилась в Европе. Лингвистика как научное образование также возникла в Европе. Но международный, глобальный характер науки, как таковой, делает ее способ рассуждений и исследования мировым достоянием. Поэтому применительно к лингвистике следует гово-

речь не столько о национальных грамматических традициях, сколько о научных традициях, направлениях, школах, имеющих мировое значение.

Понятие научной школы надо отличать и от понятия школы в Античности (школы философии), и от понятия школы как системы обучения.

Античные школы философии представляли собой собрания людей, где осуществлялась совокупная научно-учебная деятельность. С образованием профессиональной науки преподавание отделяется от исследования. Школа занимается только обучением, наука же — исследованиями. Рассматривая сочинения античных авторов, можно увидеть то же различие. В Античности сочинение одновременно является и средством исследования, и предметом обучения. С возникновением и становлением науки научные сочинения отделяются от учебных. Учебные тексты были средством распространения знаний, полученных в ходе научных и практических изысканий.

Применительно к истории языкознания это значит следующее: античные школы (философии и грамматики) создавали сочинения, в которых излагались основы правильной речи. Эти же сочинения использовались для обучения и нормирования языка.

С созданием науки о языке школьная грамматика как учебный предмет отделяется от научной лингвистики. Школьная грамматика служит практике обучения языку и практике нормирования речи, научные же сочинения не имеют непосредственного отношения к обучению, но влияют на школьную грамматику, внося в нее те или иные уточнения и изменения.

Указанное разделение со всей очевидностью отражено в содержании текстов и терминологии. Античные сочинения вводят основные понятия описания языка: «звук речи», «слово», «предложение», «часть речи», «падеж», «лицо», «число» и т.п. Эти понятия являются отправными для школьной грамматики. Именно они служат основой при обучении языку. Научные же сочинения оперируют иными терминами: «звуковой закон», «грамматическое соответствие», «этимология», «язык-основа», «языковой тип» и т.п. Таким образом, основные черты античного грамматического искусства переходят в школьную грамматику и лишь корректируются средствами науки. Наука же создает новый, более высокий уровень понятий. Вот почему история языкознания, производя систематизацию идей, обычно опускает историю школьной грамматики, считая, что основное теоретическое содержание школьной грамматики уже изложено в Античности.

Понятия *этапа* истории языкознания, лингвистического *направления*, лингвистической *школы* и т.п. могут быть рассмотрены с двух точек зрения: 1) с точки зрения описания языковых систем (внутреннее рассмотрение) и 2) с точки зрения соответствия

этих описаний общественно-языковой практике (внешнее рассмотрение).

Исследуя, например, то, как научные школы описывают языковые системы, можно установить не только характер той или иной школы, но и причины ее появления. Дело в том, что разновидность модели, как правило, связана с методом моделирования, предложенным в философии или в смежной позитивной науке либо в смежной науке и в философии одновременно. Это утверждение полностью справедливо в отношении собственно лингвистической науки, так как она сама по себе есть модель общей теории языка.

При внешнем рассмотрении истории языкознания можно объяснить причины появления того или иного этапа, но невозможно понять причин возникновения той или иной лингвистической (научной) школы. При внешнем рассмотрении важно соответствие общественно-языковой практики и теории языка. Общественно-языковая практика представляет собой сочетание материала языка и правил обращения с ним. Материал языка дает определенный спектр возможностей для обращения с ним. Этот спектр возможностей реализуется в правилах, данных различными нормативными моделями общественно-языковой практики. Так, например, унификация графем при книгопечатании делает ненужной систему каллиграфии, но зато предъявляет требования к орфо-эпической унификации языка и т. п.

Научные теории зависят от самого языкового материала. Поэтому деление лингвистики на этапы в соответствии с развитием знания опирается на конкретные отношения общественно-языковой практики и теории языка.

История языкознания показывает, что картина языка, моделируемая лингвистикой, может создаваться исходя из разных отправных положений, разного эмпирического материала и может иметь разные сферы использования. В зависимости от этого будет меняться тип изображения языка, т. е. **тип языковой теории**.

Появление новых типов языковой теории знаменует образование новых этапов в развитии науки и отмечает появление новых частных предметов исследования языка внутри лингвистики.

В соответствии с этим можно наметить следующие этапы в истории языкознания, которые дадут общую картину периодизации развития лингвистического мышления.

1. Теория именования в античной философии языка, устанавливающая правила именования и возникающая в рамках философской систематики.

Теория именования не содержит специализированного знания о языке, поэтому она не входит в корпус языкознания, но ее рассмотрение важно для понимания становления предмета языкознания и ряда особенностей его развития, прослеживаемых историей языкознания.

2. Античные грамматические традиции, представленные античными и средневековыми грамматиками Запада и Востока.

На данном этапе возникает грамматическая теория, дающая систематику языка прежде всего через установление лингвистических отношений между именами (и отчасти другими единицами языка) и формулирующая правила обращения с языком.

3. Универсальная грамматика, вскрывающая общность систем языков и открывающая собой языкознание Нового времени (первый этап научного языкознания).

4. Сравнительное языкознание, которое включает в себя три области: 1) сравнительно-историческое языкознание, занимающееся исследованием генетических языковых общностей; 2) сравнительно-типологическое языкознание, занимающееся изучением типов языковой структуры независимо от культурно-исторической принадлежности языков; 3) теоретическое языкознание, формирующее философию языка внутри лингвистики и дающее начало теории общего языкознания, занимающегося общелингвистической систематикой на базе описательных и сравнительных исследований.

5. Системное языкознание, формулирующее в своем разделе философии языка концепции психолингвистики и социолингвистики.

6. Структурная лингвистика, которая: 1) исследует внутреннюю организацию языка, устанавливает отношения между языком и другими знаковыми системами; 2) формулирует теорию лингвистических методов и методик, дает основания для лингвистического моделирования.

Описание истории языкознания под углом зрения того, как картина языка, данная лингвистикой, отражает эмпирический материал и культурное состояние общества, по необходимости должно строиться с опорой на такие категории, как: *этап в развитии науки, научное направление, научное течение, научная школа, научная система* и т.д., которые являются отражением основных ступеней поступательного движения лингвистической науки.

Литература

1. Бодуэн де Куртенэ И.Л. Избранные труды по общему языкознанию. — М., 1963. — Т. 1.
2. Веселовский А. Н. Историческая поэтика. — М., 1968.
3. Виноградов В. В. Из истории изучения русского синтаксиса. — М., 1958.
4. Виноградов В. В. Современный русский язык: Введение в грамматическое учение о слове. — М., 1938. — Вып. 1.
5. Винокур Г. О. Культура языка: Очерки лингвистической технологии. — М., 1925.
6. Волошинов В. Н. Марксизм и философия языка. — Л., 1929.

7. Вопросы культуры речи / Под ред. С.М.Ожегова. — М., 1955.
8. *Ельмслев Л.* Прологомены к теории языка // Новое в лингвистике. — М., 1960. - Вып. I.
9. *Звегинцев В.А.* История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях. — М., 1965. — Ч. I.
10. *КасаресХ.* Введение в современную лексикографию. — М., 1958.
11. *Катагощина И.А.* Некоторые вопросы построения курса истории французского языка // Учен. зап. 1-го МГПИИЯ. — М., 1953. — Т. 5.
12. *Конрад И. И.* Запад и Восток. — М., 1966.
13. *Косериу Э.* Синхрония, диахрония и история // Новое в лингвистике. - М., 1963.-Вып. III.
14. *Леонтьев А.А.* Общелингвистические взгляды И.А. Бодуэна де Куртене: Дис.... канд. филол. наук. — М., 1963.
15. *Ломоносов М. В.* Российская грамматика // Поли. собр. соч.: В 17т.— М.;Л., 1952.-Т. 7.
16. *Макаев Э.А.* Курс лекций по истории языкознания (стенограмма). — М.: 1-й МГПИИЯ, 1953.
17. *Марр И.Я.* Избранные работы. — М.; Л., 1933-1937. - Т. 1-5.
18. *Мартине А.* Основы общей лингвистики // Новое в лингвистике. — М., 1963. - Вып. III.
19. *МейеА.* Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. - М.; Л., 1938.
20. *МейеА.* Сравнительный метод в историческом языкознании. — М., 1954.
21. Общее языкознание: В 3 т. / Под ред. Б.А.Серебренникова. — М., 1970— 1973. — Т. 1: Формы существования, функции, история языка. — М., 1970; Т. 2: Внутренняя структура языка. — М., 1972; Т.3: Методы лингвистических исследований. — М., 1973.
22. *Пауль Г.* Принципы истории языка. — М., 1960.
23. *Пешковский А.М.* Русский синтаксис в научном освещении. — 7-е изд. - М., 1956.
25. *ПотебняА.А.* Из записок по русской грамматике. — М.;Л., 1941. — Т. 4.
24. *ПотебняА.А.* Мысль и язык. — 3-е изд. — Харьков, 1913.
26. *Реформатский А.А.* Введение в языковедение. — М., 1967.
27. *Рождественский Ю. В.* Семиотика и лингвистика // Научный симпозиум «Семиотические проблемы языков науки, терминологии и информатики». — М., 1971. — Ч. I.
28. *Рождественский Ю.В.* Теория языка и проблема существования языка // Семиотика и восточные языки. — М., 1967.
29. Семиотика и искусствоведение. — М., 1972.
30. *Смирницкий А. И.* Объективность существования языка. — М., 1954.
31. *Смирницкий А. И.* Сравнительно-исторический метод и определение языкового родства. — М., 1955.
32. *Соссюр Ф. де.* Курс общей лингвистики. — М., 1933.
33. *Томсен В.* История языковедения до конца XIX в. — М., 1938.
34. *Фортуатов Ф. Ф.* Избранные труды. — М., 1956— 1957. — Т. 1—2.
35. *Хомский Н.* Синтаксические структуры // Новое в лингвистике. — М., 1962. - Вып. II.

36. Шаумян С. К. Структурная лингвистика. — М., 1965.
37. Юшманов Н. В. Ключ к латинским письменностям земного шара. — М.; Л., 1941.
38. Arens H. Sprachwissenschaft. Der Gang ihrer Entwicklung von der Antike bis zur Gegenwart. — München, 1955.
39. Bloomfield M. W., Newmark L. D. A Linguistic Introduction to the History of English. — N. Y., 1963.
40. Cassirer E. The Philosophy of Symbolic Forms. — New Haven, 1953.
41. Dinneen F. P. An Introduction to General Linguistics. — N. Y.; L., 1967.
42. Frangois A. La grammaire du purisme et l'Academie francaise au XVIIIe siecle. — Paris, 1905.
43. Hie M. Trends in Linguistics / Transl. by M. Heppell. — L.; The Hague; Paris, 1965.
44. Jeep L. Zur Geschichte der Lehre von den Redetheilen bei den lateinischen Grammatikern. — Leipzig, 1893.
45. Jellinek M. H. Geschichte der neuhochdeutschen Grammatik von den Anfängen bis auf Adelung. 1—2. — Heidelberg, 1913—1914.
46. Livet Ch. L. La grammaire francaise et les grammairiens du XVIe siecle. — Paris, 1859.
47. Pedersen H. Linguistic Science in the Nineteenth Century / Transl. by J. W. Spargo. — Cambridge, 1931; Bloomington, 1959.
48. Robins R. H. Noun and Verb in Universal Grammar // Language. — 1952. — Vol. 28.
49. Steinthal H. Geschichte der Sprachwissenschaft bei den Griechen und Romern. — Berlin, 1963.
50. Trabalza C. Storia della grammatica italiana. — Milano, 1908.
51. Trabalza C. Il concetto della grammatica. — Citta di Castello, 1912.
52. Vachek J. A Prague School Reader in Linguistics: Studies in the History and Theory of Linguistics. — Bloomington, 1964.
53. Waterman J. T. Perspectives in Linguistics. — Chicago, 1963.
54. Wittgenstein L. Philosophical Investigations / Transl. by G. E. M. Anscombe. — N. Y.; Oxford, 1953.

ГЛАВА 1

ТЕОРИЯ ЯЗЫКА В АНТИЧНОСТИ

Вводные замечания.

- I. Теория именованья.
 - /. *Общие сведения.*
 2. *Идеи о языке в диалоге Платона «Кратил».*
- II. Становление грамматического искусства как начало построения лингвистических описаний.
 1. *Общие сведения.*
 2. *Китайское грамматическое учение.*
 3. *Индийское грамматическое учение. Панини.*
 4. *Греко-латинское (средиземноморское) грамматическое учение.*
- III. Некоторые выводы. Античное языкознание и проблема правильности литературной речи (грамматической правильности).

Вводные замечания

Слово *античность* может быть понято и понимается различным образом. В западной историографии, в том числе европейской, а точнее говоря, вне востоковедения слово *античность* чаще всего обозначает мир греко-латинской цивилизации. В востоковедении это слово склонны употреблять в более широком смысле — как культуру, формирующуюся при становлении цивилизации. Отсюда можно говорить о китайской, индийской, переднеазиатской, средиземноморской античности [см. 2].

Во втором, широком смысле слова под античностью понимается время становления письменностей, создания письменных памятников, определяющих основные региональные черты первых цивилизаций [см. 9; 10, 72], время формирования отдельных видов искусств — музыки, живописи, танца, архитектуры, скульптуры и т.п.; время образования государств и социально-классовой дифференциации обществ; время профессионального разделения труда; время формирования идеологий, характерной особенностью которых являются этические системы, кодифицирующие внеродовые и внеплеменные отношения людей; время создания античной философии и религии.

Концом античности в духовной культуре можно считать перенос античных цивилизаций на другую почву (например, распространение христианства на Северную и Восточную Европу, распространение буддизма в Китае и т.п.), после чего начинается время средней истории культуры. Ясно, что хронологические рамки такого деления (как абсолютные, так и относительные) очень подвижны. Однако несомненно и другое: различия этих этапов в истории мировой культуры никто как будто не отрицает.

Суть античных теорий языка состоит в том, что они дают правила пользования языком, созданным как результат ранее проведенного именованя вещей, определяющего построение человеческого языка. Такие правила называются **грамматическим искусством** или **искусством письма**.

В античной теории языка представлены достаточно самостоятельно две области: **теория именованй** и **грамматическое искусство**. Они различаются как предметом описания, так и методом обращения с материалом.

Область теории именованй принадлежит к античной философии, интересующейся природой языка [см. 2]. Рассуждения о природе языка отделяются от грамматического искусства и сводятся к тому, что производится самая общая классификация по реалиям, обозначаемым словами. Так, в любой традиции выделяются имена, называющие признаки вещей (в том числе и действий). И этот принцип может быть развит до выделения семантических родо-видовых отношений между именами и образования на этой основе силлогистики как системы суждений, правильность которых может утверждаться без обращения к опыту. Однако такое развитие философии языка необязательно присуще всем традициям или присуще разным традициям в разной степени.

Ввиду сказанного обе эти области античной теории языка следует рассмотреть отдельно.

I. Теория именованй

1. Общие сведения

Античная философия в теории именованй дает краткую систематизацию правил построения языка, созданных еще в мифологии. Теория именованй — одна из самых важных частей в античной философии. При этом следует отметить, что в любой культурной традиции (китайской, индийской или греко-латинской) теория именованй в принципе одна и та же как по своему назначению, так и по своим результатам. Если грамматическое искусство в разных традициях сильно различается, то смысл теории именованй, напротив, однороден. Можно думать, что единство теор-

рии именованья в какой-то мере вызвано структурным сходством разных мифологий.

Общий смысл теории именованья — «орудийность» имени: слово, именуя вещь, является орудием, с помощью которого в деятельности людей возникает именованная словом вещь. Конфуций кратко формулирует этот принцип так: «Если имя дано неверно, то речь не повинуется, если речь не повинуется, то дело не может быть сделано. Если же имя дано верно, то и речь повинуется, если речь повинуется, то и дело сделается» [18, 283]. Эта краткая формула является основой развернутой философии именованья, содержание которой удобнее всего изложить, раскрыв следующие три понятия: *имя*, *речь*, *дело*. Смысл этих слов в русском языке (как и в других современных языках) отличен от того, который был в древности в китайском.

Имя понималось не только как условное название предмета или человека, но и как то, что содержит в себе правила обращения с именуемой вещью или объяснение поведения именуемого объекта. Грубо говоря, если именуется человек, то он должен вести себя в соответствии со своим именем, но одновременно само имя отображает какие-то свойства внешности, психики, характера, навыков деятельности или профессии именуемого. То же справедливо и в отношении вещей, имя которых выражает их существенные свойства, отображает их поведение и дает правила обращения с ними. Приближенным примером такого имени могут служить в современных языках *прозвища* (ср., например: гоголевское *заплатанный* в применении к Плюшкину; в этом слове одновременно даны как свойства его внешности и характера, так и отношение к нему и обращение с ним его мужиков).

Слово *речь* в современных языках обозначает процесс говорения, но в Античности процесс говорения был связан прямой ассоциацией, во-первых, с процессом абстрактного суждения, во-вторых, с фактом поведения, и, что самое главное, речь обнаруживала намерение совершить действие или указывала прямо на переход к действию. *Речь* всегда есть что-то, что имеет несколько принудительный для слушающего и абстрактно-мыслительный для говорящего смысл.

Вот почему слова *имя* и *речь* не могут произноситься произвольно, так как они всегда вызывают к жизни то или иное действие или отношение одних вещей к другим, одних людей к другим или вещей к людям. Словесная магия, свойственная мифологическому мышлению, облакает эти слова смыслом активного действующего начала. (Ср.: начало Евангелия от Иоанна: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог» (1:1), где *Слово* лежит в основе становления мира как целого.)

Исходя из этого, смысл слова *дело* есть прежде всего само действие с реальным или воображенным предметом. Это дей-

ствование всегда имеет тот или иной результат, некоторое становление чего-то или всего сущего. Это ставшее сущее может касаться всего: ремесел, сакральной деятельности, административной деятельности, деятельности познавательной, отношения людей к природе и между собой. Отсюда видно, что слово есть ведущее начало, образующее разумное вообще: и в смысле мирового разума («всемирного ума», или логоса), и в смысле разумности отдельного человека. Разумность человека, рожденная от слова, постигающего мир и объясняющего этот мир человеку, позволяет приобрести разного рода познания по хозяйству и технике, по космогонии и астрологии, по землеведению, сакральному поведению и этике. Эти познания лежат в основе деятельности людей, образуют из людей общество, т.е. общность людей, связанных между собой отношениями родства и социальной иерархии, с одной стороны, и производственных процессов — с другой.

Вот почему слово, будучи всеобъединяющим началом, требует к себе особенно внимательного отношения. Слово нужно правильно создавать и применять, так как в противном случае нарушится порядок в обществе. Поэтому слово (имя и речь) должно быть верным по- существу и исходить из принципа, именуемого по- китайски «ли» [см. 18, 7— <Ш (Луньюй)]. *Ли* означает Любое правило; правила поведения, этикета, церемониала, а также всякое правильное и разумное начало в любой конкретной деятельности. Исполнение *ли* означает верное поведение, правильность поступков и справедливость решений. Само *ли* является воплощением справедливости и правильности, т.е. человеческого совершенства.

Таким образом, смысл теории именовании состоит в том, чтобы уметь устанавливать гармоническую целесообразность общества и мировой порядок одновременно.

Описанные здесь общие черты конфуцианской философии являются общими и для древнеиндийской и греческой философии, которые в иных терминах, но примерно с тем же смыслом устанавливали миротворческую роль слова в гносеологии, этике и производстве, т.е. в равной мере придерживались идеи логоса [см., например, 2].

Так, Патанаджали, индийский филолог начала нашей эры, писал:

Является ли слово «до» тем, что составляет объект (т.е. животное) с подгрудком, хвостом, холкой, копытами и рогами? Нет, отвечает грамматик, это на самом деле «дравья», т.е. объект.

Ну, а тогда является ли слово «до» тем, что составляет понятие кивания, движения, моргания? Нет, отвечает грамматик, это только действие.

¹ Здесь и далее в настоящем издании крупные цитаты в отличие от небольших, содержащихся внутри текста, даны мелким шрифтом и **без кавычек**. — *Примеч. ред.*

Ну, а тогда, может быть, то, что составляет понятие белого, или голубоватого, или серого, или бурого, и есть это слово? Нет, отвечает грамматик, это на самом деле качество.

Ну, тогда слово — это тот общий признак, который остается нетронутым, в то время как вещи разрушаются, или то, что остается целым, хотя предметы делятся на части? Нет, говорит грамматик, это [неразрушаемое] в действительности родовое понятие или общая форма.

Но что же такое слово «до»? Слово «до» — это то, что, будучи произнесенным, рождает знание объекта с подгрудком, хвостом, холкой, копытами и рогами, или, иначе говоря, слово — это тот звук, благодаря которому возникает знание о предметах действительности [цит. по: 7, 52].

Именно в силу этого брахман, как замечает Патанаджали, не должен произносить неправильных слов. Человек, который в своих делах употребляет слова в правильном значении, будучи сведущим в тонких оттенках смысла, всегда побеждает в последующем мире [см. 7, 53].

Проблема правильности имен становится одной из ведущих и в средневековой философии, где она занимает пограничное положение между средневековой гносеологией и грамматикой и является фундаментом, на основании которого вырабатываются принципы грамматического описания.

Из изложенного явствует, что практическим центром теории именованных было умение дать правильное имя. С этой точки зрения исключительно важен диалог Платона «Кратил» [см. 15]. Это уникальное сочинение не только рассматривает правильность имен как предписание общего порядка, но и раскрывает методы создания правильных имен и делает это путем объективного анализа самой ситуации именованных. Вот почему «Кратил» всегда входит в любой курс истории языкознания, хотя теория именованных и не относится прямо к предмету языкознания.

Но прежде чем описать текст диалога «Кратил», целесообразно привести одно место из диалога Платона «Филеб», в котором описывается создание письменного языка:

Некий бог или божественный человек — в Египте говорят, что это был некто Тевт, — впервые усмотрел, что в неопределенном многообразии звуков голоса гласные составляют не единство, а множество, и другие буквы, причастные не к голосу, но к некоему звучанию, в свою очередь, имеются в некоем числе; он отделил и третий вид букв, те, которые мы теперь называем безгласными. После этого он произвел разделение безгласных беззвучных, пока не дошел до каждой буквы в отдельности; таким же образом он поступил с гласными и средними, и наконец, получив их число, наименовал каждую в отдельности и все вместе стойхейон (т.е. стихии. — Ю.Р.). Увидев же, что никто из нас не мог бы научиться даже одной из них самой по себе, независимо от всех

остальных, он, вновь исчислив связующее их отношение и найдя его единым и неким образом приводящим все буквы к единству, назначил и единое искусство, которое нарек грамматическим [цит. по: 1, 59].

Мы привели эту цитату, желая показать характерную особенность диалогов Платона. Перед нами описание работы фонолога. Фонолог разбирает «стихии» звучащей речи, двигаясь по иерархии от классов звуков к элементам этих классов. Затем составляет алфавит звуков, давая каждому из этих звуков название: словесное или в виде буквенного символа. Далее звуки, составляющие алфавит, сводятся в систему, где каждый с каждым связан прямо или опосредованно. Такая система и есть описание языка на фонологическом уровне. Таким образом, текст, содержащий мифологические образы, точно фиксирует принцип лингвистической систематики. С точки зрения описания фонологической процедуры текст абсолютно достоверен.

Вместе с тем с точки зрения реальной истории событий, приведших к образованию письменности и работе фонологов, текст, по сути дела, есть миф, т.е. полная недостоверность. Известно, что греческий алфавит, как и всякий (или почти всякий) алфавит Средиземноморья, развивается из египетской иероглифики. Деление речи на «стихии», по крайней мере в этом ареале культуры, происходит только через посредство совершенствования идеографической письменности, путем разделения идеограмм на детерминативы и фонетические знаки. Причем многие фонетические знаки могут передавать более чем один звук (одну «стихию»). Лишь путем переноса принципов письма с египетского на другие языки появляется система собственно фонетических знаков — букв алфавита. Таким образом, картина реальной истории искажена.

Преднамеренность такого искажения видна хотя бы из того, что Платон не мог не знать того факта, что есть разные системы письма, используемые разными народами Средиземноморья. В тексте есть даже намек на египетский источник письменности: «Некий бог или божественный человек — в Египте говорят, что это был некто Тевт...».

Таким образом, в тексте диалога представлены две стороны: функциональная и, так сказать, «историческая». С «исторической» точки зрения картина искажается, ибо Платону важна не история становления деятельности определенного вида, не реальные факты этого становления, а структура деятельности, как таковая. (Это типичное синхроническое описание, при котором важна не история объекта, а важна только его структура.) Историко-мифологическая окраска не более как методический прием, прием, преследующий определенную цель — удобство усвоения. С чисто функциональной точки зрения пересказ Платоном мифа о происхождении письменности есть своеобразная фиксация структуры деятельности. Описанию структуры деятельности — очень точному и

экономному — придан эстетический характер сказки. Рассказ о некоей бывальщине имеет целью строгую фиксацию правил деятельности. Отрывок из диалога «Филеб» показателен потому, что может точно характеризовать принцип построения такого текста вообще: строгая синхронная фиксация норматива деятельности и сказочный характер изложения как методический, дидактический прием.

Характерно, что не только описание Платона имеет две стороны, но и современное синхроническое описание также имеет две стороны. Так, технологические принципы описания — экономичность, полнота и простота — тоже методический прием, аналогичный сказочной дидактике, так как эти принципы не касаются содержания самой системы. Меняется назначение текста синхронического описания, меняется и способ изложения, но предметное содержание, изложение структуры объекта не могут быть изменены способом изложения, так как описываемая система определена структурой объекта. Такое содержание в рассматриваемом случае есть правила деятельности, система деятельности, которая не зависит от методических целей данного текста.

2 Идеи о языке в диалоге Платона «Кратил»

Зная благодаря диалогу «Филеб» принцип построения текста Платона, обратимся теперь к диалогу «Кратил» и попытаемся отделить в нем систему объекта от методики и дидактики. Цельный текст этого диалога распадается по смыслу на следующие части.

1. Об общем отношении имени и вещи.
2. О человеке, устанавливающем отношение имени и вещи.
3. О моделировании как основе отношений имени и вещи.
4. Об основных правилах такого моделирования — этимологиях.

Эти части следуют в указанной последовательности.

Из перечня смысловых частей диалога «Кратил» видно, что данный диалог есть описание системы, благодаря которой возможно становление речевой деятельности. Однако границы этих частей, хотя и могут быть явно проведены между репликами, все же словно исчезают в целом произведении. Это одна из тайн творчества Платона. Диалоги Платона содержат особый тип познавательного изложения, представляющий собой своеобразную контаминацию науки и искусства, где слиты и строгая научная системность, и выразительная сила деталей обстановки, воображенных автором и данных в яркой художественной достоверности.

Понимая, что художественно-этическое содержание есть дидактико-методическая сторона текста Платона, мы можем теперь выделить в диалоге «Кратил» собственно филологическое содержание и отдельно рассмотреть его.

Действующих лиц в диалоге три: Сократ, Кратил и Гермоген. Кратил и Гермоген спорят, Сократ выпрашивает и постигает истину в речи каждого из них и находит разрешение их противоречий, продвигая вперед общее знание. Таков сюжет диалога.

Диалог начинается со слов Гермогена, привлекающего Сократа к беседе. Кратил утверждает:

...У всего существующего есть правильное имя, врожденное от природы, и что не то есть имя, чем некоторые лица, условившись так называть, называют, произнося при этом частицу своей речи, но некое правильное имя врождено и эллинам и варварам, одно и то же у всех [цит. по: 1, 36].

Таким образом, утверждается, что «план содержания» предопределен сущностью вещи и потому дан как бы «от природы». Гермогену возражает Кратил, утверждая, что имя дается по установлению и произвольно, а потому не может быть предопределено природой вещи.

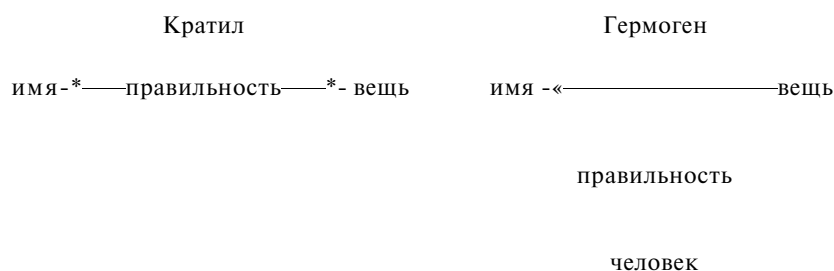
Сократ соглашается с обеими точками зрения. Этим устанавливается антиномия, являющаяся драматургической завязкой сюжетного хода диалога. В плане научном фактически устанавливается важнейшая антиномия лингвистики: план содержания языка связан с планом выражения условной связью, при этом важно, что план выражения имеет иную структуру, чем план содержания, но оба они не могут существовать один без другого и не могут обнаружить своего строения один без другого. Эта важнейшая антиномия лингвистики фактически и подтверждается Сократом. Но Сократ, соглашаясь с обеими спорящими сторонами, сохраняет за собой возможность выйти за пределы этой антиномии. Его тайная цель, как показывает далее развитие сюжета диалога, состоит в том, чтобы исследовать возникновение этой антиномии. Вот почему, овладевая инициативой в беседе, Сократ начинает исследовать становление этой связи планов выражения и содержания, т.е. процесс именования, с целью понять природу антиномии.

Исследование процесса именования, проведенное Сократом в беседе, обнаруживает, что условность связи имени и вещи в действительности именования сама зависит от определенных факторов. Вот почему чисто филологически надо исследовать факторы, влияющие на процесс именования. Для этой цели нужно выделить в именованиях две стороны: а) связь именуемого и имени и б) связь вещи и имени. Эти связи обнаруживают себя в правильности имени. Сократ для ясности задачи заставляет Гермогена высказать свою точку зрения:

...Не могу поверить, что правильность имени состоит в чем-либо ином, чем в договоре или соглашении... ведь никакое имя никому не врождено от природы, но принадлежит на основании закона и обычая тех, которые этот обычай установили и так называют [цит. по: 1, 37].

Иначе говоря, правильность связана с «законом» и «обычаем», т.е. с правилом поведения и деятельности.

Таким образом, в связи между именем и вещью, именем и действием именованья включается понятие правильности. Оно включено благодаря сопоставлению точек зрения Кратила и Гермогена. Для того чтобы лучше следить за рассуждениями, изобразим точки зрения Кратила и Гермогена графически:

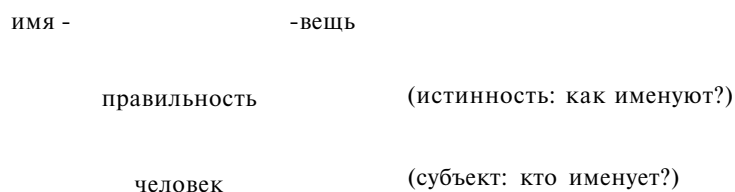
Кратил рассматривает систему «имя — вещь», не считаясь с тем, что человек совершает действие именованья. Поскольку одной вещи в одном языке и тем более в разных языках соответствует много имен, то правильность имени зависит не от звуков, а только от общего смысла слов. Это правильность плана содержания.

Гермоген же, напротив, исходит из действия именованья. Поэтому правильность в понимании Гермогена — это прежде всего законность установления имени человека. Это правильность плана выражения.

Сократ соглашается принять обе точки зрения на понимание правильности; тем самым утверждает, что есть и правильность плана содержания, и правильность плана выражения. По-видимому, дальнейшая цель Сократа — указать общий источник обоих видов правильности и вывести оба вида правильности из общего источника. Поэтому Сократ начинает с конкретизации понимания правильности плана выражения.

Исследуются два момента: а) кто именуется и б) истинность именованья.

Изобразим это исследование графически так:

В качестве субъекта именованья рассматривается частное лицо или община. Оказывается, что для правильности имени безраз-

лично, кто именует: частное лицо или община, но не безразлично, как именуют: истинно или ложно. Отсюда сам собой напрашивается вывод, что если частное лицо именует истинно, а община — ложно, то правильность имени будет за частным лицом. Наоборот, если община именует истинно, а частное лицо — ложно, то правильность имени за общиной, а не за частным лицом.

Что, по Платону, представляет собой истинность имени, которая в процессе именованья является окончательным мерилом правильности?

Прежде всего, зависит ли истинность от субъекта, именуемого вещь, или от вещи, именуемой субъектом?

Ответ дает Сократ:

Следовательно, если не для всех без различия все всегда одинаково, а с другой стороны, не для каждого каждая вещь существует по-своему, то отсюда ясно, что вещи сами по себе обладают некоей прочной сущностью безотносительно к нам и независимо от нас, не увлекаются нами вверх и вниз сообразно нашему воображению, но сами по себе находятся в определенном отношении к своей природной сущности [цит. по: 1, 39].

Эта природная сущность вещи понятна человеку не из субъективного представления о вещи, а из действий с вещами:

...Мы будем резать и добьемся успеха (следуя природе вещи. — *Ю. Р.*) и будем правильно делать это, если же вопреки природе (вещи. — *Ю. Р.*), то мы ошибемся и ничего не сделаем [цит. по: 1, 39].

Таким путем достигается важное различие понятий: имя, чтобы быть правильным, должно истинно именовать вещь, т.е. верно отражать ее объективные и не зависящие от человека свойства.

Истинность имени доказывается тем, что благодаря истинному имени возникают правильные мнения о природе вещей. Правильность этих мнений приводит к успеху прежде всего в неязыковых, мы бы сказали, производственных, операциях с вещами. Итак, имя правильно, если оно истинно; имя истинно, если в нем верно отражены объективные свойства вещи. Правильность понимания объективных свойств вещей подтверждается успехом производственных операций с ними.

Здесь в действиях с вещами обнаруживается еще одна правильность:

Следовательно, если бы мы также приняли жечь, то разве следует жечь согласно любому мнению, а не только правильному, т.е. так, как от природы свойственно каждой вещи и быть сжигаемой и жечь, и тем, что свойственно от природы? [цит. по: 1, 39].

Значит, существует еще и правильность действия с вещами, которая определяется достижением успешного результата действия.

Итак, человек действует с вещами и добивается или не добивается при этом результата — в зависимости от правильности или неправильности действия:

вещь	вещь"
правильное или неправильное действие	достигается ли нужный результат в действиях с вещами?
человек	

По результатам действия человек судит об истинной природе вещи, не зависящей от субъективного мнения.

Теперь легко видеть, что **именование — всего лишь одно из действий с вещами.**

Сократ. А говорить — разве не является одним из действий?

Гермоген. Да.

Сократ. Итак, правильно ли будет говорить человек, говоря, как, по его мнению, следует говорить, или так, как от природы свойственно вещам говорить и быть предметом речи, и тем, что свойственно, — если он таким образом и такими средствами будет говорить, то добьется успеха и действительно скажет, если же нет — то ошибется и ничего не сделает [цит. по: 1, 39].

Итак, правильность речи есть частный случай правильности действия, и правильность речи в принципе постигается по результатам речи.

Здесь целесообразно обратить внимание на то, как выражает свою мысль Сократ: «...как от природы свойственно вещам говорить и быть предметом речи» [цит. по: 1, 39], и далее: «...именовать следует так, как от природы свойственно данной вещи именовать и быть именуемой» [цит. по: 1, 40].

Выражения здесь весьма характерны — вещам свойственно по природе именовать и быть именуемыми: имя в руках человека есть орудие, которым он воздействует на природу вещи и добивается или не добивается результата. Результат возникает в зависимости от правильности действия, т.е. подбора орудия (имени) и подбора способа действия этим орудием.

Таким образом, сформулированы предпосылки для ответа на вопрос, что есть истинность имени, кто есть именуемый субъект.

Имя, поскольку оно есть разновидность орудия, — то же самое, что и бурав или ткацкий челнок. У всякого орудия есть функ-

ция, способ и предмет применения. Ткацкий челнок разбирает уток и основу, бурав сверлит.

Сократ. А можешь ли ты сказать также и об имени? Называя именем, которое является орудием, что мы делаем?

Гермоген. Не могу сказать.

Сократ. Не учим ли мы чему-нибудь друг друга и не разбираем ли, каковы вещи?

Гермоген. Разумеется.

Сократ. Значит, имя есть некое орудие поучения и разбора сущности, подобно тому как ткацкий челнок является орудием разбора для ткани [цит. по: 1, 40].

Здесь уже дана функция имени: служить орудием поучения и разбора, т.е. имя есть орудие образования культуры, так же как ткацкий челнок есть орудие производства ткани.

Теперь становится понятным, кто дает имена и как они даются. Поскольку именование есть конкретная разновидность деятельности, а деятельность строится на разделении труда, то должны быть лица, создающие имена, подобно тому как существуют ткачи, плотники, кормчие и другие профессии.

Имена дает (изготавливает) не всякий человек, а только специалист своего дела, именуемый у Платона законодателем.

Сократ. Не кажется ли тебе, что тем, кто передал нам их (имеются в виду имена. — *Ю. Р.*), является закон (имеется в виду логос. — *Ю. Р.*)?

Гермоген. Да, мне кажется.

Сократ. А законодателем кажется тебе всякий муж или тот, кто владеет искусством?

Гермоген. Тот, кто владеет искусством.

Сократ. Значит, Гермоген, устанавливать имена — дело не всякого мужа, но некоего творца имен. Это и есть, по-видимому, законодатель, который реже всех других мастеров встречается среди людей [цит. по: 1, 41].

Слово *законодатель* в диалоге ни в коем случае нельзя толковать в юридическом смысле. Законодатель — это профессионал, мастер, знаток законов культуры независимо от того, жрец он или землепашец, поэт или оратор, создатель разновидности ремесла или философ. Законодатель — это тот, кто создает, формирует орудие поучения и разбора сущности вещей. Если сущность вещей дается людям в действиях с ними, то законодатель должен прежде всего знать действия человечества с вещами и уметь придумать новые действия, достигающие полезного результата. Для этого он и создает *слово* (логос), или — иначе — *закон*.

Законодатель есть изобретатель новых социальных норм, к какой бы области деятельности они ни относились. Естественно думать, что в истории человечества таких людей — законодателей — много, и это прежде всего «боги или герои» вроде Тевта, научив-

шего людей искусству письма, вроде Во Чао, научившего китайцев строить дома, вроде самого Сократа, учившего людей искусству рассуждать, и т.д. Законодатель, таким образом, есть любое лицо, формирующее систему знаний или ее фрагменты.

Теперь осталось описать труд законодателя. Как и всякая конкретная разновидность деятельности, труд законодателя, во-первых, принадлежит обществу и контролируется им, во-вторых, осуществляется на основании определенных правил.

Законодатель работает под контролем общества. Его воображение, позволяющее ему придумать, создать новое слово, свободно и неконтролируемо. Но результат его работы — созданное новое слово — оценивается обществом, принимается или отвергается.

Сократ. Итак, дорогой мой, не следует ли и тому законодателю уметь свойственное от природы каждой вещи имя (т.е. понятие об истинных свойствах вещи. — *Ю.Р.*) влагать в звуки и слоги и, глядя на то самое, что является именем (т.е. зная свойства имен. — *Ю.Р.*), создавать и устанавливать все имена, если он хочет быть настоящим установителем имен? Если же не каждый законодатель влагает (единый образ вещи. — *Ю.Р.*) в те же слоги, то из-за этого не надо испытывать сомнение: ведь и не всякий кузнец влагает в одно и то же железо, делая для одних и тех же целей одно и то же орудие; до тех пор пока он воспроизводит один и тот же образ, хотя бы на другом железе, орудие оказывается хорошим, делают ли его здесь или у варваров. Не так ли? [цит. по: 1, 42].

Труд законодателя оценивается тем, кто пользуется его результатом, подобно тому как труд мастера лир оценивается кифаристом, а труд корабельного плотника — кормчим.

Труд законодателя оценивает тот, кто «умеет ставить вопросы и давать ответы», т.е. диалектик.

Сократ. А дело законодателя — имя, пользуясь руководством мужа-диалектика, для того чтобы имена были установлены прекрасным образом?

Гермоген. Так и есть.

Сократ. Видимо, Гермоген, установление имен не ничтожное дело, как ты думаешь, и не дело ничтожных и первых появившихся людей? И Кратил говорит истину, утверждая, что имена присущи вещам от природы и что не всякий является мастером имен, но только тот, кто глядит на имя, от природы присущее каждой вещи, и может вложить его образ в буквы и слоги [цит. по: 1, 43].

Таким образом, оказываются справедливыми оба мнения — не только Гермогена, но и Кратила. Верно и то, что вещи свойственно имя по природе, и то, что имя вещи устанавливается по закону и по обычаю.

Имя устанавливается только по природе вещи. Имя не может быть установлено не по природе, так как законодатель должен

уметь свойственное от природы каждой вещи имя «влагать» в звуки и слоги и, глядя на то самое, что является именем, создавать все имена. Законодатель не может отклониться от правильности в плане содержания, поскольку диалектик не допустит этого. Законодатель создает имя вещи, учитывая всю историю именовании. Таким образом, имя должно быть правильным не только относительно вещи, но и относительно другого имени, данного ранее.

Попытаемся представить этот процесс с помощью соответствующих изображений:

I	II	III
имя- вещь^	имя - -имя	имя- вещь
правильность именовании	средства вещи, описанные именем	правильность действия с вещами благодаря имени
законодатель	правильность оценки имени	пригодность имени
	диалектик	мастер, который занимается несловесным мастерством

Законодатель именует вещи по их природе, что обеспечивает правильность имени в плане содержания. Актом именовании устанавливаются определенный обычай или норма, поэтому новое имя должно следовать сложившемуся обычаю именовании и должно быть правильным в плане выражения. Диалектик, разбирая полученные имена, следит за тем, чтобы имя отвечало обоим видам правильности (правильности в плане выражения и в плане содержания). Это достигается тем, что в рассуждениях диалектика правильность имен должна совпасть с правильностью употребления вещей. Имена должны давать правила употребления вещей. Употреблением вещей в соответствии с именем проверяется правильность именовании. Имя отсюда есть модель действий с вещами. Действия с вещами предпринимают мастера несловесных искусств, занимающиеся конкретными разновидностями труда. Их труд складывается в цепочки деятельности до тех пор, пока не исчерпана система именовании и пользование языком. Для того чтобы были возможны новый ряд конкретных разновидностей труда и новые отношения между ними, необходимы новые действия законодателя и диалектика по созданию и социальному принятию имен.

Правильность имени есть продукт творческой гипотезы о природе вещей, истинность имени есть проверка этой гипотезы теоре-

тически и на практике в соответствии с результатами, достигнутыми благодаря применению гипотезы. Такое понимание природы имен предполагает: во-первых, разделение труда; во-вторых, множественность именования одной и той же вещи (поскольку немножественность именования исключает проверку истинности имени через результат труда); в-третьих, общение между всеми участниками функционально разделенного труда на одном языке с адекватным пониманием культурной значимости именования.

Поскольку же разделение труда и общение посредством языка свойственны всем людям по их природе, именование составляет основу социальности имени и общения на базе норм культуры в данном сообществе.

Теперь полезно рассмотреть, как законодатель создает имена. Ведущим принципом создания имени является **изображение**, или, как мы бы сказали, моделирование. Платон пишет:

...Изображению совсем нет надобности воспроизводить все стороны того, что оно отображает, для того чтобы ему быть изображением [цит. по: 1, 54].

Итак... следует... не переставать считать изображениями то, в чем чего-нибудь не хватает или что-нибудь добавлено. Или ты не замечаешь, как далеко изображение от того, чтобы обладать всем, чем обладают вещи, изображениями которых они являются [цит. по: 1, 54]!

Забавно, Кратил, пострадали бы от имен те вещи, именами которых имена являются, если бы последние во всем уподобились бы им? Ведь все стало бы двойным и никто не мог бы сказать ни о том, ни о другом, которое — сама вещь и которое — имя [цит. по: 1, 55].

Итак, мой славный, смело признавай, что и имя одно назначено хорошо, а другое — нет, и не заставляй его иметь все буквы, чтобы быть совершенно таким же, как то, чьим именем оно является, но позволяй вносить в него и неподходящую букву. Если букву, то и имя в предложение; если же имя, то пусть вносится и неподходящее к вещам предложение в речь. И тем не менее вещь именуется и выражается до тех пор, пока в ней есть отпечаток вещи, о которой идет речь, подобно тому как это происходит с именами букв алфавита [цит. по: 1, 55].

...Или ищи какой-нибудь другой правильности имен и не соглашайся, что имя есть показывание вещи посредством слогов и букв; если же ты одновременно будешь утверждать то и другое, то тебе не удастся быть в согласии с самим собой [цит. по: 1, 55].

Итак, принцип моделирования позволяет разрешить спор между Кратилом и Гермогеном. Модель всегда отражает сущность вещи, потому что она не тождественна вещи (прав Кратил). Поскольку же модель не тождественна вещи, у вещи много имен, даваемых ей сознательно и по установлению (прав Гермоген).

Теперь осталось только рассмотреть принятые приемы моделирования и дать основные правила применения этих приемов. Ясно, что эти приемы могут меняться у разных народов, быть

другими в разные времена, т. е. зависеть от культурной традиции и искусства законодателя. Платон рассматривает только самые общие принципы моделирования, принятые в его время. Это то, что впоследствии стало называться народной или вульгарной этимологией.

Сократ. ...одни имена составлены из более первичных, а другие являются первыми... [цит. по: 1, 55—56].

Таким образом, по правилам народной этимологии имена делятся на два основных разряда: первичные и производные. Производные составлены из первичных.

Правила образования первичных имен сводятся к двум моментам: а) моделированию поведения (или действий) и б) моделированию картины мира, чувственного его восприятия.

Модели поведения:

Сократ. Прежде всего мне кажется, что р (*po*) является как бы орудием всякого движения... [цит. по: 1, 50].

Модели мира:

Сократ. ...Ну, как тебе кажется, хорошо ли мы говорим, что буква *po* подходит к порыву, движению и жестокости... или нехорошо?

Кратил. Хорошо, по-моему.

Сократ. А *ламбда* — к гладкому, мягкому и к тому, о чем мы недавно говорили?

Кратил. Да [цит. по: 1, 56].

Однако в актах именования модели поведения обращаются к модели мира и наоборот.

Сократ. Во-первых, в самом слове *peiu* ('течь') и *por* ('течение') оно подражает порыву... Он (т.е. первый законодатель. — Ю.Р.) замечал, думается, что язык при произнесении *po* совсем не остается в покое, а приводится в сильное сотрясение... А буквой *i* (*йота*) он воспользовался для всего тонкого, что может легче всего пройти через все... посредством *<r* (*фи*), *\|* (*пси*), *o* (*сигма*), *(* (*дзеты*) в силу того, что эти буквы имеют характер дуновения, он подражает всему, что им подобно... [цит. по: 1, 50].

Законодатель... приводил таким же образом к буквам и слогам, когда создавал для каждой вещи знак и имя, а затем уже из букв и слогов составлял прочее путем подражания [цит. по: 1, 51].

Образование производных имен подчиняется целому ряду правил [см. 1, 44—49]:

1. Добавление, вставка или изъятие звука или тона. Например: **uvftpcoTcoq** 'рассматривающий то, что видит' (из *apaftpcoy*, а *бписотие*).

2. Сокращение до слова целого предложения (аббревиатура). Например: *EeA,aycua* 'луна Селанея' (от предложения *EeЯш; veov xou evov <*ei*).

3. Заимствования. Например: тиир 'огонь'.

4. Моделирование содержания: описательное именование. Например: бiхсаов 'справедливое' «...так как управляет всем прочим, проходя через него (биουов), то оно и было правильно названо этим именем — Справедливое (бiхαιов), приняв в себя для благозвучия звук *каппы* (х)» [цит. по: 1, 45].

5. Благозвучие. «Например, и Сфинкса... вместо Фикс (<Щ) называют Сфинкс (E(piv£)...» [цит. по: 1, 45].

6. Стершаяся этимология, или абстрактные звучания. Например: iov 'идушее', psov 'текущее', боув 'связывающее'.

7. Словосложение. Например, по Платону, 'хорошее' (ayocftov) составлено из 'удивительного' (ayaaiov) и 'быстрого' (ftoov).

Предполагается, что при составлении производных имен пользуются не одним каким-либо правилом из перечисленных семи, а всегда некоей комбинацией этих правил. Употребление только одного правила есть исключение¹.

Система Платоновых этимологии есть система правил, разумно применяя которые можно получить истинные имена. Ясно, что в реальности языка имена бывают истинные и неистинные. Неистинные (хотя и употребляемые имена) создаются тогда, когда законодатель пренебрег предложенными правилами — этимоло-

¹ Существенно отметить следующее: этимологии Платона всегда подвергались критике в сравнительно-историческом языкознании. В этимологиях Платона усматривали наивные попытки объяснить происхождение значения слов. С точки зрения сравнительно-исторического языкознания, подвергающего систематическим сравнениям значения родственных слов в разных языковых системах, этимологии Платона явно ненаучны и беспомощны.

Однако система, изложенная Платоном, не имеет никакого отношения к сравнительно-историческому языкознанию. Поэтому ее нельзя подвергать критике путем противопоставления этимологиям, принятым в сравнительно-историческом языкознании.

Этимология научная в отличие от вульгарной есть реконструируемое сравнительным языкознанием семантическое отношение между материально родственными элементами двух и более языковых систем. Этимология Платона имеет совершенно иной смысл. Это образование посредством слова истинной (а не правильной) модели вещи. Этимология есть следствие обсуждения диалектиком действия именованного, предпринятого законодателем. Этимология Платона не имеет цели исторического исследования, а имеет целью сделать заключение о том, насколько «прекрасно» дано имя, т.е. насколько имя соответствует сущности вещи.

Чтобы подчеркнуть эту разницу, применим следующие формулировки. Этимология в компаративистике отвечает на вопрос, как соотносятся значения родственных слов. Этимология Платона — дело повседневной практики людей, создающих неологизм. Поэты, создавая слова, оценивают их звучание, «вкус», «цвет» и даже «запах», с тем чтобы решить, насколько полно они выразили сущность вещи. Это и есть этимология Платона. Ясно, что не это есть предмет этимологии в компаративистике. Здесь вообще нельзя обсуждать вопрос о том, насколько удачно то или иное имя (это не предмет науки). Можно говорить только о том, верно ли реконструировано отношение между единицами двух лингвистических систем, независимо от того, представляется ли удачным именем вещи каждая из этих единиц.

гиями или когда он не сумел применить эти правила «прекрасным образом».

Итак, этимологии Платона есть «грамматика именованій», правила построения новых имен, изложенные как система прецедентов — примеров (так, как обычно излагается любая грамматика). В грамматике всегда дается открытый список основных правил, искусное пользование которыми гарантирует; понятно построенную речь¹.

Для лучшего понимания диалога «Кратил» целесообразно изложить содержащиеся в нем положения в дедуктивной форме.

1. Деятельность, характеризующая существование общества, имеет две стороны: а) структуру, б) разделение труда.

2. Структура деятельности складывается из воздействия человека посредством тех или иных орудий на материалы труда, при котором формируется продукт деятельности. Таким образом, структура деятельности состоит из следующих частей: а) сам труд как целенаправленное усилие, б) применение в труде орудий труда, в) использование материалов труда, г) продукт труда. Структура деятельности считается реализованной и осуществившейся, если получен желаемый продукт труда.

3. Разделение труда в деятельности предполагает, что один человек пользуется в своем труде орудием или материалом, представляющими собой продукты труда другого человека. Благодаря тому что продукты труда одного человека используются в дальнейшем как материалы или орудия труда другого человека, образуются цепочки индивидуальных деятельностей, связь людей через конкретные формы труда. Но число людей не совпадает с числом конкретных форм труда, и люди разбиваются на профессиональные группировки в зависимости от того, какой конкретной формой труда они заняты (так, кормчий, ткач, плотник, мастер лир, музыкант, кузнец и т.п. суть представители таких группировок). Каждый человек не связан жестко только с одной конкретной формой труда, он всегда занимается более чем одной конкретной формой труда и потому входит в более чем одну группировку.

4. Обе стороны деятельности (разделение труда и структура) предполагают отсутствие у человека биологически врожденной

¹ В лингвистике существует и другое неверное суждение относительно диалога «Кратил». Принято говорить о том, что Платон обнаружил противоречия между двумя принципами, лежащими в основе языка: «имена даются по природе» и «имена даются по установлению», и далее, что Платон якобы не решил данного «противоречия». Это является заблуждением, потому что Платон не усматривал в этом противоречия. Суждение о противоречии возникает потому, что смешивают дедуктивную форму изложения, принятую в науке, и диалогическую форму изложения, принятую в диалогах, специально приспособленную для драматизации сюжета мысли и введения этического содержания.

принадлежности к какой-либо одной или нескольким конкретным формам труда. Возможность человека заняться какой-либо конкретной формой труда (одной или несколькими) предполагает обучение человека определенным формам труда.

5. Конкретные формы труда развиваются, образуются новые конкретные формы труда. Возникновение всякой новой конкретной формы труда есть результат творческого акта человека. Этот творческий акт, приводящий к созданию новой конкретной формы труда, можно назвать открытием. Открытие содержит в себе структуру деятельности (целенаправленное усилие, орудие труда, материал труда и продукт труда) и составляет особую разновидность конкретных форм труда. Как и любая разновидность конкретных форм труда, открытие предполагает обучение открытию.

6. Общество дает каждому члену потенциальную возможность заняться любой конкретной формой труда, в том числе и открытиями, и обучением открытиям. Разумеется, эта потенциальная возможность далеко не всегда может быть реализована каждым членом общества в силу ряда причин, субъективных и объективных.

7. Для того чтобы обеспечить существование деятельности с ее структурой и разделением труда, должна существовать система нормативов для каждой конкретной формы труда. Нормативы предполагают, что при их соблюдении каждая конкретная форма труда может быть предметом обучения и будет давать продукт. Следование нормативу предполагает, что деятельность проделана «правильно», а результат ее «прекрасен» и «совершенен».

8. Построение нормативов деятельности достигается знанием. Человек действует в процессе труда с предметами природы. Строение же предметов природы и их свойства существуют до человека и не зависят от него. Продукт труда, являющийся результатом успешной деятельности, получается только тогда, когда в процессе труда правильно учтены объективные свойства предметов природы. Постигание этих свойств есть знание, от которого зависит открытие. Знание же субъективно, поэтому результат деятельности показывает, что конкретная форма труда произведена в соответствии с истинной природой (свойствами) вещей (орудий и материалов труда), участвовавших в этой конкретной форме труда. Этим доказывается объективная ценность знаний.

9. Отсюда происходят два понятия, касающиеся деятельности: правильность и истинность. Правильность есть следование нормативу в сознании и практике, обеспечивающее достижение совершенного результата. Истинность — утверждение о природе вещей, содержащееся в нормативе деятельности. Норматив истинен, если применение этого норматива дает желаемый результат. Правильность относится к конкретной форме труда и проявляется

ся в действиях индивида. Истинность относится к разделению труда, проявляется во всех конкретных разновидностях деятельности и зависит не от какого-либо члена общества, а от общества в целом.

10. Нормативы как конкретное и общее знание должны создаваться и сохраняться. Поэтому должна существовать особая форма деятельности, служащая созданию и сохранению нормативов деятельности. Эта форма деятельности есть языковая деятельность. Языковая деятельность является средством создания новых нормативов деятельности, фиксирует в языковой форме общественное знание, определение поведения людей при конкретных формах труда. Одновременно язык есть средство открытия и обучения. Поэтому язык — это не только средство фиксации знания, но и средство создания знания.

11. Поскольку языковая деятельность представляет собой одну из разновидностей деятельности, ей, как и всякой деятельности, свойственны: а) структура и б) разделение труда, а ее нормативам — критерии правильности и истинности.

12. Структура языковой деятельности проявляется в актах именования, где орудием являются звуки речи, а материалом — объекты именования (вещи действительные или мнимые). Имя является продуктом этой конкретной формы труда, а именование — процессом труда. Языковая деятельность, как и всякая другая деятельность, содержит нормативы. Нормативы характеризуются правильностью и истинностью. Правильность именования зависит от того, насколько выдержаны нормативы пользования языком при актах именования. Истинность зависит от того, насколько имя отвечает природе вещи, описывает ее существенные свойства.

13. Принципом соединения звуков речи с именуемыми вещами, т.е. самим именованием, является моделирование. Моделирование предполагает только частичное сходство, но ни в коей мере не полное сходство имени с предметом именования. Имя изображает какое-то одно свойство именуемого предмета. Благодаря этому имя относится не к одному предмету, а к неограниченному классу предметов, обладающих свойством, изображенным в слове-модели. Благодаря моделированию один предмет может иметь несколько или много имен, моделирующих разные его свойства.

14. Благодаря разделению труда имя, возникшее как продукт именования, используется в других разновидностях деятельности. Поскольку имя есть модель, оно должно изображать не весь предмет, а только существенные свойства, которые называются природой вещи. Правильное именование природы вещи обеспечивает правильное (в соответствии с их природой) применение вещей во внеречевой деятельности. Этим проверяется и устанавливается

истинность имени. Таким образом, имя-модель является знанием природы вещи. На основании этого знания могут быть построены другие разновидности деятельности, прежде всего производственная деятельность.

15. Человек, производящий именование, называется создателем логоса или законодателем. Законодатель на основании знания природы именуемой вещи, известной по результатам конкретных, неязыковых разновидностей деятельности, должен в акте именовании создать новую модель класса вещей, изобразив в слове-модели природу вещи, ее существенные свойства. Благодаря разделению труда результатом труда законодателя — именем — потенциально пользуются все члены общества. Использование имени, данного законодателем, прочими членами общества и является «соглашением» относительно применения имени в речи.

16. Успех соглашения зависит не от того, хотят ли члены общества принять это имя (их желания не могут быть учтены в силу разделения труда и правил включения человека в деятельность), а только от того, плодотворной ли оказалась модель, содержащаяся в имени, для продуктивности других разновидностей деятельности. Сам законодатель тоже не может судить об успехе именовании. В деятельности законодателей существовал бы полный произвол, если бы не особая конкретная разновидность деятельности, специально рассматривающая процесс именовании с точки зрения эффективности имен-моделей. Эта деятельность есть диалектика, а лица, занимающиеся этой деятельностью, называются диалектиками.

В функции диалектики входит установление истинности имени. Для этой цели диалектик рассматривает соответствие характера модели-имени сущности вещи, определяет правильность именовании, дает рекомендации законодателю для дальнейшей деятельности.

17. Рекомендации диалектика касаются как истинности имени, т.е. соответствия черт, изображенных в модели, сущности вещи, так и правил именовании, т.е. правильности самого моделирования. Диалектик предлагает законодателю грамматику именовании, т.е. систему правил моделирования. Эти правила не могут регулировать поиски сущности вещи, так как такие поиски зависят только от творчества законодателя. Но эти правила могут регулировать пользование материалом языка, т.е. применение звуков речи в качестве орудия именовании. Комбинация же звуков речи в процессе порождения имен в конкретном случае именовании зависит от искусства законодателя в пользовании орудием именовании — звуками речи.

18. Искусство в пользовании орудиями именовании — звуками речи — сводится к использованию их в процессе именовании по определенным правилам.

Это следующие правила:

а) имена могут быть простыми и сложными;

б) простые имена создаются на чисто *ономатопоэтическом принципе* путем изображения звучанием речи вида вещи, действий с вещью или движения вещи;

в) сложные имена создаются комбинацией простых имен, причем это комбинирование всегда предполагает изменение звучания исходных простых имен так, чтобы было видно их отличие от словосочетания;

г) создание сложных имен есть система изменений звуков исходных словосочетаний. Эти изменения сводятся к следующему: перемена звука в исходном имени, аббревиатура и метонимическое сокращение, заимствование, создание новых абстрактных звучаний или переосмысление старых, благозвучие, словосложение с переменной звучания. Каждое из этих частных правил может применяться в комбинации с любым другим или несколькими другими.

19. Руководствуясь описанной системой, можно создать не один, а много языков, каждый из которых будет давать истинные имена, соответствующие природе вещи.

20. Животные могут действовать, мыслить и издавать звуки, но они не составляют общества. Общество формируется деятельностью (т. е. разделением труда и структурой труда). Для становления деятельности необходима деятельность именованная.

Дедуктивное переложение диалога «Кратил» показывает ту систему, благодаря которой возможно осуществление становления социального языка в отличие от несоциального языка животных. Система, изложенная Платоном в этом диалоге, обобщает все существующие к этому времени представления о языковом творчестве, которое непрерывно осуществляется со времени становления общества и человеческой культуры.

Так, в примитивных обществах (например, у австралийских аборигенов, у папуасов Горной Гвинеи, в примитивных племенах индейцев Южной и Северной Америки, в некоторых африканских племенах, у отдельных народностей нашего Севера в недавнем прошлом и т.п.) имя человеку или вещи может давать не каждый, а только некоторые из старейшин племени, взявших на себя функции ведения обрядов, в которых утверждается языковая система через систему мифов (так называемое синкретическое Действо). Эти законодатели дают имена, лишь согласовав их с другими старейшинами племени, которые возглавляют родовые коллективы, являются наиболее искусными в тех или иных разновидностях труда, — словом, всеми теми лицами, чья осведомленность ставит их в положение диалектиков, способных утвердить Истинность именованного. Имя, данное таким законодателем, санк-

ционированное диалектиками и утвержденное через обряд, становится принятым всем племенем по соглашению.

Как сама система, так и способ ее реализации обеспечивают развитие культуры племени в соответствующем направлении, определяют быт, производство и социальные отношения внутри племенного коллектива еще до разделения его на имущественные классы. Такая система может функционировать лишь в условиях, когда отношения родства и соседства могут обеспечить поддержание существования такой системы.

II. Становление грамматического искусства как начало построения лингвистических описаний

/.. *Общие сведения*

Грамматическое искусство Античности формулирует свои задачи довольно неопределенным образом. В этих формулировках отражается недостаточная определенность предмета грамматики. Самая широкая формула напоминает определение современной филологии: «Грамматика есть осведомленность в большей части того, что говорится у поэтов и прозаиков» (Дионисий Фракийец [цит. по: 1, 105]). Однако встречаются и более узкие формулы: «Грамматика есть искусство понимать поэтов и историков, руководящее главным образом формой речи в соответствии с аналогией и обиходом» (Аристон [цит. по: 1, 106]). В такой формулировке грамматическое искусство фактически сводится к умению читать и понимать прочитанное.

В задачи грамматического искусства входит также установление норм литературной речи. «У грамматики, — пишет александриец Диомед, — две части: одна называется *экзегетикой*, другая — *ористикой*. Экзегетика — изъяснительная часть, которая касается чтения; ористика — определительная, которая указывает наставления; разделы ее — части речи, достоинства и недостатки стиля» [цит. по: 1, 106]. Таким образом, грамматика является нормирующей дисциплиной, обеспечивающей правильность литературной речи.

Индийские филологи считают, что грамматика должна обеспечить: а) сохранение ритуального языка в его традиционной форме; б) способность образовывать формы слова от других слов; в) приобретение знания; г) краткость описания; д) ясность описания [см. 7, 52]. Таким образом, индийская грамматика ставит задачу нормирования речи, образования правильной литературной речи.

Столь большое различие в определении грамматики осознается лишь в наше время. В Античности под грамматикой понимали общий предмет, где филологическое знание, текстов сливается с

обучением правильной литературной речи. Поэтому формулировки грамматического искусства выглядят противоречивыми лишь с точки зрения нашего времени. Описывая предмет грамматики, возникшей в Античности, важно увидеть в нем то, что составляет его научно-лингвистическую сторону, развившуюся впоследствии в научную систему лингвистики.

Грамматическое искусство есть прежде всего знание о письменных знаках, составляющих письменную речь. Однако не любое знание о письменной речи составляет грамматическое искусство. Так, в грамматическое искусство не входят: знание о текстах (их содержание и применение этого содержания), знание о природе и происхождении языка и письменной речи, знание о психологии речи или познавательных функциях речи и т. п. Неграмматические знания о речи составляют предмет философии и ряда словесных искусств: риторики, поэтики, логики, стилистики.

Грамматическое искусство отличается от философии и других словесных искусств тем, что оно посвящено созданию и интерпретации письменных знаков, как отдельных, так и составляющих целый текст. В последнем случае внимание главным образом обращается на то, как изменяются одни письменные знаки под влиянием других, находясь в соседстве с ними в тексте.

Поэтому первой чертой грамматического искусства является интерпретация каждого письменного знака. Интерпретация должна быть разной в зависимости от того, какова система письменности.

Если письменность иероглифическая, то интерпретация письменных знаков должна быть семантической, так как иероглиф записывает значение и лишь через значение связан со звучащей речью.

Если письменность фонетическая, то интерпретация письменных знаков должна быть фонетической, так как в этом случае письменная речь получает смысловое значение через фонетическое прочтение, фонетическую интерпретацию. Поэтому детальным анализом устанавливается перечень звуков-фонем, записанных графическими единицами. Звуки-фонемы обязательно описываются в определенной системе. Основанием для систематики звуков являются артикуляционные правила произнесения звуков, реализующих текст. Производится классификация звуков по месту и способу производства звуков.

В некоторых случаях грамматика может содержать описание Суховых впечатлений, связанных с произнесением тех или иных звуков. Такие описания существуют обычно в виде высказываний типа: «звуки бывают мутные и светлые». Описание слуховых впечатлений связано с поэтическими задачами речи и в грамматиках обычно заимствуется из поэтики.

Однако фонология из поэтических знаний извлекает прежде всего артикуляционные признаки звуков, так как это существенно для описания влияния звука на звук при их соседстве в тексте.

Важным моментом, отличающим грамматическое искусство от научной грамматики, является обязательное терминологическое отождествление письменного знака и его интерпретации (значения). Так, в китайском языкознании термин «цзы» означает одновременно и письменный знак-иероглиф, и морфему или слово, которые этот знак передает; термин «буква» в звуковых письменностях означает также и звучание, приписанное этой букве. Этот момент принципиально важен, так как античные филологи фактически чувствовали различие между графическим знаком и его интерпретацией, что подтверждается, например, тем, что уже во II в. н.э. в китайской филологии обсуждались термины «син» (форма иероглифа), «и» (значение) и «шэн» (звучание); у греков употреблялись отдельные термины «звук», «звучание» и «буква». Но графический знак назывался по означаемому, а не по означающему. Это было необходимо для исследования соединения графических знаков в тексте с целью образования сложного смысла.

Помимо обязательной классификации звуков по артикуляционным признакам в фонетических письменностях осуществляется также описание последовательностей звуко-букв, т. е. синтагм звуко-букв. Для этой цели выделяется слог как основная синтагма звуков. Производится деление звуков на гласные — основу слога, согласные и отдельные разновидности полугласных (сонанты, глайды и т.д.). Синтагматическая классификация звуков может быть более или менее детальной в зависимости от характера традиции и типа языка, который описывается.

Так, в индийской традиции вводятся правила морфонологических изменений звуков в словах или слогах, обусловленных процессами ассимиляции и аккомодации и дополнительно регулируемых правилами границ морфем в процессах слово- и формообразования.

В случае иероглифической письменности, естественно, нет надобности заниматься описанием морфонологических изменений звуков, так как чтение иероглифа есть название графического знака, обозначающего смысл слова или морфемы, независимо от других морфем, окружающих данное слово или морфему.

Важной частью античного языкознания являются своды слов — словари, которые здесь специально описываться не будут. Словари создавались различные, что зависело от характера языка и уровня развития культуры. Сначала словари создаются как тематические и энциклопедические, а затем формируется собственно лингвистический тип словаря (толковый).

Словарь лингвистический отличается от других прежде всего своей систематикой. Систематика слов организуется на основании законов графики: либо по алфавиту, либо, если язык иероглифический, по законам построения графем. Значение слов в лингвистическом словаре дается как минимальное определение, раскрывающее смысл максимального количества контекстных значений этого слова. При этом придерживаются следующего правила: количество разных слов, объясняющих значения слов, входящих в словник, должно быть меньшим (желательно значительно меньшим), чем число слов словника; в то время как общее количество слов, составляющих объяснение значений слов, по необходимости бывает большим, чем число слов словника. Отсюда значения слов в лингвистическом словаре описываются как комбинации значений сравнительно небольшого количества употребительных слов.

Одновременно составляются глоссарии, фактически представляющие собой своды контекстов слов, взятые по важнейшим источникам. Бывают глоссарии, где перечисляются типичные контексты употребления слов либо некоторые особые контексты, представляющие собой особые употребления слов.

В словарях и глоссариях слово рассматривается как единица языка. Благодаря этому системное (парадигматическое) описание единиц словаря производится путем классификации употребления слов. Кроме того, даются правила изменения значения под влиянием особых контекстов.

В зависимости от характера письменности словарь играет разную роль в античном учении о языке. Для языков с иероглифической письменностью грамматическое учение о письменности и письменных знаках дается в составе словаря. Это объясняется тем, что иероглиф записывает слово или морфему и перечень письменных знаков есть перечень слов или морфем. Для языков с фонетической письменностью словарь не может быть единственным пособием. Поэтому необходимо отдельное учение, которое опосредует связь алфавита и его фонетической интерпретации со словарем. Это отдельное учение, названное греками грамматикой, есть предтеча научной грамматики с ее классами слов, предложений и морфем, выведенных через отношение синтагм и парадигм.

Грамматические категории, выведенные для фонетических письменностей, не являются присущими любому античному языкознанию. Грамматические правила выступают как дополнения по отношению к фонологии и лексикологии и появляются там, где фонология и лексикология нуждаются в связующем звене.

Особенность отношения грамматики к алфавиту и словарю состоит в том, что число знаков считается конечным, а число слов — потенциально бесконечным.

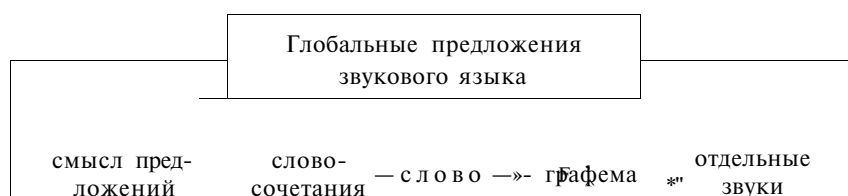
Поскольку в китайской иероглифической традиции знак записывает единицу лексики — морфему, список единиц лексики как бы невольно признается закрытым. В этот список включаются и служебные морфемы, поэтому на долю собственно грамматического учения остаются выведение правил создания новых иероглифов и семантический анализ построения иероглифов.

Все античные системы грамматического искусства отличаются тем, что они не содержат запрещающих правил (а содержат только рекомендуемые правила). Все они изложены как система правильных, классических прецедентов пользования языком. В этом они сходны с некоторыми другими системами, обучение которым преследует цели создания навыков и автоматизма в пользовании языком. Принципом такой системы является: «следуй прецеденту, и действие будет правильным». Этот принцип отличается от принципа изложения системы действий, при котором даются только запрещения, которые так или иначе объясняются, исходя из «природы вещей». Так, например, происходит в юридической практике, где законы обязательно осознаются. Принципом приобщения к языку, созданным античными грамматиками, является: «не рассуждай, но выучи, освой до автоматического навыка то, что делали до тебя». В результате такого обучения складывается некоторый аналог врожденной системы поведения, где выученные навыки в принципе не должны отличаться от присущих инстинктивно.

Рассматривая все признаки античного грамматического искусства, убеждаемся в том, что это искусство в целом предназначено для создания «нового» языка. Новый язык создается из элементов существующего. Элементами существующего языка являются звуки, морфемы или слова. Они составляют перечень элементов письменного языка, но не его систему. Для построения письменных текстов нужна новая система, опираясь на которую можно строить чисто письменные тексты из элементов устно-письменной (литературной) речи. Литературная речь представляет собой такое явление, в котором всегда представлена «новая» система. Эта система связана с устно-диалектной речью через орфоэпическую интерпретацию. Если бы письменная речь была простым отражением устной, то письменный текст интерпретировался бы по предположениям, как это бывает при мнемонической записи, а не по фонемам.

Такое построение античной грамматики указывает на следующее: несмотря на то что грамматика претендует только на упорядочение пользования графическим языком, слово фактически становится в центре системы. Интерпретация слова производится в плане выражения через графемы, а в плане содержания — через сочетания слов. Не существует непосредственной интерпретации слов в звуках или предметах и действиях с ними. Это значит, что античная грамматика дает самостоятельную, новую систему язы-

ка. Эта система языка фактически представляет собой систему слов графического языка. Она связана со звуковой речью особым образом. Система письменного языка словно расколола систему звуковой речи на две части — план выражения и план содержания — и в каждой из частей выделила особые единицы для своей интерпретации.

Ясно, что отдельные звуки не могут быть поставлены в соответствии со смыслом целых предложений. Таким образом, для звучащей речи такая система в отличие от теории именовании не может объяснить слово как явление культуры ни со стороны плана выражения, ни со стороны плана содержания, ни со стороны их связи. Но такая система объясняет применение графических знаков: слово определяется как имеющий значение знак, в котором связь между значением и графическим символом характеризуется тем, что она: а) условна, б) немотивированна, в) дана как член перечисления, г) предопределена традицией системы. В лингвистической системе нельзя говорить об истинности или правильности имени, нельзя говорить и о том, что слово есть орудие по отношению к вещи (нельзя говорить о моделирующей роли слова).

Хотя лингвистическая система своей традиционной интерпретацией возводится к двум разноорганизованным сторонам звукового языка, она благодаря своему устройству не ограничивается перечнем слов звуковой речи. Поскольку план содержания определен через сочетания слов, возможно создание нового слова (не представленного в звуковом языке), содержание которого интерпретируется сочетанием слов, каждое из которых представлено в звуковом языке. Поскольку план выражения есть сочетание графем, новый графический символ слова может быть озвучен правильным, последовательным чтением каждой из графем. Поскольку сочетание выражения и содержания условно, немотивированно, для введения нового слова в систему достаточно ввести его в список слов, помещенных в словарь, или ввести это слово в такой контекст речи, в котором его смысл будет ясен. Таким образом, **письменная речь обладает всем необходимым для того, чтобы расти и расширяться независимо от устной речи.**

Система графического языка благодаря своему устройству может расширять и изменять границы устного языка, образуя лите-

ратурный язык. Всякое новое графическое слово может быть произнесено, если произвести интерпретацию графем звуками. Будучи произнесено, новое слово станет достоянием устной литературной речи. Для того чтобы слово было понято, нужно, чтобы участники устной коммуникации знали его смысл, т.е. знали словосочетание, эквивалентное ему по смыслу. В этом случае коммуникация осуществится. Если же участники коммуникации не знают смыслового эквивалента в системе графического языка, то коммуникация невозможна, т.е. оноματοпоэтический принцип практически устранен в таком способе создания слов литературной устной речи.

Поэтому между устным и письменным языками через участников акта коммуникации осуществляются следующие отношения: а) умеющий говорить не может читать и понимать написанное, б) умеющий читать и понимать написанное может также и говорить. Устный язык интерпретирует систему письменного, письменный же язык развертывает и расширяет тексты устного. В реальной культурной истории языков неизвестны случаи обратных отношений между языками. Письменный язык может изменить устный, но не наоборот: ни один устный язык не изменил письменного. Так называемая «смена диалектной базы», выражающаяся в изменении чтения букв, либо так называемые явления интерференции языка представляют собой сравнительно небольшие изменения в фонации системы письменного языка. Влияние же письменной сферы общения на устную состоит в создании литературной устной речи и соответствующих ей просторечий.

Поскольку в каждом из названных выше трех культурных центров (в Китае, Индии и Средиземноморье) есть свои специфические условия культурного развития, породившие различия в формировании лингвистических традиций, то целесообразно описывать их отдельно.

2. *Китайское грамматическое учение*

Китайская грамматическая традиция опирается на иероглифическую письменность. Для понимания особенностей китайской грамматической традиции полезно обратиться к основным особенностям китайской иероглифической письменности. Становление современной структуры китайской письменности относится к I и II вв. н.э., когда произошла окончательная нормализация китайской иероглифики и были созданы три основных стиля письма: «уставное письмо» (*кайшу* или *чжэншу*), «полууставное письмо» (*синшу*) и «скоропись» (*цаошу*). Тройное деление стилей исполнения рукописей представлено во всех культурах (ср., например: деление египетской рукописной речи на иероглифическую, иератическую и демотическую; латинской графики — на унциал,

полуунциал и скоропись; славянской графики — на устав, полу-устав, скоропись и т.д.); оно отмечает окончательное становление графической системы рукописного языка (см. об этом популярные руководства [23; 24]).

В отличие от многих других систем письменности местное, а не заимствованное происхождение китайской иероглифики является фактом, не подвергающимся сколько-нибудь серьезным сомнениям. В конце XIX столетия в провинции Хэнань при археологических раскопках были обнаружены так называемые гадательные кости. Гадательные кости представляют собой панцири черепашьих и кости животных, по преимуществу лопаточные кости баранов, на которых острым стилетом нацарапаны письменные знаки. Находки гадательных костей продолжались, и в настоящее время наука располагает огромным количеством целых и фрагментированных надписей.

Очень быстро удалось установить, что многие знаки на гадательных костях можно сопоставить с современной китайской иероглификой, а несопоставляемые знаки так или иначе можно растолковать по контексту надписи и по компонентам, составляющим эти знаки. Так появились переводы надписей и дешифровки знаков, встречающихся на гадательных костях. Выяснилось, что надписи содержат тексты гаданий, которые наносились на кости, а затем кости нагревались, на них появлялись трещины, и по трещинам, применяя неизвестную нам процедуру, предки китайцев «прочитывали» ответ на вопрос к оракулу, содержащийся в надписи.

Сопоставление надписей на гадательных костях с последующими надписями другого содержания и другого назначения позволяет видеть многовековой процесс самостоятельного становления письменности.

Самые ранние надписи на гадательных костях относятся к легендарным царствам Шан и Инь, существовавшим, как отмечается в историографии, за 15 веков до нашей эры [см. 24, 13— 67]. Знаки письма на этих надписях делятся на две категории: простые рисуночные знаки и компилятивные знаки. К простым относятся знаки, изображающие предметы или ситуации, например: ^ 'человек', *ф* 'глаз', *f* 'рука', *ф*< 'стрелять', £ 'дойти' (изображение стрелы, воткнувшейся в землю).

К компилятивным знакам относятся такие, как ^ 'восток' (солнце, светящее сквозь дерево), ^ 'император' и др.

Компилятивные знаки образовались путем совмещения в одной плоскости простых знаков с целью изобразить вещи, не наблюдаемые в природе, или идею как воображаемое сочетание разных предметов в одном (например, в иероглифах, обозначающих

сказочных зверей: «единорог», «феникс»). Компилятивные знаки создавались как символ (см., например, знак «император») или как метафорический и метонимический намек на более общую либо частную ситуацию.

Особенность знаков на гадательных костях состоит в том, что каждый из них имел так много разнописей, что не во всех случаях ясно, имеем ли мы дело с вариантом знака, новым знаком или такой модификацией знака, которая создана специально с целью передать несколько иной смысл. Несмотря на эту неупорядоченность, надписи на гадательных костях все же читаются, хотя бы в их общем смысле, и знаки в них имеют расположение по строкам, а значит, и речевой контекст. Поэтому данные надписи можно считать началом настоящей письменности, а не мнемотехники.

В VIII в. до н.э. при императоре Сюань-ване (эпоха Чжоу) была проведена первая реформа письменности. Цель реформы — в уничтожении излишних разнописей и создании стандартных знаков, приспособленных для надписей на бронзе и камне. Отсюда происходит название письма — *цзиньшывэнь* (знаки для металла и камня). Поскольку эти знаки применялись в надписях на ритуальных сосудах, символизирующих государственность, они называются также *чжундинвэнь* (знаки на жертвенных треножниках). Смысл реформы Сюань-вана состоял в создании стандартных знаков, не имеющих разнописей.

В III в. до н.э. после завершения периода Чжаньго («воюющих царств»), когда вместо шести уделов возникает единое государство, ощущается необходимость унификации знаков письменности для всей страны. Это нашло свое выражение в двух реформах императора Цинь Ши-хуана. Одна, проведенная в начале его правления, имела своим результатом создание графики *дачжуань* (большая печать); другая, проведенная на двадцать шестом году его правления (221 г. до н.э.), имела своим результатом создание графики *сяочжуань* (малая печать). В итоге была образована государственная общеобязательная система графики, где каждый знак имел твердую и неизменную форму начертания. Эта форма начертания являлась государственным стандартом, утвержденным для всеобщего употребления [см. 23, 55–60; 26, 27].

Наряду с государственным стандартом *чжуань* (печать), употребляемым в деловых документах, в переписке и в других текстах, не имеющих общегосударственного значения, начинает применяться письмо *лишу* (деловое письмо). По преданию создателем этого письма был Чэн Мао, уездный чиновник, который, находясь в тюрьме в течение многих лет, создавал это новое письмо. Отличие *лишу* от *чжуань* в том, что в нем появляются специальные сокращения и упрощения в написании не всего знака в целом, а его частей. При этом если некая часть иероглифа встречается в другом иероглифе, то она сокращается одинаково. На-

пример, знак *fl* > ~ 'вода', если он встречается в левой части сложного компилятивного знака, всегда сокращается одинаково и пишется у. Таким образом, *лишу* создает структурно-смысловую членимость знаков и сводит многие письменные знаки к сочетаниям небольшого числа простых знаков [см. 26, 28—29].

Итак, три реформы письменности как бы представляют собой три этапа становления иероглифической китайской письменности: а) стандартизация знаков с уничтожением ненужных разновидностей; б) государственная унификация системы письменности; в) создание структурно-смысловой членимости знаков. Эти три момента и формируют современный облик китайской письменности в ее подразделениях на «устав» (*чжэншю*), «полуустав» (*синшю*) и «скоропись» (*цзошю*), которые представляют собой разные функциональные стили одной и той же графики.

В результате этих достижений образуется письменность, в которой знаки письма обладают иными выразительными возможностями и иным отношением к звуковому языку, чем в звуко-буквенной письменности. Китайский иероглиф (*цзы*) в Античности не отличают отдельным термином от понятия морфемы (*цзы*) — минимального слова, так же как в звуко-буквенном письме букву не отличают отдельным термином от звука. Слова «не отличают» не значат, что филологи не видят разницы между звуком и буквой или между морфемой (*цзы*) и иероглифом (*цзы*); разница вполне понятна, но не существует отдельных терминов для единиц письменной и устной речи, так как важно указать на их связь и функциональное единство. Из этого следует, что иероглифическая китайская письменность записывает не звуки и слоги, а морфемы, т.е. записывает иной уровень языка в сравнении с любой фонетической письменностью.

Поскольку китайская иероглифика записывает морфемы — минимальные слова, знаки этой письменности непосредственно соотносены со значением и лишь через посредство значения со звучанием (знак—значение морфемы—звучание морфемы). Этим они отличаются от фонетического письма, где буквы записывают только звучания и через звучания обозначают слова и морфемы (знаки — звучание - значение морфемы).

В китайской иероглифике в идеале действует принцип: один иероглиф однозначно соответствует одной морфеме, которая однозначно соответствует одному комплексу звуков. Этот комплекс звуков благодаря особой типологии китайского языка, как правило, равен слогу. Поэтому иероглиф записывает и значение морфемы, и слог, представляющий эту морфему в устной речи. Разумеется, что при этом существует немало исключений [см. 4, 10—16].

Важным достоинством китайской письменности является то, **Что** многие морфемы-омонимы передаются в письменности раз-

ными иероглифами, а разнозвучающие в диалектах одни и те же морфемы объединены одним и тем же иероглифом. Благодаря этому письменная иероглифическая речь, с одной стороны, более разнообразна в выражении смысла, чем устная, а с другой стороны, объединяет разные диалекты, так как один и тот же иероглиф может быть произнесен в разных диалектах по-разному, но с тем же смыслом. Это в определенной мере объединяет и разные языки (как, например, корейский и японский, пользующиеся китайской иероглификой).

Наряду с достоинствами китайская иероглифическая письменность имеет и недостатки. Важнейшим из них является обилие письменных знаков. Вот почему главными проблемами при создании и обращении с иероглификой являются кодификация и упорядочение письменных знаков. Эта кодификация строится на обнаружении внутренней структуры иероглифической письменности. Структура иероглифической письменности представляет собой разные отношения начертания иероглифа к значению, т.е. отношения планов содержания и выражения [см. 4, 10–16].

Грамматические исследования китайцев начинаются со времени династии Хань, т.е. со времени окончательного становления китайской иероглифической письменности. Непосредственным поводом к исследованию является реконструкция уничтоженных императором Цинь Ши-хуаном канонических текстов, а также их переписка, стандартизация и комментирование. Четыре важнейшие работы лежат в основании грамматического искусства китайцев: «Эръя», «Фанъянь», «Шовэнь цзецзы» и «Шимин» [см. 5, 6].

Строго говоря, первая работа — «Эръя» — не может считаться относящейся собственно к грамматическому искусству китайцев. «Эръя» — одна из древнейших книг китайского канона [см. 22]. Ряд авторов считает ее самой древней книгой наряду с «Канонном перемен» — «Ицзин» [см. 25] — гадательно-прогностической системой древних китайцев, с которой, по преданию, связано становление иероглифических знаков. Текст «Эръя» наряду с другими каноническими книгами был отредактирован Конфуцием и вошел в так называемые «Тринадцать канонов» («Ши сань цзин») — основу конфуцианства. В ханьское время текст «Эръя» был восстановлен.

«Эръя» представляет собой первый свод китайской иероглифики, и, следовательно, это словарь. Как и другие словари, созданные при становлении письменности, «Эръя» представляет собой совокупный орфографический, энциклопедический и идеологический норматив знаний древних китайцев. В словаре впервые осуществлена систематизация китайских иероглифов, что позволяет отнести его к грамматическим сочинениям. Эта систематизация внешне представляет собой деление всего словаря на 19 тематических глав. Каждая глава есть тематический свод толкований

одной из категорий мира. Вот эти категории мира, отраженные в названиях глав: наименования (*гу*), речения (*янь*), истолкования (*сюнь*), родство (*цин*), правление (*гун*), орудия (*ци*), музыка (*юэ*), небо (*тянь*), земля (*ди*), холмы (*цю*), горы (*шань*), воды (*туй*), травы (*цао*), деревья (*му*), гады (*чунь*), рыбы (*юй*), птицы (*няо*), животные (*шоу*), скот (*чу*) [см. 5, 5; 22].

Список глав в их последовательности распадается на несколько групп: 1) объяснение речи (*гу*, *янь*, *сюнь*); 2) объяснение отношений между людьми (*цин*, *гун*, *ци*, *юэ*), которые делятся на две подгруппы: а) отношения, не посредуемые вещами (*цин*, *гун*), и б) отношения, посредуемые вещами (*ци*, *юэ*); 3) объединение космоса и ландшафта (*тянь*, *ди*, *цю*, *шань*, *шуй*); 4) объяснение растительного и животного царства (*цао*, *му*, *чунь*, *юй*, *няо*, *шоу*); 5) объяснение животных, служащих человеку (*чу*). Легко видеть, что группировка тем и последовательность их составляют эмбриологическую картину происхождения и дифференциации Вселенной от абстрактного творящего слова к человеку, что может быть сравнимо, например, с Книгой Бытия.

«Эрья» дает философскую картину мира и количественный состав тематических группировок, отражает порядок развертывания так называемых мистических чисел.

Основное повествование о творящем слове (разделы наименований, речений, истолкований) занимает треть «Эрья». Слова в ней организованы в последовательности, представляющей собой синонимические ряды. Так, первый синонимический ряд включает в себя слова-именования со значением «начало», например: *чу* 'начинать' (начальный, первый), *шоу* 'голова' (начинать), *цзи* 'основа' (отправной пункт), *цзу* 'предок' (основатель рода), *юань* 'исходный элемент', *тай* 'утроба' и т.д., т.е. все то, что может быть истолковано как слова, так или иначе передающие исходный пункт творения.

Каждый следующий синонимический ряд отражает последовательность творения мира словом. Главы, трактующие мир, представляют собой серию определений различных предметов. Текст «Эрья» в его современной редакции, по-видимому, сложился в III—I вв. до н.э. как книга, позволяющая читать и, что самое важное, толковать содержание канонических сочинений. Он не только дает значения иероглифов, но и излагает принципы смысловой системы, представленной в канонических текстах. В китайской традиции «Эрья» является наиболее авторитетным источником такого рода.

Позднее, помимо разных комментариев к «Эрья», были попытки создать другие словари по образцу «Эрья». Так, в III в. н.э. был создан словарь «Гуанья» («Расширенный словарь Эрья»). Но в Делом словари подобного рода, изданные впоследствии, не получили такой популярности, как «Эрья».

На рубеже нашей эры Ян Сюн создал труд «Фанъянь» («Местные речения»). Если «Эрья» дает толкование общезначимому каноническому тексту, то «Фанъянь» трактует ту часть литературно-письменной речи, которая есть продукт не канонических, а народных и потому местных речений, или просторечья. Таким образом, цель «Фанъянь» (в отличие от «Эрья») состоит в том, чтобы описать неканоническую речь. Форма организации материала заимствована у «Эрья», однако в соответствии с содержанием и назначением семантическая рубрикация языка совершенно иная, чем в «Эрья». Сама же организация статьи похожа на соответствующую в «Эрья», но с той разницей, что синонимы, объединенные в ней, есть разные слова из диалектов и просторечий. Например, значение *ван* ('выходить, направляться куда-то') толкуется следующими словами: *цзя*, *ши*, *цу* и *ши*. «*Цзя* говорят тогда, когда выходят из дому. О женщине, выходящей замуж, тоже говорят *цзя*, потому что это то же самое. В уделах Цинь и Цзинь говорят *ши* и *цу*. Эти же слова распространены в уделе Ци. Слово *ши* распространено также в уделах Сун и Лу. Слово *ван* является общим (для всех уделов) и просторечным. 'Лодка' на запад от Прохода (в горах Цинлинь-шань. — Ю.Р.) называется *чуань*, на восток от него — *чжоу* или *хань*» [5, б].

«Фанъянь» дает указания на место происхождения слова. В нем обычно справедливо усматривают начало китайской диалектологии. Но надо помнить, что «Фанъянь» описывает не диалекты, как таковые, а литературный язык, указывая на то, из какой части Китая пришли в литературный язык те или иные слова. Этим «Фанъянь» дополняет «Эрья» и противопоставляется ему. Это противопоставление может быть охарактеризовано двояко: слово в «Эрья» понимается как раскрытие всеобщего закона мироздания — *дао* (в западной традиции единого божества), а в «Фанъянь» оно выглядит как творчество людей, иногда случайное; в «Эрья» слово правильно потому, что оно установлено высшим авторитетом *дао*, а в «Фанъянь» слово является продуктом местного обычая и потому вопрос о правильности не ставится. Таким образом, лингвистическое описание словаря становится результатом наблюдения над употреблением слов в речи, а не только предписанием о правильном употреблении слов.

Самой значительной работой в китайской античности является словарь Сю Шэня «Шовэнь цзецзы» («Описание простых и объяснение сложных знаков»), законченный в 100 г. н.э. [см. 19]. Этот словарь уже не тематический и идеологический, а, так сказать, «формальный», так как слова расположены в нем не в зависимости от содержания, а только в зависимости от формы знаков; этим он напоминает словарь, построенный по алфавиту.

«Шовэнь цзецзы», однако, имеет дело с иероглифической письменностью, где каждый знак записывает морфему или ми-

нимальное слово по их содержанию. Вот почему в основе данного труда лежит анализ знаков письменности, а также создание алфавита элементов, из которых составлены иероглифы, и установление правил комбинирования таких элементов. Сю Шэнь установил, что 9353 иероглифа, которые он собрал в словарь, составлены путем различных комбинаций 540 элементов, или «частей» знаков, — бу. Иероглифы, которые имеют общий элемент, объединяются в отдельные списки и составляют отделы словаря. Отделы располагаются друг за другом в определенной Сю Шэнем последовательности — по степени возрастания сложности знаков.

Этот принцип систематики знаков определил способ построения систем китайских словарей по так называемым ключам, т.е. по основным, общим для ряда иероглифов элементам (бу). Последующие системы новейшего времени, систематизирующие иероглифы, исходят из элементов, значимых не для смысла, а только для каллиграфии, т.е. из так называемых каллиграфических черт. Как правило, заимствуют принцип, предложенный Сю Шэнем, но уже не целый иероглиф делится на части, а части иероглифов на подчасти или каллиграфические черты.

Таким образом, «Шовэнь цзецзы» представляет собой первый труд, описывающий китайский язык как предмет собственно грамматического искусства. В целях систематики китайской письменности Сю Шэнем была разработана теория категорий иероглифов. Всего таких категорий Сю Шэнь установил шесть: изобразительная, указательная, идеографическая, фонографическая (или фонетическая), видоизмененная и категория заимствованных иероглифов.

Все шесть категорий иероглифов получены путем применения следующей процедуры. Иероглифы делятся на простые и сложные (компилятивные). Сложные иероглифы образуются из простых. Составляется список простых иероглифов, входящих в сложные в качестве их частей. Такие простые иероглифы в составе сложных иероглифов и в иероглифической письменности вообще интерпретируются как ключи, радикалы или корни. Простые иероглифы классифицируются по способу изображения значения. Сложные иероглифы классифицируются по способу передачи значения путем сочетания простого иероглифа — корня и остальной части иероглифического знака, составляющих целый иероглиф.

1. В соответствии с этим простейшими по способу выражения значения оказались иероглифы *изобразительной категории*. Таковы, например: 'солнце' 日 (первоначальный знак 日), 'луна' 月 (первоначальный знак 月) > 'поток' 水 (первоначальный знак 水), 'поле'

и т. п. Изобразительные иероглифы — это, в сущности, рисун-

ки предметов, схематизированные по требованию каллиграфии и системы письменных знаков.

2. Более сложным путем выражается значение **указательных иероглифов**. Например, числительные 'один', 'два', 'три' соответственно изображаются ~ — 'середина' изображается пересечением круга (€) (или Ф); 'корень' изображается (знак 'дерево' у которого отчеркнута корневая часть); 'низ' изображается 7, 'верх' изображается JL И Т.Д.

Указательные иероглифы уже не рисуют предмет, прямо называя его, как изобразительные иероглифы, они не простые картинки предметов, а символы. Указательные иероглифы обозначают предмет символически, т.е. содержание знака-рисунка надо понимать, исходя из некоторого условия. Так, рисунок ^ (дерево с отчеркнутым низом) надо понимать не как «земля под деревом» или «ствол и листва дерева, отделенная от корня», а как «корень». При этом слово «корень» понимается не только прямо — как «корень дерева», но и переносно, например, как «корень рода», «корень имущества», «капитал» и т.д.

3. Следующую категорию составляют иероглифы, называемые **видоизмененными (чжуаньчжуцзы)**. При создании такого иероглифа брался существующий иероглиф и изменялся в написании. Так, например, *-fe lao* 'старый' был изменен на *као* 'испытывать'. Слова *лао* и *као* связаны по созвучию (а может быть, и этимологически по смыслу), но выражают два существенно разных понятия. Выражение нового значения связано с изменением формы знакомого знака и предполагает мнемотехнический прием удержания и выражения значения.

4. Близки к видоизмененным иероглифам иероглифы **заимствованной категории**. Ср., например: ^ *ци* 'корзина' и Й ^ - местоимение 3-го лица притяжательное, *хуа* 'цветы' и *хуа* 'тратить'. Эти иероглифы образованы как фонетическая запись омонимичных слов. Основанием для «заимствования» является общность звучания, определившая применение иероглифа «не в своем значении». В результате могут образоваться пары омографов, как 'цветы' и 'тратить'. В случае с иероглифами % омографов мы не получили, так как иероглиф ~Ц ('корзина') вышел из употребления и остался только заимствованный иероглиф Ж (местоимение 3-го лица притяжательное).

Категории видоизмененных и заимствованных иероглифов представляются исключениями, так как, с одной стороны, их

мало, а с другой — они созданы не как изображения (простые или символические) и не как сложные (компилятивные) иероглифы, они как бы совмещают в себе простоту изображения и сложность значения.

Подлинно сложные (компилятивные) иероглифы составляют две категории — идеографическую и фонетическую, первая из которых в количественном отношении меньше второй.

5. **Идеографическая категория**, для которой более точным является китайский термин *хуйцзы* (иероглифы, объединяющие значения), представляет собой класс иероглифов, где сложный знак составлен из простых, каждый из которых как бы сохраняет свое значение в составе целого. Например, иероглиф $\hat{c}y$ 'отдыхать' представлен сочетанием знаков 'человек' и Jf^{\wedge} 'дерево' и как бы дает изображение «человека под деревом». Иероглиф

цзуань 'ускользать' изображает «крысу (f^{\wedge}), скрывающуюся в норе (vro)», и т.д.

Идеографические иероглифы по характеру представления содержания напоминают сложные слова или сочетания слов, их значения есть объединение двух и более значений, передаваемых разными частями иероглифа; это объединение обладает той или иной мерой идиоматичностиTM.

6. Иероглифы **фонетической категории**, или фоноидеограммы, представляют собой сложные знаки, в которых семантическое значение передает только одна часть. Другая часть иероглифа указывает на его чтение. Соответственно первая часть называется термином «ключ» или «корень», а вторая — «фонетик». Например, Цб] *тун* 'медь' составлен из знака \$ 'металл' и фонетика **Ц** *тун*.

Сам иероглиф **Ц** *тун* значит 'вместе', но в составе знака используется только звучание этого знака. Фонетическая категория иероглифов наиболее распространена.

Классификация Сю Шэня представляет собой перечень разновидностей способов связи изображения и значения, т.е. перечень разновидностей «внутренних форм» письменных знаков.

Можно обнаружить известные аналогии между классификацией Сю Шэня и этимологиями античной теории именовании. Так, Платон делит имена по характеру их создания на «первые» и производные. «Первые»^и имена должны быть показом чего-то. Лучший способ для этого — сделать имена как можно более близкими к именуемым вещам, при этом предпочтительно называть вещи путем уподоблений [см. I, 46—47]. То же, из^{че}го следует составлять первые имена, есть буквы алфавита.

Таким образом, в основе первых имен лежит уподобление материала^{зн} знака вещи, которую он обозначает. Учитывая, что уподобление включает^{ст} в себя и «договор» и «назначение», первые имена Платон считает и

звукоизображением, и звуко-символизацией, т.е. первые имена примерно то же, что у Сю Шэня — изобразительные и указательные иероглифы, которые тоже есть уподобление и символизация, но только не в звуке, а в графике.

Далее выделяются категория заимствованных имен (например: πὸρ 'огонь' [см. 1, 44]) и категория измененных имен.

Об измененных именах сказано: «Разве ты не знаешь, любезнейший, что первые установленные имена уже искажены теми, кто хотел придать им более возвышенный характер, прибавляя и изымая буквы ради благозвучия и всячески их переворачивая, а также от приукрашивания и от времени... Например, Сфинкса они вместо Фикс называют Сфинкс и многое другое» [1, 45].

Сложные слова объясняются примерно так же, как идеограммы. Слово *антропос* 'человек' объясняется как «тот, кто рассматривает и обдумывает (*анатрен*) то, что он видит (*опонэ*)». То есть слово разлагается на части так, что каждая часть приблизительно созвучна другому слову, а смысл разлагаемого слова определяется сочетанием смысла созданных таким образом частей. Как научная этимология слова *антропос*, так и научная этимология почти любой идеограммы в иероглифике равно не могут быть даны.

Что же касается фонетической серии иероглифов, то в этимологиях Платона тоже намечен некоторый аналог этим знакам. Он утверждает, что буква ρ (*ро*) является «как бы орудием всякого движения» и связывает этот ряд слов, содержащих букву ρ: ρεῖν 'течь', ροῖ 'течение', τροχό 'дрожь', χρεχεῖν 'бежать', χροεῖν 'стучать', δρσσειν 'ломать', ρεῖχεῖν 'сокрушать', Οριπτο 'крошить' и т.д. [см. 1, 50]. Короче, слова делятся на две части: «ро» и все остальное. При этом первая часть «ро», указывая на некоторую общую идею, объединяющую эти слова, как бы является «корнем» ряда слов, ключом к пониманию их значения. Вторая часть безразлична к общей идее, она просто ее дифференцирует.

Таким образом, сходство этих этимологии Платона с фонетической категорией иероглифов Сю Шэня только в выделении «ключа», или «корня», и в безразличии к содержанию второй части слова. В фонетической категории иероглифов вторая часть иероглифа — фонетик — обозначает звучание. При буквенном письме эта функция не может быть представлена. «Ключ» у Платона как бы вмещает в себя и китайский фонетик. Главное сходство между фонетической категорией иероглифов и звуковыми символами Платона в принципе деления словесных знаков.

Проведенное сопоставление указывает на неслучайность шести категорий Сю Шэня. Можно предположить, что такой способ анализа словесных знаков свойствен всей Античности, но это особая проблема, которая нуждается в исследовании и для решения которой в нашем распоряжении мало материалов. Во всяком случае, так называемые вульгарные этимологии, восходящие к Платону, которые широко были представлены в европейской филологии вплоть до становления сравнительно-исторического метода в языкознании, действительно произвольно интерпретируют материал языка. Но вульгарные этимологии лимитированы своеобразным методом этимологизации, количество способов

этимологизации строго ограничено. Перечень этих способов в основном соответствует классификации Сю Шэня.

Указывая на эти аналогии, необходимо отметить следующее. Европейская филология, несмотря на большой объем этимологии, не построила и не кодифицировала этимологию каждого слова, что было начато Сю Шэнем и осуществлено в китайской традиции. Иначе говоря, в Европе не было предложено систематизации слов по этимологическим категориям. Европейские этимологии не стали поэтому правилами производства новых слов, тогда как категории Сю Шэня, напротив, стали правилами производства новых графических слов, т.е. грамматикой. Это различие можно объяснить характером письменности.

Шесть категорий Сю Шэня легли в основу систематизации существующих и производства новых знаков китайской письменности. Они стали основой иероглифической грамматики. Эта грамматика предполагает, что всякий иероглиф, существующий и создающийся вновь, отнесен к одной из шести категорий. Новый иероглиф не может быть создан каким-то иным способом, в противном случае он будет неправильным.

Легко показать, что система Сю Шэня построена на дистрибутивном основании. Для разделения письменных знаков по категориям в ней присутствуют следующие пары дифференциальных признаков: 1 — забытая и незабытая внутренние формы графического знака; 2 — несимволическая и символическая внутренние формы. Незабываемая внутренняя форма делится на простую (1.1) и сложную (1.2) внутренние формы в зависимости от членности внешней формы знака. Символическая внутренняя форма по отношению к внешней форме знака делится на форму фонетической символизации (2.1) и форму графической символизации (2.2). Эти признаки даны в следующей таблице:

\	Признаки	Забытая внутренняя форма	Незабытая внутренняя форма		Несимволическая внутренняя форма	Символическая внутренняя форма	
			простая	сложная		фонетическая символизация	графическая символизация
Категории \ иероглифов \		0.1	1.1	1.2	2.0	2.1	2.2
Изобразительные		-	+	-	+	-	-
Указательные		-	+	-	-	-	+
Идеографические		-	-	+	+	-	-
Фонетические		-	-	+	-	+	-
Видоизмененные		+	-	-	-	-	+
Заемствованные		+				+	-

Из таблицы видно, что все шесть категорий иероглифов Сю Шэня полностью различны в структурно-функциональном отношении.

Следующим важнейшим трудом китайской античной филологии является «Шимин» («Объяснение имен»). Его автор Лю Си жил во II в. н. э. «Шимин» также представляет собой словарь. Этот словарь повторяет тематический принцип и рубрикацию «Эръя». Тем самым автор подчеркивает, что он придерживается принципов «Эръя». Однако мысль Лю Си состояла в том, чтобы в отличие от «Эръя» дать этимологии каждого имени. Этим и объясняется название книги — «Объяснение [этимологии] имен [канонических текстов]».

В отличие от «Шовэнь цзецзы», где даны внутренние формы и этимология иероглифов, «Шимин» обращается к звучанию. Лю Си предполагает, что этимон, т.е. начальное имя, надо искать не в графике, а в связях звучания и значения. Сопоставляя одинаково и близко звучащие иероглифы, автор производит этимологические сближения, поясняющие звучание. Например: 'поток, большая река' (*цзян*) значит 'общее' (*гун*), коль скоро в поток (большую реку) объединяются все текущие воды; 'горький' (*ку*) происходит от 'плевать' (*ту*), поскольку горькое выплевывают [см. 5, 7] (чтения сопоставляемых иероглифов даны современные, в древности они читались одинаково или примерно одинаково).

Принцип этимологизирования, предложенный Лю Си, получил в истории китайской филологии особое название «шэнсюнь» (разбор звучания) в отличие от анализа внутренней формы графического знака у Сю Шэня. Метод «шэнсюнь» во многом схож с европейскими этимологиями, данными по созвучию. Принципов этимологических переходов значений Лю Си не дал (эти принципы появляются только в сравнительно-историческом языкознании). Однако «шэнсюнь» как метод анализа этимологии имел много подражаний не только в Китае, но и в западной китаистике.

Четыре работы — «Эръя», «Фанъянь», «Шовэнь цзецзы» и «Шимин» — дали основу главным направлениям китайской филологии.

3. Индийское грамматическое учение. Панини

Предыстория индийской античной грамматики существенно отличается от китайской в связи с иной графикой и иной культурной традицией.

Индийская письменность, будучи фонетической и звуко-буквенной, отличается от средиземноморских письменностей тем, что отмечает слоги и границы слов. С самого начала создатели алфавита предусмотрели фонетическое членение письменной речи

на гласные и согласные. Гласные и согласные стали писаться в разных строках. Согласные пишутся в основном ряду графем, а знаки гласных добавляются в виде надписных и подписных знаков. Тем самым в графике отмечаются семантическая важность согласных и дополнительный характер (с точки зрения этой важности) гласных (индийская система графики помимо пробелов в строке допускает еще одно средство графического членения речи — лигатуры) [см. 12, 5—6]. Поскольку согласные знаки сочетаются со знаками гласных не в одной строке, а по вертикали, возникает как бы перемножение всех знаков гласных на все знаки согласных, тем самым вертикальное членение письменной речи по буквам — всегда слог (реальный или потенциальный)¹.

Таким образом, в индийском письме гласные и согласные — всегда не только две фонетические парадигмы, но и две графические парадигмы, расположенные на разных линиях. Отсюда на каждой из линий (основной и дополнительных) можно видеть свои синтагмы графем и звуков: синтагмы согласных и синтагмы гласных.

Графика наглядно представляет отношение гласного и гласного, согласного и согласного, гласного и согласного. Поскольку гласные и согласные в реальном тексте не находятся в таких отношениях, когда одному согласному отвечает один гласный и наоборот, уже с самого начала становления письменной речи приходилось решать вопросы чередования графем из разных строк в одной линии звучания. Решение было простым: ввели общий знак для гласного, который был инкорпорирован в основной согласной строке. За этим гласным закрепили значение общего гласного «а». Прочие гласные по правилу надо произносить после того согласного звука, с которым знак гласного согласован по вертикали.

Порядок алфавита согласных отражает различие звуков по способу и месту образования, а каждая буква в порядке алфавита читается с общим гласным.

Поэтому индийская алфавитная традиция с самого начала обнаруживает, что «линия» речи фонетически делится на слоги и графически — на синтагмы и парадигмы графем, отражающих синтагмы и парадигмы фонем в системе языка. Такая структура индийского письма делала чрезвычайно удобными представление орфоэпических правил и лингвистический анализ.

Индийская культурная языковая традиция отличается еще одной чертой. В ней ясно разделены две независимые линии: линия

¹ По этой причине индийскую графику называют иногда слоговым письмом. Однако надо отличать собственно слоговую графику (вроде японской), в которой каждая графема записывает целый слог, а не его часть — фонему, от графики, где слог обозначен расположением фонем, но записываются все же отдельные фонемы (как в индийском письме).

собственно ведической традиции, или санскрита, и линия разных отклонений от вед, каждой из которых соответствует особая разновидность литературного языка — литературный пракрит. Так, для ведической традиции языком является санскрит, для буддийской — язык пали [см. 8].

Ведическая традиция сохраняет в себе все мифологические представления индийцев, канонизирует их, сводит в систему и на этой основе устраивает правовые, имущественные и этические нормативы. Создатели ведических канонов занимались «редактированием» и упорядочением мифологии, по мере возможности точно следуя мифологическим источникам. Отсюда содержание ведической традиции связано прямо с именами божеств, а тексты сакрализованы и возведены к божественным источникам¹.

Связь ведической традиции с обрядом, который включает в себя музыку, танец и изобразительные средства, предъявляла особые требования к правильности речи. Речь должна быть не только верной в отношении смысла, но и верной в отношении звуковой формы. Если не соблюсти эту орфоэпическую правильность, то нарушится должная связь между смежными искусствами, входящими в обряд. Поэтому правильность произнесения текста есть правильность ведения обряда и одновременно правильность языка.

Поскольку текст сакрализован, понятие о правильности текста в ведической традиции может употребляться почти как синоним понятия сакральности текста. На этой основе развивается индийская грамматическая традиция.

Грамматическая традиция индийцев весьма богата. Началом этой традиции считается грамматический трактат, созданный Панини [см. 28]. Как всегда, когда речь идет об античном тексте, передаваемом в форме рукописных списков, возникает много вопросов относительно авторства Панини, о его возможных и реальных предшественниках, аутентичности самого текста, изменениях этого текста с течением времени и т.п. Вопросы эти столь многочисленны, что и в Индии, и в Европе сложилась даже особая отрасль знания — паниниведение, изучающее все эти вопросы, а также строение текста Панини [см., например, 13; 14; 20; 21; 27; 28; 30; 31; 33; 34]. В соответствии с наиболее

¹ В этом ясно видна разница между китайской и индийской культурными традициями. Мифологические тексты китайцев были отредактированы и кодифицированы Конфуцием так, что мифологический пантеон был отделен от норм деятельности, поэтому тексты не сакрализованы и не возводятся к божественным источникам. С другой стороны, иероглифическая письменность китайцев, записывающая смысл, не предъявляет строгих требований к орфоэпии, тогда как индийская традиция целиком опирается на орфоэпию и ставит в центр учения именно верное произношение.

распространенным взглядом труд Панини был создан в период от VII до II в. до н.э.¹

Сам Панини в своем труде, называемом «Восьмикнижие», не признает своего авторства, а лишь отмечает, что передает и приводит в систему знания, которые накоплены до него и содержат сакральный смысл.

Такая позиция довольно типична для любого религиозного трактата, в котором новое, по правилам литературного ритуала, маскируется указанием на древность и сакральное происхождение основного содержания.

Труд Панини состоит из восьми глав, или «книг», каждая из которых делится на разделы, а разделы делятся на отдельные правила. Таким образом, строение труда Панини отвечает нормам индийской поэтической композиции. Однако текст Панини, по нашим представлениям, прозаический. Термины «Восьмикнижия» и его композиция указывают на то, что текст должен был заучиваться наизусть.

Всего «Восьмикнижие» содержит немногим менее 4000 правил. Каждое правило дано в виде определенного мнемонического приема, например: *iko yanaci*, т.е. вместо *ik* перед *ac* ставить *yan*. Для того чтобы показать суть этих приемов, попытаемся приблизительно изложить этим способом известное русское правило орфографии: «после *ж, ч, ш, щ* не пишется *ю, я*, а пишется *у, а*», имитируя мнемоническую технику Панини. В этом случае правило выглядело бы так: «*ж—к* после *у—н*», где группировки звуков *ж, ч, ш, щ* и *у, а* названы буквенными символами — *ж—к* и *у—н* соответственно, представляющими собой специальные термины, называющие грамматические классы.

Таким образом, правило Панини *iko yanaci* в русской передаче читается: перед звуками *a, /, u, z, /, e, o, ai, au*, которые названы символом *ac*, вместо звуков */, u, z, /*, которые названы символом *ik*, должны соответственно ставиться звуки *y, v, z, I*, которые названы символом *yan*.

Такой вид правил предполагал прежде всего то, что ученик заучивал их наизусть как мнемотехнические приемы, а учитель

¹ Индийские и китайские источники указывают на существование версий индийской грамматики до Панини, возводя начало грамматических знаний к богу Шиве. «Восьмикнижие» Панини считается окончательным вариантом грамматического канона, сложившимся в результате многократного редактирования и систематизации. Как известно, в тексте Панини есть упоминания о ряде его предшественников — грамматиках Бхарваджи, Шакатайна, Апишали, Шакалы, Гаргью и некоторых других; но материалов, подтверждающих эти высказывания, не сохранилось. После труда Панини индийская традиция занята преимущественно комментированием Панини и распространением этой системы на Ракриты. Лишь в XVII в. в так называемой Школе неограмматиков совершается Перестройка трактата Панини, но она по преимуществу касается порядка расположения правил, а не их содержания.

комментировал их содержание, снабжал примерами и пояснял тексты (последнее в случае необходимости).

По смыслу эти мнемотехнические афоризмы можно подразделить на следующие основные группы:

- 1) афоризмы, называющие и определяющие термины и символы мнемонических сокращений;
- 2) правила, касающиеся только орфографо-орфоэпического норматива, — правила о так называемых пратьяхара (*prathydhdras*);
- 3) правила, определяющие построение слов из морфем и предложений из слов;
- 4) правила позиционной альтернации морфем, выражающиеся в изменении их звукового облика.

• Мнемотехническая структура записи самих правил предполагает формально точную фиксацию синтагм и парадигм санскрита на всех уровнях грамматики. Для того чтобы дать представление о трактате Панини, удобнее всего начинать с принципов построения орфографо-орфоэпического норматива, как это сделано у Панини.

Панини начинает с установления перечня основных единиц орфографии и орфоэпии. Всего он выделяет 14 основных классов звуков. «Восьмикнижие» начинается с главы «Шивасутра» (т.е. канон, данный богом Шивой), в которой перечисляются буквы индийского алфавита. Но это перечисление отличается двумя особенностями: 1) буквы располагаются в определенном порядке; 2) при перечислении буквы разбиты на группы, отделенные друг от друга вертикальными черточками.

Каждая группа букв представляет собой фонетический класс. Каждый такой фонетический класс есть основная единица языка, на которую опираются правила грамматики. Вот эти классы.

1. <i>a</i> , /, <i>u</i> [п]	9. <i>gh(a)</i> , <i>dh(a)</i> ⁹ <i>dh(a)</i> [s]
2. Л Л И	10. <i>j(a)</i> ⁹ <i>b(a)</i> ⁹ <i>g(a)</i> ⁹ <i>d(a)</i> ⁹ <i>d(a)</i> [s]
3. <i>e</i> , <i>o</i> [п]	11. <i>kh(a)</i> ⁹ <i>ph(a)</i> ⁹ <i>ch(a)</i> ⁹ <i>th(a)</i> ⁹
4. <i>ai</i> ⁹ <i>ia</i> ⁹ <i>a</i> <i>u</i> [с]	<i>th(a)</i> ⁹ <i>c(a)</i> ⁹ <i>t(a)</i> ⁹ <i>t(a)</i> [v]
5. <i>h(a)</i> , <i>y(a)</i> , <i>v(a)</i> ⁹ <i>r(a)</i> [t]	12. <i>k(a)</i> ⁹ <i>p(a)</i> [y]
6. <i>l(a)</i> [п]	<i>U.s(a)</i> , <i>s(a)</i> ⁹ <i>s(a)</i> [r]
1. <i>n(a)</i> ⁹ <i>m(a)</i> ⁹ <i>h(a)</i> ⁹ <i>n(a)</i> [m]	14. <i>h(a)</i> [l]
% <i>jh(a)</i> ⁹ <i>bh(a)</i> [п]	

В «Шивасутре» алфавит разбивается на классы букв так, что ни один член одного класса не входит в другой, т.е. классы не пересекаются. Каждый класс имеет название, данное символически посредством конечной буквы этого класса, представляющее собой символическое название класса (в нашем изображении эта буква заключена в квадратные скобки). В «Шивасутре» значима также последовательность классов и каждой буквы в классе. Сначала располагаются гласные (классы 1—4), затем полугласные (классы 5—6), носовые (класс 7), смычные (классы 8—12), под-

разделяемые на смычные придыхательные (классы 8—9) и смычные непридыхательные (классы 10—12), сибиланты (класс 13) и особый класс, состоящий из одного звука *h*.

Последовательность звуков в классах также фиксирована.

После «Шивасутры», открывающей «Восьмикнижие», начинается изложение правил грамматики уже не от лица бога Шивы, а от лица самого Панини. Панини начинает с того, что объединяет буквенные классы «Шивасутры» в классы, которые названы пратьяхара. Пратьяхара представляют собой соединения рядом стоящих классов «Шивасутры». Каждый класс пратьяхара, включающий в себя два и более класса «Шивасутры», имеет название, образуемое путем сочетания первой буквы класса «Шивасутры», с которого начинается пратьяхара, и конечной (символической) буквы последнего класса «Шивасутры», входящего в данную пратьяхара.

Так, класс «Шивасутры», называемый *ap*, содержит звуки *a*, */*, *u* и символ [п], а класс «Шивасутры», называемый *гк*, содержит звуки *г* и */* и символ [к]. Объединение этих двух классов образует пратьяхара *aK*, в которой содержатся следующие звуки: *a*, */*,

Можно объединять любое количество классов «Шивасутры» в пратьяхара! Так, пратьяхара *aL* будет содержать все классы «Шивасутры».

Пратьяхара может начинаться не только с начального звука класса «Шивасутры», но и с нена начального. Например, пратьяхара *иK* содержит звуки *и*, *jr*, */*, т.е. звук *и* из класса «Шивасутры» *ap* и все звуки следующего класса «Шивасутры» *гк*.

Нельзя менять только последовательность классов и звуков в классах.

Таким образом, разных пратьяхара может быть столько, сколько может быть разбиений последовательности букв в порядке, данном «Шивасутрой», от начала к концу алфавита и от конца к началу алфавита по границам буквенных классов «Шивасутры». Этим дается универсальный принцип образования классов звуков, позволяющий создать достаточно большое число таких классов. Число возможных пратьяхара можно определить как сумму произведений числа букв, входящих в каждый класс «Шивасутры», на номер класса, определяемый в обратном с конца «Шивасутры» порядке:

$$E = 14n + 13k + 12п + 11с + \dots + 11,$$

или

$$14-3 + 13-2 + 12-2 + 11-3 + \dots + 1-1 = 316.$$

Такое число классов значительно превышает потребности описания морфонологических правил санскрита. Поэтому в «Восьмикнижии» применяется только 41 пратьяхара. Такой состав классов

достаточен для изложения всех орфоэпических и морфонологических правил санскрита.

Приведем эти классы:

aL, aS, aM, aN, aT, aC, aN, aK, aN, iN, iC, iK, eC, eN, aiC, hL, hʃ, yR, yY, yN, yM, yN, vL, rL, vS, mY, nM, jhL, jhR, jhY, jhS, jhS; bhS, jS, bS, khR, khY, chV, cR, sL, sR.

Группировка звуков в этих 41 пратьяхара, используемых Панини, как будет показано ниже, имеет уже не только фонологический, но и морфонологический смысл. Так, *ак* пратьяхара содержит изначальные монофтонги, *уап* пратьяхара — полугласные и ликвиды. Смысл пратьяхара в том, что они отмечают парадигмы звуков в морфемах.

Таким образом, давая правила расстановки классов пратьяхара в последовательности слогов и морфем, можно получить описание последовательностей классов (парадигм) фонем, составляющих слоги и морфемы.

Разбиение звуков на пратьяхара имеет тот смысл, что звуки, принадлежащие одному пратьяхара, никогда не образуют последовательности двух звуков, т.е. они всегда есть члены парадигм фонем, но не члены фонемных синтагм. Отсюда следует, что пратьяхара дает теоретическую возможность подсчитать число парных звуко сочетаний путем умножения членов одного пратьяхара на все члены прочих пратьяхара, т.е. позволяет определить последовательности звуков, представленных в санскрите, и таким образом дать правила комбинирования звуков в речи.

Однако такое описание последовательностей звуков не считается с фонетическими процессами аккомодации и ассимиляции, представленными в речи. Многие сочетания недопустимы, так как противоречат этим законам.

Кроме общих законов аккомодации и ассимиляции, существуют их конкретные разновидности, такие, как чередование гласных, явление сандхи — изменения звучаний на границах слогов и т.п.

Для описания законов аккомодации и ассимиляции необходимо предварительно установить свойства отдельных звуков.

В индийской традиции звуки речи подвергаются фонетическому исследованию и дается классификация фонем по дифференциальным признакам:

1. По месту артикуляции (*sthana*) различаются следующие звуки: глоточные (*kanihya*), палатальные (*talavya*), какуминальные (*murdhanyd*), дентальные (*dantyd*) и лабиальные (*osthyd*).

2. По участию ротовой полости различаются звуки внешнего (*bahyaprayatna*) и внутреннего (*abhyantaraprayatna*) образования.

Признаки внутреннего образования описывают отношения между пассивными органами артикуляции в полости рта и языком при образовании звуков. По признакам внутреннего образо-

вания определяются все ступени таких контактов от полного смыкания до полного раствора:

- 1) звуки полного контакта (*sprsta*);
- 2) звуки легкого контакта (*Tsatsprsta*);
- 3) закрытые (*samvrta*);
- 4) полужакрытые (*isadvivrtta*);
- 5) открытые (*vivrtta*).

Эти же звуки различаются и по формам контакта, определяющим движение воздушной струи через ротовую полость, подразделяясь: на смычные (*sparsa*), полугласные (*antahstha*), спиранты (*usrnari*) и гласные краткие и долгие.

Признаки внешнего образования описывают характер действия голоса и резонаторов, в связи с этим звуки различаются:

- 1) по открытию и закрытию глоточной полости (*vivdra, somvdra*);
- 2) проточные или резонансные (*svdsa, nddd*);
- 3) вокализованные или невокализованные (*ghosavat, aghoso*);
- 4) придыхательные или непридыхательные (*mahdprana, alpaprana*);
- 5) назализованные или неназализованные (*sdnundsika, niranundsika*).

Характерной особенностью данной классификации является то, что гласные и согласные описаны в одной системе признаков. Классификация похожа на принятую у европейцев классификацию согласных: по месту артикуляции, способу артикуляции, характеру воздушной струи при образовании звука. Но индийская классификация равно включает гласные и согласные и потому имеет другую систему признаков. Подобно классификации Ф. де Соссюра, индийская классификация градуальна, т.е. описывает как бы ступени в растворе полости рта (полный и легкий контакты органов артикуляции; закрытые, полужакрытые и открытые звуки). Градуальный характер носит описание признаков места образования звуков, от глоточных до губных. Лишь признаки внешнего образования даются парами и составляют эквивалентные оппозиции.

Гласные, выделенные как отдельный класс, — пратьяхара, различаются и особым дифференциальным признаком — ударением, или, иначе, по долготе, подразделяясь по трем признакам на высокие, низкие и средние (соответственно *uddtta, anuddtta, svarita*).

Дифференциальные признаки звуков — артикуляционные. Они сформулированы так, что могут быть отнесены к любому из звуков (со знаком «+» или «-»). Исключение составляют только признаки долготы гласных.

Легко убедиться, что выделенные дифференциальные признаки исчерпывающе могут характеризовать любой звук из любого Класса пратьяхара и соотносимы с обычной классификацией звуков независимо от их морфонологической роли.

Так, гласные характеризуются как вокализованные, непридыхательные, закрытые, резонансные (*ghosavat*, *alpaprana*, *samvdra*, *ndda*).

Смычные согласные могут образовывать определенные ряды:

<i>к</i>	<i>kh</i>	<i>g</i>	<i>ϕ</i>	<i>n</i>
<i>с</i>	<i>ch</i>	<i>ǰ</i>	<i>Jh</i>	<i>h</i>
<i>t</i>	<i>th</i>	<i>d</i>	<i>dh</i>	<i>n</i>
<i>t</i>	<i>th</i>	<i>d</i>	<i>dh</i>	<i>n</i>
<i>p</i>	<i>ph</i>	<i>b</i>	<i>bh</i>	<i>m</i>

Каждый горизонтальный ряд характеризуется одним местом артикуляции (*stand*). Первый ряд — глоточные, второй — палатальные, третий — какуминальные, четвертый — дентальные и пятый — губные. Вертикальные ряды также различаются одним дифференциальным признаком. 1-я и 2-я вертикальные строки содержат невокализованные звуки (*aghosa*), тогда как 3, 4 и 5-я — вокализованные (*ghosavat*); 1-я и 3-я вертикальные строки содержат непридыхательные звуки (*alpaprana*), тогда как 2-я и 4-я — придыхательные (*mahdprana*), а 5-я вертикальная строка — назализованные (*sdnundsika*).

Аналогичным образом охарактеризованы полугласные и спланты.

Зная это, можно перейти к описанию влияния звука на звук, т.е., говоря современными терминами, к законам аккомодации и ассимиляции. Для этой цели вводятся два понятия: а) *одинаковость звуков* (одинаковыми звуками считаются звуки одного места образования и одного способа образования); б) *подобие звуков* (звуки могут быть подобными либо по месту образования, либо по способу образования).

Понятия одинаковости и подобия звуков удобно проиллюстрировать при помощи приведенных выше рядов смычных согласных. Одинаковыми считаются звуки в потоке речи, которые идентифицируются со звучаниями букв, находящихся на пересечении горизонтальных и вертикальных рядов (т.е. любое *к* одинаково с другим *к* в тексте и с *Б* указанных рядов). Подобными считаются звуки в потоке речи, идентифицирующиеся со всеми звучаниями букв, занимающих либо вертикальный, либо горизонтальный ряды: так, например, подобны *к*, *kh*, *g*, *gh*, *n*, подобны *к*, *с*, *t*, *t*, *p*.

Поскольку существуют дифференциальные признаки, общие для гласных, согласных, сплантов и ликвидов, понятие подобия охватывает все звуки языка и снимает различие между ассимиляцией и аккомодацией, принятое в европейской традиции, сводя все фонетические процессы в речи к одному общему закону: звуки уподобляются друг другу в процессе речи по дифференциальным признакам, данным в классификации.

Дифференциальные признаки далее прилагаются к группам пратьяхара, и эти группы составлены из звуков, подобных по определенным признакам.

Например, *ак* пратьяхара содержит звуки я, /, *u*, г, /. Все они вокализованные (*ghosavat*), непридыхательные (*alpaprndna*), проточные (*svdsa*), закрытые (*vivdra*) и т.д.

Таким образом, каждый класс пратьяхара характеризуется определенными дифференциальными признаками, отличающими его от других классов пратьяхара. Фонетическое значение каждый такой класс приобретает в целом виде. Поэтому речь, записанная как символы классов пратьяхара, может быть прочтена в терминах дифференциальных признаков звуков.

Разные классы пратьяхара могут иметь общие дифференциальные признаки; например, *ак* пратьяхара и *yan* пратьяхара в равной мере характеризуются как вокализованные (*ghosavat*) и т.п. Но кроме общих признаков, уподобляющих *ак* пратьяхара и *yan* пратьяхара, каждый звук одного класса по отдельности подобен звуку другого класса; например, классы *ак* пратьяхара и *yan* пратьяхара содержат подобные по артикуляции пары звуков: *i—y*, *u—v*, *z—z*, *l—l*. Итак, звуки *ак* пратьяхара и *yan* пратьяхара являются вокализованными (*ghosavat*), непридыхательными (*alpaprndna*) и т.д. Но звуки *ак* пратьяхара порознь подобны звукам *yan* пратьяхара; например, / и *y* — дентальные, *u* и *v* — губные и т.д.

Отсюда следует общее правило: к разным пратьяхара принадлежат только подобные звуки, к одной пратьяхара — и одинаковые, и подобные звуки. Подобные звуки, принадлежащие к разным пратьяхара, называются саварнья (*savdmya*). Звуки, принадлежащие к одной саварнья, всегда относятся к разным пратьяхара. Звуки, принадлежащие к одному классу пратьяхара, всегда относятся к разным саварнья. Например, *u* и / составляют саварнья, но входят в разные пратьяхара. Иначе говоря, две разные пратьяхара, поставленные рядом как синтагма, содержат последовательности подобных звуков — саварнья.

Отсюда, говоря современными терминами, возможна морфологическая идентификация фонем. Каждая пратьяхара представляет парадигмы морфофонем, а саварнья, т.е. подобные звуки, входящие в разные пратьяхара, представляет синтагмы морфофонем.

Если в некоторой морфеме, находящейся в определенной позиции, один класс пратьяхара заменяется другим, то конкретное чередование звуков в данной морфеме устанавливается по саварнья. Такое чередование не играет смыслообразительной роли, так как здесь оказывается представлен позиционный вариант фонемы. Если же мена звуков в морфеме не устанавливается по саварнья, то здесь представлены не варианты фонемы, а две фонемы, различающие две морфемы или два морфа.

После того как вопрос об идентификации морфофоном и фонем решен, можно создавать правила конкретного чтения и составления графического текста. Это и есть грамматика.

Построение грамматики не такое, как принято в европейской традиции. В европейской традиции сначала излагаются общие категории (например, части речи), а затем даются фонетические изменения слов, имеющие словоизменительную и словообразовательную функции. Индийская традиция, напротив, отправляется в изложении грамматики от низшего уровня и рассматривает фонетическое изменение слов как точку отсчета. Дано фонетическое изменение слов — надо показать, с чем оно связано в грамматике и что оно дает для построения и понимания текста. Для этой цели Панини выделяет полный инвентарь контекстов, определяемых как сочетания двух и более морфем, вплоть до грамматически правильного предложения, где возможны изменения единиц и классов пратьяхара, связанных или не связанных с саварнья. Этот инвентарь контекстов и составляет перечень правил, даваемых Панини в его «Восьмикнижии» [см. 28]¹.

Грамматические контексты, в которых отмечаются изменения звучания, описанные в терминах пратьяхара и саварнья, систематизируются в понятиях морфологии. В основе этой систематизации лежит различение следующих важнейших явлений языка: корня и аффикса, словообразования и словоизменения.

Корни в индийской грамматической традиции даны списком. Панини одновременно с составлением «Восьмикнижия» дал отдельно перечень корней, сопроводив каждый корень толковани-

¹ Так, например, о звуке **a** известно, что в сочетании таком-то он изменяется так-то. Перечисляя контексты саварнья, связанные с **a**, Панини создает морфонологический класс **vrdhhi: a, ai, ai**, играющий грамматическую, формообразующую и словообразующую роль. Перемены звучания **a, ai, ai** меняют грамматическое значение определенным образом. Точно так же образуется и другой класс гласных **guna: a, e, o**. **Vrdhhi** и **guna** есть внутренняя флексия. Гласные, не входящие во **vrdhhi** и **guna** и не участвующие во внутренней флексии, все же считаются флексией, коль скоро могут чередоваться с нулем звука.

Исходный класс, состоящий из нуля звука и звуков / и **i**, не входящих в **vrdhhi** и **guna**, служит только для различения морфем.

Vrdhhi, guna и исходный класс фонетически описываются как ступени открытости гласного:

Ступень	L a e o
Ступень vrdhhi	a ai ai
Исходные звуки	φ i и

В каждой вертикальной колонке располагается морфофонема, горизонтальные строки отмечают санскритские фонемы. Видно, что для систематизации фонологических и морфонологических отношений необходимо введение нуля. Отсюда у Панини появляется понятие значимого отсутствия звука [см. 28, 3—10].

Таким образом дается фонологическое объяснение грамматических изменений и подтверждается глубокая связь между фонологией и грамматикой.

ем его значения. Корни в списке разделены на классы. Классы корней характеризуются каждый своим отношением к суффиксам, с которыми корни соединяются, образуя слова.

Так, все корни считаются в принципе глагольными, но выделяется особый класс, который может образовывать имена без именных словопроизводных аффиксов.

Производится следующая систематизация: всякий корень способен присоединять к себе суффиксы времени и лица, т.е. всякий корень — глагольный. Для того чтобы от глагольного корня образовалось имя, необходимо добавить к глагольному корню суффикс имени, т.е. суффикс словообразования; в этом случае можно присоединить далее падежные суффиксы. Таким образом производятся все слова, содержащие то или иное именное значение: существительные, прилагательные, причастия.

Однако бывают случаи, когда слова с именным значением образуются без помощи именного (словообразовательного) суффикса. Это дается особым правилом, называемым «уничтожение» (*lopo veh*) [см. 28, 56]. «Уничтожение» есть введение нулевой морфемы, т.е. некоторого значимого члена парадигмы, представленного нулем.

Суммируя правила, определяющие строение слов и предложений, можно сказать, что Панини представляет предложение как сочетание имени и глагола. Имя и глагол представляют собой цепочки морфем. Каждый член цепочки представляет парадигму корней или аффиксов.

Максимально полная синтагма таких парадигм выглядит следующим образом:

$$\begin{aligned} &(\text{корень имени}) = (\text{stripratyaya}) = (\text{taddhita}) = \\ &= (sUP) - (\text{корень глагола}) = (\text{vikrana}) = (\text{prakriya}) = (\text{krit}) = (\text{tiN}). \end{aligned}$$

Индийские термины в этой формуле есть названия парадигм суффиксов, данные Панини и применяемые с тех пор.

Вслед за именным корнем следует парадигма *stripratyaya*, дающая значение различия родовой принадлежности имени. За *stripratyaya* следует парадигма, называемая *taddhita*, т.е. «приставленная к тому, что было ранее». В нее входят суффиксы, обозначающие потомство или фамилию, цвет и т.п. словопроизводные значения. Эта парадигма достаточно велика. За нею следует парадигма *sUP*. Название *sUP* представляет собой символическое стяжение всех падежных суффиксов. Оно образовано окончанием именительного падежа -я и окончанием локативного падежа -s плюс символ падежных окончаний *UP*. Таким образом, это название образовано по тому же принципу, что и название морфофонема *Nbix* классов пратьяхара.

За корнями глаголов следуют суффиксы, называемые *vikrana*. С помощью этих суффиксов различаются десять классов глагольных основ. За *vikrana* следует класс *prakriya*, выражающий значе-

ния видов и модальностей, такие, как значение дезидератива, фриквентатива, каузатива и т. п. Сюда же входят и залоговые значения. Весь класс *prakriyd* принято называть вторичной основой. Далее идут первичные аффиксы, называемые *krit*, формирующие первичную основу в виде аффиксов причастий, деепричастий, инфинитива и т. п. Завершает цепочку глагола парадигма финитных форм, называемая *UN*. Это название есть стяжение окончания 3-го лица *-//* и окончания 1-го лица множественного числа медиопассива *-mahi* [N], где N обозначает название класса по принципу пратьяхара.

Таким образом, грамматика дает идеальную морфемную схему предложения. Предложение расширяется путем введения новых корней. Введение нового корня предполагает и добавление аффиксов. Цепочка аффиксов может быть неполной, и тогда действует правило «уничтожение» (*lopo veh*), т.е. в парадигму вводится нуль аффикса. Итак, перед нами схема порождения высказывания.

Кроме описания парадигм и всех суффиксов, входящих в парадигмы, даются правила альтернации суффиксов, вызванной фонетическими причинами, и правила пограничных влияний морфемы на морфему, так называемые *sandhi*. Сандхи излагаются в терминах пратьяхара.

В соответствии с принципами этой системы разрабатывается номенклатура грамматических категорий. Наряду с грамматическими морфемами в правила «Восьмикнижия» входит также и перечень особых корневых морфем, которые не подчиняются общим закономерностям, так как выражают особые понятия, например имена богов или названия особых реалий. Относительно каждой морфемы создаются специальные морфонологические правила.

Таково основное содержание труда Панини. Система изложения состоит из трех компонентов: а) формулирования отдельного правила, являющегося содержанием каждого стиха-шлоки; б) формулирования терминологической системы; в) общей композиции глав и их последовательности.

«Восьмикнижие» достаточно хорошо изучено с точки зрения содержания. Труд Панини понятен благодаря тому, что каждый стих-шлока представляет собой отдельное правило. Отсюда вся совокупность правил может быть воспринята как свод правил. Грамматику Панини можно читать так же, как читают словарь, т.е. необязательно подряд, но с любого места и в любом порядке шлок-статей [см. 28]. Может показаться, что Панини стремится не ограничивать себя строгими рамками в отношении последовательности изложения правил, так как важно знание всей суммы правил, а не системы, в которой они даются.

Однако такая «свобода компоновки» только кажущаяся. Явно не случайным является разбиение всего корпуса правил на восемь

книг. Восьмичленность есть характерный признак композиции античных сочинений Востока, игравший определенную логико-онтологическую роль. Конкретные основания, в силу которых Панини разбивает всю совокупность правил на восемь частей, еще нуждаются в специальном исследовании, которое может по-новому осветить принципы лингвистического мышления древних.

Композиционная цельность в отношении последовательности изложения правил проявляется у Панини в том, как вводится грамматическая терминология (так называемая «цепная техника»), формулирование правил у Панини производится двумя путями: а) введением некоторого названия для грамматического явления (правила типа: «явления языка $\hat{}$ называются или значат У»); б) введением правил оперирования с явлениями языка, имеющими наименование [правило типа: «все (или некоторые) явления языка, именуемые У⁹ в таком-то случае употребления таковы»].

Таким образом, существуют правила называния и правила применения. Правила называния всегда предшествуют правилам применения. Следовательно, изложению правил задан строгий порядок — нельзя вводить правило применения явления, если выше не было названо явление. Поскольку же любое явление языка «представляет весь язык», всю систему языка, расположение правил в должной последовательности есть немалое искусство [см. 34; 28].

Этим последовательность правил у Панини напоминает последовательность слов в наших словарях, где слова даются в алфавитном порядке. В словарях такая последовательность нужна для удобства поиска слова. У Панини последовательность правил ориентирована на изустное их заучивание с целью порождения по **ЭТИМ** правилам, как по абстрактной схеме, хранящейся в памяти, конкретных высказываний: предложений, слов и их частей.

Так, последовательность букв алфавита в «Шивасутре» избирается таким образом, чтобы их морфонологические замещения можно было описать, давая им последовательные определения по грамматическим контекстам. При этом описывается систематика грамматических контекстов от простого к сложному так, что ни одно определение не повторяется. Для этого сначала дается свободное варьирование морфем, потом несвободное. Затем несвободное варьирование морфем представляется во все более длинных грамматических контекстах. Попутно приводятся определения грамматических контекстов и формулируются правила применения грамматических форм. Таким образом, система определений последовательна. Эта последовательность обеспечивается наиболее экономным сочетанием морфонологических правил с **Правилами** морфологии и фонологии.

Итак, система «Восьмикнижия» есть система правил, имплицитно описывающая соотношения уровней языка отдельно для **каждого свода** правил на каждую букву. В настоящее время пред-

принимаются попытки выработать правила машинного синтеза текста, основываясь на принципах систематики, введенных Панини.

Поскольку «Восьмикнижие» есть нормативное описание языка, целесообразно в самом общем виде рассмотреть принцип нормирования языка, примененный Панини.

Описание языкового норматива всегда состоит из двух частей: а) того, что эксплицитно выражено и дано в виде правил, и б) того, что остается за пределами эксплицитного выражения и представляет собой либо неправильные употребления, либо употребления, не рекомендуемые грамматикой.

В отличие от китайской традиции, где грамматическая норма дается в словаре и потому все морфемы перечислены, в индийской грамматической традиции существует список морфем, данных отдельно от грамматики. Дан закрытый список букв и соответствующих им звуков. Предполагается, что любая комбинация этих элементов языка, отличающаяся от другой комбинации составом или местом элементов, имеет значение или могла бы его иметь. Таким образом, устанавливается принцип построения единиц языка как комбинаций элементов нижележащего уровня, различающих смысл высказывания.

Все единицы языка отсюда могут быть исчислены по правилам комбинаторики и вместе составляют очень обширный класс языковых единиц, список которых, однако, не является открытым для каждого из уровней. Таким образом, закрыты и список звуков-букв, и список их комбинаций.

Далее на список комбинаций налагаются дополнительные ограничения. Так, различимыми и значимыми могут быть все комбинации звуков, кроме тех, которые специально оговорены в правилах. В правилах «Восьмикнижия» оговорены все те комбинации звуков, которые образуются благодаря особенностям правильного произношения, при котором существуют физические взаимовлияния звуков, т.е. семантически незначимые мены звуков, например все, что связано с саварнья.

Семантически незначимые мены звуков существуют только в определенных грамматических условиях. Сами же грамматические условия есть дополнительные ограничения высшего уровня, наложенные на комбинаторику звуков.

Итак, в индийской традиции декларируется возможность любых комбинаций элементарных единиц языка — звуко-букв. Из них в плане различения предметного значения выделяется класс незначимых комбинаций. Незначимость таких комбинаций объясняется либо чисто фонетическими, либо грамматическими условиями. Отсюда правильная речь основана на знании всех незначимых комбинаций и построении единиц языка, которые значимы для выражения смысла или могут быть значимы.

Таким образом, грамматика Панини — это искусство формирования плана выражения языка для достижения точности плана содержания. Пользование всеми правилами грамматики предполагает построение высказываний, безупречных с точки зрения понятности значения и формы.

Грамматика Панини не предполагает какой-либо систематики плана содержания. Она предоставляет плану содержания полную свободу в пределах плана выражения. Этим грамматика Панини похожа на формальную поэтику прозаической и стихотворной речи, строго канонизирующую план выражения языка. Поскольку план выражения строго определен и канонизирован, создание значимых комбинаций звучания также предопределено. Оно составляет весьма значительный, но закрытый список единиц всех уровней. Пользуясь грамматикой Панини, нельзя образовать бесконечно большого числа высказываний. Да это и не надо. Во-первых, потому что предусмотренное количество значащих единиц достаточно велико и они с успехом удовлетворяют нужды правильного языка. Во-вторых, потому что правильный язык — язык канонический и количество текстов на этом языке может быть ограничено, учитывая назначения этих текстов.

План содержания санскрита, по мысли древних индийцев, должен был быть определен каноническими сочинениями о разных видах деятельности — сакральной, практической, юридической и т. п. Совокупность таких текстов исчерпывающим образом определяет правильное поведение члена общества, позволяет ему найти свое место в мире и «упорядочить себя». Лингвистический трактат Панини, таким образом, органически входит в культуру Индии и является ее существеннейшим этическим элементом¹.

Логические трактаты индийцев в отличие от трактатов греков отделены от лингвистического канона. Силлогистика у индийцев не получила такого развития, как у греков. Философская интерпретация познавательных функций языка по большей части сводится к интерпретациям отношений предложения и слова. Этимологические проблемы, так же как и вопросы происхождения языка, не занимают заметного места в индийской традиции. Традиция индийской логики интересна прежде всего тем, что она исследует все возможные правильные суждения, составлен-

¹ Поскольку план содержания языка упорядочен совокупностью норм деятельности, фиксированных канонами, а план выражения языка фиксирован трактатом Панини, познавательная деятельность индийцев, естественно, направлена на психологию личности. Познавательная деятельность с этой точки зрения есть прежде всего регулирование отношений личности к предметной действительности и к текстам. Исследование психологии знания приобретает в Древней Индии огромный размах. Создается множество школ и систем, дополняющих друг друга. Видимо, в связи с этим сравнительно мало внимания уделяется познавательной функции логики.

ные из одних и тех же понятий. Такой способ анализа правильности суждений напоминает исчисление всех трансформаций одного суждения, при котором любое суждение эквивалентно другому с точки зрения логического содержания. Соответственно этому взгляду определяется и природа слова. С точки зрения индийского философа Бхартихари, слово не есть физическая реальность (поскольку слово участвует в разных предложениях и обуславливает тождество их логического содержания), а есть особая «духовная» сущность. Слово есть некоторый абстрактный инвариант, который тождествен сам себе в разных своих физических реализациях.

Таким образом, индийская культура вырабатывает наиболее строгий лингвистический подход к языку. Ей свойственно ясное понимание нормативности, системности, экономности, инвариантности. Эти особенности индийской традиции сочетаются с имплицитно заключенной в них идеей ограниченности текстов в правильном языке.

4. Греко-латинское (средиземноморское) грамматическое учение

Языкознание как наука (а не как грамматическое искусство) более всего опиралось на греческую и латинскую грамматики. Греческая и латинская грамматики являются в значительной мере преемниками древней культуры Передней Азии и Египта. Письменность греков прямо восходит к переднеазиатским письменностям, а через них — и к письменности Древнего Египта. Треки, заимствовав свою графику из переднеазиатских письменностей, внесли одно важное дополнение: они стали писать не только согласные, но и гласные, располагая все звуки — гласные и согласные — в одной строке. Тем самым функциональное отличие гласных от согласных в структуре слога и слова оказалось невыраженным. Это, по-видимому, наложило определенный отпечаток на грамматику, которая в греко-латинской традиции строит систему категорий, идя от более общих категорий слова и предложения к более частным категориям — разновидностям слов, слогов и звуков, записанных буквами.

Другая важная черта состоит в том, что грамматическое учение развивается прямо из философских трактатов Античности, прежде всего из трактатов греческих философских школ. При этом почти все философские школы так или иначе занимались проблемами языка и проблемами устройства письменной речи.

Конкретные достижения в греко-латинской лингвистической традиции не столь легко связываются с именами конкретных личностей, как в Индии и Китае (Панини, Сю Шэнь). Они связаны с большой группой авторов, работавших в разных местах, спорив-

ших друг с другом и дополнявших один другого. Очевидно, это объясняется тем, что грамматическая система (или системы) была лишена государственного авторитета или сакрального смысла и рассматривалась наряду с практическими видами деятельности (например, плотницким делом, агротехникой) как социальнополезный специализированный продукт.

История языкознания связывает становление грамматического искусства в греко-латинском мире с именем Аристотеля. Будучи учеником Платона, Аристотель по-новому отнесся к языку как к предмету (отдельному) исследования.

Слова, выраженные звуками, суть символы представлений в душе, а письма — символы слов [цит. по: 1, 60].

Подобно тому как письма не одни и те же у всех людей, так и слова не одни и те же. Но представления, находящиеся в душе, которых непосредственные знаки суть слова, у всех одни и те же, точно так же и предметы, отражением которых являются представления, одни и те же [цит. по: 1, 60].

В этих высказываниях усматриваются основные положения синхронического описания системы языка, принятые в лингвистике, условность связи между сторонами билатерального языкового знака, психический характер единиц плана содержания и немотивированность знака. Все это коренным образом отличается от предмета исследования Платона — связей между планами содержания и выражения, возникающих в процессе именованности. Таким образом, если Платон в теории именованности занимается становлением речевой деятельности, то Аристотель рассматривает язык как проявление сложившейся системы деятельности.

Перемена точки зрения ведет к становлению нового предмета исследования и к иному пониманию строения речи. Слово, по Аристотелю, само по себе не может быть ни истинным, ни ложным (оно есть просто знак, символ представления). Этим как бы снимается главный предмет исследования Платона — правильность имен. Истина и ложь, по Аристотелю, заключены в построении соединенных слов. «Имена же сами по себе и глаголы подобны мысли без соединения или разъединения, например "человек" или "белое", **Пока** ничего не прибавляется; такое слово не ложно и не истинно, **Хотя** и обозначает нечто...» [цит. по: 1, 60]. Ибо, как отмечает Аристотель, «истина и ложь состоят в соединении и разъединении» [цит. по: 1, 60].

Из этих посылок в равной степени развиваются лингвистическое знание и логическое знание, что подтверждается развитием ****ауки**. Так, если заняться изучением «соединения» и «разъединения» слов, исследуемых под углом зрения лжи и истины, то будет **Формироваться** логика; если же заняться исследованием слов самих себе, без отнесенности ко лжи и истине, то получится грамма-

тическое искусство. Как известно, Аристотель развил логическое учение. Грамматическое искусство он рассмотрел лишь в той мере, в которой это было необходимо для построения логики.

Для логики, как минимум, нужны две вещи: отождествление словоупотреблений, выражающих одно и то же понятие, и классификация употреблений слов. Первое представляет собой выведение инварианта слова, где учитывается такое варьирование материала речи, при котором одни и те же психологические представления и понятия остаются неизменными в процессе рассуждения. Классификация употреблений слов — это установление у них общих значений, по которым слова соединяются и образуют правильные или неправильные с точки зрения логики суждения.

В соответствии с этим была развита терминология. Варианты слов получили название «падежи», а классификация употребления слов привела к выделению имени и глагола.

Имя есть звук с условным значением, без отношения ко времени, отдельная часть которого (звука) ничего не обозначает [цит. по: 1, 80].

Глагол есть слово, которое обозначает еще и время, часть которого в отдельности не имеет значения, и которое служит всегда обозначением для высказывания об ином [цит. по: 1, 61].

Итак, я говорю, что глагол обозначает еще и время: например, «здоровье» есть имя, а «он здоров» есть глагол, ибо им обозначается присутствие (признака) в нынешнее время... Далее, глагол служит всегда обозначением сказанного об ином, например о подлежащем или о том, что в подлежащем [цит. по: 1, 61].

Из сказанного ясно, что Аристотель разграничивает имена и глаголы прежде всего как слова, выражающие субъект и предикат суждения.

Если глаголы высказаны сами по себе, то они суть имена и обозначают собой нечто, ибо говорящий останавливает свою мысль, а слушающий удовлетворен; однако они не указывают, существует ли это нечто или нет, ибо бытие или небытие суть признаки предмета, даже и тогда, когда скажешь «сущее» просто, само по себе; само по себе оно ничто и содержит лишь указание на известного рода соединение, которое, однако, нельзя мыслить без соединяемого [цит. по: 1, 61].

И имя, и глагол равно варьируют, т.е. имеют «падежи».

Филона же или Филону и тому подобные выражения не суть имена, а падежи имен [цит. по: 1, 61].

Подобным же образом «он был здоров» и «он будет здоров» — не суть глаголы, а падежи глагола и отличаются от глагола тем, что глагол обозначает собой нынешнее время, а падежи — время до и после нынешнего [цит. по: 1, 61].

Таким образом, у Аристотеля «падеж» — это частичный отход, «уклонение» от основного, прямого значения и употребления,

это все те грамматические и лексические изменения значений, которые не влияют на логическое истолкование членов суждения, сохраняя неприкосновенным их основной смысл. Выделение членов суждения вытекает из конструкции суждения.

Необходимо, чтобы всякое суждение заключало в себе глагол или падеж глагола, ибо выражение «человек» не есть суждение до тех пор, пока не присоединено «есть», или «был»... или нечто подобное [цит. по: 1, 62].

Итак, часть речи — имя и глагол — и их «падежи» представляют собой функциональные категории, которые различаются по употреблению.

В трактате «Поэтика» Аристотель вводит различение основных единиц речи:

Во всяком словесном изложении есть следующие части: элемент, слог, союз, имя, глагол, член, падеж, предложение [цит. по: 1, 62].

Элемент в современном понимании — это звук речи, или фонема (в античной традиции звуками речи называли любое звучание речи, составленное из элементов). Элементы бывают гласные, полугласные и безгласные, каждому из них в трактате «Поэтика» дается соответствующее описание [цит. по: 1, 62].

Слог, по Аристотелю, — это сочетание гласного и безгласного элементов, тогда как полугласные могут занимать места и гласного, и согласного, не являясь ни тем ни другим [цит. по: 1, 62].

Союз и *член* в современном понимании есть служебные части речи, лишённые номинативного значения. Как указывает Аристотель, союз и член — это не имеющие самостоятельного значения звуки, различающиеся между собой тем, что член «показывает начало, или конец, или разделение предложения» [цит. по: 1, 62], тогда как союз лишен этой функции и выражает только то, что звучание речи имеет некоторое значение, т.е. представляет собой ту часть звучания речи, которая указывает на знаковую функцию речи.

Имя, глагол и падеж в трактате Аристотеля «Поэтика» истолкованы так же, как и в его логическом трактате «Об истолковании» [цит. по: 1, 61 и 63].

Предложение — «составной звук, имеющий самостоятельное значение, отдельные части которого также имеют самостоятельное значение» [цит. по: 1, 63].

Этим были намечены уровни: фонемный, слоговой, морфологический и синтаксический.

Далее в «Поэтике» проведена классификация имен, которые разделены по родам (женский, мужской и средний) и по составу (простые и сложные). Однако эта классификация имен не является описанием «падежей», это есть описание разновидностей имен, каждое из которых обладает «падежами».

В «Поэтике» Аристотель впервые применяет, как это видно из приведенных выше цитат, дистрибутивное различение языковых сущностей по их употреблению. Безгласный по положению в слог дополнителен по отношению к гласному, а полугласный контрастно распределен и по отношению к гласному, и по отношению к согласному. Имя по положению в предложении дополнительно по отношению к глаголу, а член (и союз), встречаясь на любом месте в предложении, контрастно распределены и по отношению к имени, и по отношению к глаголу.

Описание языка, данное Аристотелем, есть начальный этап построения лингвистической системы. Это начальное описание достаточно для логики. С тех пор логика фактически довольствуется им, строя свои формальные системы, и не обращается к более детализированной разработке системы языка.

Собственно лингвистическое описание системы языка в греко-латинском мире начинается после работ Аристотеля. Оно характеризуется тем, что осуществляется в особых общественно-языковых условиях. Культура Римской империи, в сущности, билингвильна. Она содержит два языка: греческий и латинский, связанные единым идеологическим стандартом мифологических верований и практически общей на рубеже нашей эры политической историей¹.

Для усвоения этой духовной культуры необходимо знание двух языков — греческого и латинского. Между этими языками можно, правда очень условно, провести деление и в области содержания: латинский в большей мере, чем греческий, — язык администрации, военного дела, тогда как греческий более связан с искусствами, особенно мусическими. Кроме того, нельзя забывать, что греко-латинский культурный мир, как это показывают история письма и история математики, опирается на культуры Египта и Передней Азии.

¹ Сравните с положением на Востоке, где билингвизм выступает преимущественно в отношении литературный язык—родной диалект. Причем в Китае диалектная лингвистика после труда «Фаньянь» почти не разрабатывается, а в Индии грамматики пракритов заведомо считаются ответвлениями санскрита или его особыми видоизменениями. Так, считалось, что пракриты возникают в результате неправильного использования языка женщинами, детьми и шудрами. Практики были не только разговорные, но и литературные. Важнейший из пракритов — пали (язык буддизма). Для пракритов составлялись грамматики (грамматика пали — первая из них, написана Вараручи). Такие грамматики составлялись только для письменных (литературных) пракритов. Полилингвизм Индии есть деление по религиозным идеологиям, коль скоро новые литературные пракриты создавались для нужд новых религий (буддизм, джайнизм и т. д.), тогда как полилингвизм греко-латинского мира существует в условиях идеологического единства. Таким образом, греческая и латинская грамматики считались и были грамматиками разных языков, тогда как труд Панини и грамматики пракритов считались и были грамматиками разных текстов в принципе единого языка.

Эта особенность существования языка в греко-латинском культурном мире породила весьма своеобразный подход к лингвистическому описанию. Этот подход сложился в результате спора, известного в истории лингвистики как спор «об аналогии и аномалии».

Для всякого лингвистического описания прежде всего существенны принципы объединения вариантов единиц языка (аристотелевских «падажей») в инварианты, т.е., грубо говоря, следует ли наблюдаемые формы вроде «орел» и «орлиный», «орел» и «орлу», считать одним словом или двумя словами. От принципов, принятых за основу инвариантизации лингвистических единиц, зависит построение лингвистической системы их целого.

Самым естественным кажется в данном случае обследование некоторого корпуса текстов, письменных и устных, и установление на основании этого исследования классификации слов и их форм. Однако тексты, входящие в живой язык, не поддаются перечислению и учету (т.е., как принято говорить, даны открытым списком). Вот почему ни одно описание языка в греко-латинском мире не было исчерпывающим описанием всех существующих текстов, многие из которых написаны на разных греческих диалектах.

Центральным вопросом лингвистической теории стало описание системы языка, наиболее адекватное разным текстам. При этом в методах решения этого вопроса наметились две сосуществующие тенденции: а) описываются формы языка так, чтобы они отражали «обычай» их применения (т.е. по возможности все характерные для разных диалектов и сфер использования языка употребления слов и форм), и б) описываются формы языка так, чтобы они отражали законы построения правильной речи и указывали бы этим на неправильности употребления слов и форм, исходя из некоторых принципов. Первый подход получил название *принципа аномалии*, второй — *принципа аналогии*. Основным вопросом при этом является установление отдельности и тождества слов как инвариантных единиц языка, проводимое как разграничение отношений словоизменения и словообразования.

Вот как трактует вопрос аналогии в установлении тождества слова латинский грамматик М. Варрон в своем сочинении «О латинском языке» при выведении инвариантов слов:

...все производное по природе вторично, потому что предшествует то Прямое, от которого оно произошло; точно так же обстоит и со склонением. И так, при склонении слов прямое — *homo* (человек), косвенное — *hominis* (человека); последнее отклонилось от прямого [цит. по: 1, 80].

Многообразие природы различий склонения определяется нижеследующими основаниями: почему, в каком направлении и каким образом ^{С₁} или склоняться слова в речи.

Склонение вошло в речь не только латинскую, но и всех людей в силу Пользы и необходимости: ведь если бы этого не произошло, то мы не

могли бы заучить такое число слов, — ибо бесчисленны естества, на которые они отклоняются, — да и из тех, которые мы заучили бы, не было бы видно, какова связь вещей между собой. Теперь же мы видим, что сходно, что производно. Если *leg!* (я прочел) склонилось от *lego* (я читаю), то видны сразу две вещи: что говорится неким образом одно и то же и что действие происходит не в одно и то же время, а если бы, например, одно говорилось *Priamus* (Приам), а другое *Hecuba* (Гекуба), то это не означало бы того единства, которое видно в *lego—legi, Priamus* (Приам) — *Priamo* (Приаму) [цит. по: 1, 80].

Инвариантизация слов производится в выражениях, описывающих родословное древо. В понятиях генетики Античности слова сводятся в инварианты по признаку «общего предка» некоей семьи. Таким «общим предком» является лексическое значение; грамматические изменения слова, дающие ему добавочные значения, как бы являются «потомками» этого «предка». Такой «предок» формирует семейство словоформ склонения. Трудно сказать, в какой мере такое употребление слов является для Варрона метафорой. Древние располагали мифологией как средством описания картины мира, а в мифологии отношения «происхождения» являются главным средством систематизации этой картины. Неудивительно поэтому, что терминология, принятая в европейской лингвистике и восходящая к греко-латинской культуре, организована вокруг понятий генеалогического родства (*прямые и производные формы, надеж, союз, склонение, спряжение, вид, род, образ* и т.д.).

«Общим предком» при инвариантизации слов являются значения корня или основы слова. Отсюда знание языка есть знание «предков», создавших семейства слов, и «типов происхождения» слов от «общего предка».

Варрон пишет:

Итак, есть вообще два начала слов — установление и склонение; одно как источник, другое как ручей. Устанавливаемых имен желательно было иметь как можно меньше, чтобы можно было скорее их заучить; склоненных — как можно больше, чтобы каждому легче было высказать то, что потребно в обиходе. Для первого рода нужно накопление сведений, ибо он недоступен нам иначе как через заучивание; для второго — искусство, содержащее лишь немного правил, и притом кратких [цит. по: 1, 80—81].

Итак, к описанию языка предъявляются следующие требования: а) как можно меньше инвариантов каждого уровня; б) как можно больше вариантов этих инвариантов, выведенных по определенным правилам; в) правила образования вариантов должны быть минимальными и простыми.

Далее Варрон доказывает плодотворность своего подхода. Он классифицирует слова по «способности к склонению» и «типам склонения». Тонко различает, говоря современными терминами,

словопроизводство и словоизменение и выделяет детально разработанную серию категорий словопроизводства, описываемую как правильное развитие семантики слов через изменение их форм. Например:

К склонению по внешним вещам подлежат: от *equus* (конь) — *equle* (конюшня), от *oves* (овцы) — *ovive* (овчарня) и т.п.; это противоположно тем примерам, которые приведены выше, каковы: от *pecunia* (богатство) — *pecuniosus* (богатый), от *urbs* (город) — *urbanus* (городской), от *ater* (черный) — *atratus* (зачерненный); так, нередко от человека — место, а от этого места — человек, например, от *Romulus* (Ромул) — *Roma* (Рим), от *Roma* — *Rornanus* (римлянин) [цит. по: 1, 82–83].

Автор обращается к проблеме аналогии и аномалии и замечает, что «склонение», т.е. изменение и производство слов, может быть «естественным» и «произвольным»:

Произвольное — это такое, когда каждый склоняет как ему вздумалось [цит. по: 1, 83].

Естественным склонением я называю такое, которое возникает не от воли отдельных людей, а от общего согласия [цит. по: 1, 83].

И далее:

Нередко совпадает и то, и другое — и в произвольном склонении бывает заметна естественность, и в естественном произвол... Что касается того, что в каждом из двух склонений одни случаи бывают сходны, а другие несходны, то об этом греки и латиняне написали много книг: одни думали, что в речи нужно следовать тем словам, которые подобным образом склонены от подобных, и назвали это аналогией; другие думали, что этим нужно пренебречь и скорее следовать несходству, вошедшему в обиход, которое они назвали аномалией. Между тем, как я полагаю, нам нужно следовать тому и другому, потому что в произвольном склонении преобладает аномалия, а в естественном — аналогия [цит. по: 1, 83].

Таким образом, противоположенность «естественного» и «произвольного» есть противоположенность регулярных и предписанных правилами языковых форм формам, построенным не по правилу, а, так сказать, по капризу употребления. «Произвольное» в языковых формах опирается на случаи обихода, а «естественное» — на общие законы построения систем вообще, например систем происхождения.

Вопрос о том, насколько можно допустить в грамматику «произвольные формы», есть вопрос о количестве исключений из правила и о запрещении неправильных употреблений. Поясним это простым примером: грамматик должен сделать выбор из двух форм Множественного числа от слова «мир» — «миры» и «мира» — и Установить, какая из них неправильная, хотя в речи встречаются

обе формы. Естественно, что при отсутствии традиции таких выборов возникало много расхождений.

Сторонник аномалии философ **Секст Эмпирик** замечает, что благодаря грамматике образовались две разновидности эллинской речи, одна из которых, следующая грамматической аналогии, имеет мало общего с другой — обычной обиходной речью разных эллинов, и сравнивает грамматиков с людьми, пытающимися в некоем городе ввести в обращение монеты, сделанные ими самими, вместо общепринятых.

Далее Секст рассматривает происхождение аналогии как грамматического средства образования слов и форм и доказывает, что грамматическое искусство не может получить сведения об аналогии из иного источника, чем речевой обиход, ибо только наблюдая речевой обиход, можно получить представление об аналогии. Но речевой обиход существует и до грамматиков. И «следовательно, — заключает Секст, — обиход, служа сам по себе критерием искусства по части эллинской речи, не будет нуждаться в искусстве (грамматическом. — *Ю.П.*)» [цит. по: **1**, 85].

Относительно навыков речи Секст говорит:

Если же эллинская речь существует в силу установления по людскому узаконению, по-эллинически говорит тот, кто особенно много практиковался в эллинской речи путем общения с людьми и поднаторел в обиходе, а не тот, кто знает аналогии [цит. по: **1**, 86].

Таким образом, формулируется совершенно негативное отношение к искусству грамматики и отрицание пользы грамматического нормирования. Поэтому Секст считает, что нужно определить не грамматические правила, тем более общие для всех, а то, какого обихода следует придерживаться при устной и письменной речи, — ведь греки живут в разных местах, имеют разные профессии и потому имеют разный речевой обиход.

Дело вот в чем. Из обиходов одни сопряжены с теми или иными отраслями знания, другие же — с повседневной жизнью. Так, определенные слова приняты в философии, а в особенности — в медицине, но также — в музыке и геометрии. Однако существует еще и повседневный простой обиход обывателей, различающийся по городам и народностям.

Поэтому в философии мы примкнем к обиходу философов, в медицине — к специальному медицинскому, а в повседневной жизни — к более обычному, безыскусственному и характерному для данной местности [цит. по: **1**, 92—93].

Различив стилистическую и грамматическую природу текста, надо создавать лингвистические формы текста в соответствии с его природой.

...В научной беседе мы, считаясь с присутствующими лицами, откинем обывательские слова и будем равняться по более изысканному литературному обиходу. Ведь подобно тому как литературный обиход подвергается осмеянию у обывателей, так же и обывательский — у литературно образованных людей. И таким образом мы, умело воздавая каждой обстановке то, что ей приличествует, очевидно, будем говорить по-эллинически безусловно [цит. по: 1, 93].

Итак, если крайность в точке зрения сторонников аналогии состояла в том, чтобы образовать речь только на основании простейших системных свойств, т.е. фактически пересоздать заново общественно-речевую практику, то крайность в точке зрения сторонников аномалии состояла в том, чтобы вообще не нормировать речь, сохранив все местные и профессиональные речевые употребления в литературном языке.

Античная филология не последовала крайностям обеих точек зрения и стала на практике искать пути компромисса. Признавая необходимость нормировать греческую и латинскую литературную речь и ввести единый стандарт языка, античные филологи создавали этот стандарт, пользуясь аналогией, но как можно ближе к «обиходу», к речевым употреблениям. Так на практике были созданы греческая и латинская грамматики.

Больших успехов в грамматическом искусстве греко-латинского культурного мира достигла **александрийская школа** (т.е. ученые из города Александрии в Египте). В нее входили Дионисий Фракийец, Асклепиад из Мирлеи, Харет, Деметрий Хлор, Дионисий Галикарнасский и другие ученые, которые создали разные, но близкие друг к другу грамматические системы греческого языка.

Каждая из этих систем внесла определенный вклад в грамматическое искусство. Они отличаются друг от друга степенью подробности, философского обоснования и эмпирических данных.

В качестве примера сообщим основные данные об одной из александрийских грамматик — грамматике **Дионисия Фракийца**. Определяя назначение грамматики, Дионисий пишет:

Грамматика есть осведомленность в большей части того, что говорится у поэтов и прозаиков [цит. по: 1, 105].

С точки зрения современных представлений это значит, что грамматика есть знание системы языка, т.е. то общее, что связывает между собой разные тексты. Формулировка Дионисия как будто представляет собой определение филологии, но в приложении к своей грамматике он пишет следующее:

Искусство есть система приемов, усвоенных для какой-нибудь полезной в жизни цели. В искусствах две разновидности. Одни из них — логические, другие — практические; логические — например, грамматика,

риторика, философия; практические — например, строительное, кузнечное и сходные с ними [цит. по: 1, 105].

Отсюда следует, что грамматика как знание есть осведомленность в текстах, с одной стороны, и систематическое руководство в построении речи — с другой.

Содержание грамматики относится к двум вещам — описанию звуков речи и описанию классификации слов и их форм.

Звуки речи рассматриваются у Дионисия по отдельности, а также в связи с изменениями, которые они претерпевают в синтагмах звуков, составляющих слова. Дионисий рассматривает также изменения звучания слов в процессах словообразования и словоизменения.

Звуки речи называются по названиям букв, представляющих эти звуки.

Букв двадцать четыре, от *α* до *ω*... Из них гласных семь: *α, ε, ρ, ι, ο, ι, ω*. Они называются гласными, так как сами по себе образуют полный звук [цит. по: 1, 106].

Далее дается классификация гласных по долготе и краткости, по месту в дифтонгах и вводится описание греческих дифтонгов. Остальные буквы (звуки) — согласные, которые затем делятся на полугласные и безгласные. Безгласные подразделяются на густые, средние и простые. Аффрикаты названы двойными согласными. Затем вводится особая группа звуков: неизменяемые *Α, ι, υ, ρ*.

Неизменяемыми они являются потому, что не изменяются в будущих временах глаголов и в склонении имен. Они же называются плавными [цит. по: 1, 107].

Как видно из изложенного, классификация Дионисия отличается от классификации звуков в «Поэтике» Аристотеля, где описания звуков речи даются одновременно по артикуляционным и акустическим признакам (в принципе так же, как *κ* в современных фонетических описаниях). Такое же описание, как у Дионисия Фракийца, можно найти, например, у Дионисия Галикарнасского.

Лингвистическая классификация звуков у Дионисия Фракийца построена с учетом мест, занимаемых звуками в словах и слогах, она отражает парадигмы звуков (в этом ее сходство с классификацией Панини, данной в «Шивасутре»). Далее Дионисий Фракийец объясняет фонетическое значение ударения, а также семантическое и фонетическое значение знаков препинания.

Важнейшим элементом фонологии древних было описание замен звуков речи в словах при словоизменении и словопроизводстве. Такие замены называются термином «претерпевания». Существует 12 пар «претерпеваний». К ним относятся такие явления, как: прибавление или урезывание слова, удлинение или сокращение глас-

ных, вставка или сокращение слога в середине, превращение дифтонга в монофтонг и наоборот, вставка или устранение гласных в середине слова, метатеза и т. п. С помощью «претерпеваний» описывались изменения звучания слова в связи с процессами словообразования и словоизменения. Терминология, описывающая эти изменения, в значительной части вошла в современную лингвистику.

«Претерпевания» составляют единую систему, которую надо понимать как целое. Не все части слова испытывали «претерпевания». В слове за вычетом «претерпеваний» остается часть звуков, составляющих этимологическую основу слова. Некоторые разряды звуков никогда не испытывают «претерпеваний». Это, например, плавные л, м^с н^с р. Плавные всегда входят в неизменяемое, этимологическое основание слова, тогда как другие звуки подвергаются «претерпеваниям». Благодаря «претерпеваниям» происходит изменение тех или иных оттенков в значении слова при сохранении единого этимологического основания. Так, фонология связана с выражением значений. Систематизация способов выражения значений звуками составляет грамматическое учение о слове, понимаемое сейчас как морфология. Понятие о слове как целом по отношению к другим словам строится на определениях слова и предложения, называемого термином «речь». -

Слово есть наименьшая часть связной речи [цит. по: 1, 777]. Речь есть соединение слов, выражающих законченную мысль [цит. по: 1, 777]. Частей речи восемь: имя, глагол, причастие, член, местоимение, предлог, наречие, союз [цит. по: 1, 118].

Легко видеть, что эта классификация слов является (в отличие от аристотелевской) чисто лингвистической.

Всякая часть речи обладает «акциденциями», т.е. признаками, под которыми понимается то, что сейчас принято называть частными категориями — как лексико-грамматическими, так и собственно грамматическими. «Акциденций, — отмечает Дионисий, — у имени пять: роды, виды, образы, числа, падежи» [цит. по: 1, 119]. Чтобы понять, как построены акциденции, рассмотрим акциденции имени.

Родов три: мужской, женский, средний. Некоторые присоединяют к ним еще два других — общий и совместный [цит. по: 1, 116].

Видов два: первичный и производный... Видов производных имен семь: отчество, притяжательное, сравнительное, превосходное, ласкательное, отыменное, глагольное [цит. по: 1, 727].

Отчество... то, что образовано от имени отца... и от имени предков...

Притяжательное... то, что находится во владении... *Гектороварубашка...*

Сравнительное имя есть то, что заключает в себе сравнение одного с одним же однородным, как *Ахилл храбрее Эанта...*

Превосходное имя — то, что принимается в смысле усиления одного над многими при сравнении.

Ласкательное — выражающее безотносительно уменьшение первичного имени, например человек...

Отыменное — созданное от имени...

Глагольное — выведенное из глагола... [цит. по: 1, 121—122].

Таким образом, вид — это изменение имени, связанное с его отношением к другому слову в целой системе языка.

Дионисий Фракиец дает еще одно истолкование вида. Видом имени фактически называются частные лексико-грамматические категории имен.

Этих видов много: собственное, нарицательное, прилагательное, равноименное, соименное, двуименное, наименное (четыре последних — разные виды омонимии), племенное, вопросительное, неопределенное, относительное, распределяемое (четыре последних представляют собой классификацию, соответствующую местоимениям в современных грамматиках), объемлющее (наше собирательное), родовое, видовое, порядковое, количественное (последние два вида отмечают деление, свойственное нашим числительным), абсолютно присущее (наши относительные прилагательные) [цит. по: 1, 121—123].

Акциденция «образ» — это, в сущности, признак имени по словопроизводству, т.е. по характеру сочетания морфем при словообразовании [цит. по: 1, 123].

Число есть примета слова, имеющая способность указывать на различие в количестве [цит. по: 1, 123]. Чисел три: единственное, множественное и двойственное.

Последняя акциденция — «падеж». Дионисий пишет: «Падежей имен пять: прямой, родительный, дательный, винительный, звательный» [цит. по: 1, 124].

Дионисий приводит следующее классическое определение имени:

Имя есть склоняемая часть речи, обозначающая тело или вещь (тело — например, *камень*; вещь — например, *воспитание*) и высказывающая как общее — например, *человек*, так и частное — например, *Сократ* [цит. по: 1, 118].

Легко видеть, что определение части речи дается Дионисием в принципе так же, как и сейчас: грамматически и по смыслу, а формулировки определений нередко сделаны точнее, чем во многих современных описательных грамматиках.

Систематика имени у Дионисия фактически включает в себя все то, что содержится в современной описательной грамматике: признаки словообразования — конструктивные (образы), семантические (виды); результаты словообразования — лексико-грамматические категории (второе понимание вида); частные грамматические категории — род, число, падеж.

На основе тех же принципов описываются и другие части речи. Например: «Глагол есть беспадная часть речи, принимающая времена, лица и числа и представляющая действие или страдание» [цит. по: **1**, 124]. У глагола отмечены категории наклонения, залога, вида, числа, лица, времени и образа (т.е. словопроизводство глагола).

Так же описаны и прочие шесть частей речи. Это показывает, что александрийская грамматика создала практически исчерпывающую систему синхронической описательной грамматики.

Сравнивая термины александрийской грамматики с современной научной грамматической терминологией, легко убедиться в том, что современная терминология восходит к александрийской системе. С другой стороны, современная научная грамматика менее четко прослеживает этимологическую связь между звуко-буквенным обликом слова и его значением, лексическим и грамматическим, считая это делом уже не грамматики, а особых наук — этимологии, орфографии и орфоэпии.

III. Некоторые выводы. Античное языкознание и проблема правильности литературной речи (грамматической правильности)

Подводя итог, можно в самых общих чертах следующим образом суммировать сказанное об античной теории языка. Античное грамматическое искусство существует в ней отдельно от философии языка.

Античное грамматическое искусство вместе с тем связано с античной философией, дающей ту или иную форму первоначальной категоризации вселенной. Античное грамматическое искусство предполагает не объяснение строения языка каким-либо прямым или косвенным способом, а только установление правил пользования языком и создание правильной речи. Тем самым грамматическое искусство есть искусство построения литературно правильных высказываний. Античное грамматическое искусство всегда интерпретирует правила соотношения письменной и устной речи, но правила письменной речи и правила устной речи даются совместно. Грамматическое искусство предполагает установление таких единиц языка, при реализации которых в речи может быть выражен потенциально любой смысл.

Правила грамматического искусства создаются только для языка данной культуры. Соседние цивилизации и языки в античных грамматических руководствах не рассматриваются, и перенос правил пользования языком с одного языка на другой запрещается. Этим грамматическое искусство как особый этап в развитии знаний о языке отличается от прочих этапов в развитии знаний о языке.

Античная философия не представляет собой единой системы знания. Поскольку мировая цивилизация развивается практиче-

ски одновременно в разных центрах, античное языкознание также различается по культурным центрам. Более того, различные системы античного языкознания сами оказывают непосредственное воздействие на формирование различных центров культуры, на основе которых в дальнейшем происходит развитие культурных ценностей.

Несмотря на большие расхождения в способах построения грамматических искусств, в их материале и месте в системе культуры, главным вопросом любого грамматического искусства античности является проблема правильности литературной речи (иначе — грамматической правильности). Правильность в грамматическом искусстве понимается по-разному в разных культурах и осмысливается в разных понятиях и терминах, между которыми трудно установить корреспонденцию. Полезно поэтому сравнить между собой не термины грамматических систем, а общие подходы к установлению правильной литературной речи.

Внешне наиболее простым отношением к грамматической правильности обладает **грамматическая традиция Индии**. Правильность литературной речи определяется здесь «божественным происхождением» сакрального языка — санскрита. Санскрит противопоставлен неправильным, испорченным языкам — пракритам, каждый из пракритов есть отклонение от правильного санскрита.

Такое отношение к грамматической правильности может быть рассмотрено в трех аспектах: а) правильность речи, б) правильность исследования языка и написание грамматики, т.е. правильность грамматического руководства, и в) происхождение правильных и неправильных языковых систем. «Правильность речи» затрагивает каждого индивида, пользующегося языком. Индивид волен строить правильный текст на санскрите, но может строить и неправильный текст, текст с ошибками, тогда это разновидность пракрита — неправильной речи. Нужда в санскрите объясняется тем, что он действует в самой важной сфере — сакральной. Успех в сакральной деятельности требует правильной речи на санскрите в качестве предпосылки. Санскритом можно овладеть только путем специального обучения, а не от рождения. Отсюда индивид относится к грамматической правильности так: индивид может постичь правильность только через обучение.

Правильность грамматического руководства зависит, во-первых, от строгости рассуждений его составителя, во-вторых, от следования принципам или началам, имеющим сакральное происхождение, из которых выводятся правила. Правильность руководства, по представлениям индийских грамматиков, не зависит от наблюдения над общественно-речевой практикой. Отсюда следует, что правильность искусства грамматики определяется **не** наблюдением текстов, а исключительно началами, отправными положениями, данными до написания грамматики.

Пракриты, как и санскрит, имеют некоторый обиход, сложившиеся нормы употребления. Эти нормы употребления могут быть описаны принципиально теми же понятиями, что и санскрит. Именно так Вараручи написал грамматику языка пали. Однако обиходные нормы употребления не то же самое, что правильный язык. Обиходные нормы только похожи по своей конструкции на правильный язык, но не являются им. В частном случае обиход может совпасть с правильным языком — это случаи верной сакральной практики. Поэтому обиходные нормы и система правильного языка различены тем, что обиходные нормы не могут дать основания правильной речи." Следовательно, начала, на которых строится правильная система, определяющая правильный обиход текстов, не могут быть найдены в обиходе и не являются стихийно сложившейся языковой нормой.

Суммируя представления индийских грамматиков о правильности, можно констатировать, что в этой традиции отстаивается такой взгляд: грамматическая правильность есть следование определенным началам при построении грамматики и пользовании грамматикой, которые не находят строгого объяснения в наблюдении над текстами. Грамматическая правильность рождается из начал, находящихся за пределами наблюдаемых текстов и норм обихода общественно-речевой практики.

Китайская традиция толкования грамматической правильности видна из сопоставления различных трудов. «Эрья» представляет правильность речи как правильность картины мира, данной в рубриках этого словаря. Зная рубрику, можно правильно мыслить и, следовательно, строить речь. Правильная мысль зависит от традиции культуры в целом, т. е. от системы канонических текстов, содержащих основы правильного мировоззрения. Таким образом, правильность речи есть правильность мировоззрения.

«Фанъянь» подвергает исследованию разные тексты как источник правильности. Внутренняя цель словаря «Фанъянь» состоит в том, чтобы указать на то, что канонические тексты имеют обиходный источник. Таким образом, начала грамматической правильности, лежащие в правильности мысли, следует отнести к обиходу общественно-речевой практики. Отсюда следует, что правильность мировоззрения — основа грамматической правильности — имеет народно-разговорный источник.

Сю Шэнь в «Шовэнь цзецзы», выводя систему категорий иероглифов, исходит из сложившегося фонда иероглифов, функционирующих как государственный стандарт, данный государственным Юконом. В таком случае для Сю Шэня задача сводилась к правильной систематизации имеющегося запаса знаков. Правильность систематизации зависит от наблюдения над материалом и от правильности исследовательской процедуры и описания. Таким обра-

зом, для Сю Шэня правильность прежде всего состоит в верном систематическом представлении наличного материала знаков.

Но «Шовэнь цзецзы» предполагает использование в дальнейшем классификации Сю Шэня для создания новых знаков по предложенным правилам. В этом случае текст считается правильным тогда, когда он построен только из иероглифов шести серий. Если в тексте появляются иероглифы, не относимые к сериям Сю Шэня, то это не китайская иероглифика. Следовательно, предполагается также отделение правильной общественно-речевой практики от неправильной.

Наконец, «Шимин», рассматривающий этимологии, дает объяснения происхождению слов. Этим определяется правильность применения слова, так как, зная этимон, нельзя ошибиться ни в смысле читаемого текста, ни в производстве нового текста. Особенность знания этимона состоит в первую очередь в том, что он определяет правильность понимания семантической стороны слова.

Греко-латинская грамматическая традиция в споре об аналогии и аномалии исследовала ряд источников правильности. При этом правильность понимается в двух смыслах: а) как формирование грамматического текста, б) как употребление форм языка в общественно-языковой практике. Было обращено внимание на следующие четыре источника формирования грамматических правил: 1) обращение к авторитетным текстам, общезначимым для всего греко-латинского мира; 2) обращение к языковым формам, наиболее широко представленным в разных диалектах; 3) обращение к эстетическому чувству создателя грамматических правил, творящего по своему разумению образцовую речь на латинском и греческом языках; 4) применение принципа аналогии, являющегося в данном случае выведением одних форм из других в соответствии с требованиями экономности речи, правильности и совершенства выражаемой речью мысли.

Все четыре источника не применяются как абсолютные, ибо они нередко противоречат друг другу. Источники используются каждый по согласованию с другим и в зависимости от представления об общем совершенстве создаваемой таким образом грамматической системы. Это общее совершенство грамматической системы вытекает из воли и представления автора грамматики, но основывается на прецедентах совершенной речи. Совершенство речи определяется как авторитетностью источника, так и соображениями автора грамматики. Таким образом, господствует принцип: отобрать все самое совершенное в общественно-речевой практике и сделать это достоянием всеобщего речевого обихода, противопоставляя тем самым правильный язык диалектам и просторечию.

Изложенное показывает, что, несмотря на четкие различия в понимании грамматической правильности в разных традициях, существуют важные общие черты.

1. Грамматическая правильность отделяет литературную правильную речь от неправильной. Под правильной речью фактически понимается общезначимая письменная речь, не зависящая от диалектов и просторечий. Правильность этой общезначимой письменной речи сформулирована грамматическим руководством.

2. Источник правильности общезначимой письменной речи понимается двояко: а) как общие принципы построения системы языка, данные грамматическому искусству извне (то ли в виде канона, как в Китае, то ли в виде сакрального характера речи, как в Индии, то ли в виде эстетического совершенства речи, как в греко-латинском мире); б) как наблюдение над текстами, освященными авторитетом, причем последнее требование либо обязательно (Панини), либо соединено с понятием общего принципа развития мысли («Эрья»), либо применяется как серия компромиссов, подчиненных общему принципу.

3. Создание грамматически правильной литературной речи либо исходит из мировоззренческого содержания образцового текста, взятого для наблюдения то ли в сакральной практике (как в Индии), то ли в государственной идеологии (как в Китае), либо исходит из нужд познания и общения (как в греко-латинском мире).

Эти общие черты в понимании грамматической правильности формируют общие принципы грамматического искусства античности.

Литература

1. Античные теории языка и стиля / Под общей ред. О.М.Фрейденберг. - М.; Л., 1936.
2. Антология мировой философии. — М., 1969. — Т. 1.
3. *Аристотель*. Метафизика / Пер. и примеч. А. В. Кубицкого. — М.; Л., 1934.
4. *Ван Ли*. Современная китайская грамматика (Чжунго сяньдай юйфа). — Шанхай, 1947.
5. *Ван Ли*. Очерк истории китайского языка (Ханьюй шигао). — Пекин, 1957.
6. *Дьяконов И. М.* Языки древней Передней Азии. — М., 1967.
7. *ДимриДж*. Сравнение русского и санскритского глагольного словообразования в свете европейской и индийской грамматических традиций / Дисс. ... канд. филол. наук. — М., 1972.
8. *Елизаренкова Т.Я., Топоров В. Н.* Язык пали. — М., 1965.
9. *Коростовцев М.А.* Писцы Древнего Египта. — М., 1962.
10. *Кочергина В.А.* Краткий очерк истории письма. — М., 1955.
11. *Кочергина В.А.* Начальный курс санскрита. — М., 1956.
12. *Лоукотка Ч.* Развитие письма. — М., 1950.
13. *Минаев И. П.* Panini // Записки Восточного отделения Императорского русского археологического общества. — СПб., 1888. — Т. 2. — Вып. 3—4.
14. *Петров П. Я.* О свойствах и составе санскритского языка // Журнал Министерства народного просвещения. — СПб., 1842. — Ч. 33. — № 3.

15. *Платон*. Сочинения в трех томах. — М., 1968—1972.
16. *Радциг С.И.* Введение в классическую филологию. — М., 1965.
17. *Сердюченко Г.П.* Китайская письменность и ее реформа. — М., 1959.
18. *Собрание классиков* (Чжу цзы цзичэн). — Шанхай, 1935. — Т. 1.
19. *Сю Шэнь*. Описание простых и объяснение сложных знаков (Шо-вэнь цзецзы). — Шанхай, 1931. — Т. 1—4.
20. *Топоров В.П.* О некоторых аналогиях к проблемам и методам современного языкознания в трудах древнеиндийских грамматиков // Сборник памяти Ю.Н.Рериха. — М., 1961.
21. *Топоров В.Н.* Панини. — М., 1968.
22. Тринадцать канонов (Ши сань цзин). — Шанхай, 1914.
23. Учебник китайского языка для средней школы первой ступени (Хапьюй чуцзи чжунсюэ кэбэнь). — Пекин, 1955 (раздел третий посвящен письменности).
24. *Чжэн Чжэнь-до*. Иллюстрированная история китайской литературы (Чжунго вэньсюэши чатубэнь). — Пекин, 1957.
25. *Щуцкий Б.М.* Китайская классическая «Книга перемен». — М., 1960.
26. *Ян Синь-ань*. Современный китайский язык (Сяньдай ханьюй). — Чунцин, 1957.
27. *Alien W.S.* Phonetics of Ancient India // London Oriental Series 1. — London, 1953.
28. *Astadyayi of Panini* / Ed. by Sitsa Chandra Vasu. — Delhi; Varahasi; Patang, 1962.-Vol. 1-2.
29. *Brough T.* Theories of General Linguistics in the Sanskrit Grammarians // Transaction of the Philological Society. — London, 1951.
30. *Bohtlingk O.* Paninis Grammatik, herausgegeben, iibersetzt, erlautert und mit verschiedenen Indexen versehen von Otto Bohtlingk. — Leipzig, 1887.
31. *Cardona G.* On Panini's Morphophonemic Principles // Language. — 1965.-Vol. 41.- № 2.
32. *Chakravarti P. C.* The Linguistic Speculations of the Hindus. — Calcutta, 1933.
33. *Chatterji K.C.* Technical Terms of Sanskrit Grammar. — Calcutta, 1948.
34. *Misra V.N.* The Descriptive Technique of Panini. — The Hague, 1966.

ГЛАВА 2

ТЕОРИЯ ЯЗЫКА В СРЕДНИЕ ВЕКА

Вводные замечания.

- I. Некоторые идеи графики новописьменных языков.
- II. Исследование звукового строя языка.
- III. Грамматическое учение арабов.
- IV. Разработка грамматической теории в Европе.
- V. Предпосылки появления науки о языке.

Вводные замечания

История средних веков являет собой процесс длительный и неоднородный. В нем обнаруживаются три этапа: 1) этап становления феодализма, одновременно знаменовавший собою закатную фазу рабовладельческого мира; 2) этап консолидации и расцвета феодального строя и 3) этап заката феодализма, в котором, в свою очередь, выделяется период, получивший в европейской историографии наименование Возрождения (возрождения творческой мысли, сопровождавшегося живым интересом к иным культурам, и прежде всего к древним цивилизациям). Применительно к Европе эти этапы датируются соответственно: III—V вв., VI—X вв., XI—XVI вв.

Средние века вызвали к жизни новые «молодые» народы, окончательно разрушили схему старых мифологических концепций, создали и подготовили почву для последующего развития новых цивилизаций.

Конечно, первые несколько веков, последовавших за падением Античности, — это время развития в первую очередь тех форм культуры, которые обеспечивали прочность нового общества. Естественно, что в этот период происходит процесс переоценки Духовных ценностей древности.

Средние века, рассматриваемые во всемирном масштабе, являют нам то, чего не знал античный мир — распространение мировых религий: буддизма в Восточной, Центральной и отчасти Средней Азии, ислама в Средней и Передней Азии и в Северной Африке, христианства в Европе и отчасти в Передней и Средней Азии. Буддизм и христианство зародились и получили свое разви-

тие еще в древнем мире, но только в период Средневековья они превратились в религии мирового масштаба [см. 14, 103].

Средневековое общество, его политическая и экономическая структура, обусловило религии ее исключительное положение.

Христианство, ислам и буддизм — это не просто верования; это особые философские системы со своей теорией познания, с учением о бытии; системами эстетических воззрений, под знаком которых расцвело религиозное (буддистское, исламское, христианское) искусство — архитектура, скульптура, живопись, художественная литература.

Вместе с тем именно в недрах этих мировых религий возникли элементы будущих самостоятельных общественных и культурных областей. В эпоху Возрождения, в период распада средневекового единства, происходит постепенное высвобождение от власти церкви ряда самостоятельных областей знаний: естественные науки дали естествознание, астрономию, математику; гуманитарные науки — философию, логику, филологию, историографию, филологию языка, грамматическую теорию и т.п.

С разрушением античных государственных объединений и переходом общества к новому экономическому, политическому, религиозному и нравственно-этическому состоянию, новое положение возникает не только в области культуры, но и в области языковой деятельности — как в общественно-языковой практике, так и в теории языка. Выделяются два ареала языков, а именно: а) ареал языков канонических и классических (все они — языки древних цивилизаций), осознанных и интерпретированных в общественно-языковой практике и теории языка как языки «правильные»; б) ареал языков «варварских», или «вульгарных» (все они — языки бесписьменные или новописьменные), осознанных в общественно-языковой практике и теории языка как языки «неправильные».

Элементы цивилизации, воспринятые от Античности, обретают новую жизнь. Они оказываются включенными в те надгосударственные культурно-идеологические образования, которые складываются под влиянием различных религиозных концепций: конфуцианство, буддизм, брахманизм, джайнизм, ислам, иудаизм, христианство (православие, католицизм) и т.п. Каждый из складывающихся (под влиянием религии) вторичных культурных миров характеризуется определенной правовой общностью. Границы этих «миров» определены границами распространения текстов на соответствующих языках. Тексты идеологического, нравственно-этического, историко-культурного содержания играют ведущую роль в поддержании цельности этих «миров». В целях сохранения смыслового единства тексты канонизируются. Канонические тексты выходят за пределы государственных образований, имеет место стремление охватить ими возможно большее количество лю-

дей, расширить территорию их применения. Общество совершенно независимо от родовых, племенных или территориальных языков и диалектов, их близости или неблизости, родства или неродства оказывается как бы разделенным каноническими текстами, письменными «культурными» языками.

Поскольку канонические тексты считались правильными, а неканонические — неправильными, то соответственно и язык канонических текстов считался правильным, а язык неканонических текстов — письменных ли, устных ли — неправильным.

Но в целях более эффективного проникновения в новые общества соответствующего религиозного и нравственно-этического канона в орбиту новых культурно-религиозных образований вовлекались и «неправильные» языки. Для целого ряда «неправильных» языков создается письменность, в результате чего возникают условия для осуществления переводов на них канонических текстов. Этот процесс идет медленно и неравномерно в различных ареалах, но он начинается уже в раннем Средневековье: в III—IV вв. канонические тексты «освоили» готский и коптский языки (коптский — позднейшая форма египетского языка), в V в. — армянский, а в VII—IX вв. — ирландский, древнеанглийский, древневерхненемецкий, старославянский (IX в.).

Для распространения в обществе канонических текстов на «правильных» языках требуются большие усилия: во-первых, из-за стихийного развития канонического языка, во-вторых, из-за того, что язык канонических текстов не является родным для большинства людей, составляющих общество, а для тех членов общества, которые им пользуются, он является дополнительным, вторичным образованием.

Функционирование канонического языка в обществе этого периода осуществляется прежде всего через школу. Канонические тексты становятся предметом школьного обучения. В школе господствует схоластическое обучение, основанное не на преподавании современных научных знаний, а на «авторитетах прошлого». Функция школы — возрождение этих авторитетов, воссоздание высказываний, сформулированных прежде.

Вопросы языка, как известно, были предметом достаточно активного обсуждения в филолого-грамматических трактатах рассматриваемого периода, отражая потребности общественно-языковой практики и философской мысли. В сфере теории языка средневековые ученые восприняли отчасти ту языковую проблематику, которая была характерна для античной логики и философии. В филологии и грамматике работа велась в рамках нормализаторской деятельности в области распространения соответствующих канонических языков.

Главная задача теории языка в этих условиях заключалась в преодолении стихийно обнаруживающейся тенденции к диффе-

ренциации текстов канонического языка, в согласовании нового письменного текста со старым письменным текстом в пределах соответствующего канонического языка, в устранении расхождений, возникающих в различных школах писцов. Усилия ученых были направлены не только на канонизацию старых текстов, но и на создание правил построения новых текстов. Для этой цели из античных лингвистических традиций заимствуются грамматика, поэтика, риторика и логика. Они также становятся предметом школьного схоластического преподавания. Результатом этого процесса стала канонизация грамматики, поэтики, риторики и логики, воспринятых из античных теорий языка. Риторика входила в качестве неотъемлемой части аппарата аргументирования в теологических спорах, грамматика же и логика рассматривались лишь как средства достижения этого искусства. Ученые Средневековья были далеки от изучения языка как такового. Сущность схоластики — подчинение всех наук теологии. Даже философия занимала подчиненное по отношению к теологии положение.

Лингвистические системы преобразуют языковое существование мира, создают принципиально новые условия устно-письменного билингвизма и новое деление общества по уровням культуры, которыми каждый член общества владеет. Грамотность ставит человека в привилегированное положение: он носитель не одной, а двух культур (в этой связи можно назвать, например, первую грамматику латинского языка, написанную Эльфриком в 1000 г. для учащихся англосаксонского языкового ареала). Билингвизм человека грамотного особенно ярко проявляется в том случае, когда язык письменности совпадает с его родным языком. Так, тюрк, усвоивший арабскую культурно-письменную традицию, помимо родного тюркского всегда владеет арабским в его литературной форме, а не одним из многочисленных арабских диалектов.

Одновременно с канонизацией языков «правильных» происходит естественное развитие «неправильных» языков. Теория языка с течением времени и по мере роста влияния «неправильных» языков (**Вфамках** соответствующих государственных образований) предпринимает шаги по описанию этих языков. Производятся упорядочение и нормализация письменности, осуществляются переводы на «неправильные» языки канонических текстов. Канонические тексты на этих языках создаются по правилам, освященным каноном. Одновременно растет использование «неправильных» языков в деловой и личной переписке, исторических и художественных сочинениях. В целях регламентации правил (прежде всего для воссоздания на «неправильных» языках канонических текстов) создаются грамматические описания этих языков. Образцом, по которому создаются грамматики «неправильных» языков, становится воссозданная в соответствии с античными грамматическими традиция-

ми грамматика языков «правильных». (Достаточно указать на составленные таким образом грамматики французского, испанского, итальянского, английского и других европейских языков.)

Однако нельзя сводить грамматические идеи Средних веков только к копированию античных образцов. В этот период было создано в грамматической теории и много нового. Грамматические теории Средневековья — малоизученная область истории языкознания. Этот раздел истории языкознания до сих пор отличается фрагментарностью. С точки зрения существования языка Средние века характеризуются двумя важнейшими чертами:

1) распространением в цивилизованном мире различных религиозных текстов, сопровождающихся толкованием, комментированием, унификацией и канонизацией содержания важнейших текстов, составляющих основу канона (таких, как Библия, Коран, конфуцианские и даосские классические сочинения, индийские тексты и т.п.); эти тексты ставятся во главу угла всей системы знаний и составляют идеологический фундамент общества;

2) расширением территории, на которой существуют письменные языки, включением в эти территории ряда мест, где уже существуют и развиваются местные языки; отсюда — формирование особых видов билингвизма, имеющего свои специфические черты в каждом ареале культуры.

Существование языка в Средние века обуславливает некоторые особые качества его исследования и описания. Это проявляется в том, что намечаются как бы две линии исследований языка.

Одна линия представлена филологическо-философскими исследованиями. Целью этих исследований является уяснение содержания канонических сочинений и их интерпретация, а также приложение содержания этих текстов к новым знаниям и новым жизненным ситуациям. На этой почве развивается как анализ содержания канонических источников — *герменевтика* (китайский термин «чжэнь»), так и анализ возникновения и жизни канонических текстов, исследующих подлинность и условия создания памятников, — *экзегетика* (китайский термин «сюньгу»).

Герменевтика и экзегетика обе, но с разных сторон исследовали канонические тексты. Экзегетика интересовалась историей текстов и событий, описанных в текстах, герменевтика — правильностью мысли, содержащейся в текстах, и правильностью суждений — изводов текстов для принятия тех или иных оценок и Решений в практической деятельности. Экзегетика и герменевтика послужили основой для филологии, текстологии, палеографии, эпиграфики, критики текста и других наук о языковом тексте [см. 14, 7-8].

Знания о текстах составляют, пожалуй, основное содержание

³ Наний о языке в период Средних веков. Исследование текстов

дает материал для исследования и описания языковых систем. Китайцы считали философско-филологические исследования текстов «большой наукой» (*дасюэ*), тогда как описание системы языка и описание текстовых фрагментов считали «малой наукой» (*сясюэ*), носящей пропедевтический и методический характер.

Эта «малая наука», составляющая вторую линию в описании языка, в разных культурных ареалах имеет свои отличительные черты. Различия, по-видимому, вызваны характером языкового бытования канона в этих ареалах.

Так, в Китае возникают как бы два стиля одного китайского языка. Один стиль — *вэньянь* — продолжает конфуцианско-даосскую традицию канонических текстов. Другой стиль — *байхуа* — возникает как перевод буддийской литературы на китайский язык. Эти стили содержат две четко различающиеся языковые нормы и отличаются один от другого правилами синтаксического построения предложений и использования грамматических частиц, систематикой лексических знаний и особыми подсистемами лексики [ср. 16 и 17]. Объединение стилей *вэньянь* и *байхуа* в один язык можно объяснить, скорее всего, особенностями лингвистической системы. Нормирование китайского литературного языка через словарь позволяло объединять в словарях обе нормы и не составлять разных руководств для каждой из норм, представляя их как определенные функциональные стили.

В Индии появление наряду с каноническим индуизмом новых религий — буддизма, вишнуизма, шиванизма, джайнизма и др. — привело к переосмыслению понятия *праkrit*. Слово *праkrit*, понимавшееся ранее как устный диалект или просторечие по отношению к литературному санскриту, приобрело новое содержание и было отмечено новым термином *апабхраниша* (литературный *праkrit*). Литературные *праkritы*, образованные на основании новых канонических текстов, были кодифицированы соответствующими, отдельными для каждого, грамматическими сочинениями [см. 12, раздел «Санскрит и *праkritы*»]. Они фактически составили не функциональные стили одного языка, а разные литературные языки, важнейшим из которых несомненно считается *пали* — язык сочинений индийского буддизма.

В греко-латинской традиции два канонических языка — греческий и латинский — оказались связанными с делением христианской церкви на западную и восточную. Различие в языках и интерпретациях канонических текстов западной и восточной церквями разделило прежде единое в своих идеях лингвистическое нормирование каждого из языков.

В Средние века образовались и новые канонические языки, которые возникали иногда самостоятельно, а иногда путем переводов на них канонических текстов. Разница между самостоятельным каноническим языком и языком, образованным вместе с

переводом канона, не всегда выступает достаточно четко. Так, арабский язык (язык ислама), как известно, опирается на арабские семитские диалекты и является новым каноническим языком, на котором написаны новые оригинальные канонические тексты. Церковнославянский язык — пример канонического языка — возник при перенесении христианского канона на почву славянского языка по преимуществу как перевод с греческого. Бывают языки, которые частично участвуют в создании канона. Таким языком является, например, арамейский. Бывают и такие языки, которые сравнительно мало зависят от какого-либо канона и представляют собой местные литературные образования, например, классический тамильский язык [см. 1].

Вместе с каноническими языками возникают местные литературные языки с текстами духовного и светского содержания на них. Эти языки в зависимости от характера канонической традиции могут включать перевод канона (языки христианского мира: армянский, грузинский, коптский, провансальский, французский, английский, польский и т.д.), но могут содержать только литературу, комментирующую или дополняющую канон (например, уйгурский, тюркско-чага-тайский, тюркско-османский, среднеперсидский, урду, кави и многие другие).

Есть и особые случаи формирования литературных языков. К ним относятся корейский и японский языки: здесь сначала вводились китайские тексты с местными, дополняющими правилами чтения и интерпретации, а затем уже отделялись местные языки. Такой путь стал возможным благодаря применению иероглифики.

Тесная связь языка с идеологическими и политическими движениями дает пеструю и сложную картину существования его в Средние века. Существование языка в Средние века — малоизученная область языкознания. Тем более трудно описать грамматическое искусство того времени.

Лингвистическое наследие Средних веков характеризуется тремя наиболее общими теоретическими движениями:

1) применением принципов описания системы языка, выработанных в Античности, к описанию систем новых языков в части грамматики и фонетики;

2) обширными лексикологическими и этимологическими исследованиями, связанными с толкованием канонических текстов и описанием контекстных употреблений слов;

3) философско-лингвистическими изысканиями в области онтологии языка (философскими и философско-теологическими Трактатами).

Лексикологические исследования по своему содержанию более или менее однотипны. В Европе, на исламском Востоке, в Индии и Китае такие работы строятся по одному плану: рассмат-

ривается перечень слов некоторого языка и каждое слово комментируется в своем значении. Комментирование слов производится не только путем указания их значений, но и путем подбора контекстов их употребления в разных сочинениях. Для этой цели отбираются сочинения прозаические и поэтические, имеющие и наибольшую распространенность, и наибольший авторитет. Обилие контекстов и их избрание обнаруживает эрудицию автора работы, и, что очень важно, автор своим выбором источников указывает на значимость для культуры этих сочинений. Вот почему выдающиеся филологи этого времени нередко являются энциклопедически образованными людьми. Нередко им принадлежат сочинения по теологии, философии, математике и другим видам знания. Составление лексикологических работ в то время требовало глубокой осведомленности и эрудиции.

Такие лексикологические работы являлись и методическими пособиями по чтению текстов. Многие из них содержат важную композиционную черту — это своего рода комментарий к слову, встреченному учеником в изучаемом тексте, комментарий, как бы записанный учеником со слов учителя и потому, на современный взгляд, кажущийся бессистемным. (О бессистемности таких руководств нередко говорится в истории общего и частных языкознания [см., например, 8].)

Однако надо помнить, что составители таких руководств были довольно хорошо знакомы с герменевтикой, отличающейся достаточно строгой систематичностью в развертывании содержания. В связи с этим принципы развития содержания в лексикологических работах Средневековья нуждаются в специальном исследовании [см. 2]. Во всяком случае виднейшие руководства по лексикологии явно обнаруживают определенную систему развертывания содержания. Так, словарь «Пэй-вэнь юньфу» [см. 12], составленный в Китае в XVII в. и не утративший своего значения до сих пор, явно содержит определенный, хотя еще и не исследованный, внутренний принцип изложения словарных статей. То же можно сказать и о других словарях. Например, при исследовании семантического поля слова «доблесть» в не очень популярном арабском словаре, составленном в XIV в. [см. 5], были обнаружены систематические зависимости между значениями слов, прямо отвечающие этическому нормативу *доблести*, принятому в исламе.

Работы по фонетике и грамматике характеризуются следующей общей особенностью: раз созданная и утвердившаяся система описания продолжает функционировать многие годы (подчас сотни лет) обычно и в виде списков, т.е. рукописных копий, и в виде методических руководств-учебников, дающих сокращенный вариант созданной системы.

Системы Панини, александрийской грамматики и система Сю Шэня остаются и поныне нормативами языка, не понесшими

принципиальных изменений, а то и вовсе без таковых. Новые канонические и литературные языки нередко получают свой фонетико-грамматический норматив, который утверждается как система описания и действует без существенных изменений, дополняясь комментариями и руководствами.

Описание новых систем производится на основании опыта существующих описаний. При этом используются принципы грамматической систематики, предложенные в данном культурном ареале в Античности. Однако вряд ли можно утверждать, что новые системы языков, описанные в Средневековье, всегда представляют собой прямой перенос понятий античного языкознания на почву нового языка. О таком прямом переносе можно говорить только в отдельных случаях. Перенос касается преимущественно содержания и системы грамматических понятий, т.е. деления по частям речи и другим категориям слов, описания парадигм склонения и спряжения, но не затрагивает графику, фонетику или этимологию, где практически всегда даны оригинальные наблюдения и системы. Так, описание морфологии тибетского языка, в частности систем имени и глагола, вследствие индийской традиции систематики падежей и глагольных форм получилось отчасти искусственным. Например, четырехпадежная система тибетского языка была изложена в восьмипадежной схеме санскрита. Весьма искусственный подход замечен, пожалуй, и в описаниях «вульгарных» европейских языков, данных в понятиях греко-латинской традиции. Однако в Европе такому описанию подвергались родственные языки и потому в результате подобные описания в целом вполне соответствовали материалу языка.

«Искусственные переносы» в морфологии нередки. Это можно объяснить тем, что основные понятия грамматического искусства связывались не столько с языковой формой, сколько с содержанием. «Падежи», «времена», «наклонения», «роды» и «числа» воспринимались скорее как понятийные категории, нежели как языковые формы, и поэтому считалось полезным отразить эти важные изменения в содержании мысли, что, по тогдашнему мнению, обогащало семантику речи.

Заимствование проявлялось более всего в использовании принципов составления описаний, а не конкретных понятий. Это можно проиллюстрировать рядом примеров построения графики, Фонологии и грамматики, входящих в грамматическое искусство.

I. Некоторые идеи графики новописьменных языков

Важнейшим достижением средневековых филологов являются Новые графические системы, созданные на основе существующих Уже письменностей. Каждый новый письменный язык получал Новый алфавит. Средние века характеризуются образованием многих

новых письменных языков. К ним относятся: европейские «вульгарные» языки, ставшие впоследствии в значительном большинстве национальными языками; языки исламского ареала (чагатайский, среднеперсидский, османский, урду и многие другие); языки индийского ареала (литературные пракриты — «апабхрэнша», тамильский, малайский, яванский, бирманский, сиамский, тибетский и др.); языки китайского культурного ареала (корейский, японский, киданьский, маньчжурский, тангутский и др.); языки африканского ареала (например, коптский) и, наконец, церковнославянский язык со своей графикой. В Средние века происходит образование новых графических систем и соответственно новых литературных языков в Кавказском и Переднеазиатском ареалах. Каждый новый литературный язык так или иначе получал свою графическую систему. В целом можно утверждать, что в Средние века сложились основные пути образования новых графических систем по опыту уже существовавших.

Выделяется несколько способов образования таких графических систем (эти способы все еще недостаточно изучены теорией языка, хотя опыт по созданию новых письменностей в позднейшие времена накоплен огромный):

1) простое заимствование графики, сопровождаемое новой фонетической интерпретацией некоторых графем и введением по мере надобности диакритических знаков. Такой путь характерен для многих письменностей, созданных на базе латинского алфавита;

2) исходный алфавит частично изменяется, по мере надобности могут быть добавлены новые буквы и исключены те или иные буквы исходного алфавита. Этот путь характерен, например, для церковнославянского, бирманского, тайского и многих других языков;

3) изобретение принципиально новых букв для нового алфавита. При этом невозможно прямо указать источник заимствования. Заимствуется сам принцип буквенного обозначения звуков. В таком случае источником может явиться не одна письменность, а многие. Примером такого рода могут служить армянский и грузинский алфавиты;

4) видоизменение исходных знаков письменности; при этом новые знаки обозначают уже не тот уровень языка, который обозначали исходные знаки, т.е. происходит не заимствование формы знака, а принципиальная смена его содержания. Примером могут служить разновидности слоговой азбуки японского языка — *катагана* и *хирагана*, созданные по образцу иероглифов, но записывающие не слова и морфемы, а слоги [см. 6].

Надо заметить, что границы между этими способами далеко не всегда могут быть четко обозначены. Но помимо этих четырех способов создания алфавитов существуют еще и такие, которые

свидетельствуют о применении новых грамматологических идей, исследование новых грамматологических идей средневековых филологов, по сути дела, еще и не начато в общем языкознании. Поэтому в качестве примера рассмотрим, как создавались две графические системы: а) тангутская иероглифика и б) тибетская графика.

Известно, что тангуты были хорошо знакомы с культурой сопредельных стран: Индии, Тибета, Центральной Азии, Китая. Им были известны разные виды письменности: санскритская, тибетская, уйгурская — из звуко-буквенных и, по меньшей мере, кирданская и китайская — из иероглифических.

Как свидетельствует сунская китайская хроника, тангутский император Ли Юань-хао приказал тангутскому ученому **Ели Жэнь-юню** разработать систему **тангутской письменности**. Ели Жэнь-юн после многолетних трудов создал письменность и изложил результаты своих трудов в сочинении, имеющем 12 частей. Само это сочинение не найдено, но тангутская письменность и язык сейчас дешифрованы, и результаты работы Ели Жэнь-юна теперь достаточно ясны [см. 23, 45].

Ели Жэнь-юн исходил по преимуществу из опыта китайской филологии, но заимствовал только принципы и основные элементы, доводя их до логического совершенства. Сохранен китайский стиль начертания графических знаков и порядок их расположения. Используются те же материалы и орудия письма (колонковая кисть, тушь, бумага и ксилографический способ издания текстов). Поэтому тангутское письмо по своим основным каллиграфическим элементам («чертам») и правилам каллиграфии совпадает с китайским каллиграфическим стилем *кайшу*, причем совпадает так, что без прочтения отдельных иероглифов, составляющих строки, общий вид строки и страницы трудно отличить от китайских [см. 23, 51-59].

Из китайской филологии заимствован также общий принцип создания иероглифов из комбинации элементов, которые сами могут быть простыми иероглифами. Однако Ели Жэнь-юн не пошел вслед за Сю Шэнем, выделившим шесть этимологических Правил комбинирования простых иероглифов при формировании сложных, видимо, поняв, что эти шесть правил отражают способы образования только китайской иероглифики и нужны для исторической этимологизации и деления внутренней формы китайских же иероглифов. Для иероглифической письменности, образуемой заново, были предложены более простые и более «цельные» правила образования иероглифов.

Прежде всего был устранен недостаток китайской письменности, заключавшийся в том, что транскрибирование иноязычных¹¹ неэтимологизируемых по-китайски слов производится теми же иероглифами, что употребляются и для записи собственно китай-

ских морфем. Поэтому все тангутские иероглифы разбиты на два класса: транскрипционные и семантизируемые. Транскрипционные иероглифы употребляются для записи иностранных слов, прежде всего собственных имен, и представляют собой запись слогов, имеющих только фонетическое значение. Семантизируемые иероглифы употребляются для записи тангутского текста по морфемам. А поскольку в тангутском языке морфемы фонетически равны слогам, то семантизируемые иероглифы, как и транскрипционные, записывают слоги.

Семантизируемые иероглифы в тангутском языке могут давать комбинации (как и в китайском) из одного—пяти графических элементов, вписывающихся в квадрат, составляющий зрительное пространство иероглифа. При этом соблюдается правило графической компоновки иероглифа, состоящее в том, что два элемента располагаются относительно друг друга либо горизонтально (рис. 1), либо вертикально (рис. 2).

Добавление нового элемента к паре существующих производится путем его подстановки к любой из сторон квадрата (справа, слева, сверху и внизу; рис. 3—8).

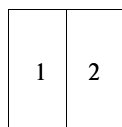

Рис. 1

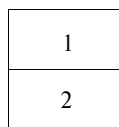

Рис. 2

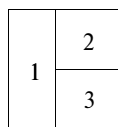

Рис. 3

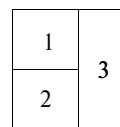

Рис. 4

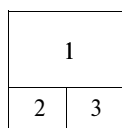

Рис. 5

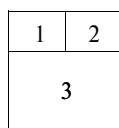

Рис. 6

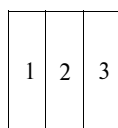

Рис. 7

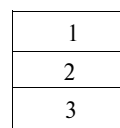

Рис. 8

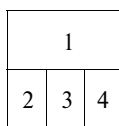

Рис. 9

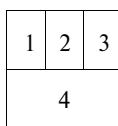

Рис. 10

Рис. 11

Рис. 12

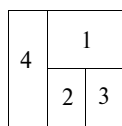

Рис. 13

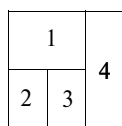

Рис. 14

Рис. 15

Рис. 16

Рис. 17

Четвертый элемент, равно как и пятый, может быть добавлен к существующим конфигурациям тоже только по четырем сторонам квадрата, но с определенными ограничениями: так, возможно добавление четвертого элемента к трем горизонтально расположенным, что образует фигуру, изображенную на рис. 9, но невозможно добавление четвертого элемента к трем вертикально расположенным.

К трем горизонтально расположенным элементам можно приписать четвертый сверху и снизу (рис. 10 и 11), но справа и слева **можно** приписать элемент только в том случае, если мы имеем дело с конфигурацией, изображенной на рис. 12, в результате чего образуются две фигуры (рис. 13, 14).

Прочие же конфигурации из трех элементов (рис. 15—17) не допускают приписывания четвертого элемента.

Таким образом, действует правило: построение иероглифа есть последовательное усложнение его графической формы путем добавления еще одного элемента к одной из четырех сторон, причем этот элемент занимает всю данную сторону. Добавление производится к уже существующим комбинациям элементов, но так, чтобы не возникало более трех горизонтальных членений и более пяти вертикальных членений, представленных отдельными элементами [см. 23, 63—64].

Легко видеть, что эти правила предусматривают квадратную композицию иероглифа не только извне, но и изнутри, так как при любом членении горизонтальная и вертикальная оси иероглифа всегда отмечены либо пробелами между элементами, либо элементами, ограниченными пробелами.

Комбинаторная система построения тангутских иероглифов основана на том, что так или иначе удерживаются оси, по которым строится иероглиф, и этим графически дифференцируются составляющие его элементы. Есть основания полагать, что геометрическая система Ели Жэнь-юна возникла как определенная логическая система, связанная с созданием семантики иероглифов.

Семантизируемые иероглифы в тангутской системе в отличие от системы Сю Шэня построены в семантическом отношении не по шести, а только по одному принципу. Все они идеограммы, т.е. **Иероглифы**, где смысл целого рождается как комбинация смыслов составляющих частей. Иероглифы, которые по системе Сю Шэня следовало бы называть фонетическими, представляют собой частную разновидность идеограмм, так как перенос звучания, при отсутствии иероглифов изобразительной, указательной **И** заимствованной серий, может пониматься только как вид идеограммических иероглифов.

Это соображение подкрепляется способом создания идеограммических композиций, предложенных Ели Жэнь-юном. Напоми-

наем, что этот способ заключается в том, что для создания идеограммы необязательно соединять два и более иероглифов в один. Можно брать части, а не целые иероглифы, как при создании идеограмм в китайской письменности, но так, чтобы взятые части представляли собой смысл целого знака, усеченного в составе идеографической композиции иероглифа. Например, «иероглиф

^ 'правило' состоит из двух частей: его левая часть представляет собой среднюю часть иероглифа $\hat{j} \overset{mi}{\setminus}$ обозначающего отрицание, а его правая часть представляет собою правую часть иероглифа **ndzLe**¹ 'переходить'. Таким образом, значение 'правило'⁵ определяется как "то, что не переступают". Иероглиф **lnciu**² 'развязывать' состоит из двух частей: верхняя его часть представляет собой верхнюю часть знака **sla**¹ 'веревка', а нижняя часть — целиком иероглиф **phe**² 'освобождать'» [23, 66].

Существуют правила редукции частей иероглифов для вхождения их после редукции в сложную идеограмму. Усекаемые и сохраняемые части имеют свои названия в тангутской традиции: верхняя часть называется *голова*, левая сторона — *сторона*, правая сторона — *помогать*, средняя часть — *середина*, нижняя часть — *низ*, а термином *окружать* называют как левую часть вместе с верхней, так и верхнюю часть вместе с левой или с правой.

Из сказанного видно, что тангутская иероглифика — это, по мысли ее создателя, своеобразное семантическое описание тангутских слов и морфем, в котором иероглиф не только соединен условной связью со своим значением, но и представляет собой как бы алгебраическое выражение понятия, передаваемого данным иероглифом. Несложно увидеть, что создатель тангутской иероглифики предвосхищает пазиграфические идеи Лейбница.

Не менее любопытны и способы построения тибетской графики. Тибетская графика была создана в VII в. ученым, по имени Тхон-ми Самбхоту, которому было предписано составить первую грамматику тибетского языка и разработать тибетскую письменность. Это было связано с тем, что в конце VI в. в Тибете складывалось государство и тибетцы приняли буддизм. Тхон-ми изучил в Индии санскрит. Вернувшись на родину, он создал письменность, за графический образец которой было взято древнеиндийское пись-

мо VII в., принятое в Центральной и Северной Индии [см. 21, 7; 22, 35].

Тхон-ми создал письменность, написал свое «Восьмикнижие» — грамматический трактат и сделал первые переводы буддийских сочинений на тибетский язык. Таким образом, деятельность Тхон-ми в принципе аналогична той, которую совершили Кирилл и Доефодий — создатели славянской письменности, Месроп Маштоц — создатель армянской письменности и многие, многие деятели других культур Европы и Востока, создававшие национальные алфавиты для распространения просвещения на родном языке.

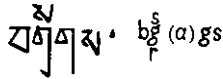
Обычный путь создания письменности в этом случае состоит в том, что по некоторому образцу предлагается алфавит знаков, им даются фонетические референты языка, для которого составляется письменность. При этом принцип грамматической организации сочетаний букв, составляющих слова и предложения литературного графического языка, сохраняется таким же, как и в источнике заимствования. Так построены, например, славянская, староанглийская, старофранцузская, бирманская, тайская, малайская, яванская, тамильская и многие другие письменности.

Тхон-ми в отличие от других основателей письменности внес в тибетское письмо особые грамматические идеи [см. 21, 21–36]. Если в индийском письме согласные пишутся по одну сторону и могут скрепляться лигатурой, а гласные существуют как подписные и надписные знаки, то тибетская графика, созданная Тхон-ми, предполагает вертикальное расположение не только гласных, но и согласных. При этом принципиальные изменения претерпевает вся система написаний. Строка строится не из написаний слов, но слогов, отделяемых друг от друга пробелами и точкой. Каждый слог пишется как горизонтальная строка согласных (и гласной *a*, которая также считается основной буквой), а сверху и снизу через пробел ставятся надписные и подписные знаки гласных *и*, *у*, *е*, *о*. Строка согласных содержит простые и сложные буквы. Сложные буквы есть сочетания простых. Сочетания простых букв располагаются вертикально. Такие сочетания, представляющие собой сложные буквы, могут состоять максимально из трех простых элементов: *надписного*, *центрального* и *подписного*. Главным считается центральный элемент, и он пишется как полная буква. Надписной и подписной элементы могут представлять собой сокращенные написания полных букв.

Кроме сложных букв, составляющих центр записи слога, слева от сложной буквы пишется так называемая приписная буква, составляющая начало полного слога, а справа могут писаться СЩе две буквы, составляющие конец максимально полного слога.

Сложная буква отмечает центр слога потому, что вслед за ней

должен читаться слоговой гласный, который либо вовсе не пишется, если это слогообразующий я, либо отличается надписным или подписным значком гласного. Отсюда полный тибет-

ский слог в графике имеет следующий вид: 'объявленный' [см. 21, 23).

Такое написание не случайно. Оно имеет как морфологическое, так и фонологическое значение.

Слогораздел, отмеченный на письме, исключительно важен для тибетского языка, где слогоделение морфологически значимо, т.е. границы морфем проходят там же, где и границы слогов, а большинство собственно тибетских морфем односложно.

Основа (центральный элемент сложной согласной буквы в тибетской традиции) называется термином «*min-gri*». Этот центральный элемент, называемый в тибетологии корнем, составляет этимологическую основу слогоморфемы. Его этимологическая роль подчеркивается тем, что при производстве одной морфемы от другой или одного слова от другого «корень» остается неизменным.

Вертикальные и горизонтальные согласные слогоморфемы различаются не только графически, но и функционально. Функциональное различие их двоякое.

Во-первых, различна фонетическая роль горизонтально и вертикально записываемых согласных. Вертикальные верхние согласные — сонанты *ʃ*, *ʎ*, *s* и вертикальные нижние согласные *y*, *ʎ*, *z*, *w* различны по своему фонетическому качеству и по влиянию на произношение слога. Первые — обычно согласные, вторые — глайды. Верхние не влияют на супrasegmentные элементы слога, нижние влияют на тон и на аккомодацию с последующим гласным.

Во-вторых, тибетская традиция склонна считать, что весь вертикальный ряд может различать родственные, но разные корни слов, тогда как «некорневые» графемы горизонтального ряда могут дифференцировать не только корни слов, но и формы слова. Горизонтальные графемы различают, например, времена глаголов. Так, основа глагола 'достигать' изменяется по временам следующим образом: *sgrub* — настоящее время; *bsgrubs* — прошедшее время; *bsgmb* — причастие будущего времени; *sgrubs* — повелительное наклонение [см. 21, 93—95].

Таким образом, принцип различения вертикальных и горизонтальных согласных (иероглифов) основан на том, что вертикальные графемы могут участвовать в производстве корней слов, тогда как горизонтальные графемы могут участвовать в образовании грамматических форм. Эволюция тибетского языка подтвердила глубокую обоснованность функциональных различий в записи слога, предложенной Тхон-ми.

ПО

II. Исследование звукового строя языка

Грамматическое искусство, как известно, терминологически отождествляет графический знак и его звуковой референт. Вот почему буква в грамматическом искусстве отождествляется со звуком. Фонология же как отдельная область знания предполагает рассмотрение звуков языка как самостоятельной системы вне ее зависимости от письменной речи.

Естественно, что грамматическое искусство, построенное для фонетических письменностей, не создает фонологии как отдельной области знания. Если же письменный язык построен на иероглифике, референтами которой являются семантические единицы — морфемы, то возникает нужда в отдельном описании звуковой системы языка. Вот почему китайские филологи наряду с развитием и совершенствованием своей иероглифической грамматики и словарного хозяйства создали особую фонологическую систему.

Своеобразие средневекового китайского языкознания во многом определяется характером письменности и типом нормирования языка в античности. Иероглифическая письменность, записывающая морфемы со стороны плана содержания, позволяет нормировать литературный язык, не обращаясь к фонологии. Характер норматива, данного Сю Шэнем в «Шовэнь цзецзы», требует считать речь правильной, т.е. построенной совершенным образом, если она правильна только в графическом и семантическом отношениях.

Кроме того, благодаря характеру лингвистического норматива китайское языкознание в Средние века представляет собой как бы часть поэтики, а для поэтики важно не только значение, но и звучание. Китайцы, тщательно разработав оригинальное фонетическое учение, в отличие от европейцев и индийцев отделили его от грамматики. Они поместили фонетику-фонологию на грани лексикографии и поэтики. Характер лингвистического норматива китайцев и характер их письменности предопределили отдельность их фонологического учения.

Нельзя думать, что «отдельность» фонологического учения китайцев объясняется тем, что они не знали о грамматическом строении речи. Уже с «Шовэнь цзецзы» Сю Шэнь отделяет служебные элементы речи от знаменательных, вводя для спецификации служебных элементов термин «цы». Например, в толковании служебного слова *цзы* 'все' Сю Шэнь говорит: «*Цзы* есть "цы" всеобщности». В толковании модального слова и Сю Шэнь говорит: «и есть "цы", завершающее речь» [цит. по: 4, 6].

Еще в период танской династии, как сообщает профессор Ван Ли, у китайцев в результате индийского влияния появляется теория, именуемая *шэньмин* 'пояснение звучания', в которой излага-

ются концепции спряжения и склонения. Ван Ли ссылается на новейшее воспроизведение старого трактата «Шэнминлюэ», выполненное в 1923 г. В частности, в данном трактате китайскому языку приписана индийская падежная система, данная в китайских терминах: 1-й падеж (именительный) — *тышэн* ('звучание, описывающее вещь⁵), 2-й (винительный) — *пушэн* ('звучание, описывающее предмет воздействия⁵), 3-й (орудный) — *цзюйшэн* ('звучание, описывающее орудие⁵), 4-й (дательный) — *цзышэн* ('звучание, описывающее то, что делают для кого-либо⁵), 5-й (отложительный) — *цуншэн* ('звучание, описывающее исходную точку⁵), 6-й (родительный) — *шушэн* ('звучание, описывающее принадлежность⁵), 7-й (местный) — *ишэн* ('звучание, описывающее опору⁵), 8-й (звательный) — *хушэн* ('звучание, описывающее призыв⁵) [см. 4, 12]. Однако грамматическая теория *шэнмын* не утвердилась в Китае и не получила фактически никакого развития. Это доказывает, что языковой норматив литературного языка в Китае складывался иначе, чем в других странах. Учение о слове и предложении появляется в Китае под влиянием европейской лингвистики только в конце XIX в. и получает широкое распространение в XX в. [см. 16, 17].

Фонологический норматив в Китае начинает свое становление под влиянием ритмики и метрики. Его становлению, несомненно, способствовало и распространение буддизма в Китае, так как переводы буддийских сочинений фактически привели к образованию двух стилей китайского языка — *вэнь-янь* (литературный «высокий стиль») и *байхуа* (освоенный литературой просторечный язык). Одновременно происходит и интенсивное территориальное расширение китайской империи, в результате чего в сферу влияния литературной речи попадают многие диалекты ханьского языка и родственные языки с их своеобразным фонетическим строем.

Вот почему уже во II в. появляется особый методический прием обучения чтению иероглифа, называемый термином *фаньюй* ('противоположные речения⁵). *Фаньюй* — прием, схожий с русским обучением чтению по складам (например: *б-уки + а-з = ба*), когда от названия буквы алфавита отсекается одна часть и вместе с другой такой же отсеченной частью они составляют целое чтение [см. 4, 7—9].

Различие между русскими складами и *фаньюй* состоит в том, что при чтении методом *фаньюй* у одного слова отсекается начало, а у другого конец; отсеченные начало и конец дают чтение нового слова, например: *п-и* ('штука⁵) + *м-ан* ('слепой⁵) дают *пан* ('бок⁵). При этом для написания *фаньюй* используются не названия графем, а обычные иероглифы, каждый из которых обладает каким-нибудь значением (иероглифы брались произвольно, необходимо лишь, чтобы сложение их усеченных чтений давало чтение нового иероглифа).

В V в. Чэнь Юэ создал трактат, называемый «Сы шэн (юнь) пу» — «Нотация четырех (рифмовых) звучаний» [181]. Этот труд описывал использующиеся в поэтике четыре этимологических тона и формировал правила тональной упорядоченности стиха [см. 4, 8].

По-видимому, не ранее чем в VI в. помимо словарей, традиция которых восходит к «Эръя», стали создаваться рифмовники, которые представляли собой разновидность словарей, построенных не на основании структуры графемы, как в системе Сю Шэня, а по звучанию иероглифов. Трактат Лу Фа-яня «Цеюнь» («Сечение рифм») был написан в 601 г. (современное полное название «Цеюнь цюмынь» — «Объяснение сечения рифм» [18]) и является самой ранней из сохранившихся в настоящее время книг-рифмовников.

«Цеюнь» много раз дополнялся и исправлялся. Самые поздние версии этого текста именуется «Гуаньюнь» (относится к 1008 г.) и «Цзюнь» (относится к 1037 г.). «Цеюнь» уже содержал каноническую систему передачи звучаний слогов через отсечение частей и соединение отсеченных частей слогов в новый слог. Указанная система стала общепринятой системой китайской транскрипции, называемой с тех пор системой *цеюнь* (сечение рифм). Эта система стала применяться как стандартный способ фонетической записи иероглифов [см. 4, 8].

Собственно фонологические исследования, построенные на транскрипции *цеюнь*, восходят к «Гуаньюнь» как к основному своду материалов по средневековой фонологии и исторической фонетике китайского языка. В «Гуаньюнь» содержится 206 рифм, распределенных по четырем тонам. Термин *рифма* в «Гуаньюнь» понимается уже лингвистически строго — как вторая половина фонологического слога, содержащая гласную часть слога. Таким образом, полное фонологическое описание китайского стандартного литературного языка произведено на рубеже X—XI вв.

Помимо рифмовников составлялись специальные фонологические таблицы *юньту*. Таблицы представляют собой общее изображение и исчерпывающий перечень слоговой и фонемной систем китайского языка. *Цеюнь* предполагает, что всякий слог состоит из двух частей: 1) согласное начало слога, где может быть также и нуль звука, и 2) вторая, вокалистическая, часть слога, включающая и конечнослоговой консонант. В китаистике согласное начало слога принято называть термином *инициаль* (*шэнму*), а вторую, вокалистическую, часть слога принято называть термином *рифма* (*юньму*).

Фонологические таблицы составлены как пересечения вертикальных столбцов и горизонтальных строк. Горизонтальные строки содержат иероглифы с одинаковой рифмой (*юньму*), а вертикальные столбцы содержат иероглифы с одинаковой инициалью (*шэнму*).

Применяя русскую транскрипцию вместо иероглифов, примерную таблицу можно было бы изобразить следующим образом:

Инициали	о	г	д	б
Рифмы (юньму)				
<i>а</i>	<i>а</i>	<i>О</i>	<i>да</i>	<i>ба</i>
<i>ань</i>	<i>ань</i>	<i>гань</i>	<i>дань</i>	<i>бань</i>
<i>йаиь</i>	<i>яань</i>	<i>О</i>	<i>О</i>	<i>бянь</i>

Звучания в реальных таблицах записаны иероглифами. Если пересечение инициалей и рифм дает слог, не представленный в китайском языке, то ставится кружок. Таблицы составляются отдельно для каждого тона и представляют собой перечень всех слогов стандартного языка. Таким образом, в таблицах представлены сведения трех родов: а) полный перечень всех разнозвучающих слогов; б) полный перечень всех фонематических парных компонентов слога — рифм и инициалей; в) сведения о сочетаемости компонентов слога.

Эти три рода сведений требуют специального фонологического и фонетического анализа элементов, входящих в рифмы и инициали, в частности подробного анализа сегментных и супraseгментных фонологических элементов.

Одними из самых ранних были таблицы **Чжэнь Цяо**, составленные в начале XII в. [см. 4, 8]. В истории китайской филологии было составлено много таких таблиц. Каждая из них отличается от предшествующих теми или иными деталями, касающимися интерпретации фонологических элементов. Самый важный труд такого рода, обобщающий опыт фонологической работы, представляют собой таблицы **Сыма Гуана** — «Цеючь чжычжанту».

Впоследствии, как пишет Ван Ли, таблицы поделились на два рода: одни отражали традиционный фонологический норматив, другие же отражали изменения фонетики китайского литературного языка. Таким образом, возникало два разных описания. Одно описание утверждало произносительную норму, другое фиксировало узуальные изменения.

Исследование и описание узуальных изменений касалось только литературного языка, в основе которого лежали северные диалекты. Известной работой, описавшей узуальные изменения литературного языка и имеющей диалектологическую ценность, является труд **Чжоу Де-дина** «Чжуньюань иньюнь» («Звучание рифм центральной равнины», 1324 г.). Последняя редакция данной работы, осуществленная в 1859 г., называется «Чжуньюань иньюнь яньцзю» («Исследование звучания рифм центральной равнины») [11]. Эта работа составлена на основании фольклорного

творчества в указанной местности в XIV в. и много раз комментировалась впоследствии. Она зафиксировала исчезновение входящего тона и разбиение ровного тона на мужской ровный (*яньпин*) и женский ровный (*иньпин*). С точки зрения исторической фонологии китайского языка это изменение приводило к еще большей независимости этимологического тона, присущего китайским слогам, от фонемного состава слога и одновременно фиксировало исчезновение конечнослоговых импловзивных согласных.

В «Чжунъюань инъюнь» намечены основные черты фонетического облика современного литературного китайского языка и фактически определена его диалектная база. С тех пор фонетические работы по литературному языку писались на основе северного произношения. Можно назвать некоторые из них. В 1398 г. были созданы таблицы Чжу Цюаня. В 1483 г. вышли таблицы под названием «Цылинь яньюнь». В 1442 г. Лань Янь-сю опубликовал таблицы под названием «Юньлюэ и тун». В 1642 г. Би Гун-чэнь создал таблицы «Юньлюэ хуйтун». Таблицы составлялись и позже [см. 4, 9]. Они составляются и в настоящее время, являясь основой описания китайской фонологии.

Краткий обзор системы описания в истории китайской фонологии показывает, что китайским фонологам приходилось решать целый ряд важнейших лингвистических вопросов: а) проблему создания системы независимого фонологического описания в условиях существования иероглифической письменности; б) проблему исторической изменчивости фонетического строя литературного языка; в) проблему отработки литературного орфоэпического норматива с опорой на определенную диалектную базу.

С общелингвистической точки зрения важно выделить следующие аспекты достижений китайских филологов:

1. Фонетический норматив в иных культурах — в условиях звуко-буквенной письменности — развивался как орфоэпически верное произношение букв. Поэтому везде слово *буква* выступает как синоним слова *звук*. Китайская филология оперирует только словом *звук (звучание)*, которое не соотносится прямо с графическим знаком. Это значит, что китайская фонология с самого начала построена не на грамматологической, а на чисто фонетической основе.

2. Независимость учений о звучании от грамматики делает китайские учения уникальными описаниями только одного фонологического уровня языка. Если в других культурах фонологическая работа, по сути дела, завершалась созданием алфавита, а фонетика выступала как произносительный норматив, то в Китае исследование начиналось от фонетики и завершалось созданием фонологической системы, которая применялась затем как орфо-

эпический норматив. Это значит, что китайские филологи первыми начали фонологические исследования.

Эти две общелингвистические особенности средневековой китайской фонологии делают ее уникальной. Они не могли бы существовать без серии специальных понятий, характеризующих фонетико-фонологический анализ. Специальные понятия наиболее полно систематизировал Ван Ли в своей работе «Рифмика китайского языка» [см. 3]. Дело в том, что различные сочинения по фонологии в пределах одной традиции дают разные виды описания, нередко различающиеся даже терминологически, а также описывают различный материал. Ван Ли суммировал и учел расхождения китайской традиционной фонологии, нигде не упрощая картину и давая цельную систему описания.

Опираясь на обобщенную терминологию Ван Ли, можно установить основную систему противопоставлений, лежащую в основании китайской фонологии. Поэтому полезно воспользоваться его интерпретацией. Китайская фонология пользуется несколькими рядами терминов:

- 1) термины сегментации слова на фонологические компоненты: *шэньму, юньму, ню, юнь, шуаншэн, цзеюнь*;
- 2) термины вокализации фокуса звука: *хоу, я, ши, ни, чунь*;
- 3) термины качества звука: *цин, чжо*;
- 4) термины изменения звучания: *яншэн, иньшэн, дуйчжуань, панчжуань*;
- 5) термин «ступени звучания»: *дэнху* или *дэн*;
- 6) термин супraseгментных элементов, или тонов: *сышэн*;
- 7) термины дистрибутивных характеристик звуков: *фальце, юньни* [см. 3, 40–121];
- 8) алфавитный перечень иероглифических изображений звуков: *цзыму* [см. 3, 66].

Для лучшего понимания системы китайской фонологии полезно указать на некоторые лингвopsихологические особенности фонетики китайского языка.

Китайская речь представляется слушающему рядом слогов, четко отделенных друг от друга паузами. Слияние слогов, при котором между слогами отсутствует пауза, встречается лишь как исключение, а фонетическое влияние одного слога на другой касается обычно только супraseгментных элементов, объединяющих слоги как целые единицы этимологическим тоном. Эти межслоговые отношения регулируются определенными элементарными правилами позиционных изменений тонов. Самое элементарное владение системой языка всегда предполагает знание присущего слогу этимологического тона.

Слог же, составляющий фонетически цельную единицу, как правило, передает одну морфему, вот почему слоговое разделение, ясно осязаемое фонетически даже неподготовленным слу-

шателем, есть одновременно деление речи на слова и морфемы. Отсюда следует, что этимологические процессы происходят внутри отдельно произносимых слогов. Эти этимологические процессы выражаются:

1) в смене тона и изменении его связей с фонемами, составляющими слог;

2) в процессах аккомодации, происходящих в слоге и влияющих на реализацию исторических фонетических законов;

3) в индивидуальной для каждого слога-морфемы мене фонем в морфеме;

4) в дивергенции или контаминации фонем и их дифференциальных признаков на определенных местах в слоге, приводящих к изменению значения морфемы или дающих свободное варьирование морфемы.

Все это вместе характеризует историческую изменчивость и диалектные различия китайского языка.

Так, падение в конце слога глухих согласных имплозивов *p*, */*, *k* приводит к падению так называемого входящего тона, характеризующегося гортанной смычкой. Состав вокализма слога связан с качествами начальных консонантов. Это качество начальных консонантов представлено следующими широкими противопоставлениями: палатализованность — непалатализованность, глухость — звонкость, придыхательность — непридыхательность. Наконец, свободная мена фонем вроде *нэн*, *нун*, *лэн* 'мягкий' приводит к свободному варьированию алломорфов, а варьирование алломорфов может быть использовано для выражения отношений словопроизводства: *сяо* 'дуть' (о ветре), *пяо* 'носиться по ветру'.

Словом, специфика китайской фонетики состоит в том, что названные выше фонетические процессы, происходящие внутри слова, словно бы все время готовы этимологизироваться и превращаться в те или иные семантически значимые различия.

Если эти процессы охватывают много слогов, то возникают фонетические законы и соответствия, делящие речь на диахронические и диалектные системы. Если же эти сходные фонетические процессы охватывают мало слогов, то происходит образование новых морфем. Любые фонетические процессы в конечном результате всегда значимы для всей системы языка. Но в начале любого процесса есть ступень свободного фонетического варьирования в звучании морфем, не затрагивающая их значений.

Иероглифическая письменность потенциально может приписать иероглифам любое слоговое звучание, поэтому перед фонологом, опирающимся на иероглифику, возникает задача распределить слоги между иероглифами так, чтобы максимально раскрыть фонетические потенции языка в производстве новых морфем-слов. Вот почему китайская фонология опирается на такие

признаки звучания китайских слогов, которые имеют наиболее общий характер¹.

Самым первым признаком, который может характеризовать все китайские слоги, является деление их на две части: начальную инициаль (*шэнму*) и рифму (*юньму*). Это простейшее деление слога как линейной последовательности. Поскольку звуки, составляющие слог, фонетически различны и центр звучности может приходиться на разные точки слога, чисто фонетически слог может быть поделен более чем на две части. Деление же на *шэнму* и *юньму* есть деление на первый элемент слога и все последующие, и не по фонетическим качествам звучания элементов, а только в последовательности элементов. Это можно записать символически так: слог с элементами *a*, *b*, *c*, *d* составлен из *a* (*шэнму*) + *bed* (*юньму*).

Если слог начинается с гласного, то *шэнму* будет гласным звуком, если с согласного — согласным. Если слог представлен одним звуком, например слог *и* (морфема со значением 'один'), то возможны два решения: либо поделить *и* на *й* + *и*, либо считать, что один из компонентов есть 0, тогда слог *и* делится на **ф** + *и* или *и* + **ф**. В разных руководствах эту альтернативу решают по-разному или находят те или иные компромиссы.

Деление слога по принципу *a* + *bed* продиктовано типологическими особенностями китайского слога. Китайский слог не терпит стечения согласных, но легко допускает стечение гласных. В первой позиции появляются все согласные. Поэтому в состав *шэнму*, где налицо сильная позиция для согласных в слоге, обязательно попадут все согласные (и некоторые гласные), а в состав *юньму* — все гласные и некоторые согласные, утратившие часть дифференциальных признаков под влиянием слабой позиции в конце или в середине слога.

При делении слога на *шэнму* и *юньму* возникает одна трудность. Коль скоро в позиции *шэнму* появляются все согласные, а в позиции *юньму* — все гласные, то между *шэнму* и *юньму* существуют аккомодация и отождествление их по некоторому общему при-

¹ Вряд ли можно предположить, что истоки китайской фонологии возникли под влиянием фонетического учения индийцев. Китайские филологи несомненно были знакомы с индийской традицией описания звуков, но китайская фонологическая система столь далека от индийской, что исключает возможность переноса даже принципов описания во всех случаях, кроме выделения фонологического уровня.

Если сравнить индийскую фонологию с китайской, то можно обнаружить, что индийцы давали максимально полный перечень качеств звуков, причем каждое качество считалось равноценным, тогда как китайцы, несомненно знавшие традицию Панини, пошли другим путем — путем отбора для китайских силлабморфем только самых существенных фонетических дифференциальных признаков. Поиск наиболее обобщающих характеристик слога как целого — ведущая черта китайской фонологии.

знаку звучания. При этом зачастую неясно, является ли этот общий признак принадлежащим отдельной фонеме в составе *юньму* или дифференциальным признаком фонем в составе *шэнму*.

Эта трудность возникает, например, при интерпретации палатальных полугласных и палатализованных согласных. Так, слоги *мин* и *м^уе* можно поделить следующим образом: *м-ин* и *м-йе* или *м^у-ин* и *м^у-е*. В первом случае нет необходимости делить согласные на палатализованные и непалатализованные, во втором такая необходимость есть.

Для решения вопросов слогораздела китайская фонология применяла дистрибутивный анализ.

С этой целью слог характеризуется не двумя другими слогами, а тремя, взятыми по определенному правилу. Так, допустим, нужно описать фонемный состав слова *тин* 'зал'. Берутся слоги *ти* (морфема со значением 'брить'), *лин* (морфема со значением 'дух') и *ли* (морфема со значением 'календарь'). Все четыре слога как бы образуют четырехугольник:

<i>ти</i>	<i>лин</i>
<i>тин</i>	<i>ли</i>

Верхняя строка квадрата представляет собой разложение методом *фаньюй* (по складам) слога *тин*: *тин* = *т(и)* + *(л)ин*. Нижняя строка строится так: сначала пишут слог, строение которого анализируется (в нашем примере *тин*), затем строится новый слог. Построение нового слога производится следующим образом: слоги верхней строки записываются в обратном порядке: *лин* — *ти*. Затем производится сечение каждого из слогов: *л(ин)* и *т(и)*. Сечение производится, как обычно, в результате конструируется новый слог: *л(ин)* + *т(и)* = *ли*. Если такой слог представлен в языке морфемой, то сочетание *т(и)* + *(л)ин*, конструированное для выяснения состава слова *тин* ('зал'), считается правильным.

Далее вводится формальное правило чтения четырехугольника. Для объяснения состава слога *тин*:

$$\begin{array}{c}
 \text{ти} - \text{лин} \\
 \text{тин} \\
 \text{тин} - \text{ли}
 \end{array}$$

Косая стрелка отождествляет рифму, вертикальная — инициаль.

Этот прием называется *шуанишэн цюнь*, т.е. «удвоение инициалей (*шуанишэн*) и складывание рифм (*цюнь*)» [см. 3,48—49].

В результате возникает новое противопоставление терминов: инициалу отождествленные через удвоение, называются *ню*, а рифмы, отождествленные через складывание, называются *юнь*.

Ню и *юнь* уже не только звуки, которые встречаются в некоторых позициях, но классы фонем, характеризуемые каждый своей позицией и представленные определенным количеством фонем (т.е. звукотипов), характеризуемых по смыслоразличительной роли и употреблению. Проверка на смыслоразличение производится путем подборки морфемы для сконструированного слога. При этом действует следующее правило: если сконструированный для проверки сечения слога новый слог не представлен морфемой, то сечение проведено неверно. Проверка по употреблению вытекает из приема *шуаншэн цюнь*, так как в этом приеме инициаль и рифма характеризуются каждая как элементы, обладающие контрастной и дополнительной дистрибуцией, что наглядно видно на следующей таблице:

^ ^ ^ ^ ^ Фонемы	Слоги ^ —	<i>т(ин)</i>	<i>л(ин)</i>	<i>т(и)</i>	<i>л(и)</i>
<i>т</i>		+	—	+	—
<i>ин</i>		+	+	—	—
<i>л</i>		—	+	—	+
<i>и</i>		—	—	+	+

В таблице следующие пары фонем различены контрастно и дополнительно: *т/и*, *т/ин*, *л/ин*, *л/и*.

Перебирая слоги китайского языка с помощью последовательно применяемого приема *шуаншэн цюнь*, устанавливают состав фонем-инициалей (*ню*) и фонем-рифм (*юнь*). Легко видеть, что метод фонологического анализа принципиально тот же, что и, например, у З.Хэрриса [см. 41] или Н.С.Трубецкого [см. 25], но ориентирован он на типологические особенности китайского языка.

Затем фонемы каждого из классов характеризуются дифференциальными признаками. Фонемы класса инициалей характеризуются противопоставлением признаков *цин* (светлость) и *чжо* (мутность) с точками фокусировки звука, данными как набор градуальных оппозиций: *хоу* (горловость), *я* (заднезубность), *ши* (язычность), *чи* (переднезубность) и *чунь* (губность). Особенностью этой классификации является указание не на место и способ артикуляции, а на вид звучания и фокус звучания — как если бы речь шла об анализе звука, производимого инструментом. Описание самих признаков (т.е. светлость, мутность, горловость и т.д.) производится далее уже как в обычной фонетике, по месту и способу артикуляции. Китайскую классификацию нельзя

назвать акустической в смысле слухового анализа звуков, она не **является** и артикуляторной, так как место и способ артикуляции является в ней только приемом описания. Она как бы акустико-артикуляционная. Вот почему китайскую классификацию можно назвать инструментальной.

Основные классы делятся на подклассы путем детализации дифференциальных признаков.

Так, признак фокусировки звука детализруется следующим образом: горловые, заднезубные, головоязычные, верхнеязычные, лолуязычный, полупереднезубный (своеобразный носовой фрикативный гласный «эрл»), прямые переднезубные, головные переднезубные, легкие губные, тяжелые губные [см. 3, 37].

Признак видов звучания детализруется следующим образом: полностью светлые (*цюань цин*), куда входят непридыхательные незвонкие взрывные, глухие фрикативы и непридыхательные незвонкие аффрикаты; частично светлые (*цы цин*), куда входят непридыхательные глухие взрывные, глухие фрикативные и придыхательные глухие аффрикаты; полностью мутные (*цюань чжо*), куда входят звонкие придыхательные взрывные, звонкие фрикативы, звонкие придыхательные аффрикаты, и частично мутные (*цы чжо*), куда входят носовые, латеральные, гласный / и носовой фрикативный гласный звук, записываемый в русской транскрипции буквосочетанием «эрл».

Потребность в инструментальной классификации объясняется тем, что ее термины дают весьма общие понятия, покрывающие широкий круг фонетических различий. Так, например, мутные и светлые различают глухость и звонкость, придыхательность и непридыхательность. Дело в том, что по законам исторической фонетики китайского языка звонкие взрывные переходят в придыхательные, но в ряде диалектов звонкость сохраняется, точно так же сохраняется и средняя степень перехода: глухой приступ и звонкая эксплозия, сопровождаемая в той или иной мере придыханием. Вот почему инструментальная классификация, содержащая такие общие понятия, покрывает и сохраняет историческую преемственность в фонологии китайского языка и объединяет одними терминами разные диалектные особенности звучания. Фонемы класса рифм с точки зрения европейской фонетики: представляют собой фонемосочетания из трех элементов: полугласного, гласного и назального или смычного импловзивного согласного. Смычные не представлены в стандартном литературном языке, построенном на основе северных диалектов. Трехэлементный состав может быть редуцирован до одноэлементного. Китайская фонология считает рифму целой фонемой и строит дифференциальные признаки для рифм как целых единиц.

Первый набор признаков интерпретирует отношения между **Гласным**, составляющим центр рифмы, и назальной или смыч-

ной концовкой. Соответственно выделяются два термина для гласных: «женское звучание» (*иньиэн*) и «мужское звучание» (*яншиэн*).

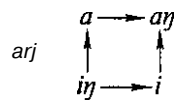
Все рифмы, оканчивающиеся на носовой звук, считаются содержащими мужское звучание (например, *aij*), тогда как все рифмы без носового звука считаются содержащими женское звучание (например, *a*).

Мужская рифма	Женская рифма
<i>on, aij, ot</i>	<i>a</i>
<i>op, oij, ot</i>	<i>o</i>
<i>en, er), em</i>	<i>e</i>
<i>in, eij, im</i>	<i>i</i>

Далее вводятся два понятия: *дуйчжуань* (превращение противоположенного) и *панчжуань* (превращение соположенного) [см. 3, 77-83].

Дуйчжуань означает чередование назальное™ и неназальности при одном и том же тембре гласного звука, например: *a—aij*. *Панчжуань* означает изменение тембра звучания при назализации или при неназализации рифмы, например: *an—en* или *a—e*.

Дуйчжуань и *панчжуань* представляют собой, с одной стороны, дистрибутивное различие назализованных и неназализованных гласных, с другой стороны — дистрибутивное различие гласных независимо от признака назальное™. Это дистрибутивное различие построено так же, как и квадрат *фаньюй*. Например:

Вертикальные стрелки указывают на *дуйчжуань*, горизонтальные стрелки — на *панчжуань*.

Следующая категория дифференциальных признаков рифм — это *дэнху* (степени звучания) [см. 3, 84—90].

Дэнху характеризуют не конец рифмы (как различие женского и мужского звучания через *дуйчжуань* и *панчжуань*), а ее начало. Рифма может начинаться либо с полугласного, либо с согласного, но *дэнху* проводят это различие только косвенно. Различение, даваемое *дэнху*, — это различение начала рифмы. Всего существуют четыре *дэнху*: 1) *кайкоуху* (звучание открытого рта); 2) *цзичиху* (звучание сближенных зубов); 3) *хэкоуху* (звучание при открытого рта); 4) *цюйкоуху* (звучание сомкнутого рта).

Фонетически значения этих терминов интерпретируются так: *кайкоуху* — рифмы, начинающиеся с *a, e, o*, т.е. любое начало рифмы, кроме */, и, у* (*у* обозначает огубленное */*); *цзичиху* — рифмы, начинающиеся с */*; *кайкоуху* — рифмы, начинающиеся с *и*:

цойкоуху — рифмы, начинающиеся с *у* (*у* обозначает огубленное /). Таким образом, *дэнху* представляют собой косвенное различие полугласных и гласных начал рифмы.

В системе китайских рифм существуют только три полугласных: /, *и*, *у*. Следовательно, противопоставление *кайкоуху* всем трем другим *дэнху* есть противопоставление гласных, с одной стороны, полугласных — с другой. Но это противопоставление может быть выведено только путем умозаключения, оно не присуще китайской фонологии, так как в составе рифмы отдельные фонемы не различаются.

Помимо *дуйчжуань* и *дэнху* третьей важнейшей характеристикой рифмы является тон (*шендяо*). Система китайских тонов сильно варьирует и от диалекта к диалекту, и в диахронии литературного языка. Так, в современном стандартном литературном языке четыре тона: 1, 2, 3, 4. Этим четырем тонам предшествовали другие по качеству четыре тона: *пин*, *шан*, *цуй*, *жу*, составляющие другую систему. В диалекте Гуанси десять тонов, в кантонском диалекте — девять тонов и т.д. Кроме того, тон может изменяться в зависимости от тона соседнего слова. Вместе с тем тон — самая основная характеристика китайского слога. Китайская фонология нашла такую систему, которая адекватно описывает любое состояние литературного языка и любой из диалектов. Эта система состоит в том, что существуют четыре основных тона: *пин* (ровный), *шан* (верхний), *цуй* (уходящий), *жу* (входящий). Каждый тон имеет два варианта: «женский» — *инь* и «мужской» — *ян*. Так, может быть *яньпин* (мужской ровный) и *иньпин* (женский ровный) и т.д.

Тоновая система любого диалекта, равно как и любого состояния литературного языка, определяется как редукция и (или) распространение этой системы из восьми элементов.

Так, современный литературный язык содержит четыре тона: *яньпин* (1-й), *иньпин* (2-й), *шан* (3-й) и *цуй* (4-й). Изначальный *пиншэн* (ровный тон) представлен в двух сериях, а изначально *жушэн* (входящий тон) редуцирован.

Диалект Гуанси содержит: *яньпин*, *иньпин*, *яншан*, *иньшан*, *янцуй*, *иньцуй*, *янжу* в двух подвариантах и *иньжу* в двух подвариантах.

Таким образом, термины, описывающие систему тонов, являются всеохватывающими, они охватывают и любую стадию развития системы литературного языка, и любой диалект. Такова последняя по времени характеристика китайских рифм [см. 3, 91- 100].

Важнейшим моментом китайской фонологии является связь **Между** китайскими фонематическими единицами — инициалами **И** рифмами, данная как связь между дифференциальными признаками этих единиц. В любой неиероглифической системе фоно-

логии господствует принцип: каждая фонема отмечается в графике отдельным знаком, а ее произношение описывается как совокупность признаков звучания. В китайской фонологии представлен совершенно иной принцип описания: каждая инициаль и каждая рифма могут не иметь отдельного знака и могут не описываться как совокупность признаков звучания. Напротив, каждая инициаль и каждая рифма могут записываться в системе *фаньце* многими знаками. Но для каждого слога инициаль и рифма строго обозначены, и все слоги делятся на классы, имеющие одинаковую инициаль и одинаковую рифму. Каждый слог есть пересечение двух классов — инициалей и рифм. Таким образом, китайские фонемы — рифмы и инициали — сами являются дифференциальными признаками слога. Вот почему, если из описания по *фаньце* ясна фонетическая характеристика дифференциальных признаков слога, нет необходимости в специальных стабильных знаках для рифм и инициалей. Достоинство этого способа фонологического описания состоит в том, что он охватывает одной системой описания ряд диалектов и ряд состояний литературного языка, каждый из которых характеризуется своим числом рифм и инициалей, но все они описываются в единой системе *фаньце* как подсистема внутри целой системы¹.

Дифференциальные признаки мутности, светлости, фокуса звучания, равно как и мужские и женские рифмы, ступени звучания (*дэнху*), тоны, характеризуют не отдельную инициаль или рифму, а весь класс инициалей или рифм. Эти признаки, разумеется, могут характеризовать и каждую отдельную инициаль, и рифму, но главное их содержание в другом: дифференциальные признаки инициалей устанавливаются по влиянию инициалей на рифмы, а дифференциальные признаки рифм устанавливаются по их отношению к инициалам и смежным дифференциальным признакам. Такие признаки описывают слияние компонентов слога в целый слог, они, так сказать, супрасегментны. Признак тона является основным и занимает высшее положение в иерархии дифференциальных признаков.

Тоны *пин*, *шан*, *цюй*, *жу* впервые описаны в V в. **Чэнь Юэ**, но время возникновения тонов как фонологической категории относят к началу нашей эры, а тональные различия по слогам, по видимому, существовали еще значительно раньше.

¹ В дальнейшем в трактатах по фонологии стали вводить специальные иероглифы для обозначения классов инициалей и классов рифм. Иероглифы, обозначающие разные классы инициалей, получили название *цзыму*, а иероглифы, обозначающие разные классы рифм, получили название *юньпу*. Было установлено 36 *цзыму* и 13 *юньпу*. *Цзыму* и *юньпу* являются алфавитом рифм и инициалей, но одновременно они есть средство организации фонетических таблиц по вертикальным столбцам и горизонтальным строкам. Число инициалей и рифм считается по числу *юньпу* и *цзыму*.

В трактате «Гуаньюнь» отмечается, что слоги с мужскими рифмами имеют все четыре тона, а слоги с женскими — только три: *пин*, *шан*, *цюй*, но не имеют тона *жу* (входящего). При этом мужские рифмы на *т* получили свой тон — входящий тон (*жушэн*) — от слогов, где рифма оканчивалась звуком *р* и которые имели *жушэн*; мужские рифмы на *п* — от слогов, где рифма оканчивалась звуком / и которые имели *жушэн*; мужские рифмы на *г* — от слогов, где рифма оканчивалась звуком / и которые имели *жушэн*. Это значит, что *жушэн* есть следствие импловизов *р, т, кν* конце рифмы. Эти импловизы переходят в мужские рифмы (носовые окончания рифм) и формируют класс слогов, обладающих *жушэн*. Таким образом, тон связан с окончанием рифмы.

Признаки светлости и мутности инициалей также связаны с тоном. В пекинском диалекте, лежащем в основе литературного языка, после исчезновения *жушэн* светлые инициали сформировали тон *яппин*, а мутные — тон *иньпин*. В других диалектах признаки светлости и мутности инициалей повлияли и на другие тоны (на все вместе или на часть тонов). Таким образом, тон связан и с признаком вида звучания инициалей через понятие серии тонов.

Связь тона как с окончанием рифмы, так и со звучанием инициалей может проявиться одновременно; например, это имеет место в кантонском диалекте и диалекте Гуанси, где конечные импловизы (*р, т, к*) сохраняются.

Признак ступени звучания (*дэнху*) также не является независимым: /, у, и и другие гласные, начинающие рифму, связаны с инициальной через аккомодацию. Например, пекинский слог *zha* не может быть совмещен с *цзиниху* и *цюйкоуху*, но может быть совмещен с *кайкоуху* и *хэкоуху*. Это объясняется тем, что *цзиниху* и *цюйкоуху*, т.е. финали, начинающиеся с / и у, есть гласные переднего ряда (в сравнении с гласными *а* или *и*, характеризующимися как начало рифмы *кайкоуху* и *хэкоуху*). Согласный же *zh* образован подъемом языка к твердому нёбу и смещает фокус звука назад. Наоборот, мягкое *с'* как переднефокусное не совмещается с *а* или *и*, т.е. с *хэкоуху* и *кайкоуху*, которые характеризуют заднефокусные рифмы.

Отсюда видно, что в комбинаторике рифм и инициалей действуют определенные ограничения. Эти ограничения предопределяют фонетические изменения в истории языка. Например, класс инициалей, отмечаемых иероглифом *цзянь* ('видеть'), перед *кайкоуху* и *хэкоуху* звучит *к*, но перед *цзиниху* и *цюйкоуху* звучит *fj*. Все эти изменения суммированы китайской фонологией и определяются ею через связь того или иного *дэнху* с местом фокусировки согласного, т.е. с категориями *хоу* (горловость), *я* (заднезубность), *ши* (язычность), *ни* (переднеязычность) и *нунь* (губность).

Наконец, категории *дуйнжуань* и *паннжуань* указывают на фонетическую связь одной и той же морфемы или этимологически

родственных морфем в истории языка и в диалектах. Так, пекинское *тап* 'медленно', восходящее своим звучанием к V—VI вв., корреспондирует с сучжоуским *тс*. Эта корреспонденция объясняется так: *тап* через *дуйчжуань* переходит в *wɛ* (где *ɛ* — носовой гласный, сохраняющий признак назальное™ от прежнего *n*) \ *тѐ* через *панчжуань* переходит в *те* (где назальность гласного исчезла).

Связь между дифференциальными признаками инициалей и рифм можно показать при помощи схемы слога.

Из схемы видна природа фонологических дифференциальных признаков, принятых китайской фонологией. Все признаки описывают отношения между частями слога и делятся на два класса.

Один класс описывает результаты артикуляторно-фонетических изменений, приводящих к перестройке фонетической системы китайского языка на уровне слога. Эти признаки описывают звучания, которые приводят к фонетическим законам и соответствиям, вызванным чисто артикуляционными причинами. Это следующие признаки: *цин*, *чжо*, *хоу*, *я*, *ши*, *чи*, *чунь*, *шэндяо*, *яншэн*, *иньшэн*, *дэнху*. Изменения звучания по этим признакам — спонтанны, а вызваны артикуляцией. Другой класс признаков — *панчжуань* и *дуйчжуань* — прежде всего связан со спонтанными, не зависящими от фонетических причин изменениями, которые также могут составлять фонетические законы и соответствия или закономерные исключения из законов и соответствий. Но изменения по этим признакам не объясняются влиянием артикуляции и потому считаются спонтанными.

Строение китайской фонологии в общелингвистическом плане интересно прежде всего историко-сравнительной ориентированностью фонологической системы. Эта ориентированность привела к описанию структуры слога как основной единицы историко-сравнительного анализа фонологии. Поэтому в китайской традиции слог содержит единицы и признаки, непохожие на единицы и признаки, принятые в синхронической фонологии [см. 42].

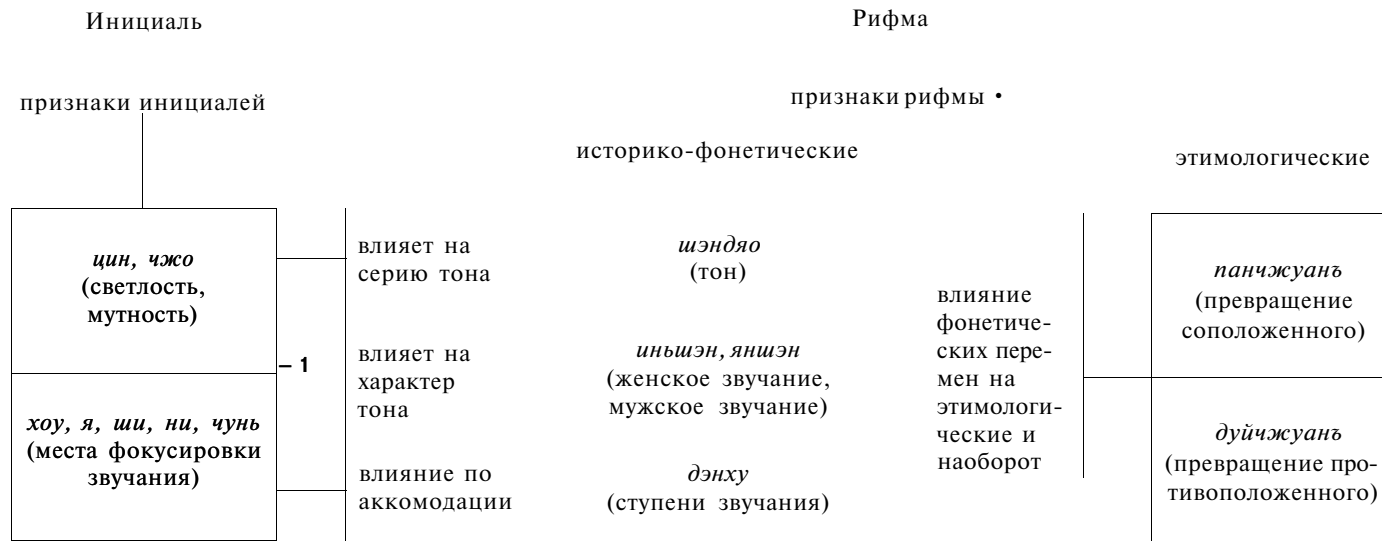
Сравнительно-историческое индоевропейское языкознание впоследствии во многом повторило достижения китайской фонологии, но вело описание в иных понятиях, в иных условиях и на типологически ином материале.

Система китайской классической фонологии мало исследована общей лингвистикой. Она нуждается в дальнейшем, более углубленном анализе за пределами китаистики.

III. Грамматическое учение арабов

В истории языкознания грамматическое искусство исламского Средневековья всегда занимало особое место. Это не случайно. В Средние века многие новые литературные языки получают грам-

Схема слога

матики той или иной степени полноты и подробности: от простого букваря до сложных и разветвленных грамматических описаний. Однако арабская грамматика выделяется потому, что она отличается методом своего построения от многих грамматик других языков и образует самостоятельную традицию грамматического описания¹.

Арабская грамматика образует новую традицию. В ней существуют и основополагающие работы, и схолии. Арабская грамматическая система переносится на новые языки, генеалогически и типологически отличные от арабского, например на тюркские языки и на персидский язык. Вот почему грамматическое искусство арабов составляет новое слово в средневековом грамматическом искусстве. Это новое заключается и в специфической терминологии (см., например, индекс терминов, данных в грамматике Б. М. Гранде [см. 8]), и в особом построении системы (см., например, работу Гиргаса [7]), делающих всю традицию арабской грамматики оригинальной².

¹ В Средние века грамматические руководства составлялись как для языков, уже описанных в Античности, так и для языков, которые еще не имели грамматик. Грамматики для литературных языков Античности составлялись по преимуществу как толкования, схолии уже существующих грамматик. Грамматики новых литературных языков составлялись как перенос понятий и принципов описания с одного языка на другой. В последнем случае были, разумеется, определенные изменения как в числе и качестве описываемых явлений языка, так и в толковании содержания грамматических понятий.

Так, например, греческий и латинский языки сохраняли свои нормы благодаря толкованиям античных грамматик, преподаваемых в соответствующих курсах средневековых школ и университетов. Санскрит сохранял свои нормы благодаря многим сочинениям, представляющим собой схолии на систему Панини. Китайский язык нормировался словарями, построенными по шести категориям Сю Шэня, но система описания становилась более усовершенствованной и экономичной. В качестве примера грамматик новых языков можно привести грамматику Вараручи для языка пали («вторичного пракрита»), грамматики для многих позднейших литературных языков Индии (называемых термином *апабхранша* — испорченный язык), к числу которых относится, например, известная грамматика для апабхранша, написанная Хемачандрой в XII в.

В понятиях греко-латинской традиции создавались грамматики «вульгарных» европейских языков, а языки корейский и японский пользовались системой Сю Шэня.

Весьма интересны случаи создания грамматик для неродственных и типологически различных языков, написанных в старой античной грамматической традиции. Так, особенно читается «Наннул» («Добрая книга») — грамматика классического тамильского языка, написанная в традиции Панини, равно как и уже упомянутые ранее сочинения по тибетскому языку. Таким образом, основная масса средневековых грамматик следует традициям, предложенным в Античности, либо путем создания схолий, либо путем переноса принципов описания, известных в традиции, на новый литературный язык.

² Переводы арабских грамматик на европейские языки отсутствуют. Филологическое исследование этих грамматик европейскими арабистами почти не велось. Имеются, правда, работы Вайса [см. 60], Гиргаса [см. 7] и некоторые другие, которые являются либо устаревшими как в части материала, так и в части оформ-

Арабский язык сравнительно поздно становится предметом грамматического нормирования. Ислам как одна из важнейших миссионерских религий выходит на историческую арену в VII в. Проповедь Мухаммеда велась на арабском языке и была записана его приверженцами. Эти записи после соответствующей систематизации составили текст основного канона ислама — Корана. После смерти Мухаммеда миссионерская проповедь ислама и религиозное завоевание скоро делают исламскими странами весь Ближний Восток, Северную Африку, Среднюю Азию, а затем — Пиренейский полуостров, позднее — территорию Индии и Индонезии, а затем и Экваториальную Африку. В составе исламских стран оказывается множество народов, стоящих на самых разных ступенях культуры. Так, исламскими становятся Иран и Византия, высококультурные и хранящие традиции ряда цивилизаций государства, и наряду с ними — территории племен, впервые знакомящихся с цивилизацией. Сохранение в этом конгломерате религиозного единства зиждилось на запрещении перевода Корана на туземные языки и распространении арабского языка.

Арабский распространяется как язык сакральных текстов. Халиф Осман (годы правления 644 — 656) осуществил акт сакрализации Корана и предпринял попытку его размножения. При этом оказалось, что текст Корана требует для правильного прочтения дальнейших толкований, в частности филологических. Предание гласит, что десять лет спустя халиф Али, зять Мухаммеда, поручил ученому Абу-л-Асваду заняться изысканиями в области лингвистики, чтобы обосновать верное прочтение текста и тем самым положить начало его герменевтической интерпретации. Али и предложил главенствующий принцип систематики арабской грамматики, указав на основные классы слов: имя, глагол, частица [см. 7].

Так или иначе лингвистическая интерпретация арабского канонического языка стала делом не только социально необходимым и политически важным, но и в известном смысле — освященным авторитетом религии. К 796 г. уже был создан труд Сибавейхи (имя Сибавейхи — это есть эпитет-прозвище вольноотпущенника-перса по имени Абу-Бишр Амр ибн Усман ибн Канбар ал-Басри). Этот труд, получивший впоследствии наименование «ал-Китаб» («Книга»), и составил фактически основание грамматической системы арабов.

мления работ (транскрипция звуков, личных имен, переводы терминов), либо неполными. Большую помощь при изучении истории арабской грамматики оказывает раздел грамматики Б. М. Гранде [см. 8], где дается словарь арабских терминов.

Сопоставление разного рода материалов, даваемых арабистикой, позволяет приступить лишь к первоначальному описанию арабской грамматики как раздела истории лингвистики, а сама система арабской грамматики может быть только намечена. В связи с этим почти неизбежны ошибки в транскрипции и неточности в переводах терминов.

«Книга» Сибавейхи и его система не могут быть поняты без знакомства с двумя соперничавшими школами. Одна из них находилась в городе Басре, к ней принадлежал Сибавейхи, а другая — в городе Куфе, и потому школы назывались соответственно басрийской, или басрской, и куфийской, или куфской, а филологи, работавшие в этих школах, — басрийцы (басрцы) и куфийцы (куфцы).

Соперничество школ касалось важнейших вопросов нормирования и описания системы арабского языка и складывалось как спор по существу фактов, а не терминов. Расхождения в основном носили не философско-богословский, а нормализаторско-грамматический характер и касались главным образом способа формулирования правил грамматики.

В богословско-философском плане спор в исламском мире шел по преимуществу о проблеме происхождения языка. При этом здесь достаточно четко можно выделить три точки зрения: язык сообщен Богом Адаму; язык возник на основе соглашения между старцами-патриархами, родоначальниками человечества; язык сообщен Богом Адаму в основных немногих частях, но далее он развит людьми.

Дискуссия же между грамматическими школами велась в основном вокруг чисто грамматических вопросов, таких как: а) что брать за исходную глагольную форму при словопроизводстве — глагол в 1-м лице настоящего времени единственного числа мужского рода (куфийская точка зрения) или б) масдар — форму, лишенную значения добавочных грамматических категорий (басрийская точка зрения). Такое различие в точках зрения связано с проблемой отношений синтаксиса предложения и словообразования и затрагивает центр описания системы языка. Трактую эти вопросы, имеющие мало общего с теорией происхождения языка, спорящие стороны не избегали и богословской интерпретации. Однако более существенными аргументами все же считались мнения арабов-информантов из племени Хиджаза, откуда вышел Мухаммед. Так, Сибавейхи проиграл диспут куфийцу ал-Кисап (имя ал-Кисаи — Абу-л-Хасан Али ибн Хамза ибн Абдулла ибн Усман ибн Фейруз), по решению арбитра и аравийских арабов.

Создавая норматив канонического арабского языка, обе школы фактически прибегали к исследованию устной (разговорной) практики. Считалось важным естественное обогащение знанием устного языка, поэтому филологи из обеих школ не только исследовали речь информантов, но и подолгу жили среди арабских племен Хиджаза и Йемена, родственных курейшита, из которых происходил Мухаммед.

Можно, пожалуй, считать, что такой подход к выработке норм языка является первым применением понятия *опорный диалект* при разработке грамматического норматива. Даже греки, не опи-

равшиеся на сакральную или государственную традицию, не прибегали к опорному диалекту как к аргументу правильности речи, а создавали норматив языка на иных основаниях.

«Книга» Сибавейхи как бы подводит конец спорам между школами, создав наиболее авторитетный норматив языка. Поэтому, излагая систему арабской грамматики, следует двигаться в основном вслед за Сибавейхи, лишь указывая наиболее важные пункты расхождений между школами¹.

Необыкновенная трудность для систематизации языковых фактов арабского языка заключается в его ярко выраженном флективном характере.

Общеизвестно, что арабское слово содержит корень, состоящий из согласных, между которыми как бы вставляются те или иные гласные, которые вместе с частицами и аффиксами выражают добавочные грамматические значения. Поэтому грамматические значения в арабском языке передаются такими изменениями в звучании слова, при которых добавление к корню слова тех или иных аффиксов и частиц сопровождается различными изме-

¹ Полезно назвать имена наиболее видных ученых каждой школы. У куфийцев основателем школы считают **Абу Джафара Мухаммеда ибн ал-Хасана ибн Аби-Сара ар-Руаси**, который был наставником ал-Кисаи, а также наставником Абу Закарии Яхьи ибн Зияда ибн Абдуллы ибн Манзура ад-Дайлами ал-Фарры. К куфийцам причисляют известного грамматика **Абу-л-Аббаса Ахмеда Салаба**, написавшего трактат о расхождениях между куфийской и басрийской школами.

Основателем басрийской школы, пожалуй, следует назвать **Абу Амра Ису ибн Умара ас-Сакафи**, по-видимому, перенявшего от учеников самого Абу-л-Асвада грамматическое искусство. Другим учеником Абу-л-Асвада и виднейшим басрийским филологом и грамматистом считают Абу Абд-ар-Рахмана ал-Халиля ибн Ахмеда ибн Амра ибн Тамилма ал-Азди ал-Фара-хиди ал-Яхмади ал-Басри.

В «Книге» Сибавейхи содержится довольно значительный перечень имен, среди которых кроме его учителей — ас-Сакафи и ал-Фарахиди упомянуты ал-Мазини, Абу-л-Хасан ал-Ахфаш ал-Авсат, ад-Дабби, Хам ид ал-Ахфаш ал-Акбар, Салих ибн Исхак ал-Джарми и др. — современники или позднейшие грамматисты (видимо, результат добавлений в более поздней редакции «Книги») [см. 5].

Последующие грамматики IX—X вв. уже не принадлежат определенно к какой-либо школе, а пользуются достижениями обеих школ, преимущественно в разработке частных вопросов, и вносят добавочную систематизацию в грамматическое учение.

Важно отметить, что из Басры и Куфы вышли два из семи канонизированных исламом чтеня Корана. Канонизированное чтение Корана представляет собой образцовую фонацию этого текста и требует артистических навыков. Естественно, что в те времена, когда Коран еще не был огласован, такое чтение требовало немалых филологических знаний. Неудивительно, что среди канонизированных чтеня был грамматик ал-Кисаи из Куфы, в Басре же жил другой канонизированный религией чтеня Корана — Абу Амр ибн ал-Алла — известный знаток филологии, у которого учился ал-Кисаи. До сих пор образцовое чтение Корана составляет одну из важных забот исламской общины, оно распространяется как стандарт фонации арабской речи в наше время, например посредством ^ГРамзаписи.

нениями в звучании самого слова, и прежде всего в вокалистической его части, но может затрагивать и консонантизм корня. Эти перемены в звучании слова, сопровождающие каждое словообразовательное и словоизменительное преобразование слова, весьма значительны и играют ведущую роль в выражении значений. Фактически в переменах звучания слова всегда принимает участие весь его фонетический состав, и это обстоятельство приводит ко многим специализированным изменениям, вызванным процессами аккомодации и ассимиляции, и рождает многовариантность выражения одних и тех же категорий и дифференциацию значений одних и тех же форм. Вот почему с точки зрения системы такого языка, как китайский, грамматическая система арабского языка есть как бы свод исключений. Таким образом, материал языка выдвинул перед арабскими грамматиками весьма сложную задачу.

Общие принципы анализа и описания, предложенные обеими школами, заключались в том, что система языка рассматривалась с трех точек зрения и выделялись три области описания: *нахв* — учение о восхождении (развертывании, наращении), *сарф* — учение об изменениях, и *таджвид* — учение о произношении харфов (звуков). Все три раздела сводятся в общую систему, которая может быть интерпретирована следующим образом.

В учении о восхождении рассматриваются: во-первых, принцип формирования предложений, типы предложения и его членение; во-вторых, изменения, происходящие в звучаниях слов в связи с изменением синтаксической функции слова; в-третьих, образование категорий числа, рода, присоединение местоименных суффиксов, образование числительных, относительных имен, имен действия с различением агенса и пасиенса, образование уменьшительных имен и т.п., т.е. все те изменения, которые происходят со словами в пределах одной и той же части речи (в арабском понимании этого термина), вызванные либо синтаксическим применением слов, либо семантикой словесного контекста, и которые не касаются индивидуального лексического значения слов.

В состав учения об изменениях включены: а) учение об изменении корней, приводящем к образованию по аналогии нового смысла слова, не зависящего от грамматического и синтаксического контекста; б) учение о приставках и иных видах распространения корней; в) учение о таких видоизменениях в составе слов, которые приводят к их переходу в иную (в арабском понимании) часть речи, и соответствующее этому учение о звуковом выражении всех этих изменений.

Учение о произношении харфов включает в себя основные правила орфоэпии, классификации звуков речи, правила буквенных изображений звуков речи, связь фонетики с пением и ритмикой.

Все эти разделы грамматики соединяются между собой как функционально, так и по пограничным категориям.

Так, например, гласные рассматриваются во всех трех разделах, называются они в каждом из разделов разными терминами и выражают разные понятия.

В таджвид гласные даются названиями букв: *алиф* (*a*), *вое* (*u*), *Пай* (*/*), при этом *вое* и *йай* обозначают как гласность, так и полугласность.

В разделе же сарф *a*, *u*, *i* называются соответственно *фатха*, *дамма*, *кесра*, являются огласовками корня и корреспондируют с нулем гласного звука — *сукун*.

Те же *a*, *u*, */* в разделе нахв имеют иные названия: гласная *u* называется *раф* (поднятие), *a* — *насб* (поставление), */* — *джарр* (влечение), и эти понятия корреспондируют с нулем гласного *джазм* (отсечение).

Такое деление не есть утроение терминов. Дело в том, что в разделе нахв речь идет о гласных, располагающихся после конечной корневой согласной и перед возможным окончанием *n* (танвин) и выражающих либо падеж (в именах), либо время (в глаголах). В разделе же сарф речь идет о гласных внутри слова. В этом случае они либо не входят в корень и называются огласовками (*фатха*, *кесра*, *дамма*), либо появляются в составе корня как бы в функции образующих корень согласных и называются по названиям букв (*олиф*, *вав*, *йай*), при этом специально указываются изменения, происходящие с ними в тех или иных позициях.

Таким образом, учение о звучании в разделе таджвид есть наука о субстанции звуков; учение о звучании в разделах нахв и сарф — это учение о функциональных переменных в звучании, причем различие в характере функции определяет отнесение парадигмы звуков к нахв или к сарф. Следовательно, тавтологии терминов не происходит. Наоборот, при помощи различных терминов разграничивают употребление одной и той же субстанции звучания в разных функциях, т.е. дается функциональная система описания.

Естественно, что между главными разделами грамматики есть пограничные области. Так, например, образование *масдаров* — имен Действия — может быть отнесено и к нахв, и к сарф. Это будет зависеть от конкретной грамматической системы, но главное содержание разделов все же сохраняется неизменным. Образование «пород» глаголов всегда относится к сарф, тогда как учение о предложении и учение о частях речи — к нахв.

Общие для всей арабской грамматики понятия о нахв, сарф и таджвид составляют основу описания системы языка. Но системы описания могут быть различными.

Классическая система изложения, данная в «Книге» Сибавейхи, имеет такую последовательность частей: нахв — сарф — таджвид.

Сибавейхи начинает с раздела нахв, дает систематику частей Речи, затем разъясняет понятие *и'раб* (т.е. изменение конечной

гласной: *раф* \ *насб*, *джарр*, *джазм*). После этих общих понятий следует описание словосочетаний, где управляемое слово стоит в винительном падеже, а управляющее слово является глаголом, существительным или прилагательным. Затем с той же подробностью описываются словосочетания с родительным падежом. Далее рассматриваются употребление именительного падежа и его трансформация в винительный с помощью частиц. На этом в целом заканчивается теория имени. После имени рассматривается глагол в его отношении к местоимениям, в его отношении к частицам, требующим тех или иных времен и наклонений, и таким путем описывается синтаксическое поведение глагола.

Затем следует часть, которая является пограничной между *нахв* и *сарф*, куда входят разделы: о полной и неполной склоняемости слов; об образовании чисел и родов; об образовании относительных слов и категории уменьшительности; правила употребления конечного *я*, усиливающего значения глагола; правила употребления числительных и удвоенных глаголов.

Далее *Сибавейхи* переходит к *сарф* и дает правила словопроизводства разных категорий слов, прежде всего *породы* глаголов, *масдар*, а также образования частных лексико-грамматических категорий вроде «ломаного» множественного числа и т.п.

В конечном разделе излагается учение *таджвид*: долгие *ё* и *а*, употребление звуков на стыках слов, далее — звуки, служащие для образования глагольных и именных форм, потом — изменения *вав* (*u*) и *йай* (*/*) в разных позициях в слове, теория *геминантов* и, наконец, классификация звуков речи по месту и способу образования.

Как отмечалось выше, порядок системы изложения таков: *нахв* — *сарф* — *таджвид*, т.е. от общего к частному. Эта схема выдерживается и в изложении *таджвид*. Сначала в *таджвид* излагается то, что ближе к *нахв*, затем то, что ближе к *сарф*, и, наконец, то, что есть собственно *таджвид*.

По данным *Гиргаса*, грамматика ученика *ал-Кисаи* — *ал-Фарахиди* была выдержана принципиально в той же последовательности (*нахв* — *сарф* — *таджвид*), но сам *таджвид* не был описан, а при описании *нахв* соблюдалась иная схема, где имена в отношении к глаголам и глаголы в отношении к именам излагались совместно. Отсюда граница *сарф* как бы сдвигается в сторону *нахв*.

Таким образом, отличие *куфийской* системы от *басрийской* в том, что по-разному понимается основная единица грамматики. *Басрийцы* считают основной единицей грамматики слово, а *куфийцы* — предикативное словосочетание.

Были попытки построить еще один план грамматики. Так, спустя немногим более трехсот лет после *Сибавейхи* грамматик *аз-Замахшари* предложил схему описания, состоящую из следующих

частей: наука об именах, наука о глаголах и наука о частицах. Но в каждой из частей сначала дается теория употребления слов, затем теория словопроизводства. К этим трем частям добавляется четвертая. В ней содержатся сведения из фонетики, относимые к любой части речи, например: йотирование *a* {ималэ}, правила паузы, опущение гортанной смычки (*хамзы*) и т.п.

Из рассмотрения арабской системы описания видно, что любые ее варианты дают одну и ту же последовательность частей: *нахв—сарф—таджвид*, несмотря на то, что границы между этими частями могут быть довольно подвижными.

Термины *нахв*, *сарф* и *таджвид*, определяющие построение арабской системы, могут быть лучше поняты, если рассмотреть основные принципы построения понятий, стоящих за этими терминами.

Нахв есть учение о частях речи и предложении. Полезно начать с описания представлений арабских грамматиков о предложении. Термином *джумла* арабские грамматикологи называют такое сочетание слов, при котором слушающий ощущает полноту, законченность речи и не остается в недоумении. Это и есть предложение. Иногда наряду с джумла специально выделяется и понятие *калам*. Так, пример, соответствующий русскому: *Кто ударил меня, того я ударю*, будет содержать два джумла в пределах одного калам. Это значит, что джумла есть предложение, но не всякое, а состоящее из одного предикативного сочетания слов и разного рода слов, распространяющих это сочетание.

Предикативное сочетание слов, составляющее предложение, делится двумя способами. Один способ называется *иснад* — опирание (слова на слово), второй способ состоит в различении «действителя» {фа 'иль} и «действия» {фи 'ль}. Эти два способа распространяются каждый по-своему.

Иснад отмечает деление линейной последовательности предложения на начальную («опирающиеся») и конечную части (то, на что «опираются»). Способ иснад предполагает деление предложений на большие и малые. Большим предложением считается такое, где сказуемое само по себе есть предикативное сочетание слов, например: *Зайд—встал—отец его* (т.е. *Встал отец Зайда*), а малым — такое, где сказуемое выражено одним словом.

Деление же на «действителя» и «действие» зависит не от следования слов в предложении, а только от функции слова. «Действитель» может занимать и первое, и последнее место в предложении. Этот способ деления предполагает, что могут быть дополнителные члены предложения, выделяемые из «действия» и «действителя», такие, как дополнения разных видов к глаголу, Дополнения атрибутивные к именным частям предложения, обособления, приложения и слова, выражающие состояние {халь}.

Между двумя способами членения предложений существует связь. Орудием этой связи являются части речи. В силу сказанного части речи — центр грамматической системы. Связь обнаруживается через смену порядка слов. Арабские предложения могут быть построены главным образом в следующих порядках: подлежащее — сказуемое; сказуемое — подлежащее.

Арабское деление по иснад дает два типа предложений: именные, в которых на первом месте стоит имя — подлежащее или обстоятельство с опущенными словами *являющийся, бывший*; глагольные, в которых на первом месте стоит сказуемое — глагол или обстоятельство с опущенными глаголами *являться, быть*. Таким образом, деление по иснад есть чисто позиционное деление, при котором рассматривается последовательность позиций в предложении.

Деление на действующего и действие зависит не от позиции, а только от выражения действия и агента действия. По этому признаку предложение может быть с начальным *словом-действителем* или с начальным *словом-действием*, но может быть и с начальным *словом-прибавкой*, что в наших терминах соответствует обстоятельству.

Соотнесение деления по позициям (иснад) с делением через понятия «действие» и «действующий» дает дистрибутивное различение частей речи. Так, слово, сопровождаемое частицами, может быть в первой и третьей позициях, но не во второй, слово со значением действия — в первой и второй, но не в третьей позиции и *слово-действитель* — во всех трех позициях. Эти важнейшие позиционные признаки предполагают деление слов языка на части речи — *имена, глаголы и частицы*.

Каждую из частей речи можно характеризовать по соответствующим позициям, в которых она появляется, и по формальным признакам, характерным для этой части речи. Так можно дать внепозиционное определение частей речи.

Например, имена характеризуются: принятием определенного артикля *ал*, принятием *танвина* (конечного *н*), обозначающего неопределенное состояние, и способностью изменяться по падежам.

Глаголы характеризуются: принятием частиц, выражающих прошедшее и будущее время, принятием частиц, ставящих глагол в *джазм* (долженствовательное и условное наклонение, выраженное нулевым окончанием), принятием слитных личных местоимений и другими признаками.

Следует отметить, что куфийская и басрийская школы по-разному интерпретируют характер предикативной связи.

Басрийцы утверждают, что начальное слово-имя стоит в именительном падеже, так как перед ним находится граница предложения — нуль слова. Куфийцы же считают, что именительный

падеж возникает из-за согласования с последующим словом — сказуемым, под его влиянием. Это расхождение непосредственно сказывается на характере, как мы бы сказали, синтаксиса.

При интерпретации так называемого несогласованного подлежащего, которое стоит в косвенном падеже, басрийцы, определяя именительный падеж как позицию после нуля, вводят правило об обязательном предшествовании частиц несогласованному подлежащему. Куфийцы же не считают это правило необходимым.

Теория нахв детализируется в конкретных формах согласования и управления, выражающихся в разных типах словосочетаний. В этой части арабская грамматика напоминает все те грамматики, которые берут в качестве основной грамматической единицы словосочетание, вроде «Российской грамматики» А.А.Барсова или грамматики А. М. Пешковского. Чем детальнее грамматика, тем больше типов словосочетаний может быть найдено. Однако в отличие от европейских систем теория нахв строится на фонетической интерпретации грамматических явлений. Расхождения между грамматическими школами сохраняются в следствиях, вытекающих из трактовки именительного подлежащего. Нахв фактически дает перечень позиций и всю серию позиционных вариантов звучаний слов, связанных с теми или иными добавочными значениями, вызванными переменной позиций слов. Но звучания арабских слов в разных позициях могут варьировать свободно, т.е. независимо от позиций в предложении.

Такое свободное варьирование также релевантно для смысла слов, и слово при свободном варьировании может приобретать добавочное значение. Описание свободного, но нерелевантного (с точки зрения грамматической позиции слова в предложении) варьирования составляет предмет сарф.

Сарф, интерпретируемый с позиций европейской системы, как правило, содержит два основных раздела, соответственно описывающих: а) переход имен в глаголы и наоборот; б) изменение глаголов и имен вне зависимости от их позиционных характеристик, т.е. словообразование. Оба эти раздела могут быть изложены совместно. Само «изменение» (сарф) понимается весьма широко, это фактически любая непозиционная переменная в звучании, связанная с переменной значения, или отсутствие переменной, взятое на фоне перемен.

Особенность изложения учения сарф в арабской грамматике состоит в том, что в качестве отдельных случаев рассматриваются ^в все разновидности перемен в звучании, даже если разные переменные в звучании приводят к одинаковым переменам в значении. Правила даются на каждый тип фонетического варьирования слов ^в независимо от того, сколько слов входит в этот тип. Вот почему «состоящая из исключений» арабская грамматика не приемлет ис-

ключений как части описания. При таком подходе к делу важно избрать порядок перечисления изменений. Басрийская школа предлагает считать точкой отсчета в перечислении изменений *масдар*, а куфийская — глагольную форму сказуемого 1-го лица мужского рода единственного числа. Это уже упомянутое выше различие основано на интерпретации *нахв* и потому хорошо иллюстрирует связь между *нахв* и *сарф*.

Коль скоро речь идет о свободном варьировании слова, не связанном с его позицией в предложении, можно вообще отбросить позиционную интерпретацию форм, даваемую в *сарф*. Это можно сделать во всех случаях, кроме одного — интерпретации понятия исходной формы. В соответствии с пониманием строения предложения возникает различие в квалификации форм словообразования. Куфийские грамматики, считая ядром предложения глагол-сказуемое, вынуждены признать исходной первую финитную форму глагола. Басрийские же грамматики, считая имя началом предложения, должны полагать исходной формой имя действия — *масдар*, который отличается той особенностью, что он лишен добавочных сопутствующих значений, т.е. передает значение лексемы, так сказать, в чистом виде.

Коль скоро *сарф* зависит от *нахв* только в отношении установления исходной формы (а во всяком языке словообразование охватывает как переходы слов из одной части речи в другую, так и образования слов в пределах одной и той же части речи), для *сарф* нет необходимости акцентировать порознь части речи и описывать их отдельно. Существенными становятся иные категории: во-первых, различие изменяемых и неизменяемых в свободном варьировании частей слова и, во-вторых, типы варьирования, определяемые по связи корневой и некорневой частей.

Это приводит к различению корня слова и изменяемой части слова, а затем — к выведению стандартных перемен в изменяемой части слова, происходящих в зависимости от фонетической* состава корня. Опора на корень, а не на изменяемую часть слова, как в европейской традиции, при выведении правил изменения слов диктуется сущностью теории *сарф*.

Так выделяются типы корней: трехбуквенные правильные (т.е. корни, состоящие из трех согласных); четырехбуквенные; удвоенные; гамзованные (т.е. содержащие в своем составе *хамзу* — гор-тайную смычку — на первом, втором или третьем месте в корне), корни с начальным *вое* или *йай* \ пустые (т.е. содержащие гласные *a* на месте согласного в стандартном корне); недостаточные корни (т.е. содержащие гласные *i*, /или соответствующие им глайды на месте согласных в стандартных корнях); неправильные корни-одновременно пустые и гамзованные и т.д.

Классификация корней по их фонетическому составу не сл>" чайна, так как фонетический состав корней влияет по аккомо^

дации и ассимиляции (т.е. по основным фонетическим процессам) на состав изменяемой части слов, создавая те или иные возможности огласовок и присоединения некорневых согласных.

Так, в зависимости от фонетического состава корня меняется количество *пород*, т.е. самых узких словообразовательных категорий, выражающих каузальность, интенсивность, активность и т.п. Например, правильные трехбуквенные корни могут образовывать до пятнадцати пород с разными стандартными значениями, а отдельные из этих корней — и с нестандартными значениями, тогда как корни с серединной хамзой образуют только семь пород, недостаточные корни — девять пород, причем первая бывает в четырех разновидностях.

Фонетический состав корней влияет на более широкие категории, например на категорию числа. Так, в зависимости от характера корня в определенных случаях образуется так называемое ломаное множественное число. Характер корней сказывается на формах залогов и падежных формах. Детальное описание всех этих форм составляет содержание учения сарф.

Учение таджвид объясняется на фоне учения нахв и учения сарф. Нахв служит для описания позиционного варьирования слов, сарф — для описания свободного, но семантически значимого варьирования слов в синтаксических позициях. Учение таджвид должно описать остальное, т.е. те фонетические переменные, которые связаны не с семантикой и синтаксисом предложения, а только с фонацией связной речи, и дать правила орфоэпии в виде произношения букв алфавита. Например, правило *ималэ*, согласно которому *а* трансформируется в долгое / при определенных фонетических условиях, или правило «соединительной хамзы» (слово, не прикрытое согласным, должно получить такоекрытие в виде гортанной смычки) и т.п. И наконец, в таджвид дано описание стандартного произношения букв алфавита. При этом гласные и согласные трактуются вместе, и система классификации звуков похожа на ту, которую предлагает Ф. де Соссюр (по степени раствора полости рта).

Арабские филологи считают, что точка артикуляции фокуса звучания на звуковом тракте связана и с определенным укладом активного и пассивного органов артикуляции. Поэтому классификация звуков речи в арабской грамматике насчитывает шестнадцать «месторождений» звуков. Соответственно сокращаются рубрики классификации звуков речи по способу артикуляции.

Классификация звуков по месту рождения следующая. Три группы звуков образуются в гортани: 1) у голосовых связок — *Хомза* и *ха*; 2) в середине гортани — с *"айн* и *ха*; 3) в верхней Части гортани — *гайн* и *ха*.

Далее следуют глоточные и заднеязычные звуки: 4) *каф* производится корнем языка и соответствующей частью мягкого нёба; 5) *каф* артикулируется теми же органами, но несколько ниже.

Ротовые звуки насчитывают пять позиций звукопроизводства: 6) *джим, чим, йай* образуются средней частью языка и соответствующей частью нёба; 7) *дад* образуется верхним краем языка и коренными зубами; 8) *лам* возникает между нижними краями и кончиком языка, с одной стороны, и точкой нёба на сходе линий, проведенных между клыками, резцами, коренными зубами, — с другой; 9) *нун* образуется кончиком языка и альвеолярной частью нёба у резцов; 10) *ра** — по месту образования среднее между *нун* и *лам*.

Далее следуют звуки, артикулируемые в передней части ротовой полости: 11) звуки, записываемые буквами *та, дал, та*, образуются между кончиком языка и корнями резцов.

Затем следуют зубные звуки, различаемые точками артикуляции: 12) звуки *за, сйн, сад* образуются кончиком языка и верхней частью верхних резцов; 13) звуки *за\ зал, са* (межзубный) образуются кончиком языка и окончаниями верхних резцов.

Последняя группа звуков — губные, которые делятся на две подгруппы: 14) *фа'* образуется внутренней частью нижней губы и концами верхних резцов; 15) звуки *ба, мим, вав* образуются верхней и нижней губами. Последняя группа представлена одним звуком: 16) *нун* артикулируется носовой полостью.

16 групп звуков были описаны впервые **Сибавейхи** и после него утвердились как традиционная классификация звуков. Группы звуков, различаемые по месту рождения, содержат не более чем три звука в каждой из них. Классификация по способу артикуляции осуществляется по трем признакам: *тихость, крепкость* и *закрытость*. Эти признаки в нашей терминологии соответствуют понятиям *проточность, смычность* и *ретрофлексность*.

Арабская классификация звуков, как видно из изложенного, мало интересуются делением на гласные и согласные. Это проще всего объяснить тем, что арабское письмо строится на согласных и произнесение согласного считается не только отдельным, но и сопровождаемым в случае необходимости гласным звуком, или пазвуком.

В соответствии с этим чистый гласный (*алиф*) не входит в данную классификацию. Гласность как качество звучания интерпретируется в терминах огласовок: *фатха* (открытие, звук *а*), *дамма* (сжатие, звук *и*) и *кесра* (растягивание, звук */*). Так записываются некорневые гласные. Гласные в составе корня обозначаются буквами *алиф, вав, йай* и читаются как долгие гласные.

Арабская грамматика получает систематику звуков речи из пения, метрики и ритмики. Здесь проявляются общие закономерности

сти фонетического описания звуков речи в грамматиках Античности и Средневековья.

Арабская система описания содержит важную особенность — она безразлична к концепции слога. В этом ее уникальность в сравнении с традициями Аристотеля, Панини или китайской фонологии. Нельзя сказать, что арабские грамматики не имели представления о слоге или не считались с ним. Существует теория о долготе гласных, изменении гласных, опущении гласных и т.д. Это значит, что слог фактически всесторонне обследован. Но в арабской грамматике слог не является основной единицей, на которой строятся фонологические представления и ведется анализ фонологических качеств звуков. Это объясняется тем, что таджвид имеет дело не со слогом как с чистой единицей плана выражения, а со словом и морфемой. Сообразно этому классификация звуков речи и установление парадигматических и синтагматических отношений между звуками речи основываются не на месте, которые они занимают в слоге, а на их месте в морфеме и слове. Таджвид, таким образом, есть не фонологическое, а морфологическое учение о звуках речи. Надо отметить, что только в наше время в работах отдельных типологов воскресают идеи, лежащие в основе таджвид, в соответствии с которыми парадигмы звуков рассматриваются не в слоге, а в слове и морфеме.

Арабские грамматики создали, таким образом, весьма цельную и своеобразную систему. Эта система в дальнейшем во многом повлияла на европейское языкознание (ср., например: учение о корне и изменяемой части слова)-.

В отличие от других лингвистических систем арабская грамматика включает в себе все необходимые данные об уровнях языка: морфемном, фонемном, словном, но система строится не как отдельные описания каждого из уровней. В центре системы описания, предложенной арабскими грамматиками, лежит связь уровней. Поэтому возможные параллели между понятием *нахв* и европейским понятием синтаксис, понятием *сарф* и европейским понятием морфология, понятием таджвид и европейским понятием фонетика есть лишь примерные аналогии.

В самом деле понятия арабской грамматики отличаются от европейских в своем существе.

Так, фундаментом понятия *нахв* является *и'раб*, т.е. мена гласной в конце корня, который одновременно выражает две разные европейские парадигмы — парадигму имени (по падежам) и парадигму глагола (по временам). *И'раб*, таким образом, есть понятие фонологическом различении синтаксической функции слова.

Фундаментом понятия *сарф* является деление слова на изменяющиеся и неизменяющиеся фонетические части — корень и °гласовку, связанные с переменной его значения вне зависимости °т синтаксической функции.

Фундаментом понятия таджвид является представление о синтагмах и парадигмах звуков в морфеме и слове.

Итак, любая часть арабской грамматики есть установление связи уровня слова и фонемного уровня. Эта связь может быть рассмотрена со стороны плана выражения и со стороны плана содержания.

Со стороны плана выражения таджвид противопоставляется нахв и сарф как перемена в звучании, не связываемая с переменами в значении. Сарф противопоставляется нахв как перемена в звучании, связанная с переменной значения, но не с переменной отношений между словами в речи. Нахв, отсюда, есть перемена в звучании, связанная с такими переменами в значении, которые ведут к перемене отношений между словами.

Со стороны плана содержания нахв противопоставляется таджвид, сарф и как значение, имеющее отношение к логической правильности речи-мысли в отличие от значений, не связанных с такой правильностью. Таджвид противопоставляется сарф, подобно тому как воплощение стилистико-орфоэпического содержания противопоставлено воплощению предметно-понятийного содержания.

Эти отношения плана выражения и плана содержания объединяются через совместное употребление, единиц обоих планов.

С точки зрения употребления рассматриваются три случая инвариантации всего множества вариантов звучания и значения. Нахв есть исследование инвариантов по их отношению друг к другу в предложениях. Сарф есть исследование инвариантов по их отношению друг к другу в словаре языка. Таджвид есть исследование инвариантов по их отношению к ситуации речевого общения (внятность речи, понятность и красота звучания, следование образцам фонации и т.п.).

Соединение трех сторон — содержания, выражения и коммуникативной ценности — создает основу философии арабских грамматиков. Надо добавить, что система, созданная арабскими грамматиками, не только уникальна, но и мало изучена с общелингвистической точки зрения.

IV. Разработка грамматической теории в Европе

В европейском грамматическом искусстве Средних веков история языкознания не находит новых идей, которые привели бы к созданию оригинальных грамматических систем или новых принципов описания языка. Однако средневековое грамматическое искусство Европы важно для истории языкознания прежде всего потому, что именно из него рождается лингвистическая наука. То, что наука о языке рождается именно в Европе, вероятно, следует объяснять не особенностями самого грамматического искусства.

сформировавшегося в европейских условиях, а изменениями в духовной культуре Европы в конце Средних веков, что составляет существо Возрождения на Западе.

Возрождение совершалось на средневековой почве, и описание, хотя бы краткое, этого процесса и обстоятельств, его подготавливавших и ему сопутствовавших, существенно для истории языкознания [см. 29; 49].

В Европе уже в течение всей поздней Античности и особенно ко времени раннего Средневековья в теории языка, как и в других областях культуры, четко вырисовывается процесс затухания тех творческих интенций, которые обнаружили в период расцвета греко-римской цивилизации.

Широкое распространение и популярность таких компилятивных работ, как грамматика А.Доната (IV в.) и грамматика Присциана (IV в.), есть наглядная иллюстрация того уровня грамматической теории, который характерен для переходного периода от Античности к Средневековью. С точки же зрения теории языка — это время образования новой области приложения лингвистической мысли в связи с распространением канонического латинского языка. Названные грамматики были необходимы как руководство для его понимания, интерпретации и воссоздания в общественно-языковой практике (хотя и ограниченной определенными сферами). В дополнение к этим грамматикам создаются и получают широкое распространение глоссарии, или словники (прообраз словарей позднейшего времени), представлявшие собой перефразирование или перевод на «неправильный» язык слов и выражений канонических текстов, написанных на «правильном» языке. Такие словники были предназначены для лучшего понимания этих текстов.

Грамматика Доната («*Ars grammatica*» [34]) — это сжатый свод правил построения латинского языка и пользования им. В связи с этим с IV в. грамматика Доната использовалась как основное пособие для изучения латинского языка в школе. Дошли списки двух версий этого труда: полная — «*Ars maior*» и сокращенная — «*Ars minor*». Пожалуй, единственное, в чем греко-римская грамматическая традиция получила развитие в работе Доната, было исследование вопроса о сочетаемости определенных и неопределенных местоимений с глаголом.

Грамматика Присциана («*Institutionum grammaticarum*» [48]) — это обширное сочинение, состоящее из восемнадцати книг. Первые шестнадцать содержат учение о звуко- и формообразовании, Последние две — учение о синтаксисе, иначе, о конструкциях. Первые шестнадцать книг получили известность как «*Priscianus Maior*», последние две — как «*Priscianus Minor*». В построении своего сочинения и толковании основных явлений латинского языка Присциан следует канону, выработанному александрийской грам-

матической школой, как он представлен в грамматических трудах Аполлония Дискола [см. 35]¹.

В своем описании латинского языка (наиболее полном и детальном среди дошедших до нас грамматических трактатов) Присциан применяет два подхода, или критерия: семантический и формальный, однако без определенной системы, без четкого понимания того, каковы должны быть процедуры анализа языка, основывающиеся на этих критериях.

Присциан заявляет, что семантический критерий должен быть ведущим при анализе языка (хотя нигде не объясняет, что он понимает под семантикой), например при выделении частей речи. Следует, однако, заметить, что если выводы Присциана, основанные на применении семантического критерия, весьма сомнительного свойства, то результаты применения формального подхода поражают своей ясностью.

Поскольку начиная с позднего периода Античности и в период Средневековья грамматика осознавалась почти исключительно в плане практическом, т.е. как искусство правильно говорить и писать, то становится понятным то большое внимание, которое уделяется в работе Присциана изучению фонетики, орфоэпии, просодики, словоизменения и словообразования латинского языка.

В звуковом потоке речи, по мнению Присциана, должно выделять звукообразования четырех рядов: *vox articulata*, *vox inarticulata*, *vox literata*, *vox illiterata*. В этом членении выступают две дихотомии: *vox articulata* — *vox inarticulata*, с одной стороны, и *vox literata* — *vox illiterata*, с другой стороны. *Vox articulata* — звук (или звукооб-

¹ Грамматика Присциана не только широко использовалась для учебных целей, но и служила базой для концепций о языке, формируемых в средневековых грамматических описаниях.

Дело в том, что поздняя Античность и раннее Средневековье не отмечены развитием в самой грамматической теории новых идей, касающихся понимания природы языка. Это не значит, что вопросы онтологии языка оставались вне поля зрения средневековой мысли. В философско-теологических трактатах III — IX вв. они были предметом самого пристального внимания. (В этой связи достаточно назвать такие имена, как Плотин, Иустин Философ, Григорий Нисский, Григорий Назианзин, Иоанн Златоуст, Аврелий Августин, Василий Великий* Феодорит Киррский, Немесий Эмесский, Исидор Севильский, Иоанн Дамаскин и др.) Результаты их размышлений, не оказав заметного воздействия на характер грамматического описания того времени, безусловно, отразились на процессе формирования научного подхода к языку, сложившегося к Новому времени и уже ярко проявившегося в «Грамматике Пор-Рояль» (см. главу третью). Можно, скажем, указать на выдвинутые епископом Св. Августином (354—430 гг. н.э.) в работе «Начала диалектики» («Principia dialecticae» — «Santi Augustini opera», Antwerp, 1700) оригинальные положения о соотношении внешней (звуковой)¹ формы языка и значения [см. 37; 55]. Но эти его высказывания едва ли были замечены грамматистами. (Подробный разбор концепции Августина дан, например, в современной работе «Августин и латинские классики» [см. 40].)

разование) членораздельно-дискретного свойства, прямо связанный в устах говорящего с некоторым значением или выступающий в составе некоторого значения. *Vox inarticulata* — звукообразование, не наделенное этими свойствами. Причем, видимо, в концепции Присциана имплицитно проводится различие между языком как объектом внимания грамматиста и языком как предметом лингвистического (грамматического) описания. Отсюда вытекает значимость одних звукообразований и незначимость других для целей лингвистического описания.

Дихотомия одного уровня анализа интерпретируется через дихотомию другого уровня анализа. *Vox literata* — звукообразование, которое может быть соотнесено с графическим образованием, будь то *vox articulata* или *vox inarticulata*. *Vox illiterata* — звукообразование, не получающее графического корреспондента. Здесь, видимо, имеются в виду некоторые классы *vox inarticulata*¹.

Звуковая сторона языка получает интерпретацию в терминах букв. *Буква* — это наименьшее звукообразование (или часть звукообразования), которое может быть соотнесено с графическим образованием.

Одним из проявлений звукообразования является слог. *Слог* — это звукообразование, которое может быть реализовано в графическом образовании, произнесено в едином выдохе и объединено единым ударением. Слог как артикуляторно-акустическое явление, будучи интерпретирован в графике, реализуется применительно к латинскому языку не менее чем в одной букве и не более чем в шести буквах, например: *a* ('от'), *ab* ('из'), *ars* ('искусство'), *stans* ('стоящий'), *stirps* ('стержень'). Число слогов в звукообразовании определяется числом гласных.

Слово (dictio) определено как наименьшая часть сложного выражения, которое воспринимается в качестве некоторого семантического целого, причем такая часть, которая выделяется при разложении семантики этого целого. Такая дефиниция, по мнению Присциана, должна исключить возможность интерпретации, допустим, слова *vires* ('силы', 'средства', 'войска' — множественное число от *vir*, *viris* 'сила', 'мощь') как комбинации лексико-семантических единиц: *vi + res* либо *vir + es* (в целом Присциан не проводит четкого различения лексической и грамматической семантики).

Слова организуются в речи в более сложные построения. Присциан выделяет среди них *oratio*. *Огайо* — это апробированное узу-

¹ Более полная интерпретация классификации звукообразований в плане связи их со значением или в плане способности быть соотнесенными с графическими образованиями (в частности, применительно к *vox illiterata*) в работе Присциана не прослеживается. Но уже здесь имплицитно содержится понимание (лингвистической) чередования «маркированности» с нулем.

сом соединение слов, которое передает мысль как некое целое. Существует множество типов образования таких соединений. И даже отдельное слово в определенном контексте может выступать как *oratio* со всеми принадлежащими последнему признаками, как, например, слово *совесть*, являющееся ответом на вопрос: «Что может рассматриваться как мера высшего этического начала в человеке?»¹.

Присциан выделяет восемь частей речи (*partes orationis*): **имя, глагол, причастие, местоимение, предлог, наречие, междометие и союз**. Рассматривая их свойства, Присциан руководствуется, хотя, как было отмечено выше, без определенной системы, не только семантическим, но и морфологическим и синтаксическим критериями. Так, отличая междометие от наречия (чего не было в греко-римской классической традиции), Присциан основывается на его синтаксической независимости и эмоционально-экспрессивной семантике. А определяя на базе семантического критерия, например, глагол, он вместе с тем приводит и его формальные признаки, указывая, в частности, на тот факт, что значение глагола, строго говоря, состоит в действии или подлечении действию и что все глаголы, наделенные полной и координирующей флексией, оканчиваются на -o или на -or. Исходя из этих морфологических примет, он дает развернутое, хотя и не во всем точное, подразделение глаголов с учетом синтактико-семантических критериев.

Значительное место формально-грамматические критерии занимают и в двух последних книгах Присциана, посвященных синтаксису латинского языка (вопреки его декларации о том, что синтаксический раздел его труда опирается на семантический критерий). Прекрасным образцом использования формальной процедуры анализа синтаксического строя является его отработанная прием описания строя предложения (книга XVII). Присциан берет предложение *Idem homo lapsus heu hodie cecidit* 'Тот же человек, упавший, увы, сегодня, упал [вновь]' и исследует все те изменения, которые оно претерпевает в результате процедуры подстановки в различных его частях, а также в результате его развертывания за счет добавления новых членов. Попутно рассматриваются всевозможные дистрибуции смысла и формы составляющих.

Несомненно, что чрезмерное внимание к семантическому критерию помешало Присциану дать строго формальное описание системы латинского языка; например, при рассмотрении фонетико-просодического строя ему не удалось создать ясную и исчер-

¹ Латинская грамматика термином **oratio** совокупно обозначала «конструкции»: словосочетание, фразу, предложение. В русской грамматической традиции термин «oratio» может быть соотнесен с термином «речь».

пывающую классификацию на уровне звукообразований. Вместе с тем фактическое применение Присцианом формального подхода позволило ему уловить многие тонкости языка, что проявилось, например, в достаточно четкой картине описания слога, в формулировании его основных признаков или при выяснении картины синтаксической структуры языка.

Здесь, видимо, нет необходимости говорить о смешении Присцианом понятий «звук» и «буква», элементов морфологии и орфографии (смешении, воспринятом от античности и представленном также в последующей традиции языкознания) и вытекающих отсюда погрешностях в фактологическом, хотя и чрезвычайно скрупулезном, описании латинского языка. Как бы то ни было, грамматика Присциана утвердилась в Средневековье как наиболее авторитетный грамматический трактат [см. 27].

В средневековый период значительное развитие получает *семантическая теория*. Средневековые ученые применяли весьма разработанное оперирование семантическими понятиями. Примечательно, что семантическая концепция Средневековья неявным образом исходила из примата синтаксических отношений в языке, обеспечивающих возможность выделения прочих отношений и единиц. И вместе с тем на протяжении всего Средневековья это не привело к более строгой систематизации выделяемых лингвистических категорий, к более строгому формальному описанию языка.

В XI—XII вв., когда просвещенная часть европейского общества более широко ознакомилась с работами Аристотеля по логике и логика еще глубже проникла во все сферы мыслительной деятельности, в теории языка возникает своеобразное логическое направление — так называемая *логистическая грамматика* [см. 38].

Логистическая грамматика была воспринята многими как инструмент для разрешения многочисленных «запутанных» философских проблем, в том числе проблемы универсалий (поставленной еще в VI в. Боэцием, современником Присциана). Применительно к теории языка проблема универсалий формулировалась как проблема установления природы семантики универсальных, с точки зрения средневекового научного мира, терминов, которые обозначают человека и его свойства. В теории языка эта проблематика оказалась связанной частично с вопросами, возникающими в ходе рассмотрения слова в изолированном виде, с одной стороны, и в речевом контексте — с другой. Но из-за отсутствия интереса к изучению психики личности, к осознанию специфики личности как производителя высказывания и внимания к абстрактному логистическому обсуждению языка проблема Универсалий, естественно, не была должным образом поставлена [см. 28; 37; 54].

Под влиянием Присциана на протяжении последующих веков в грамматической теории выделяются такие области языковых явлений, как *De syllaba* или *Prosodia*, а также структура единиц стиха. Но, к сожалению, эти области оставались в плену схоластической философско-логической интерпретации и не становились предметом лингвистического анализа.

Многочисленные адаптации грамматики Присциана к нуждам обучения — на разных уровнях — не сопровождались какими-либо сдвигами в характере предмета лингвистического описания. Среди работ такого рода можно упомянуть, например, составленную в стихотворной форме латинскую грамматику Александра Вилладейского, появившуюся в 1199 г. [см. 57].

Логико-философский подход к грамматике нашел свое наиболее яркое выражение в концепциях Петра Абеляра (1079—1142) и особенно Раймунда Луллия (1235— 1315). Луллий выдвинул идею создания на базе латинского языка универсального философского языка, построенного так, чтобы элементы языка и их комбинации наиболее адекватно отражали механизм логического моделирования [см. 32].

У философов этого периода, уделявших большое внимание вопросам языка, иногда возникали весьма оригинальные и верные идеи, которые, однако, на том этапе развития знаний о языке не могли быть восприняты и поэтому оставались без развития. В связи с этим можно упомянуть понимание природы языка известным логиком, философом и теологом Фомой Аквинским (1225— 1274) [см. 45; 58; 59]. Фома Аквинский, в частности, считал, что назначение звуков человеческой речи состоит в обозначении чего-то, находящегося вне языка (*principaliter data ad significandum*). Все же прочие порождения звуков речевым аппаратом человека не есть элементы речи, это чисто произвольные, механические звучания, никак не соотношенные со значением [см. 39; 45; 58].

В появившихся к XII—XIII вв. многочисленных учебных центрах университетского характера со студенческим составом из самых разных европейских стран вскоре было ясно осознано, сколь существенно отличается средневековый латинский язык как международное средство живого общения в культурном мире Европы от норм классического латинского во всех областях: в произношении, словоупотреблении, меньше — в грамматике. Этот сдвиг в общественно-языковой практике нашел отражение и в теории языка. Грамматика Присциана стала снабжаться комментарием, отражавшим этот сдвиг и вносившим поправки в те нормы языка, которые были им сформулированы в свое время. В языковой теории, отражая дух времени, зазвучала более уверенно и логистическая терминология, заменив в некоторых своих частях пре-

жнюю собственно грамматическую терминологию Присциана, унаследованную от греко-римской грамматической традиции.

Одним из авторов такого рода грамматической модернизации явился Петр Гелийский (автор «*Summa grammaticae*»). Его комментарий к грамматике Присциана не только получил всеобщее признание и употребление, но и в немалой степени способствовал формированию в XIII—XIV вв. так называемой концепции *философской грамматики*. Эта концепция была осознана теорией языка позднейшего этапа как концепция всеобщей, или универсальной, грамматики. В качестве ее синонима в смежных течениях того времени и даже позднейшего периода был введен термин *спекулятивная грамматика* [см. 55].

Грамматические трактаты, отражавшие эту концепцию, отталкиваясь от явлений некоторого языка (как правило, латинского), пытались вывести умозрительным путем некую схему, в которую могли бы уложиться языковые факты любого языка. В этой схеме нашли свое воплощение категории, отражаемые языком, и в частности способы их выражения в латинском языке, который выступал как некоторое мерило логико-грамматической стройности.

Наряду с латинским языком к этому времени растет знакомство Европы с греческим и древнееврейским. Широкую известность приобрели, например, греческая и древнееврейская грамматика Роджера Бэкона (1214—1294). Кстати, у Бэкона находим весьма четкое формулирование некоторых положений о языке: элементы языка характеризуются условностью и имеют произвольную природу; языковые средства — это знаки идей и понятий; письменные знаки обозначают звуковую сторону языка; одни и те же виды и понятия в разных языках выражаются по-разному и т.д. [см. 26].

Заметим, возвращаясь к трактату Петра Гелийского, что он рассматривает грамматику не только как искусство правильно писать и говорить, но и как науку. Тем самым он подчеркивает, во-первых, строгую законность предписаний правильного употребления языка, вытекающих из природы конкретного языка, во-вторых, принадлежность языка человеку и, следовательно, возможность сознательного пользования языком. Петр Гелийский утверждает, что грамматика любого языка самобытна, следствием чего является признание многотипности грамматик как отражения многотипности языков [см. 49].

В области формального описания языка к этому времени сделано было еще мало, если, правда, не считать выделения в воспринятой от Античности нерасчлененной категории имени двух подкатегорий: субстанционального свойства (существительное) и акцидентального свойства (прилагательное).

Логистическое направление в средневековой теории языка предприняло попытку продвинуться в познании семантического аспекта языка. В этом отношении показательным является освещение вопросов семантики языка в логическом трактате «Summulae Logicales» Петра Испанского [см. об этом 28], архиепископа Братского, под конец жизни — папы Иоанна XXI, известного специалиста своего времени в области логики, философии и медицины (умер в 1227 г.). Петр Испанский проводит различие логического и грамматического определений предложения, правда, в большей мере имплицитно, чем в строгих формулировках. Под значением (*significatio*) Петр Испанский понимает здесь символизацию вещи в условном звукообразовании. Далее он выделяет ведущее (*главное, независимое*) значение и сопутствующее (*связанное*) значение, как они выступают в корнях и аффиксах языка. В значении он различает сигнификацию, суппозицию и апелляцию. Первая — фактор повторяющийся, постоянный для всех контекстов применительно к какому-то языковому факту, вторая — некоторая часть возможной ситуационной семантики, определяемая ограниченным набором ситуаций, в которых выступает известный факт языка, третья — соотношение имени с конкретным объектом, данным и реально обозримым. Затем Петр Испанский различает модификации значения, как они проявляются в языке: на оси «знак — вещь» и на оси «номинальное — контекстуальное»; проводит различие в языковой семантике таких аспектов (в его терминологии — формальных и материальных), которые в лингвистике XX в. представлены в понятиях язык — метаязык; причем в метаязык входит тот арсенал языковых средств, которые используются для описания самого языка, т.е. язык как система средств категоризации самого себя, а не внешнего мира. Петр Испанский выдвигает идею семантического взаимодействия членов речевой конструкции и, как следствие, идею семантического взаимоограничения. Таким образом, он обращает внимание на важность изучения элементов языка в контексте тех комбинаций, в которых они реально выступают в речи. Это относится, например, к изучению частей речи. Он также показал в своем анализе софизма, что грамматически тождественные конструкции могут получить более чем одну интерпретацию в речевой коммуникации [см. 28; 38; 47].

Последователи семантической концепции Петра Испанского, получившие наименование *Modistae*, поскольку они занимались главным образом проблемой «модусов» значения (*modis significandi*), разрабатывали вопросы синтаксического значения частей речи, выделения частей речи на базе морфологического анализа. Они впервые подняли вопрос о соотношении и соответствии речевого выражения и мысли (отсюда истина и ложь — проблема психологического свойства), о соотношении и соответствии мысли и вещи (отсюда онтология истины, научного знания — про-

блема онтологического свойства). Из этих положений вытекает постановка вопроса о том объединении и разделении, которое осуществляет язык в обществе: объединение ведет через образование ко вторичному разделению в рамках единого языкового коллектива (профессионально- и социально-языковые группировки) [см. 29; 46; 51; 53].

К проблеме семантики примыкает область, традиционно развивающаяся и обозначившаяся как область этимологии. Характеризуя эту область теории языка, надо указать на двадцатитомный труд по этимологии Исидора Севильского (умер в 636 г.). Эта работа мало в чем продвинула теорию этимологии в сравнении с тем, как она представлена у античных авторов. На этом уровне этимология пребывала в течение всего Средневековья до тех пор, пока в Новейшее время знакомство с многочисленными языками, познание их связей не позволило поставить проблему этимологии как научного знания.

Так, в общих чертах протекала подготовка к формированию в Европе новой лингвистической традиции, осознанной впоследствии как *мировое языкознание*.

V. Предпосылки появления науки о языке

Из трех лингвистических традиций — китайской, индийской и греко-римской — непрерывное продолжение с выходом в современное языкознание имела лишь греко-римская лингвистическая традиция.

Относительно греко-римской лингвистической традиции можно утверждать, что античная творческая мысль к началу Средневековья дала все, что могла дать на базе тех социально-культурных черт, которые были присущи Античности. Уже достаточно обозначилось иссякание этого творческого источника, определился своего рода кризис. Для нового расцвета интеллектуально-духовной деятельности нужны были новые социально-культурные условия. Именно формирование подобных условий и составляет сущность того процесса в Европе, который ярко и наглядно характеризует Средневековье.

Европа средних веков начала с простого заимствования в усеченной форме греко-римской теории языка вместе с самим языком: латинским — в католическом мире, греческим (с меньшей интенсивностью, более ограниченно) — в части православного мира. Таким образом сложился собственно грамматический канон. Не были представлены (или представлены лишь отчасти — начиная с XII в.) те области теории языка, которые входили в сферу так называемой философии языка. Это положение вещей было связано с теми специфическими задачами, которые ставило и решало новое общество. И тот подъем новой духовной деятельно-

сти, который четко обозначился в Европе уже к XII в., еще не сопровождался достаточно полным возрождением в обновленном и углубленном виде прерванной научной традиции в теории языка. Господство схоластики, объективно сложившееся в условиях средневекового общества, способствовало возрождению на новой исторической почве в основном той стороны античной мысли, которая характеризовалась скорее дедуктивностью, изящностью спора, виртуозностью аргументации, нежели объективностью наблюдений и строгой фиксацией фактов. Несомненно, на научно-теоретической деятельности сказывалось тормозящее влияние таких факторов, как скованность теоретической мысли и практической деятельности в области культуры, с одной стороны, рамками замкнутых обществ и, с другой — рамками культурно-идеологических институтов (в пределах религиозных ареалов) с их строгой канонизацией всех сфер жизни.

«Правильные» языки в раннее Средневековье выступают носителями культурных и научных знаний. «Неправильные» языки не могут в ситуации так называемых варварских обществ выполнить эту функцию из-за отсутствия письменности и надлежащей письменной традиции или иных социально-культурных условий. Поэтому сосуществование «правильных» и «неправильных» языков — фактор естественный и неизбежный в соответствующих исторических обстоятельствах — сыграл положительную роль. «Правильные» языки несли научные и культурные знания, являлись их хранилищем, служили инструментом производства новых знаний. Позже, по мере своего развития, «неправильные» языки берут на себя эти функции.

Затем последовало постепенное развитие в области теории языка новой традиции, не связанной с интерпретацией какого-то одного языка, традиции, формирующейся на базе освоения теорией множества языков. Отсюда — один шаг к пониманию мирового языка. Следующим шагом была попытка вскрыть присущую всем языкам общность и типологическую специфику разных языков.

Благотворно повлияло на развитие теории языка вторичное обращение к «древности», более углубленное изучение наследия. Сначала это было обращение к античному прошлому, как объекту «прекрасного ушедшего», которое становилось предметом идеализации. В Средневековье же, в частности на его завершающем этапе, обращение к античному прошлому носило принципиально иной характер, это было обращение к идеям с целью внесения в них новой жизни, с целью их ассимиляции, преобразования и развития в соответствии с новыми условиями и возможностями [см. 42; 52].

Вполне понятно, что осмысление в рамках теории языка особого исторического момента, в свете общей истории развития

языковедческих идей, выделение собственно лингвистических знаний обнаруживается в эпоху перехода к новому социально-экономическому и культурному состоянию общества и именно там, где этот переход происходил наиболее интенсивно и ощущался наиболее остро. То есть в Европе.

Собственно научный подход к формированию предмета лингвистики можно видеть не только в Европе, но и в иных культурных ареалах. В XI в. Махмуд Кашгарский (Махмуд ал-Кашгари) составляет так называемый «Диван турецких языков» [см. 43], где в сопоставительном плане описывает словарь разных тюркских наречий и даже вплотную подходит к понятию звуковых соответствий между языками. В его труде описание языка отвечает на вопрос не о том, как должно говорить и мыслить, а о том, как в действительности говорят, т.е. эта работа уже не может быть отнесена только к грамматическому искусству, она содержит не столько предписание, сколько описание языковых фактов — того, что есть на самом деле в общественно-языковой практике.

В Китае с приходом маньчжурской династии в XVII в. создаются предпосылки для наполнения теории языка научным содержанием. Этот процесс находит свое проявление в оживлении движения за «воссоздание древностей» (*фугу*). На этот раз «воссоздание древностей» отмечено новым содержанием. Китайские филологи стремятся не столько предписать современному языку старый норматив, сколько исследовать объективно и описать реальные употребления слов в древних текстах. Это нашло свое отражение в словаре поэзии «Пэйвэнь юньфу» [см. 13].

Этот словарь, создававшийся академическим коллективом из многих ученых на протяжении ряда лет, имеет следующую форму. Статьей словаря является описание иероглифа-морфемы, выступающего в качестве рифмы в стихотворных текстах. Так, например, слово *дун* 'восток' дается в сочетании с предшествующими ему словами, например: *цзы дун* 'с востока', *наньдун* 'юго-восток', *мыньдун* 'к востоку от входа' и т.д. При этом перечисляются все сочетания слова *дун* с предшествующими словами в стихотворной строке, встречающиеся в огромном количестве китайской поэзии. Каждое такое сочетание иллюстрируется стихом, в котором оно встречается. В итоге образуется колоссальный филологический труд — конкорданс, представляющий собой объективированное (а не предписывающее) описание текстов китайской поэзии.

Подобные примеры можно было бы умножить и тем самым показать, что и на Востоке складывались предпосылки к созданию лингвистической науки. Однако сами предпосылки еще не образуют науки.

Для образования науки о языке требуется изменение в рамках теории языка, отношение к языку как объекту описания.

Возникновение лингвистики (общей теории языка) как науки связано с осмыслением языковой действительности в иной плоскости. Создание правильной речи, т. е. дело науки — это предмет и задача школьного преподавания. Задача науки состоит в объективном описании существующего положения вещей. Тем самым научная система не содержит телеологического принципа. Вместе с тем научное описание открывает в языке законы его объективного существования. Знание этих законов может быть далее использовано в школьной практике, в языковом нормировании.

Для такого изменения предмета описания было недостаточно найти новые пути в систематике языка. Для этого требовалось изменить мировоззрение, что в свою очередь получило отражение прежде всего в новой и затем новейшей философии. Это общее движение в духовной жизни, захватившее и теорию языка, было характерным именно на рубеже Нового времени для европейского общества. Вот почему лингвистическая наука как новый элемент мировой культуры формируется прежде всего в Европе.

Литература

1. *Андронов М.С.* Опыт систематизации панхронической грамматики тамильского языка /Дисс. ... д-ра филол. наук. — М., 1971.
2. *Бертельс А. Е.* Пять философских трактатов. — М., 1970.
3. *Ван Ли.* Очерк истории китайского языка (Ханьюй шигао). — Пекин, 1957.
4. *Ван Ли.* Рифмика китайского языка (Ханьюй иньюньсюэ). — Пекин, 1957.
5. *Габучан Г. М.* К вопросу об арабских грамматических учениях // Семитские языки. — М., 1963.
6. *Гиляревский Р. С., Гривнин В. С.* Определитель языков мира по письменностям. — М., 1961. — 2-е изд.
7. *Гиргас В. Ф.* Очерк грамматической системы арабов. — СПб., 1879.
8. *Гранде Б. М.* Курс арабской грамматики в сравнительно-историческом освещении. — М., 1963.
9. *Добиаш А.* Синтаксис Аполлония Дискола. — Киев, 1882.
10. *Звегшицев В. А.* История арабского языкознания. — М., 1958.
11. Исследование звучаний рифм центральной равнины (Чжуньюань иньюнь яньцзю) / Под ред. Лян Цзэн-бао, 1859. — Шанхай, 1955.
12. *Камптапрасад Гуру.* Грамматика хинди. — М., 1957.
13. Конкорданс рифм (Пэйвэнь юньфу) / Под ред. Ван Юнь-у. — Шанхай, 1677.
14. *Конрад Н. И.* Запад и Восток. — М., 1966.
15. *Крымский А.* Семитские языки и народы. — М., 1909— 1912.
16. *Ли Цзинь-си.* Новая грамматика родного языка (Синьчжу гоюй вэньфа). — Шанхай, 1924.
17. *Ма Цзянь-чжун.* Маши вэньтун. — Пекин, 1954.

18. Нотация четырех рифмовых звучаний (Сы шэн юнь пу) / Под ред. дян Цзэн-бао, 1859. — Шанхай, 1955.
19. Объяснение сечения рифм (Цсюнь цюмынь) / Под ред. Лян Цзэн-бао, 1859. - Шанхай, 1955.
20. *Панов М.В.* Русская фонетика. — М., 1967.
21. *Парфионович Ю.М.* Тибетский письменный язык. — М., 1970.
22. *Перих Ю.Н.* Тибетский язык. — М., 1961.
23. *Софронов М. В.* Грамматика тангутского языка. — МЛ, 1968. — Кн. 1.
24. *Струве В. В.* Происхождение алфавита. — Пг., 1923.
25. *Трубецкой Н. С.* Основы фонологии. — М., 1960.
26. *Bacon R.* The Greek Grammar of Roger Bacon and a Fragment of his Hebrew Grammar / Nolan and Nisch. — Cambridge, 1902.
27. *Baebler J.J.* Beitrage zu einer Geschichte der Lateinischen Grammatik im Mittelalter. - Halle, 1885.
28. *Boehenski I.M.* Summulae Logicales Petri Hispani. — Rome, 1947.
29. *Boehner P.* Medieval Logic. — Manchester, England, 1952.
30. *Brockelmann K.* Geschichte der arabischen Litteratur. — Leiden, 1937 — 1938. - Bd. 1-2. 1939- 1942. - Bd. 3 (Supl.).
31. *Bursill Hall G.* Medieval Grammatical Theories // Canadian Journal of Linguistics. - 1963. - 9. (1963) 1.
32. *Chenu M. D.* Grammaire et Theologie aux XIIe et XIIIe siecle // Archives d'histoire doctrinale et litteraire du moyen age. — 1936. — 10 (1936).
33. *Chenu M. D.* Introduction a l'etude de Saint Thomas d'Aguin. — Monteval; Paris, 1950.
34. *Donatus A.* Ars grammatica. Grammatici Latini. / von H. Keil Hrsg. — Leipzig, 1964. - Bd. 1-4.
35. *Dyskolos Apollonios* Vier Bücher über die Syntax, liberis, und erl. von A. Buttmann. — Berlin, 1877.
36. *Egger E.* Apollonius Dyscole, Essai sur l'histoire des theories grammaticales dans l'antiquite. — Paris, 1854.
37. *Grabmann M.* Die Entwicklung der mittelalterlichen Sprachlogik (Tractatus de Modis significandi) // Mittelelterliches Geistesleben, I. — Munchen, 1926.
38. *Grabmann M.* Auslegung der Aristotelischen Logik aus der Zeit von Boethius bis Petrus Hispanus // Abhandlungen der Preussischen Akademie der Wissenschaft. Phil.-hist. Klasse. — Berlin, 1937. — N 5.
39. *Grabmann M.* Thomas von Erfurt und die Sprachlogik des Mittelalterlichen Aristotelismus // Sitzungsberichte der Bayerischen Akademie der Wissenschaft. Phil.-hist. Klasse. — Munchen, 1943. — N 2.
40. *Hagendahl H.* Augustine and the Latin Classics. — Stockholm, 1967. — Vol. 1-2.
41. *Harris Z* Methods in Structural Linguistics. — Chicago, 1949.
42. *Karlgren B.* Analytic Dictionary of Chinese and Sino-Japanese, and Dictionary of Chinese Dialects. — Goteborg [6. г.].
43. *al-Kasgari Mahmud* Diwan lugat at-Turk. — Istanbul: Изд. Ахмеда Рифата, 1915—1917 (на арабском языке).
44. *Kukenheim L.* Contributions a l'histoire de la grammaire grecque, latine et hebraYque a l'epoque de la Renaissance. — Leiden, 1951.
45. *Manthey F.* Die Sprachphilosophie des hi. Thomas von Aquin und ihre Anwendung auf Probleme der Theologie. — Paderborn, 1937.

46. *Moody E.A.* Truth and Consequence in Medieval Logic. — Amsterdam, 1953.
47. *Mullaly J. P.* The Summulae Logicales of Peter of Spain // Medieval Studies of the University of Notre Dame. — Notre Dame, 1945.
48. *Prisnianus.* Institutionum grammaticarum libri XVIII, hrsg. von. M. Hertz, 1855- 1859.
49. *Robins R. H.* Ancient and Medieval Grammatical Theory in Europe with Particular Reference to Modern Linguistic Doctrine. — London, 1951.
50. *Robins R. II.* Dionysius Thrax and the Western Grammatical Tradition // Transactions of the Philological Society. — London, 1957.
51. *Roos H.* Martinus de Dacia and seine Schriften de modis significandi // Classica et Medievalia. — 1946. — N 8.
52. *Roos H.* Sprachdenken im Mittelalter // Classica et Medievalia. — 1949.-N 9.
53. *Roos H.* Die Modi Significandi des Martinus von Dacia. — Munster, 1952.
54. *Rotta P.* La filosofia del linguaggio nella patristica e nella scolastica. — Turin, 1909.
55. *Thomas of Erfurt.* De Modis Significandi seu Grammatica Speculative / Ed by F.M. Fernandez Garcia. — Quarrachi, 1902.
- SQ.Thurot Ch.* Extraits de divers manuscrits Latins pour servir a l'histoire des doctrines grammaticales au moyen age. — Paris, 1869.
57. *Villa-Dei Alexander de.* Doctrinale puerorum, 1199 // Monumenta Germaniac Paedagogica/von Reichlin (hrsg.). — Berlin, 1893. — 12.
58. *Wamach V.* Erkennen und Sprechen bei Thomas von Aquin // Divus Thomas. - 1937.-N 15.
59. *Wamach V.* Das aussere Sprechen und seine Funktionnen in der Lehre von Thomas von Aquin // Divus Thomas. — 1938. — N 16.
60. *Weiss I.* Die arabische National grammatik und Lateiner // Zeitschrift der Deutschen Morgenlandischen Gesellschaft. — Leipzig. — Bd. 64.

ГЛАВА 3

СТАНОВЛЕНИЕ ЯЗЫКОЗНАНИЯ КАК САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ НАУКИ

Вводные замечания.

- I. Лингвистические аспекты общественно-языковой практики в Европе XVI-XVIII вв.
- II. Эмпиризм и рационализм в философии языка XVII—XVIII вв.
- III. Всеобщая рациональная грамматика. «Грамматика Пор-Рояль».
- IV. Отражение метода «Грамматики Пор-Рояль» в теории языка XVII-XVIII вв.

Вводные замечания

Последовавший за Возрождением исторический период явился для Европы эпохой крупных сдвигов и обновления в области материальной и духовной деятельности. Это эпоха крупных географических открытий, период подготовки и укрепления нового, капиталистического способа производства в странах Западной Европы. Это период становления наций и национального самосознания, период появления книгопечатания и распространения просвещения, период формирования положительных наук и новой философии.

В этих условиях все более осознается необходимость единого и общего для всей нации языка — могучего инструмента накопления, хранения и создания новых знаний и норм в области производственной и социально-культурной деятельности общества. Лучшими умами этой эпохи — писателями, филологами, философами, математиками — проводится большая работа по утверждению национальных языков как полноправных и адекватных языков литературы, науки и философии, которые постепенно все более оттесняют латынь, много веков безраздельно господствовавшую в культурной жизни Европы.

Вместе с тем потребность в средстве межнационального научно-культурного общения, роль которого выполняла латынь, не только не отпала, но все более возрастала. Возник вопрос о создании некоей новой формы межгосударственной коммуникации в сфере науки и культуры (ср.: древнегреческое койнэ). В связи с ростом требований, предъявляемых наукой к языку, в XVII в. по-

лучает четкое оформление идея разработки так называемого философского языка, который, по замыслу, должен был явиться рациональным и совершенным средством мышления и научного общения.

Проводившаяся работа по закреплению литературной формы национальных языков, рост интереса к философии языка, в частности к вопросу соотношения языка и мышления, а также вынашивавшиеся в связи с потребностями научного знания проекты создания искусственным путем языка более совершенного, чем известные реальные языки, нуждались в осмыслении и поддержке со стороны теории языка. Теория языка, естественно, отражала в своем развитии как потребности, так и трудности общественно-языковой практики.

Развитие теории языка связано с образованием новых условий не только в социальной и научно-философской областях, но и в области лингвистической работы. К этому времени уже значительное развитие получило в Европе источниковедение, в связи с чем в сфере внимания оказались памятники греческого языка, семитских языков и языков, принадлежащих к той области, которая в дальнейшем оформилась как романо-германская филология. Проникновение в новые районы мира открыло доступ к многочисленным неизвестным прежде науке языкам, описания которых, хотя зачастую и далекие от совершенства, способствовали расширению лингвистического кругозора.

В общих рамках теории языка этого периода с самого начала оказались четко противопоставленными (наряду с лингвофилологическим и этнолингвистическим направлениями) две линии развития: разработка эмпирических грамматик, практических руководств и словарей для целей школьного обучения, переводческой деятельности и практического овладения иностранными языками, с одной стороны, и теоретическое осмысление языка как одного из важнейших видов человеческой деятельности — с другой.

Если первая традиционно выступает как школа составления нормативной грамматики, то вторая явилась источником распространения новых взглядов на язык. Соответственно распределились сферы деятельности: первая — собственно грамматистов, вторая — отчасти грамматистов, но преимущественно философов и логиков. (Среди последних можно упомянуть Ф.Бэкона, Р.Декарта, Дж.Вико, Ж.Ж.Руссо, Ж.А.Кондорсэ, Ш.де Бросса.)

Развитие этих двух линий шло довольно обособленно, что неизбежно отрицательно сказывалось как на первой области, где господствовал сугубо практический подход, что, естественно, не способствовало проникновению в эту область новых идей и воззрений на язык, вытекающих из новых научно-философских концепций, так и на второй области, где появились свежие идеи,

которые накладывались на весьма дилетантские лингвистические представления.

Однако постепенно осознается и наконец воплощается в 1660 г. в «Грамматике Пор-Рояль» [25; см. также 26] идея соединения конкретного лингвистического описания и философии языка. «Грамматика Пор-Рояль», таким образом, явилась первым опытом создания *общелингвистической теории*.

Знакомство Европы с многочисленными иными культурами и языками, осознание всего многообразия мира, как оно проявляется в человеческом обществе, а вместе с тем и его единства — единства в фундаментальных чертах, рост гуманистических тенденций и появление новой, рационалистической философии получают своеобразное преломление в теории языка, накладывая на нее свой отпечаток. Это влияние выражается в постепенном формировании в течение второй половины XVII в. так называемого *универсализма*, одним из основных признаков которого было утверждение представления о *всемирном языке*.

Это универсалистическое течение в теории языка было осмыслено и вошло в лингвистическую традицию под названием «универсальная грамматика».

Универсальная грамматика как разновидность описания языка охватывает очень большое количество сочинений, которые делятся по содержанию на: 1) сочинения, которые трактуют природу языка вообще; 2) сочинения, которые используют принципы общелингвистического описания, принятые в универсализме для описания конкретных языков.

Сочинения первого типа подразделяются на собственно философские (таковы, например, работы Р.Декарта, Г.Лейбница) и лингвистические (как, например, упомянутая «Грамматика Пор-Рояль»). Различие между ними в следующем. Философские универсальные грамматики формулировали принципы идеальной языковой системы, могущей обеспечить ясность и правильность мысли. Разработка этих принципов строилась как дедуктивная система. Философские грамматики в принципе предполагали создание новых языков. Лингвистические же сочинения, одну часть которых можно по традиции именовать рациональными грамматиками, строились на индуктивной основе. В них прежде всего исследовались факты существующих языков с точки зрения способности выражения логически правильной мысли. Эта вторая группа сочинений обширна и пестра по составу. Среди них важное место занимают многоязычные словари, собрания переводов одних и тех же текстов на разные языки, трактаты о звуках речи и т.д.

Сочинения второго типа — это описания конкретных языков; такие работы нередко именуются «переводными грамматиками». Эта часть универсального направления в теории языка — вероятно, самое обширное поле лингвистической деятельности, так как

посредством «переводных грамматик» описаны практически почти все известные науке системы языков, причем описаны неоднократно. Общим принципом «переводных грамматик» является соединение понятий эмпирической и рациональной грамматики в описании конкретного языка, который тем самым предстает как содержащий все или почти все понятия, присущие, согласно кредо рациональной грамматики, мировому языку. Так, «переводные грамматики» находят падежи, например, в китайском языке, потому что падеж для них есть изменение значения имени по отношению к другому имени или глаголу, при этом неважно, что в китайском языке имена формально никак не изменяются «по падежам». По представлениям авторов «переводных грамматик», важно, что эти значения так или иначе могут быть найдены в этом языке. Отсюда разные языки обнаруживают равные возможности выражения мысли. Благодаря «переводным грамматикам» почти все языки мира были охвачены в принципе одинаковой системой категорий.

Если обратиться к материалу такого рода исследований, то легко можно убедиться, что категории рациональной грамматики взяты из развитой письменной речи. Далее с их помощью описываются бесписьменные языки (где тексты только звучат). Это относится не только к языкам, не входившим в древние цивилизации, но и к национальным языкам Европы (да и не только Европы). Так, русский литературный язык, хотя и очень близок к письменному церковнославянскому, но он формировался все же в основном на материале устной русской речи и был кодифицирован посредством «переводной грамматики» (например, грамматики М. Ломоносова [10]). И китайский язык со времени Ма Цзянь-чжуна постепенно приобретает форму «путун-хуа» — «общепонятного языка», который и есть национальный язык, построенный на материале устной речи и кодифицированный по «переводным» правилам грамматической традиции.

В XVIII в. становится очевидно, что разрешение проблем, имеющих отношение к деятельности нашего сознания, сопряжено с разрешением проблем языка, существование которого столь тесно связано с существованием сознания. В рамках широких исследований о сущности человеческого знания, о природе, истоках и происхождении человеческого мышления важное место в XVII — XVIII вв. отводится исследованию языка, в частности вопросу возникновения языка: если установлено, что без языка невозможна мысль, то как же тогда возник сам язык со всеми его сложнейшими формами? Ведь само «изобретение» языка является продуктом речемыслительной деятельности. Эти проблемы становятся предметом самого широкого обсуждения.

Особенно заметный в XVIII в. рост интереса к проблеме возникновения языка связан с влиянием идей Ж. Ж. Руссо. В появив

ихся под его воздействием трудах авторы стремились в первую очередь найти приемлемое решение (логическое, психологическое или теологическое) проблемы возникновения сознания. Причем общим для этих работ недостатком было неразграничение, а подчас и неразличение двух сфер теоретических построений: сферы чисто гипотетических реконструкций и сферы доказательного рассуждения, аргументированного имеющимися данными позитивных наук.

I. Лингвистические аспекты общественно-языковой практики в Европе XVI—XVIII вв.

В XVI—XVIII вв. в большинстве стран Европы развертывается интенсивная деятельность в области теории языка, направленная на решение вопросов, вытекающих из новых условий и нужд общественно-языковой практики. Лингвистическое осмысление общественной языковой практики ведется в целом ряде направлений.

К вопросам, поставленным перед теорией языка в этот период, относятся: 1) решение проблемы создания национального языка и общеязыковой нормы; 2) построение национальной грамматики; 3) выработка графологических норм для соответствующих языков, т.е. решение проблемы адекватной графической (печатной) интерпретации устно-речевого текста; 4) унификация орфоэпических норм; 5) создание литературной нормы национального языка и решение проблем стилистики; 6) этимологическое и историческое осмысление состава национального языка; 7) обследование языкового состояния общества в целом (в границах государственных образований и в общемировом масштабе), сопровождающееся попытками установления взаимоотношений между языками, определяемых как экстралингвистическими, так и внутриязыковыми факторами.

В сознании теоретиков языка XVI—XVIII вв. все эти проблемы были между собой тесно связаны.

Чисто технические достижения в развитии книгопечатания оказывают огромное и далеко идущее влияние на гуманитарные аспекты общественного развития, оказываются теснейшим образом связанными с преобразованием всего языкового облика общества. Появление тиражных текстов создает все условия для стандартизации обучения, для роста темпов языковой коммуникации. Для удовлетворения потребности в распространении знаний, продиктованной бурно развившимся машинным производством, требовавшим все большего числа подготовленных людей. Конечно, «правильные», канонические языки, как, скажем, латынь (для Европы), в силу своей развитости, унифицированности, отработанности и использования на обширных территориях были пре-

красным средством для быстрого распространения просвещения. Однако в новых исторических условиях, когда печатный станок открыл широкие возможности для ускорения темпов передачи информации и вовлечения все больших масс людей в сферу обучения, канонические языки уже не могли выступать как адекватное средство для достижения поставленных общественным развитием целей, в силу определенных политических, идеологических, экономических и этических условий их сосуществования с «неправильными», народными языками, а также в силу особенностей становления наций и развития национального самосознания. Поэтому общество направляет свои усилия на изменение «неправильных» языков, которое одновременно отвечало бы требованиям этой первой (в истории обращения с языком) «машинной переработки» речи. Подобное изменение языка — преобразование языкового поведения людей — осуществляется в процессе формирования национальных языков, процессе, целенаправленном и осознаваемом теорией языка и обществом в целом.

Создаются письменные языки — стандартные, литературные — на национально-языковой базе. Каждый такой письменный язык утверждается теорией языка и общественно-языковой практикой в качестве нормы. Эта норма выступает как система графических (и типографских) знаков, с которой общество стремится согласовать всю языковую деятельность своих членов. Это языковое строительство идет под лозунгом «единство речи и письма», который, однако, действует совершенно иначе, чем прежде: движение теперь совершается от письменного языка к устному — через школу, грамматику, словари (орфоэпические, толковые, орфографические).

В условиях диалектной пестроты внутри складывавшихся наций сделать это оказывается нелегко. Устный народный язык продолжает развиваться. Но стихийному развитию все более противостояла нормализаторская деятельность грамматистов, литераторов, салонов, академий и издательств. Под влиянием этих становившихся все более могущественными сил находилась и школа. Происходит длительный и трудный процесс выкристаллизации из всей совокупности письменных (письменно-печатных) текстов некоторого эталона письменного языка. Процесс становления языка-эталона привлекает к себе внимание значительной части общества. Обсуждаются, отбираются и отрабатываются элементы письменной нормы, на которую ориентируется отныне устная норма. Пересматривается весь инвентарь письменных знаков (графика), система соотношений между элементами письменной нормы и устной нормы (орфография). Обе эти нормы реализуются в письменных и устных текстах. Пересматривается также инвентарь устной нормы в части орфоэпической. Транспонирование письменной нормы в устную (произношение, орфоэпия) и устной

Нормы в письменную (правописание, орфография) происходит в одних коллективах легче, в других — труднее. Постепенно диалекты все более теряют свою самостоятельность.

Большую работу были призваны проделать ученые в рамках образованных в XVI—XVIII вв. национальных академий. В 1587 г. была основана знаменитая итальянская Академия делла Круска, в 1635 г. — Французская академия, в 1783 г. — Академия Российская. Были изданы авторитетные труды, регулирующие письменную и устную общественно-языковую практику. В 1612 г. вышел «Академический словарь итальянского языка». Большой резонанс в кругах европейских гуманитариев получил завершённый в 1694 г. «Словарь Французской академии». В деле стандартизации русского общенационального языка большую роль сыграл изданный в 1789—1794 гг. «Словарь Академии Российской». На почве английской культурной жизни не возникло органа, столь авторитетно регулирующего языковую жизнь, как это делалось перечисленными национальными академиями. Но вместе с тем именно в Англии бурно развивается лексикографическая работа; начиная с 1704 г. составляются многочисленные толковые, произносительные, орфографические и прочие словари.

Деятельное участие в работе по нормализации и развитию национальных языков наряду с учеными принимали и видные писатели. Как в практическом, так и в теоретическом отношении необычайно много сделали: для становления итальянского общенационального языка — Данте Алигьери (XIV в.), французского — Ж.Дюбелле, П.Ронсар, Робер и Анри Этьен и другие деятели Плеяды (30—80-е гг. XVI в.), английского (XVIII в.) — Д.Дефо, Дж.Драйден и др., русского (конец XVIII в.) — Г.Р.Державин, Д.И.Фонвизин, И.Ф.Богданович, Я.Б.Княжнин и др. Актуальность утверждения национально-языкового узуса, выработки нового «правильного» языка диктовалась в значительной мере практикой развивающегося книгопечатания. Но не только. Не менее актуальны были эти вопросы и для культурных слоев общества в целом.

Борьба с латынью в Западной Европе и с церковнославянским языком в России и некоторых других славянских культурно-языковых ареалах осознавалась прежде всего как проблема равенства канонических и народных языков. Латынь и церковнославянский постепенно утрачивают свои позиции и наконец окончательно вытесняются письменными языками, построенными на национально-языковой основе. Но, сдавая свои позиции в общественно-языковой практике, они обогащают своими формами (в произношении, написании, грамматике) и своей лексикой национально-литературные языки, способствуя приданию им интеллектуального и рационального характера. Особенно это важно в синтаксисе, что позволяет сделать более гибкой структуру речи средневековых народных языков. Серьезные изменения в итоге проис-

ходят и в фонетике, и в морфологии, и в графике. Социальным субстратом этого процесса выступает образованная часть общества — движущая сила формирующейся новой культуры.

Отсюда все более настоятельным становится требование построения национальных грамматик. С этим, в свою очередь, был сопряжен вопрос о правильности, рациональности и обычае в языке, вопрос об обогащении национальных (народных) языков за счет языков наднациональных (канонических). Вопрос о необходимости заимствований был ясен. Он выступал как осмысление естественного процесса восприятия и освоения в национальных языках выработанной и общеутвердившейся в канонических языках научно-культурной терминологии. Неясен был вопрос о возможностях и пределах заимствований из канонических языков (для Европы — из латинского, греческого, церковнославянского), вопрос о путях и формах освоения, ассимиляции заимствований. С этим была связана и проблема создания литературного языка, непосредственно сопряженная с новой поэтикой. Все эти вопросы были поставлены самой общественно-языковой практикой и ею же стихийно разрешались — разными путями. Теория языка была призвана ликвидировать этот разнобой, найти рациональное, приемлемое с точки зрения науки и национального самосознания решение этих вопросов.

Сложность интеллектуальной жизни Европы того исторического этапа, неравномерность культурно-исторического развития отдельных наций, множественность философских идей нового типа и одновременно остаточное влияние миропонимания, эстетики и философии Средневековья — все это нередко сказывается в противоречивости и эклектичности идей в области теории языка и разноречивости практической деятельности в области языкового строительства в разных странах. Это находит свое отражение и в неодинаковом понимании проблемы узуса и социальной нормы языка, как устного, так и письменного, и в разнообразии путей и средств построения литературного языка, и в оценке роли личного и коллективного в языковом творчестве, в частности в создании образцового, стандартного языка.

В Италии, например, — стране, первой вступившей в эпоху Возрождения, — в силу особых исторических условий, прежде всего в силу политической и социально-экономической раздробленности, не было такого центра, который занял бы преобладающее положение и язык (диалект) которого получил бы распространение и признание как официальный и национальный язык, подобно тому как это было, скажем, во Франции, в Испании, Англии. Поэтому общий итальянский язык возникает, развивается в форме языка литературного, и лишь много столетий позднее он осмысляется (с окончательным политическим объединением уже в Новейшее время) как национальный язык [см. 64].

Распространением единого литературного языка Италия обязана необычайным художественным, эстетическим и гуманистическим достоинствам сочинений Данте (1265—1321). Но еще до Данте во Флоренции бурно расцветают искусство и литература. Чимабуэ (Ч.ди Пепо), Гвидо Гвиницелли и другие выступают за распространение родного языка в качестве литературного. Ф. Петрарка и Дж. Боккаччо затем окончательно утвердили литературный язык, в основу которого, начиная с сочинений Данте, легло флорентийско-тосканское наречие с некоторыми вкраплениями латинизмов, галлицизмов и единичных заимствований из других итальянских диалектов. Усилиями сначала П.Бембо [см. 31], а затем итальянской Академии делла Круска литературный язык был приведен в систему. Отсюда становится понятной та связь (сохранившаяся и поныне) лингвистических и эстетических проблем, которая характерна для теории языка, развивающейся на итальянской почве, связь, особенно ярко выявившаяся в творчестве Данте [см. 2; 53—56]. Отсюда берет свое начало и убеждение в возможности законодательного регулирования языка. Эти идеи были восприняты французской лингвистической традицией и через нее получили дальнейшее распространение в европейском и мировом языкознании.

К сожалению, законодательное регулирование итальянского языка сопровождалось крайними проявлениями пуризма как по отношению к латыни, иноязычным заимствованиям, так и по отношению к другим итальянским диалектам (некоторые из них — венецианский, неаполитанский, пьемонтский, сицилийский — и до сих пор сохраняют свою литературную самостоятельность).

Подобная тенденция отнюдь не свойственна французской лингвистической мысли, для которой с самого начала была характерна широкая постановка проблемы обогащения языка. «Офранцузивание» заимствований, в частности заимствований из классических произведений Античности, особенно широко шло в сфере лексики.

Много общего и идущего от Италии было во взглядах французских и итальянских теоретиков языка XVI в. в области создания нормы письменного языка, решения графологических аспектов общественно-языковой практики [см. 28]. Достаточно указать, например, на то влияние, которое оказали работы Дж.Триссино и других итальянских теоретиков культуры языка на формирование взглядов Л. Мегре, Пельтье дю Ман, Ж.Дюбелле [цит. по: 19, /77]; [см. также 20; 32].

В отличие от Италии с ее многочисленными городами-государствами, существовавшими еще в XVI—XVIII вв., с ее раздробленностью (чему способствовали нашествия французов и австрийцев) во Франции уже в XVI в. как в общественно-языковой практике, так и в теории языка четко осознается превосходство диа-

лекта столицы (и двора) как центра нации и формируется понятие национального языка, противопоставленного диалектам как подчиненной разновидности того же общенационального языка.

К середине XVII в. проблема французского национального языка была в целом уже решена. Для становления нормы французского языка было характерно сближение деловой и художественной языковой практики и осмысление этой практики в эстетической и лингвистической теории [см. 20]. При выработке научной, технической и культурной терминологии французский язык шел, особенно в XVI—XVIII вв., по линии словотворчества и заимствований из латыни, греческого и итальянского, из диалектов и профессиональных языков, а не по линии терминологического осмысления обыденных слов путем их логического определения и семантического моделирования. Но и этот второй путь со времени Р.Декарта стал достаточно типичным для французского литературного языка, что впоследствии привело к появлению пурристических тенденций и во Франции.

Немецкий национальный язык возникает и формируется как некая наддиалектная форма, как койнэ, не на устно-разговорной базе, а на базе письменной, литературной нормы. Между прочим, это сказалось и на графике, и на орфоэпии немецкого языка. В частности, сближение устной и письменной нормы идет по линии влияния письма на произношение. Деятели национально-языкового строительства в Германии с самого начала исходили из требований установить стандартную норму, которая ни в графике, ни в произношении не копировала бы языковое состояние какой-либо одной провинции или социальной группы.

Освоение грамматической теорией новых языков, народных языков начинается, как известно, с создания грамматик, написанных на канонических языках: латинском — для языков Западной Европы, церковнославянском — для языков Восточной Европы. Уже в новое время появляются отходящие от греко-латинской традиции чисто эмпирические описания, как, например, работа Якова Мадсена Ааруса «О буквах две книги» [18], дающая, в частности, систематическое описание звукового строя датского языка и некоторых его диалектных особенностей, или «Грамматика английского языка» [105] Дж.Уоллиса.

Если не считать некоторую словарную работу (см., например: относящиеся к 1596 г. две публикации Л.Зизания [7; 8]), в России на протяжении XVI и до конца XVII вв. теория языка не выходит за пределы рассмотрения канонического церковнославянского языка. Это объясняется полным господством церковнославянского как языка письменного — языка литературы, государства, делопроизводства в России того времени. Еще в XVI—XVII вв. в Московском государстве в школах и письменном общении пользовались южнославянскими компиляциями поздневизантийских грамматик.

Среди них можно, например, упомянуть дошедший в различных списках трактат «О восьми частях слова», приписываемый Иоанну, экзарху болгарскому (X в.), или сочинение «Словеса вкратце избранна» сербского ученого Константина Грамматика (XIV в.). Вместе с тем в XVI—XVII вв. в России появляются и свои труды — отдельные общие и многочисленные частные, зачастую анонимные, работы по вопросам грамматики, фонетики, орфографии, лексики и просодики. Одними из первых таких работ были печатавшиеся вместе с переводами церковных книг, а позже — в приложении к грамматическим трактатам — комментарии и статьи Максима Грека (первая половина XVI в.). Они следуют в основном южнославянской и византийской грамматическим традициям. Иногда появляются и работы, свидетельствующие о влиянии греко-латинской грамматической традиции в том преломлении, которое она получила на почве западноевропейской грамматической теории. Особую известность среди этих работ приобрели славянская грамматика Л.Зизания [см. 8] и вышедшая в 1618 г. в Литве славянская грамматика Мелетия Смотрицкого [см. 13], которая впоследствии была положена в основу многих грамматических трактатов о славянском языке и вместе с тем служила главным руководством при обучении грамоте в России вплоть до конца XVIII в.

Книгопечатание в России начинается во второй половине XVI в. Издание в 1648 г. церковнославянской грамматики (переделка, незначительная, грамматики Мелетия Смотрицкого) открывает эпоху, когда теория языка благодаря печатному станку, осуществляющему тиражирование текстов, получает возможность расширить сферу своего приложения в общественно-языковой практике.

Первая грамматика русского языка была грамматикой так называемого миссионерского типа. Она была издана в 1696 г. в Оксфорде на латинском языке английским ученым Г. В.Лудольфом [см. 81].

С образованием новых литературных языков на базе народной речи связано дальнейшее их освоение теорией языка, создание грамматик на этих новых литературных языках. Этот процесс начинается и проходит в Западной Европе раньше, чем Восточной. Одной из первых грамматик этого рода явилась французская «Грамматика» Петра Рамуса, вышедшая в 1562 г. [см. 91].

С началом формирования литературного русского языка появляются его описания, выполненные русскими учеными на русском языке. Особого внимания заслуживают сочинение В. К.Третьяковского о принципах русской орфографии «Разговор между чужестранным человеком и российским об орфографии старинной и новой...» [15], вышедшее в свет в 1848 г., и «Российская грамматика» М.В.Ломоносова, изданная в 1755 г. и являющаяся первой русской грамматикой, написанной на русском языке [см. 10].

Работа Третьяковского была посвящена преимущественно вопросам соотношения графической системы и звукового строя русского языка, т.е. соотношения двух норм — письменной и устной.

Работа Ломоносова — это цельное теоретико-практическое построение. Описание Ломоносовым современного русского языка не лишено весьма явственно проступающего влияния грамматиков классической традиции в том виде, как она преломилась на европейской почве. Это влияние прослеживается и в общих воззрениях на язык, и в методе описания грамматических категорий, и в характеристике самих этих категорий. Переносу классической грамматической традиции на русскую почву способствовали и особенности общественно-языковой практики грамотной части русского общества — его двуязычность, использование письменной формы церковнославянского языка наряду с письменной и устной формами русского языка. Органическая связь живого русского языка с каноническим церковнославянским, влияние на формирование русской грамматики грамматик церковнославянского языка, регулирующее влияние церковнославянской языковой нормы на письменный русский язык — связь и влияние в целом благоприятные с точки зрения культурообразования — не могли, конечно, не наложить свой отпечаток на грамматические описания русского языка. Грамматика Ломоносова была именно таковой; она дала характеристику не обиходного, а книжного русского языка, как он сложился в результате скрещения славянской и русской норм. Именно этот подход был взят затем за основу в грамматических работах по русскому языку второй половины XVIII в. Кроме того, он наложил отпечаток и на общественно-языковую практику — именно на процесс создания литературного русского языка в его новой норме.

Теория языка рассматриваемого периода стремится осмыслить состав национального языка в этимологическом и историческом освещении; это стремление становится особенно характерным в связи с пробуждением национального самосознания и становлением национальных языков в их литературной форме. Соответствующие работы появляются и в Италии, и во Франции, и в Англии, и в России, и в других странах. Наиболее яркие среди них — работы Ж. Менажа: «Истоки французского языка» [85]; «Этимологический словарь французского языка» [86]; «Истоки итальянского языка» [87], а также работа О.Феррари «Истоки итальянского языка» [64].

В рассматриваемый период остро стоит вопрос о нормировании графической стороны языка. Орфография таких языков Европы, как французский, английский, русский, создавала значительные трудности в общественно-языковой практике. Выдвигаются различные проекты реформы орфографии. Большинство из них

носит утопический характер и терпит неудачу. Это объясняется разными причинами, прежде всего непониманием того, что попытки привести орфографию в полное соответствие с произносительными нормами сами по себе противоречат соотношению норм жизни и функционирования устного и письменного языка. Письменный язык, раз сложившись, стремится к тому, чтобы сохраниться в неизменном виде (речь не идет о лексике), тогда как устный язык неизбежно подвергается непрерывному изменению. В этом состоит различное выражение формы существования и преемственности устного и письменного языка. Устный язык, речь, изменчив именно в силу того, что он существует во времени и измеряется в единицах времени. Письменный язык может существовать во времени и быть понятным лишь при условии своей неизменности. Если мера жизни устного языка с точки зрения его понятности исчисляется несколькими поколениями, то письменный язык рассчитан на несравненно более долгий отрезок времени, а для этого он должен быть минимально изменчивым. Когда авторы проектов реформы письма выступали с требованием писать так, как слышим (образцом таких проектов применительно к русскому языку был, например, упомянутый выше трактат Тредиаковского [см. 15]), они не учитывали всех историко-социальных и функциональных особенностей письменного и письменнопечатного языка.

Хорошо известно, что в цивилизованных обществах с развитой литературной традицией письменный язык обладает известной автономностью относительно устного языка, автономностью, обусловленной не столько особенностями языкового материала, сколько функциональными особенностями письменных и устных текстов, так как письменный текст характеризуется иными параметрами — как с точки зрения способа установления отношения к той или иной ситуации, так и в плане пространственно-временных соотношений.

Вместе с тем функциональная сторона обеих языковых форм (устной и письменной) связана и с характером материала, из которого строятся знаки. Связь эта легко обнаруживается из следующего сравнения. Устная норма характеризуется разнообразием ритмико-мелодических, интонационных и, шире, просодических средств. Этим определяется ее роль как средства эффективного и непосредственного выражения всего богатства эмоциональных красок. Одновременно устной норме недостает средств для передачи информации, в том числе и эмоциональной, на расстоянии и во времени. Письменная норма, характеризующаяся меньшим репертуаром внешних средств, во всяком случае — меньшим набором вариантов, в которых реализуются графические инварианты, в силу специфики своего материала оказывается более эффективным средством передачи информации, особенно интел-

лектуальной, на расстояние и во времени. Эмоциональный эффект может быть в ней выражен дополнительными, описательными средствами. Вместе с тем, обладая такими различительными средствами, как разрядка, курсив, использование прописных букв, выделение абзацев, использование сносок, звездочек и т.п., разделяющих части большого текста по содержанию, письменная норма обходится первичными средствами там, где устная норма должна прибегать к помощи вторичных средств, таких, как пояснение, возвращение к сказанному ранее, и т.п. Таким образом, обе нормы в чем-то уступают одна другой, в чем-то превосходят одна другую, а в целом дополняют друг друга.

С XVI в. в процесс развития теории языка оказалось включенным звено, которое сыграло весьма существенную роль как в области общественно-языковой практики (в сфере создания национальных языков), так и в области становления языкознания и, соответственно, самого предмета лингвистического описания. Это — проблема печатной интерпретации устно-речевого текста. От решения этой проблемы зависит то, насколько успешно удастся сделать легко обозримым все многообразие текстов мирового языка: письменного ли, устного ли — безразлично. В предмете лингвистического описания устный текст при необходимости получает для целей лингвистического анализа ту или иную графическую интерпретацию (это относится и к бесписьменным языкам).

Таким образом, хотя практически многие языки и многообразные языковые типы были известны уже средневековым ученым, тем не менее лишь с распространением книгопечатания вся эта информация о многочисленных языках мира могла стать сопоставимой и действительно доступной научному знанию. Поэтому именно на рубеже XVI — XVII вв. открывается новая эра в лингвистике, зарождается новое языкознание¹.

¹ Как известно, для того чтобы осуществить тиражирование текстов, необходимо иметь печатные литеры из типографского сплава, употребляемые как подвижный шрифт. Создание такого шрифта означает стандартизацию графем. Известно, что история мирового книгопечатания насчитывает несколько веков. Вначале появились ксилографические издания, затем стали употреблять шрифты из меди, ее сплавов или из дерева. Наконец, был открыт типографский сплав, который дает возможность обеспечить стандартность литеры. При ксилографической печати форма знаков зависит от почерка переписчика и школы скрибов, к которой принадлежит переписчик. При прямой гравировке шрифта каждый печатный знак, представляющих одну и ту же графему, отличается один от другого, так как рука гравера, подобно руке переписчика, накладывает индивидуальный отпечаток. При отливке литер не из типографского сплава соответствующий материал накладывает свой отпечаток на литеры, представляющие одну и ту же графу, и литеры теряют стандартность. Иоганн Гутенберг, изобретатель типографского сплава, создал материальную основу стандартизации графем. По этому именно он, а не изобретатель бумаги или печатного станка считается основоположником книгопечатания.

В печатном тексте благодаря типографскому сплаву литеры, представляющие одну и ту же графему, совершенно не различаются в восприятии. Искусство же переписчика накладывает свой отпечаток не только на интеллектуальные, но и на эстетические свойства текста. В этом обнаруживается фундаментальное отличие печатного текста от рукописи, где игра графем, являющаяся результатом искусства переписчика, создает неповторимость каллиграфической индивидуальности искусства, отличающей одну рукопись от другой и рукопись как таковую от печатного издания.

Отсюда понятно и то, почему письменная норма в допечатный период, характеризуясь большей вариативностью, а отсюда недостаточной стандартностью графем, более динамична, чем в печатный период. Письменный язык с развитием книгопечатания становится в целом более консервативным. Возрастает и его воздействие на устный язык. Например, роль спеллинга, правописания, оказывает все большее влияние на динамику произношения в современном английском языке.

Первым семиологическим вопросом книгопечатания является создание такого стандарта графем, который восполнил бы потерю, связанную с тем, что в печатном тексте (в отличие от рукописного) не представлено искусство каллиграфии. Отсюда вытекают следующие требования: 1) графемы должны быть такими, чтобы нормы прописи в любой школе скрибов могли быть с возможно большей легкостью сведены к этим графемам; 2) графемы должны быть такими, чтобы отношение между ними в строке печатного текста было совершенным как с точки зрения размеров литер, так и с точки зрения эстетики текста.

Первое требование парадигматическое, второе — синтагматическое. Синтагматическое требование, в особенности в его технологической части, обычно регулировалось только искусством первопечатника, тогда как парадигматическое требование создавало необходимость регулирования отношений между разными печатниками, с тем чтобы шрифтовое авторство не было утрачено, а шрифтовое разнообразие не привело к тому, чтобы страдали читатели и школы скрибов. Это регулирование, как известно, было разрешено путем создания типоразмеров шрифта соответствующими государственными актами.

В основании исторического процесса производства печатного **Текста** лежит такое соотношение письменной и печатной нормы, **При** котором печатный текст представляет собой транспозицию **Письменного** текста. Поэтому печатная норма выступает на арену общественно-языковой практики как вторичная система знаков-литер, где каждый знак этой системы репрезентирует письменный знак, а система печатных знаков как целое соотносится не **Непосредственно** с парадигмой звуков, а опосредованно — через **.-Парадигму** графем. Отсюда система соотношений выступает в сле-

дующем виде: система реалий — [система единиц устной нормы (факультативно)] — система единиц письменной нормы¹ — система единиц печатной нормы.

Но вскоре особые достоинства и новые функции печатной речи, формирующиеся в процессе охвата речевой коммуникацией больших масс носителей языка, создают все необходимые предпосылки для того, чтобы печатная норма выделилась в достаточно автономную систему. Это немедленно влечет за собой перестройку системы соотношений, которая выступает теперь уже следующим образом: система реалий — [система единиц устной нормы — система единиц письменной нормы (факультативно)] — система единиц печатной нормы.

Таким образом, в распоряжении общества оказываются три языковые нормы: устная, письменная и печатная. Это — новое усложнение языковых взаимоотношений внутри общества. (До сих пор мы имели дело лишь с устно-письменным билингвизмом.) Члены общества никогда не владеют всеми тремя нормами в одинаковой степени. Кроме того, есть определенная последовательность в переходе от одной нормы к другой (и третьей) в процессе обучения. В большинстве случаев путь таков: устная норма — письменная норма (через правописание) — печатная норма (через чтение). Хотя порядок перехода от одной нормы к другой может быть иным. Прежде всего имеется в виду обучение. Но речь может идти и о характере общественно-языковой деятельности индивида или группы индивидов, социальной или профессиональной категории лиц, когда та или иная языковая норма может занимать ведущее положение. Вследствие этого статус данной конкретной языковой нормы в системе общественно-языковой деятельности данного индивида или группы лиц меняется. В определенных условиях может иметь место переход и от печатной нормы к письменной и устной (через правописание и произношение).

Печатный язык постепенно занимает ведущее положение в целом ряде сфер языковой коммуникации. Особенности его сравнительно с письменным языком используются незамедлительно и разнообразно. Особенности печатной нормы по сравнению с письменной нормой обнаруживаются как в плане выражения, так и в плане содержания (как в субстанции, так и в форме каждого плана). Оставив в стороне субстанцию как выражения, так и со-

¹ Место письменной нормы в системе языковых ценностей изменяется еще на этапе становления письменностей. Когда письменная норма получает автономную относительно устной нормы, она в сознании языкового коллектива начинает осмысляться как первичная знаковая система, которая интерпретирует систему реалий, минуя устную норму, систему знаков звукового языка: знак знака превращается в знак вещи. Тогда как на первых порах, на заре письменности, письменная норма осознается лишь как вторичная знаковая система, надстроенная над первичной — устной нормой.

держания (различия здесь достаточно очевидны, хотя бы в материале, используемом для создания инструментов производства текста и самого текста — письменного и печатного), обратимся к области формы, где различия проявляются более значимо с функциональной точки зрения.

В письменной форме находят свое выражение индивидуальные и социальные варианты графем, графемных сочетаний и соединений. Это дает возможность легко, по внешним признакам, установить в отношении того или иного письменного текста как индивидуальное авторство, так и принадлежность к той или иной школе скрибов и эпохе. В печатном тексте эти особенности либо вовсе отсутствуют, либо представлены в значительно меньшей или минимальной степени. Поэтому в печатной форме подобное различие (авторства, печатной традиции и т. п.) осуществимо через различие по внутренним признакам печатной нормы в большей мере, чем по внешним (хотя и последние — пунктуация, разбивка на периоды, параграфы и т. п. — также могут учитываться). К таким внутренним признакам можно отнести способы грамматического моделирования печатных высказываний, употребительность дополнительных графических средств: графиков, чертежей и т. п.

Печатная норма имеет несомненные преимущества по сравнению с письменной нормой. Единообразие литер, их стандартность, хотя и затрудняет опознание автора печатного текста и снимает эстетические достоинства, присущие письменному тексту благодаря искусству каллиграфии, тем не менее представляет, несомненно, фактор социальной значимости: печатный текст читается и понимается с меньшим усилием, а следовательно, гораздо легче обозрим; информативная ценность печатного текста по сравнению с письменным текстом выступает более выпукло.

Печатный язык в гораздо большей степени, чем письменный, оказывает на речевую деятельность нормализующее, консервирующее воздействие. Его регулирующее влияние органически связано с его консервативностью. В силу широты распространения (благодаря тиражности и росту грамотности) печатный текст охватывает общество в целом, независимо от диалектных, областных и индивидуальных особенностей устной речи и даже локальных форм письменной речи. Лишь благодаря закреплению в печатном тексте письменно-печатная норма языка может быть понята всеми членами общества на оси синхронии, передана следующим поколениям и понята ими на оси диахронии. Поэтому твердость нормы — предпосылка самого существования письменно-печатной койне, что отнюдь не исключает ее развития, а напротив, предполагает его. Инновации, отобранные естественным процессом языкового самодвижения, в силу указанных выше особенностей могут быть легко распространены во все сферы применения данной письменно-печатной нормы.

Эта внешняя сторона имела глубокий систематизирующий смысл. Например, уже в XVI—XVIII вв. становится возможным быстрое и широкое распространение образования. Вследствие этого многие носители диалектной речи усваивают норму литературного языка. Происходит языковая консолидация общества в целом. Появляется общенациональная, так называемая наддиалектная (или внетерриториальная) норма, в основе которой лежит языковой стандарт культурной части общества, что, в свою очередь, облегчает процесс регламентации языкового употребления.

Характерным следствием такого развития общественно-языковой практики является, например, и то, что за исторически весьма короткий срок произошел сдвиг, вследствие которого простая грамотность уже более не обеспечивает возможности приобщения к рукописным текстам: без специального филологического образования грамотный человек не может успешно прочесть рукопись на известном ему языке и тем более не может постичь ее каллиграфических достоинств. Школы сcribes перестали существовать; распространились стандартные почерки, каждый из которых имел четко фиксированную социальную сферу применения. Писаная буква и сам процесс письма как система выражения смысла стали пониматься лишь как часть технологии производства речи на пути к печатному станку, как некое промежуточное звено производства.

В основе этих отношений лежит перемена системы интерпретации плана выражения языка.

В лингвистической системе звук интерпретирует графему; графема интерпретирует литеру. Отсюда в целом система интерпретации (оставляя в стороне звено реальных) имеет следующий вид: звук—графема—литера. Взятая в плане парадигмы, эта система имеет следующий вид: парадигма звуков—графема (парадигма графем)—литера. Литера стандартна и всегда тождественна самой себе. Отсюда две литеры текста, интерпретируемые одной графемой, в плане субстанции знака тождественны друг другу, и, следовательно, одна из них не может рассматриваться как модель по отношению к другой.

Поскольку парадигма звуков сама может интерпретировать литеру посредством сокращения пути интерпретации [парадигма звуков (графема, парадигма графем)—литера], приравнивание парадигмы звуков к литере (не имеющей парадигмы) создает представление о том, что и сами звуки, принадлежащие к одному по тому же инварианту (фонеме), не составляют парадигмы. Звук речи отсюда начинает мыслиться, как и литера, стандартным и неизменяющимся. Так создается предпосылка для формирования навыков стандартного произношения — по литерам. Одновременно формулируется и соответствующий принцип школьного обучения.

Однако книгопечатание не исходит непосредственно из устной речи: всякий печатный текст должен быть предварительно написан и есть достояние литературной речи. Но литературная письменная речь порождает в обществе билингвизм, при котором неграмотный настолько отдален от грамотного в лексической и грамматической системах, что и на родном языке литературная устная речь ему не понятна во всем ее объеме.

Отсюда введение системы литер создает в обществе противоречивое состояние, обнаруживаемое в планах выражения и содержания языковых систем: с одной стороны, реально существует прямая связь по интерпретации между фонемой и литерой; с другой стороны, словарь и семантика (грамматика) языка книги не могут быть поняты без владения письменным литературным языком.

Это противоречие не может быть разрешено без научного осмысления. Научное осмысление языка и сравнение языковых систем, наиболее представительных в культурном отношении, позволяет сформулировать рекомендации для выбора оптимального варианта. Дело в том, что в данном случае возможно множество конкретных решений и требуется избрание оптимального варианта, который может выявиться только при научном рассмотрении предмета.

Научная лингвистика идет в этой связи двумя путями, один из которых начинается несколько раньше другого. Первый путь — исследуются принципы построения плана содержания лингвистической системы (независимо от плана выражения конкретных языков); второй путь — исследуются принципы построения плана выражения языка (в его связи с планом содержания).

Первый путь — это путь универсальной грамматики, второй — сравнительно-исторического языкознания. У обоих есть то общее, что творцы научных систем создают метасистемы и находятся в позиции объективного наблюдателя.

Различие путей научной лингвистической деятельности связано с тем, что образы, формы научных моделей заимствуются научной лингвистической мыслью из философии и смежных наук. Поэтому в научных лингвистических системах всегда есть две стороны: философская и конкретная эмпирическая.

II. Эмпиризм и рационализм в философии языка XVII—XVIII вв.

На протяжении XVII—XVIII вв. среди основных вопросов, рассматривавшихся в трудах по философии языка, доминирующее положение занимали проблемы разработки средствами науки так называемого всеобщего рационального языка и проблемы онтологии языка.

В соответствии с общим духом времени, требованием теоретического обновления шла деятельная работа по созданию новых фундаментальных представлений о языке.

В XVII в. вырисовываются три концепции в области философии языка, представляющие собой оригинальные попытки философской интерпретации языка, попытки построения философской грамматики. Они в известной мере отражали как нужды общественной языковой практики, так и трудности, возникавшие в области внутринационального общения и обучения, в области межнационального общения, а также в сфере научного общения.

Эти уже четко обозначившиеся три разных направления в философско-языковом мышлении в значительной мере являются продуктом трех направлений в развитии новой философии и вместе с тем неразрывно связаны с научной деятельностью выдающихся умов Англии, Франции, Германии. В этих направлениях отчетливо отразились английский эмпиризм (от Бэкона до Локка), французский рационализм, нашедший свое наиболее яркое выражение в идеях Декарта и картезианской философии (термин «картезианский» происходит от *Cartesius* — фамилии Декарта в латинском написании), и научно-философская концепция Лейбница.

Фрэнсис Бэкон (1561 — 1626) в основу своей концепции философской грамматики положил разработанные в его трудах [см. 30] принципы индуктивного, эмпирического метода познания. Бэкон выступил с идеей создания своеобразной сравнительной грамматики всех возможных языковых образований, в которой нашли бы свое отражение достоинства и недостатки всех языков, дабы сделать возможной выработку на этой базе путем межъязыкового соглашения некоего общего и единого для человечества языка, который впитал бы в себя преимущества всех языков и, таким образом, явился бы идеальным вместилищем людских мыслей и чувств. По существу, у Бэкона речь шла о создании на базе наиболее распространенных европейских языков своего рода эсперанто, который мог бы выступить в роли совершенного средства общения. Эти соображения Бэкон излагает в работе «О достоинствах и усовершенствовании наук» [29], вышедшей в 1623 г.

Бэкон выдвинул положение о том, что наряду с естественным языком в человеческом обществе имеются средства, обладающие свойствами, позволяющими использовать их в функциях, которые выполняет естественный язык. В качестве таковых может выступать все то, что воспринимается органами чувств и наделено достаточным набором дифференциальных признаков для различения и выражения всего многообразия понятий. Свою мысль Бэкон иллюстрирует, между прочим, на примере монет. Он сравнивает слова с монетами, которые в принципе сохраняют свою ос-

новную функцию, независимо от металла, из которого они сделаны, что подчеркивает условный характер знака.

Рене Декарт (1596—1650) предложил идею создания так называемого философского языка, который должен обладать такой исходной суммой понятий и отношений между ними, которые позволяли бы в результате формальных операций по определенному алгоритму получать выводное знание, истинность которого априори гарантируется философским характером языка. Предполагалось, что вся сложная система человеческих понятий может быть сведена к сравнительно незначительному числу элементарных единиц. Отсюда представлялось, что решение вопроса зависит от нахождения тех далее неразложимых идей, из которых складывается богатство человеческих мыслей, от нахождения системы философского языка, основанного на истинной философии.

Декарт полагал, что следует установить исчисление всех мыслей-идей подобно установленному порядку естественного ряда чисел. Подобно тому как можно в один день научиться на каком-нибудь неизвестном языке называть и писать все числа до бесконечности, числа, которые во всяком случае представляют собой бесконечный ряд словесных комбинаций, — таким же образом должна быть найдена возможность сконструировать конечный список слов, необходимых для выражения всего того, что происходит и может прийти на ум человеку. Изобретение этого языка зависит, по Декарту, от истинной философии. Только она сможет перечислить мысли-идеи людей и расположить их в стройном порядке, делая их вместе с тем ясными и простыми. Все зависит от нахождения простых идей, из которых слагается все, что образует их разум. Такой язык, продолжает Декарт, имел бы только один способ спряжения, склонения и построения слов. Он вовсе не имел бы форм неполных и неправильных, возникающих вследствие привычки к искажению. Изменение глаголов и словообразование производились бы при помощи приставок, добавляемых к началу или концу коренных слов. Эти приставки находились бы в общем словаре. «Вульгарные умы», считает Декарт, пользуясь этими словарями, в течение шести месяцев свободно овладеют языком. Эту общую схему мыслимого им всеобщего искусственного языка Декарт набрасывает в письме к аббату Мерсеню [см. 57, 76—82].

У Готфрида Вильгельма Лейбница (1646—1716) лингвистические интересы развиваются в нескольких направлениях.

Во-первых, это близкая к общественной языковой практике область изучения взаимоотношений языков и установления генеалогии языков. Здесь он явился как бы предшественником сравнительно-исторического подхода к языкам. Лейбниц много сделал для Поощрения сбора сведений о многочисленных живых языках мира.

Во-вторых, это область лингвофилософских теоретических построений. В них обнаруживается теснейшая связь между его общепhilosophскими воззрениями и взглядами на сущность языка и задачи в области языкознания.

К числу философских и естествоведческих работ Лейбница принадлежат труды, в которых он рассматривает проблемы естественного языка. Среди них надо отметить его труд «Новые опыты о человеческом разуме» [76], написанный в 1704 г., но опубликованный впервые в 1765 г., а также опубликованное им в 1710 г. сочинение о происхождении народов [см. 75].

Лейбниц обратился к исследованию языка в связи с поисками общего научного метода, который давал бы возможность постичь существо мышления и служил бы средством научного открытия. В этой связи он критикует формальную логику, являющуюся в его представлении лишь средством доказательства, и говорит о необходимости создания новой логики, которая могла бы стать «искусством научного открытия». Логика, по его замыслу, должна стать «инструментом исчисления». Путь к созданию такой логики он видит в логическом анализе языка, который, по его мнению, должен привести к созданию универсальной логической символики, в которой имелись бы знаки, соотносящиеся со всеми предметами мышления, и правила оперирования знаками, что давало бы возможность отобразить всю картину мышления. Таким образом, идея Лейбница о создании универсального символического языка, иначе — философского языка, возникает в связи с его попыткой создания инструмента универсального логического исчисления.

Свои идеи о философском языке Лейбниц впервые сформулировал в диссертационном сочинении «Об искусстве комбинаторики» [77], где он наряду с другими вопросами рассматривает проблемы пазиграфии как «искусства сноситься посредством общих письменных знаков со всеми народами на земле, говорящими на разных языках, если только они знают эти общие знаки». Эта работа появилась в 1666 г. Лейбниц требовал от искусственного языка максимальной близости к логико-философским и математическим построениям. Он мечтал о языке как «орудии разума». Слова должны были не только передавать идеи, но и делать наглядным их соотношение. В основе концепции лежала аксиома: все сложные идеи являются комбинацией простых идей, так же как все делимые числа являются произведениями неделимых. При разложении сложных понятий на простые Лейбниц предлагает исходить из правил комбинаторики. Термины первого порядка — простые понятия. Термины второго порядка — пары простых понятий. Термины третьего порядка — три термина первого порядка или комбинация двух терминов первого порядка с одним термином второго порядка и т.д. Для установления тождественности сложный термин надо разложить на термины первого порядка.

{4так, все сложные понятия получены из «атомов» смысла. Рассуждения могут быть заменены вычислениями. Алгебраические превращения выразят процесс мышления.

Универсальная символическая характеристика предназначалась для служения трем целям: 1) быть международным вспомогательным языком; 2) быть простой системой символов для выражения всего существующего или возможного знания; 3) служить орудием открытия новых истин из уже известных (по формальным правилам).

В качестве материальной стороны языка Лейбниц предлагал взять «наиболее естественные символы», которые были бы кратки и удобны в употреблении, чтобы легко было обозреть сложные формулы. Они должны были делать возможным вывод понятия из начертания языка, поэтому Лейбниц положительно относился к использованию иероглифики.

Лейбниц предложил проект формализованного языка, который можно было бы употреблять и в письменной, и в устной форме. Выглядел бы он следующим образом: а) девять последовательных значащих цифр должны соответствовать первым девяти согласным латинского алфавита: 1 = /, 2 = c, 3 = d, 4 = / 5 = g, 6 = A, 7 = /, 8 = m, 9 = n...; б) десятичные разряды соответствуют пяти гласным: 10 = a, 100 = e, 1000 = /, 10 000 = o; 100 000 = u. Единицы более высоких разрядов можно обозначать двугласными сочетаниями, например: 1 000 000 = au.

Идеи Лейбница дали толчок развитию символической логики, а впоследствии оказались полезными в математической логике и кибернетике. Универсальная характеристика Лейбница представляет собой как бы переходный мостик от идеи философского языка, т.е. построения, претендующего на безупречную логическую классификацию всей суммы человеческих знаний, к формализованным языкам (исчислениям), заложившим общие основания для новейшей математической логики. Последние непосредственно соприкасаются с теорией автоматов, с разложением языка в его логической основе на дискретные элементы и возможностью конструировать язык машин.

Итак, при конструировании систем искусственных языков главная цель указанных выше проектов состояла в попытке создать некоторую логически объединенную систему символов, образно говоря, в поиске, по выражению Лейбница, «азбуки человеческой мысли». Убежденность в возможности построить такой философский универсальный язык основывалась на вере в реальную Исчислимость всех мыслительных моделей, если вычленив систему первичных элементов, универсальных характеристик, из которых эти модели строятся.

На развитие идеи создания искусственных символических систем огромное влияние оказала математика. Образцом ее прямого

влияния является, например, созданный Декартом на материале шести естественных языков цифровой символический язык со своим словарем и элементарной грамматикой. Декарт созданием начал аналитической геометрии, а Лейбниц разработкой дифференциального исчисления продемонстрировали преимущества символики¹.

У Бэкона, Декарта, Лейбница (исключая его эмпирико-языковедческие работы) и других исследователей [см., например, 106] построения в области теории языка не выходят за пределы философии языка, не содержат собственно лингвистического исследования существующих языков, их внутренней природы, их структуры.

III. Всеобщая рациональная грамматика. «Грамматика Пор-Рояль»

1660 год вносит существенное изменение в область теории языка: в Пор-Рояль (Франция) вышла в свет «Всеобщая рациональная грамматика», получившая известность как «Грамматика Пор-Рояль»² [см. 25]. Всеобщая (рациональная) грамматика — это уже нечто совершенно иное, чем «философская грамматика» Бэкона,

¹ Идея поиска так называемого философского языка, при всей ее умозрительности, стимулировала развитие областей, оказавшихся плодотворными для современной науки. Предпринятые указанными авторами попытки универсальной классификации понятий помогли выделить принципы классификации любой заданной частной системы понятий и создать классификационные языки, что имеет большое практическое значение для современной обработки информационных материалов. Классификационные языки могут использоваться для автоматического поиска и представляют собой простейшие виды информационных языков в современном их понимании. Кроме того, концепция философского языка содержала предположение о возможности формализации процесса логического вывода для получения новых знаний, оказавшееся очень плодотворным для теории компьютеров. Это направление в теоретическом плане представлено исследованиями по математической логике, а в практическом плане — попытками создать машину, способную решать логические задачи.

² Аббатство Пор-Рояль, находившееся под Парижем, представляло собой женский католический монастырь. В XVII в. оно явилось центром янсенизма (религиозно-социального движения, в основе которого лежало учение голландского теолога К.Янсения).

В XVII в. Пор-Рояль был одним из крупнейших центров просвещения во Франции. Пор-Рояль был хорошо известен своими учебными заведениями — женской и мужской школами, отличавшимися высоким уровнем преподавания. В этих школах помимо теологического давалось широкое светское образование, причем особое внимание уделялось изучению литературы, философии и языков. В числе первых учащихся мужской школы был великий Расин. Пор-Рояль был также и крупным центром научной мысли, где подвизалось немало ученых (например, Паскаль), отличавшихся передовыми для того времени взглядами и широкими интересами. В 1660 г. мужская школа по приказу правительства была закрыта, а в 1710 г. была закрыта и разрушена женская школа. В 1712 г. по повелению Людовика XIV, ставшего на сторону иезуитов в их борьбе с янсенистами, монастырь был сожжен.

«всеобщий (философский) искусственный язык» Декарта или «универсальный символический язык» Лейбница. Появление «Грамматики Пор-Рояль», и это очень показательно, знаменует оформление новой лингвистической концепции, затрагивающей все соприкасающиеся области — грамматику, филологию, словарную и лингво-этнографическую деятельность, логику, философию; оно является попыткой научно осмыслить строение и функционирование естественного языка, представленного во всем многообразии языков мира, вскрыть их единство и указать на их специфические проявления. Тем самым «Грамматика Пор-Рояль» кладет начало зарождению *общего языкознания* как научной дисциплины, открывает новую эпоху в исследовании языка.

По большей части силой внешних обстоятельств, как это часто случается, «Грамматика Пор-Рояль» еще в замысле, в процессе ее создания, оказалась как бы в фокусе новых, еще, может быть, не вполне ясно ощущавшихся в научной атмосфере собственно языковедческих идей и оживленной философской дискуссии, характеризующейся вполне определенно выявившимся кредо. Центром этой деятельности на тот исторический период была Франция (Пор-Рояль, расположенный под Парижем, по праву считался одним из благоприятнейших мест для научных размышлений и творчества), давшая миру Декарта и философию рационализма.

В своем наиболее важном сочинении «Рассуждение о методе, которым мог бы руководствоваться разум и который мог бы служить отысканию истины в науках» [58], а также в «Началах философии» [59] и «Метафизических размышлениях» [60] Декарт изложил ряд принципов, которые составили методологическое кредо рационализма: беспредельность познания мира; единство всех наук; общие дедуктивные принципы; приоритет логико-математического метода; осознание разума, теоретического мышления как высшей по сравнению с чувственным восприятием ступени познания, как единственного и непогрешимого критерия в акте познания. Ошибки, если они имеют место, происходят в познании только из-за вмешательства воли и игнорирования требований разума, когда желаемое принимается за истину (воля, по Декарту, индетерминирована, не зависит от разума); только разум, теоретическое мышление может быть источником теоретических положений науки, имеющих всеобщее значение (ибо отнюдь не все способно быть воспринято органами чувств), поэтому возможно и необходимо основывать человеческую деятельность в ее материальных и духовных сферах на рациональной основе, исходя из критериев разума. Отсюда главный тезис рационализма: Теоретическое мышление — это основа основ и важнейший, единственно заслуживающий доверия критерий.

Декарт решительно выступает против господства схоластики (продолжая в этом отношении линию Бэкона), умозрительности в науке и Философии, против догматически воспринятых знаний, сколь бы значительные авторитеты за ними ни стояли. Он выдвигает требование под-

вергнуть сомнению все то, что принимается ныне за истину. Он подчеркивает, что такого рода сомнение есть методологический прием с целью добиться максимальной уверенности в правильности знаний, а не самоцель, не упражнение в скептицизме, не убежденность в отсутствии чего-либо достоверного. Речь идет о введении так называемого принципа «методологического сомнения». Универсальное методологическое сомнение, по Декарту, должно явиться исходным пунктом подлинной науки.

Вывод, к которому пришел Декарт, состоит в следующем. Акт сомнения — это то, что несомненно существует. «Я мыслю, — следовательно, я существую» (*cogito, ergo sum*) — незываемое положение, которое может быть отправной посылкой теории познания, исходным пунктом всех логических выводов. (Однако Декарт допускает логическую неточность, не говоря уже о гносеологической стороне вопроса. И это сразу же было отмечено Гоббсом и Гассенди, а затем Кантом и другими виднейшими философами своего времени. Положение *cogito, ergo sum*, как это оказывается при ближайшем рассмотрении, есть умозаключение и потому тоже не есть абсолютно истинное.)

Декарт и его школа оказали значительное влияние на развитие логики.

Декарт ясно видел, что традиционная логика, восходящая к Аристотелю и служащая объектом схоластических упражнений со стороны ее интерпретаторов, может быть с успехом применена в качестве средства изложения и доказательства известных истин, но оказывается беспомощной в качестве инструмента получения новых истин в процессе научного исследования.

Весьма ограниченный набор логических средств и форм оперирования в традиционной логике, среди которых одна из ведущих ролей отводилась силлогизму (как средству изложения и доказательства того, что известно), должен быть, по мнению Декарта и его последователей, дополнен теми (вновь разрабатываемыми) логическими средствами и приемами рассуждения и умозаключения, посредством которых могут быть добыты новые истинные знания в науках о природе и в математических дисциплинах.

Это требовало выявления, обобщения и формализации реальных процессов научного мышления, введения аксиоматики и вообще разработки стройной дедуктивной теории.

Ранним образцом последней явились работы по геометрии и теории чисел Б. Паскаля — выдающегося французского математика и последователя Декарта. Работы Паскаля представляют собой пример разработки логики дедуктивного доказательства.

В этой связи надо упомянуть работу «Логика, или искусство мыслить» [27], известную как «Логика Пор-Рояль», написанную в конце 1650-х годов А. Арно и П. Николем и впервые выпущенную в свет (анонимно) в 1662 г. В этом труде нашло соответствующее отражение значительное влияние логико-геометрической концепции Паскаля. Книга была задумана как учебное пособие, но значение ее вышло далеко за пределы задач школьного обучения. Воспринявшая некоторые идеи картезианской философии, «Логика Пор-Рояль», явившая собой образец строгости и ясности мысли и формулировок, на долгое время заняла место главного руководства по формальной логике.

К середине XVII в. рационализм получил настолько широкое распространение, особенно во Франции, что захватил смежные области, в частности область логики.

Через логику рационализм проник в область теории языка. Наряду с понятием «картезианская философия» возникает понятие (и термин) «картезианская лингвистика», которое встречается и в современных работах по истории развития лингвистической мысли (см., например, работу Н.Хомского [39]). Употребляя наименование «картезианская лингвистика», как правило, имеют в виду «Грамматику Пор-Рояль», ее модификации, а также работы, выполненные в соответствии с общими идеями «Грамматики Пор-Рояль».

Такой взгляд, по нашему мнению, неправилен. Во-первых, идеи Декарта в области философии языка, его попытки использовать язык в целях философского конструирования служат целям объяснения логики через язык, к чему «Грамматика Пор-Рояль» не имеет никакого отношения, ибо она делает прямо противоположное — объясняет язык через логику. Во-вторых, идеи универсализма и рационализма, сформулированные Декартом, Спинозой, Локком и другими мыслителями того времени, естественно, могли соотноситься и перекликаться со взглядами авторов «Грамматики Пор-Рояль», в частности Арно, и, следовательно, в общей форме и с соответствующими трансформациями могли отразиться в той общелингвистической концепции, которая была разработана в Пор-Рояль.

Наименование же *картезианская лингвистика*, слишком тесно ассоциируясь с понятием «картезианская философия», во-первых, позволяет думать о большем влиянии на «Грамматику Пор-Рояль» идей собственно картезианства (в рамках рационализма), чем это было на самом деле, и, во-вторых, приводит к недооценке весьма независимого характера и самостоятельного значения идей общего языкознания, сформулированных в «Грамматике Пор-Рояль» (и порожденной ею традиции), преуменьшает оригинальность ее идей и научную значимость. В-третьих, традиция всеобщей грамматики обнаруживает при ближайшем рассмотрении скорее влияние концепции соотношения языка и мышления Локка, чем Декарта с его категорией «врожденных идей».

«Грамматика Пор-Рояль» продемонстрировала характерное для своего времени стремление построить всеобъемлющую грамматическую систему на основе обобщения фактов ряда конкретных языков. Здесь, безусловно, сказалось материалистическое требование картезианской физики и философии объяснять мир исходя из самой материи и ее атрибутов, а также отразились идеи рационализма в их своеобразном преломлении в теории языка. Авторы «Грамматики Пор-Рояль» освободили свою концепцию от различных схоластических рассуждений, например «о скрытых качествах и свой-

ствах» языка, и попытались сформулировать общие законы построения языка-речи, отталкиваясь от универсализма и рационализма, руководствуясь уже ставшими для современников общепризнанными положениями картезианства и не связывая себя какими-либо схоластическими нормами и догматическими постулатами.

«Грамматика Пор-Рояль» дает глубокий анализ структуры языка, закладывая основы новой лингвистической традиции. Но, к сожалению, то, что составляет ее сущность, не всегда оказывалось понятным, каким-то образом случалось так, что прежде всего в центре внимания были и обсуждались (вплоть до современности) преимущественно слабые стороны этой работы, зачастую технического характера.

В этой связи Ф. де Соссюр, высоко ценивший традиции, заложенные «Грамматикой Пор-Рояль», справедливо замечает: «Классическую грамматику упрекали в том, что она не научна, между тем ее база менее подвержена критике и ее предмет лучше определен, чем у той лингвистики, которую основал Бопп. Эта последняя, покоясь на зыбком основании, не знает даже в точности, к какой цели она стремится. Не умея распознать разницу между настоящим состоянием и последовательностью во времени, она пытается работать одновременно в обеих этих областях» [14, 90].

«Грамматика Пор-Рояль» в действительности открывает собой совершенно новую страницу в языкознании. Можно считать, что с этого времени начинается научное исследование языка, что именно в ней впервые формулируется предмет лингвистического исследования, наделенный теми чертами, которые характеризуют общую теорию языка, общее и сравнительное языкознание.

Идеи, сформулированные представителями рассмотренных логико-философских направлений, а также авторами «Грамматики Пор-Рояль», в преломленном виде нашли свое отражение в последующем развитии языкознания.

Влияние идей Бэкона сказалось прежде всего в усилении роли эмпирических исследований и в развитии индуктивного метода в языкознании.

Весьма ценными и плодотворными оказались мысли Лейбница и Декарта о специфике языка науки и о необходимости поиска путей создания таких языков, которые могли бы удовлетворить потребности межнационального научного и культурного общения и новые запросы цивилизации.

Вместе с тем ошибочные положения рационализма, преуменьшение роли опыта (что особенно характерно для воззрений Декарта и его школы в отличие от эмпиризма Бэкона) и дедуктивный метод, возведенный в абсолют, порождали то, против чего всегда боролся сам Декарт. Они порождали тот своеобразный умозрительный подход, которым нередко сопровождалось рассмотрение и решение вопросов теории языка в некоторых позже оформившихся традициях.

«Грамматика Пор-Рояль» дала толчок развитию нескольких направлений в исследовании языка.

Возникло течение, занимавшееся вопросами философии языка.

Влияние «Грамматики Пор-Рояль» весьма существенно сказалось на выработке канона формально-грамматического описания языка.

Важным представляется влияние идей «Грамматики Пор-Рояль» в определении универсальных свойств и категорий языка. Это те свойства, которые в лингвистике XX в. получили наименование языковых универсалий, а в грамматических и логико-грамматических трактатах XVII и XVIII вв. рассматривались как категории универсальной (или всеобщей, или логической, или философской) грамматики.

Полное название «Грамматики Пор-Рояль» таково (в нашем переводе. — **Б. О.**): «Всеобщая рациональная грамматика, содержащая основы искусства речи, которые изложены ясным и простым языком; логические основы всего того, что есть общего между всеми языками, и главные различия между ними, а также многочисленные новые замечания по французскому языку» [25]. Вошедшие в лингвистическую терминологию сокращенные варианты — «Всеобщая теоретико-критическая грамматика», «Универсальная и рациональная грамматика», «Всеобщая рациональная грамматика». Последние два (в их разновидностях — «Универсальная грамматика», «Рациональная грамматика», «Всеобщая грамматика») стали с течением времени использоваться для обозначения способа грамматического описания, типа лингвистического исследования, стали видовым названием. Поэтому, чтобы избежать двусмысленности, за упомянутым выше сочинением в истории языкознания закрепилось и производное название «Грамматика Пор-Рояль».

«Грамматика Пор-Рояль» вскоре после ее появления была переведена на все основные европейские языки. Работа многократно переиздавалась, причем позднее к ней были добавлены приложение и комментарий. Так, одно из очередных изданий известный французский историограф Дюкло снабдил комментарием, расположив его в виде примечаний по главам и разделам «Грамматики». В 1756 г. «Грамматика» вышла с обширным дополнением Фромона, объем которого превышал первоначальный текст «Грамматики Пор-Рояль» и которое он озаглавил следующим образом: «*Reflexions sur les Fondemens de L'art de parler pour servir d'eclaircissement & de supplement a la Grammaire Generale et Raisonnee*» («Соображения об основах искусства речи, изложенные с целью разъяснения и дополнения "Всеобщей рациональной грамматики"»). На Шмюцтителе (после предисловия Фромона) дается несколько измененное название: «*Reflexions sur les Fondemens de L'Art de Parler ou la Supplement a la Grammaire Generale et Raisonnee*» («Соображения об основах Искусства Речи, или Дополнение к "Всеобщей рациональной грамматике"») [см. 25].

Получив в этом виде распространение в Европе, «Грамматика Пор-Рояль» оказала значительное влияние как на развитие общей теории языка, так и на утверждение норм описательных грамматик и вообще послужила образцом широкого подхода к языку. Вплоть до конца XVIII в. ее читают, комментируют, по ней учатся обращению с языком. Это, как сказал дю Марсэ, «великая книга о языке».

«Грамматика Пор-Рояль» явилась результатом творческого сотрудничества двух выдающихся профессоров в Пор-Рояль — философа и логика **Антуана Арно** и грамматиста и филолога **Клода Лансло**¹.

В годы, предшествовавшие написанию «Грамматики Пор-Рояль», Лансло много занимался проблемой преподавания языков. Его беспокоило то обстоятельство, что латинский язык продолжал занимать особое положение, что грамматика рассматривалась лишь как простое собрание правил, что она только предписывала нормы обращения с языком, не объясняя те законы, на которых основывается его устройство и функционирование.

Работая над созданием для школ Пор-Рояль учебных пособий («методик») по изучению латинского (1644), греческого (1655), испанского (1660) и итальянского (1660) языков, Лансло не мог не заметить грамматических аналогий в них. В свете распространившихся идей рационализма Лансло хотел не только объяснить причины сходств и различий этих языков, но и определить основные принципы преподавания, которые бы облегчили одновременное изучение нескольких иностранных языков. Он задумывает план создания всеобщей грамматики. Столкнувшись с трудностями, которые несколько приостановили его работу, он обсуждает их с Арно. Вот что он сам пишет по этому поводу в «Предисловии», помещенном в «Грамматике Пор-Рояль»:

Обязательство, которое я взял на себя, объясняется скорее стечением обстоятельств, чем моим собственным выбором. Работа над грамма-

¹ Антуан Арно (1612—1694) родился в Париже, в семье Арно Старшего, известного адвоката, яростного врага иезуитов. Сын продолжил борьбу отца с иезуитами. Борьба с иезуитами и преследования с их стороны заставили А.Арно сначала жить и работать вдали от Парижа, в аббатстве Пор-Рояль, а затем совсем покинуть Францию. А.Арно умер в Брюсселе в 1694 г. в возрасте 82 лет. Антуан Арно — автор многочисленных работ [22—24], касающихся самых различных областей знания. Полное собрание его трудов, изданное в Лозанне в 1775—1781 гг., составило 44 тома.

Клод Лансло (1616—1695) родился и учился в Париже. После смерти кардинала Ришелье, его врага, он создал в аббатстве Пор-Рояль школу и явился ее первым преподавателем и руководителем. К.Лансло умер в изгнании в 1695 г. и в возрасте 79 лет.

Клод Лансло — авторитет в области классических и новых языков, автор различных пособий для изучения языков в школах Пор-Рояль [см., например 73; 74].

тиками различных языков часто приводила меня к необходимости исследовать внутреннюю сущность известных явлений, которые либо являются общими для всех языков, либо свойственны некоторым из них. Так как иногда меня останавливали трудные случаи, с которыми я встречался в ходе работы, я обращался с вопросами к одному из своих друзей, никогда до того не занимавшемуся этого рода наукой, который тем не менее смог предложить мне много идей для разрешения моих сомнений. Более того, мои вопросы даже послужили причиной его долгих размышлений о подлинных основах искусства речи, о которых он и сообщил мне в беседе. Я же, найдя его доводы чрезвычайно фундаментальными, почувствовал, что моя совесть не позволяет мне не принять их во внимание, тем более что ни у древних грамматиков, ни у новых я не встречал ничего, что было бы более интересным и более верным в этом отношении. Поэтому, воспользовавшись вновь его добротой ко мне, я добился того, чтобы он продиктовал мне свои соображения в свободные часы. Таким образом, собрав их и расположив в порядке, я составил этот небольшой трактат. Те, кто питает уважение к трудам, руководствующимся требованиями теоретического мышления, найдут, возможно, в этой работе что-то для себя интересное и не пренебрегут этим предметом. Ибо речь — это одно из важнейших преимуществ человека, и не следует считать недостойным внимания вопрос пользования этим преимуществом со всем совершенством, которое подобает человеку. И это, следовательно, не только вопрос пользования речью, но и вопрос проникновения в ее сущность, дабы делать на научных основаниях то, что другие делают только по обыкновению [25, VIII—IX].

Так скромно характеризует Лансло свою роль в создании «Грамматики Пор-Рояль». В действительности она гораздо значительнее. Лансло ставит задачей не только описывать языковые факты, но и разбираться в них, объяснять их. Как педагог, занимающийся вопросами методики усвоения языка, он стремится научно подойти к вопросу языкового узуса (на что и обращает внимание в последних словах цитированного выше отрывка из «Предисловия»). Первоначально Лансло задумал лишь «всеобщую» грамматику, которая должна была стать результатом применения прежде всего эмпирического метода — сравнения разных языков, выделения явлений и правил, общих для них в целом и специфических для каждого в отдельности. Но после долгих и многочисленных бесед с Арно, который как раз в это время вместе с Николь готовит к **Изданию** свою знаменитую логику, и который, естественно, заинтересовался поставленными перед ним вопросами и ответил на **Них** как логик, в духе современных ему и разделявших их идей Рационализма. Так и сформировалась «Грамматика Пор-Рояль».

«Грамматика Пор-Рояль» основывается на принципе рассуждения как основного приема при объяснении языковых явлений. Разум универсален, поэтому только с помощью разума можно Разобраться во всем, что вне нас, а следовательно и в языке. **Всякий** объект исследования, доступный человеческому разуму, под-

дается рациональному объяснению. Именно такой рационально-философский комментарий языковых явлений получил Лансло от Арно. Они были введены в текст грамматики, которая в результате получилась не только «всеобщей», но и «рациональной», т.е. теоретико-критической.

«Грамматика Пор-Рояль», отвергла выдвинутое Вожла в «Заметках о французском языке» (1647) [103] требование ограничиться лишь наблюдением и констатацией фактов языков и, призывая к проникновению в сущность языковой жизни, выступила таким образом против идей Вожла¹, противопоставив им в целом новую концепцию. Это тем более важно, если учесть, что распространившаяся тогда концепция Вожла хотя и не претендовала на роль общей теории языка, но содержала в себе жесткую позицию в отношении сущности и происхождения языка и языков.

«Грамматика Пор-Рояль» предприняла попытку объяснить, что является языком; создать всеобщее популярное введение, описывающее наиболее значительные языковые явления; сформулировать для учебных нужд Пор-Рояль фундаментальные правила действия механизма языка. При этом Лансло ставил перед собой прежде всего практическую цель — облегчить изучение языков. Его всеобщая грамматика была своего рода методикой обучения иностранцам. Стремление написать работу с педагогической направленностью, основываясь на рационализме, четко выражено уже в самом названии, отмечающем, что это — всеобщая грамматика, содержащая основы искусства речи, объясняемые ясным и простым языком, и указывающая причины явлений, общие для всех языков, а также основные различия, которые существуют между ними. Хотя в заглавии говорится о всех языках, анализу же

¹ «Заметки о французском языке» [103] вышли в свет за 13 лет до появления «Грамматики Пор-Рояль». По мнению Вожла, для изучения языка достаточно наблюдать, слушать и описывать язык в той форме, в какой он выступает в своей реальной жизни. Из этого, разумеется, не следует, что Вожла совершенно исключал «рассуждение», ибо надо уметь отличить правильное употребление от неправильного. А это, как признает сам Вожла, не всегда легко установить [см. 103, 503, 562; 563]. Критерием, по его мнению, является то, что «санкционировано употреблением», хотя новые слова и обороты «могут правильно создаваться по аналогии» [103, 568]. При этом образец правильного употребления — это речь при дворе, а также язык лучших писателей. Таким образом, и Вожл¹ оказывается несвободным от так называемого предписания языку его нормы. Но это положение содержится скорее имплицитно. То же, что он декларирует, это отказ от объяснения фактов языкового употребления, от поиска тех общп¹ принципов, которые обуславливают это употребление. Отсюда его призыв НИ заниматься изменением или очищением языка ни на «рациональных» (теоретико-критических), ни на эстетических основаниях. Он решительно выступает против тех, кто, рассуждая о языке, осуждает многие распространенные явления только потому, что они якобы противоречат разуму. Таким образом, грамматическая концепция Вожла может быть охарактеризована как промежуточная: она уже Н* предписательная, но еще не рационалистическая.

подвергаются из древних — греческий, латинский и древнееврейский, из современных — французский (в основном), итальянский, испанский, менее — английский и немецкий, восточные языки упоминаются один раз. Предполагалось достаточным рассмотреть эти языки, чтобы вывести из них общие принципы для всех других.

Универсальная грамматика исследует план содержания языка, сближает литературную речь с разговорной, пытаясь поднять ее до уровня литературной. Универсальная грамматика исходит из положения о том, что система обучения рассматривает произносительные нормы устной речи в сопряжении с печатным словом. Универсальная грамматика подчеркивает, что главное состоит не в том, чтобы дать обучаемым запас слов литературной речи (который непрерывно растет), но в том, чтобы построить метасистему, позволяющую быстро формировать и осваивать содержание новых слов и таким образом преодолевать семиотический разрыв между двумя языковыми системами: разговорно-устной и литературно-письменной.

Для решения этой задачи нужно было определить семиотические правила, единые для разговорного и литературного языка. В соответствии с правилами научной индукции для этого необходимо сначала сравнить некоторое количество языковых систем и выделить общие для этих языков системы основных значений и их комбинаций. Затем по принципам неполной индукции распространить эти значения и их комбинации на прочие языки. Не исключено, что при этом появятся и противоречивые факты, но они, в свою очередь, могут быть учтены при перестройках и дополнениях системы, не затрагивающих ее отправных принципов.

Сравнительный анализ должен основываться на материале языков, относящихся к наиболее представительным культурам. При этом нет необходимости обращаться непосредственно к текстам, следует сравнивать системы как таковые и проводить сравнение на самом высоком для формирования смысла уровне. Только так можно обнаружить наиболее общие, касающиеся этого процесса законы.

Для сравнения были взяты системы письменных языков, так как, во-первых, эти языки как грамматические системы (в отличие от устных языков) были описаны и, во-вторых, это были языки развитые и во многом по диапазону выражаемого смысла совпадающие. Как следствие, они давали обширное поле для наблюдения.

Сравнивать же системы устных языков не представлялось обрванным, ибо они отражали разные уровни культуры и не были *рошо описаны. А сопоставление их, конечно, не дало бы результатов, отвечающих идее исследования.

Фундаментальное рассмотрение авторами «Грамматики Пор-Рояль» определенного, ограниченного по необходимости ряда языков и сформулированный ими способ их рассмотрения явились крупнейшим шагом вперед в теории языка.

Основные задачи «Грамматики Пор-Рояль» сводились к следующему: 1) исследовать природу слов, их строение и различные свойства, отношения между словами, их значения; 2) в результате исследования выявить общие, универсальные языковые принципы; 3) дать объяснение явлениям, лежащим в основании строения и функционирования языка; 4) выявить соотношения, связи между категориями и явлениями языка и категориями мышления.

Учитывая тот факт, что «Грамматика Пор-Рояль» в русском издании не всегда доступна, представляется целесообразным изложить перечень обсуждаемых ее авторами вопросов — в том виде, как они сформулированы в оглавлении к книге (в переводе автора данного раздела). Руководствуясь теми же соображениями, а также актуальностью проблем исторического универсализма, мы позволяем себе достаточно широкое цитирование текста «Грамматики Пор-Рояль» [25].

Книга разделена на две части, каждая из которых подразделена, и свою очередь, на главы.

Первая часть, в которой речь идет о буквах и графических знаках (письменности), состоит из шести глав. *Глава I.* О буквах как звуках. Прежде всего о гласных. *Глава II.* О согласных. Таблица согласных в латинском, вульгарных языках, греческом и древнееврейском. *Глава III.* О слогах. *Глава IV.* О словах как звуках, где говорится об ударении. *Глава V.* О буквах, рассматриваемых как знаки письменности. *Глава VI.* О новом методе легкого обучения чтению на языке любого типа.

Вторая часть, в которой говорится о принципах и мотивах, лежащих в основании разнообразных форм значения слов, состоит из 24 глав:

Глава I. Знание того, что происходит в нашем сознании, необходимое для уяснения основ грамматики, и это — то, от чего зависит разнообразие слов, составляющих речь. *Глава II.* Об именах, прежде всего о существительных и прилагательных. *Глава III.* Об именах собственных и нарицательных, или нарицательных. *Глава IV.* О числе единственном и множественном. *Глава V.* О роде. *Глава VI.* О падеже и предлогах, о тех, о которых необходимо говорить для уяснения какого-либо падежа. О номинативе, вокативе, генитиве, дативе, аккузативе, аблативе. *Глава VII.* Об артиклях. *Глава VIII.* О местоимениях. *Глава IX.* О местоимении, называемом относительным. Продолжение: Различные трудности грамматики, которые можно объяснить на основе изложенного принципа. *Глава X.* Рассмотрение правила французского языка о недопустимости релятива в положении после имени без артикля. *Глава XI.* О предлогах. *Глава XII.* О наречиях. *Глава XIII.* О глаголах и о том, что им свойственно и для них существенно. *Глава XIV.* О разнообразии лиц и чисел у глаголов. *Глава XV.* О различных временах глагола. *Глава XVI.* О различных наклонениях, или модусах, или

лов- Глава XVII. Об инфинитиве. Глава XVIII. О глаголах, которые можно назвать прилагательными, и об их различных видах, об активе, пассиве, нейтральном зшюге. Глава XIX. О безличных глаголах. Глава XX. О причастиях. Глава XXI. О герундии и супине. Глава XXII. О вспомогательных глаголах вульгарных языков. Таблица форм вспомогательного глагола *avoir* и времен, которые он образует. Два случая, когда вспомогательный глагол *etre* занимает место глагола *avoir*. Глава XXIII. О союзах и междометиях. Глава XXIV. О синтаксисе, или соединении слов в конструкции. О типах конструкций.

Грамматика определяется авторами как искусство речи (говорения). Говорить — значит выражать свои мысли с помощью знаков, производимых людьми с этой целью. Наилучшим образом это достигается при использовании звука голоса. Чтобы звуки сохранялись и передавались во времени, были изобретены буквы. В «Грамматике Пор-Рояль» читаем:

Грамматика — это искусство говорить.

Говорить — значит выражать свои мысли с помощью знаков, которые люди изобрели для этой цели.

Было обнаружено, что наиболее удобными знаками такого рода являются звук и голос.

Но так как звуки преходящи, то изобрели другие знаки, дабы prolonger их жизнь во времени и сделать их обозначимыми. Эти знаки — знаки письменности, которые у греков называются *ура\I\Iаха*, откуда и происходит слово «грамматика».

Таким образом, указанные знаки можно рассматривать в двух аспектах: во-первых, со стороны их природы, т.е. в качестве звуков и знаков письменности; во-вторых, со стороны их значения, т.е. способа, посредством которого люди обозначают свои мысли.

О первом пойдет речь в первой части данной грамматики, а о втором — во второй части [25, 1—2].

Разумеется, смысл слова «изобрести» в устах авторов «Грамматики Пор-Рояль» не может быть интерпретирован как некоторое Целенаправленное действие в некоторый момент времени. Под «изобретением» здесь (как и в дальнейшем) понимается **порождение**: язык — это порождение человека, продукт, естественно порожденный новым сознательным биологическим видом, его разумом, его духом, взятым за первичное, исходное. Причем это Предшествование духа языку не должно быть понято как такое состояние, при котором в некоторый период был разум, но еще не было языка. Здесь предшествование должно пониматься в логико-философском смысле, как последовательность логического Анализа соотношения «мышление—язык», т.е. наличие разума — Предпосылка языка; развитие разума, сама его способность развиваться — предпосылка развития языка. Операции мышления должны находить соответствие в сфере механизма языковых операций,

что имплицитно подчеркивается авторами «Грамматики Пор-Рекьяль». И это совершенно ясно в свете философии рационализма, лежащей в основе «Грамматики Пор-Рояль».

У знаков, отмечают авторы, можно выделить две стороны: внешнюю и внутреннюю. Первая, внешняя сторона — это то, чем они являются по природе, — звуки или буквы, т.е. «обозначения»; вторая, внутренняя сторона — это тот способ, посредством которого человек использует их для выражения своих мыслей, т.е. «значения».

Авторы «Грамматики» подчеркивают интеллектуальный аспект речи-языка, который составляет громадное преимущество человека, выделяя его из мира животных, и является самым ярким свидетельством разума: это именно тот способ, который мы употребляем для обозначения наших мыслей, и то замечательное открытие, которое заключается в том, что с помощью 25 — 30 исходных элементов, звуков, порождается неограниченное количество слов и предложений, служащих для выражения наших мыслей и духовных движений. (Здесь и во многих других местах «Грамматики Пор-Рояль» высказываются некоторые семиологические идеи, нашедшие столь блестящее развитие в методе Ф. де Соссюра и семиотике XX в.)

Для «Грамматики Пор-Рояль» чрезвычайно важно подчеркнуть, что язык изобретен человеком в соответствии с его мышлением и все формы его соответствуют формам и проявлениям разума. Авторы всячески подчеркивают, что хотя употребление и играет главную роль в языках, но это касается закона аналогии, а речь — сама по себе — это лишь отражение мысли. Употребление не может создавать выражений, которые не соответствовали бы по смыслу оригиналу, т.е. мысли, и которые, следовательно не основывались бы на разуме. Основные принципы каждого отдельного языка могут быть недостаточно ясно представлены в грамматиках этих отдельных языков, в то время как всеобщая грамматика ставит перед собой цель рассмотреть их более полно с помощью рационального изложения. Так, если в логике, которая представляет собой «искусство мыслить», разум является нормативным и служит для формулировки правил, то в грамматике, которая есть «искусство говорить», разум имеет сопроводительный характер и служит для интерпретации логических основ языка [см. 25, 243]. В зависимости от потребности и от законов мышления были введены те или иные части речи и синтаксические правила. Например, «падежи и предлоги были изобретены для обозначения отношений, связей, существующих между предметами» [см. 25, 232].

Первая часть книги посвящена разбору фонетико-фонологического и графического аспектов языка. В «Грамматике Пор-Рояль» читаем:

Часть первая, где говорится о буквах и о знаках письменности. Глава I. О буквах как звуках.

Прежде всего о гласных. Различные звуки, используемые в речи и называемые буквами, были найдены очень естественным способом, что и полезно отметить.

Так как рот является органом, который образует эти звуки, установили, что одни из них были настолько простыми, что им было достаточно одного раствора рта, чтобы звучать и слышаться и образовывать отчетливый голос; отсюда их название — **гласные**.

Было также замечено, что другие звуки, которые зависели от определенных работ тех или иных органов речи, как, например, зубов, губ, языка, нёба, представляли истинный звук (*son parfait*) только посредством того же раствора рта, т.е. при их соединении с первыми звуками; поэтому они называются **согласными**.

Обычно насчитывают пять гласных: *a, e, /, o, u*, но помимо того, что каждый из них может быть кратким или долгим (что является причиной значительного звукового разнообразия), при рассмотрении разницы между простыми звуками в зависимости от различной степени раствора рта можно прибавить четыре или пять гласных к пяти предыдущим. Ведь *e* открытый и *e* закрытый представляют два настолько отличающихся друг от друга звука, что можно говорить о двух разных гласных, как, например, в словах *teg* и *abismer* или же как первый и последний *e* в словах *nettee, serve* и др.

То же происходит и с *o* открытым и *o* закрытым: *cote* и *cotte, hotte* и *hotte*. И хотя *e* открытый и *o* открытый являются более долгими, а *e* закрытый и *o* закрытый — более краткими, тем не менее эти два гласных изменяются в большей степени, становясь открытыми или закрытыми, чем *a* или */*, становясь долгими или краткими, — и это одна из причин того, что греки изобрели для каждого из этих двух гласных по два графических знака в отличие от трех других гласных [25, 3—4].

Авторы разбирают звуки разных языков и их функционирование в составе слов, т.е. использование звуков для различения единиц, связанных со смыслом.

Приведем еще некоторые положения «Грамматики»:

Остается *e* немой, или «женский», который по своему происхождению является не чем иным, как глухим звуком, присоединяемым к согласным в тех случаях, когда они должны произноситься без гласности, например, если за ними непосредственно следуют другие согласные, как в слове *scatum*. В древнееврейском он именуется «шва» (*scheva*). Особенно это касается тех случаев, когда с него начинается слог. «Шва» обязательно обнаруживается во всех языках, сколь бы это ни было сомнительным из-за отсутствия специальной буквы, которая обозначала бы его. Но некоторые вульгарные языки, как немецкий и французский, имеют обозначение для этого гласного *e*, который прибавляют к другим, уже имеющимся; и, более того, говорящие на этих языках сделали так, что этот женский *e* составляет единый слог с согласным, как, например, второй слог в словах *nettee j'aimerai, donnerai* и т. п. [25, 5].

Таким образом, без учета разницы, которая существует между гласными одного и того же звука, по долготе и краткости, можно различить до десяти, не только простых, звуков, причем речь не идет о знаках письменности: *a, ё, ё, /, o, б, ей, он, и*, <?-немой. Можно заметить, кстати, что эти звуки произносятся с большим или меньшим раствором рта [25, 5-6].

Следует обратить внимание на терминологию, связанную с различием единиц описания: «звук» — «знак письменности» «буква». Латиница (с диакритическими добавлениями) выполняет роль знаков для звуков, т.е. буквы выступают, в сущности, в роли транскрипционных знаков для обозначения звуков-фонем. Понятие «гласный» — это не то же самое, что понятие «звук»: в пределах одного звукообразования могут быть долгий и краткий гласный. О гласных и согласных говорится и применительно к знакам письменности [см. 25, 24—25]. «Звук» и «знак письменности» — единицы совершенно разного плана, подчиняющиеся строгим правилам взаимной соотнесенности. Поэтому понятие гласности—согласности может быть квалификационно распространено и на графику. Кроме того, термин «звук» употребляется (по традиции) как эквивалент современного термина «звуковая оболочка слова» (см. ниже).

В разделе о гласных далее дается сводная таблица звуков по всем (рассматриваемым) языкам и квалифицируются виды встречающихся звуков. Например, указывается, что звуки могут различаться разнообразными своими свойствами, а некоторые из сходных звуков могут тем не менее различно выступать в словах.

Таким различительным свойством может выступать и придыхание: представленные в греческом алфавите *ср, х> Ф* не являются простыми звуками, так как состоят из согласных *т, х, т* и придыхания. Отмечается, таким образом, особая роль просодики: придыхание квалифицируется как явление, отличное от звуков, по отношению к которым буквы обычно являются эквивалентом.

Упомянув здесь вновь термин «буква», мы должны вернуться к началу фонетического раздела, где читаем:

Часть первая, где говорится о буквах и знаках письменности. Глава 1
О буквах как звуках... [25, 3].

Подчеркиваем — «как звуках». Это различение понятий «звук»-«буква» — «знак письменности» в контексте анализа звуковой стороны языков авторами «Грамматики Пор-Рояль» заставляет, как нам кажется, во-первых, снять распространенное предположение о наивном смешении звуков и букв (букв — в современном терминологическом смысле), а во-вторых, обратить внимание на различие авторами «Грамматики Пор-Рояль» букв (в их терминологии — *lettres*) и знаков письменности, т.е. графем (в их терми-

пологий — *caracteres de TēcnIIIze*), на фоне звуков (в их терминологии — *sons*). Представляется возможным интерпретировать соотношение *sons* и *lettres* как нечто, напоминающее в ряде случаев соотношение субстанции и формы в плане выражения языка (в современной терминологии).

В принципе, хотя и не без исключений, звуки и буквы выступают, с точки зрения авторов «Грамматики Пор-Рояль», как единицы разных уровней языкового строения, и вместе с тем и те и другие соотносятся с единицами графического уровня. С позиций современной теории языка это представляется правомерным. Но это различие последовательно не проводится «Грамматикой Пор-Рояль». В разделе «Слог» читаем:

Слог — это полный звук [законченное звукообразование (*son complet*)], в качестве которого иногда выступает одна буква, но который обычно слагается из нескольких букв, откуда и идет его название «слог» (*oi*)ХАарф], *comprehensio, assemblage* [25, 24].

Одна гласная может составить только один слог... согласные не могут сами составить слога, но должны сопровождаться гласными... [25, 24].

Представляет несомненный интерес глава IV, посвященная интерпретации слова как некоторой сложной единицы, вычленяемой посредством определенных операций (осуществляемых на фонетико-просодическом и графическом уровнях) над текстом — устным и письменным. Вот что мы читаем:

О словах как звуках, где говорится об ударении. Мы пока не рассматриваем слова со стороны их значения, а рассматриваем лишь то, что им соответствует со стороны звучания.

Словом называют то, что произносится отдельно и пишется отдельно. Есть слова, состоящие из одного слога, например: *la, /и, faint*, которые называются односложными, и слова, состоящие из нескольких слогов, например: *pe re, dominus, misericordieusement, Constantinopolitanorum* и т.п., которые называются многосложными.

Наиболее примечательным в произношении слов является ударение, которое представляет собой повышение голоса на одном из слогов слова, после которого голос обязательно понижается.

Повышение голоса называется «острым ударением» (*accent aigu*), а падение высоты (голоса) — «тупым ударением» (*accent grave*). Но так как и в греческом, и в латинском языках имелись некоторые длинные слоги, на которых голос повышался и понижался, то изобрели третье ударение, которое называлось «облегченным ударением» (*accent circonflexe*).

В древнееврейском существует много видов ударения, которые, как полагают, использовались в свое время в музыке и многие из которых сейчас имеют употребление, аналогичное нашим точкам и запятым.

Но ударение, которое они называют естественным, или грамматическим, всегда находится на предпоследнем или последнем слоге слова. Те ударения, которые стоят на предшествующих слогах, называются

риторическими и не препятствуют тому, чтобы другое ударение стояло на одном из двух последних слогов; здесь надо отметить, что один и тот же знак ударения... указывает на различие периодов и в то же самое время не утрачивает способности обозначать естественное ударение [25 32—33].

Из сказанного видно, что «Грамматика Пор-Рояль» описывает фонетическое слово как некоторый отрезок текста и дает определение в достаточной мере формализованное. (В некоторых работах по прикладной лингвистике встречаются определения вроде того, что слово — это последовательность звуков, отграниченная с двух сторон паузами, на письме — пробелами.)

Определение фонетического слова, вычленяемого «Грамматикой Пор-Рояль» на базе признаков звукоразделительности, разграниченности в потоке произносимой и звучащей речи, и факторов просодики (элементы интонационно-мелодического рисунка) нередко подвергается критике. Например, французский филолог Г. Арнуа пишет: «Это определение страдает крайней неопределенностью. Во всяком случае, мы не можем применить его ко всем языкам; более того, каждому известно, что то, что пишется раздельно, не всегда произносится раздельно» [66, 26]. Это замечание Арнуа, по меньшей мере, является критикой, неадекватной по предмету, если и не по способу логического оперирования. Ведь «Грамматика Пор-Рояль» не берет в качестве отправного пункта то, «что пишется раздельно». Надо полагать, авторам было известно то, на что указывает Арнуа. Задачей авторов, следовательно, было подчеркнуть, что если отрезки речи произносятся раздельно, то и пишутся они раздельно, вернее, должны писаться раздельно в соответствии с законами графической интерпретации звуковой речи, что, впрочем, не исключает возможности появления отклонений вследствие изменения языка и других факторов, в том числе языковых заимствований и т.п.; отсюда следует, что графику можно и должно совершенствовать, о чем и говорят авторы.

Таким образом, важно понять, что авторы говорят о фонетическом слове, о тех отрезках речевого текста, которые произносятся раздельно. Это для них главное и исходное. Им важно подчеркнуть факторы фонологического членения речи. И уже затем они соотносят вычлененные таким путем отрезки звучащего текста с отрезками письменного текста, расчлененного графическим путем. Выделенное на основе фонологического просодической дистрибуции далее соотносится с выделенными единицами на графическом уровне. Отдельность фонологического свойства и отдельность графико-орфографического свойства (ведь анализируются письменные языки) получают интерпретацию одна через другую. Итак, утверждение о том, что **если**

нечто произносится отдельно, то и пишется отдельно, — фактор дополнительного свойства^а. Эта методика вытекает из задач «Грамматики Пор-Рояль», в частности — из задачи выяснения соотношения единиц звуковой системы и единиц графической системы, законов графической интерпретации звукового языка, не говоря уже о доводах педагогического характера, преследуемых Лансло. И наконец, то, что Арнуа считает «крайней неопределенностью», есть высокая степень формализации, а следовательно, абстракции.

Теперь полезно рассмотреть некоторые аспекты интерпретации «Грамматикой Пор-Рояль» вопросов графики. Этому посвящена глава V, называемая «О буквах, рассматриваемых как знаки письменности». Авторы пишут:

До сих пор мы не могли говорить о буквах, не обозначив их соответствующими им знаками письменности, но тем не менее мы не рассматривали их как знаки письменности, так сказать, по тому соотношению, которое у этих знаков письменности имеется со звуками.

Мы уже сказали, что звуки были взяты людьми, как знаки мыслей, и что люди изобрели также определенные фигуры, которые служат знаками этих звуков. Но хотя эти фигуры, или знаки письменности, по своему первоначальному назначению обозначают непосредственно только звуки, тем не менее люди часто переносят свои мысли от знаков письменности к самой вещи, обозначаемой этими звуками. В результате этого знаки письменности могут быть рассмотрены двояко: и как просто обозначающие звук, и как нечто, помогающее нам представить себе то, что звук обозначает.

Рассматривая знаки письменности первым способом, надо было бы обратить внимание на четыре вещи, чтобы довести их до совершенства.

1. Каждая фигура должна обозначать какой-либо звук, т.е. не должно писаться то, что не произносится.

2. Каждый звук должен обозначаться фигурой, т.е. не должно произноситься ничего того, что не пишется.

3. Каждая фигура должна обозначать только один звук — или простой, или двойной; ведь наличие удвоенных согласных не противоречит совершенству письменности, так как эти согласные облегчают письмо, делая его более кратким.

4. Один и тот же звук не должен обозначаться различными фигурами.

Но при рассмотрении знаков письменности вторым способом, т.е. как нечто помогающее нам понять то, что обозначает звук, случается иногда, что нам более предпочтительно, чтобы эти правила не всегда соблюдались, по меньшей мере первое и последнее, так как часто бывает, особенно в языках, производных от других языков, что некоторые буквы, которые не произносятся и, таким образом, являются бесполезными как звуки, помогают нам в понимании значений слов...

Отсюда видно, что люди, которые жалуются на то, что мы пишем иначе, чем произносим, не всегда правы, и то, что они называют излишеством, иногда приносит некоторую пользу [25, 39—41].

Может показаться, что различие между большими и малыми буквами также противоречит четвертому правилу, которое заключается в том, что один и тот же звук должен обозначаться одной и той же фигурой. И действительно, такое различие было бы совершенно бесполезным, если бы знаки письменности рассматривались только как служащие для обозначения звуков, потому что большая и малая буквы представляют собой один и тот же звук. Отсюда следует, что у древних еще не было этого различия, а у иудеев его нет и сейчас, и некоторые считают, что греки и римляне долгое время писали только прописными буквами. Тем не менее это различие очень полезно для разграничения периодов и для того, чтобы отличить имена собственные от всех остальных.

Кроме того, в одном и том же языке существуют различные виды письма, например римское и италийское, как это имеет место в латинском и некоторых вульгарных языках; эти виды письма могут успешно применяться с определенным смыслом — для различения некоторых слов или же некоторых форм речи, хотя произношение от этого совершенно не меняется.

Вот чем можно оправдать различие между произношением и письмом. Но это не мешает тому, что существует много совершенно необоснованных различий вследствие порчи, которую претерпевают языки.. [25 , 42- 43].

Некоторые сообразили, что они смогут исправить этот недостаток и вульгарных языках, изобретая новые знаки письменности, как это сделал Рамус в своей грамматике французского языка, отбросив все те, которые не произносились, и записал каждый звук буквой, соответствующей произношению... Но эти люди должны принять во внимание, что помимо того, что это будет часто невыгодным для вульгарных языков, по причинам, о которых мы уже говорили, они пытаются совершить невозможное. И не надо думать, что будет легко заставить целую нацию изменить столько письменных знаков, к которым она привыкла с давних пор. Ведь даже императору Клавдию не удалось ввести в употребление, как он хотел, всего лишь один знак письма.

Самое разумное, что можно было бы сделать, — это отбросить буквы, которые бесполезны и для произношения, и для смысла, и для аналогии между языками, что уже начали делать; далее, сохранив только «полезные» буквы, следовало бы поставить над ними маленькие знаки, которые показывали бы, что эти буквы совсем не произносятся, или же указывали бы на различное произношение одной и той же буквы. Точка внутри или под буквой могла бы указывать на ее произношение... [25, 43—44].

Так (как нечто данное исследованию, как готовый материал) рассматривают авторы «Грамматики Пор-Рояль» план выражения языка — звукового и письменного. У авторов в способе их лингвистического анализа плана выражения наблюдаются две линии: **1)** антропофонический анализ языка — определение и разграничение звуков речи исходя из строения речевого аппарата и работы отдельных его частей; **2)** фонологический анализ (этот термин разумеется, авторы не употребляют), в результате которого вы-

целенается 25 — 30 звуковых единиц, служащих для образования и различения бесконечного множества слов. И нельзя сказать, чтобы они не понимали различия между этими функциональными единицами и их артикуляторно-акустическими вариациями (отклонениями). В целом представляется, что в этом разделе аспект фонологический превалирует над антропофоническим (хотя, разумеется, фонология здесь элементарна и недостаточно эксплицитна). Он, пожалуй, даже является ведущим, как, впрочем, и в работах, выполненных в античных лингвистических традициях. Это станет понятно, если учесть те проблемы, которые решались при создании письменности, при описании соотношения звуковой и графической систем языка и интерпретации одной через другую. К тому же надо помнить об отсутствии сколько-нибудь строгих методов описания функционирования речевого аппарата и скудости сведений по акустике.

Звуки в «Грамматике Пор-Рояль» выступают как так называемые *звукотипы*. Авторы идут по пути обобщения, абстракции. Это соответствует тем задачам, которые они перед собой поставили, задумав общетеоретическое введение в изучение языков. Универсализм немислим без абстракции. А они — универсалисты. Поэтому их понятие «звук» — это абстрактное представление о реальных звучаниях, модели звука. В рамках всеобщей грамматики, оперирующей многими языками и пытающейся вычлнить и представить состав общих для всех языков единиц на каждом уровне, иначе и не может быть. Поэтому авторы позволяют себе использовать для обозначения звуковой модели термин *буква*, отнюдь не отождествляя букву с графемой, о чем они заявляют со всей определенностью. Отсюда уровень «букв» (как представителей неких абстракций конкретных звучаний) и начертаний (как неких фигур) соотносен, с одной стороны, с уровнем звуков как типов (классов реализаций) и, с другой стороны, с уровнем знаков письменности, фигур иного плана — фигур-типов (классов реализаций в плоскости другого материала плана выражения).

Далее авторы грамматики показывают, как функционируют эти единицы плана выражения, анализируют модели образования слога, фонетического слова. Все это — анализ механизма моделирования на уровне плана выражения. Если план выражения берется авторами как нечто данное субстанциональной природой человеческого сообщества, то план содержания — это поле творческой Деятельности индивида, его разума, продукт деятельности (в языке и через язык) мышления. Мышление воплощается в формах языка, ибо они есть выражение форм мысли. И здесь авторы как бы моделируют грамматику человеческого языка. Этому аспекту Посвящена вторая часть «Грамматики». Авторы заявляют, в частности, что собираются исследовать те принципы и основания, на которых базируются различные формы значения слов.

Лансло и Арно, как отмечалось, стремились применить научный подход к описанию языковых явлений. В отличие от прикладных и описательных грамматик предшествующих эпох (в частности, XVI в.), универсальная грамматика ставила своей задачей установить «естественные основы искусства речи», «принципы, общие для всех языков», и «причины основных различий, которые в них встречаются». По мысли авторов, в отличие от грамматики какого-либо определенного языка положения универсальной грамматики неизменны — не зависят от времени и пространства. Основное различие между универсальной грамматикой и любой частной грамматикой состоит в том, что первая — наука, вторая же — искусство. Грамматика конкретного языка — это искусство применения общих и постоянных принципов для описания какого-либо конкретного языка. Универсальная грамматика — это наука, отвечающая вечным (вневременным) и общим принципам построения речи (в устной и письменной форме) во всех языках мира. Универсальная грамматика, таким образом, осознается в XVII в. как грамматическая наука.

Авторы «Грамматики Пор-Рояль» стремились выяснить причины существования таких явлений, которые либо характеризуют большинство языков мира, либо специфичны лишь для каких-то определенных языков. Поскольку законы логики (утверждает рациональная грамматика) едины для всего человечества, для всех языков существуют единые фундаментальные (глубинные) правила функционирования грамматического строя, и, следовательно, не надо удивляться, обнаруживая в каком-либо конкретном языке те же закономерности, те же правила, что и в других языках, что не исключает ни в коей мере специфики каждого отдельного языка в частных (поверхностных) проявлениях. В соответствии с этим главным тезисом языки представляются как бы различными видоизменениями некоей универсальной языковой схемы, совпадающей в своих фундаментальных чертах с логической схемой, универсальность которой не подвергается сомнению.

Хотя авторы «Грамматики Пор-Рояль» считают своей важнейшей задачей обнаружение вневременных (или всевременных) языковых категорий, соответствующих внеисторическим категориям логики, тем не менее явным преувеличением и даже искажением является утвердившееся мнение, будто они ставят знак равенства между логикой и грамматикой, отождествляют логические и грамматические категории.

По мнению авторов «Грамматики Пор-Рояль» (основывающейся на известных положениях логицизма), в языке, как и в мышлении, все подчинено логике и целесообразности. (Как известно) формальная логика изучает мыслительные акты и их элементы — понятия, суждения, умозаключения, доказательства — со стороны их логической структуры или формы, т.е. отвлекаясь от кон-

кретного содержания мыслей и вычленив лишь общий способ связи частей содержания.)

Создатели «Грамматики Пор-Рояль» опираются и ссылаются [см. 25, 243] на учебник логики Арно и Николя [см. 27]. Поскольку основная задача формальной логики состоит в том, чтобы сформулировать законы и принципы, соблюдение которых является неперенным условием для достижения истинных результатов в процессе получения выводного знания, то основная задача научной грамматики состоит в том, чтобы сформулировать законы и принципы, обеспечивающие достижение истинного знания при изучении всех языков мира или любого отдельного языка. Последнее достижимо, по мысли авторов «Грамматики», лишь при выявлении путей и способов, какими отражаются в языках мыслительные акты.

Отсюда следует, что человек для обозначения всего происходящего в его мозгу нуждается в знаках. Такими знаками являются слова, которые подразделяются на классы, причем наиболее существенное различие между словами должно заключаться в том, что одни из них обозначают предметы мысли, а другие — способ, манеру движения «протекания» мысли. Слова первого типа — это так называемые субстантивы, артикли, местоимения, причастия, предлоги и наречия. Слова второго типа — глаголы, союзы, междометия [см. 25, 64–67].

Показательно уже само название первой главы второй части, где авторы подчеркивают, насколько «знание того, что происходит в нашем сознании, необходимо для уяснения основ грамматики; это то, от чего зависит разнообразие слов, составляющих речь» [25, 63]. Авторы пишут:

До сих пор мы рассматривали в слове только материальную часть, которая является общей, по крайней мере по звуку, и для людей, и для попугаев.

Теперь нам остается исследовать то духовное, что заключено в слове и что составляет одно из наиболее важных преимуществ человека над остальными животными и является величайшим доказательством разума. Это то, как мы пользуемся словом для обозначения наших мыслей. И это то чудесное изобретение, благодаря которому мы можем составить из 25 — 30 звуков бесконечное множество слов, которые, будучи абсолютно не похожими на то, что происходит в нашем сознании, позволяют другим открыть тайну этого, и те, кто не может туда проникнуть, узнают все наши намерения и все разнообразные движения нашей души.

Таким образом, слову можно дать следующее определение: это звуки, отчетливые и членораздельные, из которых люди составили знаки для обозначения своих мыслей.

Поэтому нельзя хорошо понять различные виды значений, заключенных в словах, не поняв предварительно того, что происходит в наших Мыслях, так как слова были изобретены только для их сообщения.

Все философы учат, что наш рассудок может производить три действия: понятие, суждение, умозаключение.

Понятие — это простой взгляд нашего рассудка на вещи; это явление чисто интеллектуальное; например, когда я мыслю себе существование, время, идею, бога; т.е. это явление, сопровождающееся чувственными образами, как, например, когда я представляю себе некий квадрат, круг, собаку, лошадь.

Суждение — это утверждение того, что вещь, которую мы представляем себе, является такой-то или не является ею. Так, например, представив себе, что такое *земля* и что такое *округлость*, я утверждаю, что *земля круглая*.

Умозаключение — это выведение из двух суждений третьего. Так, например, рассудив, что всякая добродетель достойна похвалы и что терпение — это добродетель, я делаю из этого вывод, что терпение достойно похвалы.

Отсюда видно, что третья операция нашего сознания — не что иное, как продолжение второй, и, таким образом, нам будет достаточно рассмотреть две первые операции или же ту часть, где первая заключена во второй. Ведь люди не говорят только для того, чтобы выразить то, что они представляют, но почти всегда для того, чтобы выразить суждения о вещах, которые они представляют.

Высказанное суждение о вещах, как, например, *Земля (есть) круглая*, называется **предложением**. Таким образом, каждое предложение обязательно имеет два члена: подлежащее (субъект), т.е. то, о чем что-то утверждается, например *земля*, и атрибут (определение), которое является тем, что утверждают, например *круглая*; кроме того, между этими двумя членами находится связка *есть*.

Итак, нетрудно заметить, что оба члена принадлежат, в сущности, и первой операции сознания, так как они являются тем, что мы себе мыслим, т.е. объектом нашей мысли, а связка принадлежит ко второй операции, которая является собственно деятельностью нашего сознания, показывает, каким образом мы мыслим.

Таким образом, наиболее важное отличие того, что происходит в нашем сознании, состоит в том, что можно рассматривать и объект нашей мысли и форму или способ нашей мысли, где основным является суждение. Но к этому еще надо отнести коммутацию, дизъюнкцию и другие сходные операции нашего сознания, все другие движения нашей души, например желания, приказания, вопрос и т.д.

Отсюда следует, что люди, нуждаясь в знаках для обозначения всею того, что происходит в их сознании, должны проводить наиболее общее различие слов, так чтобы одни обозначали объекты мыслей, а другие — форму или способ наших мыслей, хотя часто, как будет показано ниже, они делают это не самостоятельно, а вместе с объектом.

К словам первого типа относятся те, которые называются именами, артиклями, местоимениями, причастиями, предлогами и наречиями^{*1}. К словам второго типа относятся глаголы, союзы и междометия. Все они являются необходимыми составными частями того естественного способа, которым мы выражаем наши мысли, что мы сейчас покажем^{*2} [25, 63-67].

*Глава // Об именах, прежде всего о существительных
и прилагательных*

Объекты наших **мыслей** представляют собой или вещи, например: *земля, солнце, вода, дерево*, которые обычно называют субстанциями, или же свойства этих вещей, например: *круглая, красное, твердая, учебный* и т.д., которые называются акциденциями.

Между вещами, или субстанциями, и свойствами вещей, или акциденциями, существует следующая разница: субстанции существуют сами по себе, в то время как акциденции существуют только через субстанции.

Так возникло основное различие между словами, обозначающими объекты мыслей. Те слова, которые обозначают субстанции, были названы именами существительными, а те, которые обозначают акциденции, показывая подлежащее, к которому эти акциденции «прилагаются», — именами прилагательными.

Вот первый источник существительных и прилагательных. Но мы пойдем дальше. Оказывается, мы уделяем одинаковое внимание и значению и способу обозначения. Так как субстанция — это то, что существует самостоятельно, то именами существительными были названы все имена, которые существуют самостоятельно в речи и не нуждаются в другом имени, даже если они и обозначают акциденции. И наоборот, были названы прилагательными даже те имена, которые обозначают субстанцию, если по своему способу обозначения они должны быть присоединены в речи к другим словам.

Отсюда следует, что имя не может существовать само по себе, даже если оно имеет отчетливое значение. Но существует еще одно значение — неясное, которое можно назвать коннотацией некоторой вещи и к которому относится то, что обозначается отчетливым значением.

Так, отчетливое значение слова *rouge* — это *rongeur* *Mo* слово *rouge* указывает неясно на предмет, к которому относится слово *rougeur*, откуда вытекает, что оно не может существовать самостоятельно в речи, потому что должно выражаться или подразумеваться слово, обозначающее этот предмет. Так как эта коннотация представляет акциденцию, то, когда мы ее убираем, слова, обозначающие акциденцию, становятся существительными, например: *colore — couleur, rouge—rongeur, dur—durete, prudent—proucence* и т.д.

И наоборот, когда мы прибавляем к словам, обозначающим субстанции, эту коннотацию, или неясное значение вещи, к которой данные субстанции относятся, то эти слова становятся прилагательными, например: *d'homme, humain, genre humain, vertu humaine* и т.д.

В греческом и латинском языках бесконечное множество таких слов: *fetrous, aureus, bovinus, vitulinus* и т.д.

Но в иврите, а также французском и других вульгарных языках этих слов меньше. Во французском языке это значение выражается предлогом *de* (*Tor, defer, de boef* и т.д.

И если бы прилагательные, образованные от названий субстанций, освободили от их коннотации, то образовались бы новые существительные, называемые абстрактными или обособленными. Так из слова *homme* Сделали *humain*, а из *humain* — *humanite* и т.д.

Но существует еще один вид имен, которые считаются существительными, хотя в действительности они — прилагательные, так как обозначают акцидентальную форму, а также предмет, которому полагается эта форма. Это названия различных человеческих профессий, например: *правитель, философ, живописец, солдат* и т.д. И эти слова считаются существительными. Поскольку их предметом мог быть только человек, по крайней мере исходя из первого и обычного пути именованья, то не было необходимости присоединять к ним существительное, ибо оно всегда ясно подразумевается, и имя это может относиться только к человеку. В результате этого данные слова приобрели в употреблении то, что свойственно существительным, а именно способность существовать самостоятельно в речи... [25, 68— 71].

«Грамматика Пор-Рояль» следующим образом характеризует глагол:

До сих пор мы объясняли слова, обозначающие предметы мысли. Настала очередь поговорить о словах, обозначающих способ мышления, которыми являются глаголы, союзы и междометия.

Понимание природы глагола вытекает из того, что было изложено в начале этого сочинения, т.е. из суждения, которое мы выводим о вещах (как, например, когда я говорю: *Земля (есть) круглая*), суждения, содержащего обязательно два члена, один из которых называется субъектом, каковым является что-то, о чем нечто утверждается (как *земля*), а другой называется атрибутом, каковым является это нечто утверждаемое (как *круглая*); кроме того, налицо связь между этими двумя членами, и которой, собственно, и проявляется деятельность нашего ума, который утверждает некий атрибут относительно субъекта.

Итак, люди столкнулись с необходимостью выработать слова, обозначающие *утверждение*, что является важнейшим способом нашей мыслительной деятельности, наряду со словами, выработанными для обозначения предметов нашей мыслительной деятельности.

И таким, собственно, словом является глагол — слово, важнейшей функцией которого является обозначение утверждения, т.е. указание на то, что речь, где употребляется данное слово, является речью человека, который не только осознает вещи, но судит о них и выводит о них утверждение. В этом и состоит отличие глагола от тех (некоторых) имен, которые тоже обозначают утверждение, как, например, *affinnans, affirmatio*. Поскольку они (имена) обозначают его (утверждение) как отражение сознания, оно (утверждение) становится предметом нашего мышления, и, таким образом, нет налицо обозначения, что тот, кто пользуется этими словами, высказывает утверждение, а имеется лишь указание на то, что он подразумевает некоторое утверждение.

Я сказал, что важнейшим употреблением глагола является обозначение утверждения потому, что им пользуются, как мы увидим ниже, еще и для обозначения других движений нашей души, как, например: *желать, просить, приказывать* и т.д. Однако это происходит лишь посредством изменения флексии и наклонения, а во всей этой главе мы рассматриваем глагол лишь по его основному значению, каковым является

значение, которое он имеет в индикативе, оставляя за собою право изложить другие его значения в другом месте.

Поэтому можно сказать, что по своей природе глагол вовсе не должен иметь каких-либо других употреблений, кроме как обозначение связи, устанавливаемой нашим сознанием между двумя членами предложения. Но лишь глагол *etre* 'быть', именуемый субстантивным, продолжает сохраняться в этом простом значении, а еще можно сказать, что он сохраняет это значение лишь в 3-м лице единственного числа, т.е. *est* 'есть', а также в некоторых известных случаях, ибо люди, естественно, стремясь к экономии в речи, почти всегда присоединяют к утверждению другие значения, объединяя их в одном и том же слове.

1. Прибавляется значение некоторого определения, причем в таком случае уже два слова могут составлять предложение, например: *Петр живет*. Слово *живет* содержит утверждение и, кроме того, характеризует «живое состояние». Это то же самое, как если бы мы сказали: *Петр живой*. Или иначе: *Петр есть живущий*. Отсюда большое разнообразие глаголов во всех языках. Если бы вместо этого ограничились только тем, что с помощью глагола выражали лишь общее утверждение, не прибавляя никакого определения, то в каждом языке достаточно было бы иметь один глагол, а именно *verbum substantivum*.

2. В определенных случаях человек стал прибавлять в предложение субъект, т.е. подлежащее. Возникло полное предложение из двух слов или даже из одного. Предложение состоит из двух слов, если я говорю: *sum homo* '[Я] есть человек'; глагол *sum* содержит не только утверждение, но и значение местоимения *я (ego)* — подлежащего предложения, которое во французском всегда бывает выражено: *je suis homme*. Предложение состоит из слова, если я говорю: *vivo* 'живу', *sedeo* 'сиджу', т.е. эти глаголы содержат одновременно и утверждение и определение, как мы уже пояснили, а здесь еще и указание на лицо. Отсюда происходит свойственная всем глаголам возможность изменяться по лицам.

3. Человек, кроме того, придал глаголу свойство выражать временные отношения. Например, одно-единственное слово *ели* означает, что я именую действие о тех, которых характеризую не в отношении настоящего, а в отношении прошедшего. Отсюда происходит различие во временах, свойственное, как правило, всем глаголам.

Разнообразие объединенных в одном слове значений вызывало затруднение у ученых, когда они пытались познать природу глагола. Они исходили не из сущности глагола, состоящей в способности утверждать, а из его отношений, которые имеют случайный характер [25, 157— 161].

Речеобразование (в уже рассмотренных и последующих разделах книги) выступает, в концепции Арно и Лансло, как единый (двусторонний) механизм речевого мышления, который представляет собой сложный процесс материализации мысли в речи.

В указанном процессе единицы смысла, представляемые как элементы универсального семантического поля, подвергаются кодированию в единицах речи.

Это кодирование может быть представлено, в свою очередь, как распределение, иначе — дистрибуция, единиц смысла отно-

сительно единиц речи. Оно осуществляется в соответствии с общими законами, вытекающими из природы языка, т.е. оно подчинено той материи (отличной от материи, порождающей эти единицы смысла, т.е. мысли), в которую этим единицам смысла предстоит быть облеченными, чтобы стать фактом объективного существования. (Став через речь фактом объективного существования, мысль оказывается доступной для восприятия другими людьми.)

Механизм речеобразования связан, таким образом, с фактом переработки и преобразования исходных элементов смысла в процессе объективации этого последнего в материи языка.

В единицах речи, например, происходит объединение разнообразных и разноплановых значений — и лексических, и грамматических. Так, глагол, основное назначение которого авторы «Грамматики Пор-Рояль» усматривают в выражении утверждения, оказывается способным одновременно, в пределах одного слова, выражать целый ряд квалификационных значений грамматического и лексико-грамматического свойства. Таким образом, одной из особенностей этого преобразования смысла (и его распределения по единицам речи) в механизме речевого мышления, осуществляющегося в процессе речеобразования, является компрессия смысла, вытекающая из стремления языка к экономии.

Объединение смысла, его компрессию можно обнаружить в пределах почти любой выделенной из речи единицы.

Анализ разных единиц речи в пределах любого конкретного языка показывает, что это объединение единиц смысла в единицах речи идет разными путями. Сравнительный анализ единиц речи (с учетом их функциональных свойств) позволяет выделить целый набор моделей, отражающих механизм распределения и перераспределения единиц смысла в единицах речи.

При сравнении единиц речи под углом зрения анализа заключенных в них единиц смысла можно, таким образом, выделить целый ассортимент моделей распределения, преобразования и компрессии смысла.

Авторы анализируют различные пути распределения единицы структуры смысла (элементов семантического поля, единиц сферы сознания, духа) в пределах одного языка и в разных языках.

Кодирование единиц смысла в единицах речи оказывается специфическим для каждого языка и зависит от материала данного языка, от особенностей его структуры (механизму действия которой это кодирование подчинено). Каждый язык дает определенный набор моделей распределения смысла в речи. Разные языки дают разные наборы таких моделей. Они совмещают в одних частях и различают в других. Сопоставительный анализ индивидуально-языковых наборов теоретически позволяет выделить их уни-

нереальную номенклатуру, которую можно охарактеризовать как определенный диапазон возможных связей в сфере «мышление — язык», или моделей речевого мышления. Отдельные языки в таком случае могут быть представлены как частные реализации универсальной модели.

Механизм «преобразования» смысла в речи, распределения единиц смысла относительно единиц языка (как он формулируется Арно и Лансло) в известной степени совпадает с представлениями о соотношении глубинных и поверхностных структур в рамках теории порождающих и трансформационных грамматик [см., например, 39 — 41]. Рассмотренная с учетом этой теории и интерпретированная в ее терминологии концепция авторов «Грамматики Пор-Рояль», что касается соотношения языка и мышления и «выявления» этого соотношения в речевых актуализациях, может быть представлена следующим образом.

Язык обладает внутренним и внешним аспектами. Оба аспекта в равной степени представлены в любом высказывании. Поэтому всякое предложение может быть рассмотрено либо под углом зрения его внутренней сущности, либо с точки зрения его внешней сущности. Внутренняя характеристика определяется тем, как предложение материализует мысль. Это его внутренняя, *глубинная структура*.

Внешняя характеристика состоит в том, как эта материализация оформлена, т.е. как смысл распределен по элементам, составляющим высказывание, как эти элементы упорядочены, аранжированы в высказывании и каковы их характеристики по членораздельности и по формам. Иначе говоря, мы имеем дело с лексико-семантической, синтаксической и фонетической интерпретацией предложения как конкретной речевой структуры по его составляющим и в целом. В этом состоит его внешняя, *поверхностная структура*.

Глубинная структура предложения — категория абстрактная. Это абстрактное высказывание. Это модель, по которой оформляется мысль (в сфере мыслительной деятельности — продукт деятельности сознания, выступающий уже на уровне непосредственной связи с речевой деятельностью) и которая (модель) является базой, отправным моментом для формирования актуального высказывания в сфере собственно речевой деятельности. Поверхностная структура — структура конкретная, актуальная, выступающая в языковой материи предложения.

Глубинная структура не всегда ясно просматривается в реальном предложении. Более того, совпадения глубинной и поверхностной структуры не требуется. Законы аранжировки (упорядочения) элементов в речи (разные для разных языков и даже в пределах одного языка) по-разному представлены в конкретных высказываниях-предложениях (ср.: *Это человек, Книга — друг, Ракета*

есть летательный аппарат), что делает невозможным совпадение глубинных и поверхностных структур (за исключением редких и простых случаев). Одно и то же высказывание, реализованное в предложениях разных языков, может обнаруживать (в одних) и не обнаруживать (в других) совпадение глубинной и поверхностной структуры. Чтобы в этом убедиться, достаточно сравнить латинские, французские и русские предложения, реализующие одно и то же высказывание.

Из этого следует, что глубинная структура — это категория, которая характерна для всех языков. Таким образом универсальная грамматика получает свой объект исследования и формулирует универсальные правила языка. Она вскрывает те закономерности, которые лежат в основе речевого мышления, и обобщает на этой базе технику речевой деятельности разных народов.

Анализ техники речевой деятельности применительно к разным языкам обнаруживает, что соотношение глубинных и поверхностных структур подчинено правилам трансформации, которые преобразуют глубинные структуры в поверхностные в механизме речестроения, когда абстрактные модели реализуются в форме тех или иных конкретных фраз.

Конкретное развернутое предложение, проанализированное с учетом этих трансформационных правил, оказывается со стороны выражаемого им смысла сложным построением, синтезирующим смысл абстрактных простых высказываний (моделей смысла, глубинных структур), входящих в его состав. Иначе говоря, любое развернутое предложение может быть интерпретировано как последовательность простейших предложений, каждое из которых реализует составляющие такое развернутое предложение глубинные структуры. Из этого следует, что синтез смысла простых высказываний, вошедших в состав развернутого предложения и осуществляющийся в пределах предложения по законам данного языка, не обязан непосредственно отражать связи между простыми высказываниями (при анализе их как мыслительных процессов посредством операций и категорий логики). Поверхностная структура простого предложения-высказывания так же не обязана отражать глубинную его структуру. Как именно соотносятся модели синтеза в сфере языка-речи с моделями синтеза в сфере сознания-мышления, должно, видимо, стать предметом углубленного исследования в лингвистике, логике и целом ряде сопряженных научных областей, объектом которых является человек.

В заключительной главе «Грамматики Пор-Рояль», посвященной синтаксическим проблемам, ее авторы формулируют «несколько общих правил, характеризующихся широкой употребительностью во всех языках»:

Первое правило. Никогда не встречается номинатив, который не был бы связан с некоторым глаголом, выраженным или подразумеваемым, поскольку речь служит не только для обозначения понятия, но также для выражения того, что мыслится относительно понятия, а это, в свою очередь, передается посредством глагола.

Второе правило. Не может иметь места глагол без своего номинатива, выраженного или подразумеваемого. Поскольку свойством глагола является утверждение, требуется, чтобы было нечто, подлежащее утверждению; таковым как раз и является предмет речи, или номинатив глагола, хотя может быть употреблен и аккузатив — в положении при инфинитиве: *Scio Petrum esse doctum* 'Я знаю, что Петр — ученый'.

Третье правило. Не может иметь места прилагательное, которое не соотносилось бы с существительным, поскольку прилагательное каким-то образом указывает на существительное, которое является предметом формы (*sujet de la forme*), которая, в свою очередь, четко обозначается этим прилагательным: *doctus* 'ученый' характеризует лицо, отмеченное ученостью.

Четвертое правило. В речи не встречается родительного падежа, который не управлялся бы другим именем; поскольку этот падеж всегда указывает на нечто, выступающее в качестве обладателя, необходимо, чтобы он управлялся чем-то, выступающим в качестве обладаемого. Это объясняет то обстоятельство, что ни в греческом, ни в латинском не обнаруживается глагола, который управлял бы собственно родительным, как это и находит свое истолкование в работах, посвященных новым методам изучения этих языков. Данное правило лишь с большим трудом может быть приложимо к вульгарным языкам, поскольку частица *de*, которая служит признаком родительного, ставится часто на месте предлогов *ex* и *de*.

Пятое правило. В качестве дополнения к глаголам часто выступают различные формы — в зависимости от видов отношений, выражаемых падежами и следуя причудам употребления (*caricé de l'usage*); это отнюдь не меняет специфики связи в каждом случае и позволяет видеть, что употребление зависит от выбора, определяемого вольностью использования [25 , 232— 233].

Лингвистический анализ подчинен строго проводимому авторами (но большей частью имплицитно) различению, с одной стороны, уровня речи и уровня структуры языка, с другой — лингвистики производителя речи и лингвистики получателя речи. Это, в свою очередь, определяет поиск того, каким образом связаны уровень речи и уровень структуры, а также как соотносятся Между собой лингвистика производителя речи и лингвистика Получателя речи, какими и в какой сфере лежащими факторами это соотношение обусловлено. Данная позиция авторов «Грамматики Пор-Рояль» находит свое выражение уже в том, как ими ставятся проблемы анализа звуковой речи, выделения в ней дискретных и просодических элементов, проблемы архитектоники звука-буквы (фонемы), слога, морфемы, слова, конструкции, т.е.

проблемы разложения речи на составляющие элементы и принципы использования последних для кодирования смысла (материала мышления), а также проблемы составляющих их элементов синтеза и принципы распределения и преобразования смысла в процессе синтеза. Иначе говоря, авторы пытаются дать ответ на вопрос, каковы схемы анализа и синтеза речевых элементов и элементов мысли, каково их взаимоотношение и формальное проявление, в какой мере, где и как формы речи обнаруживают формы мысли.

Можно сказать, что авторы «Грамматики Пор-Рояль», отталкиваясь от логического (категорий мышления) и от грамматического (фактов языка), пытаются вывести (преимущественно дедуктивным путем, правда, на незначительном по объему, часто случайном и недостаточно систематизированном языковом материале) систему соответствий между двумя имманентными структурами, в одной из которых перед нами категории и законы мышления, а в другой — категории и законы языка.

Рациональное объяснение грамматических категорий (как это прекрасно понимали и авторы «Грамматики Пор-Рояль», и других универсальных грамматик) важно как для общей теории языка, так и для определения соотношений между категориями мышления и сознания, для постижения тех трудно уловимых и сложных механизмов, которые управляют всем разнообразием корреляций моделей мыслительных процессов и моделей речевого акта. (К сожалению, проблема тонких механизмов речевого мышления остается до сих пор проблемой, к решению которой пока еще не удается найти адекватных путей.)

Характеристика (с позиций рационалистической философии) мыслительных и речевых процессов, определение их соотношения и взаимодействия, установление принципов, которым это! механизм подчиняется, и конкретных форм, в которых осуществляется синтез мыслительной и речевой деятельности, чрезвычайно важны, по мнению авторов «Грамматики Пор-Рояль», для решения актуальных вопросов воспитания, образования и научного творчества в целом. Совершенствование обучения иностранным языкам на базе лучшего понимания механизмов речи и мышления — всего лишь частный, хотя и очень близкий авторам «Грамматики Пор-Рояль» вопрос.

Можно расходиться в оценке того, насколько удалось Лансло и Арно решение поставленных задач (было ли оно им вообще под силу), можно выражать скепсис относительно того, насколько безукоризненным был их научный аппарат и полным охват фактического материала, но не подлежит сомнению огромная историческая заслуга авторов «Грамматики Пор-Рояль», поднявши кардинальные научные проблемы огромной теоретической важности.

IV. Отражение метода «Грамматики Пор-Рояль» в теории языка XVII—XVIII вв.

«Грамматика Пор-Рояль» шла впереди своего времени, опережала теорию языка XVII в. и в области изучения языка и соотношения языка и мышления была непосредственным предшественником идей XVIII в.

Она имела огромный успех и была непрекращаемым научным авторитетом в течение 50 лет. В Европе на протяжении всего этого периода не вышло ни одной общей грамматики, ни одного языковедческого или философского труда, которые ставили бы вопросы, относящиеся к общей теории языка, в ином русле.

Все языковедческие и философско-языковедческие труды XVIII в. так или иначе несли на себе следы влияния труда Лансло и Арно: либо продолжали развивать их идеи, либо отталкивались от них в построении своих собственных концепций, либо полемизировали с ними (к последним можно отнести соответствующие работы Ж.Ж.Руссо, А.Тюрго, Г.Лейбница, К.Ф.Вольне и некоторых других исследователей, которые во французской историографической школе получили, как известно, наименование «независимых»).

В истории развития научных знаний о языке в XVIII в. с точки зрения отражения концепции «Грамматики Пор-Рояль» можно выделить два течения: во-первых, прямые продолжатели идей «Всеобщей рациональной грамматики» с преобладанием логико-менталистического подхода, во-вторых, грамматисты философско-психологического кредо, которые в большей или меньшей степени видоизменяли концепцию «Грамматики Пор-Рояль».

Во Франции (прежде всего) появляется огромное количество грамматик, вдохновленных непосредственно идеями «Грамматики Пор-Рояль». Лежащие в их основе концепции можно считать разновидностями общей теории, исследующей различные аспекты в соотношении языка и мышления. Среди них «Очерк французской грамматики» [61] аббата Де Марэ (1706), «Грамматический очерк» [49] аббата Данжо (1711), «Французская грамматика» Клода Бюфье (1732) [см. 36; ср. 35 и 37], «Грамматический очерк» [90] аббата д'Оливэ (1740). Все эти грамматики стали называться в XVIII в. «философскими». Их авторы устанавливали классификации частей речи, составляли таблицы гласных и согласных, что-то совершенствовали, но в принципе все исходило из основных **Положений** «Грамматики Пор-Рояль». Это легко проиллюстрировать следующими примерами.

Аббат Данжо писал: «Так как слово, будучи отражением мысли, является предметом изучения грамматики и так как логика есть искусство мыслить, — не следует удивляться, если, говоря о **Грамматике**, которая изучает слова, я употребляю некоторые тер-

мины, относящиеся к логике, которая должна обучать правильно мыслить» [50, IX, § 4].

Бюфье стал известен благодаря своей теории пунктуации, изобретение которой он приписывает грамматистам того времени.

Аббат д'Оливэ, в частности, распределяет все части речи по трем классам: 1) существительное, 2) глагол и 3) слова модификационного свойства — наречия, предлоги, союзы.

Количество частных нововведений этих авторов огромно. Они существенно дополнили «Грамматику Пор-Рояль».

В 1754 г. Шарлю Дюкло, королевскому историографу и непременному секретарю Французской академии, было официально поручено составить примечания к «Всеобщей рациональной грамматике», с тем чтобы она «шла в ногу со временем». Впоследствии эти примечания стали неотъемлемой частью «Грамматики Пор-Рояль». Набранные петитом, они располагались в конце каждой ее главы и были своего рода ее уточнением и дополнением [см. 26]. Так, например, Дюкло ввел носовые гласные, о которых в «Грамматике Пор-Рояль» не упоминалось. В «Грамматике Пор-Рояль» указывалось на различие между словами — предметами наших мыслей и словами — показывающими образ наших мыслей, однако артикль и предлог были ошибочно включены в первый класс. Дюкло внес исправление в эту классификацию.

И все-таки во всем множестве универсальных грамматик XVIII в. можно выделить несколько работ, авторам которых удалось в той или иной мере критически подойти к «Грамматике Пор-Рояль» и выдвинуть свои собственные идеи.

В 1767 г. появилась «Всеобщая грамматика» Н.Бозэ. «Грамматика как наука, — пишет он, — предшествует всем языкам, так как ее законы предполагают лишь возможности появления языков и являются теми же законами, которые управляют человеческим разумом; одним словом, они истинны и вечны». И далее: «Искусство слова почти не отличается от искусства мыслить, столь свойственного человеку... Грамматика, которая объясняет язык посредством мышления, неразрывно связана с философией...» [33, 6]. Автор объясняет, почему ему кажется необходимым включить метафизику (т.е. философию) в общую грамматику. «Правомерно ли считать, что метафизика неуместна в книге по общей грамматике? Ведь грамматика должна излагать основы, общие средства и правила языка, а язык — это изложение анализа мысли посредством слова. Таким образом, нет ничего более метафизического и абстрактного, чем этот предмет» [33, 389].

Бозэ во многом является последователем «Грамматики Пор-Рояль». Он подразделяет свою работу на три части: «Элементы слова», «Элементы речи», «Элементы синтаксиса». Определения его также очень напоминают определения «Грамматики Пор-Рояль». Например, предложение определяется как полное выраже-

ние суждения. Но, несмотря на эту метафизическую формулировку, в концепции Бозэ мы замечаем значительные отличия от концепции «Грамматики Пор-Рояль». Наряду с грамматикой-наукой он рассматривает грамматическое искусство, «вторичное по отношению к языку, так как языки и их употребление должны были существовать еще до того, как их начали искусственно соотносить с общими принципами языка. Употребление по аналогии является в данном случае искусством, это не что иное, как результат наблюдений над предыдущим употреблением» [33, 215]. Бозэ заявляет, что наука не может обойтись без наличия рядом такого искусства, но законы должны быть отделены от конкретных фактов. «Наука не сможет дать ни одной фундаментальной теории, если она от наблюдения отдельных фактов и разнообразной эмпирии не перейдет затем к выведению общих законов. Лишь путь наблюдения и опытов может привести нас к истине. Я провел ряд наблюдений над языками и грамматическими явлениями, и эта работа послужила основой для установления общей системы законов языка» [33, 240–241].

В 1769 г. были опубликованы «Законы грамматики» дю Марсэ, которые сразу же приобрели большую популярность. Они являются естественным продолжением его «Логики» и потому печатаются в одном издании «Логика и законы грамматики» [82]. Дю Марсэ писал, что «некая метафизика инстинкта и чувства предшествовала возникновению языков» [82, 286].

Грамматика дю Марсэ представляется почти исключительно теорией конструкций. Конструкции для дю Марсэ — употребляемые повсюду или только в отдельных случаях — основаны на принципах и законах мышления. Мысль везде одинакова, но способы ее речевого анализа/синтеза различны, поэтому и существует множество языков. Языки должны исследоваться с точки зрения их способности выражать эту мысль. «Порядок простой конструкции более всего подходит для того, чтобы показать, какие части речи необходимы для высказывания мысли. Он нам указывает на отношения этих частей между собой, отношения, совокупность которых является основой каждой отдельной мысли. Это и есть отношения между мыслями и словами, т.е. между вещью и знаком, обозначающим ее» [82, 183]. Таким образом, подлежащее будет предшествовать глаголу, так как «природа и разум нас учат: (1) необходимо существовать, чтобы действовать; (2) необходимо существовать, чтобы быть объектом чьего-либо действия; (3) необходимо существовать в действительности или в воображении, чтобы подлежать определению» [82, 186].

В 1775 г. издает свою «Грамматику» [45] Е. Б. Кондильяк. В ней он поддерживает лишь некоторые идеи «Грамматики Пор-Рояль».

Во второй главе этой работы Е. Б. Кондильяк рассматривает язык как систему и анализирует законы, в этой системе действующие.

Здесь он придерживается логической теории в духе «Грамматики Пор-Рояль»: «Так как слова являются знаками наших идей, система языков должна основываться на системе наших знаний. Следовательно, распределение слов по различным классам можно объяснить тем, что наши мысли принадлежат также к различным классам. Слова связаны между собой на тех же основаниях, на которых связаны друг с другом идеи в процессе мышления» [45, 31]. Таким образом, Кондильяк рассматривает язык через его отношение к мышлению, т.е. основе, на которой он существует и функционирует. Он определяет предложение и его составные части под углом зрения логики.

Однако в остальном его теория далека от принципов, выдвинутых авторами «Грамматики Пор-Рояль». Кондильяк — ученик Арно. У Арно и Лансло читаем: «Грамматика — это искусство говорить. Говорить — значит выразить свою мысль посредством знаков» [25, 3]. Но Кондильяк идет дальше: «Я рассматриваю грамматику как первую часть искусства мыслить. Для того чтобы найти законы языка, надо понаблюдать над тем, как мы мыслим, надо искать эти законы в анализе мышления» [45, 118].

Кондильяк признает, что в определенном смысле он является продолжателем идей «Грамматики Пор-Рояль». Отмечая заслуги «Грамматики Пор-Рояль», Кондильяк указывает, что ее авторы впервые попытались разъяснить элементарные принципы соотношения законов языка и законов логики и что наука тем более обязана им, если учесть, что в течение веков нелепые предрассудки затрудняли понимание этих принципов [см. 45, 3]. Однако Кондильяк отходит от принципов «Грамматики Пор-Рояль», когда рассматривает мысль с точки зрения ее *образования*, а идеи — с точки зрения их *восприятия*.

Это положение было принципиально новым. Лансло и Арно исходили из идеи о совершенной мысли, мысли, которая со всеми своими модальностями имеет природу Божественную. Они предполагали наличие исчерпывающей и непротиворечивой системы логических отношений. Но мысль и ее категории в анализе Лансло и Арно статичны. Кондильяк же рассматривает не данную (и как бы застывшую мысль), а то, как она возникает, обогащается, как мысли соединяются друг с другом, образуя сложные построения, он как бы моделирует процесс человеческого мышления и, следовательно, процесс синтеза в этой сфере.

Но поскольку мышление неразрывно связано с языком, возникает вопрос о взаимосвязи двух процессов моделирования — мыслительного и языкового, а отсюда — вопрос о распределении и перераспределении информации (мыслительной) в языковом моделировании, о чем дальше, в иных терминах, и говорит Кондильяк. Данный вывод является результатом того, что Кондильяк исследует мышление не «универсального» человека, как это дела-

ет Арно, а человека индивидуального. Этот человек рождается без каких-либо знаний и лишь постепенно приобретает их. Кондильяк предлагает исследовать, каким образом человек достигает этого. Он выдвигает «теорию опыта», т.е. то, что сегодня мы называем психологией. Кондильяк считал, что все наши знания идут из области чувств, или, другими словами, «наши мысли по своей исходной сущности не что иное, как ощущения...» [45, 132]. Кондильяк уже, видимо, был близок к постановке проблем психологии мышления-речи.

Идеи психологии становятся характерными для XVIII в. в отличие от XVII в., который был веком логики и рационализма. Для Кондильяка логика и, следовательно, «Грамматика Пор-Рояль» — всего лишь система стройных абстракций. По его мнению, язык связан с мышлением намного теснее, чем считали Арно и Лансло, так как язык — это не только способ выражения какой-либо мысли, доведенной до совершенства; язык передает, отражает в соответствии со своими законами процесс возникновения наших мыслей и последовательное увеличение наших знаний; он объясняет не только отношения, которые объединяют наши мысли в некоторую закрытую систему, но и то, как именно мы переходим от одной мысли к другой, от «известного к неизвестному». «Я рассматриваю, — писал Кондильяк, — искусство говорить как аналитический метод, который ведет от идеи к идее, от суждения к суждению, от знания к знанию. И те, которые считают, что язык является лишь средством сообщения мыслей, забывают (или не знают) его основного преимущества» [45, 124].

Несколько позднее де Траси [см. 101], ученик Кондильяка и Арно, задался целью показать разницу между концепцией авторов «Грамматики Пор-Рояль» и концепциями грамматистов-философов XVIII в. (к числу которых он относил своего учителя Кондильяка и себя). Он писал: «Нельзя не восхищаться редким талантом авторов «Грамматики Пор-Рояль», память о которых будет всегда жива в сердцах друзей истины и разума. Остается только пожалеть, что в своей грамматике, так же как и в логике, они уделяют недостаточно внимания механизму возникновения мыслей» [101, 341].

В 1796 г. выходит «Общая упрощенная грамматика» [62] Ф.У.Домерга, известная тем, что она, по утверждению одного из современников Домерга, предлагает классификацию слов, основанную на совершенно новом анализе предложений, и пытается внести какой-то порядок в прежний хаос времен и наклонений.

В 1799 г. С.де Саси публикует «Принципы общей грамматики, изложенные в общедоступной форме» [94]. Вот как он характеризует назначение языка, его природу (в главе, посвященной предложению): «Мы говорим лишь для того, чтобы сообщить другим то, что мы думаем» [94, 20].

В 1807 г. аббат Сикар издает «Всеобщую грамматику» [99], в которой он объединяет и анализирует различные высказывания Лансло, Бозэ, Кондильяка, Домерга и других авторов универсальных грамматик.

Отнюдь не все идеи «Грамматики Пор-Рояль» получили признание у рассмотренных выше авторов. Можно говорить лишь о том, что с момента появления «Грамматики Пор-Рояль» и до первой половины XIX в. большая часть языковых теорий, за исключением концепций «независимых», основывалась на общих понятиях соотношения языка и мышления.

Уже сам по себе факт, что ученые того времени не представляли для себя возможным определять и изучать язык и мышление вне их взаимосвязи, является весьма знаменательным. Только в XIX в. в некоторых лингвистических школах рискнули отделить изучение языка от изучения мышления, но и в этом случае мышление исследовалось в рамках языкознания — в том его ответвлении, которое именуется философией языка.

В XVII—XVIII вв. язык и мышление исследовались на основе постулата об их параллелизме, они рассматривались как два взаимосвязанных и неразделимых атрибута человека. Корреляция этих двух явлений в научном сознании приняла такую форму, когда считалось возможным утверждать, что для объяснения одного из них, по крайней мере в основных чертах, в наиболее существенных проявлениях, достаточно объяснения другого. Действительно, наиболее интересным и актуальным для исследования феноменом считалась человеческая мысль и ее модальности, т.е. идеи, суждения и т.д. Поскольку и идеи, и суждения оформляются и реально существуют только благодаря языку, постольку нуждается в изучении и язык. Он является в данном случае орудием, посредством которого происходит воплощение сферы духовного в область материальную. Однако в связи с тем, что в области духовной действуют определенные законы и принципы (законы и принципы мышления) и поскольку нет речи без мышления, то в языке надо попытаться обнаружить законы и принципы, соответствующие законам и принципам мышления. Таким образом, логика и грамматика оказываются неразрывно связанными.

«Грамматика Пор-Рояль» послужила образцом для многих работ, изданных не только во Франции, но и за ее пределами. Одной из наиболее характерных и глубоких является труд Дж.Хэриса «Гермес, или Философское исследование о языке и универсальной грамматике» [67].

В первой, вводной, главе автор ставит вопрос о том, что следует считать философской, или универсальной, грамматикой. К области философской грамматики, по его мнению, относится либо синтез речи в виде субстанции и формы, либо анализ речи по

составляющим ее элементам. Автор прямо называет универсальную грамматику грамматикой аналитической [см. 67, 6].

Исследование, считает Дж.Хэррис, основывающееся на ранее полученных данных, должно строиться в соответствии с правилами логики. Как и авторы «Грамматики Пор-Рояль», Хэррис подчеркивает универсализм выделяемых рациональной грамматикой принципов и категорий.

Способность человека к общению посредством речи основана на сходстве у всех людей устройства мыслительного аппарата и на сходстве мыслей (идей). Иначе люди не могли бы общаться. Акт общения, разговор, состоит из двух фаз: говорения и слушания. Говорящий должен «спуститься» от мыслей к словам, а слушающий — «подняться» от слов к мыслям. Понимание слушающим речи говорящего означает, что первый подштлся к некоторой «сокровищнице» мыслей, сходных и соответствующих мыслям последнего.

Лингвистическое исследование, по Хэррису, должно начинаться с наиболее общих, наиболее крупных отрезков, с «периода» или «предложения» и затем переходить к более простым элементам речи, поскольку в отличие от природы, где связь направлена от причин к следствиям, человек познает сначала следствия и лишь затем причины.

Число предложений, по мнению автора, сводимо к некоторому конечному числу классов; каждое предложение является прежде всего либо утверждением, либо пожеланием, что соответствует двум основным движущим силам души [см. 67, 324—345]. Предложения делятся на слова, которые в свою очередь подразделяются на два основных класса: субстанции и атрибуты, что отвечает классификации всех предметов и явлений. Последние либо выступают, либо не выступают определением или указанием на свойство. В первом случае перед нами атрибуты (определения), во втором — субстанции. Например, способность думать есть атрибут человека, быть белым — атрибут лебедя, летать — орла и т.п. Сами человек, лебедь, орел суть субстанции. В состав атрибутов входят глаголы, в состав субстанций — существительные-субstantивы. Кроме них выделяются слова-определители, куда входят артикли, слова-связки и т.д.

Опираясь на понятие элемента у Аристотеля, Хэррис приводит детальную картину того, как устроен язык. Первичными элементами в ней выступают звуки. Комбинации первичных элементов дают слог; «правильные» комбинации слогов дают слово; «правильные» комбинации слов дают предложение; «правильные» комбинации предложений дают высказывание, период. Таким образом, приблизительно двадцати первичных элементов (при бесконечном числе их комбинаций — на разных уровнях, при различном членении языка) оказывается достаточно для того, чтобы

выразить все бесконечное многообразие мыслей и чувств человека в прошлом, настоящем и будущем.

Итак, язык выступает у Хэрриса как система артикулируемых звуков, представляющих символы идей. В этом определении, по-видимому, сказалось влияние античной грамматической традиции, согласно которой элементы языка — это знаки, связанные с мыслью.

Как явствует из этого краткого обзора, Хэррис, опираясь на положения «Грамматики Пор-Рояль», ставит и решает, конечно в пределах возможностей науки своего времени, такие важные проблемы, как форма и содержание в языке, понятие членораздельности, понятие системы, применимость методов синтеза и анализа.

Продолжая традиции универсальной грамматики и сохраняя, в частности, исходные положения «Грамматики Пор-Рояль», некоторые авторы позднейшего периода стремятся расширить рамки лингвистического материала, включить и осмыслить через призму универсализма и рационализма языки иной типологии (языки Америки, китайский язык и др.), пытаются ставить вопрос о системном сравнении языков (это сравнение, разумеется, не имеет никакого отношения к возникшему позже сравнительно-историческому методу)¹.

Не подлежит сомнению, что создание универсальной грамматики явилось крупным шагом в развитии грамматической науки. Универсальная грамматика ставила целью решить задачи большой научной важности (многие из них, отметим кстати, не решены до настоящего времени).

Сравнивая системы языков, наиболее значимых в европейской культуре того времени, наука о языке определила принципиальную номенклатуру грамматических категорий и значений общего плана (части речи) и основные их грамматические категории (роль* падеж, лицо, число, наклонение и т.п.), эти категории были описаны на общих научных основаниях (независимо от воли создателей систем грамматического описания), они соответствовали всем системам, и самое главное, были определены основные принципы комбинирования грамматических значений, что позволило создать их первую общелингвистическую систему.

Эта система претерпела в дальнейшем много изменений и модификаций. Под влиянием этой системы создавались в дальнейшем новые философские грамматики, многоязычные словари, ко дифицирующие слова сотен языков по некоторой заданной авторами понятийной схеме.

¹ В этой связи можно назвать работу Антуана Кур-де-Жебелена «Универсальная и сравнительная грамматика» [51].

«Грамматика Пор-Рояль» и другие рациональные грамматики создали метод сопоставления языков и сравнения языковых явлений. Этот метод состоял в том, что была образована система понятий, служащая базой для сравнения, и были разработаны правила сравнения разных языков по общему основанию.

Отныне стало возможным создание понятийной системы, эквивалентной системе (существующих или возможных) значений и применимой в отношении любых письменных или устных языковых систем. Подобная эквивалентность представляет собой не только однозначное соответствие каждого элемента универсальной метасистемы каждому из элементов некоего языка, но и систему гомоморфных соответствий между системами значений разных языков. Такая метасистема (т.е. вся система понятий общего характера) сделала возможным унифицированное систематическое описание любого языка и позволила установить принципиальное соответствие между устной, письменной и печатной речью, тем самым был в целом представлен план содержания всемирного языка. Таким образом, система понятий рациональной грамматики есть **описание плана содержания всемирного языка**.

Соотнести эту систему с системами любых устных и письменных языков можно следующим образом.

На грамматическом уровне общий (объединяющий все языки) смысл имплицитно определяется системой грамматических значений и их связей, выраженных какими-либо грамматическими элементами. Предполагается, что каждое такое значение имеется в каждом языке, но выражается разными языковыми средствами. То есть эти средства, будучи в разных языках различными, могут передавать значение, присущее всем языкам и представленное в любом языке.

Грамматическое значение абстрагируется от множества словосочетаний разных языков; словосочетания расписываются по признаку обладания одним и тем же значением. Итогом анализа всего корпуса словосочетаний во всех языках выступает система грамматических значений.

Присущее всем языкам грамматическое значение сравнимо со смыслом слова в многоязычном словаре. Например, французское слово *homme* 'человек' объясняется через слова других языков, имеющих иной фонетический облик, но обладающих тем же значением. Все слова этого ряда представляют собой парадигму; общее значение слов эпарадигмы есть общелингвистический инвариант значения. Нельзя установить весь объем значения слова, подобно тому как невозможно композицией фонем полностью описать морфему. Для определения полного значения слова необходимо знание его предметной отнесенности (равно как для полного описания морфемы надо знать ее смысловую сторону). При этом важно, что предметную соотнесенность слова можно заме-

нить парадигмой слов разных языков с общим для них значением. Смысл слова в многоязычном словаре записывается как парадигма слов большого множества языков, т.е. слов с разным фонетическим обликом. Парадигма слов имплицитно их общее значение, и, наоборот, общее значение имплицитно парадигму.

Подобно тому как характеризуются в многоязычном словаре общие значения слов, описываются и грамматические значения, общие для многих языков и составляющие центр системы грамматических значений любого языка. Общие значения представлены как в развитых, так и в неразвитых (вульгарных) языках. Развитые и вульгарные языки различаются между собой, помимо прочего, еще и способом существования языковых знаков: звуки, буквы, печатные литеры. Рациональная грамматика, объединяя устные и письменные языки, позволяет провести корреляцию между ними.

Значение слова описывается **1)** как сочетание грамматических значений, данных ему в словосочетаниях определенного грамматического вида, и **2)** как всеобщий эквивалент слов разных языков с общим понятийным содержанием. Соединение лексического и грамматического значений слова характеризует его значение в целом.

Из всей массы грамматических значений берутся только те, которые представлены во всех языках. Всеобщий эквивалент лексического значения дается в графическом изображении, вобравшем в себя материальный облик слова во всех языках. Таковыми являются литеры, которыми записывается звучание слова любого языка, вне зависимости от его собственной орфографии, каллиграфии и т.п., характерных для школ скрибов.

Предложенная система реально объединяет устные и письменные языки. Объединение, однако, происходит за счет устранения всех эстетических моделирующих сторон системы (орфография, звукопись, каллиграфия, «образность» в сочетаниях элементов и т.п.). Универсальная грамматика создает логически правильную речь. Все то, что относится к эстетическим особенностям устной и письменной речи, выпадает из системы и составляет несистематизируемый предмет индивидуального творчества. Эстетика же универсальной грамматики — это эстетика непротиворечивости, логической ясности, лаконичности и точности речи.

Универсальная грамматика, выделив универсальные инварианты значений (грамматических и лексических), сделала обозримыми перечень грамматических форм разных языков, объединенных общим значением, и перечень их слов, также объединенных общим значением.

Благодаря этому стало возможным сравнение плана выражения грамматических и лексических значений разных языков и их классификация по группам.

Возникло два типа классификаций языков: 1) типологические, когда сходства и различия в материальной форме сочетаний значащих элементов языков устанавливаются независимо от того, какова их конкретная семантическая реализация, и 2) генеалогические, при которых сходства и различия в материальной реализации значащих элементов языков определяются в зависимости от их семантической реализации.

В XIX в. языковедение обратило свое внимание преимущественно на генеалогические классификации языков. Типологические классификации языков разрабатывались слабо и служили лишь подспорьем в работе над последними. Широкая разработка типологии стала возможной только в XX в., когда были сформулированы основные понятия теории лингвистического метода.

* * *

Подводя некоторые итоги, можно сказать, что универсальная грамматика, в частности и в первую очередь «Грамматика Пор-Рояль», создала предпосылки для сравнительного языковедения — нового этапа в развитии науки о языке. Сравнительное языковедение — это уже не грамматическое искусство, а именно наука о языке. Изменяется отношение к описываемой системе. Если в грамматическом искусстве исследователь, описывающий языковую систему, стремится обосновать ее принципами, лежащими за рамками наблюдаемого объекта (разумность, правильность, сакральность и т.п.), то в научном языковедении принципы описания утверждаются только из наблюдения и сравнения языковых фактов.

В античном и средневековом языковедении все последующие описания, создаваемые в рамках той же традиции, обосновываются схоластически, т.е. как схолия на схолию. В научном языковедении описания, осуществляемые в пределах той же традиции, обосновываются как критика предшествующих со стороны соответствия фактам и логике рассуждения о них.

Универсальная грамматика исследует правильность самой системы и формирует законы построения для любого языка, античная грамматика понятие правильности использует только по отношению к тексту, созданному на основе этой же грамматики. Тексты, которые нарушают запреты (имплицитно содержащиеся в античной грамматике), считаются неправильными. В подходе к понятию грамматической правильности видно отличие универсальной (рационалистической) грамматики от античного языковедения. Правила универсальной грамматики выводятся на основании принципа индукции, применяемого в описании систем развитых языков. Следование этим правилам при построении системы некоего языка предполагает изначально, что созданная система отражает уровень мысли, столь же развитой, что и системы языков, от которых производилась индукция.

И наконец, научное языкознание — это прежде всего общее языкознание. Оно либо истолковывает факты всемирного языка, либо описывает конкретный язык в связи с истолкованием таковых. Грамматическое же искусство никогда не касалось всемирного языка и говорило только о системе конкретного языка, которым в данный момент занималось.

Естественно, что задачи, поставленные универсальной грамматикой, не могли быть реализованы в условиях XVII—XVIII вв. Это обуславливалось целым рядом обстоятельств. Научное мышление находилось в плену схоластики. Возможности научного познания языка ограничивались ошибочными общеметодологическими установками (логицизм и рационализм). Многие определялось не только общим состоянием научной мысли того времени, но и состоянием собственно языкознания. Многие языки еще не были изучены и описаны. Описания известных языков (особенно вновь открытых) были далеки от совершенства. Не были в достаточной степени познаны природа и развитие естественных языков. Не была разработана методика исследования, отвечающая специфике языкового материала разнообразной типологии. Теоретическим изучением языка занимались и философы, и логики, и математики, и психологи, и собственно лингвистический анализ нередко находился под сильным влиянием методов анализа логического, психологического, а подчас и подменялся последним.

Универсальная грамматика стремилась четко определить объект исследования и задачи, перед ней стоящие, а именно: изучение естественных свойств речи и установление общих принципов, присущих всем языкам мира, что отвечало проблематике таких современных отраслей языкознания, как структурная лингвистика, типология языков, порождающая грамматика, лингвистика универсалий и др.

«Языковой универсализм» и «языковые универсалии» становятся одними из существеннейших понятий современной науки о языке. «Сегодня, — как оптимистично пишет Р. О. Якобсон, — лингвистика имеет в своем распоряжении методологические предпосылки, необходимые для конструирования адекватной универсальной модели» [17, 384].

Важный вклад универсальной грамматики в языкознание прослеживается в настоящее время не только в области лингвистического универсализма, но и в типологии языков. Очевидно, истоки теоретических предпосылок структурализма (глоссематики, в частности) и лингвистической семиотики (именно универсальная грамматика содержит первые попытки семиотического рассмотрения языка) следует искать в идеях, высказанных авторами универсальной грамматики. Роль универсальной грамматики в научном познании сущности языка гораздо значительнее, чем это

осознано лингвистикой сегодняшнего дня. Во всяком случае, как показывают многие современные исследования, теоретическое языкознание сегодня все чаще обращается к некогда забытым или в свое время ошибочно истолкованным идеям прошлого.

Следует отметить, что «Грамматика Пор-Рояль» и труды тех авторов, которые впоследствии занимались исследованием мирового языка, стараясь внести вклад в науку о языке и умножить ее успехи, всегда пользовались уважением со стороны всех выдающихся языковедов новейшего периода. Небезынтересно напомнить в этой связи оценку, данную Ф.де Соссюром с позиций задач синхронической лингвистики начала XX в. методу рациональной грамматики. По мнению Ф.де Соссюра, точка зрения «грамматиков, вдохновлявшихся традиционными методами, по занимающему нас вопросу абсолютно безупречна. Их работы ясно нам показывают, что в их намерении было описывать состояния, их программа строго синхронична. Например, так называемая «Грамматика Пор-Рояль» пытается описать состояние французского языка при Людовике XIV и определить составляющие его элементы. Ей для этого не требуется средневековый язык; она строго следует горизонтальной оси... и никогда от нее не отклоняется. Такой метод верен, что не значит, впрочем, что он применен безукоризненно...» [14, 89— 90].

Слабость системы «Грамматики Пор-Рояль» и работ, выполненных в традиции лингвистического универсализма XVII — XVIII вв., состоит в том, что универсальная грамматика, формулируя принцип системного структурирования языкового материала, не смогла отразить его разнообразие, специфику звуко-смысловых отношений, для него характерных. Универсальная грамматика не смогла также выйти за пределы формальной логики, поэтому оказалось не раскрытым и все разнообразие моделей, работающих в сфере «мысль—речь».

Но, несмотря на все недостатки, «Грамматика Пор-Рояль», как уже не раз отмечалось, открыла новый этап в развитии знаний о языке, способствовала выделению языкознания в самостоятельную науку.

«Грамматика Пор-Рояль», как и все произведения эпохального значения, положила начало новому историческому периоду в развитии теории языка. С этого момента, в частности, начинается этап абстрагирования в языкознании. Эта грамматика явилась первым сочинением, поднявшим проблемы, которые вот уже триста лет не сходят в языкознании с повестки дня, а многие из них занимают место в ряду центральных проблем современной лингвистики, логики и философии.

На протяжении первой половины XIX в. труды, придерживающиеся более или менее последовательно идей «Грамматики Пор-Рояль» или развивающие их, появляются все реже и реже. Науч-

но-исследовательская деятельность лингвистов пошла в ином направлении. Все, кто интересовался проблемами языка (и кто, может быть, писал бы «рациональные грамматики», если бы жил в XVIII в.), направляют свою деятельность на изучение древних восточных языков, на сравнение древних и новых языков под историческим углом зрения. Рождается сравнительно-историческое языкознание. Идеи универсализма в языкознании практически почти на сто лет уступили место новой лингвистической проблематике.

V- Подготовка нового этапа в развитии языкознания

Одновременно и параллельно с рассмотренными выше видами деятельности в области теории языка в XVI — XVIII вв. шла работа по выявлению, описанию, изучению и классификации все новых языков. Географические открытия вводили в круг исследования многочисленные, неизвестные до этого науке языки: африканские, азиатские, американские, а затем и австралийские. Уже в XVI в. появились первые описания американских и филиппинских языков, выполненные испанскими миссионерами.

К XVI в. относятся первые попытки представить обзор всех известных к тому времени языков. Упомянем в этой связи работу К.Геснера «Митридат» [65], вышедшую в Цюрихе в 1555 г., и работу И.Мегизера под названием «Образчики сорока языков» [85], вышедшую в свет в 1592 г. во Франкфурте.

Большое значение придавал работе по сбору глоссариев и созданию грамматических описаний разнообразных языков мира Г.Лейбниц. Он поддерживал постоянную переписку с иезуитскими миссионерами в Китае, с путешественниками и учеными разных стран, которые проявляли интерес к этим вопросам.

Путешественники, обследуя различные районы земного шара, составляют словари и глоссарии по языкам народов, живущих на этих территориях. Миссионеры переводят канонические книги на языки населения «новых» районов земного шара, составляют грамматики этих языков (так называемые миссионерские грамматики).

Во многих странах — в России, Испании, Франции и др. — проводится большая лексикографическая работа, составляются многоязычные словари. Достаточно указать лишь на некоторые факты. Так, в конце XVIII в. в России при содействии Екатерины II были подготовлены списки слов и инструкции, которые были разосланы в административные центры Сибири, а также в различные страны, где Россия имела свои представительства. Они предназначались для сбора эквивалентной лексики из местных языков и наречий. Материалы этого обследования, проводившегося в несколько этапов, обработал академик П.С.Паллас (1744—1811) — Между 1768 и 1787 гг. он опубликовал предварительные данные, а

в 1787 и 1789 гг. издал два тома словаря под названием «Сравнительные словари всех языков и наречий, собранные десницею всевысочайшей особы». Ввиду того что сбор данных проводился поспешно и зачастую неспециалистами, было допущено много ошибок и искажений в передаче фонетического облика слов. Первое издание включало список из 185 слов по почти 200 языкам и диалектам Азии, островов «Полуденного» океана и Европы (142 азиатских и 51 европейский, в том числе 50 языков народов Севера). В 1790—1791 гг. в Петербурге вышло второе, дополненное и исправленное издание этого труда под названием «Сравнительный словарь всех языков и наречий, по азбучному порядку расположенный» [12], в нем содержалась информация уже по 272 языкам и диалектам, в число которых вошло 30 языков Африки и 23 языка Америки.

Испанский монах Лоренцо Эрвас-и-Пандура на рубеже XVIII — XIX вв. создал и опубликовал в Италии энциклопедию «Идея Вселенной» [70], состоящую из 21 тома. 17-й том содержал характеристику естественных языков. Заглавие его гласит: «Каталог языков известных народов, их исчисление, разделение и классификация по различиям их наречий и диалектов» (издан в 1794 г.). Позже, в 1800—1804 гг., вышло отдельным изданием расширенное одноименное сочинение в шести томах [см. 71], в котором были сведения о 300 языках мира, в том числе о языках американских индейцев. Заслугой автора является описание не только словарного состава, но также и грамматического строя языков. Целью работы являлось доказательство родства или различия народов путем исследования их языков. Эрвас-и-Пандура был одним из первых, кто выдвинул положение о том, что для вывода о родственной близости рассматриваемых языков решающим фактором является наличие сходства в грамматической структуре, а не в лексике. Считается, что в этом «Каталоге» он дал первое описание более 40 языков Америки.

С 1806 по 1817 г. в Берлине выходит четырехтомный словарь И.Х.Аделунга под названием «Митридат, или Всеобщее языкознание, имеющее в качестве языкового примера "Отче наш" на почти 500 языках и диалектах» [21]. Сам Аделунг обработал лишь первый том и часть второго, а остальное сделал И.С.Фатер. Словарь этот содержал еще больше ошибок и погрешностей, чем словарь Палласа. Сравнения языков в этой работе очень незначительны и сводятся лишь к сопоставлению слов. Описание языков ограничивается небольшими грамматическими замечаниями. Классификация языков дается преимущественно по географическому принципу, хотя приводятся некоторые наметки генеалогической классификации. Кроме того, для иллюстрации соответствий между живыми языками выбор текста молитвы следует считать крайне неудачным ввиду каноничности текста и, следовательно, боль-

шой вероятности иноязычных заимствований в соответствующих переводах.

Хотя эти новые языковые познания часто оказывались поверхностными, тем не менее благодаря проделанной работе кругозор исследователей языка значительно расширился. Постепенно подготавливался новый этап в развитии языкознания.

Литература

1. *Бэкон Ф.* О достоинстве и усовершенствовании наук // Собр. соч. — СПб., 1874.
2. *Данте Алигьери.* Пир // Малые произведения. — М., 1968.
3. *Декарт Р.* Начала философии // Сочинения. — Казань, 1914. — Т. 1.
А. Декарт Р. Метафизические размышления. — СПб., 1901.
5. *Декарт Р.* Рассуждение о методе для руководства разума и отыскания истины в науках. — М., 1925.
б. Дрезен Э. В поисках всеобщего языка. — М.; Л., 1925.
7. *Зизаний Лаврентий (Тустановский).* Славянская грамматика съ словаремъ. — Вильно, 1596.
8. *Зизаний Лаврентий (Тустановский).* Лексис сиречь речения в кратце собраны и из словенского языка на просты русский диалект истолкованы. — Вильно, 1596.
9. *Лейбниц Г. В.* Новые опыты о человеческом разуме. — М.; Л., 1936.
10. *Ломоносов М. В.* Российская грамматика. — СПб., 1755.
11. [*Лудольф Г. В.*] Русская грамматика Лудольфа / Пер., вступит. ст. и прим. Б. А. Ларина. — Л., 1937.
12. *Паллас Петр Симон.* Сравнительный словарь всех языков и наречий, по азбучному порядку расположенный. — СПб., 1790—1791.
13. [*Смотрицкий Мелетий*] Грамматика славенсюя правильное сунтагма по тшашемъ многогръшного мника Мелетїа Смотрисского. — Вильно, 1618.
14. *Соссюр Ф. де.* Курс общей лингвистики: Пер. с фр. — М., 1933.
15. [*Тредиаковский В. К.*] Разговор между чужестранным человеком и российским об орфографии старинной и новой и о всем, что принадлежит к сей материи, сочинен Василием Тредиаковским. — СПб, 1748.
16. *Хомский Н.* Логические основы лингвистической теории // Новое в лингвистике. — М., 1965. — Вып. IV.
17. *Якобсон Р. О.* Значение лингвистических универсалий для языкознания // Звегинцев В. А. История языкознания XIX—XX вв. в выдержках и извлечениях. — М., 1965. — Ч. II.
18. *Aarhus J. M.* De Uteris libri duo. — Basel, 1586.
19. *Addamiano N.* Quelques sources italiennes de la «Defference» de J. Du Bellay // Revue de litterature comparee. — 1923.
20. *Addamiano N.* И Rinascimento in Francia. P. Ronsard. — Palermo; Roma, 1925.
21. *Adelung J. Ch.* Mithridates oder allgemeine Sprachenkunde mit dem «Vater Uriser» als Sprachprobe in beynahe funfhundert Sprachen und Mundarten. — В., 1806-1817. — Bd. 1—4(6).

22. *Arnauld A.* Lettres de Leibniz a Arnauld. D'apres un manuscrit inedit. Avec une introduction historique et des notes critiques par Genevieve Lewis. — Paris, 1952.
23. *Arnauld A.* Nouveaux elements de geometric — Paris, 1667.
24. *Arnauld A.* Oeuvres philosophiques. — Paris, 1843.
25. [*Arnauld A., Lancelot C.*] Grammaire Generate et Raisonnee contenant les fondemens de Tart de parler, expliques d'une maniere claire et naturelle; les raisons de ce qui est commun a toutes les langues et des principaux differences qui s'y rencontrent; et plusieurs remarques nouvelles sur la langue francoise. — Paris, 1660 (цит. no: 4me ed. — P., 1780).
26. *Arnauld A., Lancelot C.* Grammaire generale et raisonnee de Port-Royal. — Paris, 1803.
27. *Arnauld A., Nicole P.* La Logique ou l'art de penser: contenant, outre les regies communes, plusieurs observations nouvelles, propres a former le jugement. 3me ed. — Paris, 1668; Amsterdam, 1675 (1er ed., 1662).
28. [*Arnauld d'Andilly*] Oeuvres diverses de monsieur Arnauld d'Andilly, divisees en trois tomes. — Paris, 1675.
29. [*Bacon F.*] Opera Francisci Baronis de Vervlamio Vice-Comitis Sancti Albani. Tomus primus qui continet De dignitate et augmentis scientiarum. Libros IX. — London, 1623 [русск. пер. см. 1].
30. [*Bacon F.*], The Works of F. Bacon. — London, 1864.
31. *Bembo P.* Delia volgare lingua. — Vinegia, 1525.
32. *Du Bellay J.* Oeuvres. — 2me ed. — Paris, 1866— 1867.
33. *Beauzee N.* Grammaire Generale ou exposition des elements necessaires du langage pour servir de fondement a l'etude de toutes les langues. — Paris, 1767 (цит. no: rev. ed., 1819).
34. *Brosses Ch.* de Traite de la formation mecanique de langues. — Paris, 1765.
35. *Buffier C.I.* Suite de la Grammaire francoise... ou Traite philosophique et pratique d'eloquence. — Paris, 1728.
36. *Buffier C.I.* Grammaire francaise. — Paris, 1732.
37. *Buffier C.I.* Grammaire francaise sur un plan nouveau. — Paris, 1741.
38. *Buffier C.I.* Nouvelle et parfaite grammaire royale francoise et allemande. — Paris, 1738.
39. *Chomsky N.* Cartesian Linguistics. A Chapter in the History of Rationalist Thought. — N.Y., 1966.
40. *Chomsky N.* Aspects of the Theory of Syntax. — Cambridge; Mass., 1965.
41. *Chomsky N.* Language and Mind. — N. Y., 1968.
42. *Condillac E. B.* Oeuvres completes de Condillac, revues, corrigees par l'auteur, et imprimees sur les manuscrites autographes. — Paris, 1803. — Vol. 1 — 31.
43. *Condillac E. B.* Cours d'etude par l'abbe de Condillac. — Paris, 1795.
44. *Condillac E. B.* Cours d'etude pour l'instruction du Prince de Parme, aujourd'hui son Altesse Royale, l'infant de Ferdinand, due de Parme, par l'abbe de Condillac. — Paris, 1790.
45. *Condillac E. B.* La Grammaire. — Paris, 1775 (цит. по изд.: P., 1798).
46. *Condillac E. B.* La logique ou les premiers developpements de l'art de penser. — Paris, 1794.
47. *Condillac E. B.* La langue des calculs, ouvrage posthume et dementaire, imprime sur les manuscrites autographes de l'auteur dans lequel des observations, faites sur les commencements et les progress de cette langue, demontrent les

vices des langues vulgaires et font voir comment on pourrait dans toutes les sciences reduire Tart de raisonner a une languc bien faite. — Paris, 1792.

48. *Couturat L., Lean L.* Histoire de la langc universelle. — Paris, 1903.

49. *Dangeau L. de* Essai de grammaire. — Paris, 1711.

50. *Dangeau L. de* Opuscles sur la grammaire. — Uppsala, 1927.

51. *Court de Gebelin A.* Monde primilif analyse et compare avec le monde moderne, considere dans l'histoire naturelle de la parole; ou Grammaire um, verselle et comparative avec des figures en taille douce. — Paris, 1774.

52. *Court de Gebelin A.* L'histoire naturelle de la parole. — Paris, 1776.

53. [*Dante Allighieh*] II Trattato de vulgari eloquentia // Dante Allighien. Traite de l'eloquence vulgaire. Manuscrit de Grenoble / Publie par Maignien. Venise, 1892.

54. [*Dante Allighieri*] Tutte le opera di Dante Allighieri, nuovante riveduio nel testo da Dr. E. Moore. — Oxford, 1894.

55. [*Dante Allighieri*] La Vita Nuova di Dante Allighieri, i trattati de vulguo eloquentia, 3^{mc} ed. — Firenze, 1873.

56. [*Dante Allighieri*] Opere Minori di Dante Allighieri. Editione critica. — Milano, 1907.

57. *Descartes R.* Correspondance, Amsterdam, 20 November 1629. Descai к s a Mersenne // R. Descartes, Oeuvres completes / Publiees par C. Adam, P. Tannery. — Paris, 1897. — Vol. I.

58. *Descartes R.* Discours de la Methode pour bien conduire sa raison, et chercher la verite dans les sciences; plus la dioptrique, les meteores et la geometric — Leyden, 1637 [русск. пер. см. 4].

59. [*Descartes R.*] Les principes de la philosophic escrits en latin par Rene Descartes et trad, en francais par un de ses amis. — Paris, 1659 (первое издание вышло в 1644 г. на латинском языке. Полное наименование приводим по переизданию: *Renatus Descartus*. Principia philosophia: Ultima ed cum optima collata, diligenter recognita & mendis expurgata. — Amstelodami, 1678) [русск. пер. см. 3].

60. [*Descartes R.*] Renati Descartes Meditationes de prima philosophia. — Amstelodami, 1650 [русск. пер. см. 5].

61. *Desmarais R.* Traite de Grammaire Francaise. — Paris, 1706.

62. *Domergue EU.* Grammaire generale et simplified. — Paris, 1796.

63. *Emery J A.* Esprit de Leibniz ou Recueil de pensees choisies sur la religion, la morale, l'histoire, la philosophic, etc. Extractes de touses ses oeuvres latines et franchises. — Lyon, 1772. — Vol. 1—2.

64. *Ferrari O.* Origines linguae italicae. — Paduae, 1676.

65. *Gesner C.* Mithridates. — Zurich, 1555.

66. *Harnois G.* Les theories du language en France de 1660 a 1821. — Pan⁴-1928.

67. *Harris J.* Hermes or a Philosophical Inquiry Concerning Language aiul Universal Grammar. 3-d ed. — London, 1771 (1-st. ed. — 1751).

68. *Herder J.G. von.* Ursachen des gesunken Geschmacks bei den voischiedenen Volkern da er gebtlihet. — Berlin, 1789.

69. *Herder J. G. von.* Abhandlung uber den Ursprung der Sprache. — Berlin 1772.

70. *Hervas v Panduro L.* Idea dell Universe — Cesena, 1780—1784. ^ Vol. I—XVII.

IX. Hervdsy Panduro L. Catalogode las lenguas de las naciones conocidas y numeration, division, y clases de estas segun la diversidad de sus idiomas 6 dialectos. — Madrid, 1800—1804. — Vol. 1 — 6.

72. [*Kalmdr G.*] Praecepta grammatica atque specimina linguae philosophicae five universalis ad omne vitae genus adcommodatae, auctore G. Kalmar. — Lipsiae, 1772.

73. [*Lancelot C.*] Nouvelle methode de messieurs de Port Royal pour apprendre facilement la langue latine. — 8me ed. — Paris, 1696.

74. *Lancelot C.* Nouvelle methode pour apprendre facilement et un peu de temps la langue espagnole. — Paris, 1660.

75. *Leibniz G. G.* Brevis designatio meditationum de originibus Gentium, ductis potissimum ex indicio linguarum // Miscellanea Berolinensia ad incrementum scientiarum, ex scriptis Societatis Regiae Scientiarum exhibitis edita, cum figuris aeneis et indice materiarum. — Berolini, 1710.

76. *Leibniz G. G.* Nouveaux Essais sur l'entendement humain // Oeuvres philosophiques latines et francaises de feu Mr. de Leibniz. — Amsterdam; Leipzig, 1765 [русск. пер. см. 9].

77. *Leibniz G. G.* Dissertatio de Arte Combinatoria. — Lipsiae, 1666.

78. *Leibniz G. G.* Philosophische Schriften. — Bd. 1 (1663 — 1672). — Darmstadt, 1930.

79. *Leibnitius G. G.* Opera omnia, primum collecta, in classes distributa, praefationibus & indicibus exornata, studio Ludovici Dutens. — Genevae, 1768. — T. 1—6.

80. [*Leibniz G. G.*] Lettre de Mr. G. G. Leibniz a M. M. Remond de Montmort 10 Janvier, 1714. D'une langue universale // G.G. Leibnitii Opera omnia. — Genevae, 1768.

81. *Ludolfus H. W.* Grammatica Russica quae continet non tamen praecipua fundamenta Russicae linguae verum etiam manuductionem quandam ad grammaticam Slavonicam, additi sunt in forma dialogorum modi loquendi communiores, Germanice... ac Latine explicati... una cum brevi vocabulario rerum naturalium (Appendicis loco subjungenius pauca ad historiam naturalem Russiae spectantia). — Oxonie, 1696 [русск. пер. см. 11].

82. *Marsais C. C. du.* Logique et principes de grammaire. — Paris, 1769.

83. *Maynial E.* Les grammairiens philosophes du XVIII siecle. La grammaire de Condillac // Revue Bleue. — Paris, 1903. — 4^e serie. — T. XIX. — N 10.

84. *Megiser H.* Specimens of Forty Languages. — Frankfurt, 1592.

85. *Menage G.* D'origines de la langue francoise. — Paris, 1650.

86. *Menage G.* Dictionnaire etymologique de la langue francoise. — Paris, 1650.

87. *Menage G.* Origini della lingua italiana. — Paris, 1669.

88. *Moncourt E.* De la methode grammatical de Vaugelas. — Paris, 1851.

89. *Moreau de Maupertuis P. -L.* Reflexions philosophiques sur l'origine des bngues et la significations des mots. — Paris, 1755.

90. *D 'Olivet Abbe (Ohouliar D'Olivet)* Essais de Grammaire. — Paris, 1740.

91. *Ramee P. de la.* Grammaire. — Paris, 1562 (nouvelle ed., Paris, 1572).

92. *Ronsard P. de.* Apologie a Loius Meigret. — Paris, 1550.

93. *Rousseau J. J.* Essai sur l'origine de langues (Posthume. Le premier titre etait: Essai sur le principe de la melodie et de l imitation musicale) // Traite sur la ttuisique. — Geneve, 1781.

94. *Sacy A. J. S. de*. Principes de grammaire generale mis a la portee des enfants, et propres a servir d'introduction a l'etude de toute les langues. — Paris, 1799 (цит. по изд. 1804 г.).
95. *Sainte-Beuve Ch.-A.* Port-Royal. — 2me ed. — Paris, 1860. — Vol. III.
96. *Sahlin G.* Cesar Chesneau du Marsais. — Paris, 1928.
97. *Scaliger J.J.* Diatriba de Europaeorum Unguis. — Paris, 1599.
98. *Scaliger J.J.* Opuscula varia antehac non edita. — Paris, 1610.
99. *Sicard Roch Ambroise* Cucurrok, Grammaire generale. — Paris, 1807.
100. *Tell J.* Les grammairiens francais. — Paris, 1874.
101. *Tracy Destutt de*. Elements d'ideologie, 3me partie. La logique. — Vol. 1—2. — Paris, 1825 (цит. по: *Sainte-Beuve Ch.-A.*, Port-Royal. — 2me ed. — P., 1860. — Vol. III).
102. *Turgot A.R.J.* Discours sur l'histoire universelle. Reflexions sur les langues (Article «Etymologie» de l'encyclopedie). — Paris, 1808.
103. *Vaugelas C.I. F. de*. Remarques sur la langue franchise. — Paris, 1647 (цит. по: *Sainte-Beuve Ch.-A.*, Port-Royal. — 2me ed. — P., 1860. — Vol. III)
104. *Volney*. Discours sur l'etude philosophique des langues. — Paris, 1820.
105. *Wallis J. S. T. D.* Geometriae professoris in celeberrima Academia Oxoniensis atque Regalis Societatis Londoni sodalis Grammatica Linguae Anglicanae, cui praefigitur de Loquela sive sonorum formatione tractatus grammatico-physicus. — Oxoniae, 1653.
106. *Wilkins J.* An Essay towards a Real Character and Philosophical Language. — London, 1668.
107. *Wolke C.H.* Erklirung wie die wechselseitige Gedankenmittheilung aller cultivierten Volker des Erdkreises, oder die Pasigraphie moglich und ausublich sey, ohne Erlernung irgend einer neuen besondern, odereiner allgemeinen Wort-Schrift- oder Zeichen-Sprache. — Dessau, 1797.

ГЛАВА 4

ФОРМИРОВАНИЕ СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Вводные замечания.

- I. Истоки сравнительного исторического языкознания.
- II. Начальный этап сравнительно-исторического языкознания.
 1. *Общие сведения.*
 2. *Основоположники сравнительно-исторического метода.*
Ф. Бопп, Р. Раек, Я. Гримм, А. Х. Востоков.
- III. Сравнительно-историческое языкознание в середине XIX в.
- IV. Принципы и методика сравнительно-исторического исследования.

Вводные замечания

В результате постепенного накопления многообразного и обильного фактического материала, выявления и описания в течение XVII—XVIII вв. огромного количества практически всех обозримых для того времени языков к середине XVIII в. создаются предпосылки для сопоставления теоретических представлений о языке с фактами самых различных языковых типов.

Античной лингвистической теории было чуждо сравнение языков, сама «монокультурность» античной лингвистики в известной мере обуславливали то, что античные построения в области теории языка оставались как бы в замкнутом кругу. Это положение вещей, не претерпев сколько-нибудь существенных изменений на протяжении Средних веков, отрицательным образом сказалось и на развитии предмета лингвистики в Новое время, и в частности на универсальной грамматике.

На рубеже XVIII и XIX вв. идеи сравнительно-исторического подхода к анализу языка, позиции которого все более укреплялись, как бы вступили в противоречие (прежде всего своим методом) с теоретической концепцией, характерной для всеобщей (рациональной) грамматики.

Стало очевидно, что исходя только из наличных доктрин и Методов, без тщательного исследования всего многообразия языковых данных невозможно продвинуться вперед в постижении тайн сущности языка. Необходимо было приступить к более кропотливому собиранию, обработке, систематизации и анализу собствен-

но языкового материала и (исключив на время все то, что находится за пределами самого языка) обратиться к настойчивому поиску новых методов его исследования, методов, объясняющих многообразие языков и их единство, исходя из самого языкового материала. Ибо было ясно, что ученые «вращаются» в рамках все того же недостаточно глубоко обработанного материала, хотя этот материал и удовлетворял потребностям науки при решении поставленных на предыдущем этапе задач.

Однако известно, что обработка материала в процессе научного исследования — это акт, воздействующий на объект исследования и его изменяющий. Определенное видение объекта формирует предмет исследования. В зависимости от методики обработки и исходных теоретических посылок формируется и предмет науки. Для решения новых проблем, как возникших в языкознании, так и поставленных перед ним условиями общественного прогресса, нужны были новые исходные понятия, очевидно, совершенно по-новому проанализированный материал и, следовательно, новое его видение и новые методы его препарирования и систематизации.

В область лингвистического мышления широко проникают новые идеи из стремительно развивающихся астрономии, физики, химии. Новые знания и научные идеи сказываются на формировании философских учений, которые, распространяясь среди широких кругов образованной общественности, изменяют ее мировоззрение.

В науке, в том числе и в языкознании, постепенно утверждается и получает всеобщее признание принцип историзма. В языкознании этот принцип воплощается в методе сравнения языков под историческим углом зрения и классификации языков с учетом их происхождения и развития¹.

Сравнительно-историческое языкознание — огромная область теории языка. Она включает большой раздел, касающийся философии языка и теории развития языка, с одной стороны, и громадное количество конкретных описаний языков — с другой.

Если сравнительно-историческая философия языка, сформировавшаяся в своем классическом виде в рамках индоевропеистики, может рассматриваться как относительно законченное образование, то сравнительно-историческими описаниями в настоящее время охвачены далеко не все языки и языковые группы. Довольно полно исследована индоевропейская семья языков. Весьма интенсивно исследуются такие языковые общности, как китай-

¹ Уже в XVIII в. ряд философов, филологов и грамматистов (Ш. де Бросс, Ж. Ж. Руссо, Д. Б. Монбоддо, А. Смит, Дж. Пристли, И. Г. Гердер и др.) предпринимали попытки применить к языку положение основателя философии истории Джамбатиста Вико (1668—1744) о процессе развития человеческого общества, изложенное в его трактате «Основания новой науки» [139].

ско-тайская, тибето-бирманская, мон-кхмерская, малайско-полинезийская, семито-хамитская, банту и т.п. Другие языки, например нило-чадские, гвинейские, американо-индейские, чукотско-камчатские, мунда и т.п., ждут обобщающих сравнительно-исторических исследований.

В XIX в. развитие научных представлений в истории сравнительного языкознания шло сложным путем. Этот век знал и периоды педантичного собирания и кропотливой обработки фактического материала по языкам, принадлежащим к самым различным языковым общностям, и периоды бурного развития идей, основополагающих открытий. Прилагались большие усилия по уточнению и совершенствованию приемов лингвистического анализа на базе сравнительно-исторического метода. Расширялись горизонты языковедческой науки. Устанавливались связи с другими науками — естественными и гуманитарными. Возникали новые языковедческие дисциплины, определялись области, пограничные с другими науками. Под влиянием смежных наук в языкознании в различные исторические периоды XIX в. оформлялись различные школы и направления.

История языкознания XIX в. богата выдающимися исследователями языка, оригинальными школами и течениями. Достаточно упомянуть таких ученых, как В.Гумбольдт, А.Шлейхер, И.А.Бодуэн де Куртенэ, которые своими трудами не только содействовали развитию сравнительного языкознания в его историческом и типологическом ответвлениях, но и оказали значительное влияние на развитие языковедческой мысли в последующие времена.

I. Истоки сравнительно-исторического языкознания

Мысль о генетических связях между языками, т.е. идея родства языков, зародилась задолго до возникновения сравнительно-исторического метода. Еще в 1538 г. появился труд французского гуманиста Гвильельма Постеллуса «О родстве языков» [113] — первая попытка классификации языков.

А уже в 1599 г. голландский ученый Иосиф Юстус Скалигер (1546—1605) в трактате «Рассуждение о языках европейцев» [124] делает попытку классифицировать все европейские языки, сводя их к 11 основным группам, среди которых выделяет четыре большие и семь малых. Каждая группа, как утверждал Скалигер, имела свой «язык-мать». Единство языка, по Скалигеру, проявляется в тождестве слов. Наименование четырех основных языков-матерей — латинского, греческого, тевтонского, славянского — у Скалигера передается соответственно словами «Deus», «©сод», «Godt», «Богъ». К языку-матери «Godt» восходят наречия (языки): Тевтонский, саксонский, датский. Тевтонский делится на верхне-

немецкое и нижненемецкое наречия. Датский подразделяется: на собственно датский, шведский и норвежский, а также исландский. Семь малых языков-матерей составляют: албанский, татарский, венгерский, финский, ирландский, кимрский (бриттский), баскский. Одиннадцать языков-матерей, по Скалигеру, не связаны между собой узами родства.

Сравнение нескольких языков или целых групп языков проводится и другими исследователями. Так, литовский ученый М. Литуанус в своей работе «*De moribus lituanorum, tartarorum, etc.*» [105] отметил около ста слов, сходных в литовском и латинских языках.

Хорватский исследователь Юрий Крижанич в своем сочинении [см. 23] дал первую классификацию славянских языков (1666).

Проблема родства языков волновала в этот период и философов. Много внимания этому вопросу уделяет Готфрид-Вильгельм Лейбниц [см. 24]. Лейбниц высказывает убеждение, что со временем будут созданы словари и грамматики всех языков мира и что это даст возможность решить проблему родства языков и их классификации.

Лейбниц стремился повсеместно организовать исследование и описание ранее не изученных языков. Значительное место в этих исследованиях, по мысли Лейбница, должно быть отведено изучению многочисленных языков России¹. Лейбниц подчеркивал важность установления границ между языками и фиксирования этих границ на географических картах — прием для того времени совершенно новый.

В ряде сочинений, в частности в работе «Новые опыты о человеческом разуме» [24], Лейбниц выдвигает задачу сравнения всех современных языков мира: с одной стороны, между собой, а с другой, позднее, с их более ранними формами. В связи с этим он говорит о языке-предке и языковых семьях. В частности, ставит вопрос о языке готов (в сравнении с современным германским) и языке галлов. По его мнению, готский и древнегалльский восходят к одному и тому же источнику, который можно было бы

¹ Лейбниц, например, уговаривает лингвиста И. Спарвенфельда, специалиста по восточным языкам, отправленного в Россию в составе шведского посольства и выучившего русский язык, заняться исследованием славянских языков, а также определить степени родства между финским, готским и славянским языками [см. 98]. В письме от 1696 г. Лейбниц пишет И. Спарвенфельду: «Было бы хорошо исследовать славянские языки... Я постоянно удивляюсь, что часто у соседних народов, каковы германцы и славяне, языки так различны. Может быть, между ними находились в прежнее время народы, которые составляли менее резкий переход от одного языка к другому, которые теперь истреблены... Я вас прошу сказать мне ваше мнение об этом славянском языке: с каким языком он представляет больше сходства, с языком ли поляков, или чехов, или же с языком славян, живущих около Адриатического моря» [18, 40]. В письме к Петру I от 26 октября 1713 г. Лейбниц предлагает произвести описание многочисленных неизученных языков России и создать словари.

назвать кельтским [см. 24, 243]. Для изучения древних языковых форм Лейбниц призывает изучать тексты, например тевтонские или древнегерманские, Евангелие и т.п. Правда, он не проводит достаточно четкого разграничения вопросов происхождения языка и народа и видит в языке прямое средство установления происхождения народов. Установление гармонии между языками окажется, по его словам, «особенно полезным при объяснении происхождения народов» [24, 249]. Соответственно он призывает ученых поработать над уэльским, бискайским, славянским, финским, турецким, персидским, армянским, грузинским и другими языками. По мнению Лейбница, наличие общих корней в греческом, латинском, германских и кельтских языках объясняется общим происхождением всех этих народов от скифов, переселившихся с берегов Черного моря [см. 24, 244]. Переправившись через Дунай и Вислу, одна часть их могла направиться в Грецию, другая — в Германию и Галлию. Татарский язык был языком гуннов и куманов, на нем же говорят узбеки.

Лейбниц разделил все языки мира на две основные группы: 1) арамейские (семитские); 2) яфетические. Последнюю он делит на две подгруппы: а) скифские (финские, тюркские, монгольские, славянские); б) кельтские (европейские). - •

В XVIII в. голландский исследователь Ламберт тен Кате в книге «Введение в изучение благородной части нижненемецкого языка» [100] провел сравнение, взяв следующие языки: готский, немецкий, голландский, англосаксонский и исландский (1723 г.).

В XVIII в. положение о родстве и общности происхождения ряда языков разрабатывается **М.В.Ломоносовым** в работах «Российская грамматика» [25] — 1755 год, «О пользе книг церковных в российском языке» [26] — 1757 год, а также в других заметках и различных работах по истории и филологии. Ломоносов рассматривает славянские языки и устанавливает, что от общеславянского языка произошли: российский, польский, болгарский, сербский, чешский, словацкий и вендский (под вендским понимается лужицкий) языки, а также выдвигает предположение об их дальнейшем разделении на юго-восточную и северо-западную группы. Кроме того, Ломоносов отмечает, что различные славянские языки находятся между собой в разной степени родства: например, близость русского языка с болгарским большая, чем с польским. Он устанавливает также родственные отношения славянских языков с другими индоевропейскими, а именно: с балтийскими, германскими, греческим и латинским, причем отмечает особенно тесную связь славянских языков с балтийскими (именно с курляндским языком, под которым он понимал литовский и латышский). Ломоносов формулирует положение о новообразовании родственных языков путем последовательного дробления языка, принадлежащего к более древ-

ней эпохе. Сравнение языков Ломоносов проводит преимущественно на материале анализа числительных.

Однако указанные выше исследователи не привлекали еще данных древнеиндийского языка, равно как и иранских языков.

К концу XVIII и началу XIX в. в сферу исследовательских интересов оказался включенным и древнеиндийский язык, в результате чего проблема родства индоевропейских языков приобрела еще большую актуальность. Опубликование первых грамматик санскрита, составленных на основе древнеиндийской грамматической традиции с детальным описанием фонетики и морфологического строя, сделало возможным сопоставление его грамматической структуры со структурами ряда языков Европы. Это обстоятельство сыграло решающую роль в разработке проблемы родства индоевропейских языков и легло в основу создания индоевропейской сравнительной грамматики. Понятно, что сравнительно-грамматические изыскания, особенно в первый период развития индоевропеистики, находились под довольно значительным влиянием древнеиндийской традиции.

В 1767 г. французский священник Кёрду представил Французской академии письменный доклад о родстве индоевропейских языков, в котором на материале списка слов и грамматических форм в латинском, греческом и санскрите обосновал идею об их происхождении из единого источника. Доклад был опубликован только в 1808 г.

В 1786 г. английский востоковед и юрист В.Джоунз в научном докладе, прочитанном Азиатскому обществу в Калькутте, указал на связь санскрита с греческим, латинским, кельтским, готским и древнеперсидским языками и на регулярные совпадения между различными формами этих языков. Вывод, к которому пришел Джоунз, сводится к следующему: не может явиться результатом случайности сходство не только корней, но и грамматических форм; налицо родство языков, восходящих к одному общему и, возможно, уже более не существующему источнику, к которому кроме санскрита, греческого и латинского языков восходят также германские, кельтские и иранские языки.

У Джоунза мы, конечно, еще не находим сколько-нибудь строго сформулированного метода лингвистического анализа и доказательства.

Джоунз рассматривал санскрит наряду с другими языками индоевропейской семьи. Для него санскрит не выступает в качестве праязыка, как это было свойственно концепции ряда языковедов более позднего периода. Вместе с тем Джоунз заявил, что санскрит обладает удивительной структурой, более совершенной, чем греческий, более богатой, чем латинский, и более прекрасной, чем каждый из них.

Австрийский монах **Паулино а Санто Бартоломео** (светское имя — И.Ф.Вездин), живший в Индии в 1776—1789 гг., составил две грамматики санскритского языка и словарь. Под влиянием идей Джоунза он написал «Трактат о древности и родстве персидского, индийского и германского языков» [111], вышедший в свет в 1798 г.

Одновременно делались попытки установить родственные связи языков других семей. Так, венгерский лингвист **Самуил Гярмати** выпустил в 1799 г. книгу «Грамматически показанное родство венгерского языка с языками финского корня» [90].

В 1808 г. появляется книга **Фридриха Шлегеля** под названием «О языке и мудрости индусов» [125]. Автор, как представитель романтизма, высказывает в ней идею о том, что санскрит — это тот источник, из которого позднее развились другие индоевропейские языки. Ф. Шлегель усматривал родство с санскритом греческого, латинского, персидского и германских языков не только в словарном составе, но и в грамматическом строе, широко иллюстрируя это примерами. Он первый ввел в употребление термин «индогерманские языки», синонимом которому затем стал термин «индоевропейские языки». - •

В 1811 г. в Петербурге появилось анонимное исследование «О сходстве санскритского языка с русским» [1].

Вся эта научно-исследовательская деятельность в обоснование необходимости исторического подхода к языку и к сравнению языков подготовила почву для возникновения нового метода лингвистического исследования, получившего наименование сравнительно-исторического метода.

II. Начальный этап сравнительно-исторического языкознания

/. Общие сведения

В 1814 г. была закончена работа датского ученого **Расмуса Раска** «Исследование в области древнесеверного языка, или происхождение исландского языка» [121]. Работа, правда, была опубликована лишь в 1818 г. В ней Раяк приходит к выводу о наличии родственных связей между исландским языком и языками греческим и латинским (которые Раск называет фракийскими) и об отсутствии каких-либо признаков родства исландского языка с такими языками, как гренландский, баскский, финский.

В 1816 г. вышла работа немецкого языковеда **Франца Боппа** «О системе спряжения санскрита в сравнении с таковым греческого, латинского, персидского и германского языков» [42]. Бопп на обширном материале доказывает исконное родство санскрита с целым рядом европейских языков.

В 1819 г. выходит первый том (из четырех) «Немецкой грамматики» [83] Якоба Гримма. Название этой работы, в сущности, уже, чем ее содержание. В действительности ее надо было бы назвать «Грамматикой германских языков». В этой работе Гримм дает скрупулезное описание грамматических форм германских языков в историческом развитии.

В 1820 г. Александр Востоков в своем труде «Рассуждение о славянском языке» [14], прочитанном первоначально как доклад¹ вскрывает и доказывает родственные отношения между славянскими языками. В работе Востокова на первый план были выдвинуты фонетические сопоставления. Востоков приходит к ряду важных выводов относительно фонетического строя славянских языков и убедительно аргументирует их.

Таким образом, практически одновременно в нескольких странах был «открыт» сравнительно-исторический метод исследования языков. Бопп, Востоков, Гримм, Раек фактически независимо друг от друга пришли к аналогичным, взаимно дополняющим один другого выводам в отношении сравнительно-исторического метода. У каждого были свои положительные стороны, свои отличительные черты.

Востоков, например, в отличие от Гримма и Боппа тщательно исследовал фонетический строй сравниваемых языков древнейшей поры, много занимался вопросами синтаксиса. Раек строил свои выводы прежде всего на данных фонетики.

За Раском, Востоковым, Боппом, Гриммом последовали другие лингвисты, разрабатывавшие принципы сравнительной грамматики применительно к отдельным группам индоевропейской языковой общности.

Открытие нового метода было вполне подготовлено всем ходом развития языковедческой науки, всем предшествующим прогрессом, достигнутым в исследовании языков. В языкознании уже в конце XVIII в. и особенно в начале XIX в. остро ощущалась потребность в создании нового метода научного исследования языковых явлений. Эта потребность стала насущной и должна была быть удовлетворена. И она была удовлетворена. Бопп, Востоков, Гримм, Раек применили все накопленные к тому времени знания, творчески преобразовали высказанные до них идеи и внесли свой вклад в общую сокровищницу языковедческих знаний. Их работы знаменовали собой начало нового этапа в развитии языкознания. Перед языкознанием открылись широкие возможности для научного исследования языков мира.

С открытием сравнительно-исторического метода в теорию языка было введено представление о сравнении структур различных* языков на исторической основе. Работы пионеров сравнительно-исторического языкознания отличаются друг от друга по частным установкам исследования, по охвату привлекаемых языковых фак-

тов. Но во всех этих работах сравнение родственных языков впервые используется как средство для более глубокого проникновения в механизм действия языка через историю, которую проходит язык.

Последовавшие десятилетия были годами интенсивных, все более расширяющихся исследований в области сравнительного языкознания.

В 1837 г. закончилась публикация первого издания четырехтомной «Немецкой грамматики» [83] Я. Гримма, содержащей сравнительно-историческое описание фактов фонетики и грамматики германских языков. В 1836—1845 гг. выходит первое издание «Граматики романских языков» [67] Ф. Дица, положившей начало романской филологии. В середине XIX в. выходят в свет такие обобщающие труды, как «Сравнительная грамматика славянских языков» [108] Ф. Миклошича, «Кельтская грамматика» [141] И. К. Цейса. Появляются разработанные на исторической основе грамматики отдельных языков; среди них: «Историческая грамматика русского языка» [3] Ф. И. Буслаева, «Руководство по изучению литовского языка» [127] А. Шлейхера, который отдал много сил сбору фольклорного материала в Литве.

С изданием памятников ведийской письменности и выходом в свет «Санскритского словаря», на протяжении многих лет (1855—1875) публиковавшегося отдельными выпусками Российской академией наук, углубляется изучение древнеиндийского языка. Больших успехов достигает изучение древнеиранского языка.

Таким образом, возникает так называемая индоевропеистика, явившаяся следствием приложения сравнительно-исторического метода к большой группе родственных языков.

Сравнительно-исторический метод исследования в соответствии с идеей его создания применим только в отношении родственных языков, т.е. языков, имеющих общее происхождение. Под последним подразумевается восхождение этих языков к единому источнику, праязыку (языку-основе). В лингвистическом исследовании реконструируются, т.е. воссоздаются, с известным приближением, языковые факты родственных языков, относящиеся к дописьменным периодам истории их развития, выдвигаются гипотезы относительно этапов распада, т.е. разделения, праязыка, устанавливаются общие тенденции развития вновь образовавшихся языков, тенденции, которые были заложены еще в эпоху их единства в рамках праязыка.

В индоевропеистике, например, основным материалом исследования являлись зафиксированные письменными памятниками древние состояния индоевропейских языков, среди которых санскриту и древнегреческому отводилось особое место. Последние, и особенно санскрит, почти отождествлялись с обшм языком-источником, то есть праязыком.

2. *Основоположники сравнительно-исторического метода,
Ф. Бопп, Р. Раск, Я. Гримм, А.Х. Востоков*

В истории науки, как это нередко случается, Боппу и Гримму «повезло» больше всех: их имена и труды сразу и фундаментально вошли в широкий научный обиход в самых разных странах Европы.

Работа Р. Раска долгое время оставалась труднодоступной по чисто языковым причинам: датский язык был знаком далеко не всем, а частичный перевод его сочинения на немецкий выполнен плохо.

Исследования Востокова прежде всего по тем же языковым причинам, а также из-за сравнительно запоздалой (отдаленной по времени от момента выполнения исследований) их публикации практически оставались недоступными для западноевропейских ученых.

Поэтому место Раска и Востокова в сравнительно-историческом языкознании по-настоящему было оценено европейской наукой с запозданием.

Франц Бопп (1791 — 1867) по сложившейся в лингвистике традиции считается родоначальником сравнительно-исторического языкознания.

Вот что писал Ф.Ф.Фортунатов о его месте в истории языкознания: «Надо помнить, что Бопп создал сравнительное изучение индоевропейских языков и что успехи, сделанные в этом после Боппа, обязаны своим существованием прежде всего Боппу, так как он указал тот верный путь, идя по которому лингвистика может постепенно совершенствоваться» [28, 39—40].

Ф. Бопп родился в городе Майнце. Еще в гимназии, проявив большие способности и интерес к языкам, он знакомится с восточными языками, изучает санскрит, персидский, арабский, древнееврейский. С 1821 г. Бопп — профессор восточной литературы и общего языкознания в Берлинском университете, а с 1829 г. — академик.

В своих исследованиях Бопп ставит перед собой две основные задачи: 1) детально обследовать и доказать родство индоевропейских языков; 2) раскрыть тайну возникновения флексий.

Вторая задача побудила его особенно тщательно исследовать глагольную систему индоевропейских языков. Появившаяся в 1816 г. первая работа Боппа называлась «О системе спряжения санскритского языка в сравнении с таковым греческого, латинского, персидского и германского языков» [42]. В этой работе Бопп выделил и сопоставил показатели спряжения пяти древних индоевропейских языков, отметил их сходство или принципиальное тождество как свидетельство общего происхождения соответствующих языков. Он детально анализирует систему спряжения древнеиндий-

кого языка, а затем сравнивает полученную картину спряжения со спряжением в остальных перечисленных языках.

Заслугой Боппа считается тот факт, что при сравнении языков он берет за основу грамматический строй, опирается при доказательстве языкового родства на сходство флексий, поскольку последние относятся к элементам, которые редко заимствуются из одного языка в другой.

Итак, уже в этой работе Бопп путем установления генетического тождества глагольных парадигм наглядно доказал существование индоевропейского языкового единства.

Основной работой Боппа является трехтомная (в шести частях) «Сравнительная грамматика санскрита, зенда, армянского, греческого, латинского, литовского, старославянского, готского и немецкого языков» [43].

В ходе исследовательской работы круг привлекаемых Боппом языков постепенно расширялся [см. 45 — 48; 50]. В 1855 г. Бопп посвятил специальный труд проблеме принадлежности албанского языка к индоевропейским языкам [см. 50]. (Факт родства албанского с индоевропейским был установлен еще в 30-е годы XIX в. И.Ксюландером [см. 140].)

Стремление расширить горизонт сравнительно-исторических исследований побудило Боппа предпринять попытки установить родство между индоевропейскими и малайско-полинезийскими [см. 46], а также южнокавказскими языками [см. 47]. Но эти попытки не увенчались успехом.

На «Сравнительной грамматике» Боппа воспитывались целые поколения лингвистов самых различных стран. Несмотря на то что лингвистика прошла за это время большой путь в своем развитии, данный фундаментальный труд Боппа не утратил своего значения. Не случайно в предисловии к английскому изданию этой книги (1856 г.) она приравнивается по своей значимости для развития мировой науки к трудам «Математические начала натуральной философии» И.Ньютона и «Новый органон» Ф.Бэкона.

Наиболее разработана и всесторонне представлена в «Сравнительной грамматике» Боппа морфология, все разделы которой освещены очень подробно и тщательно. К сожалению, в книге чрезвычайно кратко изложен раздел фонетики, не говоря уже о понятном отсутствии синтаксиса.

Ф. Боппа, так же как и других представителей раннего периода сравнительно-исторического языкознания, именовали в истории науки представителем так называемого философского века в языкознании. Во всех своих трудах и особенно в знаменитой «Сравнительной грамматике» Бопп стремился не просто к историческому исследованию языков, не просто к установлению более близкой или более далекой степени родства различных языков путем выявления внешнего сходства или различия в морфологическом

оформлении определенных грамматических категорий, но конечная цель работ Боппа заключалась, по его словам, в том, чтобы выяснить, «не обусловлены ли эти различия общими законами и нельзя ли вскрыть те процессы, посредством которых язык от своего предполагаемого прежнего состояния пришел к своему нынешнему» [цит. по: 22, 35]. Именно этим стремлением объясняется как построение работ, так и особенно поднимаемые проблемы.

На формирование лингвистической концепции Боппа оказали огромное влияние как современные ему западные историко-филологические и лингвистические концепции, так и учение древнеиндийских грамматиков¹.

Как и другие основоположники сравнительно-исторического языкознания, а также их предшественники — братья Август и Фридрих Шлегели, Бопп находился под сильным влиянием традиций и норм древнеиндийской грамматики. Но в отличие от предшествующих поколений исследователей, изучавших санскрит, Бопп уже не полагается целиком на положения и выводы древнеиндийских ученых, принимая лишь те термины и установки, которые представлялись ему удобными, целесообразными и не противоречащими его исторической концепции языка. Такой подход уже сам по себе был знаменательным для формирования нового направления в науке о языке.

Влияние древнеиндийской традиции, в особенности Панини, наиболее четко проявляется во внимании, уделяемом проблеме корня. Так, в «Сравнительной грамматике» Боппа непосредственно после очень краткого описания звуков и систем письма в сравниваемых языках следует глава «О корнях», являющаяся основой всего последующего научного построения.

В этой главе Бопп излагает свою теорию корня. Опираясь на положения индийских грамматиков, Бопп полагает, что в индоевропейской семье языков слова производились первоначально от односложных корней, подразделяющихся на два класса: 1) глагольные корни; 2) местоименные корни. Из первого и более многочисленного класса возникают глаголы и имена (существительные и прилагательные). Из второго класса возникают местоимения и все первичные предлоги, союзы и частицы².

С теорией корня связана та классификация языков, которую вслед за А.Шлегелем (переработка классификации Ф.Шлегеля)

¹ Отметим в этой связи, что годы пребывания Боппа в Париже (1812—1816), где он изучал в библиотеках санскритские памятники, а также другие древневосточные языки, совпали со временем работы там А. Шлегеля, а в 1816 г. Бопп отправился в Лондон, где установил научный и дружеский контакт с В. фон Гумбольдтом, бывшим тогда послом в Англии.

² Положение о том, что все слова, например в немецком языке, возникли из первичных односложных составных элементов (корней), высказывалось уже в XVIII в. в трудах Ф. К.Фульды [см. 76] и И.Х.Аделунга [см. 31].

принимает и Бопп. По мнению Боппа, следует выделять следующие три основных класса языков (типологическая классификация языков).

1. Языки без настоящих корней (т.е. без корней, способных к соединению) и поэтому без «организма», без грамматики, например китайский язык.

2. Языки с односложными корнями, способными к соединению, и этим единственным путем получающие свой «организм», свою грамматику. Основным принцип словообразования в этом классе заключается в соединении глагольных и местоименных корней. К этому классу принадлежат индоевропейские языки.

3. Языки с двусложными глагольными корнями, характеризующимися обязательным наличием трех согласных, составляющих корень и выступающих в качестве единственного носителя основного значения. Этот класс охватывает лишь семитские языки и образует их грамматические формы не посредством соединения, как второй класс, а только путем внутренней модификации корня.

Стремление Боппа посредством изучения языков постичь природу и законы человеческого духа, разума связано с влиянием не только философии языка В. Гумбольдта и Ф. Шлегеля (подробнее о философии языка см. главу 5) но и традиций универсальной грамматики.

Влияние романтических теорий Ф. Шлегеля и его школы проявляется в представлении о некоем «органическом периоде» образования языка, который характеризуется полным идеальным соответствием грамматических форм логическим категориям.

Влияние традиции универсальной грамматики проявляется в том, что в соответствии с ее формулой «субъект—связка—предикат» Бопп в составе каждой глагольной формы пытался обнаружить эти основные элементы логического суждения. Отсюда каждая глагольная форма оказывалась результатом соединения предикативного элемента с какой-либо формой вспомогательного глагола-связки «быть». Такое присоединение Бопп находит в будущем времени и аористе в санскрите и греческом.

Например, в сигматических аористных формах скр. *adiksam* 'я показал', греч. *εβεγχοα* 'я показал', лат.- *dixi* (*dixi*) 'я сказал' суф. *s* — это утерявший самостоятельность глагол *быть* (ср. санскритский корень *-as*, латинский *-es*). Различные проявления вспомогательного глагола *быть* Бопп усматривал и в образовании латинского имперфекта и перфекта.

Глаголом в подлинном, узком смысле слова Бопп в соответствии с традициями логицизма признавал лишь глагол-связку «быть». Последнее обстоятельство объяснялось тем, что согласно традиции логической грамматики под глаголом в собственном смысле слова следует, как подчеркивает Бопп, понимать ту часть

речи, которая выражает соединение предмета с качеством и их отношения друг к другу; в соответствии с этим определением глагол не имеет (генетически) реального значения и является лишь грамматической связкой между субъектом и предикатом. Предикатом, по Боппу, является глагольный корень, а личные окончания он рассматривал как субъект.

Теория двух классов корней и теория о разложении каждой глагольной формы на три основных элемента в соответствии с «органическим» образованием грамматических форм по законам логического мышления послужили для Боппа основанием при создании его знаменитой *теории агглютинации*, по которой глагольные корни в словах — это носители реального значения, а местоименные корни — источники образования флексий, причем личные окончания глагола рассматриваются как суффицированные личные местоимения, выражающие субъект.

Согласно выдвинутой Боппом гипотезе, носящей название теории агглютинации, которую он стремился обосновать в своих трудах, любые флексии — как глагольные, так и именные — это результат соединения (агглютинации) полнозначного слова, восходящего к глагольному корню, со служебным, восходящим к местоименному. Личные окончания происходят от местоимений **1**, **2** и **3**-го лица.

Метод доказательства выдвинутой гипотезы у Боппа заключается в следующем. Опираясь на санскрит как на отправной пункт исследования (так как это, по его мнению, наиболее древняя зафиксированная форма одного из языков индоевропейской семьи), он проследивает развитие форм по другим древним индоевропейским языкам, разбирает подробно различные явления, расчленяя их и пытаясь найти первоисточник. При этом для ряда групп избирается представитель, сохранивший, по мнению Боппа, наиболее древние формы. Так, например, для германских языков избирается готский, для славянских — древнеславянский. Необходимо отметить, что Бопп особое внимание уделяет древнеславянскому и литовскому языкам, потому что они наиболее широко сохранили архаические формы и наиболее близко связаны с санскритом и зендом (то есть авестийским).

Например, **1** лицо единственного числа характеризуется окончанием *mi* или *m*. Слог *mi* представляет собой ослабленную форму слога *ma*, встречающуюся в санскрите и зенде в древнем, вышедшем из употребления падеже местоимения **1**-го лица: *ad-mi^oя ем'* (от *ta* 'я'). В санскрите и в зенде форма *mi* представлена во всех глаголах без исключения; в греческом языке будущее время, по мнению Боппа, его утеряло, а настоящее сохранило в глаголах, соответствующих 2-му спряжению в санскрите. В литовском *mi* присоединяется прямо к корню, как в санскрите в глаголах, соответствующих 2, 3 и 7-му санскритским классам. В древнеславянском

употребляется в глаголах, соответствующих 2-му и 3-му санскритским классам. В готском имеется единственный глагол — *im* ('я есть'). В армянском глаголы сохранили *m*, но утратили конечное *ʃ*: *tarn* = скр. *dadami* (см. таблицу).

\Языки При\ меры x	Санскрит	Зенд	Грече- ский	Латин- ский	Готский	Литов- ский	Старосла- вянский
<i>Я есмь</i>	<i>asmi</i>	<i>ahmi</i>	eiĵii	<i>sum</i>	<i>im</i>	<i>esml</i>	<i>jesmb</i>
<i>Я стою</i>	<i>histhami</i>	<i>histami</i>	т<ЈТТ]и	<i>sto</i>	<i>stam</i>	<i>stowmi</i>	<i>stajun</i>
<i>Я даю</i>	<i>dadami</i>	<i>dadami</i>	бгбсорл	<i>do</i>	—	<i>dumi</i>	<i>damb</i>

Итак, мы видим, что глаголы четко членятся на две части¹.
Например:

Санскрит	Старославянский	
<i>ds-mi</i> ,	<i>jes-mY</i>	'я есмь'
<i>ad-mi</i>	<i>ja-rni</i>	'я ем'

Следует отметить, что теория агглютинации Боппа прямо противоположна разработанной почти в одно и то же время **К.Беккером теории эволюции**, согласно которой не флексия образовалась из служебных (местоименных) слов, а, напротив, служебные слова, в первую очередь местоимения, — результат деления первоначально единого слова на составные элементы. Эта теория обосновывается **К. Беккером** в работе «Организм языка» [34], вышедшей в свет в 1827 г.

Ф. Бопп стремится доказать, что личные глагольные окончания в санскрите, по крайней мере с такой же вероятностью, как и в арабских глаголах, образованы путем сложения корня с местоимением. Примерами глагольных корней в санскрите могут быть: *da* 'давать', *bhar* 'нести', *vac* 'говорить', *dha* 'класть' и т.д.; примерами местоименных корней могут быть: *a*, *ma*, *ta*, *sa*, *ya*, *va*, *na*. Например: *dd-na* 'данный', *vac-ti* 'он говорит' (// — ослабленная форма от *ta*). Путем соединения глагольных корней с местоименными образовались отглагольные существительные различных типов.

В падежных формах имен Бопп также усматривал сочетание глагольных корней с местоименными. Например, окончание име-

¹ Гипотеза о местоименном происхождении глагольных личных окончаний восходит еще к трактатам по древнееврейской грамматике. Позже, в XVII в., Б. Шейдом, немецким специалистом в области древнееврейского и классических языков, была сделана попытка использовать эту гипотезу для объяснения форм греческого глагола. С элементами этой концепции встречаемся и в трудах голландских филологов XVIII в.

нительного падежа в древних индоевропейских языках *s* он выводил из формы указательного местоимения *sa* 'этот'. Ср. *bhi* 'бояться' и *bhi-s* 'страх'; *bhu* 'существовать' и *bhu-s* 'земля'.

Комбинации 600 — 700 глагольных корней с небольшим количеством местоименных корней образуют, по Боппу, весь механизм языка.

Таким образом, все флективные грамматические формы — это результат процесса агглютинации первоначально независимых корней, который имел место в языках в их «органический период». В дальнейшем произошло затемнение некогда прозрачной структуры, несколько по-разному проявившееся в различных индоевропейских языках. Отсюда главная задача исследователя, по Боппу, состоит в выявлении первоначального значения составных элементов слова. Все разделы «Сравнительной грамматики» построены на основе теории агглютинативного образования грамматических форм. Например, первый том кроме разделов «Звуки и буквы» и «О корнях» содержит раздел «Образование падежей». Второй том состоит из разделов: «Прилагательные», «Числительные», «Местоимения», «Местоименные наречия» и первой половины основного раздела книги «Глагол» (образование времен и образование личных окончаний глаголов). Третий том включает разделы «Глагол» (образование наклонений) и «Словообразование».

Следует отметить, что гипотеза Боппа (теория агглютинации) до сих пор окончательно не доказана, но и не опровергнута, так как засвидетельствованный письменными памятниками материал индоевропейских языков содержит грамматическую категорию глагольного спряжения во вполне сложившемся виде. Хотя «Сравнительная грамматика» была посвящена главным образом задаче выявления происхождения индоевропейских флективных форм в соответствии с его теорией агглютинации и не ставила целью доказать родство индоевропейских языков, труд Боппа решил в первую очередь именно эту проблему.

Работы Ф. Боппа, четко проводящие эволюционную точку зрения на язык, сыграли в методологическом отношении прогрессивную роль, так как они служили развенчиванию ненаучных положений, содержащихся в господствовавшей в языкознании того периода романтической концепции Ф. Шлегеля.

Теория языковых типов Ф. Шлегеля, изложенная в работе «О языке и мудрости индусов» [125], исходит из того, что все языки подразделяются на два типа: языки органические, или *флективные*, и языки *аффиксальные*. Первый тип языков — это высший тип.

Языки органические хранят в себе «единство материала и духа» Отсюда органичность их структуры, которая проявляется в соответствии формы и содержания. Органическому развитию языко-

вых форм изнутри (т. е. флективности) как бы противостоит механическое взаимодействие элементов в аффиксальных языках, т. е. противостоит принцип агглютинации аффиксальных языков.

К органическим языкам Ф. Шлегель причисляет латинский, греческий и особенно санскрит (характеризующийся как праязык), структура которого образована целиком органически, путем флексии или внутренних изменений коренного звука, а не механически — путем сложения приставных слов и частиц.

«Органическое свойство» флективных языков дает им, по Ф. Шлегелю, значительное преимущество, выражающееся как в богатстве форм, так и в постоянстве и устойчивости этих языков. Напротив, языки, имеющие вместо флексии приставки и т. п., представляют собой как бы скопление атомов, которые по прихоти случая легко могут то соединяться, то распадаться.

Несмотря на то что Бопп испытал на себе определенное влияние философско-лингвистических установок Ф. Шлегеля, он отказывался от признания взглядов последнего на индоевропейские языки. В соответствии с положениями теории Ф. Шлегеля индоевропейские языки сразу появились как бы в готовом виде, в состоянии наивысшего совершенства, все дальнейшее их развитие сводилось лишь к постепенному разрушению первоначальной гармонии. Бопп в своих работах показывает не только постепенное, ступенчатообразное разрушение исходного состояния языкового механизма, но и тенденцию к замене его механическими соединениями, вследствие чего создается впечатление образования нового языкового «организма» [см. 22, 30].

Создание языковых «организмов» подчиняется, по Боппу, действию строго определенных законов. Именно установление законов, действующих в языках определенных семей, и их проявлений представляется Боппу основной целью научного исследования языков. В предисловии к «Сравнительной грамматике» Бопп прямо заявляет:

В этой книге я намереваюсь дать сравнительное и охватывающее все родственные случаи описание организма указанных в заглавии языков, провести исследование их физических и механических законов и происхождения форм, выражающих грамматические отношения [цит. по: 22, 30].

Итак, языки изменяются под действием механических и физических законов.

Под механическими законами языка, как пишет Бопп, следует понимать законы «равновесия»: за сильной формой корня следует слабое окончание и, наоборот, перед сильным окончанием возможна лишь слабая форма корня. Например: от корня / 'идти' образуется *ĕ-mi* 'я иду', где представлена сильная, или тяжелая, форма корня и слабая, или легкая, форма окончания, но в *i-nds*

'мы идем' налицо слабая, или легкая, форма корня и сильная, или тяжелая, форма окончания¹.

Под физическими законами имеются в виду собственно звуковые, фонетические законы. Сюда относится, например, стремление к «благозвучию». Однако физические законы еще не получают у Боппа достаточно глубокого освещения.

Действие механических и физических законов относится, по Боппу, к тому периоду, когда в семантическом отношении перестает ощущаться упомянутая сложность состава, что соответствует периоду самостоятельной истории отдельных языков (восходящих к единому источнику).

В концепции Боппа уже обнаруживаются некоторые элементы естественнонаучного подхода к проблеме языка. Бопп постоянно говорит об «организме» языка, ставит перед собой цель дать сравнительное «расчленение» языков и соответственно выдвигает вопрос об «анатомии», «физике» или «физиологии» языка. Языки должны, по его мнению, рассматриваться как «органические тела природы». Однако, по существу, это в большей мере простое использование «удобной» терминологии, а не проявление определенной лингвистической концепции. Иначе говоря, перед нами скорее образное, нежели строго терминологическое использование слов, заимствованных из смежных областей знания.

Разбирая систему лингвистических воззрений Боппа, необходимо всегда иметь в виду, что сравнение фактов родственных языков нужно было Боппу прежде всего не для того, чтобы получить возможность познания истории развития этих языков, а для того, чтобы получить возможность проникнуть в тайну возникновения языковых форм. А поскольку Бопп исследует развитие языковых явлений в связи с развитием человеческого разума, он концентрирует внимание на проблеме происхождения именно грамматических форм.

Подводя итог, следует сказать, что созданная Ф.Боппом теория происхождения флексий индоевропейских языков представляет определенный интерес и в настоящее время. Теория Боппа была признана большинством современных ему языковедов.

Бопп научно обосновал, опираясь на морфологию, гипотезу о родстве индоевропейских языков. Для доказательства этой гипотезы

¹ Речь идет о соотношении гласных *я*, *н*, */*, которые на начальных этапах развития сравнительно-исторического языкознания считались основными, или первичными, и в терминах «веса» разграничивались следующим образом: *а* — тяжелый гласный, *и* — средний, */* — легкий гласный.

По мнению Боппа, назначение слога, выражающего корень, состоит в поддержании словообразовательных, суффиксальных слогов, но он способен выполнить эту задачу лишь при условии, что гласный корня находит опору в двух предшествующих согласных. Если этого не наблюдается, окончание может сильно исказиться или вообще отпасть.

зы он создал стройную, систематизированную теорию, в основе которой лежало положение о наличии в индоевропейских языках не только отдельных сходных явлений, но и единства их грамматических систем, проявляющегося в закономерных морфологических соответствиях.

Метод, применяемый Боппом, состоит в том, что формы одного языка объясняются и освещаются через формы другого или других языков. Это являлось новым для методики лингвистических исследований, и собственно этим Бопп заложил основы сравнительно-исторического метода.

Недостатком сравнительно-исторических исследований Боппа является то, что он проводил их без должного учета закономерных звуковых соответствий, хотя и занимался сравнением звуковых систем родственных языков [см. 44; 49]. Применяемый им метод сводится к сопоставлению форм глагольной и именной флексии в сравниваемых языках¹.

Историческое значение той огромной работы, которую проделал Бопп, состоит прежде всего в отборе и систематизации генетически общих элементов в грамматической структуре индоевропейских языков, в составлении первой схемы морфологических соответствий, положенной в основу дальнейшей разработки индоевропейской сравнительной грамматики. В связи с этим нельзя не привести здесь восторженные слова Б.Дельбрюка, сказанные им в адрес Ф. Боппа: «Когда слышишь, что один человек представил сравнительный обзор санскрита, древнеперсидского, зендского, армянского, греческого, итальянского, кельтского, славянского и германского языков и, пройдя всю эту громадную область, добрался и до языков Южного океана, поневоле будешь склонен приписывать этому человеку необыкновенную, прямо выходящую за всякие пределы ученость. Но при ближайшем наблюдении легко заметить, что ученость не есть собственно характерное для Боппа качество. Величие Боппа совсем в другом, независимом от учености и метода, именно в том, что мы зовем гениальностью» [см. 2, 25-26].

Расмус Кристиан Раек (1787—1832), по словам В.Томсена, «с величайшей гениальностью и исключительной широтой, с полным пониманием содержащегося в нем нового, защищал этот (сравнительно-исторический. — *Т.А.*) метод наблюдения» [27, 57].

¹ Методика сопоставлений, основанная на строгом учете закономерных соответствий звуков, была разработана в трудах А. Потта [цит. по: 114—118] и затем уточнена в последней четверти XIX в. в трудах младограмматиков (см. главу 6), для которых «звуковое соответствие», «звуковой закон», «фонетический переход» стали важнейшими рабочими понятиями и критерием для решения вопроса о наличии генетической общности.

Раек — автор многочисленных грамматик испанского, итальянского, фризского, древнеанглийского, шведского и других языков (Раек владел 25 языками)¹.

Основным трудом Раска в области сравнительного описания языков является «Исследование в области древнесеверного языка, или происхождение исландского языка» [121], написанное в 1814 г. и опубликованное в 1818 г. В этой работе Раек доказывает родство готских, т. е. германских² языков с фракийскими, т. е. латинским и греческим языками².

Определенный интерес для последующего развития науки о языках представляет методика исследования, применяемая Раском в указанной работе. Она заключается в последовательном сравнении исландского языка с другими языками, в результате чего устанавливаются степени родства сравниваемых языков. Раек сравнивает исландский язык с территориально близкими к нему языками — гренландским, кельтским, баскским, финским — и доказывает, что между ними нет сходства, за исключением нескольких слов, и, следовательно, нет и родства. Затем он переходит к славянскому и латышскому (литовскому) языкам и определяет место каждого, представляя их как определенные ветви внутри индоевропейской языковой семьи. Далее он сравнивает исландский и готский с фракийским.

Автор приходит к выводу, что древнесеверный (скандинавский) и готский — это близко стоящие боковые ветви, которые, как и две другие ветви — славянская и балтийская, восходят к древнефракийскому. Итак, исландский, или древнесеверный, язык произошел от фракийского, единственными преемниками

¹ По окончании Копенгагенского университета Раек создает свои первые работы, которые, были посвящены изучению древнеисландского языка, истории и литературы Исландии, где он провел почти три года (1813—1815). Раек основал Исландское литературное общество и издал «Старшую Эдду» и «Младшую Эдду» [см. 120]. Еще в 1811 г. он опубликовал свою первую значительную работу — «Руководство по исландскому, или древнесеверному языку» [119]. Для изучения восточных индоевропейских языков Раек совершил длительное путешествие на Восток, прежде всего в Индию, посетив по пути Петербург, Москву, Кавказ и Персию (1816—1823). В Индии Раек пробыл два года: сначала в Бомбее у парсов и затем на Цейлоне у буддистов. Находясь в Индии, он опубликовал на английском языке исследование о восточных языках [см. 121]. а по возвращении — сочинение о зенде [см. 123]. С 1823 г. Раек — профессор Копенгагенского университета.

² Термин «фракийский», очевидно, взят Раском с учетом названия «фракийско-палазгийско-греческая и латинская семья языков и народов» и указаниями на то, что фракийцы первоначально населяли всю Юго-Восточную Европу, содержащимися во втором томе известного труда «Митридат, или Всеобщее языкознание, имеющее в качестве языкового примера "Отче наш" на почти 500 языках и диалектах» [32, //, 339]. Таким образом, под фракийским Раек подразумевает не собственно язык Фракии, а некий вымерший язык Юго-Восточной Европы* самими древними преемниками которого являются греческий и латинский.

которого являются греческий и латинский. В результате этого данные языки следует рассматривать как «источник» исландского. Само географическое расположение народов свидетельствует, по мнению Раска, о том, что индийский или персидский язык не может быть источником, из которого берет начало исландский язык.

Следует, однако, отметить, что Раек фактически отождествляет греческий с древнефракийским, а также придает слишком большое значение исландскому языку, который оказывается у него центральным и наиболее древним звеном в развитии всей группы германских языков.

В этой работе Раек устанавливает те методические критерии, которыми должен руководствоваться исследователь, стремящийся доказать или опровергнуть родство языков.

Основным методическим приемом, по Раску, является упор на установление грамматических соответствий. Дело в том, что лексические соответствия часто оказываются чрезвычайно ненадежными: при общении народов друг с другом из одного языка в другой переходит огромное количество слов независимо от происхождения и типа последних. Например, большое число датских слов попало в гренландский, а множество португальских и испанских слов — в малайский и тагалоогский языки.

«Грамматическое соответствие, — утверждает Раек, — является гораздо более надежным признаком родства, или общности происхождения, так как известно, что язык, который смешивается с другим, чрезвычайно редко или, вернее, никогда не перенимает форм склонения и спряжения у этого языка, но, наоборот, скорее теряет и свои собственные» [цит. по: 22, 37]. Доказывая данное положение, Раек подчеркивает, что английский язык не перенял форм склонения и спряжения у скандинавского или французского, но, напротив, сам утратил многие древние англосаксонские флексии; датский язык не перенял немецких окончаний, а испанский — готских или арабских.

Исходя из этого, Раек делает следующий вывод: «Язык, имеющий наиболее богатую формами грамматику, является наименее смешанным, наиболее первичным по происхождению, наиболее Древним и близким к первоисточнику; это обусловлено тем обстоятельством, что грамматические формы склонения и спряжения изнашиваются по мере дальнейшего развития языка, но требуется очень долгое время и малая связь с другими народами, чтобы язык развивался и организовывался по-новому» [цит. по: 22, 37].

Так, датский язык в грамматическом отношении оказывается, как отмечает он, проще исландского, а английский — проще англосаксонского. То же справедливо в отношении новогреческого и древнегреческого, итальянского и латинского и т.д. Под простотой Раек подразумевает, как видим, лишь отсутствие флексий.

Следующим по важности критерием является установление тождественности определенного слоя лексики. «Язык, каким бы смешанным он ни был, принадлежит вместе с другими к одной группе языков, если наиболее существенные, материальные, необходимые и первичные слова, составляющие основу языка, являются у них общими» [цит. по: 22, 37].

Третьим критерием установления родства является наличие у сравниваемых языков рядов закономерных звуковых переходов (по терминологии самого Раска — «правил буквенных¹ переходов»).

Насколько важным оказался третий критерий, подтверждается тем фактом, что «фонетические соответствия» (звуковые переходы) приобрели первостепенное значение в системе доказательств сравнительно-исторического исследования (уже Я. Гримм при формулировании так называемого передвижения согласных в определенной степени опирался на Раска, развивая мысли последнего).

Якоб Гримм (1785—1863) — выдающийся немецкий ученый, один из основоположников сравнительно-исторического метода, автор первой фундаментальной сравнительной грамматики германских языков.

Я. Гримм родился в г. Ганау. Учился в лицее в г. Касселе, а затем и Марбургском университете на юридическом факультете. Однако истинным призванием Гримма стали филология и литература, которым он посвятил всю жизнь. В 1830 г. Гримм занял кафедру немецкого языка и литературы в Геттингенском университете. В 1837 г. он в числе семи профессоров университета отказался подкрепить присягой акт Эрнеста-Августа, упразднившего Ганноверскую конституцию, в результате чего был уволен из университета и ему было предложено в трехдневный срок покинуть пределы королевства. С 1840 г. Я. Гримм — профессор Берлинского университета.

Вся творческая деятельность Я. Гримма была теснейшим образом связана с именем его брата — Вильгельма Гримма (1786—1859). Братья вместе учились в лицее и университете, вместе издавали в течение нескольких лет (1813—1816) журнал «Altdeutsche Walder» [79], посвященный немецкой старине, вместе собирали и обрабатывали фольклор, вместе приступили к изданию знаменитого немецкого словаря [см. 89].

Наиболее ярко и плодотворно творческое содружество братьев проявляется при подготовке всемирно известного собрания народных сказок «Детские и семейные сказки» (1812—1814) [82], получивших в позднейших популярных изданиях название «Сказки братьев Гримм». Сказки, по мнению братьев Гримм, — древнейшая поэзия народа, выражение его духовной жизни. Это важнейший историко-поэтический доку-

¹ Следует помнить, что в лингвистической терминологии того времени слои[^] буква употреблялось для обозначения и собственно буквы, и звука, что объясняется как традицией латинской грамматики, так и тем, что исследования про⁰0" дились на материале письменных языков.

мент, в котором отразились верования и обычаи различных народов, в том числе и прежде всего — говорящих на индоевропейских языках. Сквозь оболочку сказки можно проникнуть в глубины мирозерцания наших далеких предков. В немецких сказках и преданиях народа обнаруживается богатый материал для исследования прагерманской мифологии [см. 87]. Мифология же в какой-то степени могла оказаться полезной в исследовании вопроса об истоках языка, очень интересовавшего Я.Гримма [88].

С ростом национального самосознания уже в XVI—XVIII вв. все большее количество исследователей уделяют внимание проблемам изучения народной поэзии и народного языка. Среди них особенно выделяется И. Г. Гердер [см. 17], оказавший большое влияние на последующие поколения языковедов, литературоведов и историков [см. об этом 91].

Я. Гримм много занимался исследованием памятников средневековой литературы [см. 80 — 82; 85; 87]. В 1811 г. в книге «О древне-немецком майстерзанге» [78] он осуществил периодизацию средневековой немецкой литературы. В 1834 г. он издал книгу «Reinchart Fuchs» [86], где в предисловии нарисовал поэтическую картину жизни древних индоевропейцев на их «первоначальной прародине», когда человек стоял еще близко к природе. Здесь ярко проявились свойственные Я.Гримму идеи романтизма¹, особенно широко распространенные в современной ему Германии.¹

В историю языкознания Я.Гримм вошел прежде всего как автор четырехтомной «Немецкой грамматики» [83]. В основе данного исследования лежит сравнение на исторической основе всех германских языков, сравнение, охватывающее языковой материал, начиная с первых письменных памятников. Первый том (1819), особенно во втором, переработанном издании (1822), посвящен преимущественно фонетике, второй — морфологии, третий (1831) — словообразованию, четвертый (1837) — преимущественно синтаксису. Пристальное внимание к проблемам фонетики и синтаксиса отличает работу Я. Гримма от работ Ф. Боппа.

Выход «Немецкой грамматики» Я.Гримма оказал значительное влияние на развитие лингвистической теории и практики сравнительного исследования. Я.Гримм, применив новый по сравнению с универсальными, или логическими, грамматиками XVIII в. метод исследования, вновь привлек внимание к изучению много-

¹ Романтизм как самостоятельное идеологическое течение оформляется с 1799 г. Главой романтической школы в Германии был Ф. В. Шеллинг, автор работы «Система трансцендентального идеализма» [29]. Положения Шеллинга, сформулированные им в «Философии искусства» [30], опираются на философские концепции И.Канта, Ф.Шиллера, И.Фихте. В Йенский кружок немецких романтиков входили литературные критики Фридрих и Август Шлегели, Каролина Шлегель, поэты Л.Тик и Г.Ф.Новалис, философы Ф.В.Шеллинг и Ф.Шлейермахер. Кружок издавал журнал «Атены». Романтическое течение в Германии идеализировало прошлое, проповедовало культ природы, религиозное переживание, художественный экстаз. В филологии наиболее яркое отражение романтическая концепция языка получила в работе Ф. Шлегеля «О языке и мудрости индусов» [125].

образных живых национальных языков, а не только таких, как санскрит, древнегреческий, латынь. Отличие «Грамматики» Я.Гримма от работ Ф.Боппа и Р.Раска заключалось в том, что Я.Гримм стремился обеспечить народным диалектам надлежащее положение наряду с книжным литературным языком. Вот что писал, например, Я.Гримм о древних формах родного языка в «Немецкой грамматике»: «При внимательном чтении древненемецких источников я ежедневно открываю такие формы и совершенства языка, из-за которых мы обыкновенно завидуем грекам и римлянам, когда оцениваем свойства нашего теперешнего языка» [цит. по: 22, 52].

Я. Гримм как создатель исторической грамматики, призывающий изучать народные языки, оказал огромное влияние на становление в будущем диалектологии.

Он выступает против «общелогических понятий» в грамматике, поскольку они, по его мнению, мешают наблюдению, которое есть душа языкового исследования.

Я. Гримм рассматривает бытие языков и, шире, человеческого языка вообще как процесс постоянного изменения, причем исследование путей развития любого языка, например общеиндоевропейского, для него прежде всего средство познания общезыкового развития: «...этот индогерманский язык должен в то же время дать самые исчерпывающие разъяснения относительно путей развития человеческого языка вообще, может быть, и относительно его происхождения» [цит. по: 22, 56].

История индоевропейского языка, как она может быть воссоздана из материала различных индоевропейских языков, по мнению Я. Гримма, показывает смену двух процессов: первый процесс — возникновение флексии из соединения частей слов и второй — распадение флексии. Исходя из этого, Гримм говорит о существовании трех ступеней (периодов) развития человеческого языка. Первая — создание, рост и становление корней и слов; вторая — расцвет достигшей совершенства флексии; третья — стадия стремления к ясности мысли, что ведет к аналитичности и, следовательно, к отказу от флексий. Первый период характеризуется использованием простых сочетаний отдельных слов для выражения любых грамматических отношений, второму периоду свойственно употребление флексий, суффиксов и словосложения, третьему — использование предлогов и четко выраженных сложных слов.

Примером языков, находящихся на второй стадии, являются санскрит, зендский и древнегреческий. Они «характеризуются богатой, приятной, удивительной завершенностью форм, в которой все вещественные и грамматические части живейшим образом проникают друг в друга» [цит. по: 22, 59]. В это время язык более всего приспособлен для стихосложения, примером чего является древнеиндийская и древнегреческая поэзия, достигшая

в бессмертных творениях античных поэтов и ученых вершины искусства [см. 22, 59–60].

Третья стадия развития языка представлена современными языками Индии, персидским, новогреческим, романскими языками и в меньшей степени германскими языками. В этих языках «внутренняя сила и гибкость флексии» по большей части уже утрачена.

Духовное совершенство языка, по Я.Гримму, противопоставляется совершенству его форм. На самой ранней стадии развития язык вообще не оставляет «памятников духа» и исчезает подобно счастливой жизни древнейших людей. По словам Я. Гримма, «если в первый период связь слов и мысли происходила примитивно, если во второй период были достигнуты великолепные образцы этой связи, то в дальнейшем она, с прояснением разума, устанавливается еще более сознательно. Это подобно периодам развития листвы, цветения и созревания плодов, которые по законам природы сопутствуют друг другу и сменяют друг друга в неизменной последовательности» [цит. по: 22, 59].

Во всех этих положениях ясно проступает романтическая концепция Ф. Шлегеля о двух периодах языка, неразрывно связанная с теорией о развитии «духа» Ф. Шеллинга и Г. Гегеля. - '

В отличие от Боппа, обращавшего основное внимание на сравнение и объяснение форм, Я. Гримм уделяет много внимания звуковым изменениям. И в этом также проявляется влияние романтической философии языка. Особенно четко это заметно в разработке Я. Гриммом проблемы так называемого аблаута (Ablaut), т. е. чередования гласных в корне.

Я.Гримм как представитель немецкого романтизма стремится на конкретном языковом материале подтвердить теоретические положения Ф. Шлегеля. Как истинному представителю романтизма, ему свойствен интерес к национальной старине. Я. Гримм определяет аблаут как исходящее от древнего спряжения и пронизывающее весь язык правильное чередование гласных [см. 83, II, 584].

Аблаут, по Я.Гримму, лежит в основе структуры немецкого языка и определяет его «внутреннее словообразование». Аблаут — это «форма проявления духа немецкого языка». Последнее доказывается его распространенностью во всех германских языках и его древностью. Его возникновение и расцвет относится к периоду, немного предшествовавшему первым письменным памятникам, при этом чем глубже в старину, тем богаче его проявление. Именно аблаут, по мнению Я.Гримма, является движущей силой немецкого языка и других германских языков. Именно он придает языку его красоту, так как в чередовании проявляется благозвучие гласных [см. 83, /, 35и 556; II, 1]. Аблаут — для Я.Гримма — определяющий, организующий момент в структуре германских языков. Возникновение аблаута связано с германскими глагола-

ми, для которых он — основной способ образования грамматических форм. Глаголы же — основа всех слов.

Я.Гримм создает подробную классификацию в соответствии с рядами чередований по аблауту всех засвидетельствованных в германских языках сильных глаголов и связанных с ними других частей речи, а также делает попытку реконструкции утерянных сильных глаголов¹.

«Заслуга... действительно научной разработки вопросов чередования гласных, как и вообще почти всех проблем исторической грамматики германских языков, принадлежит... Якобу Гримму» [21, 16].

Я.Гримм строго противопоставлял аблаут как явление, характеризующее саму структуру германских языков, умлауту и преломлению (*Brechung*). Последние он считал чисто фонетическими явлениями, что подтверждается их относительно поздним временем появления в языке.

Основная заслуга Я.Гримма в развитии сравнительно-исторического языкознания заключается в выявлении закономерности звуковых переходов. Выявленные фонетические соответствия подтверждали установленную картину исторического соотношения между германскими языками, с одной стороны, и классическими языками — с другой².

Наиболее ярко положение о закономерности звуковых переходов нашло свое выражение при формулировании так называемого передвижения согласных, именуемого иногда «законом Гримма». Сущность закона передвижения согласных заключается в следующем: 1) индоевропейским глухим взрывным *p, t, k* в германских языках соответствуют глухие щелевые /, *p, h*; ср., например: скр. *padam* 'ноги', греч. тюба, лат. *pedem*, гот. *footu*; скр. *trdyas*, старосл. *тпу*, греч. тред, лат. *ires*, гот. *preis* \ 2) индоевропейским звонким придыхательным *bh, dh, gh* в германских языках соответствуют

¹ Предшественником Я.Гримма в вопросе о чередовании гласных является голландский ученый XVIII в. Ламберт тен Кате. В 1723 г. он опубликовал свой труд «Введение в изучение благородной части нижненемецкого языка» [100], в котором впервые выделяет чередование гласных как один из важнейших элементов структуры германских языков. Исследование Л.тен Кате построено на основе сравнения данных древнегерманских языков: готского, немецкого, англосаксонского, исландского, верхне- и нижненемецкого. Л.тен Кате впервые исследовал структуру германского глагола, дал классификацию сильных глаголов по отдельным германским языкам, указав на межъязыковые соответствия. Чередования, по Л.тен Кате, основаны на твердых, но еще недостаточно выявленных законах. Неправильные (сильные) глаголы, по его мнению, сформировались в глубокой древности.

² Следует, однако, помнить, что впервые положения о регулярных звуковых переходах были сформулированы Р.Раском. За год до «Немецкой грамматики» Я.Гримма вопрос о первом передвижении согласных рассматривался также в работе Я.Х.Бредсдорфа «О причине языковых изменений» [54]. В этой работе автор уделяет значительное внимание также роли аналогии в развитии языка.

звонкие взрывные непридыхательные *b, d, g*; ср., например: скр. *bharami* 'несу⁵ и гот. *baira*; скр. *madhyas* 'средний⁵ и гот. *midjis*; 3) индоевропейским звонким взрывным *b, d, g* в германских языках соответствуют глухие взрывные *p, t, k*; ср., например скр., *pdam* 'ноги⁵ и гот. /я/и.

Кроме первого передвижения согласных, выделяющего германские языки среди других индоевропейских языков, Я. Гримм описал второе передвижение согласных, лежащее в основе отличия верхненемецких диалектов от нижненемецких и соответственно немецкого языка от остальных германских языков. По второму (верхненемецкому) передвижению согласных германские *d, ю, p* (после гласных), *p* (в прочих позициях), *t* (после гласных), *t* (в прочих позициях), *k* перешли в немецком соответственно в /, *d, /, pf, s, Z, ch(x)*. Ср. нем. *Tag* 'день⁵ и гот. *dags*, англ. *day*, швабск. *dag u m. л.*

Открытие регулярных фонетических соответствий позволило сравнительно-историческому языкознанию разработать метод проверки выводов, полученных иным путем, и тем самым явилось еще одним шагом на пути превращения языкознания в точную науку.

Я. Гримм внес огромный вклад в развитие современного ег теоретического языкознания и оказал большое влияние на последующие поколения лингвистов. Его деятельность связана также с работой по строительству национального немецкого языка и формированию национального языкового сознания.

Александр Христофорович Востоков (1781 — 1864). В разработке сравнительно-исторического метода и особенно в становлении славянского сравнительного языкознания значительную роль сыграли работы русского академика А. Х. Востокова.

А. Х. Востоков (Остенек) родился в Арнсбурге на острове Эзеле. С 1787 г. учился в сухопутном кадетском корпусе в Петербурге, затем, с 13 лет, в Академии художеств.

Востоков с юношеских лет увлекался словесностью: собирал русские народные песни и пословицы и создал «Сборник пословиц» [5], написал «Опыт о русском стихосложении» [8], изучал народные говоры [см. 13], много лет работал над этимологическим словарем русского языка. Работа в Императорской публичной библиотеке в качестве помощника хранителя рукописей дала ему возможность основательно ознакомиться с древнерусскими памятниками.

Основными трудами Востокова являются: «Рассуждение о славянском языке...» [14]; «Русская грамматика» [9]; «Описание русских и славянских рукописей Румянцевского музеума» [11]; «Издание Остромирова Евангелия» [12]; «Словарь церковно-славянского языка» [15]; «Грамматика церковно-славянского языка, изложенная по древнейшим онго письменным памятникам» [16]. Данная грамматика явилась последним трудом 80-летнего ученого.

Одной из наиболее ранних его работ, в которых Востоков выступает как представитель нового в языкознании сравнительно-исторического направления, является рукописный труд «Коренные и первообразные слова языка славянского» (несколько сот слов). Это набросок более позднего и обширного труда по этимологии [см. 6].

Востоков стремился показать различные степени родства между сравниваемыми языками. В основу установления степени родства, по Востокову, должно быть положено деление всех слов на «первоклассные», или «первенствующие», и «второклассные», или «второстепенные».

К первым Востоков относит слова (существительные и прилагательные), обозначающие человека, части тела, родственные связи, главные объекты окружающей природы (*земля, небо, вода, дерево, зверь* и проч.) и качества, которые могут быть приписаны этим объектам, а также числительные и местоимения. К типу первоклассных относятся, кроме того, некоторые глаголы и вспомогательные слова и частицы, как, например, предлоги, союзы, междометия. Первоклассные слова, утверждает Востоков, представляют собой наиболее древний, собственный, незаимствованный словарный пласт в каждом языке. Отсюда Востоков делает важный в методологическом отношении вывод, действительный для практики сравнительно-исторических исследований до настоящего времени. Он утверждает, что если «таковые первоклассные слова при тождестве значения в двух, трех или множайших языках имеют тот же или подобный звук, то сие может служить верным доказательством, что языки сии одного происхождения или корени» [6, 779].

Ко вторым Востоков относит названия орудий, ремесел, искусств и т.п., которые в процессе торговых или культурных связей народы наиболее часто заимствуют друг у друга. Соответственно сходство подобных слов в различных сравниваемых языках, по его мнению, «не составляет еще доказательства о единоплеменное™ народов или о сродстве языков» [6, 779—780].

В своих исследованиях Востоков опирается на новейшие данные современной ему науки. И если в наиболее ранних работах Востокова вообще не упоминается санскрит, то уже в статье «Задача любителям этимологии» [7, 204—215] проводится мысль о родстве ряда европейских языков с санскритом, что свидетельствует о его знакомстве с работами Ф. Шлегеля и особенно Ф.Аделунга, в частности, с его работой, посвященной исследованию санскритского языка [см. 33].

Особое место среди научных трудов А.Х. Востокова занимает его «Рассуждение о славянском языке...» [14], о котором С.Булич говорит следующее: «Самым выдающимся явлением в рассматриваемой литературе, опередившим намного свое время и составившим целую эпоху в истории нашего языкознания, должно быть признано знаменитое "Рассуждение о славянском языке, служащее введе-

нием к грамматике сего языка, составляемой по древнейшим оно-го письменным памятникам" Востокова» [2, 778]. И далее: «Впервые в нашей научной литературе мы находим здесь также такое уверенное и точное применение сравнительного метода...» [2, 779].

«Рассуждение о славянском языке...» [14] состоит из двух равновеликих частей: 1) «Рассуждение» и 2) «Примечания».

В самом начале «Рассуждения» затрагивается вопрос о происхождении церковнославянского языка; в истории его развития выделяются древний (памятники IX—XIV вв.), средний (памятники XV—XVI вв.) и новый (после XVI в.) периоды и подробно характеризуется последний период (т. е. период печатных церковных книг).

В древности, отмечает Востоков, не было значительного различия между русским и церковнославянским языками. «Разность диалектов, существовавшая, без сомнения, в самой глубокой уже древности у разных поколений славянских, не касалась в то время еще склонений, спряжений и других грамматических форм, а состояла большею частью только в различии выговора и в употреблении некоторых особенных слов. Например, русские славяне издревле говорили *волость* вместо *власть*, *города* вместо *градъ*... Русские не имели также звуков, выражаемых буквами Л; А кирилловской азбуки...» [22, 49]. В примечании, относящемся к этому месту, Востоков доказывает носовой характер церковнославянских *ж* и *А* и тождество их с польскими *q*, *q*, *iq*, *щ*. Как показывает Востоков, чем древнее письменные памятники славянских диалектов, тем больше сходства между этими диалектами. По Востокову, во времена Кирилла и Мефодия все славянские племена могли легко понимать друг друга.

В своих работах Востоков ограничивался сферой славянских языков, устанавливая их отношение друг к другу, например отношение древнерусского языка к новорусскому и церковнославянскому, а также к польскому и сербскому. Он не занимался установлением отношения славянских языков к другим родственным индоевропейским языкам. Тем не менее выводы Востокова подтвердились в последующих исследованиях Ф. Миклошича и А. Шлейхера, проведенных на более широком индоевропейском материале¹.

¹ Среди учеников Востокова выделяются слависты П. Шафарик, В. Копитар, Ф. Миклошич.

Павел Иосиф Шафарик был первым учеником и последователем Востокова, применившим сравнительно-исторический метод для исследования славянских языков и литературы. Основное внимание он уделит сербскому и чешскому языкам [см. 136-138].

По системе чешской грамматики Шафарика или под ее непосредственным влиянием были созданы: для польского языка — грамматика А. Малецкого [см. 107]; для словацкого — две работы М. Гатталы [см. 92 — 93]; для русского — Ф. И. Буслаева [см. 3]; для сербского — Х. Данилича [см. 19] и В. Ягича [см. 99].

Итак, честь открытия в первой четверти XIX в. сравнительно-исторического метода разделяют немецкие ученые Ф. Бопп и Я.Гримм, русский ученый А.Х.Востоков и датчанин Р.Раек.

Появление этого метода оказалось естественным завершением огромной работы, проделанной в области теории языка.

III. Сравнительно-историческое языкознание в середине XIX в.

Сравнительно-исторический метод, получивший свое обоснование в работах Ф.Боппа, Я.Гримма, Р.Раска и А.Х.Востокова и развитый их последователями, выступил как цельная система исследовательских приемов, наиболее важными и общепринятыми среди которых стали:

- 1) установление сходства словоизменительных показателей (особенно личных окончаний глаголов);
- 2) установление общности определенных слоев лексики;
- 3) установление наличия закономерных звуковых переходов (соответствий).

В середине XIX в. усилия ученых направлены на уточнение и совершенствование исследовательских приемов, дальнейшую разработку сравнительно-исторической методологии и расширение научной проблематики.

В это время работают такие крупные компаративисты, как А. Ф. Потт, Г. Курциус, А. Кун, Т. Бенфей, А. Шлейхер, И. Шмидт и др. Их работы легли в основу исследовательской деятельности языковедов ряда школ и направлений.

Особенностью работ указанных исследователей было стремление направить усилия на изучение древних языков и древнейших этапов развития языков. Древние языки являлись для них эталоном и в историко-философском отношении: сравнивая с ними современные языки, эти авторы стремились выявить степень «упадка» современных языков.

А. Ф. Потт (1802—1887) выступает прежде всего как основатель научной этимологии. Он первым четко указал на необходимость установления строгих звуковых соответствий между родственными языками и их единицами. Без учета строгих звуковых соответствий между словами родственных языков, утверждал Потт, этимологические исследования — это лишь упражнения в остроумии, лишённые всякой доказательной силы. Родственные языки, по Потту, распадаются на все более удаляющиеся друг от друга диалекты благодаря действию звуковых законов. Под звуковыми законами Потт понимает прежде всего законы, проистекающие из физиологической характеристики звукового состава языков. Позднейшее направление в развитии языкознания — младо-

грамматическое — рассматривает Потта как своего непосредственного предшественника.

Среди работ Потта [см., например, 114—118] основной считается большой двухтомный труд «Этимологические исследования в области индоевропейских языков, с особым упором на переход звуков в санскрите, греческом, латинском, литовском и готском» [114].

Георг Курциус (1820—1885) — филолог-классик. Еще в молодые годы он увлекался идеями В. Гумбольдта и Ф. Боппа и всю жизнь считал себя их последователем. Курциус стремился использовать достижения сравнительно-исторического языкознания для исследования классических языков. Он первым стал последовательно применять этот метод при изучении греческого языка. Главным его трудом — «Основы греческой этимологии» [60]. Вторым по объему и важности трудом — «Глагол в греческом языке» [63]. Курциус в указанных двух и других своих работах [см. 59; 61; 62; 64] особое внимание уделяет строгому выявлению звуковых переходов и их причин. В отчетах филолого-исторического отделения Саксонского королевского научного общества за 1870 г. он прямо заявляет, что в 40-х годах новое, более молодое поколение языковедов признало своим лозунгом строжайшее соблюдение звуковых законов.

Курциус делит историю языка в соответствии с концепцией братьев Ф. и А. Шлегелей и В. Гумбольдта на два периода: период роста, развития и период старения, отмирания. У Курциуса еще сильнее, чем у Боппа, заметна естественная терминология. Так, после первого периода языковой организации, по Курциусу, наступает период «кристаллизации» с одновременным уменьшением состава звуков. Второй период означал для него период «выветривания», когда с языком происходит то же, что с каменными породами, постепенно разрушающимися под влиянием атмосферных условий, но сохраняющими свою сердцевину.

А. Кун (1812—1881) известен как основоположник двух ответвлений сравнительного языкознания — *лингвистической палеонтологии* и *сравнительной мифологии*, а также как основатель «Журнала сравнительного языкознания» («Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung»). Кун занимался сравнительно-историческим изучением преимущественно древних языков [см. 101—103].

Т. Бенфей (1809—1881) — специалист в области общего языкознания и индолог, один из основателей лингвистической палеонтологии и сравнительной мифологии [см. 35—38]. В этой связи следует отметить деятельность Бенфея как воспитателя целой школы языковедов. Среди учеников Бенфея особенно выделяется А. Фик, индоевропеист и этимолог [см. 71—75], затем ученики

Бенфея и Фика: Г.Коллиц, известный индоевропеист [см. 57 — 58], А.Беценбергер, специалист по балтийским языкам [см. 39 — 41] и издатель журнала «Материалы по изучению индоевропейских языков» («Beitrage zur Kunde der indogermanischen Sprachen»).

Бурно развивающаяся в середине XIX в. лингвистическая палеонтология ставит своей целью восстановление фактов доисторических эпох, как-то: характер мышления, условия жизни и территориальное распространение первоначальных носителей данного языка, исходя из словарного состава языка и других его данных.

На основании изучения словарного состава сравниваемых языков исследователи пришли к выводу, что так называемые индоевропейцы вели оседлый образ жизни, основная масса населения жила в деревнях, а преобладающим занятием этого индоевропейского «пранарода» было скотоводство. Они знали прядение и ткачество, применяли, очевидно, уже бронзу и т.д.

«Прародину» индоевропейцев искали в Средней Азии, в степях южной России (от Дуная до Волги), в Центральной Европе, в бассейне Дуная.

Исследования в этой области, которые начались в середине XIX в., были характерны для всей второй половины XIX в. [131] и продолжают входить до наших дней. Однако в XX в. эта проблематика утратила свою актуальность и остроту.

Одной из первых работ в области лингвопалеонтологии является труд А.Пикте [см. 112]. Известность приобрели также работы В.Гена [см. 94] и О.Шрадера [см. 133— 135]. В этой области работали позже и такие языковеды, как Г.Хирт [см. 95 — 97], Э.Файст [см. 69; 70], П.Брадке [см. 51 — 53], М.Мух [см. 109] и др.

К числу более поздних лингвопалеонтологических работ относятся труды таких авторов, как В.Копперс, В.Бранденштайн, В.Шульц, А.Вальде, Ф.Шпехт, А.Шерер, Ф.Рибеццо, Г.Крайе, П.Тим.

Одной из новейших работ в области лингвистической палеонтологии является изданная в 1962 г. обширная монография итальянского языковеда Дж.Девото «Происхождение индоевропейской языковой и этнической общности» [66], представляющая собой сопоставление данных, полученных в области сравнительного языкознания, археологии, сравнительной мифологии, фольклористики, истории и социологии.

Необычайно много для утверждения сравнительного языкознания сделал в середине XIX в. А. Шлейхер.

Август Шлейхер (1821 — 1868) — крупнейший исследователь в области компаративистики и общего языкознания. Наиболее важными для сравнительно-исторического языкознания трудами А.Шлейхера являются его работы, представляющие собой конкретные исследования в области индоевропеистики: «Морфология церковнославянского языка» [126]; «Руководство по изуче-

нию литовского языка» [127]; «Компендий сравнительной грамматики индоевропейских языков» [128].

Компаративисты начального этапа развития сравнительно-исторического языкознания установили общность происхождения индоевропейских языков. Этот факт больше не вызывал сомнений. Однако не было единства мнений по вопросу об источнике, из которого развились индоевропейские языки.

Еще в конце XVIII в. В. Джоунз высказал мнение о том, что санскритский, греческий и латинский языки следует выводить из некоего общего для них источника. Ф. Бопп говорил вначале о языках, происходящих от санскрита или от общего с ним «отца», но позднее всегда говорил лишь о «братском» отношении между ними, остерегаясь преувеличить влияние и древность санскрита. Ф. Шлегель выдвинул гипотезу о первоначальности санскрита и происхождении от него всех остальных индоевропейских языков.

Ко времени Шлейхера большинство компаративистов уже отказались от концепции Ф. Шлегеля.

Будучи разносторонним ученым, обладая широким философским кругозором и тяготея к естественным наукам, Шлейхер стремится приблизить языкознание к точным наукам, стремится к выработке объективных и строгих приемов анализа материала в рамках сравнительно-исторического метода. Он ищет в исследуемом языковом материале те свойства, те явления, которые позволили бы избежать предвзятости и помогли бы достичь необходимой объективности выводов.

Именно этим Шлейхер обосновывает выдвинутое им требование строго и последовательно учитывать в сравнительно-историческом исследовании звуковые закономерности языковой эволюции как элементы материальной основы речевой деятельности, поддающиеся объективному учету.

Далее, развив в приложении к языку заимствованное им из естествознания понятие морфологии как учения о внутреннем строении частей организма, он создает учение о языковых формах, в основе которых лежат формальные признаки слова, выявляемые на базе его членимости и оформления в функциональной сфере. Эти языковые формы Шлейхер призывает изучать (опять-таки по образцу естествознания) как члены языкового континуума в его данности и в его эволюции.

Наконец, приложив к языкознанию философско-естествоведческую концепцию «организма» как природного образования, обладающего строго согласованной и целесообразной внутренней организацией и эволюционирующего по объективным законам независимо от человеческой воли, Шлейхер указал на важность системного подхода к языку, системного подхода как при исследовании отдельно взятого языкового «организма», его внутреннего устройства, так и при исследовании групп таких языковых «орга-

низмов», связанных, как и прочие «организмы» в природе, узами более или менее близкого родства.

Эти три фактора — а) звуковые закономерности; б) особенности морфологического строения и в) системный подход — в их взаимосвязи позволили Шлейхеру:

1) разработать весьма строгую процедуру языковой реконструкции как приема, позволяющего проникнуть в закономерности эволюции языка;

2) представить отдельно взятый язык как некоторое самодовлеющее целое, обнаруживающее сложное, гармоничное и целесообразное строение;

3) дать естественно-историческую картину языковых общностей (иначе — семей языков), где каждая языковая система (или языковой «организм») описывается как некоторое самодовлеющее целое, связанное с другими подобными (и генетически тождественными) системами посредством фонетических переходов и соответствий (звуковые законы), грамматических корреспонденции (морфология) и системных лексических сближений (система этимологии).

Идя этим путем в исследовании индоевропейских языков, Шлейхер создает свою теорию *родословного древа*, в которой ведущую роль играет понятие «праязык» (или «язык-предок»). По Шлейхеру, все языки, происходящие из одного праязыка, образуют языковой род (или языковое древо), который затем делится на языковые семьи, или языковые ветви. Языки, возникшие первыми из праязыка, Шлейхер называет языками-основами. Языки-основы дифференцируются в языки; языки могут распадаться на диалекты, а диалекты — на поддиалекты.

В своей работе «Компендий сравнительной грамматики индоевропейских языков» [128] Шлейхер дает схему родословного дерева индоевропейских языков, подобную родословному древу людей или животных. Весь путь развития индоевропейских языков графически изображен на этом родословном древе, общий ствол которого расщепился первоначально на две главные ветви-языки: первая главная ветвь — славяно-германский, который позднее расчленился на германский и славяно-литовский, вторая главная ветвь — ариогреко-итало-кельтский, который расчленился на греко-итало-кельтский и арийский, первый из которых, в свою очередь, расчленился на (албано-) греческий и итало-кельтский, а второй, арийский, долгое время оставался нерасчлененным. Позднее славяно-литовский разделился на славянский и литовский, арийский — на иранский и индийский, а итало-кельтский — на кельтский и итальянский.

Обоснованием такой картины истории индоевропейских языков служит, по Шлейхеру, положение о том, что чем восточнее живет народ, тем больше древних черт сохраняет его язык, и чем

западнее живет народ, тем больше новообразований содержит его язык и тем меньше у него сохранилось древних черт. Следовательно, славяно-германцы раньше других начали свое переселение на запад. Самым восточным из индоевропейских языков был древнеиндийский, и поэтому санскрит признавался языком наиболее близким к индоевропейскому праязыку.

В своей схеме родословного древа Шлейхер сходил с Боппом¹ в признании близкого родства индийской, иранской и италийской ветвей с греческой ветвью, но расходился с ним во взглядах в отношении балтийско-славянской ветви. Отделив балтийско-славянскую ветвь (группу) языков от азиатской (арио-италийской), он вместе с Я.Гриммом сближает ее с германской.

Историческое соотношение между языками Шлейхер определял по тому, насколько каждая ветвь сохранила черты индоевропейского праязыка. В наименьшей степени черты праязыка, по Шлейхеру, сохранились у славяно-германских языков, следовательно, группа населения, говорящая на этих языках, выделилась раньше других. За ней выделилась греко-итало-кельтская группа.

Отсюда понятно, сколь важную роль в построениях Шлейхера играла проблема реконструкции праязыка.

В книге «Компендий сравнительной грамматики индоевропейских языков» Шлейхер предпринял попытку восстановить индоевропейский праязык и проследить его развитие в каждом из его разветвлений. Книга характеризуется большой насыщенностью материалом и сжатостью изложения. В этой работе реконструкцию праязыка (т.е. гипотетическое восстановление его звуков, форм слов) Шлейхер осуществляет уже с учетом звуковых изменений, имевших место в каждом из языков-потомков. Следует отметить, что фонетика в этой работе занимает приблизительно третью часть общего объема материала, в то время как у Боппа это был лишь небольшой раздел. Реконструируемый праязык мыслился Шлейхером как вершина языкового развития, как язык, прошедший в доисторический период все предыдущие этапы языкового развития и достигший высшей флективной формы.

Индоевропейский праязык, по Шлейхеру, подлежит реконструированию исследователем, ибо даже древние индоевропейские языки, в том числе и санскрит, не сохранили полностью своего первоначального звукового состава и своих форм в первичном виде, вступив в исторический период уже с признаками постепенной трансформации.

¹ Как известно, Бопп в работе о старопрусском языке [см. 48] высказал предположение о том, что летто-славянские языки отделились от азиатской группы позднее, чем классические, кельтские и германские языки. Бопп основывал свое предположение на наличии четко выраженной разницы в консонантизме между греческим, латинским, ирландским и германским языками, с одной стороны, и индийскими, балтийскими и славянскими — с другой.

Реконструкция осложняется, однако, тем, что различные языки известны, по словам Шлейхера, «в различных возрастах своего развития». Чтобы преодолеть связанные с этим трудности, прежде чем приступить к сравнению, необходимо по возможности устранить разницу в возрасте сравниваемых данных, привести величины к одному общему выражению. Для этого необходимо вычлечь у формы, встречающейся во всех языках, то, что принадлежит специфическому развитию отдельного языка. Разница и будет основной, первоначальной формой (праформой).

Ср., например: скр. *djras* 'поле', греч. осурбд, лат. *ager*, гот. *akrs*. Известно, что в готском *k* происходило из *g* ($k < g$), перед *s* исчезало *a*; следовательно, древняя готская форма — *agras*. В греческом *o* происходило из *a* ($o < a$), т.е. древнегреческая форма также *agras*. Это прослеживается и по другим языкам. Итак, исходной индоевропейской формой оказывается *agras*.

Иными словами, от исторически засвидетельствованных языков факты языка «возводят» к более древней форме благодаря корреспонденциям, обнаруживаемым в этих языках.

Шлейхер приписывал праязыку качество полнейшей первичности и нетронутости в том смысле, что в нем еще не действовали исторические звуковые законы, не было влияния звуков друга на друга и т.п.

Звуковой состав праязыка представляется ему более простым по сравнению с живыми языками, обладающими весьма строгой симметричностью. Шлейхер насчитывал в нем 24 звука: 15 согласных и 9 гласных:

Согласные						Гласные		
<i>k</i>	<i>g</i>	<i>gh</i>	<i>j</i>	<i>s</i>	<i>v</i>	<i>a</i>	<i>i</i>	<i>u</i>
<i>t</i>	<i>d</i>	<i>dh</i>	<i>n</i>	<i>m</i>	<i>r</i>	<i>aa</i>	<i>ai</i>	<i>au</i>
<i>p</i>	<i>b</i>	<i>bh</i>				<i>aa</i>	<i>ai</i>	<i>du</i>

Однако, как утверждает Шлейхер, таким набором звуков праязык обладал в эпоху, предшествовавшую его распадению на отдельные ветви. В более раннюю эпоху звуковой состав был еще более простым: в нем отсутствовали придыхательные согласные, долгие гласные и дифтонги (или двугласные, по терминологии Шлейхера) [см. 128, § 1].

По А. Шлейхеру, праязык простотой своего вокализма приближался к санскриту, тогда как греческий обнаруживает уже более развитое состояние. В отношении согласных, наоборот, греческий, по его мнению, сохраняет первичное состояние, а санскрит уже представлял его в «искаженном» виде.

При реконструкции морфологического строя праязыка Шлейхер опирался преимущественно на показания санскрита. В этом отношении он разделял общее для многих языковедов его времени убеждение, заключающееся в том, что санскрит является наи-

более древним по сравнению с другими индоевропейскими языками. Индоевропейский праязык выступал как бы идеализированной структурой санскрита, поэтому все то, что воспринималось в санскрите как непоследовательность, устранялось при реконструкции праязыка, не включалось в его состав. Индоевропейский праязык рассматривался как «органически построенный» флективный язык. Например, по Шлейхеру, в праязыке было девять падежей, три числа и три рода, а также широко развитая система спряжения.

Следует отметить, что Шлейхер в значительной части принимает теорию Боппа о происхождении флексии. Как и Бопп, он считает исконно индоевропейский корень односложным. Как и Бопп, усматривает в тематических и словообразовательных суффиксах присоединенные к корню местоимения или же корни с грамматическим значением. Подобно Боппу, Шлейхер не ограничивает одним только первобытным периодом способность образовывать новые сочетания посредством агглютинации, а допускает подобные новообразования в ряде языков и в более поздние периоды.

Для Шлейхера индоевропейский праязык представлял совершенно реальную величину, что он неоднократно подчеркивал. Восстанавливая праформы, Шлейхер настолько был уверен, что он восстанавливает истинные, реально существовавшие формы праязыка, что даже написал на этом «восстановленном» им праязыке басню, которую он озаглавил «*Avis akvasas kai*» («Овца и кони»).

Насколько в действительности всякая реконструкция праязыковых форм гипотетична, видно уже из того, что Б.Дельбрюк позднее представляет это название как «*Avis eqvos qe*», а Хирт — как «*Owis ekwoseskye*».

Шлейхер, таким образом, впервые применяет метод реконструкции праязыкового состояния как системы форм. При этом он уделяет большое внимание системному сравнению звукового строя отдельных индоевропейских языков, стремясь одновременно к реконструкции их исходного состояния. Повышенное внимание, уделяемое Шлейхером звуковым соответствиям, привело к уточнению им критериев определения родства языков, критериев, исходящих отныне из тождества звукового материала в составе лексических и грамматических единиц.

Характеризуя Шлейхера как компаративиста, следует отметить, что его «Компендий» завершал собой целый период в истории языкознания. Шлейхер имел возможность критически использовать все частные исследования, проведенные после Боппа такими учеными, как А. Потт, Т.Бенфей, Г.Курциус, А. Кун и др. Одно из отличий работ Шлейхера от работ Боппа было обусловлено тем, что Боппу приходилось еще доказывать родство индоевропейских языков, а следовательно, подчеркивать преимуществен-

но их общие черты, ко времени же Шлейхера это уже считалось пройденным этапом для индоевропеистики, и поэтому он мог обратить основное внимание на отличительные черты каждого из индоевропейских языков, особенно на происшедшие в нем звуковые изменения.

Теория родословного древа Августа Шлейхера оказала огромное влияние на сравнительно-историческое языкознание, определив в значительной мере пути его дальнейшего развития. Отзвуки этой теории ощущаются и в ряде современных сравнительно-исторических построений.

Компаративисты, бывшие непосредственными последователями Шлейхера, стремились в первую очередь уточнить и развить его положения. Так, К.Лотнер [см. 106] в 1858 г. предложил выделять две основные группы языков — азиатскую и европейскую, различающиеся употреблением в европейской группе / на месте азиатского г, например: греч. лояи, гот. *filu* вместо скр. *rigi*. Позднее из европейского единства выделился греческий, еще позднее — итальянский и только вслед за этим разошлись кельтские и германские языки. Позже всех разделились балтийско-славянские языки. Положение о возможности различать в индоевропейском единстве в первую очередь две группы языков — европейскую и азиатскую — содержалось также в работе М.Мюллера [см. 110, 18]. Некоторые исследователи, правда, отделяли греческую группу от европейской, относя ее к Азии [см. 77, 119].

Преобладающей точкой зрения была следующая: индоевропейцы, говорившие на одном общем языке, разделились сначала на обитателей Европы и Азии. Затем в Европе возникли два подразделения: северное и южное. В северное входили славяно-балтийские и германские языки, в южное — греческий, итальянские и кельтские.

Теория родословного древа, однако, не могла объяснить целый ряд языковых фактов, встречаемых в различных языках. Более того, ряд фактов противоречил самой гипотезе родословного древа Шлейхера.

Критиком натурализма Шлейхера, его теории родословного древа, его понимания звуковых законов выступил Иоганн Шмидт (1843—1901) [см. 129—132]. В работе «О родственных отношениях между индогерманскими языками» Шмидт начал с критики самого термина «индоевропейский праязык» в шлейхеровском понимании. Шмидт утверждает, что цельность праязыка является научной фикцией, что в действительности существовало не единство, а изначальная диалектная раздробленность индоевропейского языкового комплекса. Следовательно, очень трудно и, собственно, невозможно отнести все его элементы к одной эпохе. Отсюда вытекает положение о том, что конечным итогом работы

компаративиста может быть только реконструкция отдельных форм и слов, а не попытка воссоздания языка в целом его виде [см. 129].

По концепции Шмидта, индоевропейские языки следует представлять не в виде ветвей, отходящих от единого ствола, а в виде цепи из различных звеньев, замкнутой в себе, а потому не имеющей ни начала ни конца.

Если мы произвольно примем в качестве начала индоиранский язык, то ближайшими к нему звеньями окажутся балтийский и славянский, затем будут следовать германский, кельтский, итальянский, пока не дойдем до греческого, в свою очередь примыкающего к индоиранскому.

По Шмидту, языки, географически расположенные ближе друг к другу, имеют между собой больше сходства, чем языки, более далеко отстоящие друг от друга. Соответственно существует постепенный переход от индийских языков через иранские к славянским и от последних — к балтийским. Именно поэтому славянские языки содержат больше арийских черт, чем литовский (балтийский), а иранский, в свою очередь, содержит больше общих со славянским черт, чем санскрит. В силу такой непрерывности балтийско-славянские языки, с одной стороны, неразрывно связаны с германскими, а с другой — с ирано-индийскими языками.

Итак, балтийско-славянские языки — это промежуточное звено между германскими и ирано-индийскими языками. Доказательством этого служит тот факт, что, например, словарный состав славяно-балтийских языков содержит в четыре раза больше арийских элементов по сравнению со словарным составом немецкого языка и в то же время содержит в десять раз больше германских элементов по сравнению с арийским словарным составом.

Точно так же кельтские языки представляют собой промежуточное звено между итальянскими и германскими языками, а германские, в свою очередь, — промежуточное звено между кельтскими и славянскими языками. Нет резких переходов и между греческим и индоиранскими языками¹.

Утверждая, что во всех индоевропейских языках наблюдается постепенный переход от одного языка к другому, что язык или языки не образуют исторически обособленных групп, Шмидт выдвигает следующее положение: нет основания предполагать существование североиндоевропейского и южноиндоевропейского исходных языков, равно как и других более поздних языков-основ. Далее, по Шмидту, два граничащих друг с другом языка всегда

¹ В конце 50-х годов XIX в. Г.Эбель и А. Пикте обратили внимание на отсутствие четких границ между отдельными группами индоевропейских языков. Каждый язык, отмечали они, связан многосторонними связями с другими родственными языками, что создает непрерывную цепь лингвистических связей [см. 68; 112].

обнаруживают некие только им двоим свойственные черты. Теория постепенных «переходов» Шмидта предполагает непрерывный переход известных черт из одного языка в другой вместо «разветвления». Сам автор назвал ее «волнообразной теорией» или *«теорией волн»*, поскольку непрерывное поступательное движение в языке, или «языковые волны», можно сравнить с движением волн от брошенного в воду камня. Если в некоем языке возникло новообразование (или очаг возникновения волны), то оно будет постепенно расходиться в разные стороны, распространяясь на целый ряд языков.

В теории Шмидта, как во всякой научной теории, имеются сильные и слабые стороны. Основным ее достоинством является отказ от абсолютизации схемы Шлейхера, выявление некоторых закономерностей возникновения и распространения новообразований. Ее основным недостатком является преувеличение значения взаимовлияния рядом расположенных языков, сведение к этому, в сущности, всего сложного процесса образования и развития языков. Весь процесс взаимовлияния он сводит к действию друг на друга родственных языков, не принимая во внимание языки неродственные.

«Теория волн» Шмидта оказала значительное влияние на последующие лингвистические направления, в особенности на так называемых неолингвистов, или область ареальной лингвистики, а также на Г.Шухардта — главу Школы «слов и вещей».

«Теория волн» Шмидта неоднократно подвергалась критике, особенно со стороны младограмматиков. В то же время такие крупные лингвисты, как П.Кречмер, А.Лескин, критикуя Шмидта, стремились доказать, что его концепция не находится в резком противоречии с концепцией Шлейхера.

Так, во введении к работе «О склонении в славяно-литовском и германском языках» [104] Лескин утверждал, что теорию родословного древа и «теорию волн» можно согласовать, допустив, что первоначально существовала непрерывная промежуточная связь, а затем возникли разветвления. По мнению Лескина, принципиального противоречия между теориями Шлейхера и Шмидта нет, потому что они отражают лишь различные стороны истории индоевропейцев: переселение отдельных племен и самостоятельное развитие их языков — у одного исследователя и процессы постепенного расширения территории — у другого.

В последнюю четверть XIX в. все более возрастает недоверие к идее промежуточных языков-основ. Например, в 1880 г. Б.Дельбрюк выразил сомнение в возможности существования каких-либо

группировок индоевропейских языков, за исключением индоиранской [см. 65, 136]. Столь же скептическое отношение к возможности установить некие более тесные (чем это предполагается самим членением на ветви, или группы) родственные связи между отдельными ветвями индоевропейских языков выражает в своих трудах и другой крупный представитель индоевропеистики — К.Бругман [см. 55 — 56].

IV. Принципы и методика сравнительно-исторического исследования

Во второй половине XIX в. конкретные сравнительно-исторические описания языков уже создали достаточную базу для того, чтобы можно было выделить те основополагающие черты, которые присущи сравнительно-историческому исследованию как особому способу научного рассмотрения языка.

Хотя можно говорить о принципах построения сравнительно-исторического описания, применительно к рассматриваемому периоду — это еще сопряжено с большими трудностями, так как в науке, особенно в ее эмпирической сфере, принципы становятся окончательно ясными только тогда, когда наука в целом уже сформировалась.

Изложение принципов и методики сравнительно-исторического исследования, которое представляется целесообразным дать в настоящем разделе, естественно, приходится строить с учетом и тех выводов, которые были сделаны на более позднем этапе развития сравнительно-исторического языкознания. Рассмотрение принципов и методики сравнительно-исторического исследования позволит лучше уяснить проблемы, трудности и саму логику поступательного движения научного знания в последующий, младограмматический период развития сравнительно-исторического языкознания.

Характеристику сущности сравнительно-исторического языкознания, его принципов и его метода, целесообразно начать с описания его отношения к классификации языков.

В XIX в., как известно, преимущественное внимание было обращено на генеалогическую классификацию. Генеалогическая классификация языков приняла в XIX в. методически законченный вид и образовала особую область теоретических знаний о языке. Генеалогическая классификация языков с методической точки зрения строится в два этапа.

1. Языки мира объединяются или разделяются исходя из того, являются ли они материально родственными или не являются таковыми. Каждая совокупность материально родственных языков составляет семью.

2. Внутри каждой семьи языки описываются как имеющие ту или иную степень близости, в соответствии с чем они подразделяются на группы, подгруппы и т.д. Близость языков изображается по-разному: в виде графа родословного древа, системы изоглосс, спроецированных на географическую карту, интерферирующих друг с другом волн или иными средствами.

При размещении языка в системе генеалогической классификации в принципе надо решить две задачи: **1)** соотнести этот язык с родственными и неродственными языками; **2)** соотнести этот язык только с родственными языками.

Решение этих задач производится в условиях, когда в языкознании имеется подготовленный универсальной грамматикой некоторый список языковых вариантов одного семантического (идеализированного) инварианта. На базе этого списка можно классифицировать по степени материальной близости варианты, принадлежащие к разным языкам.

Однако универсальная грамматика представляет для сравнительно-исторического языкознания материал в «атомарном» виде, то есть каждое взятое из универсального списка отдельное значение (план содержания) имеет свой список вариантов языковой формы (план выражения) по разным языкам.

Средством обнаружения материального родства языков может выступать анализ языковых форм в их отношении к значению и значений в их отношении к форме. Эти приемы дополняют друг друга и могут быть проверены друг через друга. Потребность в таких рекурсивных процедурах возникает потому, что установление корреспонденции между единицами двух и более языков в плане содержания зависит от установления корреспонденции между этими же единицами в плане выражения и, наоборот, установление корреспонденции между единицами в плане выражения зависит от установления корреспонденции между ними в плане содержания.

Одно-однозначные соответствия между единицами, принадлежащими к различным обследуемым языкам, как правило, отсутствуют, поэтому установление корреспонденции (в плане выражения и в плане содержания) между единицами, принадлежащими к разным языкам, может быть проделано только путем системных сближений.

Системные сближения есть конфронтация лексических, семантических и грамматических систем двух и более языков (взятых как в целом, так и в корреспондирующих подсистемах этих языковых систем).

При такой конфронтации всякий раз в виде исходной гипотезы принимается либо наличие корреспонденции в плане выражения, и тогда изучаются корреспонденции в плане содержания, либо наличие корреспонденции в плане содержания, и тогда изучаются корреспонденции в плане выражения.

Результаты каждого такого сравнения являются основанием для последующего сравнения. Тем самым процедура как бы развивается из самой себя.

Если о родстве языков ничего не известно, но соположены их планы выражения и у них выделены системы форм, которые гипотетически можно подвергнуть сближению, тогда корреспондирующие единицы языков будут определяться через план содержания по следующим процедурам (правилам).

1. Если значения двух форм различны, но оба эти значения могут быть возведены к одному общему значению, то формы считаются корреспондирующими.

2. Если значения двух сближаемых форм различны, но соседствующие формы в обоих языках показывают, что значение одной формы в одном языке то же, что и значение двух сближаемых форм в другом языке, то формы считаются корреспондирующими.

3. Если значения двух сближаемых форм различны, но соседствующие формы в обоих языках показывают, что эти различные значения возникли за счет распределения общего значения между другими формами, то такие формы считаются корреспондирующими.

На этих трех принципах устанавливаются семантические корреспонденции между формами. Образуется специальная наука, рассматривающая такие корреспонденции, — *этимология*.

В этимологии рассматриваются корреспонденции между многими языками. Принципы сближения форм многих языков те же, что и в случае с двумя языками. Так, например, если в одном языке есть форма, которая может быть в плане выражения сближена с формой другого языка, но обе эти формы обладают разными значениями, то их этимологическая связь может быть установлена нахождением в третьем языке некоторой сближаемой с первыми двумя по плану выражения формы, обладающей либо обоими значениями, либо значением, сводящим, связывающим эти два разных значения, либо значением, указывающим на перераспределение значений между формами.

Таким образом, принцип системных сравнений в этимологии есть анализ совокупности (неограниченно большой) языковых систем, рассматриваемых через сближаемые элементы и посредством сближения элементов.

Этимология начинается с выделения совокупности элементов, дающих системные отношения в пределах семантического поля; затем, сравнивая системы двух и более языков, анализирует семантические отношения каждого из элементов одного языка к каждому из элементов другого языка или других языков. В результате устанавливаются семантические связи между сближаемыми элементами разных систем — этимологии. Каждая этимология есть

система значений, объединяющих корреспондирующие формы. Совокупность этимологии дает возможность вскрыть пути образования и изменения значения (в частности, такие, как метафора, функциональное замещение и т.п.), т.е. образует сферу, показывающую законы *лингвистической семантики*.

Принцип связи систем через их элементы, объединенные по этимологическому критерию, делает возможным сравнение любых систем при наличии их этимологического сближения. Картина этимологии какого-то одного языка дает систему семантических связей этого языка со всеми прочими языками. Эта картина связей, формируемая совокупностью этимологии, в отличие от той, которую находим в универсальной грамматике, характеризуется двумя важными особенностями: 1) совокупность этимологии одного языка есть картина материальных связей этого языка с другими языками через систему значений (универсальная грамматика материальные связи не исследует); 2) совокупность этимологии единицей отсчета избирает материально представленную языковую систему (универсальная грамматика избирает единицей отсчета не систему языка, а систему идеализированных значений, понятий). Это наглядно показывает различие методов универсальной грамматики и сравнительного языкознания.

Указанные особенности этимологии позволяют сделать следующий шаг. Здесь в принципе возможны два направления исследования.

Одно из них состоит в том, чтобы рассматривать степень близости языков, не ориентируясь на особенности внутреннего развития и изменения материала языков, а связывая языки в первую очередь по степени культурной общности народов, говорящих на этих языках, территориальной близости и т.п., т.е. в зависимости от интенсивности действия факторов, которые важны в чисто количественном отношении. В этом случае речь идет о языковых союзах и интерференции языковых систем. Количество и характер этимологически сближаемых элементов языков призваны служить демонстрацией иерархии связей и характера интерференции внутри некоторой совокупности языков.

Другое направление исследования, напротив, прежде всего считается с особенностями внутреннего изменения материала языков. Данный подход основан на установлении так называемого материального родства. Материальное родство языков само служит основанием для установления культурной общности народов, которым принадлежат родственные языки. При этом подходе количество соответствий между языками в принципе не играет решающей роли для установления их близости.

Принцип материального родства языков, результаты приложения которого воплощены в генеалогической классификации языков и реконструкциях, зиждется на том, что от исконной лекси-

ки отделяются заимствования. После отделения заимствований сравнивается только исконная лексика, и степень близости устанавливается как по количеству сближаемых единиц исконной лексики, так и по количеству и иерархии изменений, происшедших в материале лексики. И чем больше изменений обнаружено в материале исконной лексики, тем о большей удаленности одной языковой системы от другой они свидетельствуют.

Исследование материального родства также включает в себя серию процедур, каждая из которых находится с другой в рекурсивных отношениях. К этой серии относятся следующие процедуры:

1) установление качественных и количественных соответствий в исконных лексических и грамматических морфемах, подтверждающих связь между сравниваемыми системами;

2) установление соответствия между грамматическими системами сравниваемых языков;

3) установление закономерных фонетических изменений, связывающих сравниваемые системы.

Связь процедур достигается через установление реконструкций.

Реконструкция есть теоретическое (гипотетическое) описание некоторой языковой системы (ее частей, ее форм), к которой возводятся сближаемые языки. Реконструкция предполагает установление стольких систем, сколько точек дивергенций усматривается в отношениях между существующими языковыми системами.

Рассмотрим, как (в основных чертах) применяется описанная методика к анализу языковой системы и ее подсистем: лексики, морфемки, грамматики, фонологии.

Лексика. Для того чтобы исключить заимствования, в сближаемых языках в соответствии с данными этимологии берутся те семантические поля, которые представлены словами, характерными для соответствующего уровня развития культуры. Считается, что слова детской речи, как и заимствования, не могут служить основанием для установления дивергенций, поэтому они должны быть равным образом исключены. Рассмотрению подлежат: а) термины родства; б) названия частей тела; в) имена богов; г) названия элементов ландшафта и явлений природы; д) названия животных — диких и домашних; е) названия растений — хозяйственных и дикорастущих; ж) названия хозяйственного инвентаря, построек и т.д. Особую группу составляют глаголы и прилагательные — слова со значением признаков предметов и явлений. В этой области лексики также есть своя иерархия. Так, глаголы чувствования, движения и действия составляют базисную часть слов; к этой же части относятся прилагательные, обозначающие простейшие качества и основные названия цвета. Относительные прилагательные и сложные по образованию прилагательные, равно как

и сложные глаголы, обозначающие тонко дифференцированные действия, считаются словами уже более высокого культурного уровня.

Таким образом, устанавливается хронологическая иерархия семантических полей — фактор, чрезвычайно существенный для исторического сопоставления. Так, термины родства, названия частей тела, имена богов и названия частей ландшафта — хронологически более ранние семантические поля, чем система числительных. Система числительных — хронологически более раннее семантическое поле, чем, например, названия знаков и хозяйственного инвентаря.

Итак, сравнивая лексику разных языков с учетом хронологической иерархии семантических полей, возможно составить предварительные представления о характере дивергенций языков и сформулировать гипотезу о возможной степени родства между рассматриваемыми языками, так сказать, наметить количество реконструируемых систем в их отношениях к реальным языкам по принципу: чем ближе и чем «новее» общность лексики в семантических полях, тем языки более близки.

Морфемика. Построенная гипотеза далее уточняется так: существующий общий словарь сравниваемых языков подвергается морфемному анализу. Затем производится сближение не по словам, а по морфемам. Степень родства языков определяется отношением количества общих морфем к количеству общих слов. Чем больше количество общих морфем по отношению к количеству общих слов, тем более удаленными в генетическом отношении считаются языки, и, наоборот, чем больше количество общих слов по отношению к количеству общих морфем, тем более близки языки в системе генеалогической классификации.

Это общее соображение далее может быть детализировано путем введения некоторых дискретных точек, отмечающих пункты дивергенции. С этой целью рассматриваются отдельно системы грамматических и корневых морфем. Корневые морфемы составляют открытый список. Такого рода список характеризуется тем, что в каждой паре родственных языков оказываются свои общие корневые морфемы.

Это может служить основой для определения точек дивергенции и построения реконструируемых систем. Представим, что даны четыре системы:

А	в	с	D
		Я	л/с
Vb	S	Vd	Vd
	Vf	Vf	
7Г	V2	л/3	74

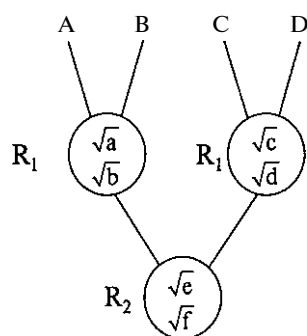
В этом случае системы АВ и CD объединяются наличием в них общих корней: АВсVa , Vb и CDcVc , Vd. Далее системы объединяются общими корнями так: ADcVe и BCcVf, при условии, что каждая из систем содержит и свои собственные корни: Ас V1, BcV2, CcV3, DcV4 .

Изложенные положения можно представить в виде следующей матрицы:

	a	b	c	d	e	f	1	2	3	4
A	+	+			+		+			
B	+	+	-	-	-	+	-	+	-	-
C	-	-	+	+	-	+	-	-	+	-
D	-	-	+	+	+	-	-	-	-	+

Матрица показывает, что система А сближается с системой В, система С сближается с системой D — соответственно числу общих корней. Поэтому они должны быть объединены двумя реконструируемыми архетипами.

Системы А и D, равно как и системы В и С, хронологически более удалены друг от друга, так как число объединяющих их корней меньше. Поэтому четыре системы А, В, С и D вместе возводятся к одному архетипу, в котором представлены корни Ve и Vf (последовательно, в два этапа):

Это построение является примером, иллюстрирующим принципиальную процедуру сравнительно-исторического анализа. В практике исследования приходится оперировать сотнями корней и десятками языков. Из приведенного примера видно, что операции установления родства есть алгебраические операции над множествами, всегда дающие возможность так или иначе объединять множества через их общие члены.

Таким образом, гипотеза о дивергенциях языкового развития, полученная при сближении лексики по семантическим полям, может быть проверена через исследование отношений между множествами корней, входящих в языковые системы.

Грамматика. Грамматические морфемы в каждой языковой системе представляются в виде закрытого списка. Для исследования дивергенций языков значимой является не только представленность тех или иных общих морфем, но и номенклатура и система грамматических категорий. Грамматические категории разбиваются на словоизменительные (системы склонения и спряжения) и словообразовательные.

Словоизменительные категории более четко обозначают пункты дивергенции языковых систем, исходя из принципа: «все или ничего», в то время как категории словообразования распределены по языкам диффузно. Поэтому исследование дивергенции языковых систем через категории словообразования обычно производится в принципе так же, как и в случае с корнями.

Словоизменительные категории, т. е. системы склонения и спряжения, исследуются в каждом из родственных языков именно как системы. При этом определяющее значение имеет то, представлена ли та или иная система категорий в сравниваемых языках (например, во французском нет системы склонения, тогда как в латинском, русском и санскрите она представлена). Представленность тех или иных систем категорий позволяет расположить языки в определенном хронологическом порядке (как в случае с наличием общей лексики — в хронологической иерархии семантических полей). Отсюда складывается возможность построить на чисто грамматическом основании гипотезу о расположении языков в хронологическом порядке. Сравнение грамматической и лексической гипотез делает возможным их взаимное уточнение, а также уточнение места языковых систем в хронологической иерархии и пунктов дивергенций языков, отмеченных реконструкциями.

Грамматическая гипотеза может быть далее самостоятельно уточнена и проверена путем исследования отношений между грамматическими морфемами. При этом значащими являются следующие случаи:

- 1) системы словоизменения совпадают в номенклатуре значений и в номенклатуре морфем;
- 2) системы словоизменения не совпадают в номенклатуре значений, но совпадают в номенклатуре морфем;
- 3) системы словоизменения совпадают в номенклатуре значений, но не совпадают в номенклатуре морфем;
- 4) системы словоизменения не совпадают ни в номенклатуре значений, ни в номенклатуре морфем, но в окончаниях или в

корнях одного языка есть совпадения с номенклатурой словоизменения другого языка;

5) не существует в принципе никаких грамматических совпадений.

Случай (1) указывает на большую близость, чем случай (2); случай (2) указывает на большую близость, чем случай (4); случай (4) указывает на большую близость, чем случаи (5) и (3). В случаях (5) и (3) языки могут считаться родственными на лексическом, но не на грамматическом основании. Если родственность языков доказана, то возникает необходимость в специальном доказательстве отсутствия совпадений между грамматическими морфемами разных языков.

Точки дивергенции языков могут быть установлены по грамматическому основанию следующим образом. В случае (1), когда совпадают номенклатуры значений и номенклатуры морфем, речь идет об одной и той же системе. Это нередко является внутренней мерой тождества системы в том случае, когда в пределах данной системы существуют разные и частично совпадающие списки корней. Эта мера тождества системы нередко оспаривается. Когда обнаруживаются те или иные расхождения в номенклатуре значений или в номенклатуре морфем, каждое такое расхождение считается в принципе некоторой точкой дивергенции. Но данные о дивергенциях, полученные на базе грамматического критерия, не являются самодовлеющими. Их главная ценность в том, что они являются средством, контролирующим наличие дивергентности, полученной на основании списков корней. Так, например, если на основании данных списка корней трудно отдать предпочтение какой-нибудь одной группировке из наличных двух, то в этом случае грамматика является фактором, определяющим решение вопроса.

Таким образом, грамматические соответствия есть фундаментальное средство, служащее: а) для установления глубокого родства между языками; б) в качестве меры тождества систем; в) в качестве способа уточнения пунктов дивергенций, полученных на основании анализа списков корней.

Фонология. Самым важным критерием при построении генеалогической классификации и при реконструкции являются фонетические соответствия (и формируемые на их базе фонетические законы).

Фонетические законы равно относятся и к словам, и к морфемам. Фонетические законы выводятся из списка сближаемых слов, корней и аффиксов. Дело в том, что соответствия этих единиц языка есть соответствия при неполном совпадении звучания. (Сходство в звучании представлено, но полное совпадение может возникнуть лишь в исключительных условиях.)

При сравнении слов, объединенных родством в семантических полях, корней и аффиксов, обнаруживающих материальное родство, можно видеть, что звуки, стоящие на одних и тех же местах в сближаемых словах, корнях и аффиксах, заменяются определенным образом. Можно убедиться, что каждому из звуков этого слова в одном языке соответствует некоторый определенный звук или ноль звука в другом языке. Эти отношения между звуками в одной и той же значимой единице в разных языках получили название *звуковых соответствий*.

На основании звуковых соответствий могут быть установлены звуковые законы.

В словарях, как известно, словник построен по алфавиту, т.е. слова упорядочены в соответствии с алфавитной последовательностью их графического состава. Они разбиты сначала на небольшие классы в зависимости от букв, начинающих слова, затем каждый из классов разбит на подклассы по тому же правилу в зависимости от букв, следующих за начальными, затем на подклассы в зависимости от третьей буквы в слове и т.д., пока классное деление не будет исчерпано последней буквой слова. Каждый из классов, подклассов и т.д. получает как бы номер, отвечающий номеру буквы в алфавите. Зная список родственных слов двух языков, список родственных корней и список родственных аффиксов, возможно рассматривать в порядке классов и подклассов только родственные слова, корни и аффиксы этих языков.

Грубо говоря, словарный состав исследуется так: **1)** исключаются неродственные слова; **2)** слова разбиваются по морфемам и исключаются неродственные морфемы; **3)** благодаря алфавитному порядку классов и подклассов систематически сравнивается фонологический состав плана выражения всех родственных единиц двух языков. Такое системное сравнение всех родственных единиц двух языков позволяет сформулировать некоторые обобщения и вывести формулы, которые охватывают фактическую сторону соответствия планов выражения обоих языков.

Эти выводы касаются уже не двух родственных значащих единиц, а плана выражения языков в целом. Они имеют примерно такой вид: «если в начале слова в языке \wedge находится звонкий смычный согласный, то в этой же позиции в языке У находится звонкий аффрикат, характеризуемый тем же местом артикуляции». Такого рода выводы принято называть *звуковыми*, или *фонетическими, законами*. Фонетические законы логически всегда представляют собой импликацию (суждения вида *если... то...*). Этим они отличаются от фонетических соответствий (последние логически характеризуются квантором существования *имеет место...*)-

С точки зрения предметного содержания фонетические законы обязательно включают в формулировку следующие сведения: а) указание на звук или группу звуков; б) указание на позицию

этого звука или группы звуков в слове, морфеме или слоге; в) указание на язык или языки, которым принадлежит данный звук или группа звуков.

Фонетические законы способны принимать достаточно сложную логическую форму. Может, скажем, имплицироваться не группа звуков или звук, а дизъюнкция, суждение вида: «если в языке X в позиции I находится звук а, то в языке Y в позиции I или в позиции II находится звук Р или у». Фонетические законы могут содержать одностороннюю импликацию (что бывает чаще всего), суждение вида: «если в языке X в позиции I находится звук а, то в языке Y в позиции I находится звук Р, но не наоборот». В сравнительно редких случаях фонетические законы могут содержать и взаимную импликацию, суждение вида: «если в языке X в позиции I находится звук а, то в языке Y в позиции I находится звук Р, и наоборот».

Фонетические законы в своей совокупности в состоянии полностью характеризовать план выражения двух сравниваемых языков относительно друг друга, так же как и план выражения многих языков относительно друг друга.

Обнаружение и описание фонетических законов нельзя считать завершенным ни для одной из семей языков, даже для наиболее обследованной индоевропейской языковой семьи.

Есть, однако, еще одна сторона дела, осложняющая описание такого рода. Речь идет об исключениях из фонетических законов.

Родственный словарь слов и морфем сравнивается между собой, при этом фонетический закон нередко приобретает вид импликации дизъюнкции («если в языке X в позиции I находится звук а, то в языке Y в позиции I находится звук у или звук Р»). Если один из членов дизъюнкции (скажем, звук Р) представлен в ограниченном количестве морфем и, что самое главное, не найдены специальные фонетические условия, предсказывающие появление этого звука (или — при некотором условии — звука у), то в этом случае лингвисты говорят об «исключении из фонетического закона». Определение условий, при которых имеет место «исключение», превращает это «исключение» в «закон». Нахождение условий нередко бывает затруднено или в особых условиях не может быть объяснено только фонетическими причинами.

При охвате сравнительным изучением все большего числа языков объем родственных слов и морфем также соответственно растет, увеличивая тем самым эмпирическую базу фонетических законов, а следовательно, и вероятность появления новых исключений. Таким образом, фонетические законы, как и всякие законы, дают область эмпирии, где эти законы действуют и проявляются наглядно, и область эмпирии, где эти законы не реализуются. Деление эмпирии на эти две области позволяет применить Формальные критерии к анализу генеалогической классификации

языков. Эти свойства фонетических законов позволяют применить рекурсивные процедуры для всех областей сравнительно-исторического анализа.

Обследуя связанный этимологиями состав лексики в ее корневой части и состав аффиксов в родственных языках под углом зрения известных для сравниваемых языков фонетических законов, можно легко убедиться, что ряд сближаемых слов, корней и аффиксов различается в плане выражения так, как это предсказывается фонетическими законами. Относительно этой части сближаемых элементов лексики можно утверждать, что она является исконной и возводимой к общему источнику.

Другие же из сближаемых слов и форм различаются в плане выражения не так, как это предсказывается фонетическими законами, и потому их нельзя прямо возвести к общему источнику. В таком случае возможны два решения: 1) либо к сближаемым формам применяется термин *исключение*, 2) либо сближаемые формы должны квалифицироваться как содержащие *заимствование*. (Решение вопроса зависит от характера формы одной из сближаемых единиц.)

Для этимологии существенно, является ли форма результатом правильного развития, заимствованием или исключением, так как это важно для интерпретации истории значения слов. Так, нельзя у заимствования предположить значения, которое могло бы оказаться результатом правильного развития.

Формы, представляющие собой исключения, как правило, являются формами с особым употреблением, что, в свою очередь, не может не сказаться на характеристике истории значения этих форм. Так, небезразлично, является ли форма результатом воздействия письменной речи на устную, особой диалектной формой, вошедшей в язык, или контаминацией двух форм (нарушившей картину фонетических законов). Во всех случаях это должно сказаться на истории значения.

Таким образом, фонетические законы являются формальным критерием для исследования этимологии, позволяющим строго членить все поле этимологии и находить формальные границы в истории значений.

Особенно существенны фонетические законы для грамматики. Видоизменение плана выражения аффиксов и корней может привести к целому ряду грамматических последствий, из которых важнейшее значение имеют следующие три:

1) фонема, или группа фонем, в слабой позиции по фонетическому закону может обратиться в ноль звука. Если такая фонема, или группа фонем, представляет аффикс в слове, то тогда исчезает аффикс. Исчезновение аффиксов меняет морфологическую систему языка. Следовательно, этим объясняется изменение морфологической системы;

2) фонема или группа фонем, представляющая аффикс, может по фонетическому закону измениться в своем звучании так, что некоторые аффиксы либо совпадут, либо, наоборот, разделятся в плане выражения; это также изменит морфологическую систему языка;

3) фонемы в слове в силу фонетических законов могут перераспределиться по морфемам и слогам; это скажется на процессах слово- и формообразования; возникнут явления перераспределения и опрощения. В результате этих процессов существенно изменится морфологическая система языка.

Таким образом, грамматические соответствия оказываются прямо связанными с действием фонетических законов. Фонетические законы объясняют грамматические соответствия. Фонетические законы делают возможным более строгое обоснование хронологии изменений морфологической системы. Фонетические законы как бы расширяют поле лексико-морфемных соответствий, давая теоретическое обоснование для составления более полной картины отношений между языками. Фонетические законы, следовательно, есть венец сравнительно-исторического языкознания, последний этап процедур, дающий формальный критерий для оценки предшествующих этапов сравнительно-исторического анализа и описания.

Итак, в системе приемов и процедур фонетические законы занимают особое место. Всякая сравнительная процедура может быть рекурсивно обращена на предшествующую ей процедуру. Так, соответствия в корнях могут рекурсивно проверить этимологии. Соответствия в грамматических системах уточняют дивергенцию языков, описанную по соответствиям в корнях. Установление же фонетических законов в принципе способно дать рекурсивную проверку любой из процедур.

Представленная здесь последовательность процедур не явна в конкретном сравнительно-историческом исследовании. Так как обычно сравнению подвергаются фрагменты систем, а процедуры рекурсивны, то для конкретного исследования они существуют как бы все одновременно.

Разделение на процедуры, предпринятое здесь, есть чисто теоретическое разделение. Оно построено на основании вычленения объектов анализа из материала эмпирии, подвергаемого обследованию. Последовательность процедур испытывает влияние и выбранного пути поуровневого анализа. Эта последовательность, однако, строго не регламентирует направления исследовательской работы. Она указывает на то, какая процедура в принципе невозможна без предварительного прохождения какой-то другой процедуры.

Развитие исследования, будучи представлено в виде последовательности (серии) процедур, образует следующую схему: I — этимологии -> II — соответствия в лексике —> III — соответствия

в корнях и аффиксах -> IV — соответствия грамматических систем -> V— соответствия фонетические -> VI — фонетические законы. (При этом имеется возможность применения рекурсивных процедур.)

Таким образом, убеждаемся, что сравнительно-историческое языкознание представляет собой сложное теоретическое построение, позволяющее дать интерпретацию языковой дивергенции, основанную на чисто внутриязыковых факторах.

Эта схема процедур может быть изложена в связи с интерпретацией ветвления генеалогического древа родственных языков. В этом случае, как хорошо известно, систематика языков дается как последовательное дробление широкого континуума языков на все более мелкие группировки. Пределом такого дробления являются системы отдельных языков.

Такова в принципиальном ее виде база генеалогической классификации языков.

Механизм процедур легко можно представить и как объединение языковых систем на основании материального родства. Это объединение есть объединение через общие элементы. Поэтому всякой дивергенции двух и более систем должна отвечать такая система, которая объединяла бы в себе черты дивергированных систем. Такой системой (или системами) является язык-основа (или языки-основы), устанавливаемый путем реконструкции и рекурсивно объясняющий генеалогическую классификацию.

Литература

1. [Анонимное сочинение]. О сходстве санскритского языка с русским. — СПб., 1811.
2. Булич С. К. Очерк истории языкознания в России. — СПб., 1904 (в качестве приложения дан перевод на русский язык работы Б. Дельбрюка «Введение в изучение языка. Из истории и методики сравнительного языкознания»).
3. Буслаев Ф. И. Опыт исторической грамматики русского языка. — М., 1858. — Ч. I—II [2-е изд. — М., 1863 (вышло под названием «Историческая грамматика русского языка»); 3-е изд. — М., 1868 (дополнено разделом «Этимология»); 4-е изд. — М., 1869 (дополнено разделом «Синтаксис»)].
4. Вико Джамбатиста. Основания новой науки. — Л., 1940.
5. Востоков А. Х. Сборник пословиц, расположенных по содержанию (неизданная рукопись; приводится по кн.: Срезневский И. Обзорение научных трудов А. Х. Востокова, между прочим и неизданных. — СПб., 1865).
6. Востоков А. Х. Изложение об этимологическом словаре (неизданная рукопись, приводится по кн.: Срезневский И. Обзорение научных трудов А. Х. Востокова, между прочим и неизданных. — СПб., 1865; цит. по кн.: Булич С. К. Очерк истории языкознания в России. — СПб., 1904).
7. Востоков А. Х. Задача любителям этимологии // Санкт-петербургский Вестник. — СПб., 1812. — Ч. I. — № 2.

8. *Востоков А.Х.* Опыт о русском стихосложении. 2-е изд. — СПб., 1817.
9. *Востоков А.Х.* Русская грамматика. — СПб., 1831.
10. *Востоков А.Х.* Описание рукописей Румянцевского музеума // Журнал Министерства народного просвещения. — 1837. — № 6.
11. *Востоков А.Х.* Описание русских и словенских рукописей Румянцевского музеума. — СПб., 1842.
12. *Востоков А.Х.* Издание Остромирова Евангелия. — СПб., 1843.
13. *Востоков А.Х.* Опыт областного великорусского словаря. — СПб., 1852.
14. *Востоков А.Х.* Рассуждение о славянском языке, служащее введением к грамматике сего языка, составляемой по древнейшим оног письменным памятникам, 1820 [рукопись; часть этой работы под названием «Рассуждение о славянском языке» была опубликована в «Трудах Общества по изучению русской словесности», XVII, 1856; в полном виде работа издана И.Срезневским под названием «Рассуждение о славянском языке. Филологические наблюдения А.Х. Востокова (1820)». — СПб., 1865].
15. *Востоков А.Х.* Словарь церковнославянского языка. — СПб., 1858 — 1861. — Т. 1-2.
16. *Востоков А.Х.* Грамматика церковнославянского языка, изложенная по древнейшим оног письменным памятникам. — СПб., 1863.
17. *Гердер И. Г.* Избранные сочинения / Под ред. В. М. Жирмунского и Н. А. Сигала. — М.; Л., 1959.
18. *Герье В.* Отношение Лейбница к России и Петру Великому по неизданным бумагам Лейбница. — СПб., 1871. — Т. 2.
19. *Данилик 73.* Речник из книжевних старина српских. — Биоград, 1864.
20. *Дельбрюк Б.* Введение в изучение языка. Из истории и методики сравнительного языкознания // Булич С. К. Очерк истории языкознания в России. — СПб., 1904.
21. *Десницкая А. В.* Чередование гласных в германских языках. — М.; Л., 1937.
22. *Звегинцев В. А.* История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях. — М., 1960. — Ч. I.
23. *Крижанын Юрий.* Грамматично искажанье об руском езику, написанное в сибирской ссылке в 1666 г. // Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете. — М., 1848. — Год IV. — Кн. I.
24. *Лейбниц Г. В.* Новые опыты о человеческом разуме. — М., 1936.
25. *Ломоносов М. В.* Российская грамматика. — СПб., 1755.
26. *Ломоносов М. В.* О пользе книг церковных в российском языке // Собрание разных сочинений в стихах и в прозе. — Кн. I: изд. Московского Университета, 1757 (см.: *Ломоносов М. В.* Сочинения. — М.; Л., 1952. — Т. VII.)
27. *Томсен В.* История языковедения до конца XIX в. — М., 1938.
28. *Фортуатов Ф. Ф.* Сравнительное языковедение. Курс лекций, читанных в 1891 — 1892 гг. — М., 1892 (литограф, издание).
29. *Шеллинг Ф.* Система трансцендентального идеализма. — Л., 1936.
30. *Шеллинг Ф.* Философия искусства. — М., 1966.
31. *Adelung У. Ch.* Uber den Ursprung der Sprache und den Bau der Worter, besonders des Deutschen. — Leipzig, 1781.

32. *Adelung J. Ch.* Mithridates oder allgemeine Sprachenkunde mit dem «Vater Unser» als Sprachprobe in beinahe funfhundert Sprachen und Mundarten. — Berlin, 1806— 1817. — Bd. I—IV (6).
33. *Adelung Fr.* Versuch einer Literatur der Sanscrit-Sprache. — SPb., 1830 (2 Aufl. Literatur des Sanscrit-Sprache. — SPb., 1837).
34. *Becker K. F.* Organism der Sprache. — Frankfurt, 1827.
35. *Benfey Th.* Griechische Grammatik. — Berlin, 1839—1842. — Bd. I—II.
36. *Benfey Th.* Griechisches Wurzellexikon. — Berlin, 1839—1842. — Bd. 1—2.
37. *Benfey Th.* Handbuch der Sanskrit-Sprache. — Leipzig, 1852—1854. Abt 1: Vollständige Grammatik der Sanskrit-Sprache; Abt. 2. Chrestomathie aus Sanskritwerken.
38. *Benfey Th.* Geschichte der Sprachwissenschaft und orientalischen Philologie in Deutschland. — Munchen, 1869.
39. *Bezenberger A.* Beiträge zur Geschichte der litauischen Sprache auf Grund litauischer//Texte des XVI und des XVII Jahrhunderts. — Göttingen, 1877.
40. *Bezenberger A.* Litauische Forschungen. Beiträge zur Kenntniss der Sprache und des Volkstumes der Literatur. — Göttingen, 1882.
41. *Bezenberger A.* Lettische Dialekt-Studien. — Göttingen, 1885.
42. *Bopp F.* Über das Conjugationssystem der Sanskritsprache in Vergleichung mit jenem der griechischen, lateinischen, persischen und germanischen Sprachen. — Frankfurt am Main, 1816.
43. *Bopp F.* Vergleichende Grammatik des Sanskrit, Zend, Armenischen, Griechischen, Lateinischen, Litauischen, Altslavischen, Gothischen und Deutschen. — Berlin, 1883 — 1852 (2. Ausg. — Berlin, 1856— 1860). — Bd. 1—3
44. *Bopp F.* Vocalismus oder sprachvergleichende Kritiken über J. Grimms deutsche Grammatik und Graffs althochdeutschen Sprachschatz mit Begründung einer neuen Theorie des Ablautes. — Berlin, 1836.
45. *Bopp F.* Die ceilischen Sprachen in ihrem Verhältnisse zum Sanskrit, Zend, Griechischen, Lateinischen, Germanischen, Litauischen und Slavischen. — Berlin, 1839.
46. *Bopp F.* Über die Verwandtschaft der malayisch-polynesischen Sprachen mit den indisch-europäischen // Abhandlungen der Berliner Akademie der Wissenschaften. — 1840.
47. *Bopp F.* Die kaukasischen Glieder des indoeuropäischen Sptechstamms // Abhandlungen der Berliner Akademie der Wissenschaften. — 1842—1845.
48. *Bopp F.* Über die Sprache der alien Preussen in ihren verwandtschaftlichen Beziehungen. — Berlin, 1853.
49. *Bopp F.* Vergleichendes Accentuationssystem nebst einer gedringten Darstellung der grammatischen Ubereinstimmungen des Sanskrit und Griechischen. — Berlin, 1854.
50. *Bopp F.* Über das Albanesische in seinen verwandtschaftlichen Beziehungen//Abhandlungen der Berliner Akademie der Wissenschaften. — 1854 — 1855.
51. *Bradke P.* Beiträge zur Kenntniss der vorhistorischen Entwicklung unseres Sprachstamms. — Giessen, 1888.
52. *Bradke P.* Über die arische Altertumswissenschaft und die Eigenart unsres Sprachstammes. — Giessen, 1888.
53. *Bradke P.* Über Methode und Ergebnisse der Arischen-Indogermanischen Altertumswissenschaft. — Giessen, 1890.

54. *Bredsdorf J.* Om Aarsagerne til Sprogenes Forandringer. — Kopenhagen, 1821.
55. *Brugmann K.* Zur Frage nach den Verwandtschaftsverhältnissen der indogermanischen Sprachen // Internationale Zeitschrift für allgemeine Sprachwissenschaft. — 1884. — Bd. 1.
56. *Brugmann K.* Vergleichende Laut-, Stammbildungs- und Flexionslehre der indogermanischen Sprachen // Internationale Zeitschrift für allgemeine Sprachwissenschaft. — 1884. — Bd.1.
57. [*Collitz H.*] Sammlung der griechischen Dialekt-Inschriften / Hrsg. von Dr. H. Collitz. — Göttingen, 1883—1915. — Bd. 1 — 4.
58. *Collitz H.* Das schwache Präteritum und seine Vorgeschichte. — Göttingen, 1912.
59. *Curtius G.* Die Sprachvergleichung in ihren Verhältniss zur Classischen Philologie. — Berlin, 1845.
60. *Curtius G.* Grundzüge der griechischen Etymologie. — Leipzig, 1858—1862. — T. 1—2(5. Aufl., 1879).
61. *Curtius G.* Philologie und Sprachwissenschaft. — Leipzig, 1862.
62. *Curtius G.* Zur Chronologie der Indogermanischen Sprachforschung. — Leipzig, 1867.
63. *Curtius G.* Das Verbum der griechischen Sprache. — Leipzig, 1873 — 1876. — Bd. 1—2(2. Aufl. 1877—1880).
64. *Curtius G.* Zur Kritik der neuesten Sprachforschung. — Leipzig, 1885.
65. *Delbruck B.* Einleitung in das Sprachstudium. Ein Beitrag zur Methodik der Sprachforschung. — Leipzig, 1880.
66. *Devoto G.* Origini indeuropee. — Firenze, 1962.
67. *Dietz Fr.* Grammatik der romanischen Sprachen. — Bonn, 1836—1845. — Bd.1—III.
68. *Ebel H.* Celtisch, Griechisch, Lateinisch // Beiträge zur vergleichenden Sprachforschung. — 1858. — Bd. 1.
69. *Feist S.* Europa im Lichte der Vorgeschichte und die Ergebnisse der vergleichenden indogermanischen Sprachwissenschaft. Ein Beitrag zur Frage nach der Ursitzen der Indogermanen. — Berlin, 1910.
70. *Feist S.* Kultur, Ausbreitung und Herkunft der Indogermanen. — Berlin, 1913.
71. *Fick A.* Die ehemalige Sprachenheit der Indogermanen Europas. — Göttingen, 1873.
72. *Fick A.* Die griechischen Personennamen nach ihrer Bildung erklärt, mit den Namen-Systemen verwandter Sprachen verglichen und systematisch geordnet. — Göttingen, 1874.
73. *Fick A.* Vergleichendes Wörterbuch der indogermanischen Sprachen. — Göttingen, 1890 (4. Aufl., von A. Bezzenger, 1890—1909).
74. *Fick A.* Vorgriechische Ortsnamen als Quelle für die Vorgeschichte Griechenlands verwertet. — Göttingen, 1905.
75. *Fick A.* Danubler in Griechenland. Weitere Forschungen zu den «Vorgriechischen Ortsnamen». — Göttingen, 1909.
76. *Fulda F. K.* Sarnnilung und Abstammung germanischer Wurzelwörter. — Halle, 1776.
77. *Grossman H.* Über die Aspiraten und ihr gleichzeitiges Vorhandensein im An- und Auslaute der Wurzeln // Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen. — 1863. — N 12.

78. *Grimm J.* Über den altdeutschen Meistersang. — Göttingen, 1811.
79. *Grimm J.* Altdeutsche Walder. — Cassel, 1813 — 1816. — Bd. 1—3.
80. *Grimm J.* Lieder der alten Edda. — Berlin, 1815.
81. *Grimm J.* Deutsche Sagen. — Berlin, 1816 — 1818. — Bd. 1 — 2.
82. *Grimm J.* Volksmärchen, Sagen und denkwürdige Geschichten, aus der Vorzeit Mahrens. — Berlin, 1819.
83. *Grimm J.* Deutsche Grammatik. — Göttingen, 1819— 1837. — Bd. 1 — 4.
84. *Grimm J.* Geschichte der deutschen Sprache. — Leipzig, 1818. — Bd. 1 — 2. (2. Aufl. — 1853; 3. Aufl. — 1868; цит. по: 2. Aufl. — 1853).
85. *Grimm J.* Deutsche Rechts-Altertümer. — Göttingen, 1828.
86. *Grimm J.* Reinchart Fuchs. — Berlin, 1834.
87. *Grimm J.* Deutsche Mythologie. — Göttingen, 1835.
88. *Grimm J.* Über den Ursprung der Sprache. — Berlin, 1852.
89. *Grimm J.* Deutsches Wörterbuch. — Leipzig, 1854—1861. — Bd. 1 — 16.
90. *Gyarmathi* 5. Affinitas linguae hungaricae cum linguis fennicae originis grammaticè demonstrata. — Göttingen, 1799.
91. *Haffinann P. T.* Der indische und deutsche Geist von Herder bis zur Romantischer. — Tübingen, 1915.
92. *Hattala M.* Kratka mluvnica slovenska. — Praha, 1852.
93. *Hattala M.* Stovnavaci mluvnice jazyka ceskeho a slovenskeho. — Praha, 1856.
94. *Hehn V.* Kulturpflanzen und Haustiere in ihrem Uebergang von Asien nach Griechenland und Italien sowie in das übrige Europa. — Berlin, 1870.
95. *Hirt H.* Die Indogermanen, ihre Verbeitung, ihre Urheimat und ihre Kultur. — Strassburg, 1905 — 1907.
96. *Hirt H.* Germanen und Indogermanen. Volkstum, Sprache, Heimat, Kultur // Festschrift für H. Hirt / Hrsg. von H. Arntz. — Heidelberg, 1936.
97. *Hirt H.* Indogermanica. Forschungen über Sprache und Geschichte Alt-europas / Ausgewählt und hrsg. von H. Arntz. — Halle, 1940.
98. *Jacobowsky C. U. V.* Sparfvenfeldt Johan Gabriel. Bidrag till en biografi. — København, 1932.
99. *Jagic V.* Primjetbe k našoj sintaksi s gledista stravnjujuce gramatike // Knjizevnik. Casopis za jezik i poviest hrvatsku i srbsku i prirodne znanosti. — Godina druga, 1865.
100. *Kate Lambertten.* Aenleiding tot de kennise van het verhevene deel der nederduitsche spracke. — Amsterdam, 1723 (2. Aufl. — 1793).
101. *Kuhn A.* De conjugatione in *-mi* linguae Sanscriiae ratione habita Bero lini. — 1837.
102. *Kuhn A.* Markische Sagen und Marchen, nebst einem Anhang von Gebrauchen und Aberglauben. — Berlin, 1843.
103. *Kuhn A.* Die Herabkunft des Feuers und des Gottertranks. Ein Beitrag zur vergleichenden Mythologie der Indogermanen. — Berlin, 1859.
104. *Leskin A.* Die Deklination im Slavisch-Litauischen und Germanischen. — Leipzig, 1876.
105. *Lithuanus M.* De moribus lituanorum, tartarorum, etc. — 1615.
106. *Lottner C.* Über die Stellung der Italer innerhalb des indoeuro-paischen // Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen. — Bd. 7.
107. *Malecki A.* Grammatykajęzyka polskiego wieksza. — Lwow, 1863.

108. *Miklisifih F.* Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen. — Wien, 1852—1874. — Bd. 1—IV.
109. *Much M.* Die Heimat der Indogermanen im Lichte der urgeschichtlichen Forschung. 2. Aufl. — Jena, 1904.
110. *Muller M.* The Veda and Zend-Avesta. — London, 1867.
111. *Paulino a Santo Bartolomeo (И. Ф. Вездин).* Dissertatio de antiquitate et affinitate linguarum zendicae, sanscritanicae et germanicae. — Paduae, 1798.
112. *Pictet A.* Les origines Indo-europeennes ou les Aryas primitifs; Essai de paleontologie linguistique. — Paris; Geneve, 1859—1863. — Pt. 1—2.
113. *Postellus Guilielmus.* De originibus seu de Hebraicae Linguae et Gentis antiquitate, deque variarum linguarum affinitate liber, etc. — Paris, 1538.
114. *Pott A. E.* Etymologische Forschungen auf dem Gebiete der Indogermanischen Sprachen, mit besonderem Bezug auf die Lautumwandlung im Sanscrit, Griechischen, Lateinischen, Littauischen und Gothischen. — Lemgo, 1833—1836. — Bd. 1—2. (2. Ausg. — 1859—1876).
115. *Pott A. E.* Die Zigeuner in Europa und Asien. Ethnographisch-linguistische Untersuchung, vornehmlich ihrer Herkunft und Sprache, nach gedruckten und ungedruckten Quellen. — Halle, 1844—1845. — Bd. 1—2.
116. *Pott A. F.* Die Ungleichheit menschlicher Rassen, hauptsächlich vom sprachwissenschaftlichen Standpunkte, unter besonderer Berücksichtigung von des Grafen von Gobineau gleichnamigen Werke. — Lemgo; Deltmold, 1856.
117. *Pott A. E.* Die Sprachverschiedenheit in Europa an den Zahlwörtern nachgewiesen sowie die quinäre vigesimale Zahlmethode. — Halle, 1868.
118. *Pott A. E.* Einleitung in gemeine Sprachwissenschaft. — Halle, 1885.
119. *Rask R. K.* Vejledning til det Islanske eller gamle nordiske Sprog. — Kjobenhavn, 1811 (cm.: *Rask R. K.* Udvalgte afhandlinger / Ed. L. Hjelmslev. Kjobenhavn, 1932—1935). — T. I—III.
120. *Rask R. K.* Edda Saemundar hinns Froda Holmiae. — 1818.
121. *Rask R. K.* Undersogelse om det gamle Nordiske eller islandske Sprogs Oprindelse. — Kjobenhavn, 1818 (cm.: *Rask R. K.* Udvalgte afhandlinger, ed. L. Hjelmslev. Kjobenhavn, 1932—1935). — T. I—III.
122. *Rask R. K.* Singalesisk skriftlaere. — Kolombo, 1821.
123. *Rask R. K.* Über das Alter und die Echtheit der Zend-Sprache und des Zend-Avesta und Herstellung des Zend-Alphabets, nebst einer Übersicht des gesammten Sprachstammes. — Berlin, 1826.
124. *Scaliger J. J.* Diatriba de Eurapaeorum Unguis. 1599 // Scaligeri J. J. Opuscula varia antehac non edita. — Paris, 1610.
125. *Schlegel F.* Über die Sprache und Weisheit der Indier. — Heidelberg, 1808.
126. *Schleicher A.* Die Formenlehre der Kirchenslavischen Sprache. — Bonn, 1852.
127. *Schleicher A.* Handbuch der litauischen Sprache. — Prag, 1856—1857. — I—II.
128. *Schleicher A.* Compendium der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen. Kurzer Abriss einer Laut- und Formenlehre der indogermanischen Ursprache; des Altindischen, Alteranischen, Altgriechischen, Altitalischen, Altkeltischen, Altslawischen, Litauischen und Altdeutschen. — Weimar, 1861—1862. — Bd. 1—2.
129. *Schmidt J.* Die Verwandtschaftsverhältnisse der indogermanischen Vachen. — Weimar, 1872.

130. *Schmidt J.* Zur Geschichte der indogermanischen Vocalismus. — Weimar, 1871 — 1875. — Bd. 1 — 2.
131. *Schmidt J.* Die Urheimat der Indogermanen und das europäische Zahlensystem. — Berlin, 1890.
132. *Schmidt J.* Schleichers Auffassung der Lautgesetze // Kuhns Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiet der indogermanischen Sprachen. — N 28.
133. *Schrader O.* Sprachvergleichung und Urgeschichte. Linguistisch-historische Beiträge zur Erforschung des indogermanischen Altertums. — Jena, 1883.
134. *Schrader O.* Über den Gedanken einer Kulturgeschichte der Indogermanen auf sprachwissenschaftlicher Grundlage. — Jena, 1887.
135. *Schrader O.* Reallexikon der indogermanischen Altertumskunde, Grundzüge einer Kultur und Volksgeschichte Alteuropas. — Strassburg, 1901.
136. *Safaik P. J.* Geschichte der Slawischen Sprache und Literatur nach alien Mundarten. — Ofen, 1826.
137. *Safaik P. J.* Serbische Lesekörner, oder historisch-kritische Beleuchtung der Serbischen Mundart. Ein Beitrag zur slawischen Sprachkunde. — Pesth, 1833.
138. *Safaik P. J.* Slowanske starozitnosti. — Praha, 1837.
139. *Vico Giambattista.* Principi di una Scienza nuova. — Napoli, 1725 [русск. пер. см. 4].
140. *Xyländer J.* Die Sprache der Albanesen oder Schkipetaren. — Frankfurt, 1835.
141. *Zeuss J. K.* Grammatica celtica. — Leipzig, 1853.

ГЛАВА 5

ФИЛОСОФИЯ ЯЗЫКА В XIX в.

Вводные замечания.

- I. Романтическое направление.
- II. Создание концепции общего языкознания. В.Гумбольдт.
- III. Натуралистическое направление. А. Шлейхер.
- IV. Психологическое направление.
 1. *Философия языка Г. Штейнтала и М.Лацаруса.*
 2. *Философия языка П. Вундта.*
 3. *Философия языка А. А. Потебни.*
- V. Некоторые выводы.

Вводные замечания

Наряду с конкретными сравнительно-историческими исследованиями, по преимуществу индоевропейских языков, шло философское осмысление онтологии языка. Это движение связано с именами таких видных исследователей, как, например, И. Гердер, А.Шлегель, В.Гумбольдт, А.Шлейхер, Г.Штейнталь, А.А.Потебня, В. Вундт. Их усилия были направлены на создание общей теории языка, прежде всего на уяснение природы языка и его отношения к мышлению, а также на разработку основных принципов эволюционной теории языка. Особое место в этом ряду принадлежит Гумбольдту.

Лингвистическая концепция Гумбольдта знаменует собой качественно новый этап в истории развития исследовательской мысли. Владея в совершенстве, как, пожалуй, никто другой до него или после него, всем известным в его время эмпирическим материалом, касающимся многочисленных языков и культур, Гумбольдт смог впервые в истории развития знаний о языке построить достаточно стройную и цельную лингвистическую систему, отражающую внутреннее строение языка, его связи с умственной и духовной жизнью народа, его культурой, указать будущим поколениям ученых основные пути научного мышления и проникновения в бесконечно сложные механизмы языковой, интеллектуально-духовной и культурно-исторической деятельности человека.

Теоретические установки В. Гумбольдта близки идеям немецкой классической философии. Интерес Гумбольдта к вопросам философии искусства особенно сближает его с Ф. Шеллингом. От немецкой классической философии Гумбольдт воспринял положение о том, что искусство и наука знаменуют собой последовательные стадии в развитии духовной культуры. Это положение проходит по всем работам Гумбольдта.

Как языковед и ученый, стремившийся не отрываться от фактов исследуемой языковой действительности, Гумбольдт ясно понимал, что искусство и наука — это прежде всего виды человеческой деятельности и что они обретают свою реальность через посредство языка — этой специфически человеческой деятельности.

Исходя из этого Гумбольдт и заложил основы теории языка как произведения развивающейся человеческой духовной силы и как явления человеческого общества, а также теории искусства и науки как явлений человеческого сознания, развивающихся в языке и через язык.

Языкознание не осталось в стороне от того философского и историко-литературного движения, которое известно под названием *романтизм*, захватившего все основные области культурной жизни Европы последней четверти XVIII в. и первых десятилетий XIX в.

Романтизм проявляет большой интерес к исследованию сущности и функциональных особенностей знака, разнообразных знаковых систем и их взаимосвязей. Под этим углом зрения исследуется, в частности, символика в языке, поэзии, мифологии, искусстве.

Со временем успехи естествознания оказывают все возрастающее влияние на развитие других наук и формирование в их недрах новых концепций. Под влиянием успехов естественных наук в языкознании в 1850—1860-х годах формируется так называемое *натуралистическое направление*. Самым ярким теоретиком этого направления выступил один из виднейших представителей сравнительно-исторического языкознания Август Шлейхер, широко известный своими фундаментальными работами в области сравнительной грамматики индоевропейских языков.

К 1860-м годам интерес к учению об идеальном, абсолютном сознании, столь свойственный предыдущим научным построениям, сменился интересом исследователей к индивидуально-психологическому механизму духовной жизни. Поэтому объектом их теоретических построений выступает уже не «всеобщий», а «индивидуальный дух», механизм психической деятельности индивида.

В этот период закладываются основы индивидуальной психологии. Индивидуально-психологические воззрения на язык широко проникают в языкознание. В языкознании формируется *психологическое направление*. Сторонники данного подхода заявили, что

в основу языкового анализа должно лечь наблюдение над психическими процессами, протекающими в сознании говорящего индивида.

В теоретических построениях это требование нередко выливалось в подмену языкового анализа психологическим анализом. Постепенно эти крайние проявления были преодолены, но психологизм в том или ином виде, в большей или меньшей степени был свойствен многим крупным языковедам вплоть до конца XIX в. Психологизм (как научное мировоззрение) неотъемлем от концепции таких ученых, как Г. Штейнталь, И. А. Бодуэн де Куртене, А. А. Потебня.

А. А. Потебня между тем, стремясь критически осмыслить положения В. Гумбольдта, поставил перед собой задачу проследить механизм взаимодействия языка и мышления, а также процесс объективирования индивидуальных психических процессов через посредство коллективной речи и мысли, результатом чего у него выступают искусство, а затем наука как последовательные формы человеческого познания. Идя по этому пути, он создает оригинальную теорию соотношения языка и мышления, теорию внутренней формы в языке, теорию поэзии и прозы, искусства и науки.

Под влиянием психологических воззрений складывалось позже и знаменитое *младограмматическое направление* в языкознании, которое выступило с решительной критикой натурализма в собственно языковедческой работе (см. главу 6).

1. Романтическое направление

Фридрих Новалис (псевдоним Фридриха фон Гарденберга) (1772—1801) и **Людвиг Тик** (1773—1853) в литературе, **Фридрих Шлегель** (1772—1829) в филологии, **Август Шлегель** (1767—1845) в истории литературы и филологии, **Якоб Гримм** и другие в языкознании и филологии — все они интересовались вопросами истории культуры. Им всем, как и романтизму в целом, были свойственны интерес к классической древности, идеализация далеких времен [см. 44, 30 и сл.; 52, 50 и сл.], поиск в прошлом идеала прекрасного, разумного.

Интерес к классической древности в известной мере обусловил и тот путь, по которому пошло, особенно на первых порах, развитие сравнительного языкознания, и его романтическую окраску [см. 97, 1 и сл.; 95, 108 и сл.; 126, 14 и сл.].

Предшественники романтизма, в том числе и **Иоганн Готфрид Гердер** (1744—1803) [см. 14; 58—66], немецкий мыслитель, искусствовед, писатель и лингвист, были противниками классицизма, но не врагами классической древности [см. 97, 33 и сл.; 47, 179 и сл.]. Таковы же были и взгляды В. Гумбольдта, который, Увлечшись классической древностью, пришел к пониманию на-

родного феномена и развил применительно к языку идею национального, или народного, духа.

По мнению Гердера, чтобы стать тем, кем были греки, есть только один путь — не подражать им, а быть столь же самобытными.

По Гердеру, Шлегелю и Гумбольдту, стремления и идеалы отдельного народа неразрывно связаны с идеями универсализма — культурного, духовного, интеллектуального, политического.

Ф. Шлегель считает, что народ обретает свой собственный характер только тогда, когда он в своем развитии стремится к универсальности и полноте в космополитическом смысле, не отказываясь от восприятия извне элементов, способных служить его собственному преобразованию [см. 106—107]. И в истории, и в литературе, и в языкознании в романтический период широко обсуждается, в том числе И.Гердером, В.Гумбольдтом и Я.Гриммом, тема народного, или национального, духа, универсального, или общечеловеческого, духа, национального «языкового гения», или «гения языка». И.Гердер, а позже В.Гумбольдт рассматривают язык, поэзию и нацию как единство, выраженное в совокупном многообразии. Язык в системе их взглядов универсален по своей основе и национален по своим (различным) способам выражения.

Гердер воодушевленно говорит о чисто человеческом происхождении языка. В «Трактате о происхождении языка» [66] Гердер, развивая идеи И.Г.Гаманна (1730—1788) [см. 53, *т. 2*], видного немецкого философа и писателя, и вместе с тем в противовес Гаманну [см. 47, 179 и сл.; 93], считает звуковой язык человека порождением самого человека, орудием, которое человек создал для реализации внутренней потребности выразить свою глубинную природу. Он пишет:

Дело не в строении рта человека, не оно создает язык, ибо, даже будучи весь век свой немым, человек, оставаясь человеком, мыслит, и язык тем самым покоится в его душе. Дело не в порождаемом чувством криках, не в принципе подражания, заложенном в душе, ибо язык был сотворен не одушевленной машиной, а сознающим существом. Возможные случаи подражания природе не более как одно из средств для единственной цели, которая будет пояснена в дальнейшем. И уж меньше всего может идти речь о сговоре, о добровольном соглашении общества: ведь даже дикарь, одинокий дикарь, живущий в лесу, и тот должен был бы создать себе язык для самого себя, даже если бы он и не говорил на нем никогда. Язык явился результатом соглашения, которое душа его заключала сама с собой, и это соглашение было столь же неизбежно, как то, что человек был человеком [14, 143].

Если Ж.Вико считал, что язык и поэзия рождаются одновременно, и рассматривал язык как сложившуюся эстетическую ка-

тегорию, то Гердер утверждал, что язык рождается как необходимая предпосылка, условие и инструмент для конкретизации, развития и выражения мысли.

Гаманн, признававший своего рода божественное происхождение языка (как, к сожалению, надо сказать и более поздний Гердер, начавший страшиться своей кажущейся ему непозволительно смелой теории [ср. 66 и 64]), отмечая тесную связь языка с поэзией, заявлял в своей «Эстетике» [53, т. 2], что поэзия — это мать языка, что она древнее языка, подобно тому как живопись древнее письменности, а пение древнее декламации.

По Гердеру же, поэзия была создана человеком лишь после того, как он создал язык. Поэзия у него — показатель роста и развития, т.е. прогресса человека.

Язык, по Гердеру, — сила, объединяющая все человечество. Язык связывает отдельный народ, отдельную нацию со всем человечеством. В языковых проявлениях находят свое воплощение и нация, и человечество.

Гердер считает, что язык скорее всего надлежит считать естественным атрибутом, естественной принадлежностью духовного начала человека, естественным откровением человеческого разума.

Однако первоначально природа не наделила будущего человека языковой способностью, как и способностью мышления, отражением которой была бы языковая способность. Фундаментальным качеством, фундаментальной особенностью человека является, по Гердеру, скорее слабость инстинкта. Именно на фоне слабо манифестирующего инстинкта происходит формирование, совершенствование и оттачивание разумного начала, интеллекта [см. 59, 15 и сл.]. Человек оказывается далеко не так (как животные) связан воздействием на него внешних стимулов и раздражителей, которые требовали бы прямой и вполне специфической реакции.

Эта свобода от инстинкта и давления стимулов является основой, на которой формируется то, что мы называем человеческим разумом, сознанием, мышлением [см. 59, 17—18, 22]. Именно эта свобода от инстинкта позволила человеку стать разумным существом — «человеком разумным» [59, 22].

Человек, будучи свободен от жесткого воздействия стимулов и внешних раздражителей, обладает способностью созерцания, отражения и сравнения, в результате чего он в состоянии выделять важнейшее, наиболее существенное, опознать это важнейшее сущее и дать ему имя [см. 59, 23 и сл.]. Именно в этом, и только в этом смысле можно говорить, что «открытие» человеком языка и сам язык — естественная человеческая принадлежность [см. 59, 23]. Человек, так сказать, создан для обладания языком [см. 59, 43].

Вместе с тем надо помнить, что, по Гердеру, человек не наделяется врожденным языком, язык не дан ему в наследство от природы, язык развился как специфический продукт особенной психической

организации человека. Гердер рассматривает разум не как свойство мышления, сознания, а скорее как свободу от давления стимулов. Эта естественная особенность и преимущество человека делают возможным и, собственно, необходимым развитие человеком, человеческим обществом — «из себя самого» — языка [см. 59, 25].

Решая проблему сущности и происхождения языка, Гердер указывал путь, по которому философии, психологии, филологии и языкознанию следовало продвигаться вперед.

Нельзя сказать, что плодотворные идеи относительно природы и происхождения языка, сформулированные Гердером, получили в языкознании XIX в. и даже первой половины XX в. свое развитие либо были доказаны как несостоятельные. В основном они, к сожалению, были просто оставлены без внимания.

Ф. Шлегель начал с занятий классической древностью — с филологической обработки памятников античности. В работе «О филологии» [106] он выступает за «естественную филологию», за превращение абстрактной филологии в конкретную науку о древнем мире. В сочинении «История поэзии греков и римлян» [107] он формулирует следующее положение: если конечной целью филологии является история, то филолог-историк должен стать философом. Именно под углом зрения этого положения следует интерпретировать закрепившееся за первым периодом сравнительно-исторического языкознания XIX в. наименование «философского века в языкознании».

Для филологии и языкознания периода романтизма громадное значение имела работа Ф. Шлегеля «О языке и мудрости индийцев» [105], непосредственно касающаяся проблем исторической лингвистики. Эта работа стала манифестом романтизма, на ее основе в значительной мере формировалось мировоззрение языковедов первой половины XIX в.

Объектом высшего поклонения романтиков был народ, нация, со всем его своеобразием, которое воплощается в языке и в фольклоре (и, следовательно, опять-таки в языке и через язык).

Исследование языка в силу техничности и универсальности лингвистического подхода (в отличие от методов, свойственных филологии и фольклористике) привело к своеобразному преломлению романтических идей на почве сравнительно-исторического языкознания. Филологическая обработка памятников фольклора заставила братьев Гримм (Вильгельма и Якоба) обратиться для более точного истолкования фольклорных текстов к изучению немецкой грамматики. Якоб Гримм в своей «Немецкой грамматике» (см. литературу к главе 4) прослеживает формирование и развитие немецкого языка, сравнивая между собой его разные диалекты и устанавливая параллели между немецким языком и другими германскими языками.

В 1812 г. В. Гумбольдт в статье «Образцы письменности и поэзии басков» [68] отчасти под влиянием идей романтизма, а отчасти, возможно, под воздействием научных построений своего брата Александра Гумбольдта, знаменитого естествоиспытателя, набрасывает картину человечества, представляющуюся ему как огромное растение, ветви которого простираются по всей земле. «Поэтому настало время, — замечает он, — приступить к изучению сложного родства наций и их взаимовлияний, имея в виду, что различие между нациями — в языке» [68, 277—278]. Таким образом, по Гумбольдту, исследования языка и языков, точнее — их природы и духа, должны стать ключом для уяснения природы и духа народов.

Ф. Шлегель, а еще раньше В.Джоунз уже высказали свои догадки о том, как можно установить родство языков. Впервые методику установления степени генетической близости языков научно обосновал и практически доказал спустя несколько лет Ф. Бопп в своем знаменитом труде о системе спряжения ряда классических и других древних языков Европы (см. главу 4). Эта работа, как мы уже знаем, провозгласила рождение сравнительного индоевропейского языкознания.

Я. Гримм своей «Немецкой грамматикой», где исследуются немецкий и другие германские языки, положил начало германистике. В процессе изучения немецких диалектов он, как археолог, извлекает на свет германский «праязык». И при этом вполне в духе романтизма, в соединении с немецким национализмом, Гримм заявляет, что ни у одного народа на земле нет языка, история которого могла бы сравниться с историей языка немцев.

Романтизм, хотя и в меньшей степени, был присущ славянскому языкознанию, в частности изысканиям А.Х. Востокова, а также романскому языкознанию.

Здесь мы коснулись вопроса о развитии романтизма в Германии прежде всего потому, что именно в Германии раньше, чем в других странах, зарождалось и яснее всего проявлялось новое, сравнительно-историческое, языкознание, формирование которого на этом первом этапе было тесно связано с идеями романтизма.

Поиск романтиками «праязыка», его истоков был связан с поиском «пранарода», его истоков и форм жизни. Пранарод (германский пранарод прежде всего) воплощал для Гримма романтическое представление об изначальном, свободном, духовно прекрасном и духовно едином обществе своих предков.

II. Создание концепции общего языкознания. В.Гумбольдт

В. фон Гумбольдт, отличавшийся ярко выраженным философским складом ума и стремлением к теоретическим обобщениям, явился первым исследователем языка XIX в., сделавшим попытку осмыслить весь обширный материал и имевшиеся результаты на-

учных открытий и сформулировать фундаментальные положения метода и философии лингвистической науки.

В. Гумбольдт (1767—1835), видный немецкий ученый, филолог и государственный деятель, принадлежал к наиболее культурным и передовым слоям прусской чиновничьей аристократии. Его близкими друзьями были И. Ф. Шиллер и И. В. Гёте. Революционный Париж 1789 г. во многом определил его политические убеждения. Являясь в 1808—1810 гг. министром исповедания и народного просвещения, Гумбольдт способствует реорганизации средней и высшей школы, создает новый центр немецкой науки — Берлинский университет (ныне имени А. и В. Гумбольдтов).

Круг лингвистических интересов Гумбольдта был исключительно широк. Его языковые познания охватывали европейские, баскский, санскритский, китайский, малайско-полинезийские и индейские языки Америки. В своих лингвистических построениях он активно использовал материал не только индоевропейских языков, но и древнеегипетского, японского и других языков мира. Такие огромные познания обеспечивали ему необычайную, широту лингвистического кругозора и служили основой для тонких и глубоких наблюдений.

Список лингвистических работ Гумбольдта (не считая его ранней статьи [68], относящейся к 1812 г., и отдельных заметок) открывается докладом «О сравнительном изучении языков применительно к различным эпохам их развития» [69], прочитанном в 1820 г. в Берлинской академии. В этом докладе он излагает свою программу исследовательской работы в области языкознания, формулирует лингвистическую проблематику и обосновывает содержание и границы науки о языке.

В последующий период Гумбольдт написал несколько работ, среди них: «О буквенном письме и его связи со строением языка» [73] «О двойственном числе» [84] и самая значительная — «О разнообразии структур человеческого языка» [83].

Последние годы жизни Гумбольдт работал над трехтомным трудом «О языке кави на острове Ява» [81], который был опубликован уже посмертно, в 1836—1839 гг.

Многие общелингвистические идеи Гумбольдта вытекают из его историко-философской концепции и отражают положения немецкой классической философии.

В известных отношениях философские и лингвистические взгляды Гумбольдта обнаруживают тесную связь с формальными основами кантовской системы, в частности с построениями «критической философии» И. Канта и концепцией истории И. Ф. Шиллера.

«Критическая философия» Канта изложена в трактатах: «Критика чистого разума» [18, т. 3] «Критика практического разума» [18, т. 4] «Критика способности суждения» [18, т. 5]. В первой книге Кант излагает учение о познании, во второй — этику, в третьей — эстетику и учение о целесообразности в природе.

Ввиду известной общности воззрений Гумбольдта и Канта целесообразно кратко остановиться на учении Канта о познании. Кант выделяе¹

три основные формы познания: 1) чувственность, 2) рассудок и 3) разум. Чувственность — это область ощущений; рассудок — область понятий и суждений; разум — область умозаключений, доходящих до «идей». Особо Кант выделяет априорные суждения. Немаловажно определение Кантом «категорий», которые оказываются априорными понятиями рассудка, не зависящими от доставляемого опытом содержания. По Канту, разнообразие чувственных созерцаний превращается посредством априорных форм рассудка в единство. Высшее условие такого единства состоит в единстве самосознания. Единство самосознания предшествует соединению чувственных созерцаний, т.е. оно априорно.

Вслед за Кантом, рассматривая сознание как особое начало, не зависящее от материальной природы, Гумбольдт стремится установить, каким образом разнообразие языковых фактов посредством априорных форм рассудка создает единство отдельных языков и единство общечеловеческого языка.

Большое влияние на философскую мысль того времени оказало учение Канта о противоречиях (антиномиях) чистого разума, изложенное в трактатах, посвященных критике идей. По Канту, попытка разума дать теоретический ответ на вопрос о том, что такое мир как безусловное целое, приводит к противоречивым на первый взгляд и как бы исключаящим друг друга ответам на этот вопрос.

Гумбольдт, в свою очередь, показывает, что попытка разума дать ответ на вопрос о том, что такое язык, приводит к противозначным определениям, к выявлению антиномий, которые, однако, характеризуя язык с разных, подчас противоположных сторон, раскрывают самую сущность языка во всем сложном переплетении его признаков.

Во взглядах Гумбольдта нашло свое отражение и влияние идей Ф. Шеллинга и Г. Гегеля.

В эволюции философской концепции Ф. Шеллинга важнейшими этапами считаются: разработка философии природы, или натурфилософии, и трансцендентальной философии.

Центральными положениями в системе Шеллинга выступают идея тождества духа и природы и понятие абсолютного разума. Сама материя, по Шеллингу, духовна. В абсолютном разуме субъект и объект неразрывно связаны, образуя «целостную неразличимость субъективного и объективного».

Шеллинг вносит в учение о природе идею развития: природа, лишенная сознания, предшествует возникновению сознания в человеке. Переход к сознанию идет через ряд прогрессирующих ступеней развития.

Гегель в «Феноменологии духа» [12] утверждает, что ни материя, ни сознание не могут рассматриваться как первичное.

Мышление — это не зависящая от самого человека объективная сущность, первоисточник всего существующего.

Первоначальное тождество, образующее субстанциональную основу мира, является тождеством бытия и мышления, в котором, однако, изначально существует различие между объективным и субъективным, но само это различие существует лишь в мышлении. Мышление «отчужда-

ет» свое бытие в виде материи, природы, которая представляет собой его «инобытие».

Мышление — это непрерывно развивающийся процесс познания, восходящий от одной ступени к другой. Высшей ступенью развития мышления, или «абсолютной идеей», является «абсолютный дух», т.е. «абсолютная идея», преодолевшая свое «отчуждение», снявшая свое «отрицание» (природу) и развивающаяся как самосознание человечества на всем протяжении всемирной истории.

Гумбольдт использует шиллеровскую и гегелевскую концепцию всемирной истории для объяснения самобытности духовной культуры разных народов, множественности языков, разнообразных форм соотношения языка и мышления.

По Гумбольдту, язык есть деятельность духа, мышления. На духе лежит печать материи. Ни язык, ни мышление не могут рассматриваться как первичное.

Вопрос о духе, иначе — духовном начале, рассматривается Гумбольдтом в связи с попыткой объяснить природу языка и соотношение языка как вида человеческой деятельности и всего многообразия конкретных языков:

Не пытаюсь определить приоритет того или другого (духа или языка. — *Б. О.*), мы должны видеть в духовной силе народа реальный определяющий принцип и действительное основание различия языков, так как только духовная сила народа является жизненным и самостоятельным явлением, а язык зависит от нее [цит. по: 17, 71].

Гумбольдт исходит из всеобщей идеи человеческого духа. Он считает, что в конкретной истории эта идея проявляется в доступной эмпирическому познанию форме духа (или идеи) народа. Формой выражения народного духа является язык народа, нации:

Строение языков у человеческого рода различно, потому что различными являются и духовные особенности народов [цит. по: 17, 72].

Понятие «народный дух» в тогдашней философии охватывало всю совокупность духовных и интеллектуальных ценностей, мысли и чувства народа.

Эти ценности осмысляются Гумбольдтом как некие изначально присущие обществу конститутивные элементы интеллектуального и духовного начала, определяющие индивидуальность культуры того или иного народа, нации как некоего единства.

Идея народа, нации может быть абстрагирована от исторических событий. Идея языка также может быть абстрагирована от конкретного его проявления. Абстрагирована может быть и идея «духа», творческой силы, или созидательной способности человека.

Эти общие для тогдашней немецкой философии положения нашли своеобразное преломление в лингвистической концепции Гумбольдта.

Для понимания философских и лингвистических взглядов Гумбольдта, для уяснения того, как оценивает Гумбольдт возможности и задачи языкознания, особенно важное значение имеют две его работы: «О разнообразии структур человеческого языка» [83] и теоретическое введение в большом труде «О языке кави на острове Ява», занимающее целый том под названием «О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человеческого рода» [см. 81, т. 7], где Гумбольдт наиболее полно излагает свою концепцию онтологии языка и основные положения своей антропологической концепции, в соответствии с которой род человеческий рассматривается как совокупность народов, которые при всем их различии обнаруживают фундаментальное единство природы и разные пути восхождения к общему идеалу. По убеждению Гумбольдта, «различность» и множественность форм проявления, будь то в языке или культуре, — залог прогресса, фактор, обеспечивающий взаимное обогащение и совершенствование (в форме и содержании).

Одно из проявлений человеческого единства — это язык, представленный во всем многообразии его «организмов», наиболее доступный наблюдению и исследованию манифестация человеческого разума и его творческой силы. Здесь наиболее наглядно **предстают разнообразие в единстве** и достоинства каждой индивидуальной сущности:

Создание языка обусловлено внутренней потребностью человечества. Он не только внешнее средство общения людей в обществе, но заложен в природе самих людей и необходим для развития их духовных сил и образования мировоззрения, которое человек только тогда может достичь, когда свое мышление ясно и четко ставит в связь с общественным мышлением. Если каждый язык рассматривать как отдельную попытку, а ряд языков как совокупность таких попыток, направленных на удовлетворение указанной потребности, можно констатировать, что языкотворческая сила человечества будет действовать до тех пор, пока в целом или по частям она не создаст того, что наиболее совершенным образом сможет удовлетворить предъявляемым требованиям.

В соответствии с этим положением даже и те языки и языковые семейства, которые не обнаруживают между собой никаких исторических связей, можно рассматривать как разные ступени единого процесса их образования. А если это так, то эту связь внешне не объединенных между собой явлений следует искать в общей внутренней причине, которой может быть только развитие творческой силы. Язык является одним из тех явлений, которые стимулируют общечеловеческую духовную силу к постоянной деятельности. Выражаясь другими словами, в данном случае можно говорить о стремлении раскрыть полноту языка в Действительности. Проследить и описать это стремление составляет задачу языковеда в ее конечном, но и первостепеннейшем итоге [цит. по: 17, 69–70].

Представленное здесь понимание единого созидательно-духовного и языкотворческого процесса является составной частью эволюционной теории языка и человечества, развиваемой Гумбольдтом:

Разделение человеческого рода на народы и племена и различие их языков и диалектов взаимосвязаны, но находятся также в зависимости от третьего явления более высокого порядка — воссоздания человеческой духовной силы во все более новых и часто более высших формах [цит. по: 17, 68].

Задача всемирной истории и исторической лингвистики, в частности, по Гумбольдту, состоит в том, чтобы проникнуть в связь этих явлений и дать им научное объяснение.

Сравнительное изучение языков, тщательное исследование многообразия, в котором находят свое отражение способы решения общей для бесчисленных народов задачи образования языка, не достигнет своей высшей цели, если оно не подвергнет рассмотрению связь языка с формированием народного духа [цит. по: 17, 68].

Язык... есть орган внутреннего бытия, само это бытие, находящееся в процессе внутреннего самопознания и проявления. Язык всеми тончайшими фибрами своих корней связан с народным духом, и чем соразмернее этот последний действует на язык, тем закономернее и богаче его развитие. Поскольку же язык в своих взаимозависимых связях есть создание народного языкового сознания, постольку вопросы, касающиеся образования языка в самой внутренней их жизни, и одновременно вопросы возникновения его существеннейших различий нельзя исчерпывающе разрешить, если не возвыситься до этой точки зрения. Здесь, разумеется, не следует искать материала для сравнительного изучения языков, которое по самой своей природе может быть только историческим; но только таким путем можно постигнуть первичную связь явлений и познать язык как внутренне взаимосвязанный организм, что способствует правильной оценке и каждого явления в отдельности [цит. по: 17, 69].

Дух, духовное начало, духовная сила — это, по Гумбольдту, чисто человеческий атрибут, качество, отличающее человека от всех других живых существ. Основным критерием этого качества является творческая сила, присущая человеку, внутренняя свобода, свобода человеческого разума от непосредственного и «внутренним образом» неконтролируемого воздействия внешних стимулов и раздражителей, стремление творчески переработать разумом поступающие из внешней среды впечатления. Сделать это человек оказывается в состоянии лишь с помощью языка.

Развивая это положение, Гумбольдт пишет следующее:

Потребность в понятии и обусловленное этим стремление [к] его уяснению должны предшествовать слову, которое есть выражение полной

ясности понятия... В кругу понятий в языке каждого, даже и нецивилизованного, народа наличествует некая совокупность идей, соответствующая безграничным возможностям человеческого прогресса... [цит. по: 17, 70].

Но нельзя, по мнению Гумбольдта, представлять себе «язык в виде некоей области, пространства которой постепенно расширяются посредством своеобразного и чисто внешнего завоевания [цит. по: 17, 70]. Это значило бы проходить «мимо действительной природы языка и его существеннейших особенностей. Дело не в том, какое количество понятий обозначает язык своими словами. И не с этой стороны следует судить о языке» [цит. по: 17, 70].

Большое количество понятий, в особенности нематериального характера... может выражаться посредством необычных и потому неизвестных метафор или же описательно [цит. по: 17, 70].

Действительное и основное воздействие языка на человека обуславливается его мыслящей и в мышлении творящей силой; эта деятельность имманентна и конструктивна для языка (выделено нами. — *Б. О.*) [цит. по: 17, 70].

В первичном образовании человеческого рода язык составляет первую и необходимую ступень, откуда можно проследить развитие народа в направлении его прогресса. Возникновение языков обуславливается теми же причинами, что и возникновение духовной силы, и в то же время язык остается постоянным стимулирующим принципом последней. Язык и духовные силы функционируют не раздельно друг от друга и не последовательно один вслед за другим, но составляют нераздельную деятельность разума. Народ, свободно создавая свой язык как орудие человеческой деятельности, достигает вместе с тем чего-то более высшего; вступая на путь художественного творчества и раздумий, народ оказывает обратное воздействие на язык [цит. по: 17, 77].

Среди всех прочих явлений, по которым познается дух и характер, язык является единственно пригодным к тому, чтобы проникнуть к самым тайным путям. Если, следовательно, рассматривать языки в качестве основы для объяснения последовательного духовного развития, то их возникновение следует приписывать интеллектуальному своеобразию и отыскивать характер своеобразия каждого языка в отдельности в его строении. С тем чтобы намеченный путь рассуждения мог быть завершен, необходимо глубже вникнуть в природу языков и в их различия и таким путем поднять сравнительное изучение языков на высшую и конечную ступень [цит. по: 17, 72].

Язык следует рассматривать не как мертвый продукт, но как создающий процесс... [цит. по: 17, 72].

Язык представляет собой непрерывную деятельность духа, стремящуюся превратить звук в выражение мысли... сущность языка заключается в его воспроизведении [цит. по: 17, 73].

Определение языка как **деятельности** (выделено нами. — *Б. О.*) духа правильно и адекватно уже и потому, что бытие духа вообще может Мыслиться только в деятельности [цит. по: 17, 73].

При изучении языков мы находимся, если так можно выразиться, на полпути их истории, и ни один из известных нам народов или языков нельзя назвать первобытным. Так как каждый язык наследует свой материал из недоступных нам периодов доистории, то духовная **деятельность**, направленная на выражение мысли, **имеет дело уже с готовым материалом**: она не создает, а **преобразует** (выделено нами. — *Б. О.*) [цит. по: 17, 74].

Гумбольдтовское понимание языка как деятельности противостоит тому подходу к языку, который наиболее отчетливо сформулирован в платоновской теории именованя (см. главу 1, раздел I). Основные различия состоят в следующем.

1. Языковая деятельность, по Гумбольдту, носит изначально массовый и в принципе однородный характер. А в теории именованя действия людей с языком разнородны, распадаются на три важнейшие разновидности (которые могут быть представлены как этапы: установление имени, отнесение имени к системе языка и знаний, использование имени) и в зависимости от принадлежности к той или иной разновидности носят либо индивидуальный, либо массовый характер.

2. Языкотворческий процесс у Гумбольдта непосредственно не связан с конкретным шагом в развитии знаний, движение в языке не есть проявление движения в формировании знаний, оно есть проявление творческого начала «в духе народа». А в теории именованя языковая деятельность связана с формированием конкретного знания, конкретного норматива поведения.

3. Мир, по Гумбольдту, преломляясь в национальном сознании, стихийным образом отражается в языковой ткани. (Форма этого процесса обладает национальной спецификой.) Слово как инструмент познания и практической деятельности людей — весьма важное специфическое качество языка — оказывается на периферии лингвистической системы Гумбольдта. А в теории именованя указанное свойство слова — центральное звено теории.

4. Язык, по Гумбольдту, развивается как естественно данный объект, как природный организм, т.е. стихийно; различия в культурах есть только следствие исторического развития различий в национальных системах. А в теории именованя язык не природная, а социальная система. Отсюда особенно важно культурно-историческое развитие, оно первично; национально-культурные же особенности несущественны, они не рассматриваются. И прежде всего потому, что античные теории языка монокультурны.

Что касается проблемы прогресса в языке и связи языкового прогресса с интеллектуально-духовной деятельностью человеческого общества, то в гумбольдтовских суждениях обнаруживается понимание всей сложности этого вопроса и трудности отыскания конкретных путей его решения.

При всех успехах сравнительного языкознания, отмечает Гумбольдт, мы все же еще не в состоянии обрисовать характер языков, принадлежащих даже к наиболее изученным языковым семьям, в таких простых чертах, посредством которых эти языки можно было бы успешно сравнивать друг с другом, и по их отношению к «духовным силам» народа определять принадлежащее им место среди всех других типов языков [см. 17, 72— 73].

Для этого необходимо отыскать общий источник отдельных своеобразий, соединить разрозненные части в органическое целое... И поэтому, чтобы сравнение характерных особенностей строения различных языков было успешным, необходимо тщательно исследовать форму каждого из них и таким путем определить, способ, каким языки решают вообще задачу формирования языка [цит. по: 17, 73].

Надо стремиться к тому, чтобы быть в состоянии установить, чем отличается данный язык от других как в отношении своих целей, так и по своему влиянию на духовную деятельность народа [цит. по: 17, 76].

Духовная способность... имеет свое бытие лишь в своей деятельности, которая представляет собой следующие друг за другом вспышки силы, взятые в своей совокупности и направленные по определенному пути [цит. по: 17, 83].

[Это] следовательно, не что иное, как пути, по которым идет духовная деятельность в языковом творчестве... [цит. по: 17, 83].

Может показаться, что все языки в интеллектуальном отношении одинаковы. И действительно, эта сторона языка обладает большой однородностью. Но и в ней обнаруживаются значительные различия, обусловленные множеством причин. С одной стороны, эти различия обуславливаются наличием разных степеней влияния языкотворческой силы как в общем плане, так и применительно к ее взаимодействиям с проявляющимися в ней тенденциями. С другой стороны, здесь действуют силы, деятельность которых не представляется возможным измерить посредством разума и определить с помощью понятий [цит. по: 17, 84].

Интеллектуальные преимущества языков... покоятся исключительно на упорядоченной, твердой и ясной духовной организации народов в эпохи их образования или преобразования... [цит. по: 17, 83].

Эволюционная теория языка, надо сказать, занимает в общелингвистической концепции Гумбольдта важнейшее место.

К отправным в этой теории можно отнести:

а) положение о том, что само возникновение, существование и развитие системы языка не зависит от сознательных действий людей, иными словами, не есть продукт осознанной деятельности человека;

б) положение о языке как о языкотворческом процессе, который представляет собой имманентную структуру и совершается в недрах человеческого общества, иными словами, о языке

как эволюционирующей структуре массовой человеческой (языковой) деятельности.

Первое положение предполагает исследование материала языка как «внутренне взаимосвязанного организма» [цит. по: 17, 69], т. е. как отдельной замкнутой в себе системы, где действуют в принципе такие же закономерности, как и в любой естественной системе.

В соответствии с этой позицией научным будет только такой подход к предмету языкознания, в соответствии с которым исследователь не должен зависеть от объекта исследования, а результаты его наблюдений не должны влиять на объект исследования. Выводы, получаемые в итоге осуществленного таким образом лингвистического исследования, явятся чисто научным продуктом.

Второе положение предполагает обоснование общего принципа эволюции. Этот принцип может быть сформулирован так, что действия известного рода формируют продукт соответствующего рода (продукт этих действий). Действия с языком — это массовые действия человеческих коллективов. Отсюда язык есть продукт деятельности масс, народов, наций.

Если действие рассматривать как движение, то его продукт есть ставший «омертвленным» результат этого движения. Но действие — это акт, элемент деятельности. Отсюда деятельность — это некоторая последовательность действий, в которой цикл «движение—продукт движения» повторяется множество раз и по определенной схеме. Таким образом, язык может быть представлен как результат массовой языкотворческой деятельности множества поколений.

Алгоритм этого процесса предполагает, что всякий последующий цикл отличается от предыдущего тем, что результат действия предыдущего цикла оказывается включенным в действие последующего цикла. Поэтому в «результате» последующего цикла «переработан результат» предыдущего цикла.

Такое понимание языкотворческого процесса исходит из признания за языком способности к прогрессу. В результате бесконечной серии превращений и наращиваний языковой продукт обогащается содержанием, совершенствуется в своем строении, развивает свой функциональный потенциал.

Эта картина языковой эволюции в ее идеальном виде подчиняется следующей схеме:

- а) начало языкотворческой деятельности осуществляется как бы от нуля и своим первым актом имеет действие;
- б) система деятельности формируется стихийно;
- в) кристаллизация большой массы предшествующих действий, накопление их результатов формируют и совершенствуют структуру массовых действий с языком, выступающих в виде языкового существования нации, народа.

Таким образом, теоретически структура массовых человеческих действий с языком не есть изначальная схема, она есть порождение движения, его продукт. Рассмотренный научно, этот продукт может позволить реконструировать определенные черты предшествующих действий с их «продуктами», которые являются как бы «полупродуктами» по отношению к сегодняшнему наличному продукту.

Такой взгляд на онтологию языка, его движение ложится в основу аппарата сравнительного языкознания, точнее — его философской части. Гумбольдт заявляет:

...Духовное своеобразие и строение языка народа настолько глубоко проникают друг в друга, что, как скоро существует одно, другое можно вывести из него. Умственная деятельность и язык способствуют созданию только таких форм, которые могут удовлетворить их обоих. Язык есть как бы внешнее проявление духа народа; язык народа есть его дух, и дух народа есть его язык — трудно себе представить что-либо более тождественное. Каким образом они сливаются в единый и недоступный нашему пониманию источник, остается для нас необъяснимым [цит. по: 17, 77].

В.Гумбольдт, в противоположность некоторым крайним установкам предшествующего языкознания, трактовавшим язык как техническое орудие мысли, всячески подчеркивает нерасторжимость этих двух проявлений единого и общего для них начала.

Если мы и разграничиваем интеллектуальную деятельность и язык, то в действительности такого разделения нет [цит. по: 17, 71].

Гумбольдт далее пишет:

Язык есть орган, образующий мысль. Умственная деятельность — совершенно духовная, глубоко внутренняя и проходящая бесследно — посредством звука речи материализуется и становится доступной для чувственного восприятия. Деятельность мышления и языка представляет поэтому нерасторжимое единство. В силу необходимости мышление всегда связано со звуком, иначе оно не достигает ясности и представление не может превратиться в понятие. Неразрывная связь мышления, органов речи и слуха с языком обуславливается первичным и необъяснимым в своей сущности устройством человеческой природы [цит. по: 17, 78].

Разум стремится к выявлению в предметах общего, он расчленяет и соединяет и свою высшую цель видит в образовании все более и более объемлющих единств. Он воспринимает предметы в виде определенных единств и поэтому нуждается в единстве звука, чтобы представлять их... звук не устраняет других воздействий, которые способны оказать пред-**Меты** на внешнее или внутреннее восприятие; он становится их носителем и своим индивидуальным качеством указывает на качества обозначаемого предмета... [цит. по: 17, 79].

Интеллектуальная деятельность не ограничивается одним рассудком, но воздействует на всего человека... [цит. по: 17, 79].

По мнению Гумбольдта, звуковой язык сыграл решающую роль в становлении человека как нового биологического вида и как мыслящего социального существа.

С помощью языка, как подчеркивает Гумбольдт, интеллектуальные и духовные устремления прокладывают «себе путь через уста во внешний мир, и затем результат этого стремления в **виде слова** (выделено нами. — *Б.О.*) через слух возвращается назад» [цит. по: 17, 79].

Таким образом, возникающее в сознании человека как отражение объективной действительности «представление объективируется, не отрываясь в то же время от субъекта. И все это возможно лишь с помощью языка; без описанного процесса объективизации и возвращения к субъекту, совершающегося посредством языка и тогда, когда мышление происходит молча, невозможно образование понятий, а тем самым и действительного мышления. Даже и не касаясь потребностей общения людей друг с другом, можно утверждать, что язык есть обязательная предпосылка мышления и в условиях полной изоляции человека. **Но в действительности язык всегда развивается только в обществе, и человек понимает себя постольку, поскольку опытом установлено, что его слова понятны также и другим** (выделено нами. — *Б. О.*). Когда мы слышим образованное нами слово в устах других, объективность его увеличивается, а субъективность при этом не испытывает никакого ущерба, так как все люди ощущают себя как единство. Более того, субъективность тоже усиливается, так как преобразованное в слово представление перестает быть исключительной принадлежностью лишь одного субъекта. Переходя к другим, оно становится общим достоянием всего человеческого рода; в этом общем достоянии каждый человек обладает своей модификацией, которая, однако, всегда нивелируется и совершенствуется индивидуальными модификациями других людей. Чем шире и оживленней общественное воздействие на язык, тем более он выигрывает при прочих равных обстоятельствах» [цит. по: 17, 79—80].

Речь и понимание, по мнению Гумбольдта, есть не что иное, как: «различные формы деятельности языка. Процесс речи нельзя сравнивать с простой передачей материала. Слушающий, так же как и говорящий, должен его воссоздать своею внутренней силой, и все, что он воспринимает, сводится лишь к стимулу, вызывающему тождественные явления» [цит. по: 17, 80].

Поэтому для человека естественно воспроизвести понятое им тотчас же в своей собственной речи. Таким образом, по словам Гумбольдта:

...В каждом человеке заложен язык в его полном объеме, что означает лишь то, что **в каждом человеке заложено стремление**, регулируемое, стимулируемое и ограничиваемое определенной силой, **осуществлять деятельность языка** в соответствии со своими внешними и внутренними потребностями, притом таким образом, чтобы быть понятым другими (выделено нами. — *Б. О.*) [цит. по: 17, 80—81].

Гумбольдт отмечает [см. также: 15, 52—54, 278—279], что в структурах мозга и речеаудитивных механизмах человека **накопленна генетически передаваемая информация**, отражающая все основные элементы природного и общественного начал человека. Следовательно, мозг и речевой механизм, развиваясь в порядке расшифровки наследственного кода, содержат необходимый **набор врожденных условий и рефлексов** для успешного овладения языком.

Эта проблематика, долго остававшаяся в кругу умозрительных построений, в самое последнее время начинает обретать научное обоснование в свете биологических и нейрофизиологических экспериментальных данных.

Гумбольдт отмечает исключительную роль языка в становлении человека, в восприятии им действительности, в познании мира и себя самого, в формировании его индивидуального и социального миропонимания, в становлении самого общества. Всякое достижение истины, всякое объективное миропонимание возможно, по Гумбольдту, лишь в коллективном мышлении, в обмене идеями и представлениями через посредство такого могучего человеческого инструмента, как язык.

Но это лишь одна сторона связи языка и мышления, один аспект их взаимодействия. Другая сторона состоит в том, что при всем том нерасторжимом единстве, которое составляют язык и мышление, несмотря на невозможность существования одного без другого, их взаимоотношения не лишены элементов внутренней противоречивости.

Обозначать понятие звуком значит соединять две вещи, которые никогда не могут совершенно перейти одна в другую. Тем не менее понятие не может отрешиться от слова, как человек не может скинуть с себя своей физиономии. Слово есть индивидуальная физиономия понятия, которое, захотев сбросить ее с себя, только переменяло бы одно слово на другое и, стало быть, все же явилось бы в слове. Дух человека постоянно силится освободиться от уз языка: слова стесняют внутреннее чувство, которое всегда полнее их содержания, и часто угрожают подавить его особенные оттенки своей природой, которая слишком материальна по звуку и слишком абстрактно-обща по значению [15, 103].

Однако в этих противоречивых тенденциях язык обогащается все более утонченными средствами выражения:

...То, что отстаивает и чего достигает он (дух, мышление. — Б. О.) в этой борьбе со словом, он передает самому же слову, и из всего этого противодействия и взаимного влияния... язык с течением времени получает более и более утонченное образование и обогащается умственным содержанием [15, 103].

Итак, мышление невозможно без языка. Язык, в свою очередь, предполагает мышление. Одно питается другим. Оба служат взаимному развитию, обогащению, уточнению. В самой жизни человека, в речевой и интеллектуальной деятельности индивида, по Гумбольдту, язык и мышление не существуют отдельно, а составляют единство языкового мышления. Так Гумбольдт выводит одну из важнейших лингвистических антиномий — **антиномию неразрывного единства и внутренней противоречивости языка и мышления** — двух сторон некоего большего целого.

Гумбольдт, как явствует из изложенного выше, теоретически обосновывает положение о языке как непрерывном творческом процессе. Он заявляет, что формой существования языка является движение (развитие). Гумбольдт доказал, что язык следует рассматривать не как мертвый продукт, а как создающий процесс [см. 17, 72—7?], как постоянную деятельность, превращающую звучащую материю в выражение мысли (в противовес метафизическим представлениям о языке как мертвом механизме). Здесь формулируется другая известная гумбольдтовская антиномия языка: **язык** в такой же мере **деятельность**, в какой и **произведение**. Иначе говоря: с одной стороны, индивид творит язык в момент речи и язык — это то, что производится в данный момент, а с другой стороны, язык — это то, что уже произведено, это результат деятельности предшествующих поколений, продукт и достояние человеческого коллектива.

По своей действительной сущности язык есть нечто постоянное и вместе с тем в каждый данный момент преходящее. Даже его фиксация посредством письма представляет далеко не совершенное мумиеобразное состояние, которое предполагает воссоздание его в живой речи [цит. по: 17, 73].

Сам же по себе язык есть деятельность (*energeia*), а не оконченное дело (*ergon*). Истинное определение его должно выражать акт его происхождения (генезис) [15, 40].

Язык нельзя представлять раз навсегда готовым материалом, который можно перечесть во всем его количестве... его надобно представлять вечно *возрождающимся* по определенным законам; но объем возрождаемого материала, а некоторым образом и самая форма возрождения остаются беспредельными [15, 54].

Таким образом, как мы видим, Гумбольдт приходит к идее о необходимости различения языка и речи и впервые в языкознании теоретически обосновывает их разграничение как объектов научного исследования.

Гумбольдт очень много занимался живыми языками. Поэтому к выводу о необходимости различения речи и языка и специального изучения речи в отличие от языка привела его сама логика научного исследования.

Существо языка состоит в самом акте его воспроизведения. Живая речь есть первое и истинное состояние языка: этого никак не должно забывать при исследовании языков, если мы хотим войти в живое существо языка [15, 41].

Тесно связанной с антиномией языка как деятельности и произведения оказывается, таким образом, еще одна антиномия — **антиномия речи и языка**: язык как масса всего произведенного живой речью — не одно и то же, что сама речь эта в устах народа [15, 58]. Гумбольдт первый указывает на необходимость выяснения, на основании каких норм звучит речь в устах народа.

Установление антиномии речи и языка сыграло огромную роль в развитии языкознания. С одной стороны, были сформулированы теоретические основания для научного исследования разнообразных живых языков и диалектов, что привело к развитию диалектологии и пространственной лингвистики (см. главу 7). С другой стороны, выделение и изучение языка в отличие от речи привело к постановке вопроса о языке как абстрактной системе, организованной и функционирующей по свойственным системам законам.

К антиномии языка и речи тесно примыкает **антиномия речи и понимания**. Речь и понимание, по Гумбольдту, это суть «различные формы деятельности языка» [цит. по: 17, 80], две стороны речевой способности. Только в речи индивида, по Гумбольдту, слова получают окончательную определенность. Но здесь, в живой речи, никто не понимает слов абсолютно в одном и том же смысле. Поэтому взаимное понимание между разговаривающими всегда неполно и по смыслу не тождественно. Но при помощи той же речи, которая «есть лучшее средство достижения объективности мысли» [цит. по: 17, 80], люди добиваются достаточного для их практической деятельности взаимопонимания посредством уточнения оттенков мысли и слова.

Язык, по Гумбольдту, объективен и в то же время субъективен:

Язык имеет самостоятельное бытие, и хотя действительную жизнь получает только в употреблении между людьми, но в то же время в существе своем он не зависит от отдельных лиц [15, 60].

Язык для индивида предстает одновременно и чужим и родным, и не зависящим от него и зависящим. С одной стороны, индивид воспринимает язык, как он завещан традицией, а с другой стороны, индивид сам постоянно воссоздает язык, в речи индивида всякий раз оживают формы языка. В этом еще одна из

особенностей языка: *антиномия объективного и субъективного в языке*. И это противоречие, по Гумбольдту, не нуждается в примирении [см. 15, 60].

Язык столь же самостоятелен, сколь создается субъектом и зависит от него.

Только необыкновенная гибкость языка, которая дает возможность принимать его формы в самых разнообразных значениях без вреда для общепонятности, а с другой стороны, власть, какую имеет все, оживляемое духом, над мертвою материей, передаваемою механически, — только эти два обстоятельства удерживают в некоторой степени равновесие между самостоятельной жизнью языка и особенностью отдельного лица. И все-таки язык дает живо чувствовать каждому человеку, что он не более как частица целого человечества [15, 61—62].

Языки, как заявляет Гумбольдт, можно считать творением народов, и в то же время они остаются творением отдельных лиц, потому что язык воспроизводится и живет только в устах отдельных лиц. В этом проявляется *антиномия коллективного и индивидуального в языке*.

Говорят только отдельные лица. И с этой стороны язык — создание индивидов. Но в то же время, подчеркивает Гумбольдт, языки как творения народов предшествуют творениям отдельных лиц.

Язык как деятельность индивидов предполагает в каждую минуту и говорящего и понимающего. А говорящий и понимающий олицетворяют коллектив. Таким образом, язык возникает из одновременной самодеятельности всех.

Языки, по Гумбольдту, всегда имеют национальную форму и могут быть только непосредственными творениями народов, продуктом их речевой деятельности.

Гумбольдт неоднократно подчеркивает факт языковой традиции — передачи языка от одного поколения к другому. Он пытается определить взаимоотношения между языком и его носителем — коллективом, между коллективным и индивидуальным в языке, а также связь коллектива и индивида через язык.

Традиция языка обуславливает языковое творчество каждого данного поколения и каждого отдельного лица.

В языке накапливается запас слов и правил, которые дают ему самостоятельную силу, действующую в продолжение тысячелетий [15, 60].

И тем не менее каждое лицо и поколение в целом непрерывно, в индивидуальном и коллективном языкотворческом процессе, воздействуют на язык и вносят в него элементы нового, отличного от того, что было завещано предыдущими поколениями. Таким образом, перед нами еще одна обоюдная связь — *антиномия необходимости и свободы в языке*, иначе говоря — ограничи-

вающая индивидуальное языкотворчество традиция языка и влияние на языковую жизнь самого общества, пользующегося языком. «Во влиянии языка на человека, — по Гумбольдту, — обнаруживается прочность законов его устройства, в воздействии человека на язык обнаруживает свою силу начало свободы» [15, 62], ибо в речи человека может зародиться то, чего нет во всем ранее накопленном языковом запасе.

Появление новообразований в мышлении и в языке, «которые не объясняются в своем происхождении предыдущим состоянием» [15, 63], есть факт очевидный:

...Отвергать их возможность — значило бы иметь неправильное понятие о природе языка и не понимать способа его **образования и преобразований** (выделено нами. — *Б. О.*) ... наука о языках должна познавать и чтить явления свободы, но в то же время тщательно исследовать и указывать ее границы [15, 63].

К рассмотренной выше антиномии языка как деятельности и произведения примыкает сформулированная Гумбольдтом **антиномия устойчивости и движения** в языке. В языке все подвержено изменению. Язык вечно изменяется, но в то же время язык необыкновенно устойчив.

Язык вместе с сформировавшимися элементами в них же самих представляет разные способы продолжать работу ума по данным образцам и указанному направлению. Сформировавшиеся элементы составляют некоторым образом мертвую массу, но в то же время содержат в себе живой зародыш нескончаемых формаций [15, 59].

Так как каждое лицо порознь и притом непрерывно действует на язык, каждое поколение изменяет его — если не в материале слов и форм, то в их употреблении. Таким образом, по своей действительной сущности язык, подчеркивает Гумбольдт, есть нечто постоянное и вместе с тем в каждый данный момент преходящее.

Каждый язык, как и сам человек, есть нечто беспредельное, постоянно развивающееся во времени [15, 197].

Эти антиномии Гумбольдт представляет себе не формально-логическими противоречиями, а как бы противостоящими друг другу и вскрываемыми соответствующим методом характеристиками (с разных сторон) языка. В этих органически присущих языку различных свойствах раскрывается, по убеждению Гумбольдта, онтология языка, его природа и внутренняя сущность.

У Гумбольдта высказываются положения, постулирующие **произвольность** знака языка и **мотивированность** знаков как элемен-

тов языковой системы. Соответствующие рассуждения Гумбольдта можно суммировать следующим образом. Звуковая оболочка слова и понятие, по мнению Гумбольдта, совершенно различны по своей природе. Отрезки звукового потока выступают чисто условно как представители предметов, отношений, связей из области внешнего мира. В соответствии со «своим индивидуальным качеством» единицы языка служат лишь условным «указателем» этих предметов, отношений, связей.

Язык, по Гумбольдту, представляет не предметы, а лишь «понятия о них», «образуемые умом при рождении слова».

Под словами следует понимать знаки отдельных понятий [цит. по: 17, 82].

В слове всегда наличествует двоякое единство — звука и понятия. Посредством этого слова превращаются в подлинные элементы речи [цит. по: 17, 82].

Бесконечное многообразие звуковых форм представляется понятным, так как в чувственном и телесном отношениях индивидуальность обуславливается таким количеством разнородных причин, что невозможно даже перечислить все богатство их разнообразия [цит. по: 17, 83].

Общие отношения подлежащих обозначению отдельных предметов и грамматические формы основываются большей частью на общих формах воззрений и логических отношениях понятий. Тут наличествует, следовательно, определенная система, с которой можно сопоставить систему языка [цит. по: 17, 85].

Сущность *членораздельного* звука, отмечает Гумбольдт, — в назначении и способности передавать значение. Количество же членораздельных звуков и их взаимные отношения, по Гумбольдту, определяются особенностью системы языка. Каждое слово есть знак особого понятия. В слове — двойное единство: единство в сфере звучания и единство в сфере значения. Между словами и понятиями всегда обнаруживается соответствие.

Природа тех или иных конкретных имен (в большей части отдельных слов), по Гумбольдту, остается для нас необъяснимой. Насколько можно судить по той части истории, которая засвидетельствована письменными памятниками, человек всегда строил язык на данном уже основании, не выходя за пределы аналогии с прошедшим; он видоизменял слова в употреблении, а не изобретал их. Понятие *творения* можно было бы условно приложить, по мнению Гумбольдта, лишь к периоду *становления* языка. Наблюдаемое развитие языка происходит постепенно, и всякое новое явление строится по аналогии, по образцу прежних.

Происхождение и назначение языка, по Гумбольдту, прежде всего связано с двумя факторами:

1) с «внешней необходимостью поддерживать общественные отношения», т.е. с потребностями общения;

2) с «внутренней потребностью» — необходимое условие развития интеллектуальной и духовной сторон жизни народа. И каждый язык понимается Гумбольдтом как опыт удовлетворения этих требований.

Язык, по Гумбольдту, не является продуктом произвольного творения. Языки, говорит он, неразрывно связаны с самой внутренней природой человека и скорее «исторгаются из нее самостоятельно», чем производятся ею произвольно.

Язык и мышление, по убеждению Гумбольдта, развиваются исторически. Они возникают, утверждает Гумбольдт, одновременно, а не порознь, не один из другого или один после другого. Как язык, так и мышление «проистекают, — по Гумбольдту, — из недостижимого прошлого» совершенно одновременно и в полном соответствии друг другу.

Гумбольдту было ясно, что при отсутствии положительных данных о том отдаленном периоде, который именуется зарей человечества, и без адекватного научного аппарата вопрос о происхождении языка и сознания в конкретном виде не может быть полностью решен. Поэтому он вынужденно остается в рамках известной формулы: язык органически связан с сознанием и по происхождению, и в своем функционировании; сознание находит в языке естественное воплощение; вне языка сознание объективно не существует.

Что касается источников языка, его первоначальных форм, то Гумбольдт вынужден признать, что они остаются для нас недоступной тайной. По Гумбольдту, характерная для языка неразрывная связь мысли, органов речи и слуха основывается на первоначальном устройстве человеческой природы, которое нельзя себе наглядно представить в его исходном виде. Гумбольдт основывает это вывод на том, что наука пока еще не имеет каких-либо достоверных и проверенных эмпирическим или иным точным путем сведений о первоначальных формах языка и мышления. Поэтому данный вопрос остается сегодня в сфере гипотез и общих положений философского характера.

Ходом своего рассуждения Гумбольдт подводит к выводу о том, что точное и абсолютно полное описание языка, учитывающее генезис языка, практически недостижимо, что всегда будет оставаться невыясненной частью (как бы она ни уменьшалась). Это объясняется, по Гумбольдту, во-первых, крайней сложностью самого языка, а также сложностью связи языка с мышлением, бросающей, по словам Гумбольдта, вызов нашему пониманию; во-вторых, тем, что мы познаем лишь ограниченный современностью и исторически засвидетельствованный прошлым отрезок языкового развития, истинные истоки которого скрыты от нас временем и не могут предстать перед нами во всех своих деталях, во всей своей полноте.

Большой интерес представляет учение Гумбольдта о *форме в языке*. По мнению Гумбольдта, в абсолютном смысле в языке не может быть материи без формы (в языке все направлено на выполнение определенной задачи, а именно на выражение мысли). Кроме того, на их форме основывается само различие языков.

Концепцию языковой формы Гумбольдт строит на теоретической предпосылке о единстве языка и мышления. Отсюда исследование и описание формы языка может указать, как считает Гумбольдт, тот специфический способ, который избирает язык для выражения мысли.

Прежде всего Гумбольдт проводит различие между *внешней формой*, или (что то же самое) звуковой формой, и *внутренней формой*, которую он часто именуется просто *формой языка* или формой. Внутренней форме языка противостоит, по его мысли, материя языка, в свою очередь известным образом оформленная. При чем понятие материи языка выходит за пределы так называемой звуковой оболочки.

Внешнее различие языков, по Гумбольдту, проявляется в том, что разные языки обладают различной звуковой формой. Звуковая форма, по формулировке Гумбольдта, «есть выражение, создаваемое языком для нашего мышления». Ее можно фактически представить как бы зданием, которое выстраивает для себя язык и в которое он себя «встраивает». Звуковая форма составляет главное основание различия языков. Только действительный звук, сформированный, как говорит Гумбольдт, материально (т.е. звучащая материя), составляет настоящий язык, а феномен звука допускает несравненно больше разнообразия, чем внутренняя форма языка.

Но значение звуковой формы в этом отношении увеличивается еще влиянием, какое она оказывает на внутреннюю форму. Установившиеся в языке материальные формы, а также их сочетания и еще в большей степени законы, на которых основывается их разнообразие, могут оказывать влияние на «идею», которая возникает только лишь через посредство языка, и моделировать ее в соответствующем духу языка виде, каким-то неуловимым (по Гумбольдту) образом модифицируя ее содержание.

Гумбольдт впервые в языкознании формулирует положение о функциональной сущности модели языковой системы.

Как подчеркивает Гумбольдт, помимо самой звуковой формы каждый исследователь сталкивается и с ее употреблением для обозначения предметов и для связи мысли. И для Гумбольдта это функциональное назначение языка более существенно с онтологической точки зрения.

Понятие языка в концепции Гумбольдта функционально расчленяется как бы на несколько уровней, среди них: «языковая сила», «языковой дар», «владение языком», «языковая способность», «язы-

ковое сознание», «форма языка» и «речь» (говорение — слушание). Особое место среди них занимает «языковой организм», соответствующий в одном из значений современному термину «языковая структура» или термину «языковая система».

Для Гумбольдта собственно «язык» в отличие от «речи» составляет не звуковая оболочка, а совокупность путей и приемов, т.е. своего рода механизм передачи звуковыми средствами внеязыкового содержания. Иначе говоря, это — способ, каким категории мышления объективируются в языке, т.е. модель языкового мышления. Это главное в языке, составляющее, по Гумбольдту, внутреннюю сущность и индивидуальную специфику каждого языка, Гумбольдт и называет внутренней формой.

Во внутренней форме находит отражение своеобразие связей звуковой формы с понятием, характерное для каждого языка в отдельности. Отсюда слово не есть представитель самого предмета, воздействующего на наше чувство, слово есть выражение нашего собственного взгляда на предмет, наше видение предмета.

Гумбольдт развивает мысль о том, что **«в каждом языке заложено свое мировоззрение»** (выделено нами. — *Б. О.*) [74, 433], причем сам язык оказывается посредником между человеком и внешним миром.

Гумбольдт пишет, что нередко наименование (слово) содержит отпечаток образа, порожденного предметом.

Уже здесь содержится главный источник разнообразия выражений для одного и того же предмета. Если, например, в санскритском слон называется то «дважды-пьющим», то «двузубым», то «снабженным рукой», то каждое из этих названий, очевидно, содержит в себе особое понятие, хотя все означают один и тот же предмет [цит. по: 17, 85].

Каждый язык описывает вокруг народа, которому он принадлежит, круг, из пределов которого можно выйти только в том случае, если вступишь в другой круг» [цит. по: 17, 81]. До известной степени фактически так дело и обстоит, потому что каждый язык образует ткань, сотканную из понятий и представлений некоторой части человечества [цит. по: 17, 81].

Многие языки — это не многие обозначения одного предмета, но разное рассмотрение его [75, 602].

Внутренняя форма, как отмечает Гумбольдт, фиксирует особенности национального миропонимания; она представляет собой сугубо индивидуальный способ, посредством которого народ выражает в языке мысли и чувства. Именно (внутренняя) форма дает возможность, по Гумбольдту, сравнивать языки с человеческими физиономиями. Только форма решает, к какому племени принадлежит известный язык по своему генетическому родству.

Как утверждает Гумбольдт, постоянное и однообразное в деятельности духа, претворяющей органический звук в выражение мысли, взятое во всей совокупности своих связей и представленное систематически, составляет то, что мы называем формой языка [см. 17, 74]. Внутренняя форма языка имеет свои законы; их надо представлять, подчеркивает Гумбольдт, в виде основных путей, «которыми деятельность духа идет в деле образования языка». Идеи, принадлежащие к устройству языка, научная модель языкового функционирования, т.е. эта совершенно внутренняя и чисто умственная сторона форм, которая может быть представлена как научная абстракция, и составляют, по Гумбольдту, собственно языковую структуру.

Под внешней формой понимается звуковое оформление, морфологическая структура, значение. Под внутренней формой понимается способ соединения понятия со звуком, мысли — с языковой материей.

Для Гумбольдта **внутренняя форма**, таким образом, — это **функциональная модель (организация) мыслительно-языковых связей**. Внутренняя форма выступает посредствующим звеном между сознанием и языковой актуализацией.

Всю сумму средств, какие язык употребляет для достижения своих целей, Гумбольдт предлагает назвать техникой языка и подразделить на фонетическую и интеллектуальную. Фонетическая техника — образование слов и форм в плане звучания, звукового состава. Интеллектуальная техника — это все, что в языке должно быть обозначено и отмечено звуками, например: род, двойственное число, времена глаголов и т.д. (если они есть в языке).

Суммируем положения о языковой форме.

1. Гумбольдт устанавливает факт существования формы языка, иначе — внутренней формы (в отличие от внешней формы), и различает в ней образный и конструктивный моменты.

2. В понятие внешней формы Гумбольдт вкладывает следующее тройное содержание. К внешней форме относятся: а) звуковое оформление; б) морфологическая структура; в) значение.

3. В понятие внутренней формы, или формы языка, Гумбольдт также вкладывает тройное содержание: а) внутренняя форма — это способ соединения понятия со звучанием, способ объективизации мышления в языке, т.е., в сущности, это модели связей категорий мышления с формами языковой материи; б) внутренняя форма — это «выражение народного Духа», который через посредство внутренней формы реализуется в языке. Следовательно, это как бы посредствующее звено между тканью мышления и тканью языка; в) внутренняя форма языка — это совокупность всего того, что создано и отработано речью, совокупность всех основных языковых структур, всех элементов языка, взятых в си-

стеме, это абстрактная структура языка в целом, его (языка) моделирующее устройство.

4. Внешняя и внутренняя форма, в концепции Гумбольдта, не только взаимодействуют, но и как бы взаимно проникают друг в друга.

Интересны **типолого-универалистские** идеи Гумбольдта. По мнению Гумбольдта, формы многих языков могут сходиться в более общей форме. Вместе с тем формы всех языков могут сходиться в одной общей всем форме, если учитывать только самые общие их черты. «Индивидуальность языка, рассматриваемого в самом себе в обыкновенном смысле, есть индивидуальность относительная, только сравнительно с другими языками» [15, 62], — подчеркивает Гумбольдт. Будем ли мы рассматривать язык вообще или анализировать существующие языки, отмечает Гумбольдт, всегда найдем в них два отличных одно от другого начала: **звуковую форму и ее употребление** для названия предметов и для связи мыслей. Употребление это основывается, по Гумбольдту, на требованиях мышления, на чем и зиждется в языках **общие законы**. Требования мышления и общие законы в языках не зависят от различия народов и национальностей. От национальных различий зависит, — как считает Гумбольдт, то, как в конкретных языках реализуются эти требования мышления и общие законы. Таким образом, **индивидуальность употребления** основывается на **всеобщности исходных принципов**.

Из этих положений вытекает позиция Гумбольдта, направленная против чистой дедуктивное™ логической грамматики (представленной в ее крайних формах), которая в изучении конкретных языков исходила исключительно из готовых логических схем. Гумбольдт выдвигает требование строить всеобщую грамматику на дедуктивно-индуктивной основе, поднимаясь от конкретных фактов до все более широких обобщений, но имея вместе с тем в виду общность мыслительных основ, от которых отправляется язык.

Путь к созданию подобной универсальной грамматики он видел в изучении всего многообразия способов звукового выражения понятий. А предпосылки такой грамматики — в общности основных принципов языкового механизма.

В своих работах Гумбольдт по-новому подходит к понятию типа языка. Он видоизменяет, совершенствует и расширяет типологическую классификацию братьев Шлегелей (выделяя, в частности, новый тип — инкорпорирующие языки).

Представление о «языковом организме» как **динамической структуре** позволяет ему сформулировать положение о **тенденциях развития** языковой системы, которые как бы предопреде-

ляют переход от одной стадии языка к другой. Переход этот может быть интерпретирован, по Гумбольдту, как вид прогресса в языке.

Работы Гумбольдта несомненно свидетельствуют о превосходстве его типологической концепции по сравнению со шлегелевской типологической схемой. Тем не менее Гумбольдт не смог дать непротиворечивой типологической интерпретации языков (на базе сформулированной им теории «внешней формы» языка, т.е. по фонологическому и морфолого-синтаксическому критериям), которая согласовывалась бы с его собственными положениями о взаимодействии «внешней» и «внутренней» формы в языке и демонстрировала бы постулируемый им прогресс в развитии человеческого языка на примере развертывания языковых типов. Этот конфликт между философией языка Гумбольдта и его объективностью исследователя легко продемонстрировать на следующем примере. В соответствии с его оценкой флективных языков как наиболее совершенных «на первый взгляд китайский язык должен рассматриваться как... **самый несовершенный язык**. Но при более внимательном рассмотрении эта оценка исчезнет. Наоборот, китайский язык обнаруживает высокую степень **превосходства** и оказывает хотя одностороннее, но **могущественное влияние на умственную способность**» [цит. по: 77, *Bd.* 7, 24\ ср. также 15, 301].

Гумбольдт по праву считается **основоположником теоретического языкознания** и создателем цельной системы философии языка XIX в. Он дает научное обоснование необходимости генетико-типологического подхода к языку.

Гумбольдт своими трудами ознаменовал формирование общего языкознания как отдельной дисциплины.

Система, созданная В.Гумбольдтом, представляет собой поворотный пункт в развитии теории языкознания.

Именно на базе идей Гумбольдта были развиты многие известные в наше время способы описания языка. Его генетико-типологические идеи послужили источником многих плодотворных построений для последующих поколений лингвистов.

Гумбольдт теоретически обосновал проблему **историзма и национального своеобразия** языков; он предпринял попытку преодолеть догматизм современного ему языкознания в интерпретации языковых категорий. Он смог, наконец, создать предпосылки для возникновения теории методов лингвистического исследования, успешно развитой в XX в.

Гумбольдт, несмотря на то, что сам не всегда мог ответить на те вопросы, которые неутомимо ставил, выдвинул чрезвычайно плодотворные идеи практически во всех областях теоретического языкознания. Многие положения Гумбольдта получили боль-

той резонанс в науке. Его идеи способствовали постановке в языкознании и философии XIX и XX вв. проблем фундаментальной значимости. (Почти все положения «Курса общей лингвистики» ф.де Соссюра так или иначе перекликаются с идеями, выдвинутыми В.Гумбольдтом.)

В суждениях о лингвистической системе Гумбольдта следует учитывать, что он выступает прежде всего как теоретик и философ в языкознании.

Хотя предложенная Гумбольдтом лингвистическая система была великолепным образцом дедуктивного мышления и обобщения громадного эмпирического материала и вплоть до Соссюра оставалась главным общетеоретическим источником, питавшим лингвистов нескольких поколений и многих школ, сам Гумбольдт никогда не заблуждался насчет ее достоинств и слабых сторон. Он, напротив, подчеркивал слабость своей теории и тем самым предупреждал против чрезмерного абсолютизирования сделанных им выводов, что, кстати, не всегда помнили последующие поколения ученых, нередко возводивших в абсолют те или иные его положения.

Хотя во всех значительных языковедческих работах Гумбольдта господствующим является стремление основать свою систему на эмпирическом материале, он тем не менее, формулируя наиболее общие принципы своей системы, прибегает к помощи различных теоретических конструктов и понятий, в частности понятия духа. У Гумбольдта идея духа выступает, если выразиться современным языком, как некая инвариантная категория, проявляющаяся в разнообразных конкретных манифестациях, присущих человеческой личности и обществу.

В литературе Гумбольдту нередко ставят в упрек оперирование категорией духа. Но в свое время Гумбольдт, очевидно, не был в состоянии поступать иначе. Без введения представления о некоем исходном принципе как общей движущей силе, распространяющей свое действие на язык, многие выведенные им законы языка не получили бы стройной интерпретации. В качестве такого исходного принципа Гумбольдт взял категорию духа.

Учет Гумбольдтом того, что многие вопросы природы и механизма языка не могут быть решены без понимания природы и Механизма мышления, всего духовного начала человека, является сильной стороной концепции Гумбольдта. Вместе с тем объективно не вполне ясное толкование данной проблематики, неоднозначное и не всегда легко интерпретируемое использование таких основных для него терминов, как «дух», «мышление», «разум», «интеллектуальная деятельность», составляют слабость его Философии языка. Гумбольдт, видимо, понимал это. Многочисленными видоизменениями своих формулировок он как бы старается предупредить возражения и одновременно указать на боль-

шую сложность явлений, которые присущи языку и мышлению в их взаимосвязи, и историческую ограниченность наших познаний.

Для Гумбольдта была очевидной связь языка и мышления, были очевидны и некоторые свойства этой связи. Но природа языка (если оставить в стороне привычные общефилософские послышки) представлялась Гумбольдту не вполне ясной, а мышления — еще менее ясной. Поэтому, поставив язык в связь с мышлением, духом, Гумбольдт вынужден был придать последнему известные абсолютные свойства, чтобы получить возможность выразить в стройной теории обнаруженные уже к тому времени эмпирическим и дедуктивным путем законы и свойства языка, но вместе с тем он оставил открытым для будущих исследований вопрос о более глубоких истоках и внутренних механизмах этих явлений, на чем он всячески заостряет внимание исследователей (и что еще ждет своего решения).

Гумбольдту, надо сказать, во все времена предъявлялось немало обвинений и возражений. Эти обвинения, однако, не поднимались до уровня возражения против логики его системы или ее составной части. Они в действительности лишь в различной степени и с различных позиций выражали неудовлетворенное стремление научной мысли к всеобъемлющему познанию и объяснению всех сторон языка и сопряженных с языком явлений в рамках единой и непротиворечивой теории.

Это неудовлетворенное стремление научной мысли к более полному и непротиворечивому знанию в устах критиков Гумбольдта каждый раз обретало ту форму и выражалось в категориях, которые соответствовали духу своего времени. Гумбольдта, к примеру, часто упрекали в «сложности» и «противоречивости» его теоретических построений.

Впечатление «сложности» возникает, вероятно, в силу ряда причин: 1) особая манера гумбольдтовского мышления и изложения; 2) сложность и неадекватное понимание читателем особенностей соответствующей исторической эпохи, выразителем которой был Гумбольдт, многообразие и сложное переплетение философских, этических, естественно-исторических и иных тенденций, бурно и противоречиво развивавшихся в XIX в.; 3) отсутствие достаточного навыка в оперировании соответствующими (характерными для эпохи Гумбольдта и предшествующих эпох) категориями и представлениями.

Что касается «противоречивости», то опыт развития лингвистики показывает, что любая теория, составляющая эпоху в развитии научной мысли, не может быть полностью свободной от некоторых допущений, противоречий и компромиссов. И такие противоречия есть, видимо, продукт взаимодействия новых идей и традиционных представлений, а компромиссы отражают естест-

венное стремление сохранить необходимую связь между прошлым и настоящим, чтобы создать условия для прогнозирования будущего при более или менее отчетливом осознании недостатков или слабых мест в полученных на сегодняшний день научных результатах.

Как свидетельствует история развития лингвистической мысли XIX—XX вв., Гумбольдта можно отнести к тем мыслителям, научные построения которых в большей мере принадлежат последующим эпохам развития науки, чем современникам.

В своих работах Гумбольдт теоретически предвосхищает многие положения языкознания более позднего периода. Примечательно, что идеи Гумбольдта, не оказав существенного влияния на лингвистов его собственного поколения, видных представителей сравнительно-исторического языкознания, оказывают сильнейшее воздействие на формирование лингвистических воззрений языковедов, принадлежащих к различным школам и направлениям на протяжении всего последующего периода развития языкознания. Не случайно идеи, высказанные Гумбольдтом в различных областях теоретического языкознания, остаются и по сей день источником размышления и новых научных построений.

III. Натуралистическое направление. А. Шлейхер

Элементы натуралистического подхода к языку содержались уже у представителей сравнительно-исторического языкознания. Так, например, В. Гумбольдт и Ф. Бопп, опираясь на философские понятия первой половины XIX в., широко применяют термин «организм» и по отношению к языку. Ф. Бопп устанавливает «механические» и «физические» законы языка. Однако лишь у представителей натуралистического направления мы находим развернутую концепцию языка как «естественного организма». Здесь употребление термина «организм» имеет более выраженную естествоведческую окрашенность.

Возникновение натуралистической концепции в языкознании связано с бурным развитием в Европе в середине XIX в. естественных наук, прежде всего того их ответвления, которое принято называть точными науками.

Развитие натуралистического направления как определенной Философии языка связано в первую очередь с именем немецкого языковеда Августа Шлейхера (1821 — 1868).

³ Начав с занятий философией, Шлейхер вскоре обратился к языкознанию и посвятил этой науке свою жизнь. Учился у санскритолога А. Лассена, романиста Ф. Дица и классика Ф. Ригля. С 1846 г. — доцент Университета в Бонне, с 1850 г. — в Праге, с 1857 г. — профессор Йен-

ского университета. В 1858 г. избран членом-корреспондентом Российской академии наук. Вместе с А. Куном в 1856—1868 гг. издавал журнал «Труды по сравнительному языкознанию арийских, кельтских и славянских языков» («Beiträge zur vergleichenden Sprachforschung auf dem Gebiete der arischen, celtischen und slavischen Sprachen»).

Шлейхер — разносторонний лингвист. Он занимался общими проблемами индоевропейских языков, стремился к тщательному исследованию живой речи, о чем свидетельствует его полевая работа по сбору данных о литовском языке в связи с составлением описания литовского языка [см. ИЗ], занимался германскими, славянскими и балтийскими языками в их сравнительно-историческом и типологическом аспектах [см. 108; 115]. «Более чем кто-либо другой из лингвистов середины прошлого столетия, Шлейхер содействовал созданию исторического метода в сравнительном языкознании» [16, 3]. Научные построения Шлейхера характеризуются непредвзятостью мышления и прогрессивностью идей.

Общелингвистические воззрения Шлейхера наиболее полно изложены в вводных главах следующих его работ: 1. «Сравнительно-лингвистические исследования» [111] (состоит из двух частей: первая — «К сравнительной истории языков»; вторая — «Лингвистические исследования. Систематический обзор языков Европы»); 2. «Немецкий язык» [109]; 3. «Компендий сравнительной грамматики индоевропейских языков» [114].

Научная деятельность Шлейхера отличалась широким диапазоном. Будучи талантливым лингвистом-исследователем, Шлейхер одновременно являлся горячим поклонником ботаники и вообще идей, рождаемых естественными науками. Б.Дельбрюк во «Введении в изучение языка» пишет о Шлейхере: «Когда, гуляя по своему любимому саду, он анализировал формы языков, у него, вероятно, часто мелькала мысль, что тот, кто разлагает формы языка и рассекает растения, в сущности делает одно и то же дело; когда же он взвешивал закономерность развития языков, ясно, представить которую было его самым серьезным стремлением, то ему казалась весьма естественной мысль, что язык есть не что иное, как органическое существо» [2, 45].

На Шлейхера произвела огромное впечатление теория Ч.Дарвина о происхождении и изменении видов. Определенную роль в укреплении натуралистических воззрений Шлейхера сыграли также положения специалиста в области зоологии Э.Геккеля, направленные на дальнейшее развитие дарвинизма.

В своей научной деятельности Шлейхер стремился к точности, универсальности и ясности. Как указывает С.Лефман, последними словами Шлейхера на смертном одре были следующие: «Всю мою жизнь я стремился к ясности. И все должно стать много лучше» [92, 89].

Наиболее отчетливо натуралистическая философия языка Шлейхера сформулирована в таких его работах, как: «Теория Дарвина и наука о языке» [112]; «Значение языка для естественной истории человека» [110]. Согласно основному положению натуралистического направления языкознания по своим методам при-

мыкает к естественным наукам. Разница между естественными и историческими науками заключается в том, может или нет воля людей влиять на объект науки: в естественных науках господствуют законы, не зависящие от воли людей; в исторических науках невозможно избежать субъективизма. В работе «Теория Дарвина и наука о языке» [112] Шлейхер прямо указывал, что «законы, установленные Дарвином для видов животных и растений, применимы, по крайней мере в главных чертах своих, и к организмам языков» [цит. по: 17, 98].

Языки, или «языковые организмы», по Шлейхеру, возникли естественным путем, независимо от человеческой воли, они не есть дело рук человеческих. Поэтому Шлейхер называет их естественными организмами, естественными телами. Именно это роднит языки с другими порождениями природы.

Поскольку метод языкознания, по Шлейхеру, отличен от метода исторической науки и примыкает к методам естественных наук, то и достижения языкознания более надежны, чем достижения исторических наук. Как естественные науки, так и наука о языке ставят своей целью исследование такой сферы действительности, в которой господствуют неизменные законы.

Стремление видеть языкознание точной наукой привело представителей натуралистического направления, и прежде всего Шлейхера, к тому, что они проводили четкую грань между языкознанием и филологией. Языкознание — наука естественная, а филология — наука историческая. Объект языкознания — язык как природное, этологическое образование, как нечто независимое от воли людей; объект филологии — созданные людьми культурные памятники. Филология занимается критикой источников. Она находит материал лишь там, где имеется литература, имеются письменные памятники. Именно поэтому не может, например, существовать филология у американских индейцев. Напротив, для языкознания языки этих народов представляют огромный интерес.

Подчеркивая различие между языкознанием и филологией и утверждая связи языкознания с естественными науками, Шлейхер сравнивает языковеда с естествоиспытателем, который относится к языкам так же, как ботаник к растениям. А, как известно, замечает Шлейхер, ботаник должен рассмотреть все растительные организмы и изучить законы их строения и развития независимо от ценности растений с практической и эстетической точки зрения [см. 109, 121; ср. 111, н. 2, 5].

Разграничивая языкознание и филологию, Шлейхер отмечал, что есть области, где филология и языкознание смыкаются. К таким областям принадлежит, например, синтаксис, где, с одной стороны, господствуют непреложные объективные законы, но, с другой стороны, определенную роль играют и субъективные об-

стоятельства (воля людей). Стилистика же, по Шлейхеру, оказывается полностью отнесенной к области филологии¹.

Для Шлейхера язык — природный организм:

Языки, эти образованные из звуковой материи природные организмы, притом самые высшие из всех, проявляют свои свойства природного организма не только в том, что все они классифицируются на роды, виды, подвиды и т.д., но и в том, что их рост происходит по определенным законам [цит. по: 17, 95].

По его мнению, рассматривать язык как природный организм следует потому, что воля человека так же бессильна что-либо изменить в языке, как она не может изменить строения человеческого организма. Отсюда вытекает, что законы языка столь же объективны, столь же внешни по отношению к человеку, как и законы природы. У языка, мыслимого как организм, имеются сходные с другими организмами «естественные» закономерности. Эти самые общие закономерности присущи всем системам, наблюдаемым в природе¹.

¹ Подобное противопоставление языкознания и филологии проводится и другими представителями натуралистического направления. Например, М.Мюллер (1823—1900), профессор Оксфордского университета, отмечает, что филология — это историческая наука, используемая лишь как средство изучения литературных памятников. Языкознание же (или, по терминологии Мюллера, «сравнительная филология») относится к естественным наукам, и здесь язык становится самодовлеющим и единственным предметом исследования [см. 21, 17]. Языковеды интересуют, отмечает Мюллер, такие проблемы, как происхождение, свойства и законы языка.

Такой подход к науке о языке приводит языковедов к мысли о необходимости изучать бесписьменные живые разговорные языки и их диалекты. По М. Мюллеру, «с точки зрения научного рассмотрения язык Гомера не имеет большего значения, не представляет большего интереса, чем диалекты готтентотов» [21, 53]. «Диалекты, которые не произвели никакой литературы, жаргоны диких племен, щелканье готтентотов и изменение гласных у индокитайцев столь же важны, а с точки зрения определенных проблем даже важнее, чем поэзия Гомера или проза Цицерона» [21, 1].

Эту же мысль проводит и Шлейхер (подчеркивавший важность изучения языков индейцев Америки и записывавший литовские народные сказки, песни, загадки и пословицы), а также другие языковеды этого направления.

² Следует отметить, что не все представители натуралистического направления рассматривали язык как организм, полностью и прямо уподобляемый живым организмом. Так, М.Мюллер категорически заявлял, что «язык не имеет независимого бытия. Язык существует в человеке: он живет, если им говорят, умирает с каждым словом, которое произнесено и не слышится более» [21, 36]. Тем не менее Мюллер все же относит языкознание к естественным наукам на основании того, что изменения языка представляют собой «рост», а не «историю».

Под ростом в этом случае понимают видоизменения, совершающиеся с течением времени вследствие постоянного образования в речи новых сочетаний элементов. Таким образом, речь идет о действии и продукте действия, его преобразовании и видоизменении. Это положение принципиально важно для философии сравнительного языкознания.

Наиболее ярко влияние теории Дарвина проявляется в перенесении Шлейхером положения о «борьбе за существование» в растительном и животном мире на язык. Согласно Дарвину, в «борьбе за существование» выживают, сохраняются лишь наиболее приспособленные, жизнестойчивые виды, в то время как остальные исчезают, заменяясь более стойкими. Как считает Шлейхер, это положение Дарвина без всякого изменения может быть применено к языкам. Шлейхер убежден, что «в настоящем периоде жизни человечества победителями в борьбе за существование оказываются преимущественно языки индогерманского племени; распространение их непрерывно продолжается, а многие другие языки ими вытеснены» [цит. по: 17, 103].

По мнению Шлейхера, «разделения» и «подразделения» в области языков по существу те же самые, что и в «царстве естественных организмов». Так, виды, относящиеся в рамках классификации к одному и тому же роду, в языкознании называются *языками* (каких-либо племен людей); подвиды известны как *диалекты* или *наречия* определенного языка; разновидностям соответствуют *местные говоры*, а отдельным особям — способ выражения отдельных людей, говорящих на определенных языках, т. е. *индивидуальная речь*.

Шлейхер переносит на язык установленный Дарвином закон изменчивости видов. По его мнению, те языки, которые, по выражению ботаников и зоологов, являлись бы видами одного рода, в языкознании признаются «за детей одного общего основного языка», из которого они произошли путем постепенного изменения. «Из племен языков, нам хорошо известных, мы точно так же составляем родословные, как это старался сделать Дарвин для видов растений и животных» [цит. по: 17, 99]. По мнению Шлейхера, в языкознании даже легче проследивать изменения языков, устанавливать происхождение новых форм из прежних, чем в сфере организмов животных и растений, поскольку благодаря наличию письменных памятников некоторые языки и семейства языков можно проследить в течение более чем двух тысячелетий. В качестве примера Шлейхер приводит древнелатинский и древнейший индийский, ибо известны как сами эти языки, так и произошедшие из них соответственно романские и новоиндийские языки.

Шлейхер не ограничивается лишь констатацией факта изменчивости языков. Он стремится установить общие законы возникновения и развития человеческого языка, основываясь на законах Развития животного и растительного мира. По мнению Шлейхера, аналогично тому как весь органический мир развился из одноклеточных организмов, так и языки мира ведут свое происхождение от таких простейших языков, в которых еще не выражены ни глаголы, ни имена, ни спряжения, ни склонения и т. д., то есть где еще Нет специального звукового выражения грамматической формы:

Употребляя форму уподобления, я могу назвать корни простыми клеточками языка, у которых нет грамматических функций, каковы имя, глагол и т.д., нет еще особых органов и у которых самые эти функции (грамматические отношения) столь же мало различимы, как, например, у одноклеточных организмов или в зародышном пузырьке высших живых существ дыхание и пищеварение [цит. по: 17, 101].

Таким образом, как отмечает Шлейхер, «мы принимаем для всех языков по форме одинаковое происхождение» [цит. по: 17, 101]. Из этого следует, что все языки мира произошли от простого корня, причем по звуковому материалу, из которого они состояли, и по смыслу, который они выражали, они были различны у людей, живущих в различных природных условиях. Этим и объясняется, по Шлейхеру, различие языков. Поэтому языки народов, живущих по соседству, были более сходными, чем языки народов, находящихся в разных частях света. А так как в древности происходили значительные переселения народов, то их языки по мере территориального удаления от исходного языка все более отклоняются от него, так как переселение было сопряжено с изменением климатических и жизненных условий переселяющихся народов. Подтверждение этой гипотезы Шлейхер находит в данных флоры и фауны — различные части света обнаруживают определенный, свойственный им тип флоры и фауны.

Близость языка к природным организмам Шлейхер видит также в способности языка к эволюции. В этой связи Шлейхер заявляет:

Жизнь языка не отличается существенно от жизни всех других живых организмов — растений и животных. Как и эти последние, он имеет период роста от простейших структур к более сложным формам и период старения, в который языки все более и более отдаляются от достигнутой наивысшей ступени развития, и их формы терпят ущерб. Естествоиспытатели называют это обратной метаморфозой [цит. по: 17, 96].

Каковы, по Шлейхеру, эти простейшие структуры и какова наивысшая ступень развития языков? Ответ на этот вопрос дает его классификация языков, в которой он, отказавшись от гумбольдтовского деления языков на четыре типа, возвращается к предложенному А.Шлегелем делению языков на три класса, которые отражают три ступени развития языка: односложные, агглютинативные и флективные. Все три типа (класса) языков образовались в доисторическую эпоху. В историческую эпоху новые виды языков уже не могли возникать, могли лишь эволюционировать и разрушаться старые виды. Односложные языки еще остаются на первой ступени развития. Из односложного языкового типа развился агглютинативный тип языков, а затем из агглютинативного языкового типа развился флективный тип языков. Выс-

шим языковым типом, таким образом, оказывается флективный тип языков.

Эти ступени, по Шлейхеру, находят аналогию в природе, где кристалл, растение и животное соответствуют различным эпохам в развитии Земли [см. 111, ч. 2, 10].

По мысли Шлейхера, в основе типологической классификации языков лежит различие в выражении ими значений и отношений. Под значением он понимает представления и понятия, получившие звуковое выражение. Значение, по Шлейхеру, содержится в корне слова. Корень можно выделить во всех языках. Отношение содержится в суффиксах. Значение и отношение вместе дают слово.

В односложных (т.е. изолирующих) языках, по мнению Шлейхера, формальным образом выражено только значение, в то время как отношение не имеет звукового выражения, и слово, следовательно, представляет собой нерасчленимое единство, напоминающее кристалл. В языках этого типа морфологические категории формально не обнаруживаются и отношения определяются преимущественно порядком слов.

В агглютинативных языках звуковое выражение получают и значение, и отношение: звуки, выражающие отношение, «приставляются» к звукам, выражающим значение. Однако слово здесь оказывается лишенным тесного единства и легко распадается на определенные части. Слово в языках этого типа напоминает растение.

И наконец, во флективных языках слово, передавая и значение, и отношение, полностью сохраняет единство. Слово в языках этого строя в отличие от агглютинативных языков напоминает животный организм. Таким образом, флективность, по Шлейхеру, оказывается высшей ступенью в развитии языкового строя.

По мысли Шлейхера, эта схема охватывает все языки — как существующие, так и давно исчезнувшие, причем между этими классами языков существуют и должны были существовать языки переходных ступеней. Полностью все три ступени развития, по его мнению, прошли лишь индоевропейская и семитская семьи языков.

На основании предлагаемой им типологической классификации такие языки, как китайский (древний поэтический), кхаси, бирманский, намаква, Шлейхер квалифицирует как относящиеся к архаическим видам; такие, как тюрко-татарские, монгольский, финский, венгерский, дравидийские, тибетский, — к переходным видам; такие, как семитские и древние индоевропейские, — к наиболее развитым видам. При этом, по убеждению Шлейхера, новые индоевропейские языки обнаруживают выветривание и стирание форм, что свидетельствует якобы о вступлении их в период своего упадка.

В теории Шлейхера о развитии языка кроме тенденции современного ему естествознания отражается влияние философской

системы Гегеля (в частности, его эволюционной теории), которую Шлейхер тщательно изучал и которой он увлекся.

Влияние Гегеля очень сильно проявляется в формулировках и в построении доказательств шлейхеровской эволюционной теории языка. Особенно ясно прослеживается влияние Гегеля в делении языков на три типа и в признании двух периодов в языковой эволюции.

В соответствии с философской системой Гегеля в роли перво-причины развития у Шлейхера выступает «дух», мышление (гегелевская «абсолютная идея», «абсолютный дух»). Именно этому абстрактному символическому духу обязано возникновение и развитие растительного и животного мира в природе (поскольку природа, по Гегелю, — это «инобытие» духа). Поэтому, пока дух пребывает в природе, она преисполнена творческих возможностей, и в это время происходит бурное развитие всех ее видов. Когда же прекращается творческое «инобытие» духа, «дух возвращается к себе», природа более не способна создавать чего-либо нового и происходит постепенное разрушение и отмирание уже существующих форм.

То же самое происходит и с языком. В доисторический период, по словам Шлейхера, дух человечества в целом, так же как и дух каждого отдельного народа, является в своем «инобытии» в языке. В доисторический период жизни человека «дух связан в звуке» и происходит языковое созидание во всем многообразии его форм. После возвращения человеческого духа из «инобытия» новосоздание языка (в форме конкретных видов языков) прекратилось. В исторический период звуки языка «изнашиваются», исчезает богатство форм, повсюду проявляется тенденция к упрощению. В это время как раз появляются различные виды ассимиляций, звуковые искажения и т.п. [см. 111, ч. 7, 17—18]. Таким образом, как утверждает Шлейхер, после удаления творческого духа из слова на языковой организм начинают действовать физические законы, так же как химические воздействуют на мертвых животных и растительные организмы [см. 111, ч. 2, 13]. Отсюда в пределах прослеживаемой части истории, по Шлейхеру, языки лишь дряхлеют по определенным жизненным законам. В доисторический период языки образовывались; в исторический период они стареют.

Так преломилась гегелевская эволюционная теория в натуралистически окрашенной концепции языка Шлейхера.

Приходится констатировать, что взгляды Шлейхера в этом отношении являются шагом назад по сравнению с творческой эволюционно-типологической концепцией Гумбольдта.

Как уже отмечалось, кроме проблем общего языкознания Шлейхер много занимался проблемами индоевропеистики, конкретными сравнительно-языковедческими исследованиями. В шлей-

херовской трактовке проблем индоевропеистики заметно переплетение, с одной стороны, общих тенденций развития современного ему индоевропейского языкознания, а с другой — натуралистического подхода к языку. При этом ряд философских положений эволюционной теории языка Шлейхера, естественно, не находит себе подтверждения в его конкретных сравнительно-исторических исследованиях.

Наиболее конкретно и выпукло натуралистический подход к языку выступает в учении Шлейхера о праязыке и родословном древе индоевропейских языков (см. главу 4, раздел III).

По мнению Шлейхера, невозможно установить общий праязык для всех языков мира. Следует предположить, что существовало множество праязыков. Так как большое число языков исчезло и исчезает, то, вероятно, было много языков, которые нам неизвестны, и количество праязыков, исходя из этого, также, видимо, было большим.

Всю совокупность языков мира Шлейхер представляет как своего рода лингвистическую непрерывность, возникновение которой относится к чрезвычайно отдаленным эпохам [см. 40, 25и сл.].

Характерный для языков процесс постоянного дробления, отпочкования новых языков продолжается, по Шлейхеру ¹ до нового времени.

Шлейхер рисует картину своеобразного географического варьирования языков. Языки, по его мнению, не могут скрещиваться, но могут вступать в культурные контакты, своего рода союзы сосуществования ¹.

При всех недостатках натуралистическое направление в языкознании должно рассматриваться как этап поступательного движения науки о языке. Ценным следует считать стремление представителей этого направления, в частности Шлейхера, применить к изучению языка точные методы естественных наук.

Важно понимание Шлейхером необходимости проводить различие между генетической и типологической общностью языков, между «древом» родственных языков и «союзом» языков, между генетическим и географическим варьированием языков.

¹ Натуралистическая концепция языка выступает не только в работах Шлейхера. В той или иной степени она находит отражение в трудах и других языковедов. Среди них: М.Рапп (автор работ: «Физиология языка» [100]; «Исследование физиологии языка...» [98]; «Сравнительная грамматика как естественная наука» [99]); М.Мюллер (автор «Лекций по науке о языке» [94]); В.Д.Уитни (автор работы «Жизнь и рост языка» [129]); А.Овелак (автор книги «Лингвистика» [67]); и др.

Натуралистическая концепция языка, имевшая немало сторонников и последователей еще во второй половине XIX в., была достаточно популярна даже в начале XX в. Ее влияние сказалось, в частности, на работах крупного датского языковеда О. Есперсена применительно к трактовке вопросов происхождения и эволюции языка.

В отличие от языковедов предшествующего этапа развития сравнительно-исторического языкознания Шлейхер уделяет огромное внимание фонетике и пытается установить в строгих терминах законы развития звукового строя отдельных индоевропейских языков. Его исследования в области фонетики проложили путь для дальнейшего изучения фонетических закономерностей в работах младограмматиков.

Шлейхер прежде всего и больше всего стремится к установлению всеобщих законов языка, языковых универсалий, применимых ко всем языкам и основывающихся на том общем, что свойственно всем людям в устройстве их речевого аппарата и аппарата мыслительного. Современная концепция языковых универсалий не может игнорировать вклад в этой области языкознания, сделанный Августом Шлейхером вслед за В. Гумбольдтом и авторами «Грамматики Пор-Рояль». Шлейхер был убежден в том, что языкознанию столь же свойствен универсализм и стремление к открытию универсальных категорий, как и любой естественной науке [см. 111, ч. 2, 4].

Ошибочным в концепции Шлейхера и его последователей явилось слишком прямолинейное, нередко выходящее за рамки метафорического сравнения и понимаемое и мыслимое буквально, перенесение на язык законов, присущих биологическим организмам, которые действительно растут, развиваются, а затем дряхлеют и умирают. Языки, конечно, тоже возникают, развиваются и иногда умирают. Но смерть эта носит не биологический, а социально-исторический характер. Язык умирает вместе со смертью, т.е. исчезновением, говорящего на нем общества, коллектива людей.

Однако, несмотря на ошибочность некоторых идей натуралистической концепции в языкознании, следует всегда учитывать тот факт, что сравнение языка с живым организмом способствовало утверждению системного взгляда на язык как на объект, обладающий собственной структурой. Предпринятые Шлейхером опыты реконструкции индоевропейского праязыка как целостной системы форм (в частности, написанная им на этом «праязыке» басня, являвшаяся нередко объектом разного рода насмешек) были образцом системного подхода к языку в исследовательской практике и немало способствовали уточнению методики языковой реконструкции и пониманию структурности и системности языка.

IV. Психологическое направление

Уже в работах В.Гумбольдта лингвистические положения получают нередко психологическое осмысление. Психологизм Гумбольдта — это психологизм универсального плана, психологизм, основывающийся на концепции общечеловеческого разума, мышления, духа.

Вместе с тем в работах Гумбольдта имеются положения, обнаруживающие индивидуально-психологический подход к истолкованию явлений языка, учет фактора человеческой личности, индивидуальной психики.

Эти личностные элементы, роль личных процессов в сознании индивида, связь явлений психики индивида с процессом речи — слушания, процесс объективирования субъективно-идеального через язык и объективация субъективного в языке занимают с середины XIX в. значительное место в теоретических построениях языковедов и психологов, исследовавших речевые и мыслительные механизмы.

Но элементы «сверхличных», унаследованные от Канта и Гумбольдта и возведенные немецкой классической философией в ранг абсолютного сознания, все же остаются, хотя и в ограниченном виде. Более или менее «сверхличным» было признано мышление как объединяющая и организующая функция сознания. «Сверхличность» мышления обосновывалась тем, что эта функция сознания вырабатывается коллективными действиями людей, в недрах социума, в процессе совместной жизнедеятельности, в которой язык играет первостепенную роль.

Это положение является отправным для исследователей, обративших свое внимание на аспекты психики и языка, которые определяются социальными факторами. В этих рамках формируется и то ответвление в психологии, которое в языкознании получило наименование социальный, или коллективный, психологизм, иначе — этнический психологизм.

Психологическая и натуралистическая концепции языка некоторое время сосуществуют, по-разному связывая общую в рамках сравнительно-исторического языкознания теорию с конкретной исследовательской работой. Их влияние на сравнительно-исторический метод в целом можно рассматривать как взаимодополняющее. Так, наметившееся в рамках натуралистической философии языка представление об организме и механизме функционирования и развития языковой системы находит поддержку в концепции лингвистического психологизма (в том его ответвлении, которое связано с этнической, или народной, психологией — в языкознании оно получило наименование концепции коллективного психологизма).

Предметом рассмотрения в рамках обеих названных концепций был прежде всего язык (ср. гумбольдтовскую антиномию языка и речи). Однако в сфере концепции индивидуального психологизма и в конкретных исследованиях младограмматиков предметом анализа все в большей степени становилась речь. Поэтому таким исследователям, как Б.Дельбрюк и Г.Пауль, представлялась совершенно неприемлемой концепция психологии языка, предложенная в качестве исходной для исследования В. Вундтом.

Под психологией языка понимается анализ психических процессов, связанных с речевыми актами (что правильнее было бы назвать психологией речи), или же изучение психологических закономерностей, проявляющихся в историческом развитии системы языка.

Психологизм отчасти объясняет и некоторые особенности исследовательского подхода, свойственные младограмматическому направлению, в частности те его черты, которые были определены критикой как «атомизм» младограмматиков.

Психологическое истолкование языковых явлений свойственно крупнейшим ученым XIX в.: Ф.Кайнцу, Ф.Бенеке, Г.Лотце, Г.Штейнталю, М.Лацарусу, А.А.Потебне, В.Вундту, К.Бюлеру, а также младограмматикам. При этом психологизм как философия языка характерен для языковедов разных направлений.

Представители психологического направления выдвигают требование, чтобы язык рассматривался как: а) особый механизм деятельности индивидуальной психики, механизм представлений в сознании отдельного человека или б) как специфическое проявление психологии народа.

Первое наиболее характерно для индивидуального психологизма. Второе — для психологизма социального, в центре внимания которого находится народ, коллектив, нация и свойственные им как некоему целому психологические проявления и процессы.

1. Философия языка Г.Штейнталья и М.Лацаруса

Психологизм как специфическое направление в философии языка XIX в. возникает прежде всего в связи с концепцией так называемой народной психологии, созданной Г. Штейнталем и М.Лацарусом.

Гейман Штейнталь (1823 — 1899) — языковед, профессор Берлинского университета. Мориц Лацарус (1824—1903) — философ, сначала профессор в Берне, а затем в Берлине, где и возникло его творческое содружество со Штейнталем.

Исходными в формировании философии языка Штейнталья и Лацаруса, их концепции *психологии народов*, или *народной психологии*¹, явились воззрения И.Гербарта [см. 54 — 57], в частности, его тезис о том, что образование представлений управляется пси-

¹ *Психология народов* как особая область научного знания была подготовлена всем ходом развития смежных с языкознанием наук. Все крупные работы по антропологии конца XVIII и начала XIX в. содержат как необходимую составную часть раздел, посвященный вопросам психологии народов и рас. Идея психологии народов тесно связана с концепцией народного духа Я.Вегелина [см. 128] и И.Гердера [см. 62; 64], развиваемой применительно к философии истории. В языковедческой традиции идея народной психологии разрабатывалась В. Гумбольдтом [см. 124].

хическими законами апперцепции и ассоциации. Исходя из этого, основоположники народной психологии стремились объяснить происхождение языка, законы и процессы его развития. Психологическая концепция Гербарта, однако, получает в их трудах своеобразное преломление. Если психология Гербарта главным образом изучала психику индивида, то Штейнталь обратил свое внимание прежде всего на роль коллектива. Правда, Герbart тоже ставил вопрос об отношении человека к обществу и отмечал, что «психология будет оставаться односторонней до тех пор, пока она будет рассматривать человека вне общества» [56, § 240]. Однако, по мнению Штейнталья и Лацаруса, необходимо не только ставить вопрос об отношении человека к обществу, но и рассматривать его как члена этого общества. Отсюда следует, что предметом исследования необходимо сделать не отдельного индивида, а само человеческое общество.

Наиболее яркое выражение взгляды Штейнталья и Лацаруса получили на страницах «Журнала психологии народов и языкознания», основанного ими в 1860 г.

Основные вопросы, которые поднимают Штейнталь и Лацарус в связи с проблемой народной психологии, сводятся к следующим: а) отношение народной психологии к индивидуальной, разграничение психологии; б) природа и дух; в) отношение к антропологии, этнологии, истории, политике и естествознанию; г) отличие от философии истории; д) эмпирический характер народной психологии как отрасли науки [см. 91; 87].

В вышедшем в 1859 г. предварительном извещении о новом журнале его редакторы заявляли, что созданы условия для появления особой науки — психологии народов.

В круг ее задач входит: а) выяснение сущности и деятельности народного духа; б) открытие законов, по которым совершается внутренняя духовная (или идеальная) деятельность народа; в) обнаружение причин возникновения, развития и исчезновения духовных особенностей того или иного народа.

Авторы обращались с призывом о сотрудничестве ко всем исследователям исторических явлений языка, религии, искусства и литературы, науки, быта и нравов, права, общественного и государственного устройства.

Новая наука о народной психологии должна была войти в состав общей психологии, которая, таким образом, будет включать два раздела: индивидуальную психологию и психологию Народов.

По мнению Лацаруса и Штейнталья, индивид есть объект индивидуальной психологии. Но в обществе возникают совершенно особые психологические условия, требующие специального изучения. Отсюда можно говорить о психологии человеческого общества, которая и получает наименование народной психологии,

или психологии народов, в основании которой лежит психология индивидуальная.

Психология (для Штейнталя) — есть наука о духе вообще, причем индивидуальная психология — это наука о духе индивида, а народная психология — это наука о духе народа. Дух народа характеризуется следующим: во-первых, он пребывает в индивидах и, следовательно, не имеет самостоятельного бытия, в нем происходят те же процессы, что и в духе индивида; во-вторых, дух народа является источником как духовной, так и всякой другой деятельности человека [см. 42, 8 и сл.].

Лацарус и Штейнталь считают, что дух народа есть категория изменяющаяся и постоянная. Он меняется исторически, но каждый конкретный национальный дух «заключает в себе нечто субстанциональное, некое неизменное ядро, которое само определяет все изменения духа» [91, 63]. Народный дух есть то, что делает множество индивидов народом, в основе этого единения лежит некая общая идея, цементирующая этот союз. Как подчеркивали Штейнталь и Лацарус, сходство духовной организации обусловлено совместной жизнью, поскольку сходная физическая организация и сходные впечатления, получаемые извне, производят сходные чувства, склонности, желания, которые, в свою очередь, производят сходные мысли и сходный язык.

Для Штейнталя и Лацаруса «дух есть общий продукт человеческого общества, и духовная деятельность есть истинная жизнь и назначение человека; отсюда дух выражает общедетельность» [42, 22]. Следовательно, народная психология (наука о народном духе) — это учение об элементах и законах духовной жизни народов.

Задача этой науки — исследование специфических «образов жизни и форм деятельности духа», которые составляют духовную природу народов. Народная психология должна из простейших проявлений общественной жизни человека выявить, а затем объяснить «всеобъемлющий организм народного духа» [см. 86; 90]. Богатейшим материалом для этого является история национальной культуры [см. 88].

Особенно ценным источником является мифология, поскольку преобразования, которым подвергаются мифы с течением времени, представляют собой важный и интересный материал для истории народного духа:

Мифология как словесная форма есть апперцепция природы и человека, образ созерцания известной ступени развития народного духа [42, 35].

Именно мифы дают возможность наблюдать процессы апперцепции и сгущения мысли. Важную роль играет и изучение религии, различие в верованиях объясняется своеобразно проявляющимся в них народным духом. Элементы народного духа отражаются также в особенностях письменной традиции, разнообразных

искусствах и более всего в народном творчестве. Особенно важно здесь изучение пословиц и сказок.

Итак, дух народа проявляется прежде всего в языке¹.

Основоположниками народной психологии устанавливается двоякая зависимость языка и духовной деятельности.

Во-первых, язык есть продукт духа народа и, следовательно, изучать язык можно и нужно, лишь проникая во все богатство духовной продукции человека.

Во-вторых, язык есть выражение народного духа и, следовательно, лишь изучение всех языковых форм может дать нам возможность постичь дух народа.

Для Лацаруса и Штейнтала язык является выражением самосознания и мировоззрения духа целого народа, подобно тому как язык индивида является для них выражением и мерилom индивидуального духа. Психологические формы мышления теснейшим образом связаны с языком. Соответственно «основно-различные» формы речи рассматриваются как проявление «основно-различных» форм мышления. Но и мышление отражает дух народа. Сле-

¹ Психология народов как наука подразделяется на: 1) *аналитическую*, которая излагает всеобщие законы, определяющие развитие и взаимодействие действующих в жизни народа сил; 2) *синтетическую*, которая показывает отдельные продукты этого взаимодействия и рассматривает их как многофункциональный организм и 3) *психическую этнологию*, которая представляет все народы мира как «царство духа народа по индивидуальным особенностям его облика» [цит. по: 17, 115].

Психология народов образует всестороннюю основу для философии истории, поскольку последняя должна вскрыть законы развития, которым подчинен дух. Однако, по мнению Штейнтала и Лацаруса, в то время как история человечества соответствует описательной естественной истории, изложение законов, управляющих историей, содержится в народной психологии.

Что же касается политики и народной психологии, то хотя предмет у них — силы народного духа — общий, но цели совершенно различны. Политика должна получить свое научное обоснование в народной психологии, поскольку народный дух оказывает значительное влияние на формы общественного мышления.

При анализе взаимоотношений народной психологии и антропологии следует учитывать тот факт, что последняя занимается теми проявлениями жизни человека, которые занимают как бы промежуточное положение между чисто физиологическими и собственно психическими фактами. Антропология старается показать различие народных характеров, опираясь на законы физиологии или климатические различия, мало внимания обращая на внутренние причины, от которых собственно и зависит развитие духа.

С антропологией тесно связана этнология, изучающая человека только лишь как продукт природы, не исследуя проблемы его духовного развития. К существовавшей в их период этнологии Лацарус и Штейнталь стремились добавить психическую этнологию, которая не противоречила идее народной психологии, в задачи которой также входит изучение специфических форм жизни и форм Деятельности духа у разных народов.

Психология народов оказывается, таким образом, всеобъемлющей наукой о Духовном мире человека. Границы ее весьма расплывчаты: она захватывает целый ряд пограничных с языкознанием областей.

довательно, языки есть как бы выражения «основно-различного» духа народов.

В связи с этим Лацарус и Штейнталь ставят вопрос о возможной классификации языков как выразителей духа народов. Подобная классификация должна отражать сущность языка вообще и показывать ее воплощение в отдельных конкретных языках. Следовательно, такая классификация явилась бы своего рода всеобщей грамматикой.

Предложенная Лацарусом и Штейнталем концепция языков представляет каждый язык как индивидуальное осуществление понятия «язык» и указывает на единство языков, ставя их в определенные отношения друг к другу и соединяя в систему по родству и совершенству их организации [см. 17, 113].

Психология народов Лацаруса и Штейнталья, таким образом, в достаточной мере полно учитывает проблематику общего языкознания (сущность языка, происхождение и развитие языка, классификация языков, метод построения описательной грамматики и др.) и специфически интерпретирует ее.

Лингвистические положения, вытекающие из основных принципов народной психологии, нашли отражение в собственно языковедческих работах Штейнталья¹. Языкознание, по Штейнталю, относится к числу психологических наук, поскольку речь — это духовная деятельность, подобно тому как к психологическим наукам относится и учение о мышлении и воле, т.е. учение о возникновении мыслей и волевых импульсов. Штейнталь относит языкознание к числу познающих, а не оценивающих наук.

Подчеркивая психологические основания и всю психологическую направленность своей философии языка, Штейнталь неоднократно указывал, что предметом языкознания является язык как объект психологического наблюдения. Язык определяется им как «выражение осознанных внутренних, психологических и духовных движений, состояний и отношений посредством артикулированных звуков» [цит. по: 17, 108]. Языковой материал «состоит из представлений, и даже простые звуки, артикуляции, обуславливаются духовным началом; как таковые, они могут быть подвергнуты! чисто психологическому наблюдению» [цит. по: 17, 108].

Предметом языкознания Штейнталь объявляет язык вообще, для него это: речь (говорение), речевая способность, языковой

¹ Г. Штейнталь — автор многочисленных работ. Среди них наиболее важные: «Грамматика, логика и психология, их принципы и взаимоотношения» [122]; «Введение в психологию и языкознание» [120]; «Происхождение языка» [119]; «Классификация языков как развитие языковой идеи» [123]; «Характеристика важнейших типов строя языков» [118]; «Произведения В. Гумбольдта по языкознанию и философия Гегеля» [122]; «История языкознания со времени греков и римлян со специальным вниманием к логике» [117]; «Философия языка» [116]; «Философия, история и психология и их взаимоотношения» [121].

материал и, наконец, всякий конкретный язык как конкретная реализация речевой способности и продукт речевой деятельности.

Язык вообще, по Штейнталю, — это психофизическая система, основывающаяся на едином принципе. Основа единства и индивидуальности языков заложена в единстве и своеобразии народного духа.

Опираясь на положение Гумбольдта о языке как вечно воссоздающейся и обновляющейся деятельности, а также на положения Гердера о сущности языка и придавая им психологическую окрашенность, Штейнталь выдвинул тезис об идентичности проблем сущности и происхождения языка, поскольку язык постоянно и одинаковым образом порождается душой человека.

Таким образом, язык истолковывается психологично как сущностно, так и по происхождению.

Вслед за Гумбольдтом Штейнталь уделял много внимания проблеме внутренней формы. В соответствии с психологическими основаниями своей концепции он ищет решения проблемы, опираясь на психологию. Задача решается, считал он, когда удастся научно выделить и разграничить мышление предметное и мышление языковое.

В предметном мышлении мы имеем дело с представлениями о предметах и явлениях объективного мира. Содержанием представлений являются не сами предметы в их материальном воплощении, а некоторая мысленная совокупность познанных признаков этих предметов.

В языковом мышлении мы имеем дело с представлениями о представлениях, вычлененных из сферы предметного мышления. Получаемое представление — явление вдвойне субъективное, оно то и является, по Штейнталю, внутренней формой.

Внешней языковой формой является звук.

Внутренняя языковая форма — категория историческая, она изменяется во времени, причем Штейнталь выделяет три ступени в ее развитии, что связано с различными уровнями восприятия и осознания внешнего мира человеком. Первые две ступени относятся к доисторическому периоду. Третья ступень (когда идет процесс возникновения слов-названий) является ступенью расцвета внутренней формы. В исторический период внутренняя форма постепенно исчезает из языкового сознания.

Итак, специфика (в терминологии Штейнталю — «особый признак») каждого языка должна быть охарактеризована с трех сторон: со стороны звука, как такового, внутренней формы и их соотношения друг с другом.

Философия языка Штейнталю противостояла, с одной стороны, логической грамматике XIX в., а с другой стороны, натурализму А. Шлейхера.

Штейнталь решительно противопоставляет шлейхеровской концепции языка как «естественного организма» свое понимание языка как динамического «языкового континуума», как развертывающейся во времени и пространстве языковой деятельности совокупности индивидов, составляющих общество¹.

Наиболее четко и полно общелингвистическая концепция Штейнталья сформулирована в его работе «Грамматика, логика и психология, их принципы и взаимоотношения» [122]. В этой работе Штейнталь выступил с решительной критикой логического направления в языкознании и логического учения о «языковом мышлении». Последнее представлено в языкознании XIX в. сочинениями Карла Беккера, особенно его работой «Организм языка» [43], где нашли свое преломление положения логической грамматики.

Подвергнув критическому анализу книгу Беккера, Штейнталь решительно подчеркнул, что слово и понятие, предложение и суждение, грамматические категории и логические категории не являются и не могут являться тождественными. По Штейнталю, языковые и логические категории являются несовместимыми понятиями и соотносятся друг с другом так же, как понятия «круг» и «красный» [см. 122, 221—225].

Подвергнув критике логицизм, Штейнталь ориентирует грамматику на психологию. Это психологическое направление в общей теории языка нашло отражение в грамматической терминологии. Вводятся такие понятия, как «психологический субъект», «психологический предикат» и др.

В противовес положению представителей логического направления, в частности Беккера, о едином способе мышления для всего человечества Штейнталь отстаивает положение о различных типах мышления, каждому из которых соответствует своя логика.

Язык для Штейнталья воплощает совершенно своеобразное мышление, развивающееся по своим особым законам.

Можно сказать, что в работах Штейнталья представлен лингвистический психологизм в его классической форме.

2. Философия языка В. Вундта

Философия языка В. Вундта возникает скорее не как строго лингвистическое в собственном смысле слова, а как философско-психологическое кредо.

Вильгельм Вундт (1832—1920) — видный немецкий ученый, философ и психолог. По образованию — врач, крупный авторитет в облас-

¹ Это штейнталевское понимание языка оказалось плодотворным для языкознания. Оно проходит впоследствии через все общезыковедческие работы И.А.Бодуэна де Куртенэ. Оно было воспринято и другими языковедами конца XIX-начала XX в.

ти физиологии и психологии. С 1875 г. — профессор философии в Лейпциге, где и протекала вся его дальнейшая научная и педагогическая работа.

Вундту принадлежит огромное количество работ по проблемам физиологии, психологии, философии, логики, языкознания, этики, религии и мифологии.

Исследование проблем, относящихся к самым различным наукам, побудило Вундта предпринять попытку произвести общую классификацию наук. Он делит все науки на две основные группы: науки о материальном мире (естественные науки) и науки о духовном мире (гуманитарные науки). К последним Вундт относит филологические науки.

Психология, по Вундту, занимает промежуточное место между естественными и гуманитарными науками, объединяя их друге другом. Психология, по его мнению, должна также служить основой философии, питать ее.

Характерная черта философского кредо Вундта — стремление разработать философию как эмпирическую науку.

Основная задача философии, по Вундту, — творческий синтез уже полученных научных данных, причем в основание философского построения, философского мышления должны быть положены только результаты, добытые специальными науками, и исключены все предпосылки, сформулированные иным способом.

Расцвет творческой деятельности Вундта приходится на конец XIX в. Это период, который называли веком естествознания.

В это время естественные науки в связи с важными открытиями в этой области заняли господствующее положение, а главное — возросла роль естественнонаучного метода в исследовании духовной стороны человеческой деятельности.

Общее направление научного мышления стало определяться принципами и методами не столько рационального, сколько эмпирического естествознания: «Чтобы избежать ошибок идеалистического периода, теперь преобладает стремление дать науке возможно широкое эмпирическое основание. Поэтому собранию фактов придается больше важности, чем их теоретической обработке... Метод, оценивающий людей и вещи с помощью идеальной, наперед установленной меры, отбрасывается» [19, 4].

В середине и конце XIX в. возникает целый ряд новых специальных научных дисциплин, часто очень узких, развивается дух специализированной обособленности, при котором внимание полностью сосредоточивается на ограниченном отрезке действительности, и в итоге зачастую теряется представление о целом, о взаимосвязи явлений.

Как следствие узкоспецифического развития эмпиризма возникла соответствующая аргументация философского позитивизма, упускавшая из виду тот факт, что выводы специальных наук еще не обеспечивают постижения всеобщей связи, которая всегда считалась существенным признаком философского познания. Вундт стремится преобразовать позитивизм изнутри.

Вундт по своим взглядам ближе всего примыкает к Лейбницу и послекантианской метафизике (Вундт не был ортодоксальным кантианцем).

В целом в философских воззрениях Вундта эклектически соединены идеи Спинозы, Лейбница, Канта и Гегеля.

Процесс познания Вундт разделял на три ступени: первая — непосредственное восприятие; вторая — рассудочное познание в сфере частных наук, которые, по Вундту, представляют собой лишь различные точки зрения на один и тот же объект исследования; третья — разумное познание — философский синтез всякого знания, которым занимается метафизика (т.е. философия). В отличие от позитивизма, получившего распространение во Франции (Огюст Конт) и Англии (Герберт Спенсер), позитивизм Вундта тесно связан с традицией немецкого идеализма.

Вундта как философа оценивали (особенно его современники) самым разноречивым образом, что объясняется, видимо, эклектичностью его построений и эволюцией его философского кредо. Одни усматривали в нем неокантианца, развивающего идеи Канта в сфере обоснования логических функций мышления, другие видели в нем представителя позитивизма. Некоторые относили его к представителям наивного реализма или находили в нем типичного сторонника эмпиризма, а в ряде случаев даже обнаруживали сходство с представителями аристотелевского учения об имманентности идей.

У Вундта эмпирический и рационалистический методы взаимно дополняют друг друга.

Научная деятельность Вундта отражает картину эволюции его интересов — от сферы чистого естествознания к области психологии и философии, языкознания и филологии.

Вундт явился первым специалистом-психологом, который предпринял глубокое исследование языка, его сущности, механизма функционирования и развития, его связи со смежными областями человеческой деятельности, в первую очередь с мышлением.

Философия языка Вундта строится главным образом на базе психологии. По Вундту, психология, будучи самостоятельной наукой, есть в то же время основная философская наука, ибо всякое научное познание предполагает в качестве эмпирической основы психический процесс и, как таковое, составляет предмет психологии.

Подчеркивая важность исследования психических процессов, Вундт в своей работе «Система философии» [133], вышедшей в 1889 г., подробно останавливается на проблеме психических основ мышления.

Всю область интеллектуальной деятельности человека он делит на две принципиально разные группы (категории) процессов: низшую и высшую. К низшей группе относятся ассоциации, служащие материалом для активного мышления. Ассоциативные сочетания психических элементов возникают еще при пассивном состоянии внимания. Высшая группа, носящая название *анперцепции*, — это, напротив, сознательные психические процессы.

С целью систематической разработки экспериментальной психологии Вундт в 1878 г. создал в Лейпциге первый Институт экспериментальной психологии, послуживший образцом для всех позднейших пси-

хологических лабораторий. Он основал также философско-психологический журнал «Философские исследования» («Philosophische Studien»), освещавший преимущественно вопросы психологии. Журнал издавался Вундтом в Лейпциге с 1883 по 1903 гг. С 1905 по 1918 гг. этот журнал выходил под названием «Исследования по психологии» («Psychologische Studien»).

Сочинения Вундта, по существу, формулируют программу работы в области экспериментальной психологии.

На протяжении десятилетий Вундт оставался непререкаемым авторитетом в этой области. Как отмечает Г. Шпет, «психология Вундта, заняв господствующее положение, проникла в другие специальности, где и стала, как некогда психология Гербарта, своего рода *opinio communis* [41, 7).

Методика психологического эксперимента детально разработана в классическом труде Вундта «**Основы физиологической психологии**» [134].

Эта работа Вундта посвящена рассмотрению таких проблем, как связь естествознания и психологии, характер и специфика ощущений, чувств и аффектов, эмоциональных и волевых процессов, развитие центральной и периферической области нервной системы.

Полная система психологии представлена в сжатой форме во «**Введении в психологию**» [138].

Подчеркивая роль эксперимента в психологии, Вундт, однако, ограничивает сферу применения эксперимента простейшими психическими процессами (ощущениями), поскольку только им соответствуют определенные физические процессы.

Что касается сложных психических процессов, связанных с образованием понятий, формированием суждений, то, по мнению Вундта, они почти не сопровождаются физическими явлениями и их невозможно проверить в лаборатории экспериментальным путем.

Сложные психические процессы, отмечал Вундт, оставили объективный след в языке, мифах, нравах и обычаях, в религии и искусстве. При их возникновении действовали законы апперцептивного соединения представлений. Все эти воплощения сложных психических процессов должны явиться, по Вундту, предметом исследования в рамках особой области — психологии народов.

Свое отношение к проблемам связи психологии и языкознания Вундт изложил в труде «**О целях и путях народной психологии**» [147]. В этой работе трактовка народной психологии Вундтом уже существенно отличалась от концепции Г. Штейнталя.

В 1900 г. Вундт выпустил в свет первую часть своего капитального десятитомного труда «**Психология народов. Исследования законов развития языка, мифов и обычаев**» [135].

Первые два тома общим объемом около 1400 страниц посвящены языку и носят название «**Язык**». Вскоре вышли вторая и третья части, куда вошли три тома по мифологии и религии, посвященные психическим процессам, лежащим в основе мифических анимизаций, а также несколько томов, посвященных психологии обычаев и быта.

Первый том состоит из «Введения в народную психологию» и пяти глав: I. «Выражательные движения», II. «Язык жестов», III. «Звуки языка», IV. «Звуковые изменения», V. «Словообразование». Второй том состоит из четырех глав: I. «Формы слов», II. «Предложение», III. «Изменение значений», IV. «Происхождение языка».

«Введение» содержит исторический обзор возникновения народной психологии и указывает на ее задачи.

В сжатой форме программа и задачи народной психологии формулируются также в статьях, объединенных в сборниках «Проблемы психологии народов» [144].

Эти труды Вундта оказали огромное влияние на умы психологов и лингвистов. В результате появилась обширная литература, развивающая его идеи или, напротив, отвергающая их.

Изучение проблем народной, или социальной, психологии имеет, по мнению Вундта, особенно важное значение потому, что в истории человеческого общества первым звеном бывает не индивид, а обязательно сообщество индивидов.

Стремясь создать систему социальной психологии, Вундт опирался на выдвинутую ранее Г. Штейнталем и М. Лацарусом идею о том, что индивидуальная психология должна быть дополнена народной психологией и обе явятся составными частями общей психологии.

Отдавая должное Штейнталю и Лацарусу как основоположникам новой науки — народной психологии (или психологии народов), — Вундт одновременно подверг критике слабые стороны их учения, признал неприемлемой выдвинутую ими программу ее построения и предложил свою собственную программу социальной психологии.

Термин «психология народов», считает Вундт, следует сохранить, поскольку «нация является важнейшим из тех концентрических кругов, в которых может развиваться духовная жизнь» [9, 27], но содержание в него следует вложить иное. По мнению Вундта, причина неудач Штейнтала и Лацаруса лежит в их попытке соединения гербартарианской «механики души», его атомизма с «национальным духом» Гегеля и Гумбольдта. «Гербартарианская же атомистика души и «национальный дух» Гегеля относятся друг к другу, как вода и огонь» [9, 63]. Как заявляет Вундт, Штейнталь как ученый всегда оставался в рамках индивидуально-психологических штудий.

Вундт стремился прежде всего к более четкому определению предмета народной психологии. Из сферы народной психологии им исключается все то, что носит сугубо индивидуальный характер. Внимание должно быть сосредоточено исключительно на психологических закономерностях, порождаемых социальной жизнью, для чего следует «ограничиться тем, что имеет всеобщее значение» [135, /, 5]. Исключаются также все те процессы и явления, в которых

сказывается преобладающее влияние отдельных личностей, хотя они имеют в своей основе общественное существование человека. Отсюда вытекает, что следует вообще исключить области проявления особой роли отдельных личностей, например литературу. Вундт в отличие от Штейнтала и Лацаруса предлагает также исключить из социальной психологии этнологию, антропологию и всеобщую историю, хотя Штейнталь и Лацарус усматривали в этих научных областях источник народной психологии.

Психология народов как научная дисциплина, по Вундту, соприкасается, с одной стороны, с эстетикой и философией, с другой — с философией истории.

Объектом психологии народов (или социальной психологии) Вундт объявляет язык, мифы и обычаи. Это три большие области, которые формируют три основные проблемы психологии. Язык, мифы и обычаи, по Вундту, подчиняются всеобщим духовным законам развития, так как «сами представляют собой духовные продукты развития, в порождении которых проявляются своеобразные психологические законы» [9, 27].

Три эти области — язык, мифы и обычаи — обнаруживают соответствие трем видам психических процессов, т.е. трем областям индивидуальной психологии: *представлениям, чувствам и воле*. Язык является началом и основной движущей силой поэзии и науки, мифы — религии, а обычаи — нравственных принципов.

Язык содержит в себе общую форму живущих в духе народа представлений, их законы и их связи. Мифы таят в себе первоначальное содержание этих представлений в их обусловленности чувствами и влечениями. Наконец, обычаи представляют собой возникшие из этих представлений и влечений общие направления воли [9, 32].

Итак Вундт: 1) исходит, как и Лацарус и Штейнталь, из существования определенной аналогии между психологией народов и индивидуальной психологией; 2) интеллектуалистическую индивидуальную психологию Гербарта заменяет волюнтаристической; 3) признает, что задачи народной психологии — это задачи объяснительные и законоформулирующие и 4) на место общности представлений Лацаруса—Штейнтала ставит общность воли (импульсивных волевых действий).

Если объект изучения психологии народов составляют те явления, которые порождает коллективная жизнь людей, то основное место среди этих явлений, как считает Вундт, принадлежит языку.

Вундт не согласен с тем, как Штейнталь и Лацарус используют понятие «народный дух». Последние считали народный дух объектом народной психологии. Вундт начинает изложение своего взгляда на этот предмет с установления различия в значении понятий «дух» (Geist) и «душа» (Seele). По его словам, еще со

времен «мифологического мышления» сохранилось употребление слова «душа» (Seele) в тех случаях, когда имеется в виду отношение к телу и телесной жизни, тогда как слову «дух» (Geist) придается значение чего-то независимого от тела. С этой точки зрения как об объекте народной психологии правильнее говорить о народной душе, а не о народном духе. В данном случае наблюдается параллелизм с эмпирической психологией, где душа понимается как «фактически данная связь психических актов».

Если мы оставим в стороне непригодное для эмпирического исследования метафизическое понятие о душе и связанную с ним фикцию о «законах» и будем понимать под «душою» лишь совокупное содержание душевных переживаний, а под психическими законами — замечаемую в этих переживаниях закономерность, то «душа народа» будет столь же приемлемым и даже необходимым объектом психологического исследования, как и индивидуальная душа [9, 21].

По мысли Вундта, произведения духа, возникающие благодаря совместной жизни членов некоей этнической группы, составляют содержание понятия «народная душа». Но это простая сумма индивидуальных единиц сознания. В результате этого соединения получаются особые психические и психофизические явления. Иначе говоря, в индивидуальной психологии, как считает Вундт, мы имеем дело с единствами психических процессов.

В этих единствах мы можем различать преимущественные направления или комбинации психических процессов, например процессы воли, чувств, представлений. Затем всю «массу» психических процессов, предстающих перед нами в индивидуальных единствах, мы можем также представить как единство, которое называем душой народа, различая теперь в нем направления и комбинации, классифицирующие эти процессы по группам, — язык, мифы, нравы. Специфическими признаками так называемой народной души Вундт считает непрерывность психических рядов развития при постоянно повторяющейся гибели их индивидуальных носителей. Проводя грань между индивидуальной и народной душой, Вундт указывает на их постоянное взаимодействие.

По Вундту, психология народов должна исследовать прежде всего область действий, вызываемых бессознательными побуждениями. Именно поэтому он указывает на первобытные народы (у которых господствует жизнь на уровне инстинктов) как на особенно важный объект народной психологии.

С позиций психолога Вундт подходит и к решению проблем языка, как-то: происхождение и развитие языка, соотношение его различных элементов, соотношение языка и мышления и т.д. Для Вундта «развитие языка есть развитие психологическое» [7, 5]. Поэтому необходимо, как считает Вундт, широко применять общие психологические законы:

Мы возьмем на помощь индивидуальную психологию там, где нам не поможет исследование народно-психологических явлений, к которым мы должны причислить языки [7, 6].

Язык понимается Вундтом как деятельность духа, с одной стороны, и деятельность тела, а именно органов речи, — с другой. Иначе говоря, **язык** — это **психофизическая деятельность человека**. Язык определяется как выражение мыслей, чувств и желаний с помощью членораздельных звуков.

Поскольку основное внимание Вундта направлено на изучение психологической основы языковых явлений, он в своих работах, в частности в основном своем труде «Психология народов» [135], тщательно анализирует «психофизические условия образования слова», рассматривает гипотезу о локализации в мозгу центров речи и подробно разбирает «психологию словесных представлений». Вундт разлагает слово с психической стороны на следующие элементы: акустическое представление звуков и соответственное моторное представление артикуляции, оптическое представление движений пишущей руки, представление значения слова и соединенный с ним тон чувства. Связь между этими элементами Вундт устанавливает с помощью излагаемого им *тахистоскопического метода*.

Пользуясь данными психологии, Вундт пытается решить проблему существования различных типов языков: корневых, агглютинативных и флективных. По его мнению, три различные формы строения языка характеризуют психологические особенности говорящих на них народов. Указанные формы «языка оказываются такими естественными ступенями психологического развития, что они необходимо должны быть и ступенями развития самого языка» [7, 75].

Ступени развития языка представляют собой ступени психологического развития человека. В сознании индивида определенную форму прежде всего принимает отдельное представление, которое и создает себе выражение в языке. Об этом свидетельствует речь Детей, представляющая собой набор отдельных слов, не соединенных флексией. «Язык китайца, состоящий исключительно из набора однокоренных слов, можно, — утверждает Вундт, — сравнить с этим лепетом ребенка» [7, 14]. Одновременно Вундт признает, что «на каждой ступени языка возможно известное развитие... этому развитию может подлежать частью богатство корней, частью совершенство грамматического строения. Вот почему китайский язык, Хотя и представляющий собою самую низшую ступень языка, может быть назван одним из самых развитых языков» [7, 13].

Итак, первичными с этой точки зрения оказываются корневые, или, как их предлагает называть сам Вундт, радикальные, языки.

Дальнейшая деятельность сознания, по Вундту, состоит в анализе представлений, которые раскладываются на отдельные признаки, каждый из которых рассматривается порознь. Затем вся сумма признаков снова соединяется в одно целое, что способствует особенно ясному доведению его до сознания. Указанная ступень психологического развития, по его мнению, ясно обнаруживается в агглютинативных языках.

Наконец, ступень инфлекционального (или флективного) языка соответствует образованию понятия. На этой ступени родственные признаки представлений соединяются, и отсюда развиваются общие представления и понятия.

Итак, «в этой метаморфозе языка и ее трех ступенях мы ясно видим развитие, идущее совершенно параллельно развитию сознания» [7, 22].

Самое происхождение языка, по его убеждению, также может быть объяснено только психологией, поскольку язык является особой и своеобразно развитой формой психофизических жизненных проявлений. Именно поэтому свою работу «Психология народов» Вундт открывает главой, которая посвящена психофизическим жизненным проявлениям, и в первую очередь так называемым выразительным (выражающим, или выразительным) движениям (*Ausdrucksbewegungen*).

Под выразительными движениями Вундт понимает «физические явления, сопровождающие аффекты» [135, т. I, 52]. Каждое изменение психического состояния обычно сопровождается изменением соответствующего физического состояния. Например, наблюдается ускорение или замедление сердцебиения, дыхания, разнообразные движения мускулов лица, движения рук и т. п.

Вундт проводит подробный разбор этих движений в связи с психическими состояниями и выдвигает свою психофизиологическую теорию¹.

В работе Вундта мы находим подробную интерпретацию этих движений. Он выделяет: 1) движения внутренние — дыхание и кровообращение; 2) мимические движения, или движения мускулов лица; 3) пантомимические движения, т.е. движения всего тела, особенно рук и ног. Все мимико-жестикационные движения делятся на указательные и подражательные (или изобразительные).

Для Вундта понятие языка не связано исключительно со звуковым языком:

¹ Следует отметить, что о «выражающих движениях», правда не употребляя этого термина, говорили и Г. Штейнталь, и А. А. Потемня. Потемня в работе «Мысль и язык» упоминал о «движениях, зависимых от состояния духа» [24, 81]. Однако ни один психолог или языковед не дал столь тщательного их психологического анализа, как это сделал Вундт.

Язык есть всякое выражение чувств, представлений или понятий посредством движения [7, 33].

Вследствие этого большое значение Вундт придавал языку жестов.

Язык жестов в философии языка Вундта представляет собой первичную ступень языка, предшествующую звуковому языку. Он развился из инстинктивных сопутствующих пантомимических движений. Однако язык жестов всегда остается до известной степени в стадии первобытного состояния. Изучение его чрезвычайно важно, поскольку для любого естественно возникшего языка всегда должен был существовать первоначальный период, когда отношение между знаком и тем, что он обозначает, было непосредственно наглядным [см. 135, т. I, 149–150].

Проводя аналогию со звуковым языком, Вундт говорит о «диалектах» в языке жестов, об их «этимологии» и даже о «синтаксисе языка жестов». Характерная синтаксическая особенность языка жестов для Вундта состоит в том, что в нем есть только простые высказывания и всякое сложное сообщение выражается в виде ряда простых высказываний. Указательные знаки соответствуют местоимениям, изобразительные — существительным, прилагательным, глаголам, а сопутствующие — суффиксам, префиксам и частицам.

Вундт распространил свое учение о выразительных движениях и на звуковую речь. Так, звуковое движение является лишь особой формой мимических движений, а косвенно — и пантомимических. По отношению к ним звуковое движение и производимый им звук представляют лишь сопутствующее движение, зависящее от остальных выразительных движений, т. е. более энергичные движения сопровождаются более сильным звуковым выражением и наоборот.

Главное преимущество звукового языка перед языком жестов заключается, по его мнению, в непосредственном и эффективном воздействии звуков на чувства. Звуковой язык ведь находится в близком родстве с музыкой.

Итак, по Вундту, язык — это лишь особая своеобразно развитая форма выразительных движений. Поэтому язык в самом широком понимании этого слова, независимо от материи, в которую он облачен, оказывается для Вундта некоей системой знаков, выражающих для других членов сообщества ход наших душевных состояний. Своеобразие языка, в частности звукового, по сравнению с прочими выразительными движениями заключается в том, что звуковое движение с самого начала оказывается мотивированным не только физически, но прежде всего психически. Отсюда:

••.Происхождение языка вполне соответствует происхождению других инстинктивных действий. Из последних язык имеет особенно боль-

шое сродство с мимическими движениями. Подобно мимике, язык основан на движении, и, подобно мимике, он служит выражением внутренней духовной жизни [7, 29].

Следует подчеркнуть то значение, которое Вундт придает обществу как созидательной силе:

Конечно инстинктивные движения, источник которых лежит в представлениях и аффектах индивидуального сознания, возможны без всякого отношения к окружающему... Но языком эти выразительные движения могут сделаться только в обществе, где люди живут в одних и тех же внешних и внутренних условиях [8, 20].

И далее уточняет: «Язык может зародиться лишь там, где существует общая духовная жизнь и где она непосредственно ощущается как общая» [8, 21].

Именно с этих позиций Вундт критикует различные теории происхождения языка как теории индивидуалистические, особенно «теорию социального договора» Руссо, а также «теорию звукоподражания», развивавшуюся Штейнталем и поддержанную Паулем.

Интересна постановка Вундтом проблемы соотношения языка и мышления. Язык предшествует мышлению или мышление предшествует языку — это, по Вундту, вопрос праздный. Он считает, что человеческое мышление и человеческий язык всегда развиваются одновременно, причем с той минуты, когда возникает язык, он является объективной мерой выраженного через него развития мышления. Но он является этой мерой только потому, что сам выступает необходимой составной частью функций мышления [см. 8, 20].

К проблеме описания языка Вундт также подошел как психолог. Так, рассмотрев основные вопросы традиционного синтаксиса, Вундт дал психологическую интерпретацию таким вопросам, как различные типы предложения, порядок слов в предложении и т.д.

Считая предложение важнейшей единицей языка, Вундт уделил большое внимание его определению. Ни логические определения предложения, ни имеющиеся психологические определения не удовлетворяют его. Особенно не удовлетворяли Вундта психологические определения, признававшие критерием предложения не его форму, а известные психологические движения. В соответствии с этим определением предложением может быть признано даже междометие, если только в психике произносящего соединяется несколько представлений.

По Вундту, в вопросе о сущности предложения речь может идти только о его языковой природе. Для него не существует предложения, которое бы состояло только из представлений без перевода этих представлений в языковые знаки [см. 135, //, 230].

Вундт решительно отвергает положение о том, что предложение представляет собой «соединение представлений» или «соединение слов». По Вундту, психологической основой образования предложения является **не соединение** представлений в единое целое, а, напротив, их **разложение**:

Предложение — это языковое выражение произвольного расчленения целого сложного представления на его составные части, поставленные в логические отношения друг к другу [135, //, 240].

Разложение целого сложного представления, по Вундту, всегда бинарно. Оно расчленяется на две соответствующие главным грамматическим частям предложения части, два отдельных составляющих его представления, которые, в свою очередь, делятся также на две части, и т.д. Например, первое представление делится на самый субъект и его свойство, второе — на процесс действия и объект действия. В результате образуется группа представлений, поставленных в логические отношения друг с другом.

Логически необходимое расчленение, производимое последовательно, — это акт внимания, акт *апперцепции*. Если представления возникают сами собой без логической необходимости и последовательности, то это ассоциация представлений. Путем последовательного бинарного членения образуются замкнутые структуры, путем «вольной ассоциации» представлений — открытые структуры. Последние, по его мнению, характерны для языков первобытных народов, где господствует еще не апперцепция, а ассоциация представлений. Замкнутые конструкции — результат аналитического, научного мышления и выражения, открытые — синтетического, ненаучного, поэтического.

Различие между предложением и словом заключается, по Вундту, лишь в том, что если предложение есть полное выражение представления, то слово — это лишь частичное его выражение. Слова получают путем расчленения предложения. В начале своего развития слово соответствовало только лишь одному индивидуальному представлению в виде его звукового эквивалента.

В основу грамматических категорий Вундт кладет понятия, т.е. **Категории** логические, причем формирование частей речи, по его **Мнению**, происходит одновременно, параллельно с выделением **Членов** предложения. По Вундту, классы всеобщих форм слова должны совпадать с классами всеобщих форм понятий, лежащими в основе выражения мыслей. Основными категориями понятий являются: предмет, свойство и состояние. Соответственно раз-

личаются и формы слов любого языка: существительное, прилагательное и глагол.

Философия языка Вундта составляет часть его изысканий в области этнической психологии (психологии народов). В отличие от основателей этнической психологии — Лацаруса и Штейнталя — Вундт не рассматривает язык как одну из форм непосредственной «эманации народного духа», но старается выявить его социальный характер, определяя его как «общезначимый продукт коллективной духовной деятельности в процессе развития человеческого общества».

В основе социально-этнических воззрений Вундта лежит мысль, что жизнь личности обусловлена языковыми, религиозными и бытовыми отношениями внутри социального коллектива. Вундт утверждает примат социального над индивидуальным. Общество есть самый могучий из всех факторов истории. Поскольку, однако, объектом этнической психологии, по Вундту, является анализ лежащих в основе этой деятельности психических актов, социальный момент отступает для Вундта на второй план, и его система лингвистики носит не социологический, а психологический характер.

Особая позиция Вундта в сравнении с другими представителями психологического направления заключается в **отказе от ассоциативизма** Гербарта, на котором базировалась система Штейнталя, и в замене ассоциативной психологии психологией волюнтаристической. В отличие от Штейнталя в основу психологического толкования языковых фактов Вундт положил апперцепцию в противоположность ассоциациям Гербарта.

Благодаря этому многие лингвистические факты получают у него иное объяснение. Так, в области фонетических изменений Вундт решительно отводит чисто физиологическое объяснение звуковых сдвигов, а также объяснение их языковым смещением. Он допускает действие только психофизиологических факторов в ходе изменений звуков, среди которых особое внимание уделяет фактору речевого темпа.

Иначе интерпретирует Вундт и явления аналогии, в которых он различает грамматическую и семантическую аналогии.

В области морфологии он уделяет особое внимание учению об основных и относительных элементах слова, в области синтаксиса — учению о предложении как о едином психическом целом < расчлененном на взаимно отнесенные части (что прямо противоположно штейнталевской концепции предложения как сочетания представлений).

В области семасиологии он выдвигает положение об апперцепции как основном факторе именовании (наименование по детерминирующему признаку), стремясь в то же время постро-

ить чисто психологическую классификацию семантических изменений.

Вундт стремится раскрыть первоначальную сущность слова как звукового жеста — указующего или изображающего — и обосновать свою теорию происхождения языка как результата эволюции в **Б** **Р** **ажательных** движений.

Следует отметить, что под влиянием труда Вундта «Психология народов» среди определенной части лингвистов в XX в. возникло увлечение теорией первичности языка жестов, а учение Вундта о грамматических классах привело к новому истолкованию категории грамматического рода, ее генезиса в индоевропейских и семитических языках¹.

Современные Вундту лингвисты, младограмматики, отрицательно отнеслись к его философии языка. Более благожелательное отношение идеи Вундта встретили у лингвистов XX в., особенно у неогумбольдтианцев и у представителей антропологической лингвистики.

3. *Философия языка А. А. Потебни*

Александр Афанасьевич Потебня (1835—1891) — крупнейший исследователь в области русского языка, поэзии и фольклора, а также общего языкознания.

Жизнь Потебни тесно связана с Харьковским университетом, где он учился и где с 1863 г. протекала вся его научно-исследовательская и педагогическая работа.

А. А. Потебня был великолепным лектором, производившим большое впечатление на аудиторию, о чем с большим чувством говорится в воспоминаниях одного из его слушателей, А. Г. Горнфельда:

«Нас охватывала эта атмосфера мышления, это волнение творчества, это мучительное счастье стремления к истине, той настоящей, большой истине, нам сообщалась эта невысказанная горячая вера в будущее.

¹ Наиболее значительное влияние психологические и лингвистические идеи Вундта оказали на его современника О. Дитриха, психолога и лингвиста, которого можно считать учеником Вундта. Влияние философии языка Вундта отчетливо проявлялось в работе Дитриха «Основы психологии языка» [49]. Однако и он в своей более поздней работе «Проблемы языковой психологии» [50] в значительной мере отходит от положений Вундта и от своих прежних воззрений. * частности, по собственному признанию Дитриха, в результате лингвистических исследований он приходит к выводу, что психология языка как научная дисциплина должна обладать значительной самостоятельностью по отношению к общей психологии, поскольку исследователь в своей работе не только психолог, но и лингвист. Вундтовское определение языка, по мнению Дитриха, является удовлетворительным с точки зрения языкознания в силу своей односторонности. При определении языка, как отмечает Дитрих, нельзя не учитывать, что язык совершает работу не только в сфере выражения (ein Ausdruck), но также и в сфере впечатления (ein Eindruck).

В ответ на слова учителя наш внутренний мир вибрировал в том же тоне, том же тембре, в том же настроении. Мы не аплодировали — это было важнее рукоплесканий, — но каждый уносил домой сознание, что в нем произошло нечто хорошее, что сегодняшний день не потерян, что жить и работать еще можно и должно [36, 11–12].

А в воспоминаниях одного из последних его слушателей, Р. И. Каширенинова, находим такие строки:

«Вдруг речь коснулась какого-нибудь вопроса, близкого его уму и чувству ученого... Трепещут сердца слушателей, души их рвутся за могучим полетом орлиной мысли, а горящие глаза не отрываются от этого озаренного вдохновением и бесконечно дорогого им лица обожаемого Александра Афанасьевича» [3, 3].

А.А. Потебня воспитал большую группу крупных лингвистов. Среди них: Д. Н. Овсянко-Куликовский, А. В. Попов, В. И. Харциев и др. Школ Потебни прошли Б.М. Ляпунов, М.А. Колосов, А.И. Соболевский.

В 1877 г. А.А. Потебня был удостоен Академией наук Ломоносовской премии за первый том его капитального труда «Из записок по русской грамматике» [26]. В 1891 г. Русское географическое общество, по отделению этнографии, присудило ему свою высшую награду — Константиновскую медаль.

Работы Потебни при жизни были мало известны широкой научной общественности. Впрочем, и в настоящее время его творчество еще не достаточно освещено и нуждается в глубоком осмыслении и систематическом исследовании.

К числу наиболее важных работ Потебни, в которых находят свое отражение его общелингвистические взгляды, относятся: «Мысль и язык» [24]; «Из лекций по теории словесности» [25]; «Из записок по русской грамматике» (в четырех томах) [26]; «Из записок по теории словесности» [23]; «К истории звуков русского языка» [27]. Кроме того, большой интерес представляют исследования Потебни по фольклору, поэтике, русистике и славистике, диалектологии. Перечислим основные из них* «Объяснение малорусских и сродных народных песен» [28]; «Слово о полку Игореве» [29]; «Заметки о малорусском наречии» [30]; «Два исследования о звуках русского языка: I. О полногласии. II. О звуковых особенностях русских наречий» [31]; «О некоторых символах в славянской народной поэзии» [32]; «О мифическом значении некоторых обрядов и поверий» [33]; «Значения множественного числа в русском языке» [34]; «О ейязи некоторых представлений в языке» [35].

А.А. Потебня интересовался очень многими проблемами. Он занимался вопросами философии языка, общего языкознания, морфологии, фонетики, синтаксиса, семасиологии русского и других славянских языков, диалектологией, сравнительно-исторической грамматикой индоевропейских языков (особенно славянских языков). Кроме того, Потебня много внимания уделял поэтике, проблеме языка художественных произведений и взаимоотношения языка и искусства. Его глубоко волновала эта область семиотики. Он был одним из первых ученых, кто начал из>”

чать семиологические проблемы с позиций и методами языкознания.

А.А. Потебня стремился к постановке основных, принципиальных вопросов филологической науки. Даже в своих на вид очень «узких» работах он всегда пытался осветить широкие проблемы.

Философские воззрения Потебни восходят к идеям классического периода немецкой философии, с которой он мог познакомиться по сочинениям И.Канта, И.Фихте, Ф.Шеллинга и Г.Гегеля, а также через работы В.Гумбольдта и Г.Штейнталя.

Идеи философии языка Гумбольдта, особенно общие положения его теории искусства и науки как явлений человеческого сознания, их связь с языком, оказали огромное воздействие на Потебню. Эти проблемы Потебня воспринимал под углом зрения философии психологизма, господствовавшей в современном ему языкознании. Особенно большое влияние на него оказали психологическая теория И. Гербарта и положения этнической психологии М.Лацаруса и Г. Штейнталя.

Конкретные работы Потебни по исследованию языковых явлений остаются вне руслу младограмматического течения, хотя в 1880-х годах младограмматизм, открывший новый этап сравнительно-исторического языкознания, занимал господствующее положение (см. главу 6) и большинство лингвистов того времени работали именно в рамках младограмматического кредо. Особое место Потебни в истории языкознания объясняется тем, что его в первую очередь интересовали вопросы философии языка, интересовали вопросы языка как явления культурного, культурно-исторического, психологического, интересовали проблемы соотношения языка и мышления, языка, мышления и культуры. Поэтому характерная для компаративистики периода младограмматизма эмпирическая проблематика оказывается в основном на периферии его лингвистических интересов.

В тридцатилетней научной деятельности Потебни ясно различимы два периода.

Первый период (1860— 1865 гг.) — это исследовательская деятельность, связанная с разработкой философско-психологической теории языка на базе критического осмысления идей Гумбольдта и Штейнталя, а также психологических исследований И. Ф. Гербарта и Г. Лотце. В этот период Потебня выступает преимущественно как психолог и философ в языкознании.

Во второй период (1865—1891 гг.) Потебня работал преимущественно в области диалектологии, грамматики и фонетики русского языка, отчасти и других славянских языков, используя при этом данные, добытые в индоевропеистике.

Главной проблемой, интересовавшей Потебню на протяжении всей его творческой деятельности и нашедшей отражение во всех его трудах, была проблема соотношения языка и мышления.

Уже в своих ранних трудах Потебня поставил вопрос об отношении языка к мысли. В работе «Мысль и язык» [24] Потебня ставит перед собой задачу проследить механизм объективирования чувственных данных индивидуальной психической жизни как процесса последовательных форм человеческого познания. В рамках этой общей схемы он строит теорию поэзии и прозы, искусства и науки. Речь идет о разработке проблем психологии художественного и научного мышления.

Основы этой теории были заложены еще Гумбольдтом, а затем по-своему ее разрабатывал и развивал Штейнталь. Однако глубокое обоснование и четкое построение этой теории целиком принадлежит самому Потебне.

В концепции Гумбольдта, как известно, преимущественное внимание уделяется развитию идеального абсолютного сознания, в той или иной форме проявляющегося в языке.

Лингвистический психологизм утверждает, что все развитие языка обусловлено развитием индивидуального человеческого мышления.

Потебня принимает положения Гумбольдта о творческой роли языка, но что касается конкретных проблем развития и становления языка в целом и отдельных его элементов и категорий, то здесь он следует положениям психологизма. Более того, Потебня пытается интерпретировать и развивать идеи Гумбольдта с позиций психологизма.

От Штейнталья Потебня воспринимает положение о необходимости сосредоточить внимание лингвистики на изучении народного творчества, особенно песен, сказаний, сказок, пословиц и т.д.

Однако Потебня в отличие от Штейнталья не склонен рассматривать так называемую народную психологию как всеобъемлющую науку о человеческом духе или интеллектуальной деятельности человека вообще.

Если народная психология Штейнталья—Лацаруса лишь подходит к проблемам общего языкознания, но не является собственно языковедческой наукой и не имеет собственного достаточно четко очерченного объекта исследования, то работы Потебни отражают его стремление оставаться в пределах языкознания. Потебня ограничивается проблемами языкового и художественного творчества. При этом Потебня в значительно большей степени, чем Штейнталь, сосредоточивает внимание на индивидуальном акте речи.

Положения Потебни, как и положения Штейнталья, базируются на ассоциативной психологии Гербарта, в соответствии с которой образование представлений механически управляется психическими законами ассимиляции, апперцепции и ассоциации. На основании этих законов и Потебня, и Штейнталь пытаются объяснить как происхождение языка, так и процессы его развития.

В работе «Мысль и язык» Потебня выступает прежде всего как последователь идей Гумбольдта, утверждая вслед за ним, что поэзия и проза, искусство и наука обретают жизнь в языке и обусловлены языком. Потебня отмечал, что он часто подумывал о работе, носящей два заглавия: для публики — «Об изменении значения и заменах существительного», для него самого — «Об устранении в мышлении субстанций, ставших мнимыми» или «О борьбе мифического мышления с относительно научным в области грамматических категорий» [36, 43; 4, 12].

Знания, по Потебне, имеют формы, которые зависят от форм языка; с изменением грамматических разрядов изменяются и разряды мысли. Положение об активной роли языка в становлении, например, научных категорий очень ясно формулируется Потебней в следующих словах:

В основании лежит мысль, что философские обобщения таких-то имени ученых, основанные на философской работе безымянных мыслителей, совершающейся в языке, что, например, математика, оперирующая с отвлеченным числом, отвлеченною величиною, возможны лишь тогда, когда язык перестает ежеминутно навязывать мысль о субстанциональности, вещественности числа, а в противном случае величайший математик и философ, как Пифагор, должен остаться в этой субстанциональности [4, 12].

Язык не выражает уже готовой мысли, а создает ее (подобные идеи встречаются уже в универсальной грамматике XVIII в.):

Язык мыслим только как средство (или, точнее, система средств), видоизменяющее создания мысли: его невозможно бы понять, как выражение готовой мысли [23, 27].

Именно поэтому Потебня рассматривает язык как основной способ мышления и познания, как творческую деятельность, организующую мысль.

Потебня идет в этом вопросе за Штейнталем:

...Область языка далеко не совпадает с областью мысли. В середине человеческого развития мысль может быть связана со словом, но в начале она, по-видимому, еще не доросла до него, а на высокой степени отвлеченности покидает его, как не удовлетворяющего ее требованиям и, как бы потому, что не может вполне отрешиться от чувственности, ищет внешней опоры только в произвольном знаке [24, 36].

Потебня, как и Штейнталь (ср. [122, 153 и сл.]), отмечает несовпадение языка с мыслью уже в том, что творческая мысль живописца, ваятеля, музыканта не выражается посредством слова и совершается без него, а в математике самые сложные «соображения совершаются только с помощью условных знаков», хотя, как

он тут же признает, необходимая для этого степень развития достигается только посредством языка.

В целом ряде положений Потебня подчеркивает неразрывную связь языка и мышления. Так, он пишет:

Не следует, однако, забывать, что умение думать по-человечески, но без слов, дается только словом, и что глухонемой без говорящих или выученных говорящими учителями... оставался бы почти животным [24, 132].

При этом, подчеркивая роль звукового языка, Потебня отмечает, что глухонемой, очевидно, «никогда не достигает того совершенства умственной деятельности, какое возможно для говорящих» [24, 36]. И естественно, огромная роль здесь отводится слову, в котором «впервые человек создает свою мысль» [24, 134]. Мысль, по Потебне, вскармлена словом [24, 134].

Из идей Гумбольдта особенное внимание и поддержку со стороны Потебни нашел взгляд на язык не как на сложившийся продукт, а как на деятельность. Эту мысль Потебня широко и критически использовал в своей исследовательской практике. Потебня не сомневался, что в каждом языке потенциально заложены средства обеспечения все новых смысловых возможностей, все новых и новых стилей. Именно поэтому, подчеркивая, что «прогресс и языке есть явление несомненное» [24, 7], Потебня говорил, что «определение языка как работы духа, представляя существенным признаком языка движение, прогресс, возвышает Гумбольдта над всеми предшествующими теориями» [24, 24].

Уделяя много внимания положению о языке как деятельности, в процессе которой непрерывно происходит обновление языка, его развитие, Потебня рассматривал язык как поток непрерывного словесного творчества. Именно в этом контексте следует рассматривать его интерес к проблеме речи, ее роли в жизни языка, особенностям функционирования единиц языка в речи.

Речь, по Потебне, тождественна высказыванию. Отсюда слово, которому Потебня отводит так много места в своих исследованиях, также рассматривается им только в речи. Этим обуславливаются и те характеристики, которые он выделяет в слове.

Действительная жизнь слова, по его мнению, совершается в речи, поскольку в действительности реально нам дана только речь. Значение слова реализуется, по Потебне, только в речи. Изолированное слово мертво, не функционирует, не обнаруживает ни своих лексических, ни тем более формальных свойств, потому что их не имеет. Потебня подчеркивает:

...Слово в речи каждый раз соответствует одному акту мысли, а не нескольким, т.е. каждый раз, как произносится или понимается, имеет более одного значения» [26, 3].

Именно поэтому Потебня считает, что малейшее изменение в значении слова делает его другим словом. В силу того что каждое слово в речи в каждый данный момент соответствует одному, и только одному, акту мысли, Потебня отвергает многозначность, полисемию слов и утверждает «одноточность различных слов» [26, / - Д 4].

Такое решение данной проблемы объясняется, конечно, и особенностями психологического подхода Потебни ко всем проблемам языка. Явления языка он стремится изучать через посредство изучения явлений индивидуальной психики. В силу этого Потебня сосредоточивает свое внимание на исследовании индивидуально-акта речи, осознаваемого им как индивидуально-неповторимый акт духовного творчества. Как отмечал академик В.В.Виноградов, «психологическое и, следовательно, генетическое понимание творческого языкового процесса побудило Потебню истолковывать разные значения одного слова как последовательный ряд возникающих друг из друга и опирающихся один на другой мыслительно-речевых актов, создающих разные слова» [5, 116].

Другая мысль Гумбольдта также получила свое развитие в творчестве Потебни. Речь идет о знаменитом тезисе Гумбольдта: всякое понимание есть непонимание (непонимание, т.е. неполное понимание, или понимание по-своему), всякое разумение есть недоразумение (недоразумение, т.е. не полное разумение). И это положение Потебня объясняет с позиций психологизма.

К этому положению Гумбольдта нередко подходили упрощенно, и суть его мысли оказывалась почти утраченной. Потебня, восприняв идею Гумбольдта, истолковывает «непонимание» не столько как факт обязательного отклонения от мысли, идущей от сообщаемого, сколько как «понимание по-своему», как творческую работу воспринимающего, как то новое, что, получая возбуждение от другого, слушающий творчески привносит от себя, а с другой стороны, что-то, может быть, не улавливает, поскольку его опыт иной. Для него возбуждение извне — повод для развертывания чего-то своего. Подчеркивая это положение, Потебня пишет следующее: «Люди, говорит Гумбольдт, понимают друг Друга не таким образом, что действительно передают один другому знаки предметов («вроде тех, посредством коих велись беседы в немом царстве, которое было посещено Гулливером»), и не тем, что взаимно заставляют себя производить одно и то же понятие, а тем, что затрагивают друг в друге то же звено цепи чувственных Представлений и понятий, прикасаются к тому же клавишу своего духовного инструмента, вследствие чего в каждом восстают соответствующие, но не те же понятия» [24, ПО].

По Потебне, полное, совершенное понимание невозможно. Объясняя это положение, Потебня приводит в качестве примера слово *стал*. Значение этого слова для него заключается в совокуп-

ности тех впечатлений, которые индивид получил от столов, которые он видел раньше [25, 127]. Кроме того, как подчеркивает Потебня, сюда присоединяются и наши воспоминания, так как значение слова составляется и из них. А воспоминания всех людей различны. Каждый «новый образ в каждой душе застаёт другое сочетание прежних восприятий, другие чувства, и в каждой образует другие комбинации» [24, ПО].

По мнению Потебни, «мысли говорящего и понимающего сходятся между собою только в слове. Графически это можно бы выразить двумя треугольниками, в которых углы BAC и DAE , имеющие общую вершину A и образуемые пересечением двух линий BE и CD , необходимо равны друг другу, но все остальное может быть бесконечно разнообразно. Говоря словами Гумбольдта, "никто не думает при известном слове именно того, что другой"» [24, 109]. «Поэтому,— подчеркивает он,— всякое понимание есть вместе непонимание, всякое согласие в мыслях — вместе несогласие» [24, 110]. Потебня далее говорит:

Правда, что содержание, воспринимаемое посредством слова, есть только мнимозвестная величина, что думать при слове именно то, что другой, значило бы перестать быть собою и быть этим другим, что поэтому понимание другого в том смысле, в каком обыкновенно берется это слово, есть такая же иллюзия, как та, будто мы видим, осязаем и прочие самые предметы, а не свои впечатления [24, 110—111].

Именно поэтому, по Потебне, перевод невозможен без изменения смысла, ибо мысль сама по себе непередаваема. Слово одного языка не тождественно и не может быть тождественным слову другого языка, хотя бы они и относились к одному и тому же предмету или явлению.

Потебня стремился прежде всего к вскрытию общих закономерностей в процессе образования и эволюции человеческой речи, поскольку это способствовало бы решению таких кардинальных проблем философии и языкознания, как соотношение языка и мышления и происхождение языка.

Обе эти проблемы ставятся Потебней в строго психологическом плане. Для Потебни вопрос о происхождении языка является вопросом «о явлениях душевной жизни, предшествующих языку, о законах его образования и развития, о влиянии его на последующую душевную деятельность, т.е. вопросом чисто психологическим» [24, 38]. Именно через психологическое наблюдение современных процессов речи может быть найден ключ к пониманию того, как эти процессы совершались на заре человечества.

С этих позиций Потебня возражает Шлейхеру и другим сторонникам теории о двух периодах в генезисе языка, согласно которой языки в исторический период находятся в состоянии распада и омертвления:

Так называемое падение языка, которое Шлейхеру казалось постепенным его омертвлением, с точки зрения Гумбольдта представляется постоянным повторением первого акта создания языка [24, 38].

Для установления этих общих языковых закономерностей Потебня углубленно изучал формы словесного творчества — индивидуального и народного.

В качестве непосредственного объекта исследования Потебня избрал жизнь русского слова в его значениях и старался проследить процесс изменения значений слова на фоне общеславянской и — шире — индоевропейской базы, пытаясь вскрыть механизм внутренней жизни слов и выражений.

Строго придерживаясь психологической концепции языка, Потебня описывает процесс образования слов как процесс создания представлений, который управляется психическими законами ассимиляции, апперцепции и ассоциации.

В каждом слове, за исключением первых слов человеческого языка, которые Потебня определяет как напоминающие междометия, действие мысли состоит, по его мнению, в соположении двух мысленных комплексов: а) вновь познаваемого, ранее неизвестного и б) прежде уже познанного, т.е. того, что составляет уже готовый запас мысли. Общее между вновь познаваемым и прежде познанным называется по-латыни *tertium comparationis*, т.е. третья величина при двух сравниваемых. Самый процесс познания есть процесс сравнения [см. 25, 130].

Признак, по которому мы в слове обозначаем вновь познаваемое, и называется представлением [25, 131].

Мысль человека по содержанию, как считает Потебня, есть или образ, или понятие. Средством развития мысли, средством преобразования образа в понятие служит только слово.

По мнению Потебни, образование слова — весьма сложный процесс. Вначале возникает простое отражение чувства в звуке, как, например, у ребенка, который под влиянием боли невольно издаст звук «вава». Затем — сознание звука. Наконец, сознание «содержания мысли в звуке», для чего необходимо понимание этого звука другими [см. 24, 82]. Возникшее в результате сложного **Процесса** слово есть средство прежде всего понимать самого себя. Слово потому служит посредником между людьми и устанавливает между ними разумную связь, что в каждом человеке оно «назначено посредствовать» между его новым восприятием и находящимся вне сознания прежним запасом мысли [см. 24, 80и сл.].

При создании слова, а равно и в процессе речи и понимания, **Полученное** впечатление подвергается новым изменениям, как бы вторично воспринимается. Это вторичное восприятие Потебня **Называет** *апперцепцией*.

Апперцепция, согласно его взглядам, наблюдается повсюду, где данное восприятие объясняется наличным запасом других восприятий, и соответственно «апперцепция есть участие сильнейших представлений в создании новых мыслей» [24, 96]. (Законы же образования целых последовательностей представлений, рядов представлений — это *ассоциация* и *слияние* последних.) В качестве примера апперцепции Потебня приводит рассуждения по поводу списка «мертвых душ», купленных Чичиковым, где каждая фамилия и профессия лица вызывают к жизни целую картину.

Слово, как утверждает Потебня, состоит из трех элементов: звука (либо комплекса звуков), знака, или представления, и значения. Знак, по Потебне, покоится на значении прежнего слова. Так, по его словам, если ребенок назвал слово *абажур* словом *арбузик*, признак шаровидности и образует «знак значения этого слова».

Потебня исходит из подсказанного Гумбольдтом понимания природы слова, главным образом из того, что последний назвал «внутренней формой». В слове, согласно этому пониманию, есть два содержания — субъективное и объективное. Потебня разъясняет это положение следующим образом.

Слово выражает не всю мысль, которую принимают за его содержание, а только один ее признак. Образ стола, например, может иметь много признаков, но слово *стол* значит только 'постланное' (корень *стл* тот же, что и в глаголе *стлать*), и поэтому слово *стол* может одинаково обозначать всякие столы, независимо от их формы, величины, материала. Под словом *окно* понимают обыкновенно раму со стеклами, тогда как, судя по сходству со словом *око*, оно означает: 'то, куда, сквозь что смотрят; или то, куда, сквозь что проходит, поступает свет'. Вот это значение (или содержание), заключающее в себе только один признак, и является объективным содержанием, или, как Потебня иначе называл его, *ближайшим этимологическим значением слова*. Другое содержание, в котором может быть множество признаков, он называет *субъективным* [см. 24, 83].

По Потебне, «ближайшее значение слова народно, между тем дальнейшее, у каждого различное по качеству и количеству элементов, — лично»; [26, т. /— II, 9]. Если исключить субъективное значение слова, то в каждом слове, по его мнению, «останется только звук, т.е. внешняя форма, и этимологическое значение, которое тоже есть форма, но только внутренняя» [24, 83]. Следует отметить, что хотя вопрос о внутренней форме занимает в **его** общелингвистической концепции очень важное место, единого и достаточно полного определения внутренней формы Потебня нигде не дает. Вместо этого по ходу рассуждения он формулирует несколько определений внутренней формы, характеризующих ее с разных сторон.

Прежде всего внутренняя форма представляет собой одну из важнейших особенностей слова, определяющую понимание любого слова.

В связи с этим внутренняя форма, во-первых, рассматривается как «этимологическое значение» слова или «ближайшее этимологическое значение слова» [24, 83, 146].

Во-вторых, «внутренняя форма слова есть отношение содержания мысли к сознанию; она показывает, как представляется человеку его собственная мысль» [24, 83]. Поясняя это положение, Потебня говорит, что мысль о *туче* представлялась народу по одному из своих признаков, именно по тому, что она вбирает в себя воду или изливает ее из себя, откуда и происходит слово *туча* (корень *ту* — пить и лить). Поэтому польский язык имел возможность тем же словом *tega* (где тот же корень) назвать радугу, которая по народному представлению вбирает в себя воду из криницы.

В-третьих, внутренняя форма есть «центр образа, один из его признаков, преобладающих над всеми остальными» [24, 116]. Это очевидно, отмечает он, во всех словах позднейшего образования с ясно определенным этимологическим значением (*бык* — ревуший, *волк* — режущий, *медведь* — поедающий мед, *пчела* — жужжащая и пр.) [см. 24, 116].

В-четвертых, внутреннюю форму следует рассматривать не как образ предмета, а как «образ образа, т.е. представление» [24, 117]. Итак, у каждого слова, по Потебне, следует различать внешнюю форму, т.е. членораздельный звук, и внутреннюю форму.

Термин «внутренняя форма» Потебня употребляет главным образом в работе «Мысль и язык». В труде «Из записок по русской грамматике» [26] он под влиянием Г. Штейнталя пользуется терминами «представление» и «знак».

Понятие внутренней формы Потебня со слова переносит также и на произведения искусства. В этом случае под внутренней формой понимается способ, каким выражается содержание произведения.

Распространение понятия внутренней формы на произведения искусства, по его мнению, возможно и целесообразно в силу наличия тесной связи между языком и искусством:

Язык во всем своем объеме и каждое отдельное слово соответствует Искусству, притом не только по своим стихиям, но и по способу их соединения [24, 151].

Среди всех произведений искусства Потебня особенно большое внимание уделяет поэтическим произведениям, поскольку он устанавливает значительное сходство между последними и словом. Слово, сохраняющее представление, или внутреннюю форму — это образное, поэтическое слово. Такое слово, по Потебне, само по себе уже есть поэтическое произведение. Поэтическое

произведение, утверждает Потебня, по существу аналогично слову. Если слово служит средством для сообщения мысли, то только потому, отмечает Потебня, что благодаря ему (слову) в слушающем возникает процесс создания мысли, подобный тому, какой происходил ранее в говорящем. Аналогично этому «поэтическое произведение, будучи таким объективированием мысли, как слово, также прежде всего нужно не для слушателей, не для публики, а для самого поэта. Оно есть создание мысли, в смысле преобразования запаса мысли, который был до этого создания» [25, 134]. Вся разница между словом и поэтическим произведением заключается в большей сложности последнего [см. 25, 132].

В связи с теорией внутренней формы Потебня высказывает глубокие и тонкие суждения о **соотношении языка поэзии и прозы**. Он считает, что символизм языка может быть назван его поэтичностью, а забвение, исчезновение внутренней формы — прозаичностью [см. 24, 145]. Именно в силу этого вопрос об изменении внутренней формы оказывается тождественным вопросу об отношении языка к поэзии и прозе, иными словами — вопросу о литературной форме вообще.

Произведения искусства, отмечает Потебня, есть сочетание «содержания, или идеи», «внутренней формы, образа, который указывает на это содержание» и «внешней формы, в которой объективируется художественный образ»; они (произведения искусства) теряют свою ценность с забвением внутренней формы [см. 24, 148- 151].

По мнению Потебни, имеет место постоянная смена поэтического и прозаического мышления, причем эта смена «идет без конца и назад и вперед» [25, 124]. Указанный процесс на одном этапе представляет собой превращение поэтического слова, т.е., по терминологии Потебни, «слова с представлением», в прозаическое слово, т.е. «слово без представления». Причиной такого перехода является расширение значения слова. Однако «самое расширение значения происходит при помощи поэтической формы» [25, 124]. Иначе говоря, на другом этапе вновь возникает поэтическое слово, т.е. вновь налицо поэтическое мышление.

Такому превращению очень способствуют ассоциации. Именно ассоциации, по Потебне, помогают превращению слова или выражения в пословицу или в поэтическое произведение. Потебня иллюстрирует это следующим примером:

При переходе изречения «не выносить сору из избы» в пословицу возможны были разные ассоциации. То, что переносится из избы, есть речь, а речь есть шум, а слово шум имеет двойное значение: шумящая вода производит звук и пену, а пена есть сор. Возможна и другая ассоциация, дающая другой результат. То, что выносится из избы: кляззы, сплетни и т.п. это в некотором роде отбросы, щепки [25, 107]-

В учении Потебни о художественном слове как одном из проявлений связей языка и мышления важное место занимает также механизм, называемый им *сгущением мысли*.

Сгущение мысли происходит, по мнению Потебни, и в сфере поэтической, и в сфере прозаической. Суть этого механизма заключается в том, что человеческое сознание, его размеры и возможности, ограничено. Сознание напоминает небольшую сцену, и единственный способ обнять мыслью возможно большее количество явлений заключается в том, чтобы «свести разнообразные явления к сравнительно небольшому количеству знаков или образов» [25, 98]. Это как раз, по мнению Потебни, и делают искусство, художественная речь и в конце концов всякая речь.

Потебня замечает, что для того, у кого «поэтический образ является средоточием десяти, двадцати, тридцати отдельных случаев и для кого эти отдельные случаи связались между собою и образовали отвлеченный вывод, для того поэтический образ содержательнее, многозначительнее, чем для того, которому он говорит только то, что заключено в самом образе» [25, 98]. Именно поэтому, отмечает Потебня, так долго живут и передаются из поколения в поколение басни и пословицы, которые служат ответом на вопросы, возникающие при каждом сложном случае, разъясняют его и сводят множество заключенных в нем разнообразных черт к небольшому количеству. Последнее возможно потому, что художественное произведение является не просто средством выражения уже готовой мысли, а одновременно и способом создания последней. В качестве примера Потебня приводит стихотворение М. Ю. Лермонтова «Парус» и другие произведения, в которых получает свое оформление, свое художественное выражение определенная мысль [см. 25, 147 и сл.].

Следует помнить, что эта теория художественного слова основывается на глубоком убеждении Потебни в том, что «искусство есть язык художника, и как посредством слова нельзя передать Другому свою мысль, а можно только пробудить в нем его собственную, так нельзя ее сообщить в произведении искусства; поэтому содержание этого последнего (когда оно окончено) развивается уже не в художнике, а в понимающих» [24, 153].

Суждения Потебни по поводу художественного произведения не раз подвергались критике. Так, В. Шкловский считает, что Потебня уравнивает образность и поэтичность. «В действительности же такого равенства не существует. Для его существования было бы необходимо принять, что всякое символическое употребление слова непременно поэтично, хотя бы только в первый момент создания данного символа. Между тем мыслимо употребление слова в непрямом его значении, без возникновения ¹¹При этом поэтического образа...» [38, 5].

Л.С. Выготский считает, что теория Потебни исходит из того, что слово непременно обладает наглядностью. В связи с чем Выготский

рассматривает концепцию Потебни как ошибочную. Он пишет: «Само по себе слово, которое является настоящим материалом поэтического творчества, отнюдь не обладает обязательно наглядностью, и... следовательно, коренная психологическая ошибка заключается в том, что на месте слова сенсуалистическая психология подставляет наглядный образ» [10, 62].

Возможно, известная односторонность анализа Потебнею художественного произведения проявляется в том, что при всех оговорках относительно применяемой им аналогии она оказывается ведущим средством создания и истолкования художественных произведений. Слово рассматривается прежде всего как механизм индивидуального акта, духовной деятельности. В связи с этим преувеличенно подчеркивается и восприятие слушающими сказанного как «понимание по-своему».

Изучая проблему отношения поэтического произведения к слову, выясняя вопрос о видах поэтической иносказательности, в частности о тропах и фигурах, Потебня ставит **вопрос об изменении мышления** и устанавливает два приема мышления: поэтический и мифический.

При *мифическом мышлении*, как считает Потебня, мысль строит умозаключение как простое сравнение, например: солнце — это колесо, отсюда — небесная колесница. При мифическом мышлении мысль движется чрезвычайно медленно, и текущие впечатления заполняют все сознание.

Напротив, при *поэтическом мышлении* мысль движется вперед громадными скачками, причем устанавливается определенное, совершенно особое отношение между образом и значением.

Последнее не исключает родственности обеих категорий: мифа и поэзии. Различие заключается в том, что миф не проводит, а поэзия проводит четкое различие между познаваемым и орудием познания.

Изучение мифов, преданий, живущих в словах, в языке, по мнению Потебни, необычайно важно потому, что они тесно объединяют людей в общество. Единство по языку с содержательной и внешней стороны, утверждает он, более тесно, чем единство по религии, единство экономическое, политическое и т.п. В связи с этим он заявляет следующее:

Единственное, незаменимое ничем и непреходящее условие существования народа есть единство языка [24, 222].

В отличие от поэзии наука, по Потебне, есть процесс объективирования искусства. Язык науки представляет собой высшую ступень прозаического языка. Он оперирует уже не образами, а значениями, возведенными на высшую ступень понятий. Прозаическое слово отличается от поэтического тем, что непосредственно сочетает звуковой комплекс со значением [см. 24, 166].

Самой монументальной работой Потебни является его четырехтомный труд «Из записок по русской грамматике» [26]. В нем он пытается соединить философию языка с конкретным лингвистическим исследованием. На материале эволюции предложения в русском, некоторых славянских и литовском языках Потебня ставит вопрос об основном **направлении эволюции языка и мышления**¹.

Потебня в этой работе сосредоточил внимание на процессе образования и изменения грамматических категорий как основных категорий мышления. Для выяснения этих вопросов он использует семантический и синтаксический подходы.

По мнению Потебни, первичными словами были *междометия* или слова, близкие к междометиям, в основе которых лежат чувственные образы, что наблюдается и в настоящее время у детей, начинающих говорить.

Первоначальное слово лишено, по мнению Потебни, всяких формальных определений и не является ни существительным, ни прилагательным, ни глаголом. По его мнению, разложение чувственных образов началось с образования слов, в которых современные нам функции главных частей речи, имен и глаголов, еще смешаны. Потебня называет эти слова *первообразными причастиями*. Первообразное причастие, похожее скорее на имя, чем на глагол, прежде всего выделило из себя *имя*. Это было *существительное*, грамматическая категория субстанции.

Однако, выработав эту категорию, человеческая мысль не оставляет ее в дальнейшем без всяких изменений. Из существительного, т.е. собственно из имени, выделилась новая грамматическая категория — *имя прилагательное*. Для превращения существительного в прилагательное требовалось ослабление в нем предметности и параллельное усиление значения признака, качества. Этот процесс наблюдается, например, при следующем ходе мысли: вода—свет, вода—как свет, вода—светла. Обозначая содержание не как самостоятельную сущность, а как признак, заключенный в Данной сущности, эта категория приводила к сокращению числа тех случаев, на которые ранее распространялась категория существительного. К тому же и в этом суженном кругу категория существительного стала со временем изменяться, а именно формализоваться. На этом пути возникли так называемые *отвлеченные существительные* вроде *белизна, равенство* и т. п. (ср. положения универсальной грамматики, глава 3, 227—228).

¹ В первом и втором томах речь идет о составных членах предложения и различных заменах, которым они исторически подвергались, в третьем томе — об Эволюции существительного и прилагательного из древнего причастия. Повсюду Им проводится мысль «об устранении в мышлении субстанций, ставших мнимыми», что находит отражение в строе языка. Четвертый том посвящен глаголу и Стальным частям речи.

Дальнейшая эволюция человеческой мысли и человеческого языка привела к появлению новой категории — *глагольности*. По Потебне, в языке неизбежно происходит процесс вытеснения категории субстанции категорией процесса, действия, силы, энергии. Наиболее ранняя форма глагола — *инфинитив*, который ближе всего к имени и который и возник из существительного. Появление глагольности неизбежно, так как глагол более отвлечен от конкретности, чем существительное или прилагательное. Он обозначает действие, процесс, т.е. нечто чувственно невоспринимаемое.

Инфинитив, начальная форма глагола, благодаря своей близости к существительному не обладает достаточной степенью отвлеченности, которая заключена в глаголе. Поэтому в последующем своем развитии глагол должен был превзойти стадию инфинитива, и последний оказывается нередко вынужденным уступить место *индикативу*, который превосходно выражает все оттенки действия лицом и временем. В некоторых языках, как отмечает Потебня, инфинитив почти вытеснен индикативом. Он убежден, что к этому идет дело и в других языках.

Дальнейшая история глагола, по Потебне, — все большее вытеснение им существительного там, где его мог заменить глагол. Так, постепенно составные сказуемые, представляющие соединение глагола и существительного, отмирают и заменяются простым, чисто глагольным сказуемым.

Потебня подчеркивает, что грамматические категории изменчивы: «Нет ни одной неподвижной грамматической категории» [26, /-//, 76].

Грамматические категории возникают и изменяются в предложении. Именно в предложении, считает Потебня, развиваются не только порядок и характер сочетания форм, но и сами части речи. Развитие и изменение предложения и развитие и изменение грамматических категорий (в частности, частей речи) взаимообусловлены.

Потебня стремится установить эволюцию разных типов предложения. Он выделяет две стадии в развитии предложения — древнюю и современную. Современный тип предложения характеризуется преобладанием глагольного элемента [см. 26, I—II, 76и сл.]. Древний тип предложения, напротив, был именованным.

Предикативность и атрибутивность имени, иначе — именной характер предложения, увеличивается по направлению к древности. Вместе с этим увеличивается конкретность языка [26, ///, 354].

Потебня обосновывает возникновение и распространение безличных предложений тем, что глагол стремится заменить суще-

ствительное даже в роли подлежащего. Вырабатываются бессубъектные предложения типа: *Гремит!* Бессубъектных предложений еще сравнительно мало, но, по мнению Потебни, языковое развитие ведет к увеличению их числа.

Следуя за Гумбольдтом, Потебня везде пытается обнаружить тенденции, подтверждающие постоянный прогресс в языке. Наряду с выводом о росте глагольности в языке, который в позднейших исследованиях Д. Н. Овсяннико-Куликовского был распространен на древние языки (санскрит, греческий, готский и др.), особое значение приобрело положение Потебни о том, что чем ближе к нашему времени, тем все больше увеличивается противоположность имени и глагола. Подчеркивая это положение, Потебня пишет:

Переходя из того состояния языка, при котором психологическое сказуемое есть еще бесформенное слово, т.е. слово, предшествующее образованию грамматических категорий, к языкам, наиболее развитым в формальном отношении, каковы наши, мы замечаем в этих последних, что главное (независимое от другого) предложение невозможно (кроме случаев опущения глагола) без *verbum finitum* (т.е. глагола в тесном смысле, без причисления к нему причастных форм); что само по себе *verbum finitum* составляет предложение... Поэтому, определив такой глагол, тем самым определим *minimum* того, что должно заключаться в предложении этих языков [26, /—//, 77— 78].

Обращая внимание на ряд моментов, затрудняющих определение предложения, как-то: многообразие конкретных типов предложения в одном и том же языке, различие в строе языков, изменчивость грамматического строя, Потебня высказывал мысль о невозможности сформулировать единое определение предложения, пригодное для всех языков мира во все исторические периоды:

...Так из основного взгляда на язык, как на изменчивый орган мысли, следует, что история языка, взятого на значительном протяжении времени, должна давать ряд определений предложения [26, 77].

А. А. Потебня критикует взгляды представителей лингвистического логицизма на соотношение предложения и суждения и утверждает, что грамматическое суждение вовсе не параллельно и не тождественно логическому суждению. Вместе с тем он отрицательно относился и к утверждавшемуся в его время определению предложения как психологического суждения.

Существенным признаком предложения в наших, индоевропейских, языках, по Потебне, является наличие в нем спрягаемого глагола и частей речи. «Если их нет, то нет и нашего предложения» [26, /— 77, 64]. Функция частей речи — быть соответствующими членами предложения.

Даже возникающее в звуковом языке простейшее предложение, по мнению Потебни, за исключением первообразного бесформенного слова-предложения, «заключает уже в себе грамматическую форму; оно появляется в языке вместе с нею» [26 , 76] . Именно поэтому Потебня в своем труде уделяет столько внимания проблеме грамматической формы.

Для Потебни **грамматическая форма** — понятие семантико-синтаксическое:

Нет формы, присутствие и функция коей узнавалась бы иначе, как по смыслу, т.е. по связи с другими словами и формами в речи и языке [26, /-//, 36].

Потебня специально подчеркивает, что те слова, которые воспринимаются нами как бесформенные, в действительности являются словами «с совершенно определенной грамматической функцией в предложении» [26, /—Я, 31]. Понимая, что внешнее, чисто техническое понимание формы в языке непродуктивно, Потебня всячески подчеркивает тот факт, что грамматическую форму нельзя отождествлять со звуком, материализующим флексию, окончание, что количество окончаний ни в малейшей мере не определяет количества форм [см. 26, /—Я, 56]. По его мнению, «если при сохранении грамматической категории звук, бывший ее поддержкою, теряется, то это значит не то, что в языке ослабело творчество, а то, что мысль не нуждается более в этой внешней опоре, что она довольно сильна и без нее, что она пользуется для распознавания формы другим, более тонким средством, именно знанием места, которое занимает слово в целом, будет ли это целое речью, или схемою форм» [26, /—Я, 58].

Во многом солидаризируясь с гумбольдтовским пониманием формы, Потебня пришел к выводу, что **форма есть значение** и поэтому форму нельзя смешивать с ее внешним знаком, т.е. звуком [см. 26, /—Я, 55]. Количество форм определяется количеством формальных оттенков значений. Поэтому, например, «всякое новое употребление творительного есть новый падеж, так что собственно у нас несколько падежей, обозначаемых именем творительного» [26, /—Я, 56]. Таким образом, отрицая многозначность, полисемию, в лексическом плане, Потебня отрицал ее и в плане грамматическом.

Опираясь на свое понимание грамматической формы, Потебня утверждал, что формальность, как он ее понимал, свойственна всем языкам, независимо от того, имеют ли они грамматическую форму или нет [см. 26, /—Я, 53—56].

Итак, Потебня отстаивает смысловое значение формальной категории. В этом отношении показателен его спор с К. Бругманом по вопросу о грамматическом роде. Для Бругмана решение вопроса лежало в плоскости формальной, а для Потебни — в плос-

кости смысловой, а также вещественной [см. 26, *Ш*, 607—617]. Характерно, что, начиная главу «По чему узнается присутствие грамматической формы в данном слове», Потебня отмечает, что «грамматическая форма есть элемент значения слова и однородна с его вещественным значением» [26, *I—П⁹* 29].

Подводя итог сказанному об общелингвистической концепции Потебни, следует подчеркнуть, что его философско-лингвистические воззрения, складываясь под влиянием таких крупнейших мыслителей, как В.Гумбольдт, И.Ф.Герbart, М.Лацарус, Г.Штейнталь и др., опираются на основополагающее положение о том, что развитие мышления и языка идет в едином процессе эволюции человека, что развитие одного невозможно без участия и развития другого. Слово не только средство для выражения готовой мысли: оно способ, прием ее создания и разработки. Язык — это сама мысль. Самое рождение мысли обнаруживает ее органическую связь с языком, зависимость от языка.

Тесно связывая звуковую речь с мыслью, подчеркивая необходимость конкретно-исторического изучения фактов речи, ее продуктов, как и продуктов мышления, Потебня основной реальностью языка считал связную речь. Язык у Потебни охватывает все: все виды устной и письменной речи, различные диалектные и стилевые проявления, а также сферы поэзии и науки. Отсюда становится понятным, почему Потебня изучает язык в связи с народным поэтическим творчеством, народными верованиями и обрядами. Ряд трудов Потебни посвящен изучению народной поэзии и обрядов в плане символики и остатков языческих верований [см. 32—33]. Большое внимание Потебня уделял изучению народных песен с лексической стороны [см. 32]. Это дало ему возможность проиллюстрировать общие положения своей теории большим количеством конкретных примеров из истории слов. Потебня внес большой вклад в развитие русской диалектологии.

Анализируя соотношение слова и художественного произведения, Потебня очень большое место отводит учению о внутренней форме. На протяжении нескольких лет Потебня дал ряд определенных внутренней формы. Единого, итогового определения внутренней формы у него нет. Первоначальное определение внутренней формы слова как «способа представления внеязычного содержания», по существу, примыкает к определению, данному В. Гумбольдтом. В дальнейшем Потебня отходит от Гумбольдта. Под внутренней формой слова он понимает представление плюс этимологическую форму слова, а также наименьшее значение, «без которого слово не может быть самим собой». Определения внутренней формы в значительной степени основаны на том, что все языковые явления Потебня рассматривал прежде всего с точки зрения тех психических процессов, которые происходят в сознании гово-

рящего индивида, и поэтому он искал объяснение различным языковым явлениям в лежащих, по его мнению, в их основе психологических категориях.

Изменение грамматических форм, как считает Потебня, обусловлено изменением форм мышления. Разъясняя это положение, Овсяннико-Куликовский говорил: «Мысли Потебни таковы: мысль человеческая, некогда представлявшая все вещи и процессы как субстанции, постепенно покидает эту категорию и приучается отливать полученные впечатления в форму признака и энергии. Эта эволюция мысли, открытая Потебней, есть сокровенная пружина той невидимой метафоры умов, которая явно, исторически документально обнаруживается в смене мировоззрений, в переходе, например, от понимания болезни, гнева, любви как вещей, существ, находящихся в человеке, к их пониманию как свойств и процессов...» [4, 39].

Поэтому основную задачу истории языка Потебня видит в том, чтобы

...Показать на деле участие слова в образовании последовательного ряда систем, обнимающих отношение личности к природе [24, 140].

Потебня был среди тех, кто указывал на необходимость изучать явления языка в их взаимосвязи, способствуя тем самым формированию системного взгляда на язык.

Учение о предложении занимает в его работах столь большое место потому, что он связывает строение предложения и внутреннее строение мысли. Отсюда стремление установить главные стадии в развитии предложения¹.

Мысли Потебни, высказанные им в рамках философии языка и общего языкознания, до сих пор представляют большой интерес как для языкознания, так и для литературоведения, искусствоведения и этнографии.

Академик В. В. Виноградов, отмечая заслуги А. А. Потебни, писал: «В истории русского языкознания совершенно исключительное и своеобразное место занимает Потебня. Языковед-мыслитель, он стремится изучать русский язык, его историю в свете общей эволюции человеческого языка и мышления» [5, 111].

V. Некоторые выводы

Центральное место в теоретическом языкознании XIX в. принадлежит концепции языка, разработанной В. Гумбольдтом.

¹ Сходное стремление наблюдается и в работах языковедов XX в., хотя реализуют они его, безусловно, с учетом современных им достижений науки и на иной платформе. Ср., например: работу академика И.И.Мещанинова «Члены предложения и части речи» [20].

Главное звено этой концепции составляет высказанная Гумбольдтом идея, согласно которой язык есть продукт массовой деятельности и в то же время сама эта деятельность. Описание структуры языкотворческого процесса у Гумбольдта есть описание феномена, который он называет *деятельностью*.

На основе сформулированной Гумбольдтом концепции языковой деятельности формируется аппарат сравнительного языкознания.

В пределах гумбольдтовской онтологии языка получил развитие целый ряд идей, относящихся к области философии языка. Среди них наиболее важными являются следующие.

1. Представление о **мировом языке** (естественном человеческом языке) как **саморазвивающейся сущности** — организме (т.е. системе). Развитие языка в соответствии с этой точкой зрения происходит как развитие любого естественного организма. Оно совершается независимо от человека и включает в себя филогенетический и онтогенетический аспекты (А. Шлейхер).

2. Представление о **развитии мысли**, согласно которому мысль как бы начинается с первым языковым действием и оформляется в своих категориях (понятиях и представлениях) по мере формирования продукта языковых действий, т.е. системы языка с ее единицами, классами, категориями (Г. Штейнталь, А.А. Потебня, В. Вундт).

3. Представление о **причине самодвижения** системы языка (языкового организма). Были выделены внутренние и внешние причины самодвижения.

Внутренние причины:

а) отклонения в наличной языковой системе по сравнению с нормами, предписываемыми предшествующей системой, т.е. системой, характерной для предыдущего этапа языкового развития. На базе этих отклонений формируется тенденция к изменению системы. (И эти отклонения, и сама тенденция могут получить интерпретацию в статистических терминах.) Причина самодвижения языка усматривалась в сдвиге отношений между системой и реализацией системы (лингвистический психологизм, младограмматики — см. главу 6);

б) контакты между языковыми системами или их реализациями (М. Мюллер и другие, неолингвистика — см. главу 7);

в) оптимизация отношений между уровнями языка, в основе которой лежит экономия материальных средств языка (А. Мартинье — в современном языкознании).

Внешние причины:

а) творческие моменты мыслительной деятельности, порождающие речевой акт и влекущие за собой отклонения от системы. Эти творческие моменты могут быть эмоционально-эстетическими или рационально-мыслительными (в зависимости от того, как

рассматривается процесс движения познания: А. Потебня и другие — см. разд. IV, 3 настоящей главы; К.Фосслер — см. главу 7);

б) производственная деятельность, которая через систему именования влияет на объем и строение языка (Г. Шухардт и др. — см. главу 7);

в) элементы этнической культуры, передаваемые от одного народа к другому и облачаемые в конкретную языковую форму (этнолингвистические исследования XIX—XX вв.);

г) изменение социальных институтов общества, смежных с языком и вызывающих соответствующие изменения в языке (социоллингвистика XX в.).

Внешние и внутренние причины самодвижения анализировались различными учеными и в разных школах каждый раз в определенных комбинациях и под определенным углом зрения. Но сам фактор самодвижения выступал всегда как исходный постулат.

Этими факторами в принципе исчерпываются фундаментальные отношения в структуре языковой деятельности и внутренние и внешние причины самодвижения языка, намеченные в трудах В. Гумбольдта.

Важнейшим достижением языкознания XIX в. был, следовательно, анализ внутренних связей языка в их отношении к совокупности тех внешних факторов, которые влияют на строение языка и его функциональную связь с мыслью.

Таким образом, как показывает анализ различных концепций философии языка, были выделены по существу все связи, которыми обладает система языка, и все отношения, которые устанавливаются между языком и смежными социальными образованиями.

Сформулированная Гумбольдтом проблема прогресса в языке, осуществляющаяся в ходе поступательного языкового самодвижения, хотя и оставалась в поле зрения философии языка на протяжении всего XIX в., тем не менее не вышла за пределы гипотетического постулирования, не получила ни достаточного теоретического обоснования, ни фактологического подтверждения.

Литература

1. Ленин В. И. Материализм и эмпириокритицизм // Поли. собр. соч. — Т. 18.
2. Булин С. К. Очерк истории языкознания в России. — СПб., 1904. (В качестве приложения дан перевод на русский язык работы В. Дельбрюка «Введение в изучение языка. Из истории и методики сравнительного языкознания».)
3. Ветухова А. Из воспоминаний об А. А. Потебне. — Харьков, 1913.
4. Ветухова А. А. Потебня. — Варшава, 1898.
5. Виноградов В. В. А. А. Потебня // Русский язык в школе. — 1938. — № 5-6.
6. Дарвин Ч. Душа человека и животных. — СПб., 1865—1866. — Т. I — П-

7. Вундт В. Физиология языка. — СПб., 1868 (публикация представляет собой изданную отдельным выпуском лекцию № 53 из книги: Вундт В. Душа человека и животных. — СПб., 1865— 1866. — Т. I—II).
8. Вундт В. Индивидуум и общество. Речь, произнесенная 23 апреля 1891 г. - СПб., 1896.
9. Вундт В. Проблемы психологии народов. — М., 1912.
10. Выготский Л. С. Психология искусства. — М., 1965.
11. Гегель Г В. Ф. Философия истории // Сочинения. — М., 1935. — Т. VIII.
12. Гегель Г В. Ф. Феноменология духа. — СПб., 1913.
13. Гербель Н. Немецкие поэты в биографиях и образах. — СПб., 1877.
14. Гердер ИГ Избранные сочинения / Под ред. В.М.Жирмунского и Н. А.Сигала. - М.; Л., 1959.
15. Гумбольдт В. фон. О различии организмов человеческого языка и влияния этого различия на умственное развитие человеческого рода. Введение во всеобщее языкознание / Пер. Билярского — СПб., 1859.
16. Десницкая А. В. О лингвистической теории Августа Шлейхера // Вопросы языкознания. — 1971. — № 6.
17. Звегинцев В. А. История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях. — М., 1960. — 4.1.
18. Кант И. Сочинения. — М., 1964—1968. - Т. 1—6.
19. Кениг Э., Вундт В. Его философия и психология. — СПб., 1902.
20. Мещанинов И. И. Члены предложения и части речи. — М.; Л., 1945.
21. Мюллер М. Лекции по науке о языке, читанные в Королевском Британском институте в апреле, мае и июне 1861 г. — СПб., 1865.
22. Овелака А. Лингвистика. — СПб., 1881.
23. Потебня А. А. Из записок по теории словесности. — Харьков, 1905.
24. Потебня А. А. Мысль и язык // Журнал Министерства народного просвещения. — 1862. — Ч. СХIII—СХIV. — Отд. II. — 3-е изд. — Харьков, 1913 (дополненное статьями «Язык и народность» и «О национализме»).
25. Потебня А. А. Из лекций по теории словесности. — Харьков, 1894.
26. Потебня А. А. Из записок по русской грамматике. — Т. I. — Воронеж, 1874; Т. II. — Харьков, 1874; Т. I—II (в одной книге). — 2-е изд., испр. и доп. — Харьков, 1888; М., 1958; Т. III. - Харьков, 1899; М., 1968; Т. IV. - М.; Л., 1941 (цит. по: Т. I—II - изд. 1888 г.; Т. III - изд. 1899 г.).
27. Потебня А. А. К истории звуков русского языка. — Воронеж, 1876.
28. Потебня А. А. Объяснение малорусских и сродных нарядных песен. - Варшава, 1883- 1884. - Т. 1-2.
29. Потебня А. А. Слово о полку Игореве. Текст и примечания. — Воронеж, 1878.
30. Потебня А. А. Заметки о малорусском наречии. — Воронеж, 1871.
31. Потебня А. А. Два исследования о звуках русского языка: I. О полногласии; II. О звуковых особенностях русских наречий. — Воронеж, 1866.
32. Потебня А. А. О некоторых символах в славянской народной поэзии. — Харьков, 1860.
33. Потебня А. А. О мифическом значении некоторых поверий и обрядов. - М., 1865.
34. Потебня А. А. Значения множественного числа в русском языке. — Воронеж, 1888.

35. *Потебня А. А.* О связи некоторых представлений в языке. — Воронеж, 1864.
36. *Раинов Т.* Александр Афанасьевич Потебня. — Пг., 1924.
37. *Уитни В. Д.* Жизнь и рост языка // Филологические записки. — 1886. — Т. 24. — Вып. 6. — 1887. — Т. 25. — Вып. 3.
38. *Шкловский В.* Потебня // Поэтика. Сборники по теории поэтического языка. — Пг., 1919. — Вып. 3.
39. *Шлейхер А.* Значение языка для естественной истории человека // Филологические записки. — 1868. — Т. V. — Вып. 3.
40. *Шлейхер А.* Теория Дарвина в применении к науке о языке. — СПб, 1864.
41. *Шпет Г.* Введение в этническую психологию. — М., 1927.
42. *Штейнталь Г., Лацарус М.* Мысли о народной психологии. — Воронеж, 1865.
43. *Becker K. E.* Organism der Sprache. — Frankfurt am Main, 1841.
44. *Berchet G.* Lettera semiseria, a cura di A. Galletti. — Lanciano, 1913.
45. *Brown R. L.* Wilhelm von Humboldt's Conception of Linguistic Relativity. — Hague; Paris, 1967.
46. *Bumann W.* Die Sprachtheorie Heymann Steinhals. — Darmstadt, 1965.
47. *Cassirer E.* Saggio sull'uomo. — Milano, 1949.
48. *Croce B.* Estetica. — Bari, 1941.
49. *Dittrich O.* Grundzüge der Sprachpsychologie. — Halle, 1903. — Bd. I. — Abt. 1. — 1904. — Bd. I. — Abt. 2.
50. *Dittrich O.* Die Probleme der Sprachpsychologie. — Leipzig, 1913.
51. *Gaudefroy-Demombynes J.* L'oeuvre linguistique de Humboldt. — Paris, 1931.
52. *Hajfmann P. T.* Der indische und deutsche Geist von Herder bis zur Romantischer. — Tübingen, 1915.
53. *Hamann J. G.* (ps. n. Virbins Abaelardus), Sammtliche Werke, hrsg. von J. Nadler. — Wien, 1943—1953. — Bd. 1—6.
54. *Herbart J. E.* Sammtliche Werke. — Leipzig, 1850—1852. — Bd. 1—12.
55. *Herbart J. E.* Psychologie als Wissenschaft neu gegriindet auf Erfahrung, Methaphysik und Mathematik. — Königsberg, 1824. — Bd. I: Synthetischer Theil. — Königsberg, 1825. — Bd. II: Analytischer Theil.
56. *Herbart J. E.* Lehrbuch der Psychologie. — Königsberg, 1834.
57. *Herbart J. F.* Schriften zur Psychologie. Theil 1: Lehrbuch zur Psychologie. Psychologie als Wissenschaft neu gegriindet auf Erfahrung, Metaphysik und Mathematik // Sammtliche Werke. — Leipzig, 1850. — Bd. 5.; Theil 2: Psychologie als Wissenschaft neu gegriindet auf Erfahrung, Metaphysik und Mathematik // Sammtliche Werke. — Leipzig, 1851. — Bd. 6.; Theil 3: Kleinere Abhandlungen zur Psychologie // Sammtliche Werke. — Leipzig, 1851. — Bd. 7.
58. *Herder J. G.* Ideen zur Geschichte der Menschheit. — Theil 1—2. — Stockholm; Upsala, 1820 (см. Bd. 1—3. — Leipzig, 1869).
59. [*Herder J. G.*] Sprachphilosophie / Hrsg. von E. Heintel. — Hamburg, 1960 (см. вступительную статью Э. Хейнтеля, с. 1—870).
60. *Herder J. G.* Sammtliche Werke. — Berlin, 1877—1913. — Bd. 1—33.
61. *Herder J. G.* Sammtliche Werke. Zur schonen Literatur und Kunst. — Tübingen, 1805—1815. — Bd. 1—14.
62. *Herder J. G.* Ideen zur Philosophic der Geschichte der Menschheit. — Riga; Leipzig, 1784—1791. — Bd. 1—4.
63. *Herder J. G.* Alte Volkslieder. — Tübingen, 1778—1779. — Bd. I—II.

64. *Herder J.G.* Auch eine Philosophic der Geschichte zur Bildung der Menschheit, 1774 (см.: *Herder J. G. Werke.* — Bd. 2. — Weimar, 1957).

65. *Herder J. G.* Lieder der Liebe. Die ältesten und schönsten aus Morgenlande, nebst vier und viertig alten Minneliedern. — 1781.

66. *Herder J. G.* Abhandlung über den Ursprung der Sprache, welche der von der Königlischen Academie der Wissenschaften für das Jahr 1770 gesetzten Preis erhalten hat. — Berlin, 1772 (см. *Herder J. G. Ober den Ursprung der Sprache / Hrsg. von C. Trager.* — B., 1959).

67. *Hovelacque A. A.* La linguistique // *Bibliothèque des sciences contemporaines.* — Paris, 1876. — Vol. 2 [русск. пер. см. 22].

68. *Humboldt W.* Proben baskischer Schreibart und Dichtung // *Königsberger Archiv für Philosophie, Theologie, Philologie und Historie.* — Königsberg, 1812. — III.

69. *Humboldt W.* Ueber das vergleichende Sprachstudium in Beziehung auf die verschiedenen Epochen der Sprachentwicklung // *Abhandlungen der hist.-philolog. Klasse der Königlich preussischen Akademie der Wissenschaften zu Berlin aus den Jahren 1820 — 1821.* — 1822 (см.: *Humboldt W. von. Werke.* — B., 1963. — Bd. III. *Schriften zur Sprachphilosophie.*).

70. *Humboldt W.* Prüfung der Untersuchungen über die Urbewohner Hispaniens mittelst der vaskischen Sprache. — Berlin, 1821.

71. *Humboldt W.* Sur la nature des formes grammaticales en general, et sur le genie de la langue Chinoise en particulier. Lettre a M. Abel-Remusat // *Observations sur quelques passages de la lettre precedente / Par M. A(bel) R(emusat).* — Paris, 1827.

72. *Humboldt W.* Ueber das Entstehen der grammatischen Formen, und ihren Einfluss auf die Ideenentwicklung // *Abhandlungen der hist.-philolog. Klasse der Königlich preussischen Akademie der Wissenschaften zu Berlin aus den Jahren 1822 und 1823.* — 1825 (см.: *Humboldt W. von. Werke.* — B., 1963. — Bd. III. *Schriften zur Sprachphilosophie.*).

73. *Humboldt W.* Über die Buchstabenschrift und ihren Zusammenhang mit dem Sprachbau (1824) // *Werke.* — Berlin, 1963. — Bd. III.

74. *Humboldt W.* Grundzüge des allgemeinen Sprachtypus (см.: Bd. V в: *Humboldt W. von. Gesammelte Werke.* — B., 1841 — 1852. — Bd. I—VII).

75. *Humboldt W.* Über das Sprachstudium (см.: Bd. VII в *Humboldt W. von. Gesammelte Werke.* — B., 1841—1852. — Bd. I—VII).

76. *Humboldt W.* Ueber den Einfluss des verschiedenen Charakters der Sprachen auf Literatur und Geistesbildung // *Humboldt W. von. Werke.* — Berlin, 1963. — Bd. III.

77. *Humboldt W. von. Gesammelte Schriften.* — Berlin, 1903 — 1936. — Bd. 1-17.

78. *Humboldt W. von. Gesammelte Werke.* — Berlin, 1841 — 1852. — Bd. 1—VII.

79. *Humboldt W.* Die sprachphilosophischen Werke / Hrsg. Steinthal H von. — Berlin, 1883— 1884. — Bd. 1—2.

80. *Humboldt W.* Über den Nationalcharakter der Sprachen // *Zeitschrift für Völkerpsychologie und Sprachwissenschaft.* XIII, 1882 (см.: *Humboldt W. von. Werke.* — B., 1963. — Bd. III.).

81. *Humboldt W.* Über die Kawi-Sprache auf der Insel Java. Berlin, 1836 — 1839. Bd. I—III. [Bd. I — Teil 1: Einer Einleitung. Über die Verschiedenheit

des menschlichen Sprachbaues und ihren Einfluss auf die geistige Entwicklung des Menschengeschlechts (русский перевод, см. 15, а также 17, 68 и сл.), Teil 2: Über Verbindungen zwischen Indien und Java, 1836; Bd II — Fortsetzung der Kawi-Sprache, Malayischer Sprachstamm im Allgemeinen und dessen westlicher Zweig, 1838; Bd III — Sudsee-Sprachen als östlicher Zweig des Malayischen Sprachstammes, 1839].

82. *Humboldt W.* Ueber die Verschiedenheit des menschlichen Sprachbaues und ihren Einfluss auf die geistige Entwicklung des Menschengeschlechts (1830—1835). Neue Aufl. — Bonn, 1960 (см.: *Humboldt W. von.* Werke. — Berlin, 1963. — Bd. III.)

83. *Humboldt W.* Ueber die Verschiedenheiten des menschlichen Sprachbaues (1827—1829) (см. *Humboldt W. von.* Werke. — B., 1963. — Bd. III.; см. также *Humboldt W. von.* Gesammelte Werke. — B., 1848. — Bd. VI.)

84. *Humboldt W.* Über den Dualis (1827) // Werke. — B., 1963. — Bd. III.

85. *Jesinghaus W.* August Wilhelm von Schlegels Meinungen über die Sprache. — Leipzig, 1913.

86. *Lazarus M.* Geist und Sprache, eine psychologische Monographie // M. Lazarus. Das Leben der Seele, in Monographien über seine Erscheinungen und Gesetze. — Berlin, 1857. — Bd. II.

87. *Lazarus M.* Einige synthetische Gedanken zur Volkerpsychologie // Zeitschrift für Volkerpsychologie und Sprachwissenschaft. — 1865. — Bd. III.

88. *Lazarus M.* Über den Begriff und die Möglichkeit einer Volkerpsychologie // Deutsches Museum von Prutz und Wolfsohn. — 1851.

89. *Lazarus M.* Über die Ideen in der Geschichte // Zeitschrift für Volkerpsychologie und Sprachwissenschaft. — 1865. — Bd. III.

90. *Lazarus M.* Über das Verhältnis des einzelnen zur Gesamtheit // Zeitschrift für Volkerpsychologie und Sprachwissenschaft. — 1862. — Bd. II.

91. *Lazarus M., Stinthal H.* Einleitende Gedanken über Volkerpsychologie als Einladung zu einer Zeitschrift für Volkerpsychologie und Sprachwissenschaft // Zeitschrift für Volkerpsychologie und Sprachwissenschaft. — 1860. — Bd. I [русск. пер. см. 42].

92. *Lefmann S.* August Schleicher. — Leipzig, 1870.

93. *Lupi S., Hamann J. G.* Scritti e frammenti d'estetica. — Firenze, 1938.

94. *Midler M.* Lectures on the Science of Language. — London, 1861 — 1864. — Series 1—2 [русск. пер. см. 21].

95. *Nencioni G.* Idealismo nella scienza del linguaggio. — Firenze, 1946.

96. *Nusse H.* Die Sprachtheorie Friedrich Schlegels. — Heidelberg, 1962.

97. *Pagliari A.* Sommario di linguistica ario-europea. — Roma, 1913.

98. *Rapp C. M.* Versuch einer Physiologie der Sprache, nebst historischer Entwicklung der abendländischen Idiome nach physiologischen Grundsätzen. — Stuttgart; Tübingen, 1836.

99. *Rapp C. M.* Vergleichende Grammatik als Naturwissenschaft. — Stuttgart; Tübingen, 1852—1859. — Abt. 1—3.

100. *Rapp C. M.* Physiologie der Sprache. — Stuttgart; Tübingen, 1840.

101. *Schelling F. W. J.* Ueber das Verhältniss der bildenden Künste zu der Natur. — München, 1807.

102. *Schelling F. W. J.* Philosophische Schriften. — Landshut, 1809. — Bd. 1—

103. *Schelling F. W. J.* Sammtliche Werke. — Stuttgart; Augsburg, 1856 — 1858. — Bd. 1 — 10.

104. *Schlegel F* Über das Studium der griechischen Poesie. — Godesberg, 1947.
105. *Schlegel F* Über die Sprache und Weisheit der Indier. — Heidelberg, 1808.
106. *Schlegel F*. Zur Philologie // Sammtliche Werke. — Wien, 1846. — Bd. 15.
107. *Schlegel F*. Geschichte der Poesie der Griechen und Römer. — 1798.
108. *Schleicher A*. Laut- und Formenlehre der polabischen Sprache. — SPb., 1871.
109. *Schleicher A*. Die deutsche Sprache. — Bonn, 1859.
110. *Schleicher A*. Über die Bedeutung der Sprache für die Naturgeschichte des Menschen. — Weimar, 1865 [русск. пер. см. 39].
111. *Schleicher A*. Sprachvergleichende Untersuchungen. — Bonn, 1848 — 1850. — 1—2. [1. Zur vergleichenden Sprachgeschichte (1848); 2. Linguistische Untersuchungen: *Die Sprachen Europas in systematischer Übersicht (1850)*.]
112. *Schleicher A*. Die Darwinische Theorie und die Sprachwissenschaft. — Weimar, 1863 [русск. пер. см. 40].
113. *Schleicher A*. Handbuch der litauischen Sprache. — Prag, 1856 — 1857. — I — II [I: Litauische Grammatik (1856); II: Lesebuch und Glossar (1857)].
114. *Schleicher A*. Compendium der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen. Kurzer Abriss einer Laut- und Formenlehre der indogermanischen Ursprache; des Altindischen, Alteranischen, Altgriechischen, Altitalischen, Altkeltischen, Altslawischen, Litauischen und Altdeutschen, — Weimar, 1861-1862. — Bd. 1—2.
115. *Schleicher A*. Die Formenlehre der Kirchen-Slawischen Sprache, erklärend und vergleichend dargestellt. — Bonn, 1852.
116. *Steinthal H*. Zur Sprachphilosophie // Zeitschrift für Philosophie und philosophische Kritik, Neue Folge. — Halle, 1858. — Bd. XXXII.
117. *Steinthal H*. Geschichte der Sprachwissenschaft bei den Griechen und Römern mit besonderer Rücksicht auf die Logik. — Berlin, 1863. — Bd. 1 — 2. (2. Aufl. — 1890-1891).
118. *Steinthal H*. Charakteristik der hauptsächlichsten Typen der Sprachbaus (Eine Neubearbeitung der «Classifikation» von 1850). — Berlin, 1860.
119. *Steinthal H*. Der Ursprung der Sprache im Zusammenhang mit den letzten Fragen aller Wissenschaft. Eine Darstellung. Kritik und Fortentwicklung der vorzüglichsten Ansichten. — Berlin, 1851.
120. *Steinthal H*. Abriss der Sprachwissenschaft. — Berlin, 1871 (2. Aufl. — B., 1881: I: Die Sprache im Allgemeinen Einleitung in die Psychologie und Sprachwissenschaft; II: Eine geplante 2—3 bandige Neubearbeitung der Charakteristik der hauptsächlichsten Typen der Sprachbaus» von 1860).
121. *Steinthal H*. Philologie, Geschichte und Psychologie in ihren gegenseitigen Beziehungen. — Berlin, 1864.
122. *Steinthal H*. Grammatik, Logik und Psychologie, ihre Prinzipien und ihr Verhältnis zu einander. — Berlin, 1855 (2. Aufl. — 1857).
123. *Steinthal H*. Die Classifikation der Sprachen dargestellt als die Entwicklung der Sprachidee. — Berlin, 1850.
124. *Steinthal H*. Die Sprachwissenschaft Wilhelm von Humboldt's und die Hegelsche Philosophie. — Berlin, 1848.
125. *Svanberg N*. Wilhelm von Humboldt und die Sprachforschung unserer Zeit. — Uppsala, 1936.

126. *Terracini B.* Guida alio studio delta linguistica storica. — Roma, 1949. — 1. Profile storico-critico.
127. *Ungers VR.* Die Sprachtheorie Hamanns. — Munchen, 1905.
128. *Wegelein J.* Memoires sur la philosophic de l'histoire // Abhandlungen der hist.-philolog. Klases der Koniglichen Akademie der Wissen-schaften zu Berlin aus den Jahren. 1770—1774. — 1775.
129. *Whitney W.D.* The Life and growth of Language // The International Scientific Series. — 1875. — Vol. 16 [русск. пер. см. 37].
130. *Wundt W.* Logik. Eine Untersuchungen der Principien der Erkenntniss und der Methoden wissenschaftlicher Forschung. — Stuttgart, 1894. — Bd. 1 — 2.
131. *Wundt W.* Die Nationen und ihre Philosophic Ein Kapitel zum Weltkrieg. — Leipzig, 1915. — Aufl. 2.
132. *Wundt W.* Allgemeine Geschichte der Philosophic — Leipzig, 1909 (neue Aufl. — Berlin, 1923).
133. *Wundt W.* System der Philosophic — Leipzig, 1889. — Bd. I—II (4. Aufl. — 1919).
134. *Wundt W.* Grundztige der physiologischen Psychologie. — Leipzig, 1873—1874.— Bd. 1—2; Leipzig, 1908—1911. — Bd. 1—3.
135. *Wundt W.* Volkerpsychologie. Eine Untersuchung der Entwicklungs-ge-setze von Sprache, Mythus und Sitte. — Leipzig, 1900—1920. — Bd. 1—10 [Bd. 1 — 2: Die Sprache. — 1900 (4. Aufl. — 1922); Bd. 3: Die Kunst. — 1905 (4. Aufl. — 1923); Bd. 4 — 6: Mythus und Religion. — 1906—1909 (3. Aufl. — 1920— 1923); Bd. 7: Die Gesellschaft. — 1917; Bd. 9: Das Recht. — 1918; Bd. 10: Kultur und Geschichte. — 1920].
136. *Wundt W.* Elemente der Volkerpsychologie. Grundlinien einer psycho-logischen Entwicklungsgeschichte der Menschheit. — Leipzig, 1912.
137. *Wundt W.* Die Sprache und das Denken. — Essays, 1886 (2. Aufl. — 1906).
138. *Wundt W.* Grundriss der Psychologie. — Leipzig, 1896 (neue Aufl. — 1922).
139. *Wundt W.* Vorlesungen uber die Menschen und Tierseele. — Hamburg, 1863. — Bd. 1—2 [русск. пер. см. 6].
140. *Wundt W.* Das Sittliche in der Sprache//Deutsche Rundschau. — 1886. — XII.
141. *Wundt W.* Volkerpsychologie und Entwicklungspsychologie // Psycho-logische Studien. — 1916. — X.
142. *Wundt W.* Uber das Verhaltmiss des Einzelnen zur Gesellschaft. Rede an Konigs Geburtstag// Deutsche Rundschau. — 1891. — XVII [русск. пер. см. 8].
143. *Wundt W.* Sprachgeschichte und Sprachpsychologie. Mit Rucksicht aul B. Delbricks Grundfragen der Sprachforschung. — Leipzig, 1901.
144. *Wundt W.* Probleme der Volkerpsychologie. — Leipzig, 1911 (2. Aufl. — 1921) [русск. пер. см. 9].
145. *Wundt W.* Schallnachahmungen und Lautmetaphern in der Sprache // Beilage zur Allgemeinen Zeitung. — Munchen, 1907.
146. *Wundt W.* Sprachwissenschaft und Volkerpsychologie // Indogermani-sche Forschungen. — 1911. — XXVIII.
147. *Wundt W.* Uber Ziele und Wege der Volkerpsychologie // Philosophy sche Studien. — 1888. — IV.

ГЛАВА 6
МЛАДОГРАММАТИЧЕСКИЙ ЭТАП
В ЯЗЫКОЗНАНИИ

Вводные замечания.

- I. Методологические основания младограмматизма.
- II. Лейпцигская школа и характеристика основных проблем, присущих младограмматическому направлению в целом.
- III. Московская школа.
- IV. Казанская школа.
- V. Роль младограмматических идей в развитии языкознания.
- VI. Сравнительное языкознание и универсальная грамматика.

Вводные замечания

Соотношение между развертыванием эмпирической исследовательской работы и развитием философии языка в рамках сравнительно-исторического языкознания XIX в. схематично может быть представлено следующим образом:

1. Начальному этапу развития сравнительно-исторического метода (Ф.Бопп, Я.Гримм, Р.Раек, А.Х.Востоков и их прямые последователи) в философии языка соответствуют романтическое направление и частично философия языка В.Гумбольдта.

2. Этапу окончательного утверждения сравнительно-исторического метода соответствует в философии языка натуралистическое направление. Шлейхер, глава этого направления, и в сравнительно-историческом языкознании стал фигурой, давшей вполне определенную направленность исследовательской работе середины XIX в.

3. Новому (младограмматическому) этапу развития сравнительно-исторического языкознания соответствует в философии языка XIX в. психологическое направление, представленное в ряде весьма отличных друг от друга концепций.

В истории языкознания, собственно индоевропейского языкознания, принято считать, что первый период сравнительно-исторического языкознания знаменуется «Сравнительной грамматикой» [87] Ф. Боппа, второй — «Компендием сравнительной грамматики индоевропейских языков» [113] А. Шлейхера и третий — «Основами сравнительной грамматики» [93] К. Бругмана и Б.Дельбрюка.

Становление младограмматизма было обусловлено внутренними факторами развития лингвистической науки, поиском способов преодоления того своеобразного тупика, в котором оказалась компаративистика 60-х годов XIX в. Процесс оформления младограмматизма в самостоятельное течение, характеризующееся специфическими чертами в области теории и практики исследовательской работы, связан с именами таких крупных немецких ученых, как Г.Остгоф, К.Бругман, А.Лескин, В.Шерер, Б.Дельбрюк, Г.Пауль, В.Штрайтберг. К этому движению немецких ученых примкнули языковеды других стран: скандинавские исследователи К.Вернер, В.Томсен, С.Бугге, француз М.Бреаль, швейцарец Ф.де Соссюр (в первый период своей деятельности), итальянский языковед Г.И.Асколи, американский языковед В.Д.Уитни, языковеды Московской и Казанской школ¹ во главе с Ф.Ф.Фортунатовым и И.А.Бодуэном де Куртенэ.

Новые идеи, методология и практика исследовательской работы становятся на рубеже XIX—XX вв. научным течением мирового языкознания.

Нередко младограмматизм отождествляется в лингвистической литературе с Лейпцигским кружком, или Лейпцигской языковедческой школой. Этому несомненно способствовало то, что именно в Лейпцигском университете, шире — в Лейпциге, впервые с предельной ясностью были сформулированы и провозглашены новые принципы и задачи лингвистической работы.

Сформулированные лейпцигскими младограмматиками принципы и задачи лингвистической работы были положены в основу методологии младограмматизма, сформировавшейся в языкознании на рубеже XIX—XX вв.

I. Методологические основания младограмматизма

Младограмматизм оформляется и осознается как течение с 80-х годов XIX в. и выступает как активная научная сила примерно в течение 50 лет. По широте распространения, обилию лингвистических работ, отработанности метода и по своему воздействию на общественно-языковую практику младограмматизм не имеет себе равных среди течений и школ языкознания XIX и начала XX вв.

Термин «младограмматики» имеет два значения: узкое, применимое по отношению к членам Лейпцигского кружка, и широкое, охватывающее всех, кто в принятом основном новые установки, касающиеся методологии и практики сравнительно-исторического исследования.

¹ Московская и Казанская школы получили весьма подробное освещение и монографии Ф.М.Березина [1], где читатель может почерпнуть ряд дополнительных сведений.

Термин «младограмматизм» получил преимущественное распространение как своеобразный эталон той философии языка, которая оказалась связанной с выдвинутыми лейпцигскими младограмматиками и получившими дальнейшее развитие и философское осмысление целевыми установками и методологическими принципами. Вместе с тем термин «младограмматизм» достаточно употребителен и в значении направленности конкретной исследовательской практики, исходящей из выдвигаемых постулатов. Оба эти смысла часто объединяются термином «младограмматическое направление».

Младограмматизм возник как результат понимания учеными неудовлетворительности состояния компаративистики середины XIX в. и желания изменить это положение.

К этому времени в науке созревает настоятельная необходимость преодолеть ошибочные положения романтиков, выражается критическое отношение к натуралистической концепции языка, особенно к крайностям натурализма в языкознании, осознается потребность в выработке более строгих методов анализа языкового материала, накопленного в предыдущий период.

К уточнению основных принципов и задач науки о языке и совершенствованию методики лингвистического анализа прежде всего и стремились младограмматики.

Как известно, романтики рассматривали сравнительно-историческое языкознание как источник получения сведений, которые могут помочь реконструировать общие истоки индоевропейской культуры по произведениям фольклора и раннего литературного творчества. Ф. Бопп, Я. Гримм, Р. Раек, А. Х. Востоков, Ф. И. Буслаев и мн. др. были одновременно фольклористами, палеографами, историками литературы, а некоторые (Ф. И. Буслаев) — и искусствоведом. Задача языкознания, по определению романтиков, состояла в том, чтобы использовать данные лингвистики для реконструкции и описания истории духовной культуры. Отсюда, в соответствии с общей философией романтизма как историко-культурного течения, язык рассматривался как произведение духовного начала, а истоки движения и причины развития языковой системы усматривались в факторах духовной жизни, культуры, т.е. вне языка.

А. Шлейхер и его последователи выдвигают идею естественно-исторической сущности языка. Шлейхер приближается к пониманию языковой системы как некоей имманентной сущности, однако источник самодвижения языка он видит в «духе», заключенном в языке, и этот «дух» проявляет себя через типологические превращения системы языка. А эти типологические превращения компаративистика оказывается не в состоянии ни исторически проследить, ни доказать данными конкретных сравнительно-исторических исследований родственных языков.

Младogramматики заявляют, что причину языковых изменений следует искать не в экстралингвистических, а во внутрилингвистических факторах. Их главный тезис: строение самого языка (т. е. организма языка, системы языка) и его функционирование приводит к самодвижению в системе. Исходя из этого, опять-таки утверждается идея параллелизма с естественно-историческими объектами, которым также присуще самодвижение, и в этом отношении младogramматизм напоминает концепцию Шлейхера. Однако младogramматизм в противовес органической теории Шлейхера есть теория о самодвижении системы языка в том же виде, как она представлена в компаративистике.

В связи с этим для младogramматиков совершенно неприемлем тезис о двух этапах развития языка. Они решительно отказываются от выделения в языках периода «юношеского возраста», т. е. доисторического периода, периода творческого развития, и «старческого возраста», или исторического периода деградации языкового строя, а отсюда — и от идеи об эпохе упадка, разрушения, которую переживают современные языки. Они призывают оставаться на почве реальных фактов языка, как они зафиксированы историей конкретных языков.

В младogramматизме нашло свое яркое отражение увлечение психологией, порожденное успехами, достигнутыми этой наукой, в частности влиянием трудов Г. Штейнталя.

Среди работ, в которых наиболее отчетливо отражены общие принципы младogramматиков, надо назвать: «Предисловие» Г. Остгофа и К. Бругмана к первому тому «Морфологических исследований в области индоевропейских языков» [105], которое считают манифестом младogramматиков (1878), книгу Г. Пауля «Принципы истории языка» [107; см. также 109], работу Б. Дельбрюка «Введение в изучение языка. Из истории и методологии сравнительного языкознания» [98; см. также 27], работу К. Бругмана «К современному состоянию языкознания» [88] и работу Б. Дельбрюка «Основные вопросы исследования языка» [100].

Методика исследования, приемы лингвистического анализа наиболее четко отражены в капитальном труде К. Бругмана и Б. Дельбрюка «Основы сравнительной грамматики индоевропейских языков» [93; см. также 89; 92; 101].

Критическое рассмотрение основных принципов младogramматизма с позиций своего времени было представлено в полемическом труде Г. Курциуса «К критике новейшего языкознания» [96].

Согласно философии языка, принятой младogramматиками, естественно-историческое развитие языка идет через индивидуально- или коллективно-психологические отклонения, реализующиеся в материальной, звуковой сфере и физиологии производства звуков, в отличие от той концепции языкового развития, в рам-

ках которой романтики объясняли развитие языка факторами культуры. В этих условиях самодвижение языка надо искать в материале речи — в звуках. Звуки речи под влиянием общих или частных произносительных условий склонны изменяться. Эти изменения приводят к сдвигам в системе. Вот почему у младограмматиков строго различаются понятия звуковых соответствий как сопоставление (генетически) одного и того же звука в разных системах и звуковых законов как простой или сложной трансформации одного и того же звука в пределах генетически одной и той же системы. Это различие носит принципиальный характер, хотя описание этих явлений ведется в разных терминах.

Учет звуковых законов и соответствий, рассматриваемых в контексте самодвижения языка, приводит к утверждению, что все изменения языка (за исключением заимствований) происходят по одному плану и порядку. Если представить это в современных лингвистических терминах, то можно сказать, что диахроническое изменение одного звука влияет на изменение другого. Поэтому звуковые законы есть всегда результат взаимовлияния. Взаимовлияние дает изменение системы в целом по дифференциальным признакам звучания (например, смычность—фрикативность переднеязычных согласных).

Если обнаруживается исключение из некоторого фонетического закона, то это результат действия другого закона: либо фонетического, либо морфологического. Для романтиков это было бы следствием влияния экстралингвистических факторов, относящихся к культуре. Младограмматики же рассматривают историю изменения языка как изменение самодвижущейся материальной системы.

Ко времени становления младограмматизма во всех областях знаний все большее значение приобретают *точные методы исследования*. К этому же стремятся и младограмматики. Их методы обоснования фонетических законов явились знаменательным шагом по пути разработки способов формализации лингвистического исследования и приемов дедуктивного рассуждения в лингвистике. Поэтому именно они явились создателями того фундамента, на котором стало возможным построение в последующий период более точной лингвистической науки. Идеи лейпцигских младограмматиков очень быстро получили широкое распространение среди языковедов последней четверти XIX в., так как эти идеи оказались созвучными общему движению научной мысли того времени.

Характерной предпосылкой появления младограмматизма явилось то обстоятельство, что языкознание в силу объективных причин было не в состоянии материализовать глоттогонические построения В. Гумбольдта, а философия языка А. Шлейхера с ее крайней идеализацией так называемого праязыка не отвечала задачам,

которые ставила перед лингвистикой общественная языковая практика. В силу этих наиболее общих причин возникло стремление выйти из теоретического тупика и, отмежевавшись от прежних философских построений в области теории языка, заняться эмпирическими исследованиями в области истории конкретных языков и языковых групп и более тщательно проанализировать естественный язык, каким он выступает в своей материальной, звуковой, форме. Отсюда повышенный интерес к фонетике, а затем — к экспериментальному изучению речи. Отсюда новая связь языкознания с физикой речи — акустикой, физиологией и психологией.

Позитивизм, господствовавший в то время в философской теории, способствовал укреплению позиций, занятых в языкознании младограмматиками.

Позитивизм противопоставляет абстрактному мышлению позитивные данные опыта, причем опыт понимается как объективация совокупности ощущений или представлений. Роль науки сводится к описанию и систематизации явлений. Соответственно в области научной теории допустимы только обобщения частного порядка, причем строго аргументированные эмпирическим материалом.

В соответствии с общефилософской позицией младограмматизма все теоретические положения языкознания должны вытекать непосредственно из реально наблюдаемых материальных фактов языка. Этим объясняется **отказ от решения проблем онтологии языка**.

Одним из основополагающих общетеоретических положений младограмматиков является **представление о языке как продукте психофизической деятельности**. Механизм человеческой речи в понимании младограмматиков имеет две стороны: психическую и физическую. Чисто физической стороной речевого механизма занимается «физиология звуков». Поэтому, по их мнению, необходимо привлечь еще одну науку — психологию, располагающую обширными возможностями наблюдать за ролью психических механизмов, лежащих в основании языкового узуса, различных звуковых, изменений и образований по аналогии.

По мнению младограмматиков, причина многих неудач и ошибок представителей романтического этапа сравнительно-исторического языкознания заключается в том, что они не осознали того факта, что даже преобразования или новообразования, возникающие лишь во внешней языковой форме и касающиеся только звукового выражения мысли, основываются на происходящем перед произнесением звука психическом процессе.

Необходимо иметь в виду, что психологизм как принцип подхода к языку надо отличать от его конкретного воплощения в разных школах. Например, Бодуэн де Куртенэ в теории фонемы воссоздает в деталях механизм действия ассоциаций. А в школе Лес-

кпна ассоциативная теория берется лишь в самом общем виде как объяснение сдвига в языковой системе, что нашло воплощение в теории индивидуальных и узуальных отклонений от прежней системы в виде двух ступеней отклонения: по звуку и по ассоциации.

Значительное различие наблюдается в психологической интерпретации построения слова и предложения. Интерпретация Пауля отличается от фортунатовской, а у Фортунатова — не такая, как у Бодуэна. Разница состоит в теории предикации и ее отношении к строю предложения. Кроме того, для Пауля предложение — это, по сути дела, только процесс высказывания, для Фортунатова и Бодуэна — не только процесс, но и форма высказывания.

Лингвистический психологизм — это первая часть методологии младограмматиков и младограмматизма. Вторая часть — *историзм*, который в философии языка младограмматиков получил осмысление как единственно возможный научный подход.

Младограмматики в силу указанных составных частей своей методологии воздерживаются от постановки иных задач, кроме тех, которые возможно решить с помощью сравнительно-исторического метода.

Это особенно характерно, как мы увидим, для Лейпцигской школы Бругмана и Лескина, весьма характерно для Московской школы Фортунатова и менее свойственно Казанской школе Бодуэна де Куртенэ.

Младограмматизм обнаруживает значительную неоднородность как по научному мировоззрению, так и — особенно — по составу исследовательской проблематики. Между концепцией Лейпцигской школы и взглядами представителей младограмматизма в других странах, например Уитни в Америке, Бодуэна де Куртенэ в России, с самого начала наметились весьма существенные расхождения.

Так, для Казанской лингвистической школы в целом, особенно для Бодуэна де Куртенэ и Н.В.Крушевского, в отличие от немецких младограмматиков характерно было стремление к постановке кардинальных общелингвистических проблем, стремление к широким научным обобщениям.

Бодуэн де Куртенэ открывает путь к фонологическим исследованиям, обосновывает важность статического (системного) анализа языка, важность учета связей между элементами **единовременного** состояния языка, в то время как, например, для Пауля всякий научный анализ связей мыслим лишь в плане исторического исследования языка.

Крушевский, много и плодотворно работавший в области общего языкознания и выдвинувший ряд передовых для своего времени идей, тем не менее остается на устаревших и отброшенных самими младограмматиками позициях в отношении теории фоне-

тического закона, якобы подчиняющегося движущим силам законов природы.

Московская лингвистическая школа во главе с Фортунатовым, например, весьма убедительно подчеркнула и проиллюстрировала связь истории языка с историей общества, т. е. коллективного носителя данного языка, и необходимость учета этого фактора в конкретной языковедческой работе, указав тем самым на социальные аспекты языка и языкознания.

Много общего и вместе с тем несовместимого с младограмматизмом находим в трудах В.Д. Уитни.

В.Д. Уитни (1827— 1894), компаративист и санскритолог, широко известен также как специалист по общему языкознанию. Ему принадлежат такие работы, как «**Язык и его изучение**» [116]; «**Востоковедные и лингвистические исследования**» [117]; «**Жизнь и рост языка**» [51; 118].

Уитни одним из первых обратил внимание на аналогию как на важнейший фактор в развитии языка. В труде «Язык и его изучение» он изложил основные принципы сравнительно-исторического языкознания.

В области общего языкознания Уитни создал собственную теорию возникновения языка.

Но, восприняв и претворяя в жизнь новые для сравнительно-исторического языкознания идеи младограмматиков, он в своих общезыковедческих трудах еще на заре младограмматизма формулирует положения, развитие которых впоследствии Соссюром ознаменует конец младограмматизма. Именно Уитни в работе «Жизнь и рост языка» [см. 51; 118] ставит вопрос о языке как явлении в первую очередь общественном, разграничивает социальные и индивидуальные аспекты в языке, дает характеристику их соотношения, указывает на формы взаимодействия идеального и материального, мышления и языка, субстанции и формы, развивает идею знаковой природы языка, рассматривает вопрос о произвольности и условности языкового знака, т. е. вопрос о природе именованного, которое имеет, по его мнению, чисто социальный характер.

В общелингвистических сочинениях Уитни можно найти суждения, приближающиеся к представлению о языке как сложной структуре, в рамках которой можно выделить части и элементы, а также установить их соотношения.

Все школы младограмматиков, как правило, отличаются друг от друга не одним признаком, а той или иной комбинацией признаков. Поэтому для характеристики взглядов младограмматического направления в целом и их различий по школам представляется целесообразным остановиться в* первую очередь на общих принципах этого нового течения, а также на методе лингвистического исследования и важнейших проблемах, волновавших ком-

паративистику третьей четверти XIX в., в том классическом виде, как они были сформулированы в Лейпцигской школе, а затем перейти к рассмотрению особенностей других школ.

II. Лейпцигская школа и характеристика основных проблем, присущих младограмматическому направлению в целом

Младограмматическое движение впервые во весь голос заявило о себе в среде языковедов Лейпцигского университета. Особое место занимают среди них Август Лескин (1840—1916), Герман Остгоф (1847—1909), Карл Бругман (1849—1919) и Герман Пауль (1846-1921).

За ту решимость и тот молодой задор, с которым лейпцигские ученые обрушили свою критику на языковедов старшего поколения (от Боппа до Шлейхера), их (с легкой руки немецкого лингвиста Ф. Царнке) стали называть младограмматиками.

Для установок Лейпцигской школы характерно решительное отмежевание от собственно этнопсихологии (или психологии народов) М.Лацаруса и Г.Штейнталя. По мнению, например, Г.Пауля, всякое чисто психическое взаимодействие совершается в недрах индивида, поэтому следует признать, что в действительности существует лишь индивидуальная психология и никакая этнопсихология не может быть ей противопоставлена.

Не менее решительно выступает Г. Пауль и против этнопсихологии В. Вундта. В предисловии к четвертому изданию «Принципов истории языка» он пишет следующее о работе Вундта «Народная психология» (см. главу 5):

К этой работе Вундта в целом я, к сожалению, могу отнести лишь отрицательно... Я... не нахожу у Вундта изложения психологических выводов, будто бы полученных им с помощью языкознания. Напротив того, у меня сложилось впечатление, что к изучению языка он приступил уже с заранее сложившимися психологическими взглядами [35, 22—23].

Лингвистические построения лейпцигских младограмматиков, их интерпретация явлений языка последовательно выдержаны в духе индивидуального психологизма.

Один из основных недостатков предшествовавшего языкознания лейпцигские младограмматики усматривали в том, что оно подходило к объекту своего исследования, не выяснив, какие факторы взаимодействуют при речевой деятельности и, следовательно, не учитывая их постоянного влияния на развитие и преобразование речевого материала. А между тем, по их мнению, сам языкотворческий процесс и изменения в языке могут исходить только от говорящих индивидов, так как язык не есть нечто существующее в себе, он существует в индивиде.

Из этого, в свою очередь, следует, по мнению младограмматиков, что в действительности в каждый данный момент в данной языковой общности насчитывается столько диалектов, сколько говорящих индивидов, причем каждый из этих диалектов обладает собственным историческим развитием и подвергается непрерывным изменениям. Из этого же положения естественно вытекает и тезис лейпцигских младограмматиков, что все языковые изменения совершаются в речевой деятельности индивида.

По мнению младограмматиков, для того чтобы как можно более полно описать состояние какого-либо языка, следует подвергнуть обследованию все массы представлений у каждого члена данной языковой общности, а затем сопоставить полученные результаты.

Лингвистический психологизм в его индивидуалистическом преломлении ярко проступает при описании процесса общения. Лейпцигские младограмматики подробно, например, останавливаются на характеристике механизма порождения и сочетания представлений, лежащих в основании конкретных речевых образований.

Психический комплекс, по мнению Г.Пауля, сложившийся в одной душе, не может служить основой для его возникновения в другой душе; каждая душа должна начинать все сначала, т. е., иначе говоря, в результате физиологических раздражений должны вновь появиться примитивные представления, а уже затем из отношений, в которые вступают эти примитивные представления, в душе индивида должны сложиться комплексы представлений. При этом содержание представлений передаваться не может, и все, что каждый человек знает о содержании представлений другого лица, основывается на выводах из его собственных представлений. Все языковые средства хранятся в сфере бессознательного в виде сложнейшего психического образования, состоящего из разнообразных сцеплений групп представлений. Эти хранимые в сознании представления обуславливают возможность повторного появления в сознании того, что уже в нем было, а отсюда и возможность понимания или произнесения того, что ранее уже понималось или произносилось. Представления появляются в сознании целыми группами и поэтому также группами сохраняются и в области бессознательного. При этом представления следующих друг за другом звуков ассоциируются с совершаемыми друг за другом движениями органов речи, образуя целостный ряд. Звуковые ряды и ряды артикуляций ассоциируются между собой. С этими рядами ассоциируются представления, для которых они являются символами. Так ассоциируются между собой различные способы употребления какого-либо слова или оборота речи. Так же ассоциируются между собой по родству звуков и значений различные падежи имен или времена, наклонения и лица глаголов, а также различные производные образования от одного и того же корня.

все сходные по функции слова, например: все существительные или глаголы, все одинаковые по функции формы разных слов, как-то: все родительные падежи, все формы страдательного залога, все перфекты и т.д.

Из этого следует, что «всякая грамматическая категория возникает на основе психологической. Первая представляет собой первоначально не что иное, как внешнее выражение второй. Как только действенность психологической категории начинает обнаруживаться в языковых средствах, эта категория становится грамматической. С созданием грамматической категории действенность психологической, однако, не уничтожается» [35, 315]. Таким образом, грамматические категории имеют своим коррелятом психологические категории, что, впрочем, не следует истолковывать как некоторое тождество:

Мы должны отличать психологическое подлежащее (или соответственно сказуемое) от грамматического, поскольку они не всегда совпадают [35, 146-147].

Всякое языковое творчество, как утверждают младограмматики, всегда индивидуально:

Нередко бывает, что несколько индивидов создают нечто сходное, но от этого ни акт творчества, ни продукт его не перестают быть индивидуальными. Никогда группа лиц не создает здесь чего-либо сообща, совместными усилиями, соответственно распределив роли [35, 40].

Поэтому на деле приходится ограничиться изучением языкового организма нескольких индивидов или даже одного индивида. Но непосредственно наблюдать языковой организм совершенно невозможно, так как «этот организм есть нечто неосознанное, покоящееся в душе» [35, 51]. Его можно изучать, по убеждению лейпцигских младограмматиков, только по его проявлениям, т.е. по отдельным актам речевой деятельности. Из физических проявлений речевой деятельности наиболее доступны наблюдению акустические. Поэтому младограмматики проявляют повышенный интерес к фонетике.

Из представления о языке как принадлежности и продукте психической деятельности индивида вытекает и своеобразное объяснение механизма исторического развития языка, основывающееся на тезисе, что все языковые изменения совершаются в обычной речевой деятельности индивидов. Отсюда вытекает, что исследованию должны быть подвергнуты элементы развития, обнаруживающиеся во всей совокупности проявлений речевой деятельности всех относящихся к данной языковой общности индивидов в **Их** взаимодействии. Носителями исторического или языкового развития являются психические организмы, образуемые группами

представлений и находящиеся у каждого индивида в состоянии непрерывного изменения. Способность к развитию основана на том, что в этих психических организмах остаются следы происходящего, обуславливающие возможности дальнейших изменений.

В отличие от психических организмов речь сама по себе не развивается, ибо слово как акустико-физиологический продукт бесследно исчезает, как только органы речи возвращаются в состояние покоя.

Принцип историзма объявляется младограмматиками единственно научным принципом лингвистического анализа. Поэтому для младограмматиков «историческое» есть синоним «научному». Так, К. Бругман и В. Штрайтберг писали:

В распоряжении того, кто берется за научное изучение языка, имеется один-единственный метод — исторический [94, 7—8].

Утверждение принципа историзма находим в словах, которыми Б.Дельбрюк заканчивает свое «Введение в изучение языка»:

Языкознание вступило из философского периода в исторический [27, 148].

Принцип историзма лежит в основе всей концепции Г.Пауля. Не случайно его основной труд называется «Принципы истории языка». Пауль пишет:

Кое-кто, возражая мне, указывал, что помимо исторического существует еще и другой способ научного изучения языка. Никак не могу согласиться с этим. То, что понимают под неисторическим и все же научным рассмотрением языка, есть, по сути дела, также историческое, но несовершенное изучение языка — несовершенное отчасти по вине исследователя, отчасти же в силу особенностей изучаемого материала. Как только исследователь переступает за пределы простой констатации единичных фактов, как только он делает попытки уловить связь между явлениями и понять их, так сразу же начинается область истории, хотя, быть может, он и не отдает себе ясного отчета в этом [35, 42—43].

Следовательно, «связь между явлениями» языка Г. Пауль осознает отнюдь не в плане системы, не в плане соотношения элементов единовременного языкового состояния (что, между прочим, превосходно видел уже его современник И.А.Бодуэн де Куртенэ), а в плане лишь динамики языка. Все стороны изучения языка для Пауля тесно связаны с рассмотрением его исторического развития:

Мне вообще неизвестно, как можно с успехом рассуждать о языке, не добывая сведений о его историческом развитии [35, 43].

Таким образом, языкознание, по Паулю, сводится к истории языка, и его основной труд «Принципы истории языка» следова-

ло бы назвать «Принципы исторического языкознания». Лейтмотив книги выражен в следующих словах:

Как и всякий объект человеческой культуры, язык — предмет исторического рассмотрения [35, 25].

Представители Лейпцигской школы решительно выступили с призывом перестать заниматься только древними языками и реконструкцией индоевропейского праязыка и обратиться к изучению живых языков, которые, по их мнению, дают гораздо больше фактического материала для установления закономерностей развития языка. Они, собственно, указали на путь исследования, предложенный уже Я.Гриммом, но на который не встали пришедшие ему на смену представители компаративистики, такие, как А. Потт, А. Кун, Т. Бенфей, Г. Курциус, А. Шлейхер и др.

Наиболее ярко этот призыв отражен в упомянутом предисловии Г.Остгофа и К.Бругмана [105]. Здесь Остгоф и Бругман впервые четко и предельно сжато изложили сущность взглядов Лейпцигской школы.

Ученый, занимающийся сравнительным изучением языков должен обратить свой взор не к праязыку, а к современности, если он хочет иметь представление о характере развития языка [цит. по: 28, 155].

В качестве объекта исследования предлагаются германские, романские, славянские и другие языки, а не древнеиндийский, древнегреческий и латинский языки, на изучении которых в основном концентрировалось внимание ученых, придерживавшихся натуралистической философии языка. По мысли лейпцигских языковедов, изучение живых языков обладает рядом преимуществ: 1) они являются языками в самом широком смысле народными, не подвергшимися литературной обработке, и, следовательно, дают почву для исследования преобразований, происходящих в речи народа; 2) это языки, обнаруживающие большое разнообразие диалектов.

Остгоф и Бругман указали на необходимость совершенствования методов лингвистического исследования. В сравнительно-исторических исследованиях прежде всего следует опираться, по их мнению, на показания фактов развития языков, историю которых можно проследить с помощью письменных памятников на большом отрезке времени и исходное состояние которых известно. Это означает, что нельзя абсолютизировать индоевропейские праформы, которые являются чисто гипотетическими построениями, а достоверность, научная вероятность этих праформ зависит в первую очередь от того, согласуются ли они с дальнейшим развитием языка, а также с тем, были ли соблюдены при их реконструкции верные методические принципы. Это явилось новым и чрезвычайно важным положением:

Мы должны, — утверждали они, — намечать общую картину характера развития языковых форм не на материале гипотетических праязыковых образований и не на материале древнейших дошедших до нас индийских, иранских, греческих и т.п. форм, предыстория которых всегда выясняется только с помощью гипотез и реконструкций [цит. по: 28, /55].

В заключение Остгоф и Бругман заявляют:

Итак, только тот компаративист-языковед, который покинет душную, полную туманных гипотез атмосферу мастерской, где куются индоевропейские праформы, и выйдет на свежий воздух осязаемой действительности и современности... только такой ученый сможет достичь правильного понимания характера жизни и преобразования языковых форм и выработать те методические принципы, без которых в исследованиях по истории языка вообще нельзя достичь достоверных результатов и без которых проникновение в периоды дописьменной истории языков подобно плаванию по морю без компаса [цит. по: 28, /57— 158].

Для достижения этих целей, понятно, было необходимо отказаться от тех приемов исследования, которые были отработаны исключительно на письменных текстах, в результате чего создавались условия для смешения написания с произношением, буквы со звуком, а также для проявления грамматического схематизма.

Одним из важнейших положений сравнительно-исторического метода в младограмматический период являлось **требование строго учитывать действие звуковых законов и аналогии**. Звуковой закон и аналогия становятся строго отработанными единицами лингвистического описания.

Младограмматики не были первыми, кто выдвинул понятие звукового закона. Термин «звуковой закон» был введен Ф. Боппом. От термина «правило благозвучия» (Wohllautsregel) Бопп перешел к термину «закон благозвучия» (Wohllautgesetz) и от него — к термину «звуковой закон» (Lautgesetz). О звуковых законах говорит В.Гумбольдт, в той или иной форме ими оперируют А. Шлейхер, А. Потт, Г. Курциус. В работах младограмматиков вначале ощущается влияние этих языковедов, но постепенно выкристаллизовывается своя собственная концепция фонетического закона.

Учение о звуковых законах получило такую глубокую, детальную разработку в трудах младограмматиков в силу чисто практических потребностей уточнить методику сравнительно-исторических исследований. Но в основе столь пристального внимания к этой проблеме лежит их философская концепция: научную ценность представляют те, и только те, положения, которые могут быть проверены на фактическом материале, причем из них не должно делаться никаких далеко идущих выводов.

Подчеркивая важнейшую роль звуковых законов, Остгоф и Бругман писали:

Только тот, кто строго учитывает действие звуковых законов, на понятия которых зиждется вся наша наука, находится на твердой почве в своих исследованиях [цит. по: 28, 160].

Основными вопросами, поднимаемыми в связи со звуковыми законами, являются: 1) их причинность, 2) их природа и 3) характер их протекания (проявления).

Младограмматики первыми утвердили положение о том, что все звуковые изменения в языке должны иметь свою причину. Не случайно А.Лескин в вышедшей в 1876 г. работе «Склонение в славяно-литовском и германском» [104] неоднократно подчеркивал, что если допускать возможность произвольных, случайных, не взаимосвязанных между собой отклонений, то тем самым мы признаем, что предмет исследования, язык, недоступен научному познанию.

Отсюда следует вывод, что существующее в лингвистическом аппарате понятие «спонтанного» звукового изменения весьма условно по своему содержанию и, следовательно, разница между так называемыми обусловленными (комбинаторными, позиционными) и спонтанными изменениями заключается лишь в том, что причины первых ясны, а вторых — остаются пока неизвестными.

В этой связи, как отмечает Э. Векслер, характерно мнение Р. Ленца, который ставит вопрос о том, правомерно ли вообще говорить о спонтанных звуковых изменениях, и сам отвечает:

Строго говоря, нет, так как все происходящее имеет свои причины [103, 191; ср. 115, 80].

Таким образом, младограмматики отказываются от характерного для романтиков истолкования спонтанных изменений как проявления стремления «духа».

Бопп прямо говорит о «духе языка», или «гении языка», который стремится найти свое выражение:

Не может считаться случайностью, что гений языка предусматривает превращение *a* в *e* и что корень не может заканчиваться двумя гласными [86, 270].

Некоторые младограмматики в ранний период своей деятельности усматривали причины звуковых изменений даже в природных условиях. Например, Г. Остгоф, рассматривая историю швабского диалекта, замечает, что в III в. н.э. швабское племя переселилось с севера в область Неккера, где под новым небом, при ином давлении воздуха, т.е. при иных природных, а также культурных условиях, изменились и органы речи говорящих:

Как формация всех физических органов человека, так и формация его органов речи зависит от климатических и культурных условий, в которых он живет [106, 19].

Против этого положения возражали Б.Дельбрюк, Г.Пауль и другие, отмечая, что нередко идентичные языковые явления встречаются в различных областях и, наоборот, люди, живущие в одинаковых климатических условиях, говорят на разных языках [см. 27, 128; 112, 79].

И старшее поколение компаративистов, и младограмматики в явном или неявном виде признавали значение таких факторов, как стремление к благозвучию и удобство произношения. Ф. Бопп, например, в начале своей деятельности являлся сторонником так называемой теории благозвучия. На некоторые «правила благозвучия» он указывает уже в своей «Сравнительной грамматике». Так, например, он утверждает, что *a* является самым естественным и красивым из всех гласных [см. 86, 263]. По мнению Боппа, «чем более языки удаляются от своего первоначального источника, тем сильнее дает себя чувствовать стремление к благозвучанию» [86, 119]. Г.Курциус же исходил из того, что произносительное удобство остается главной побудительной причиной звуковых изменений при любых обстоятельствах. В целом, по Курциусу, оно проявляется в двух направлениях: в замене менее удобного места артикуляции более удобным и в замене более трудного для произношения звука менее трудным [см. 97]. Уитни причину изменения видит в основном в стремлении к экономии усилий [см. 119].

Позже среди младограмматиков распространяется мнение, что причины звуковых изменений следует искать в непостоянстве произношения, в минимальных отклонениях в речи, остающихся вначале незамеченными. Они вызываются небольшими сдвигами в органах речи, в артикуляции.

Звуковые изменения, подчеркивали младограмматики, начинают с индивида, который, овладевая в детстве родным языком, в силу какой-либо причины допускает неточность в произношении. Последняя становится особенностью его индивидуального произношения. Позднее, если эта особенность понравится, он может ее усилить. Данная особенность может оказаться подхваченной другими людьми и сделаться всеобщей привычкой.

Ясно, что подобная интерпретация фактов исходит из примата роли речевой деятельности в ее индивидуальном и социальном аспектах.

Поскольку младограмматики большое внимание уделяли индивидуальной речи, то в поисках причин звуковых изменений они в конечном счете обратились к психологии речи. Так, Ф.Ф.Фортунатов утверждал:

Конечное объяснение фонетических явлений дает психология... Эти явления в их результате представляют собою известные изменения в физической стороне языка, а явления второго рода возникают по отношению к представлениям слов, ассоциирующихся по сходству, т.е. это явления исключительно психологические [60, 282—283].

Вместе с тем младограмматики упорно работали над осознанием сущности и условий фонетических изменений и созданием непротиворечивой и по возможности полной теории фонетического закона. Еще в 1875 г., т.е. на заре младограмматизма, как пишет Дельбрюк, В.Шерер отмечал, что «изменения звуков, которые мы можем наблюдать в засвидетельствованной памятниками истории языка, осуществляются согласно строгим законам, нарушения которых в свою очередь могут быть только закономерными» [цит. по: 28, 188]. По представлениям Г.Остгофа и К.Бругмана:

...Каждое звуковое изменение, поскольку оно происходит механически, совершается по законам, не знающим исключений, т.е. направление, в котором происходит изменение звука, всегда одно и то же у всех членов языкового сообщества, кроме случая диалектного дробления, и все без исключения слова, в которых подверженный фонетическому изменению звук находится в одинаковых условиях, участвуют в этом процессе [105, 160].

Если прежде быди популярны сравнения фонетических законов с естественными законами, действующими со всей необходимостью, свойственной законам природы, как это видно, например, из следующего высказывания Г.Курциуса: «Именно в жизни звуков всего вероятнее можно установить прочие законы, обнаруживающиеся почти с последовательностью сил природы» [97, 81], то в работах многих младограмматиков мы уже встречаем более ограничительную интерпретацию фонетических законов. Более того, такие видные младограмматики, как Г. Пауль и А. Лескин, неоднократно высказывались против старого истолкования фонетических законов. Вот что говорит, например, Г. Пауль уже в первом издании «Принципов истории языка»:

Я не могу согласиться с определением фонетических законов как законов природы. Очевидно, что эти исторические явления однородного характера не имеют ничего общего с химическими или физическими законами. Язык слагается из действий людей, и, следовательно, фонетические законы относятся не к учению о закономерности явлений природы, а к учению о закономерности человеческих действий [цит. по: 28, 189].

Итак, понятие «фонетический закон» стало обретать гуманитарное истолкование. В этих условиях может показаться несколько странным то, что Н. В. Крушевский, неоднократно цитировавший Работу Пауля «Принципы истории языка», в «Очерке науки о язы-

ке» считает возможным указать на «существование всеобщих звуковых или, точнее, физиологических законов, по природе своей ничем не различающихся от законов физических или химических» [33, 60]. Иначе говоря, в теории фонетического закона еще находит отражение идея об органичности языка, еще сказывается влияние А. Шлейхера, воспринимавшего звуковые законы как законы естественно-исторические.

В работах представителей младограмматизма более позднего периода интерпретация понятия звукового закона постепенно совершенствуется.

Звуковые законы, выдвинутые младограмматиками на первый план в лингвистическом исследовании, в течение многих лет были предметом оживленной дискуссии. В процессе этой дискуссии пришлось пересматривать подход к проблеме звукового (фонетического) закона. Под давлением фактического материала пришлось признать, что сфера действия звуковых законов ограничивается целым рядом факторов, как-то: хронологическими и пространственными пределами, встречным действием аналогии, позднейшими иноязычными заимствованиями, различными произносительными условиями.

Г. Пауль указывает, что звуковой закон, как таковой, не предполагает непременно манифестации определенного ряда явлений всякий раз при данных общих условиях; он предполагает лишь регулярность определенной группы исторических явлений:

Под последовательным действием звуковых законов следует понимать то, что в процессе звукового изменения в данном диалекте все единичные случаи, характеризуемые одинаковыми звуковыми изменениями, протекают вполне одинаково [35, 81].

Безусловность звуковых законов представляется невероятной Б.Дельбрюку в силу того, что абсолютные законы предполагают абсолютное единство языка, которое в действительности не достигается. Напротив, во всех языках всегда замечается борьба двух противоположных сил и стремлений: с одной стороны — стремление индивидуумов к эмансипации, с другой — нивелирующее давление масс на индивидуумы, которое сглаживает, стирает индивидуальные отклонения от нормы [см. 27, 123].

Как же, по мнению младограмматиков, происходят языковые (прежде всего звуковые) изменения?

Младограмматики подчеркивают незаметность, постепенность языковых изменений, которые настолько незначительны, что носители этих изменений, т.е. говорящие, даже не догадываются об их существовании. Г.Пауль, например, описывая постепенное нарастание звуковых изменений, говорит, что даже если в самом начале отклонение окажется ничтожно и повлечет за собой минимальнейший сдвиг моторного чувства, то в другой раз окажется

возможным уже большее отклонение от исходного положения и произойдет новый, дальнейший сдвиг моторного чувства и т.д., пока, наконец, в результате накопления ничтожно малых сдвигов не возникнет заметная разница в произношении. Таким образом, на протяжении одного поколения могут произойти лишь очень незначительные изменения. Более заметные изменения могут иметь место только тогда, когда старшее поколение будет вытеснено младшим [см. 35, 88].

Чтобы сделать более ясными содержание понятия «фонетический закон» и процедуру выведения конкретных фонетических законов, рассмотрим результаты некоторых конкретных исследований в этой области. Возьмем в качестве одного из примеров закон, сформулированный К. Вернером и известный как *закон Вернера*.

Рассмотрим определенный ряд слов. Так, в санскритском слове *bhratar* 'брат' ударение на первом слоге, отсюда в готском — *Bđрак*. Напротив, в санскритском /?//яг'отец' ударение на последнем слоге, и поэтому в готском встречаем форму *fadar*.

Закон Вернера опирается на большую группу слов и их форм в системе сильных глаголов германских языков. Ср., например:

Санскрит	Древнеанглийский	Значение
<i>vdrtami</i>	<i>weorpe</i>	'я становлюсь'
<i>vavdrta</i>	<i>wearp</i>	'я стал'
<i>vavrtimd</i>	<i>wurdum</i>	'мы стали'
<i>vavrtidna</i>	<i>warden</i>	причастие прошедшего времени

Таким образом объясняется наличие в древнегерманских языках чередования глухих и звонких щелевых, которое широко представлено в категории глагола. В категории имени в древнегерманских оно представлено лишь в виде некоторых остаточных явлений.

В качестве другого примера можно упомянуть закон Грассмана. В 1863 г. языковед и математик Г. Грассман [см. 95] разъяснил некоторые кажущиеся несоответствия в известном законе Раска—Гримма, касающемся первого передвижения согласных в германских языках. По этому закону индоевропейские *bh, dh, gh* переходили в германские *b, d, g*, а индоевропейские *b,d,g—B* германские *p, t, k*. Однако реально в ряде случаев на месте ожидаемых «закономерных» глухих согласных обнаруживаются звонкие. Ср., например, санскритские слова *bandhas* 'лента, завязка' и *babhrus* 'бурый' с немецкими *Band* 'лента, завязка' и *Biber* 'бобер', а не *Band* и *Fiber*, как должно было быть по закону Раска—Гримма. Причина столь якобы странного явления, по Грассману, заключается в том, что в санскрите и в древнегреческом действовал закон диссимилиации придыхательных согласных, восходящих к индоевро-

пейскому праязыку. По этому закону, если в индоевропейском в одном и том же слоге или в двух смежных слогах встречались два придыхательных, то в санскрите и древнегреческом один из них (обычно первый) терял придыхание. Ср. индоевропейское **dhughiter* 'дочь', древнегреческое *thygdtēr*, санскритское *duhita* (из **dughitar*). Таким образом, следует предположить, что первоначальными формами в индоевропейском были **bhandhas* и **bhebhrus*, к которым восходят немецкие *Band* и *Biber*.

Следует подчеркнуть, что слабость младограмматической теории звуковых законов состояла не в приравнивании их к законам природы, что должно было означать получение при одинаковых условиях одинакового результата, т.е. что, скажем, некий элемент *A* при условиях *X* за единицу времени должен обязательно переходить в *A'* а в упрощении языковой данности, в тенденции делать абсолютные выводы на основе одностороннего рассмотрения весьма ограниченного языкового материала.

Теория младограмматиков оказалась не в силах выяснить причинность звуковых изменений, поскольку «условия изменений» звуков понимались слишком ограниченно. Как известно, младограмматики часто упускали из виду многоплановость языка, выдвигали гипотезы, интерпретирующие явления лишь с какой-то одной стороны. Например, в качестве причин звуковых переходов часто указывались лишь условия артикуляции, а остальные аспекты оказывались неучтенными.

Конечно, сама ограниченность понимания условий звуковых изменений объясняется недостаточностью фактических знаний о языке и ошибочностью некоторых общетеоретических посылок. Например, младограмматики не проводили различия абстрактной структуры языка и ее физического коррелята, рассматривали явления изолированно, хотя имплицитно и исходили из понятия системы языка (ср., в частности, закон Вернера [см. 114]). Именно поэтому те или иные фонетические изменения получали либо акустическое, либо артикулярно-физиологическое, либо психологическое, либо индивидуально-социологическое истолкование; причем они поочередно сменяли друг друга — в зависимости от общенаучных склонностей и специальных лингвистических интересов исследователей.

В этих обстоятельствах внесенная младограмматиками поправка, сводившаяся к выводу о специфически языковой сущности звуковых законов, ничего реально не изменила, не помогла ответить на такие весьма важные вопросы, как: почему некое изменение имело место? Почему оно прекратилось? По-прежнему не было ответа на вопрос о том, взаимодействие каких условий — внешнеязыковых или внутриязыковых — послужило толчком к возникновению звукового изменения, обеспечило условия, необходимые для его протекания, и, наконец, привело к его затуханию.

Как известно, звуковой состав языка для младограмматиков определялся действием звуковых законов и процессов аналогии.

Звуковые законы, как в конечном счете было установлено, действуют без исключений в пределах какого-либо языка или группы языков в какой-то определенный период времени. Это означает, что все слова языка, в которых обнаруживаются определенные звуковые условия (т.е. одинаковое стечение звуков), подпадают под их действие. Звуковые законы приводят к звуковым чередованиям, вызывают возникновение разнообразных форм внутри единой парадигмы.

Например, в древнерусском языке парадигма слова *рука* была следующей: им. п. *рука*, род. п. *руки*, дат. п. *руцъ*, вин. п. *руку*, твор. п. *рукою*, местн. п. *руцѣ*. Форма *руцѣ* возникла в силу закономерного процесса аккомодации древнерусских согласных *к, г, х* перед гласными переднего ряда *и*. В результате смягчения согласных соответственно возникали *ц, дз, с*. Это была так называемая свистящая аккомодация. В силу другой, «шипящей», аккомодации *к, г, х* переходили перед гласными переднего ряда в *ч, ж, ш*. Отсюда такое различие в формах, как: *пеку—печешь, бегу—бежишь* и т.д.

Большое количество различных форм внутри единой парадигмы возникло в германских языках (как результат перегласовок).

Действию звукового закона противостоит, как полагают младограмматики, аналогия.

Аналогия влечет за собой замену старой формы, образованной в соответствии со звуковыми законами, новой формой с новым звуковым составом. Следовательно, аналогия ведет к унификации форм и к устранению чередований.

Итак, звуковой закон и аналогия — это процессы, действующие в различном направлении.

Возьмем в качестве иллюстрации действия процесса аналогии следующий пример:

	Классический латинский	Старо- французский	Современный французский
	Единственное число		
1-е лицо	<i>amo</i>	<i>aim</i>	<i>aime</i>
2-е лицо	<i>amas</i>	<i>aimes</i>	<i>aimes</i>
3-е лицо	<i>amat</i>	<i>aime</i>	<i>aime</i>
	Множественное число		
1-е лицо	<i>amamus</i>	<i>amons</i>	<i>aimons</i>
2-е лицо	<i>amatis</i>	<i>amez</i>	<i> aimez</i>
3-е лицо	<i>amant</i>	<i>aiment</i>	<i>aiment</i>

Здесь мы наблюдаем следующее: 1) первоначальное *a* корневой морфемы переходит в *ai* в ряде форм в старофранцузском; в

современном французском форма с *ai* распространяется на всю парадигму; 2) в 1-м лице ед. числа в современном французском языке появляется окончание *e* по аналогии с другими формами.

По мнению младограмматиков, новообразование языковых форм по аналогии играет огромную роль в обогащении языка, когда вновь образуемые формы строятся по аналогии с уже имеющимися.

В сферу действия процессов аналогии попадают и заимствованные языком слова. Действие аналогии особенно ясно заметно при систематическом усвоении форм флексий чужого языка, а также в речи детей. (Дети обычно склонны употреблять регулярные типы слово- и формообразования вместо нерегулярных.)

Г.Пауль отмечает:

...Образование по аналогии «напоминает решение пропорционального уравнения, когда, зная ряд привычных пропорций, мы свободно создаем по образцу этих отношений искомый второй член пропорции, первый член которой нам также известен... Для составления такой пропорции необходимо наличие по крайней мере трех подходящих для этого членов. Каждый из них должен в чем-то сопоставляться с другим; в данном случае это означает, что с одним из членов он должен быть схож в отношении вещественного элемента, с другим — в отношении элемента формального. Так, например, в латинском можно составить уравнение (*animus: animi = senaius'.x* [35, 139]).

Обязательность действия процессов аналогии для младограмматиков основывается на той же психологической сущности языка: слова возникают «каждый раз в душе говорящего не обособленно, а в тесной связи» с другими.

В младограмматический период, особенно к его концу, появляется большое количество сравнительных грамматик различных языковых групп, относящихся к индоевропейской языковой общности, а также исторических грамматик конкретных языков. Одной из наиболее значительных работ этого периода по сравнительной грамматике индоевропейских языков, в которой ярко проявляется влияние новых тенденций, является труд К. Бругмана и Б.Дельбрюка «**Основы сравнительной грамматики индоевропейских языков**» [89] и созданная на ее основе К. Бругманом «**Краткая сравнительная грамматика индоевропейских языков**» [90].

«Основы сравнительной грамматики» Бругмана и Дельбрюка — это обширный труд, который по объему привлекаемого языкового материала остается непревзойденным до настоящего времени. В работе приводятся данные почти по 70 индоевропейским языкам и диалектам. Первый и второй тома, посвященные фонетике, слово- и формообразованию, написаны К. Бругманом, три последующих тома, посвященные синтаксису, — Б.Дельбрюком. Третий

том, в частности, исторический обзор синтаксиса. В четвертом и пятом томах рассматриваются члены предложения и части речи и присущие им грамматические категории. Последний, шестой том, — это указатель имен, терминов и языковых примеров.

К. Бругман и Б. Дельбрюк, как и предшествующие компаративисты, признавали важность проблемы реконструкции праязыка. Однако, по их мнению, речь может всерьез идти лишь о реконструкции отдельных его элементов, а не языка в цельном виде, на котором когда-то и где-то действительно говорили члены индоевропейского племени. Последнее, по их мнению, — задача невыполнимая.

Индоевропейский праязык, по Бругману и Дельбрюку, не мог представлять собой того единства, какое он «демонстрирует» в реконструкциях А. Шлейхера. Они считают, что в эпоху, предшествовавшую выделению из него отдельных языков, праязык представлял собой некоторую совокупность диалектов. Эти диалекты могли возникнуть как следствие: 1) распространения языковых новообразований на смежных территориях в результате дробления и территориального размежевания групп населения; 2) прекращения языкового общения между родственными племенами; 3) смешения с иноязычным населением. (Первоначально, как отмечает Бругман во введении к первому тому, индоевропейский праязык занимал весьма незначительную территорию.)

Значительно изменилось и представление о строении праязыка. Прежде всего совершенно иначе, чем у А. Шлейхера, представит перед нами звуковой состав праязыка. Так, Бругман насчитывает в праязыке 73 звука, в то время как Шлейхер насчитывал только 24 звука. В то время как, по Шлейхеру, индоевропейский праязык обладал очень скудным составом гласных, Бругман рисует картину языка с богато развитой системой вокализма [см. 89, т. 7, 92—93].

Итак, отвергается гипотеза о последующем развитии праязыкового состава гласных и согласных и вместо нее выдвигается гипотеза о звуковом разнообразии, звуковом богатстве, уже существовавшем в праязыке (ср. главу 4, с. 293 — 295).

Авторы «Основ сравнительной грамматики» отказываются и от теории агглютинации Ф. Боппа, поддерживавшейся в известной степени и А. Шлейхером.

Возникновение флективных форм Бругман объясняет процессом словосложения. Слияние слов с самого начала, по его мнению, происходило так же, как оно происходит в исторический период развития отдельных языков. Образование флексий, утверждает он, не является процессом, относившимся к какому-то определенному доисторическому периоду в развитии индоевропейских языков и закончившимся к определенному моменту времени. Оно совершалось в прошлом и будет совершаться в будущем [см. 89, /, 32—33]. По мнению Бругмана, невозможно безогово-

рочно утверждать, что такие-то аффиксы возникли из «корневых слов», так как, во-первых, у языковедов нет достоверных данных о «периоде корневых слов» и, во-вторых, глагольные окончания к периоду распада праязыка прошли в своем развитии уже слишком длительный путь, чтобы можно было рискнуть что-либо сказать в отношении их происхождения.

Формировалась неприязнь не только к недоказуемым построениям, но и к различного рода глоттогоническим гипотезам вообще, поскольку нет конкретного языкового материала, способного подтвердить или опровергнуть правильность чисто теоретических предположений.

Исследователи стремились к тому, чтобы языковедение было осознано как точная наука, оперирующая фактами, истинность которых тщательно проверена, история которых установлена. В этом отношении характерен способ описания, применяемый в «Основах сравнительной грамматики».

Например, Бругман сначала перечисляет все звуки определенного типа в праязыке и дает их классификацию. Затем он устанавливает, какие изменения мог претерпеть тот или иной звук еще в период общности в зависимости от позиционных условий. После этого подробно исследуется судьба данного звука уже по отдельным группам языков, которых Бругман насчитывает восемь: арийскую (индоиранскую), армянскую, греческую, албанскую, италийскую, кельтскую, германскую и балто-славянскую. Однако рассматривается только древнейшее исторически засвидетельствованное состояние этих языков, и дальнейшая судьба описываемых звуков, за крайне редкими исключениями, не изучается.

Совершенно так же строится и изложение сравнительной морфологии. Все древнейшие формы отдельных индоевропейских языков возводятся, таким образом, к праязыковому состоянию.

Бругман считает необходимым подразделить изучаемые сравнительной грамматикой явления на: 1) общеиндоевропейские и 2) частично индоевропейские, т.е. более поздние [см., например, 91]. Одновременно ставится вопрос о явных новообразованиях, которые распространились на несколько языков или языковых групп. Сюда относится целый ряд фонетических явлений, например явление палатализации, когда один из индоевропейских заднеязычных согласных переходил в свистящие и шипящие в индоиранских, славянских, балтийских, армянском и албанском языках. Это явление используется в качестве основного признака при делении языков на две группы (*centum* и *satom*).

Основной задачей, которую ставили перед собой исследователи этого периода, так же как и более ранних периодов, было восстановление исходных «праязыковых форм». В силу этого сравнительно-исторический метод как совокупность научно-исследо-

рательских приемов состоял в: 1) сравнении звуков, корней, аффиксов на базе сопоставления значимых единиц родственных языков, причем гипотетически допускалось их генетическое тождество, и 2) проверке гипотезы (в данном случае можно провести аналогию с обычным способом доказательства теоремы: *даны элементы...; требуется доказать, что...*). Проверка гипотезы сводилась к: а) установлению закономерных соответствий между сравниваемыми элементами; б) попытке выявления их хронологических соотношений. Конечным этапом являлась реконструкция архетипа (подробно см. главу 4, разд. IV).

Такова в общих чертах проблематика, характерная для младограмматического этапа сравнительно-исторического языкознания, в частности для Лейпцигской школы, и таковы подход и приемы лингвистического анализа, на базе и посредством которых эти проблемы ставились и решались.

Не подлежит сомнению, что при всех своих недостатках сформулированные младограмматиками сугубо эмпирические частные законы выражения языковой эмпирии, представляющие собой результат обобщения обширного материала многочисленных конкретных языков и языковых групп и отличающиеся высокой точностью отраженных в них наблюдений, сыграли значительную роль в развитии фонетических и — шире — лингвистических знаний.

III. Московская школа

В 70—80-е годы XIX в. при Московском университете формируется группа языковедов, получившая название Московской лингвистической школы.

По своим общеметодологическим установкам эта школа близка к Лейпцигской школе.

Вместе с тем ее характеризует своеобразное понимание явлений языка и определенная специфика исследовательских приемов.

Принимая основные положения индивидуального психологизма в качестве ведущего методологического кредо, представители Московской школы тем не менее в практике своих конкретных лингвистических исследований нередко отходят от ортодоксальной философии языка, свойственной младограмматизму. Они были ближе к лингвистическим направлениям XX в. (особенно к социологическому направлению и к Пражской функциональной школе).

Отсюда вытекают их специфический подход к объекту исследования и выдвигаемые ими задачи. В Московской школе, например, весьма значительная роль отводится изучению языка как социального феномена, много внимания уделяется проблеме ста-

новления литературного языка. Хотя упор по-прежнему делается на историческое изучение языка, многие языковые явления исследуются в плане синхронии.

Главой и основателем школы является Филипп Федорович Фортунатов. Учениками и последователями Ф.Ф.Фортунатова считали себя В.К.Поржезинский, Д.Н.Ушаков, М.М.Покровский, Б.М.Ляпунов, А.И.Томсон, А.М.Пешковский, Г.Г.Ульянов, А.А.Шахматов и др. Круг учеников и последователей Ф.Ф.Фортунатова включает многих зарубежных лингвистов.

Ф.Ф.Фортунатов (1848—1914) — один из выдающихся русских лингвистов конца XIX—начала XX в.

Идеи, содержащиеся в трудах Фортунатова, представляют значительный интерес для современного лингвистического знания.

Уже в раннем возрасте у Ф.Ф.Фортунатова проявляется интерес к теоретическому изучению языка, о чем свидетельствуют записки по русской грамматике и русской словесности, составленные им в десятилетнем возрасте.

Фортунатов был учеником видного лингвиста Ф. И. Буслаева. В 1871 — 1875 гг. занимался изучением сравнительной грамматики индоевропейских языков в Германии, Франции и Англии, слушал лекции Г.Курциуса и А.Лескина в Лейпциге, М.Бреала в Париже (что, безусловно, сказалось на становлении его лингвистической концепции).

За время педагогической деятельности в Московском университете Фортунатов создал систему преподавания лингвистических дисциплин, которая стала образцом для других университетов страны.

Современники высоко ценили его исследования, а также его талант лектора и преподавателя. Например, В.К.Поржезинский отмечал:

...Общими свойствами всех курсов Ф.Ф.Фортунатова, равно как и вообще всего его научного, творчества, были: поразительная точность в определении самих фактов, служивших материалом для исследования, необычайная глубина анализа и острота мысли, позволявшие проникать глубоко в самую суть явлений и не пропускавшие мельчайших деталей, ускользавших от внимания других исследователей [50, 17—18].

Фортунатов всегда интересовался вопросами методики преподавания языка, что способствовало совершенствованию школьных программ.

При жизни Фортунатова было опубликовано небольшое количество работ, что объясняется его чрезвычайной требовательностью к себе, а его лекционные курсы выходили лишь литографированными изданиями. Только в 50-е годы XX в. были изданы избранные труды Фортунатова, подготовленные к печати его уче-

никами — академиками М.М.Покровским, Б.М.Ляпуновым и профессором М.Н. Петерсоном [см. 64].

Научное наследие Фортунатова характеризуется, с одной стороны, классическим младограмматическим подходом к языку, а с другой — значительным интересом к вскрытию социальной сущности языка, стремлением к формализации лингвистических процедур и созданию точных научных определений, интересам к общелингвистической проблематике.

Близость его взглядов к идеям Лейпцигской школы проявляется прежде всего в строгом учете фонетических законов и психологическом понимании сущности языка.

Попытки формализации техники исследования особенно ярко проявились в грамматической теории Фортунатова.

В своих трудах Фортунатов выступает, во-первых, как индоевропеист и, во-вторых, как лингвист, занимающийся вопросами общего языкознания. Исследования Фортунатова-индоевропеиста касаются многих языков индоевропейской семьи, особенно славянских и балтийских. В области общего языкознания Фортунатов в первую очередь занимается такими проблемами, как соотношение языка и мышления, понятие грамматической формы, типологическая классификация языков. - •

По Фортунатову, существует обоюдная связь между языком и мышлением:

Не трудно уяснить себе, что не только язык зависит от мышления, но что и мышление, в свою очередь, зависит от языка [64, /, 120].

Эта зависимость, по его мнению заключается в том, что «при посредстве слов мы думаем и о том, что без тех или других знаков не могло бы быть представлено в нашем воображении, и точно так же при посредстве слов мы получаем возможность думать так, как не могли бы думать при отсутствии знаков для мышления, по отношению именно к обобщению или отвлечению предметов мысли» [64, /, 120]. По определению Фортунатова, язык представляет собой «совокупность знаков главным образом для мысли и для выражения мысли в речи, а кроме того, в языке существуют также и знаки для выражения чувствований» [64, /, ///]. Для первоначального появления языка, отмечает Фортунатов, требовалась уже определенная степень развития способности произносить членораздельные звуки речи в соединении с определенным развитием духовных способностей.

Ф.Ф.Фортунатов был одним из крупнейших компаративистов. Он внес значительный вклад в разработку сравнительной фонетики и грамматики индоевропейских языков. Наиболее известными работами Фортунатова являются: «Сравнительное языковедение» [58; 60], «Сравнительная фонетика индоевропейских языков» [62], «Лекции по фонетике старославянского (церков-

нославянского) языка» [65], «Сравнительная морфология» [61; см. также 55 и 57].

В своих трудах Фортунатов уделял внимание прежде всего вопросу **совершенствования методики сравнительно-исторических исследований** и соответственно **выработке новых принципов построения сравнительно-исторической грамматики**.

Фортунатов постоянно стремился установить причинную связь явлений и выявить по возможности движущую силу языкового развития.

Фортунатов отмечает:

...Язык изменяется во внешней стороне — звуках и во внутренней стороне — значении слов. В объяснении этих изменений и заключается, следовательно, объяснение фактов языка [56, 4].

Стремление выявить каузальную зависимость между изучаемыми явлениями ярко проявляется в его **исследованиях в области славяно-балтийской акцентологии**.

Особенно важно упомянуть в этой связи закон о передвижении ударения от начала к концу слова в славянских и балтийских языках, установленный им в 90-х годах XIX в. Этот закон, известный под названием **«закон Фортунатова—Соссюра»**, был открыт обоими лингвистами независимо друг от друга (правда, Соссюр установил его лишь для литовского языка).

В соответствии с этим законом различие по месту ударения в ряде слов общего происхождения между прочими индоевропейскими языками и балтийскими и славянскими языками ср. санскр. *bhardmi*, др. греч. *σῆρσο* и русск. *беру* (из общеслав. *berp*), а также различие по месту ударения между разными формами слов в балтийских и славянских языках (ср. русск. им. п. *рука* — вин. п. *руку*; винительный падеж в данном случае сохраняет старое место ударения) объясняется тем, что: 1) во всех этих и аналогичных им словах за ударным слогом следовал слог с долгим гласным; 2) долгота гласных различается в зависимости от взаимодействия с мелодикой, высотой тона; одна из разновидностей долготы — длительная долгота — связана с ровным музыкальным тоном; 3) в период балто-славянской общности длительная долгота «переносила на себя ударение с предшествовавшего слога, как скоро он сам не заключал в себе длительной долготы» [64, /, 445].

Большое внимание в курсах лекций Фортунатова обращается на **необходимость увязывать сравнительно-исторические исследования с изучением конкретной истории отдельных языков**. Последнее неизбежно ведет к учету исторических судеб народа, говорящего на данном языке.

Каждый язык, как всегда подчеркивал Фортунатов, принадлежит известному обществу, и его судьба тесно связана с судьбой

последнего. Именно под этим углом зрения он рассматривает и проблему диалектов, сосуществующих в одном языке. Изменения, которые происходят в составе «общественного союза», сопровождаются соответствующими изменениями в языке. Дроблению общества на части соответствует дробление языка на отдельные наречия. Когда исчезает связь между разъединившимися частями общественного союза, то бывшие наречия одного и того же языка, продолжая развиваться, превращаются в самостоятельные языки. Напротив, когда связи, которые соединяют различные части общественного союза, тесны, то постепенное разъединение наречий сопровождается их постепенным объединением. Факт постоянного дробления или объединения языка, отмечает Фортунатов, должен всегда приниматься лингвистом во внимание независимо от того, изучает ли он новые или древние языки.

Необходимо также, указывает Фортунатов, принимать во внимание различия, которые зависят от уровня общественного развития. Например, первобытное общество более однородно по своему составу, и поэтому и язык его не представляет других различий, кроме местных. Но так как связи между частями первобытного общества являются слабыми, то это способствует быстрому превращению местных диалектов в самостоятельные языки. Напротив, с развитием общества развивается разнородность в его составе, причем пока общественные связи слабы, эти диалекты существуют обособленно один от другого. Но с возрастанием общественных связей увеличиваются их взаимные связи. Особенно важную роль в этом процессе играет письменный язык.

Именно появление письменности и следующее за ней образование и развитие литературы приводит к возникновению на базе одного из диалектов (наречий) литературного языка, или, по терминологии Фортунатова, «литературного наречия». Литературный язык отличается особенной стойкостью и стремлением к единообразию, так как его развитие зависит не только от естественных условий существования, общих для любых других диалектов, но также и от контролирующей и унифицирующей деятельности людей. (Несомненный интерес в этой связи представляет анализ Фортунатовым древних письменных памятников [см., например, 63].

Итак, историческое изучение материала привело Фортунатова к убеждению, что развитие языка нельзя себе представить только как его дробление, как дифференциацию. Оно представляет собой и интеграцию. Возможен сложный, двоякий процесс: отдельные диалекты могут и соединиться, и снова распадаться. Это тесно связано с историей общественных союзов, и факторы эти должны, по его мнению, учитываться в сравнительной грамматике при Реконструкции праязыковых состояний. Таким образом, **язык рассматривается им как социально-историческое явление.**

Сосуществование диалектов в одном языке определяется в первую очередь общим законом жизни языка — постепенным, но постоянно происходящим изменением с течением времени. Постепенное изменение языка состоит, во-первых, в постоянном изменении составных элементов языка; во-вторых, в приобретении новых черт; в-третьих, в утрате тех или иных черт. Следовательно, сосуществование диалектов состоит: 1) в однонаправленных изменениях общего (для них) языкового материала; 2) во взаимном влиянии — в случае различного (по результату) изменения общего исходного языкового материала. Взаимовлияние диалектов проявляется также и в приобретении одним диалектом из другого элементов, не восходящих к общему языковому наследию [64, /, 65— 70].

Одной из актуальных проблем для компаративистики его времени являлась **реконструкция индоевропейского праязыка**. Метод реконструкции Фортунатова заключался в том, что при установлении и определении каждого звука, каждой формы общеиндоевропейского языка он проводил сопоставления с показаниями всех отдельных индоевропейских языков как в прошлом, так и в настоящем. Общеиндоевропейский язык, отмечает Фортунатов, представляет интерес для исследователя лишь в связи с теми языками, которые из него позднее развились, а не как самоцель. История общеиндоевропейского языка начинается с эпохи, непосредственно предшествовавшей его распадению на отдельные языки, причем он допускает как диалектное дробление таких языков, как литовско-славянский, индоиранский и других, так и диалектное дробление общеиндоевропейского. Тем не менее он критически относится к теории волн И. Шмидта.

Необходимо отметить, что сравнительно-историческая грамматика индоевропейских языков представляет собой, по мнению Фортунатова, часть общего языкознания, задачей которого, по его мнению, является исследование языка не на какой-то стадии его существования, а в его постепенном видоизменении, в развитии. Изучение постоянного изменения языка требует изучения его фактов в преемственности и их изменении во времени. Подобное изучение Фортунатов называет историческим. Принцип историзма, по его мнению, определяет как задачи языкознания, так и его метод.

Предметом, изучаемым в языковедении, является не один какой-либо язык и не одна какая-либо группа языков, а вообще человеческий язык в его истории. Следовательно, все отдельные человеческие языки. • • изучаются здесь по отношению к истории языка [64, /, 23].

Отсюда языковедение, отмечает он, может быть определено как историческое изучение всех доступных для исследования отдельных человеческих языков.

Для Фортунатова как компаративиста естественно видеть задачу языкознания в исследовании родственных отношений между отдельными языками в их сравнительном изучении. Тем не менее он признает необходимость сравнения языков не только в генеалогическом отношении, но и с других позиций. Сравнительно-исторический метод не является для него единственным научным методом. Он утверждает, что можно «сравнивать языки и по отношению к тем сходствам и различиям, которые зависят от сходных и различных физических и духовных условий» [64, /, 26]. Одновременно Фортунатов проводит мысль о единстве свойств человеческого языка, имея в виду единство человеческой природы [см. 64, /, 26]. Указанные положения интересны с точки зрения выраженной в них идеи универсализма.

Общность природы человеческих языков (как языков звуковых) следует прежде всего искать в их звуковом оформлении. В связи с этим Фортунатов уделяет огромное внимание образованию звуков с физиологической точки зрения и взаимоотношению физиологии и фонетики. Законы физиологии звуков речи выступают как общие законы для всех языков. В то же время фонетические законы — это, по Фортунатову, частные законы, действительные лишь для отдельных языков.

Большой интерес представляет **грамматическая теория Фортунатова**, а в ней учение о грамматических классах слов и форме слова.

Рассмотрение грамматической стороны языка Фортунатов начинает с определения слова.

Слово, как известно, является одной из важнейших и наиболее трудных в определении единиц языка. В истории языкознания предпринималось множество различных попыток дать определение слову, однако полностью удовлетворительного определения не выработано и поныне.

Слово рассматривается Фортунатовым как одна из важнейших единиц языка, которую необходимо строго отграничивать: а) от словосочетаний; б) от составных частей слова (т.е. от морфем).

В основу определения слова как отдельной самостоятельной единицы языка кладется принцип обладания самостоятельным значением. По Фортунатову:

...Всякий звук речи, имеющий в языке значение отдельно от других звуков, являющихся словами, есть слово; например, в русском языке звук речи **а** представляет собой отдельное слово, **так** как **этот** звук **а** **Имеет** у **нас** известное значение (союз **а**) отдельно от других звуков, являющихся словами [64, /, 132].

Обычно слово состоит из нескольких звуков речи. Однако отдельным словом будет являться лишь такой комплекс звуков речи,

который имеет отдельное значение и не разлагается на два или несколько отдельных слов без утраты или изменения значения. Например, в русском языке такие звуковые комплексы, как *книга* или *неправда (ложь)*, представляют одно слово, так как отвечают этому требованию. Ведь если разложить слово *неправда* на *не* и *правда*, данное значение слова будет потеряно.

Итак, для существования слова необходимо наличие как самостоятельного значения, так и самостоятельного звукового выражения. Например, *неправда* и *ложь* — это разные слова.

Фортуатов сосредоточивает внимание в первую очередь на грамматических особенностях слова. В этом отношении особо важна его классификация слов, или, иначе говоря, **учение о грамматических классах слов.**

Все отдельные слова языка он делит на полные, частичные и междометия. Полные слова характеризуются тем, что они обозначают предметы мысли и образуют либо части предложений, либо целые предложения. Например, *дом, иди, морозит* — это полные слова, причем два последних слова могут образовывать целые предложения. Полные слова подразделяются на слова-названия и слова-местоимения [см. 64, /, 132—135].

Деление на грамматические классы основано у Фортуатова на разработанном им понятии *формы слова* и — шире — грамматической формы. Понятие формы является одним из центральных вопросов морфологии. Создание учения о грамматической форме считается одной из важнейших заслуг Фортуатова в истории языкознания.

В определении формы слова Фортуатовым есть отдельные моменты, не удовлетворяющие требованиям современного языкознания. Однако существенным является то, что данное определение опирается лишь на реально представленные в языке отношения и являет собой одну из первых попыток решения проблемы на чисто языковой основе, без привлечения данных логики или психологии [ср. 64, /, 444 и сл.].

Проблема формы в языке занимала Фортуатова на протяжении всего периода его научной деятельности. Он ее разрабатывал и в трудах, посвященных отдельным грамматическим категориям — виду, залогу, и в общих курсах, где этой проблеме уделялось особое место. Определения формы слова (или «формы языка») из года в год менялись, так как автор искал все более четкое, более точное определение, но ее истолкование оставалось в основе своей неизменным [см., например, 58; 56; 60].

Форму он усматривает лишь там, где она формально выражена. Иметь форму, по Фортуатову, могут полные слова.

Формой отдельных слов в собственном значении этого термина называется... способность отдельных слов выделять из себя для сознания говорящих формальную и основную принадлежность слова [64, /, 136]

Что такое формальная принадлежность слова? Формальной принадлежностью слова является, по мнению Фортунатова, та принадлежность звуковой стороны слова, которая видоизменяет значение другой, основной принадлежности этого слова. Следовательно, формальная принадлежность — это какой-либо определенный аффикс. Основная принадлежность слова называется основой слова. Отсюда становится понятным другое определение Фортунатова: «Присутствие в слове делимости на основу и аффикс дает слову то, что мы называем его формой» [64, /, 73], т.е. форма слагается из обоих элементов.

Необходимо отметить, что и в лекционных курсах, и в специальных работах Фортунатов всегда подчеркивал, что форма слова — это результат живых соотношений, существующих в данном языке в данную эпоху [см., например, 57 и 59].

Формы слов устанавливаются путем сопоставления с другими словами. Например, слово *несу* в русском языке содержит в себе определенную форму, общую со словами *веду*, *беру*, так как в нем выделяется формальная принадлежность — аффикс *-у* (ср.: *веду*, *беру*), и основа *нес-* (ср. *нес-ешь*, *нес-ет*).

Формальные принадлежности (аффиксы) могут быть не только положительными, т.е. выраженными формально каким-либо одним звуком или комплексом звуков, но и отрицательными, т.е. нулевыми, невыраженными, и осознаются в языке на фоне системы соотношений между словами языка. Именно на этом и основано понятие отрицательной формальной принадлежности. По словам Фортунатова, «самое отсутствие в слове какой бы то ни было положительной формальной принадлежности может само сознаваться говорящим как формальная принадлежность этого слова в известной форме (общей ему с другими словами) по отношению к другой форме или другим формам» [64, /, 138]. Например, в русском языке слова *дом*, *человек* заключают в себе форму именительного падежа единственного числа, причем формальной принадлежностью формы является здесь отсутствие аффикса (т.е. наличие так называемого нулевого аффикса) по сравнению с положительной формальной принадлежностью *-а* в словах *дом-а*, *человек-а*, формальной принадлежностью *-у* в словах *дом-у*, *человек-у* и т.д.

Слово может заключать в себе более одной формы. Могут быть отдельные слова, не имеющие никаких форм.

Фортунатов выделяет два типа форм отдельных полных слов в зависимости от того, выступают ли они как знаки отдельных предметов или обозначают отношения между последними. Соответственно устанавливаются формы отдельных знаков предметов Мысли, или формы словообразования, и формы слов в предложении, или формы словоизменения.

Формы словообразования, по Фортунатову, делятся на две категории. В первую входят формы, обозначающие различие в при-

знаке какого-либо предмета мысли. Например: *беленький*, но *белый*. Во вторую категорию входят формы, образованные от одной и той же основы, но находящиеся в определенных отношениях к предметам мысли, обозначаемым иными словами. Например: *белый* — *белье*, *белить*.

Формы словоизменения также делятся на две категории. К первой категории относятся формы времени, наклонения и лица в системе глагола. Эти формы указывают на отношения между подлежащим и сказуемым. Ко второй в индоевропейских языках относятся формы склонения в системе имени существительного и прилагательного. Эти формы указывают на отношения данного предмета мысли к другим предметам.

В зависимости от наличия у полных слов форм словоизменения и форм словообразования Фортунатов различает грамматические и неграмматические классы слов. Под *грамматическими* классами *слов* он понимал разряды слов, которые либо имеют одну общую форму, либо соотносительны между собой по значению. Грамматическим классам слов противопоставляются *неграмматические*, основывающиеся на классах значений слов.

Итак, по мнению Фортунатова, «присутствие в отдельных полных словах форм образует формальные, или грамматические, классы отдельных полных слов» [64, /, 757]. Грамматические классы бывают более общими и менее общими, причем вторые входят в состав первых.

Учение о грамматических классах слов разработано Фортунатовым в противовес традиционной классификации слов по частям речи, восходящей еще к Аристотелю.

Распределение слов по грамматическим классам у Фортунатова выглядит следующим образом. Выделяются: 1) слова с формами словоизменения; 2) слова без форм словоизменения. Первые, в свою очередь, подразделяются на: а) слова спрягаемые (глаголы в узком смысле слова); б) слова склоняемые (существительные): в) прилагательные — склоняемые слова (с согласованием в роде). В существительных — склоняемых словах различаются: 1) существительные личные (т.е. местоимения 1-го и 2-го лица) и 2) существительные неличные, где различаются: а) существительные имена (т.е. слова-названия) и б) существительные — местоимения неличные (т.е. местоимения с неличными местоименными основами) [см. 64, /, 158—163].

В класс слов без форм словоизменения входят инфинитив, де°~ причастие, а также слова типа дело, пальто и наречия. В класс прилагательных — склоняемых слов с согласованием в роде входят^Т причастия, прилагательные, притяжательные местоимения, порядковые числительные. В класс слов склоняемых — имена существительные, неличные местоимения, количественные числительные

Следует отметить, что указанные грамматические классы выделены, как замечает Фортунатов, применительно к общеевропейскому языку, но могут быть выделены и в других языках. Правда, стремление создать определенную классификационную систему в соответствии с требованиями сравнительно-исторического метода привело к выпадению из сферы наблюдений целого ряда процессов, вроде ударения, интонации, порядка слов и т.д.

Необходимо, однако, помнить, что **теория Фортунатова о форме слова явилась одной из первых формализованных теорий в языковедении.**

В связи с учением о форме слова Фортунатов освещает вопрос о **морфологической классификации**. Морфологическая классификация, по его определению, основана на сходствах и различиях, существующих между языками и обнаруживаемых при образовании простых, т.е. несоставных, форм слов. По его мнению, языки мира разделяются на пять основных типов.

1. **Агглютинативные** языки. Эти языки называются так потому, что основа и аффикс остаются по своему значению отдельными, как бы склеенными частями слов. В этих словах либо основа «вовсе не представляет так называемой флексии», либо флексия «не представляет необходимой принадлежности форм слов» [см. 64, /, 153]. К данному типу относятся, например, урало-алтайские языки.

2. **Флективно-агглютинативные** языки. В этих языках основы слов сами имеют «формы, образуемые флексией основ» (под флексией основ имеется в виду внутренняя флексия). При этом отношение между основой и аффиксом такое же, как в агглютинативных языках. К этой группе относятся семитские языки [см. 64, /, 153- 154].

3. **Флективные** языки. Это «языки, представляющие флексию основ в сочетании основ с аффиксами» [64, /, 154]. Примером языков данного типа могут служить индоевропейские языки.

4. **Корневые** языки. В этих «языках слова соответствуют корням слов в других языках»; у них вообще не существует форм слов, образуемых аффиксами. К этой группе принадлежат такие языки, как китайский, сиамский и др. [см. 64, /, 154].

5. **Полисинтетические** языки. Эти языки по образованию форм отдельных слов относятся к языкам агглютинативным, но выделяются в особый класс потому, что в них присутствуют формы, разующие слова-предложения. Сюда относятся языки американских индейцев [см. 64, /, 180-181].

Морфологическая классификация, по его мнению, должна **Новываться** не только на внешнем строении слова, внешней форме, но и на значении.

Касаясь генезиса формы слова индоевропейских языков, Фортунатов указывает, что общеиндоевропейский язык в своем развитии прошел через три последовательных этапа, соответствующих следующим трем типам строения слов: 1) корень — простейший элемент; 2) сочетание двух или нескольких корней; 3) преобразование такого сочетания в единое целое [см. 55, 40].

Теория формы дала возможность определить как задачи грамматики, так и ее объем. Грамматика определяется как учение о форме: учение о форме слова составляет один раздел грамматики — морфологию, а учение о форме словосочетания составляет другой ее раздел — синтаксис.

Учение Фортунатова о словосочетании, оказавшее значительное влияние на дальнейшее развитие синтаксической теории, вырастает из его концепции формы.

Понятие грамматической формы словосочетания предполагает, по Фортунатову, выражение формами языка отношения некоего предмета мысли к другому предмету мысли. Под этим углом зрения Фортунатов рассматривает так называемые грамматические словосочетания. Грамматическим называется словосочетание, у которого: 1) составляющие его части сами являются грамматическими; 2) сочетание в целом также носит грамматический характер.

Словосочетание, включающее грамматическое подлежащее и грамматическое сказуемое, является законченным и образует грамматическое предложение. Под грамматическим сказуемым понимается «та часть словосочетания, которая заключает в себе форму сказуемости», а под грамматическим подлежащим — «та часть словосочетания, с которой сочетается грамматическое сказуемое» [см. 64, 7, 186].

Словосочетание, не включающее грамматическое подлежащее и сказуемое, называется незаконченным. Незаконченные словосочетания обычно являются частями законченного (сложного) словосочетания, представляющего собой грамматическое предложение.

Таким образом, словосочетание оказывается у Фортунатова основным объектом синтаксиса.

Необходимо отметить, что, несмотря на стремление к установлению формальных критериев, учение о словосочетании и шире — о предложении тесно связано с понятием психологического суждения и исходит из него. Под словосочетанием Фортунатов понимает «то целое по значению, которое образуется сочетанием одного полного слова (не частицы) с другим полным словом, будет ли это выражение целого психологического суждения или выражение его части» [64, У/, 451].

Учение Фортунатова о психологическом суждении, в котором он выделяет психологическое сказуемое и психологическое под-

л ежащее, соответствует основным положениям психологического синтаксиса Г. Пауля [см. 108 и 111].

Вместе с тем следует подчеркнуть, что русская грамматическая традиция, а через ее посредство и западная, в первую очередь пражская, подверглась известному воздействию лингвистической системы Фортунатова. Схематизм грамматических построений, склонность к абстракции и формализации оказались созвучными новым лингвистическим веяниям XX в.

Фортунатов одним из первых попытался выявить формальные критерии, отделяющие слово от словосочетания и от морфемы. Он создал формализованное учение о формах словоизменения и формах словообразования, которое получило почти единодушное признание в русской лингвистике. Большое влияние на развитие учения о синтаксисе русского языка оказала его синтаксическая концепция.

Ученики и последователи Фортунатова продолжали разработку его идей, в частности учения о словосочетании, иногда значительно отходя от его положений, иногда лишь несколько их видоизменяя и делая попытку увязать данные положения с предыдущей и последующей русской грамматической традицией.

Вопросы синтаксиса получают глубокое освещение в трудах А. М. Пешковского и А. А. Шахматова. Особо следует отметить работу Пешковского «Русский синтаксис в научном освещении» [см. 37], а также работы А. А. Шахматова: «Синтаксис русского языка» [84]; «Очерк современного русского литературного языка» [80 и 83].

Следует также отметить труды В. К. Поржезинского: «К истории форм спряжения в балтийских языках» [42]; «Возвратная форма глаголов в литовском и латышском языках» [43]; работу Г. Г. Ульянова «Значение глагольных основ в литовско-славянском языке» [52]; работу М. Н. Петерсона «Очерк синтаксиса русского языка» [36].

Огромное влияние идей Фортунатова о словосочетании как главном предмете синтаксиса находит свое отражение в работе **А. М. Пешковского «Русский синтаксис в научном освещении»** [37], где центральными понятиями выступают форма слова и форма словосочетания. Понятие предложения здесь оказывается вторичным, выведенным из двух указанных форм, основанным на этих формах. Форма словосочетания по аналогии с определением формы слова у Фортунатова определяется Пешковским «как свойство всего словосочетания, взятого в целом, выделять по звукам и по значению в сознании говорящего и слушающего двоякого рода элементы: вещественные и формальные» [37, 47].

Каждое словосочетание должно, по Пешковскому, иметь «определенный вид, определенное внешнее и внутреннее строение» [37, 36]. Строение того или иного словосочетания, по его мне-

нию, следует «называть формой, но уже, конечно, не формой слова, а формой словосочетания» [37, 36].

Однако Пешковский отказывается от предложенной Фортунатовым классификации частей речи, в основе которой лежат чисто морфологические показатели слов, и предлагает характеризовать слова не только на основании наличия или отсутствия форм словоизменения, но и на основании сочетаемости с другими словами. Пешковский предлагает также заменить психологические основания при выделении понятия сказуемости определенными специфически языковыми признаками.

Следует отметить, что в синтаксических построениях А. М. Пешковского проявляется влияние идей А. А. Потебни, Ф. Ф. Фортунатова, А. А. Шахматова, Л. В. Щербы и других русских лингвистов.

Определение синтаксиса как учения о словосочетании содержится также у М. Н. Петерсона, особенно в его ранних трудах. **М. Н. Петерсон** первый сделал попытку дать описание и классификацию словосочетаний в русском языке. Задачи синтаксиса Петерсон видит: 1) в описании всех типов словосочетаний (описательный синтаксис); 2) в установлении происхождения типов словосочетаний и их соединений и определении их основных функций, а также в установлении путей развития из этих функций всех других функций (исторический синтаксис) [см. 36].

Идеи Ф. Ф. Фортунатова получают своеобразное преломление в трудах А. А. Шахматова.

А. А. Шахматов (1864—1920) является одним из наиболее выдающихся учеников и последователей Ф. Ф. Фортунатова.

В громадном научном наследии Шахматова имеются как собственно лингвистические, так и филологические и литературоведческие работы. Ему принадлежат монументальные исследования по диалектологии, древней русской литературе (истории русской летописи), проблемам фольклора, истории и этнографии.

Наибольший интерес для истории языкознания представляю! труды Шахматова в области синтаксиса.

«**Синтаксис русского языка**» [84] А. А. Шахматова является частью задуманного автором всеобъемлющего синтаксического исследования русского языка, которое, однако, он не успел завершить. Работа представляет собой весьма полное описание типов простого предложения в русском языке и содержит богатейший фактический материал. Шахматовым здесь впервые сделана попытка выявить систему в огромном разнообразии синтаксически* конструкций русского языка. (Область сложного предложения осталась, однако, почти неисследованной.)

Основные проблемы, разработанные в «Синтаксисе русского языка», сводятся: 1) к учению о двусоставных и односоставны* предложениях и 2) к учению о словосочетании.

В отличие от Ф. Ф. Фортунатова, определявшего предмет синтаксиса как учение о словосочетании, А.А.Шахматов предметом синтаксиса считает предложение. Синтаксис для него — это раздел, посвященный изучению «способов обнаружения мышления». Задачей синтаксиса является «изучение как предложения, т.е. словесного выражения единицы мышления, так и выделившихся указанным путем словосочетаний и слов, поскольку однако эти последние — в своей ли форме или в своем употреблении — не потеряли связи с предложением, сохранив значение частей или членов предложения» [84, 17—18].

Итак, учение о словосочетании у Шахматова оказывается подчиненным учению о предложении. Словосочетание выступает как незаконченная часть предложения.

Создание теории предложения имеет первостепенное значение в силу того, что «язык, — как отмечает Шахматов, — в своих элементах зародился и развился в составе предложения, ибо предложение является единственным способом обнаружения мышления в слове» [84, 573].

Эволюция языка, по его мнению, шла следующим путем:

В языке бытие получили сначала предложения; позже путем расчленения предложений, основанного на взаимном их сопоставлении и влиянии, из них выделились словосочетания и слова для самостоятельного (хотя ограниченного и случайного) бытия и употребления (обычно же слова и словосочетания обретаются в составе предложения) [84, 77].

В основе теории предложения Шахматова лежит учение о коммуникации, понимаемое как особый акт мышления, имеющий целью сообщение другим людям состоявшегося в мышлении сочетания представлений. Коммуникация объявляется психологической основой всех разновидностей предложений.

Таким образом, Шахматов прежде всего стремится, опираясь на положения современной ему психологии и логики, установить логико-психологическую природу предложения.

Простейшая коммуникация, по Шахматову, состоит из сочетания двух представлений, приведенных в предикативную связь Движением воли. Представления получают наименование членов Коммуникации, и среди них следует выделить господствующий и зависимый член.

В соответствии с учением о коммуникации в основе предлагаемых Шахматовым определений предложения лежит идея о том, что предложение — это не что иное, как языковая оболочка, оформление средствами языка единиц мышления:

Предложение является воспроизведением коммуникации средствами языка [84, 30].

Предложение это единица речи, воспринимаемая говорящим и слушающим как грамматическое целое и служащая для словесного выражения единицы мышления [84, 19].

Учение Шахматова о предложении, четкое разграничение односоставных и двусоставных предложений и установление особенностей членов каждого из этих типов предложений сыграло значительную роль в дальнейшем развитии теории языка, в частности русской грамматической теории.

Круг интересов языковедов, входивших в Московскую школу, был весьма широк. Последователи Фортунатова стремились развивать его идеи в области синтаксиса и морфологии, уделяли большое внимание освещению процесса становления литературного языка, проблемам семасиологии и даже литературоведения.

В частности, среди последователей Фортунатова, занимавшихся проблемами семасиологии, можно упомянуть **М.М.Покровского**, крупного специалиста в области классических языков и литературоведа. Особенно интересна его работа «Семасиологические исследования в области древних языков» [40].

Проблемами культуры речи, особенно орфоэпии, много занимался **Д. Н.Ушаков**, составитель и редактор четырехтомного «Толкового словаря русского языка» (1935— 1940), автор книги «Краткое введение в науку о языке» [54] и других работ.

IV. Казанская школа

Казанская лингвистическая школа сформировалась в Казанском университете в 70—80-е годы XIX в. Во главе ее стоял выдающийся языковед Иван Александрович Бодуэн де Куртенэ (см. главу 7 настоящей работы).

Казанская школа, возникшая в рамках младограмматического течения, с самого начала стала осознаваться как оригинальная школа языкознания. Стремление Бодуэна де Куртенэ творчески подойти к решению важнейших языковедческих проблем встречает поддержку ряда талантливых лингвистов, работавших в Казанском университете, которых сближает с ним общность теоретических воззрений. Среди них такие видные языковеды как В.А. Богородицкий, Н. В. Крушевский, С. К. Булич, А. И.Александров.

Именно в Казанской лингвистической школе Крушевский и Бодуэн де Куртенэ дают мировой науке первую формулировку фонологической теории. Именно к идеям Казанской школы, и прежде всего Бодуэна де Куртенэ, восходят, в частности, некоторые положения общелингвистической теории Ф. де Соссюра и фонологической концепции Н.С.Трубецкого.

Теоретические установки Казанской школы во многом совпадали с наиболее утвердившимися положениями современного ей младограмматизма.

Психологизм как один из компонентов философии языка младограмматиков характерен и для языковедов Казанской школы. Однако психологизм представителей Казанской школы во многом отличается от психологизма, характерного для ортодоксальных (прежде всего лейпцигских) младограмматиков. Психологизм Казанской школы — это объективный психологизм социологического толка. Представители Казанской школы, признавая язык явлением психическим, вместе с тем достаточно ясно и последовательно подчеркивали его социальный характер.

Отличительной чертой этой школы являлось стремление к теоретическим обобщениям, к постановке кардинальных проблем лингвистики. Это выгодно отличает их от лейпцигских младограмматиков и даже представителей Московской школы. Бодуэн де Куртенэ писал:

Существенным признаком «Казанской лингвистической школы» является стремление к обобщениям, стремление, многими порицаемое и даже осмеиваемое, но тем не менее стремление, без которого немислима ни одна настоящая наука [24, 52].

Склонность к построению научных абстракций находится в связи с общим для всех представителей Казанской школы интересом к философии, логике, математике. Например, Крушевский прямо писал, что его «влечет к философическим, а скорее логическим взглядам на лингвистику» [23, 173].

Стремление к общефилософским обобщениям свойственно в первую очередь Бодуэну де Куртенэ и Крушевскому [см. 23].

Основными трудами Крушевского (1851 -- 1887) являются: «Очерк науки о языке» [33]; «Очерки по языковедению» [34]; «Об аналогии и народной этимологии» [29]; «Наблюдения над некоторыми фонетическими явлениями, связанными с акцентуацией» [30]; «К вопросу о гуне» [32].

Задача лингвистики, по мнению Крушевского, состоит в том, чтобы «исследовать естественный процесс развития языка, т.е. раскрыть законы, по которым он развивается с формальной и функциональной стороны» [34, //, 42], «исследовать всевозможные явления языка, а равно и законы и условия их изменений» [34, //, 47].

Основные законы языковой эволюции, установленные Крушевским в работе «Очерк науки о языке», сводятся к следующему:

I. Язык изменяется благодаря сложности и неопределенности своих элементов: звуков, морфологических частей и слов.

II. Беспредельность этой изменчивости объясняется символическим характером слова.

III. Языковые элементы: звуки, морфологические части и слова не только изменяются, но тоже исчезают. Потому язык, путем переинтеграции наличного материала, вечно создает новый.

IV. Законы ассоциации одинаково важны для понимания как психических, так и языковых явлений.

V. Развиваясь, язык вечно стремится к полному общему и частному соответствию мира слов миру понятий [33, 149].

В этих положениях уже содержится концепция знакового характера языка и идея системности языка. Крушевский в другом месте говорит об этом более четко:

В самом деле: если язык есть не что иное, как система знаков, то идеальное состояние языка будет то, при котором между системой знаков и тем, что она обозначает, будет полное соответствие. Мы увидим, что все развитие языка есть вечное стремление к этому идеалу [33, 68].

В языке, по Крушевскому, содержатся известные «структурные семейства» и «системы типов».

Особенно четко системный характер связей элементов структуры языка демонстрируется Крушевским на материале морфологии.

В морфологической системе языка Крушевский устанавливает системы более высокого и более низкого порядка, а также неупорядоченные, находящиеся на пути к упорядочению и вполне упорядоченные системы [см. 33, 112].

В основе создания систем, по Крушевскому, оказываются законы ассоциации, которые, по его мнению, одинаково важны для понимания как психических, так и языковых явлений:

Эти законы превращают бесконечную массу слов в одно стойкое целое. Благодаря ассоциации по сходству слова образуют множество координированных систем или гнезд; ассоциация по смежности строит их в ряды [33, 149].

Не случайно Ф. де Соссюр отметил:

Бодуэн де Куртенэ и Крушевский ближе, чем кто-либо другой, подошли к теоретическому осмыслению языка, не выходя за пределы чисто лингвистического рассмотрения [102, 57].

В передаче традиций Казанской школы советскому поколению русских языковедов и в деле дальнейшего развития отечественной теории языка большую роль сыграл В.А. Богородицкий.

В.А. Богородицкий (1857—1941) был крупным специалистом в области общего, индоевропейского и тюркского языкознания. Богородицкий много занимался вопросами методики преподавания языка, вопросами экспериментальной фонетики, диалектологии славянских и тюркских языков. Наряду с многочисленными замечаниями относительно языка русских классиков

перу Богородицкого принадлежат специальные очерки по вопросам теории литературы и методам анализа художественных произведений [см. 10; 11]. Богородицкий был прекрасным лектором и педагогом [см. 26].

К важнейшим трудам Богородицкого следует отнести: **«Общий курс русской грамматики»** [15, ср. также 4]; **«Очерки по языковедению и русскому языку»** [12]; **«Лекции по общему языковедению»** [13]; **«Сравнительная грамматика арио-европейских языков»** [14, ср. также 5 и 8]; **«Введение в изучение современных романских и германских языков»** [22]; **«Введение в татарское языкознание в связи с другими тюркскими языками»** [21, ср. также 17 и 20]; **«Фонетика русского языка в свете экспериментальных данных»** [19, ср. также 16].

Как и другие представители Казанской лингвистической школы, Богородицкий подчеркивал, что наряду с историческим исследованием языка очень важным является и статическое, или синхроническое, изучение языка. Предлагаемый им метод Богородицкий характеризует как *синхронно-диахронический*.

На основании этого метода лингвист, по Богородицкому, должен учитывать как современное языковое состояние, так и изменение, которое претерпевает каждый факт языка в процессе развития.

В.А. Богородицкий считает, что сравнительное языкознание только тогда останется на высоте своих задач, если при сравнении не ограничиваться лишь древнейшими фактами каждого из сравниваемых языков, а звуки и формы каждого языка будут изучаться синхронически; причем звуковые и формальные изменения будут не только констатироваться, но и сопровождаться подробным психоанатомическим анализом и глубоким психологическим исследованием, а восстановление праязыка будет производиться с учетом относительной хронологии изучаемых явлений.

Углубленное изучение языка Богородицкий понимает как сочетание статического описания данного языка с историческим его рассмотрением, применяя в надлежащих случаях сравнение с родственными языками и сопоставление с неродственными семьями или системами языков. Именно так строит он свой **«Общий курс русской грамматики»** [15].

При характеристике фактов современного русского языка Богородицкий делает многочисленные экскурсы в область истории русского языка и даже привлекает материал из родственных языков, как, например, в главах о русском вокализме и консонантизме.

Занимаясь преимущественно проблемами сравнительно-исторического языкознания, Богородицкий уделял значительное внимание изучению живого разговорного языка и территориальных Диалектов. В этой связи он писал о себе следующее:

Верный принципам Казанской лингвистической школы... я полагал, **Что** для лингвиста первую и главнейшую заботу должно быть возможно

полное и всестороннее наблюдение и изучение явлений живой речи [12, предисловие к изд. 1901 г., с. 7].

По мнению Богородицкого, изучение территориальных диалектов помогает постичь характер языкового процесса. Изучая территориальные говоры, Богородицкий сформулировал положение о так называемых смешанных языках, которые он делит на три класса:

1) смешанные наречия, возникающие при столкновении двух разных языков, причем эти языки могут быть либо родственными (например, немецкий и русский), либо неродственными (например, русский и чувашский);

2) смешанные наречия, образующиеся при соприкосновении двух близкородственных языков, например русского и польского, русского и чешского;

3) смешанные наречия, возникающие при контакте наречий одного и того же языка; сюда относятся переходные говоры от малорусского к великорусскому [см. 6, 68—70; 12, 77—19].

Богородицкий уделял большое внимание проблеме «смешения» и «взаимовлияния» не только генетически родственных языков, но также языков различной типологии, не обнаруживающих каких-либо генетических связей. По его мнению, продуктивным для лингвистики является параллельное исследование тюркских и соседних с ними русских говоров. Такие исследования дают материал, вскрывающий факты взаимного влияния и, возможно, процесс языкового скрещивания.

Многие работы Богородицкого можно рассматривать как типологические исследования. Проблемы типологии всегда интересовали Богородицкого, а с середины 20-х годов XX в. они оказались в центре его внимания. Правда, Богородицкий не употребляет термины «типология», «типологический». Вместо этого он говорит об «*аналогическом*» изучении языков. По Богородицкому, при аналогическом сравнении сопоставляют однородные явления и в неродственных языках. Аналогическое (типологическое) изучение языков понимается как «систематическое и углубленное сравнение морфолого-синтаксических структур языков» [21, 23], принадлежащих к разным семьям. В архивных материалах Богородицкого имеются заметки по вопросам типологического изучения языков самых различных типов: арабского, китайского, персидского, японского, финского и некоторых африканских языков [цит. по: 1].

По мнению Богородицкого, наличие общих признаков в языках различных семей объясняется либо как результат соприкосновения и взаимовлияния этих языков, либо как результат отражения основных свойств человеческого мышления.

Богородицкий не проводит резкого противопоставления между типологическими и сравнительно-историческими исследова-

ниями. Это, вероятно, связано с тем, что он не проводил резкой грани между диахроническим и синхроническим исследованием, предлагая свой синхронно-диахронический метод.

Верный традициям Казанской школы, Богородицкий всегда уделял особое внимание разработке **проблем звукового строя языка**. В частности, он очень много сделал в области экспериментальной фонетики. Впервые в России (в Казани) им была создана лаборатория экспериментальной фонетики, которая позволила проводить наблюдения над акустикой и физиологией звуков речи. Можно сказать, что все советские специалисты в этой области в той или иной мере опираются на исследовательскую традицию, заложенную Богородицким.

Интерес Богородицкого к проблемам экспериментальной фонетики сохранялся на протяжении всей его жизни. Фонетике посвящена его диссертация на соискание ученой степени магистра «Гласные без ударения в общерусском языке» [3; 18].

Увлечение экспериментальной фонетикой толкнуло Богородицкого на создание единственного в своем роде краткого описания сравнительной физиологии звуков древнеиндийского, греческого, латинского и церковнославянского языков. Интерес к экспериментальной фонетике проявился в разработке Богородицким многих проблем общего языкознания. Экспериментальная фонетика, по Богородицкому, является основой, отправным пунктом для фонетического и грамматического изучения языка.

Тесная связь в рамках лингвистической науки между фонетикой и грамматикой основывается, по его мнению, на взаимодействии всех компонентов языка.

Теперь грамматику подразделяют прямо на три части — фонетику, морфологию и синтаксис... Все эти отделы тесно связаны между собою, так как каждое слово нашей речи представляет собою одновременно факт фонетический, морфологический и синтаксический [15, 4].

Фонетика, по Богородицкому, исследует звуковые единицы в связи с морфемами, в которых они находятся. Морфология изучает звуки и звуковые комплексы, связанные со значением и образующие знаменательные части: корень, префикс, суффикс, окончание и основу.

С позиции утверждения взаимодействия, взаимосвязанности всех компонентов языка Богородицкий создает свое учение о морфологических процессах и свою гипотезу эволюции частей речи в индоевропейских языках.

Учение о морфологических процессах — это учение об изменении морфологического строя языка в процессе его развития. Одним из основных положений данного учения является тезис о

том, что изменения в звуковой системе языка и в морфологии переплетаются друг с другом. Это основано на том, что каждое слово представляет две стороны: внутреннюю, т.е. значение, и внешнюю, т.е. звучание. Значение фонетического фактора для морфологии, по Богородицкому, заключается в том, что морфемы в результате фонетических изменений расщепляются на две или более (при сохранении значения) единицы. В результате возникают чередования типа: *пек-упеч-ешь* и т.п. [см. 12, 182].

Однако основными факторами, обуславливающими морфологическое развитие языка, по Богородицкому, являются факторы психологические.

Психологическая концепция языка Богородицкого, как и всей Казанской школы, была развитием ассоциативной психологии И. Ф. Гербарта, согласно которой различные языковые единицы и их объединения (например, грамматические системы) выводятся из различного типа психологических ассоциаций.

Разъяснение психологической сущности морфологических изменений в языке, равно как и описание основных факторов, приводящих к подобному изменению, наиболее отчетливо дано Богородицким в его статье «Об основных факторах морфологического развития языка» [7], а также в книгах «Очерки по языковедению и русскому языку» [12] и «Общий курс русской грамматики» [15].

Собственно морфологическими факторами Богородицкий называет лишь те, которые производят изменения в морфологических элементах слов: в корнях, префиксах, суффиксах и флексиях. Ими являются: аналогия, дифференциация, опрощение, переразложение (или абсорбция). Все они, по Богородицкому, имеют психологическую основу.

Аналогия — это морфологический процесс, при котором изменение в какой-либо форме возникает не фонетическим путем, а в результате выравнивания по другим формам. Аналогия, по Богородицкому, бывает материальной и формальной. Под действием материальной аналогии происходят изменения в корне или основе слова, под действием формальной — во флексиях [см. 12, 182-190].

Дифференциация заключается, во-первых, в возникновении новых разновидностей морфем и новых оттенков значения и, во-вторых, в закреплении какого-то нового оттенка значения за какой-то одной разновидностью морфемы. Процесс дифференциации имеет место при разграничении (или обособлении) как грамматических, так и лексических единиц. Например, внутри одной и той же формы падежа употребляются разновидности одной и той же морфемы, служащие для передачи разного значения. Ср. *снега/снегу*, где *-а* служит общим основным окончанием родительного падежа единственного числа мужского рода, *-у* пре-

имущественно употребляется в именах вещественных и вообще измеряемых, количество которых указывается [см. 12, 191—193].

Опрощение и переразложение связаны с изменением структуры всего слова. Первоначально Богородицкий, отводя более значительную роль фонетическим факторам развития языка, считал причиной переразложения и опрощения фонетические изменения. Позднее, однако, он начинает рассматривать их лишь как результат образования различных новых ассоциативных связей. В частности, он показывает, что направленность переразложения зависит от большей повторяемости формальных элементов слова по сравнению с его корневой (основной) частью.

Опрощением Богородицкий называл такой морфологический процесс, «когда слово **пересТаef** в живой речи чувствоваться в своем морфологическом составе, становясь простым символом представления, и, таким образом, на месте генетического значения выступает реальное» [12, 193]. Психологически сущность процесса может быть охарактеризована, по мнению Богородицкого, «как потеря чутья морфологического состава слов и превращение слов в простые символы, или знаки, представлений» [12, 777]. Например: *по-дол, по-суда, в-кус — подол, посуда, вкус* и т. п. Морфологически сущность процесса опрощения заключается в образовании в языке новых корней на почве прежних префикса и корня или корня и суффикса.

Богородицкий предлагает различать несколько градаций, или ступеней, опрощения. Первую ступень демонстрируют слова с прозрачным морфологическим составом типа *забыть, намерение*. Следующая ступень — слова типа *захолустье*. Хотя в **этом** слове и выделяется префикс, указывающий на нахождение предмета за чем-либо, но к префиксу примыкает корень, который с точки зрения современного языкового сознания не ясен и не выделяется. Основной причиной действия процесса опрощения Богородицкий считает, во-первых, разрыв смысловых связей некоего данного слова с генетически родственными словами и, во-вторых, выпадение из языка слов, от которых было образовано данное слово.

Переразложение — это процесс, в результате которого происходит сокращение основ в пользу аффиксов (окончаний). Морфологически сущность его заключается в образовании новых аффиксов. В случае переразложения конечная часть основы обычно отрывается и присоединяется к следующему за ней суффиксу или к окончанию. Например, существительное *готовность* было образовано при помощи суф. *-ость* от прилагательного *готовый*, но в **Настоящее** время оно осознается как слово, образованное от прилагательного *готовый* при помощи суф. *-ность*. Переразложение основ в пользу окончаний является морфологическим процессом, **Который** привел (наряду с другими факторами) к перестройке

всей системы склонения в индоевропейских языках. (Как известно, в древних индоевропейских языках тип склонения определялся по конечному звуку основы.)

Всестороннему анализу явления сокращения основ в пользу окончаний посвящен этюд под названием «**О морфологической абсорбции**» [2]. Здесь Богородицкий рассматривает разные виды поглощения формальными элементами слова основных, происходящего в результате фонетических, психических, морфолого-семасиологических причин, а также под влиянием народной этимологии. Все это иллюстрируется примерами из русского и греческого языков и получает изображение в виде математических формул.

В разработке проблем морфологического развития языка заслуга Богородицкого заключается прежде всего в том, что, изучив морфологические процессы внутри слова, он доказал подвижность морфологического состава слова, изменчивость его структуры.

Следует также рассмотреть подход Богородицкого к так называемой **проблеме частей речи**. Богородицкий утверждает, что для научного обоснования классификации частей речи необходимо проводить их изучение с нескольких точек зрения: формальной, семасиологической, синтаксической и логической. Однако принятие последней точки зрения не является, по мнению Богородицкого, возвратом к нормам логической грамматики. Признание логического момента в мышлении означает лишь убеждение в том, что мышление отражает мир реальной действительности и что, следовательно, этот мир действительности должен отражаться и в языке. Богородицкий отмечает:

...При исследовании эволюции частей речи мы должны избегать встречающегося нередко произвольного философствования... нужно стремиться к тому, чтобы каждый шаг в генетическом построении опирался на факты языка, содержащие признаки морфологического развития в том или ином направлении [12, 201].

Исходя из этого, Богородицкий называет «априорно-философским» [12, 202, сноска] подход А.А. Потебни, сформулировавшего генетическую точку зрения на эволюцию частей речи в работе «Из записок по русской грамматике» (см. главу 5 настоящей работы).

Развитие системы частей речи, по Богородицкому, совершалось в предложении.

Теория происхождения частей речи разрабатывается Богородицким на материале индоевропейских языков. Богородицкий выделяет в индоевропейском пять эпох, к которым относится, по его мнению, время создания (выделения) определенных частей речи. А именно: 1) эпоха имени — глагола с последующей дифференциацией на имя и глагол; 2) эпоха имени и местоимения;

3) **эпоха** существительного — прилагательного с последующей их дифференциацией; 4) эпоха наречий с последующим переходом некоторых наречий в категорию предлогов и основ; 5) эпоха расширения категории прилагательных причастиями.

Эпоха имени глагола относится автором к наиболее раннему периоду развития языка, когда, возможно, «одно слово-корень представляло собой целое предложение» [12, 205]. В дальнейшем, в процессе формирования предложения и его членов, происходит постепенный процесс формирования других частей речи:

Ко времени образования отдельных индоевропейских языков уже сформировалось в главном то разнообразие частей речи с их формальными принадлежностями, которое известно нам по фактам современных языков [12, 207].

Необходимо подчеркнуть то воздействие, которое оказали общелингвистические идеи и конкретные исследования представителей Казанской школы на развитие не только русского и славянского, но и мирового языкознания в целом. Это воздействие ощущалось как в XIX в., так и в первой трети XX в. Целый ряд идей, сформулированных в Казанской школе, нашел отражение в лингвистическом структурализме XX в.

V. Роль младограмматических идей в развитии языкознания

Младограмматическое направление в истории науки связано прежде всего с дальнейшим расцветом сравнительно-исторического языкознания. В результате накопления обширного фактического материала по различным индоевропейским языкам, открытий, сделанных младограмматиками в области исторической фонетики и морфологии, происходит пересмотр целого ряда положений компаративистики.

Подвергаются сомнению или опровергаются многие доводы Ф. Боппа, Я. Гримма, А. Шлейхера и других языковедов. Неизменной остается лишь самая основа индоевропейского языкознания, а именно положение о родстве индоевропейских языков, т.е. об их возникновении на базе одного и того же праязыка.

Однако само понятие «праязык» подвергается коренному пересмотру.

Прежде всего окончательно утверждается положение о том, что индоевропейский праязык отнюдь не находился на стадии **Примитивного** развития. Следовательно, попытки восстановления его черт не могли пролить свет на пути возникновения и развития **Человеческого** языка.

Далее, если еще в середине XIX в. праязык представлялся исследователю как единый, не расчлененный на диалекты, то те-

перь в праязыке усматривали диалектальные различия, обосновывая это положение тем, что на них прямо указывают некоторые фонетические явления.

Например, Б.Дельбрюк в качестве доказательства приводит формы др. инд. *aham*, др. греч. еусЗ 'я', которые не могут быть возведены к единой праформе, а потому следует предположить, что в одной области распространения индоевропейского праязыка произносился придыхательный или развившийся из него звук, а в другом ареале произносился звонкий согласный [цит. по: 28, 184].

Считается, что диалектальные различия имелись и в области морфологии и синтаксиса.

Из признания длительности пути развития индоевропейского праязыка вытекала невозможность его реконструкции в виде единого горизонтального среза. В результате невозможно было установить наверняка, является ли восстанавливаемое, скажем, слово более ранним или более поздним (сравнительно с другими) по своему происхождению. Формулируя это положение, И.Шмидт писал:

реконструируемое ...Индоевропейское предложение подвергается опасности выглядеть подобно стиху из библии, в котором спокойно стояли бы рядом слова языка Вульфилы, языка Татиана и языка Лютера [цит. по: 28, 184].

Учитывая сложность задачи, младограмматики рекомендуют по возможности ограничиться реконструкцией звуков и отдельных морфем, не касаясь реконструкции предложений. Хотя и здесь, отмечают они, не исключена возможность ошибочно отнести к одному времени разные этапы фонетического процесса развития звуков.

В связи с этим исследователи уже иначе, чем Шлейхер, подходят к проблеме праформ. Они теперь уже видят и понимают всю ее сложность.

Восстанавливаемые праформы не рассматриваются больше как реальные слова реального языка.

Так, Б.Дельбрюк об этой эволюции воззрений компаративистов Пишет:

...Праформы с их меняющимся обликом представляют не что иное, как выражение в формулах меняющихся воззрений ученых на объем и характер языкового материала, который отдельные языки унаследовали от общего языка [цит. по: 28, 183].

Младограмматики исходят из того, что не следует полностью отказываться от восстановления праформ, несмотря на их условность, так как, во-первых, это дает возможность сделать изложение более кратким и наглядным, позволяя в значительной степени сводить его к формулам, и, во-вторых, заставляет постоянно

стремиться к выяснению вопроса, является ли рассматриваемая форма новообразованием или же она восходит к праязыковому периоду.

Осознание всей сложности языкового развития приводит младограмматиков к постановке вопроса о том, восходит ли то или иное общее явление к праязыковому состоянию или же это результат параллельного развития, возникновения параллельных новообразований в отдельных языках в исторический период их развития, обусловленного совпадением законов образования форм в этих родственных языках.

Центр внимания лингвистов постепенно переносится на исследование развития праязыковых элементов в истории каждого отдельного языка или группы близкородственных языков по данным древнейших письменных памятников.

Формулируются рекомендации, непосредственно связанные с усовершенствованием метода реконструкции. Например, согласно Э. Герману, следует исходить из процедуры, предполагающей установление сначала праформ отдельных языков, и только после этого попытаться выяснить, насколько праформы, установленные на основании данных отдельных языков, согласуются друг с другом, с тем чтобы лишь затем приняться за реконструкцию общей праформы.

В исследовательской работе, которую осуществляли младограмматики, преобладало описание характерных черт, общих для индоевропейской семьи в целом или для каждой отдельной ветви, причем эти черты рассматривались как исконные, восходящие к периоду индоевропейской общности.

Основной недостаток такого подхода заключается в том, что исследование, по существу, не выходит за рамки древнейшего состояния письменных памятников, ограничивается лишь древнейшими периодами развития индоевропейских языков. За пределами анализа остается историческое развитие родственных языков. Материала, показывающего картину развития звукового или морфологического строя соответствующих языков, классическая индоевропеистика XIX в. не дает.

В результате не получили удовлетворительного освещения такие вопросы, как влияние структуры общеиндоевропейского языка на закономерности развития структуры языков-основ различных языковых групп, а также влияние особенностей структуры языков-основ на последующее развитие отдельных языков индоевропейской семьи.

В сравнительных грамматиках славянских языков нет описания происходившей там перестройки всей временной системы, ничего не говорится о возникновении некоторых аналитических временных форм. В сравнительных грамматиках германских языков не

рассмотрены артикль, описательные времена, формы залога. Все это объясняется тем, что перечисленные категории оформлялись уже в период исторического развития указанных языков, а материал создаваемых сравнительных грамматик ограничивался описанием древнейшего состояния этих языков.

Не выявляются факторы, объясняющие, почему древние исконные элементы сохранились в отдельных индоевропейских языках в разной степени.

Недостаточно учитывалась история народов, говоривших на этих языках, в частности, сложность и длительность процессов обособления или, наоборот, слияние отдельных языковых групп, возможность их вторичных схождения. Например, в XIX и начале XX в. считалось, что все глагольные формы древнеиндийского и древнегреческого языков были унаследованы от эпохи индоевропейской общности. (А в сравнительно-исторических исследованиях середины XX в. уже высказывается предположение, что богатая видовременная система глагола в греческом и индо-иранских языках возникла после их обособления от языка-основы.)

Крупным недостатком следует признать и то, что, несмотря на все оговорки, праязыковые факты тем не менее как бы выстраивались в одной хронологической плоскости. Это относится к реконструкции праязыковых элементов, которые не характеризовались дифференцированно на оси диахронии, хотя многие из них относились к разным хронологическим периодам. В результате так называемый праязык по-прежнему представлял вне процесса развития, в идеальной статичности.

Реконструкция сводилась преимущественно к: **1)** сопоставлению выделенных единиц родственных языков и **2)** установлению между ними закономерных звуковых соответствий.

Основной единицей, которая выделяется и с которой работают компаративисты, является морфема. Генетическое тождество сравниваемых морфем устанавливается на основе частичного совпадения их звукового состава при этимологической общности их значения. Звуковое тождество сравниваемых морфем основано на частичном совпадении составляющих звуковых элементов и, главное, на учете закономерных звуковых соответствий в сопоставляемых языках. Ср., например, санскр. *gharmdh*, 'жара', *hdrah* 'жара' и греч. Оерис, 'лето', лат. *formus* 'жаркий', арм. *jerm* 'жаркий'. Отсюда вытекает соответствие: санскр. *gh*, *И* ~ греч. *v* ~ лат. /~ арм./ (подробнее см. главу 5, раздел IV).

В настоящее время для уточнения сравнительно-исторических исследований, в частности уточнения сопоставляемых фактов, стремятся применять также приемы внутренней реконструкции, приемы диахронической фонологии и приемы лингвистической географии (эти приемы вошли в аппарат сравнительно-исторического языкознания на новом этапе его развития — в XX в.).

Следует отметить, что уже в трудах самих младограмматиков мы обнаруживаем базу для последующей разработки вопросов, объединяемых в область, получившую наименование *лингвистической географии*. Так, в работе Г. Пауля «Принципы истории языка» [35] значительное внимание уделяется таким явлениям, как «смешение» языков и отсутствие четких границ между диалектами, которые описываются как система линий, или — иначе — изоглосс. Он пишет:

...Проведя на карте данной языковой области границы всех диалектных признаков, мы получим чрезвычайно сложную систему многообразно перекрещивающихся линий. Четкое выделение главных групп диалектов, в свою очередь подразделяющихся на определенные подгруппы и т.д., невозможно [35, 63].

Границы отдельных наций, по мысли Пауля, можно установить только по письменным языкам, но не по живым диалектам. Так, например, отмечает он, североитальянские диалекты имеют очень много общих черт с французским языком и ближе стоят к соседним французским диалектам, чем к итальянскому письменному языку; гасконский диалект представляет собой переход от провансальского (южнофранцузского) наречия к испанскому языку, а сардинский диалект — переход от итальянского языка к испанскому и т.д. [см. 35, 65— 66].

Подводя итоги, следует сказать, что деятельность лингвистов в рамках младограмматического направления характеризовалась, с одной стороны, известным сужением научной проблематики (особенно это касается Лейпцигской школы), а с другой — значительными конкретными открытиями, дальнейшей разработкой и уточнением аппарата сравнительно-исторического метода.

Лингвистические исследования ограничивались преимущественно областью фонетики, в меньшей степени затрагивая морфологию и почти совсем не касаясь синтаксиса. Вследствие этого многочисленные исторические грамматики индоевропейских языков, написанные младограмматиками, преимущественно состоят из исторической фонетики, в меньшей мере — исторической морфологии. Редкое исключение составляет «Сравнительный синтаксис индоевропейских языков» [99] Б.Дельбрюка, который занимает три тома в составе «Основ сравнительной грамматики индоевропейских языков» [89].

Для младограмматиков характерны большой интерес к фонетическим проблемам, систематические наблюдения над живым произношением, изучение физиологических и акустических условий образования и взаимодействия звуков в речи.

В системе взглядов младограмматиков фонетика выделяется в важнейшую лингвистическую дисциплину. Большое значение для

исторической фонетики имело открытие внутреннего механизма фонетических процессов, уяснение механизмов взаимодействия морфологии и звуковых изменений. Закладываются прочные основания экспериментальной фонетики.

Разработка в трудах младограмматиков проблемы звукового закона как единицы лингвистического описания, установление четких критериев использования звуковых законов заложили основы для превращения лингвистики в более точную науку.

Подчеркнув важность изучения живых языков, младограмматики содействовали достижению успехов в исследовании различных языковых общностей, содействовали развитию на новом материале сравнительно-исторического метода. Изучение родства языков, в частности индоевропейских (где были достигнуты особенно большие успехи), представляет во многих отношениях интерес не только для языковедов, но также для историков и археологов. Внимание же к физиологии и анатомии, свойственное младограмматикам, особенно при описании фонетической стороны языка, оказало впоследствии существенное влияние на языковедение как в теоретической, так и в прикладной сфере.

В этом огромная заслуга данного направления перед наукой о языке.

Одновременно, как это нередко бывает, именно кардинальные положения младограмматизма вызвали наибольшее количество нареканий со стороны представителей последующих школ и направлений в языковедении. Причиной этого явилась абсолютизация младограмматиками соответствующих принципов и положений, преувеличенное внимание к историческому аспекту в ущерб статическому, а также к психофизиологическим механизмам речи в ущерб культурно-социологическому аспекту языка.

VI. Сравнительное языковедение и универсальная грамматика

Сравнительное языковедение с первых своих шагов резко критически относилось к универсальной грамматике и всей предшествующей лингвистике, которая была объявлена им «ненаучной». Эта «ненаучность» проявилась: **1)** в общем подходе к языку как объекту научного рассмотрения; **2)** в подходе к так называемой проблеме правильности в языке; **3)** в отношении к содержанию той сферы теории языка, которая носит наименование философии языка; **4)** в методе исследования языка; **5)** в общей оценке истории языковедения.

Сравнительно-историческое языковедение подходило к языку как к объекту, обнаруживающему сложное строение и строгую, стройную организацию, объекту, функционирующему и развивающемуся во всех своих частях и элементах по собственным имма-

нентным законам. Последние суть законы, свойственные естественно-историческим объектам.

Естественно-исторический взгляд на язык, развитый в сравнительно-историческом языкознании, как бы обеспечивает, таким образом, структурное представление о языке. Действительно каждая языковая сущность, будь то единица языковой системы или целая система, описывается через совокупность отношений, которые содержатся в ней самой, связывают ее с себе подобными, связывают ее со сложным целым, в которое эта языковая сущность входит.

Такой подход существенно отличается от взглядов, отстаиваемых универсальной грамматикой, античным грамматическим искусством и античной философией языка (см. главы 1 и 3 настоящей работы).

Сравнительно-исторический метод и типология языков XIX в. в силу своего подхода к языку как естественно-историческому образованию отрицательно относятся к навязыванию языку неких искусственно созданных правил. Формулируемые в языкознании законы и правила согласно положению, принятому в сравнительно-историческом языкознании, могут совпасть или не совпасть с законами жизни языка. Поэтому свойственное античному языкознанию понятие «правильности» (см. главу 1 разд. II настоящей работы) уступает место требованию объективного исследования языка, который живет по своим законам (без вмешательства воли человека).

А понятие правильности остается лишь в сфере обучения языку (при создании научно-методических пособий).

Сравнительное языкознание утверждает, что всякое вмешательство в систему языка со стороны человека фактически так же бессмысленно, как и попытка государственным декретом отменить законы земного притяжения.

Отсюда вытекает, что регулирование речи, создание орфоэпических, грамматических, стилистических и т. п. норм речи могут увенчаться успехом лишь в том случае, если будут следовать правильно понятым имманентным законам языка.

Описав ряды родственных языков как целые системы и, следовательно, разработав эмпирический аппарат системного подхода к языку, продемонстрировав очень тонкие приемы анализа фактов языка, сравнительно-историческое языкознание тем не менее не смогло дать теоретического обоснования системной природы языка.

Каждая единица языка оказалась рассмотренной как единица сложного состава, ибо в плане выражения и содержания она определенным образом относится как к другим единицам этого же языка, так и к единицам смежных языков. Это определяет ее положение в системе звуко-смысловых единиц мирового языка.

Каждая система языка описывается не только как совокупность взаимосвязанных внутри системы данного языка единиц и как соотношенная (по единицам и в целом) с системами родственных языков (в пределах, определяемых звуко-смысловыми отношениями), но и как самодовлеющее целое, хотя связанное с другими аналогичными ей целыми (языковыми системами) посредством фонетических законов, грамматических соответствий и системы этимологии, однако вместе с тем противопоставленное им.

Такое исследование единиц языка и систем языков позволяет нарисовать полную картину естественно-исторического развития языка. В этой картине отношения а) между языковыми единицами, б) между системой и языковыми единицами и, наконец, в) между системами представлены как непосредственные человеком, не зависящие от него.

Однако сравнительно-историческое языкознание оказалось не в состоянии сформулировать цельной концепции системной диахронической лингвистики. Оно не смогло доказать и постулируемого им самим самодвижения языка, прогресс языковых типов как эволюции языка.

Более того, в своих конкретно-исторических исследованиях сравнительно-историческое языкознание (особенно в лице младограмматиков) стремится освободиться от философии языка. В универсальной же грамматике философия языка объединена с лингвистическим исследованием (см. главу 3 настоящей работы).

Анализу внутренних связей языка в их отношении к внешним факторам, представленному в философии языка, соответствовали данные конкретных разработок сравнительно-исторического языкознания. Благодаря сочетанию обеих разновидностей исследования (философского и конкретного эмпирического) были поняты и описаны практически все субстанциональные связи внутри языка.

Дело, однако, в том, что, сравнивая лингвистически описанные системы языков и исходя из самого эмпирического описания такого рода, сравнительно-историческое языкознание может обнаружить только большую серию превращений единиц и систем друг в друга (независимо от культурной представительности языка).

При таком подходе качество новообразованных и исходных систем и единиц не получает философского объяснения, оно предстает, в сущности, как одно и то же. Следовательно, язык развитого общества и язык примитивного коллектива в сравнительном языкознании выступают как качественно однородные. И эта картина в сравнительно-историческом языкознании складывается под воздействием самого эмпирического материала.

Как известно, таким материалом для сравнительного языкознания являются, по сути, те же критикуемые им описания, какими

пользуется и универсальная грамматика. А эти описания, в свою очередь, продолжают, по существу дела, традицию античной грамматики. Поэтому лингвистическое описание, построенное таким образом, в принципе не способно дифференцировать языки в зависимости от уровня представленной в них культуры, на что претендует философия языка в сравнительном языкознании.

Сравнительно-историческое языкознание, интересуясь языком как естественно-историческим явлением, использует имеющиеся в его распоряжении описания языков в соответствии со своими установками: социальное рассматривается как естественно-историческое, а материал исследования представляет собой описание языковой системы по естественно-историческим принципам. Поэтому все языки, независимо от их культурно-исторической значимости, равны в таком исследовании, и в сравнительно-исторической классификации языков невозможно обнаружить какой-либо прогресс или регресс языковой культуры. В сравнительно-историческом описании языковые системы, подобно естественно-историческим объектам лишь претерпевают те или иные мутации. Сравнительно-историческое языкознание исследует генезис и трансформации «природного материала» этих систем. Но отрезок времени, в котором исследуется этот материал, слишком мал, чтобы обнаружить (руководствуясь естественно-историческими принципами) какой-либо прогресс языка как естественного объекта («организма»). Таким образом, не обнаруживается прогресса в развитии языковой системы.

Поэтому философия языка, существуя и развиваясь в рамках сравнительно-исторического языкознания, фактически никогда не входит органически в содержание конкретного лингвистического описания, не оказывает влияния на результаты применения метода лингвистического анализа, т.е. сравнительно-исторического метода, к конкретным эмпирическим исследованиям.

Философия языка ищет источник формирования и развития языка (неважно где — внутри языковой системы или за ее пределами), пытается дать ему объяснение, исследует и объясняет связь языка с мышлением и поведением как феноменами человека. В этом состоит смысл и оправдание самого существования философии языка.

Философия языка признает прогресс в языке. Эмпирическими **Же** данными о языке, о связи языка и мышления, языка и поведения, полученными сравнительно-историческим методом, такой прогресс в принципе не обнаруживается.

Поэтому существует глубокое противоречие между философией языка и исследовательским методом (сравнительно-историческим методом) в языкознании XIX в.

Это ощущавшееся на протяжении всей истории языкознания XIX в. (хотя нигде не выраженное эксплицитно) внутреннее про-

тиворечие было источником неудовлетворенности сравнительно-историческим языкознанием.

Это противоречие философии языка и лингвистической эмпирии дает толчок новым поискам, в результате которых в XX в. появятся лингвистический структурализм и теория методов лингвистического исследования.

Литература

1. *Березин Ф.М.* Очерки по истории языкознания в России (конец XIX - начало XX в.). - М., 1969.
2. *Богородицкий В.Л.* О морфологической абсорбции // Русский филологический вестник. — 1881. — Т. VI. — № 3.
3. *Богородицкий В.Л.* Гласные без ударения в общерусском языке. — Казань, 1884.
4. *Богородицкий В.Л.* Курс грамматики русского языка. — М., 1887.
5. *Богородицкий В.Л.* Курс сравнительной грамматики индоевропейских языков. — Казань, 1890.
6. *Богородицкий В.Л.* К вопросу о смешанных языках // Известия общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. — 1894.-XII.
7. *Богородицкий В.Л.* Об основных факторах морфологического развития языка // Русский филологический вестник. — 1895. — Т. XXXIII. — № 2.
8. *Богородицкий В.Л.* Из чтений по сравнительной грамматике индоевропейских языков. — Варшава, 1895— 1900. — Вып. 1—3.
9. *Богородицкий В.Л.* Диалектологические заметки. — Казань, 1899. — I — II.
10. *Богородицкий В.Л.* Об изучении художественно-литературных произведений. — Казань, 1899.
11. *Богородицкий В.Л.* Психология поэтического творчества. — Казань, 1900.
12. *Богородицкий В.А.* Очерки по языковедению и русскому языку. — Казань, 1901 (цит., где особо не оговорено, по: 4-е изд. — М.; Л., 1939).
13. *Богородицкий В.А.* Лекции по общему языковедению. — Казань, 1907 (2-е изд. — Казань, 1911).
14. *Богородицкий В.А.* Сравнительная грамматика арио-европейских языков. — Казань, 1914.
15. *Богородицкий В.А.* Общий курс русской грамматики. — Казань, 1904 (5-е изд. перераб. — М.; Л., 1935).
16. *Богородицкий В.А.* Курс экспериментальной фонетики применительно к литературному русскому произношению. — Казань, 1917— 1922. — Вып. 1 — 3.
17. *Богородицкий В.А.* Движение тона в словах двухсложных и трехсложных в татарском языке по экспериментальным данным // Вестник Научного общества татароведения. — Казань, 1926. — № 4.
18. *Богородицкий В.А.* Неударные гласные в соотношении с ударными в словах в общерусском произношении по экспериментальным данным (Сонорная длительность, средняя высота тона) // Известия АН СССР по русскому языку и словесности. — 1928. — Т. I. — Кн. 1.

19. *Богородицкий В. А.* Фонетика русского языка в свете экспериментальных данных. — Казань, 1930.
20. *Богородицкий В. А.* Этюды по татарскому и тюркскому языкознанию. — Казань, 1933.
21. *Богородицкий В. А.* Введение в татарское языкознание в связи с другими тюркскими языками. — Казань, 1934 (2-е изд. — 1953).
22. *Богородицкий В. А.* Введение в изучение современных романских и германских языков. — М., 1953.
23. *Бодуэн де Куртенэ И. А.* Николай Крушевский, его жизнь и научные труды // Избранные труды по общему языкознанию. — М., 1963. — Т. I.
24. *Бодуэн де Куртенэ И. А.* Лингвистические заметки и афоризмы // Избранные труды по общему языкознанию. — М., 1963. — Т. II.
25. *Булич С. К.* Очерк истории языкознания в России. — СПб., 1904.
26. *Васильев М.* Василий Алексеевич Богородицкий. К 70-летию со дня рождения // Научно-педагогический сборник. — Казань, 1927. — II.
27. *Дельбрюк Б.* Введение в изучение языка. Из истории и методологии сравнительного языкознания // *Булич С. К.* Очерк истории языкознания в России. — СПб., 1904.
28. *Звегинцев В. А.* История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях. — М., 1960. — Ч. I.
29. *Крушевский И. В.* Об аналогии и народной этимологии // Русский филологический вестник. — 1879. — Т. II. — № 3—4.
30. *Крушевский И. В.* Наблюдения над некоторыми фонетическими явлениями, связанными с акцентуацией. — Казань, 1879.
31. *Крушевский И. В.* Лингвистические заметки. — Варшава, 1880.
32. *Крушевский И. В.* К вопросу о гуне. Исследование в области старославянского вокализма (отдельный оттиск из «Русского филологического вестника»). — Варшава, 1881.
33. *Крушевский И. В.* Очерк науки о языке. — Казань, 1883.
34. *Крушевский И. В.* Очерки по языковедению. I: Французская грамматика, отдельный оттиск из «Русского филологического вестника». — Варшава, 1891; II: Антропофоника, отдельный оттиск из «Русского филологического вестника». — Варшава, 1893; III: Важнейшие данные фонетики романских языков. — Казань, 1894.
35. *Пауль Г.* Принципы истории языка. — М., 1960.
36. *Петерсон М. Н.* Очерк синтаксиса русского языка. — М., 1923.
37. *Пешковский А. М.* Русский синтаксис в научном освещении. — М., 1914 (цит. по: 7-му изд.: М., 1956).
38. *Пешковский А. М.* Вопросы методики родного языка, лингвистики и стилистики. — М., 1930.
39. *Пешковский А. М.* Избранные труды. — М., 1959.
40. *Покровский М. М.* Семасиологические исследования в области древних языков. — М., 1896.
41. *Поржезинский В. К.* Заметки по диалектологии литовского языка. — СПб., 1896.
42. *Поржезинский В. К.* К истории форм спряжения в балтийских языках. — М., 1901.
43. *Поржезинский В. К.* Возвратная форма глаголов в литовском и латышском языках. — М., 1903.

44. Поржезинский В. К. Введение в языковедение. — М., 1907.
45. Поржезинский В. К. Лекции по исторической грамматике русского языка. — М., 1909 (литограф, изд.).
46. Поржезинский В. К. Конспект лекций по сравнительной грамматике индоевропейских языков. — М., 1910 (литограф, изд.).
47. Поржезинский В. К. Заметки по языку полабских славян. — СПб., 1912.
48. Поржезинский В. К. Очерк сравнительной фонетики древнеиндийского, греческого, латинского и старославянского языков. — М., 1912.
49. Поржезинский В. К. Сравнительная грамматика славянских языков. — М., 1914.
50. Поржезинский В. К. Филипп Федорович Фортунатов. — М., 1914.
51. Уитни В. Д. Жизнь и рост языка // Филологические записки. — 1885. Т. 24. - Вып. 6; - 1886. - Т. 25. - Вып. 3.
52. Ульянов Г. К. Значение глагольных основ в литовско-славянском языке. — Варшава, 1891. - Ч. I.; 1895. — Ч. II.
53. Ушаков Д. И. Введение в языковедение. — М., 1908—1909. — Вып. 1—2 (литограф, изд.).
54. Ушаков Д. И. Краткое введение в науку о языке. — М., 1913.
55. Фортунатов Ф. Ф. Samaveda — Aganyaka — Samhita. — М., 1875. В приложении несколько страниц из сравнительной грамматики индоевропейских языков.
56. Фортунатов Ф. Ф. Сравнительное языковедение. Курс лекций, читанных в 1879—1880 гг. — М., 1880 (литограф, изд.).
57. Фортунатов Ф. Ф. Склонение и спряжение индоевропейских языков. Лекции по сравнительному языковедению. — М., 1897.
58. Фортунатов Ф. Ф. Сравнительное языковедение. Лекции, читанные в 1897—1898 гг. — СПб., 1898 (литограф, изд.).
59. Фортунатов Ф. Ф. О залогах русского языка. — СПб., 1899.
60. Фортунатов Ф. Ф. Сравнительное языковедение. Лекции, читанные в 1899—1900 гг. — М., 1900 (литограф, изд.).
61. Фортунатов Ф. Ф. Сравнительная морфология. Из лекций, читанных в 1900—1901 гг. — М., 1901 (литограф, изд.).
62. Фортунатов Ф. Ф. Сравнительная фонетика индоевропейских языков (древнеиндийский, латинский, греческий и старославянский). Лекции, читанные в 1901—1902 гг. — М., 1902 (литограф, изд.).
63. Фортунатов Ф. Ф. Состав Остромирова евангелия. — СПб., 1908.
64. Фортунатов Ф. Ф. Избранные труды. — М., 1956—1957. — Т. I—II
65. Фортунатов Ф. Ф. Лекции по фонетике старославянского (церковнославянского) языка. — Пг., 1919.
66. Шахматов А. А. Исследование о языке новгородских грамот XIII и XIV веков. - СПб., 1886.
67. Шахматов А. А. О Начальном Киевском летописном своде. — М., 1897.
68. Шахматов А. А. К истории сербско-хорватских ударений. — Варшава, 1888.
69. Шахматов А. А. К вопросу об образовании русских наречий. — Варшава, 1894.
70. Шахматов А. А. К истории ударений в славянских языках. — СПб - 1898.
71. Шахматов А. А. К истории звуков русского языка. — СПб., 1898.

72. **Шахматов А. А.** К вопросу об образовании русских наречий и русских народностей. — СПб., 1899.
73. **Шахматов А. А.** К истории звуков русского языка. Общеславянское д. - СПб., 1902. - 1-Й.
74. **Шахматов А. А.** Исследование о двинских грамотах XV в. — СПб., 1903. - 1-2.
75. **Шахматов А. А.** К истории звуков русского языка. О полногласии и некоторых других явлениях. — СПб., 1903.
76. **Шахматов А. А.** О так называемой Ростовской летописи. — М., 1904.
77. **Шахматов А. А.** Курс истории русского языка. — СПб., 1909—1911. — т. 1 — 3 (литограф, изд.).
78. **Шахматов А. А.** История русского языка. — СПб., 1911.
79. **Шахматов А. А.** Русская историческая диалектология. — СПб., 1911 (литограф, изд.).
80. **Шахматов А. А.** Очерк современного русского литературного языка. Курс лекций, читанных в 1911 — 1912 гг. — СПб., 1913.
81. **Шахматов А. А.** К вопросу о древнейших славяно-кельтских отношениях. — Казань, 1912.
82. **Шахматов А. А.** Введение в курс истории русского языка. — Пг., 1916. - Ч. I.
83. **Шахматов А. А.** Очерк современного русского литературного языка. - М., 1925 (4-е изд. - М., 1941).
84. **Шахматов А. А.** Синтаксис русского языка. — Л., 1925— 1927. — Т. 1 — 2 (цит. по: 2-е изд. — Л., 1941).
85. **Шахматов А. А.** Историческая морфология русского языка. — М., 1957.
86. *Bopp F.* Besprechung der Deutschen Grammatik von Dr. Jacob Grimm // Berliner Jahrbucher für wissenschaftliche Kritik. — 1827.
87. *Bopp F.* Vergleichende Grammatik des Sanscrit, Zend, Armenischen, Griechischen, Lateinischen, Litauischen, Altslavischen, Gothischen und Deutschen. — Berlin, 1833—1852. — Bd. 1—3 (2. Ausg. — 1856—1860).
88. *Brugmann K.* Zum heutigen Stand der Sprachwissenschaft. — Strassburg, 1885.
89. *Brugmann Kf Delbrück B.* Grundriss der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen. Kurzgefasste Darstellung der Geschichte des altindischen, altiranischen (avestischen und altpersischen), altarmenischen, altgriechischen, lateinischen, umbrisch-samniti-schen, altirischen und altkirchenslavischen. — Strassburg, 1886—1900. — Bd. 1 — 5 (6) (цит. по: 2. bearb. Aufl. — Strassburg, 1897—1916).
90. *Brugmann K.* Kurze vergleichende Grammatik der indogermanischen Sprachen. — Strassburg, 1902—1904. — Bd. 1—3 (2 Aufl. — 1933).
91. *Brugmann K.* Die Demonstrativpronomina der indogermanischen Sprachen. Eine Bedeutungsgeschichtlichen Untersuchung. — Leipzig, 1904.
92. *Brugmann K.* Die Syntax des einfachen Satzes im Indogermanischen. — Berlin; Leipzig, 1925.
93. *Brugmann K.* Zur Geschichte der hiatischen (zweisilbigen) Vokalverbindungen in den indogermanischen Sprachen. — Leipzig, 1913.
94. *Brugmann K.† Streitberg W.* Zu Fr. Bopps hundertjarigen Geburtstage // bidogermanische Forschungen. — 1892. — 1.

95. **Grassman H.** Über die Aspiraten und ihr gleichzeitiges Vorhandensein im An- und Auslaute der Wurzeln // Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen. — 1863. — Bd. 12.
96. **Curtius G.** Zur Kritik der neuesten Sprachforschung. — Leipzig, 1885.
97. **Curtius G.** Grundzüge der griechischen Etymologie — Leipzig, 1858 — 1862. — Teil 1—2.
98. **Delbruck B.** Einleitung in das Sprachstudium. Ein Beitrag zur Geschichte und Methodik der vergleichenden Sprachforschung. — Leipzig, 1880.
99. **Delbruck B.** Vergleichende Syntax der indogermanischen Sprachen (1893 — 1900). — Bd. 3—5 // Brugmann K., Delbruck B. Grundriss der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen. — Strassburg, 1880—1900. — Bd. 1—5(6).
100. **Delbruck B.** Grundfragen der Sprachforschung, mit Rücksicht auf W. Wundts Sprachpsychologie erörtert. — Strassburg, 1901.
101. **Delbruck B.** Germanische Syntax. — Leipzig, 1911 — 1919. — Bd. I — V.
102. **Go del R.** Les sources manuscrites du Cours de linguistique generale de F. de Saussure. — Geneve; Paris, 1957.
103. **Lenz R.** Beiträge zur Kenntnis des Amerikanospanischen // Zeitschrift für romanische Philologie. — 1893. — XVII. — H. 1 — 2.
104. **Leskien A.** Deklination im Slavisch-Litauischen und Germanischen. — Leipzig, 1876 (1. Aufl. — 1847).
105. «Morphologischen Untersuchungen auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen». — Leipzig, 1878. — Bd. 1. См. предисловие Острофа и Бругмана (2. Aufl. — Breslau, 1886).
106. **Osthoff H.** Das physiologische und psychologische Moment in der sprachlichen Formenbildung. — Berlin, 1879.
107. **Paul H.** Prinzipien der Sprachgeschichte. — Halle, 1880 [русск. пер. 5-е изд. (1-е вышло в 1937 г.) см. 35].
108. **Paul H.** Grundriss der germanischen Philologie. — Strassburg, 1891.
109. **Paul H.** Die Bedeutung der deutschen Philologie für das Leben der Gegenwart. — München, 1897.
110. **Paul H.** Rede gehalten beim Stiftungs Feste der Universität München am 25 Juni, 1910 // Süddeutsche Monatshefte. — 1910. — N 10.
111. **Paul H.** Deutsche Grammatik. — Halle, 1916—1920. — Bd. 1—5.
112. **Paul H., Fischer #.** Geographie der schwabischen Mundart. — Tübingen, 1895.
113. **Schleicher A.** Compendium der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen. Kurzer Abriss einer Laut- und Formenlehre der indogermanischen Ursprache: des Altindischen, Alteranischen, Altgriechischen, Altitalischen, Altkeltischen, Altslawischen, Litauischen und Altdeutschen. — Weimar. 1861 — 1862. — Bd. 1 — 2 (4. Aufl. — 1876).
114. **Verne z V.** Eine Ausnahme der ersten Lautverschiebung // Zeitschrift für Vergleichende Sprachforschung. — 1877. — Bd. 23.
115. **Wechsler E.** Gibt es Lautgesetze. — Halle, 1900.
116. **Whitney W. D.** Language and the Study of Language. — London, 1867.
117. **Whitney W. D.** Oriental and Linguistic Studies. — N. Y., 1873 — 1874. — Vol. I — II.
118. **Whitney W. D.** The Life and Growth of Language // The International Scientific Series. — N. Y., 1875. — Vol. 16 [русск. пер. см. 51].
119. **Whitney W. D.** The Principle of Economy as a Phonetic Force // Transactions of the American Philological Association. — 1877.

ГЛАВА 7
**КРИТИКА МЛАДОГРАММАТИЗМА И ПОИСКИ
НОВОГО ПОДХОДА К ЯЗЫКУ
В КОНЦЕ XIX И НАЧАЛЕ XX В.**

Вводные замечания.

- I. И. А. Бодуэн де Куртенэ.
- II. Г. Шухардт. Школа «слов и вещей».
- III. Эстетическая философия языка. К.Фосслер (Эстетическая школа, или нефилология).
- IV. Неолингвистика, или ареальная лингвистика.

Вводные замечания

В младограмматический период сравнительно-исторического языкознания был собран, обработан и систематизирован громадный фактический материал по многочисленным языкам, что в немалой степени стимулировало развитие прикладных аспектов языкознания, послужило толчком для появления новых областей науки о языке.

Именно в работах младограмматиков диахронический метод генетического сравнения достиг своей вершины. Заслуженой славы младограмматиков является их стремление перенести главное внимание в своих исследованиях с древних языков на современные (хотя на практике они зачастую были непоследовательны в этом отношении). Благодаря младограмматикам возникает диалектология, а позже и лингвистическая география, благодаря деятельности младограмматиков были достигнуты успехи в области фонетики, в частности в области экспериментальной фонетики.

Младограмматическое направление сыграло положительную роль и в развитии методологии языкознания. Младограмматики фактически впервые поставили вопрос о строгих лингвистических методах, в которых нуждается языкознание, именно они дали великолепные образцы применения таких методов в своих сравнительно-исторических исследованиях.

Младограмматики считали объектом науки язык, прежде всего в аспекте речевой деятельности индивида. Это неоднократно ставилось им в вину последующими школами и направлениями. Тем не менее они впервые в рамках своего лингвистического кредо подняли ряд вопросов о соотношении в языке индивидуального и социального, об индивидуальной речи, о норме и структуре языка.

Младограмматическое направление внесло много нового и ценного в науку о языке, однако вместе с тем целый ряд положений младограмматизма, их общая позиция оказались спорными или даже ошибочными.

Сделав методологическим принципом положение, что физически существуют только языки отдельных индивидов, они фактически постулировали индивидуальную психологию как теоретическую основу языкознания, не оставляя места для научной абстракции и, следовательно, для научной разработки онтологии языка.

Младограмматики не уделяли должного внимания теоретическому освещению механизма взаимодействия единиц языка и языковых систем, недооценивали значения экстралингвистических факторов: влияния других языков, взаимодействия диалектов, влияния письменной традиции и т. п.

Младограмматики постоянно подчеркивали индуктивный характер своей теории, отмежевывались от философии языка, отказывались от обсуждения широких проблем языковой теории. Целый ряд видных языковедов конца XIX—начала XX в. заявляли, например, что лингвистика не может заниматься, скажем, проблемой происхождения языка, что этой проблемой должны заниматься философы. Задача же лингвистики заключается в том, чтобы описывать и систематизировать языковые факты. Эти мысли особенно категорично высказывал один из виднейших представителей младограмматизма — Г. Пауль.

В концепции младограмматиков были новые важные идеи (по сравнению с предыдущим языкознанием), но их сугубо **эмпирический подход** к языковому материалу, отказ от постановки кардинальных теоретических проблем и ярко выраженная **психологическая окрашенность** лингвистического рассуждения, навязчивая **психологическая терминология**, нередко заслонявшая собственно лингвистический анализ, не удовлетворяли лингвистическую мысль XX в.

С позиций философии языка, восходящей еще к В. Гумбольдту, резкой критике подвергается установка младограмматиков, требовавшая избегать рассмотрения каких-либо общетеоретических Проблем и ограничиваться исследованием конкретных фактов языковой эмпирии¹.

Как известно, расцвет естественных наук во второй половине XIX в. оказал влияние на методологию исследования. Стремление

¹ В лингвистике этого времени большое влияние на умы языковедов оказывали идейно-теоретические и методические постулаты младограмматиков, но у*^c обозначилась неудовлетворенность научной мысли философией языка и исследовательской эмпирией, характерными для младограмматического этапа сравнительно-исторического языкознания. Уже чувствовалась потребность в новом осмыслении целей, метода и практики лингвистической работы и делались первые шаги в направлении к новейшему языкознанию.

к регистрации непосредственно наблюдаемых фактов, к чисто индуктивным приемам лингвистического анализа соответствовало характеру исследований, проводимых в естественных науках в конце XIX в. В начале XX в. в результате дальнейшего развития научных знаний, и прежде всего точных отраслей науки, благодаря все большему проникновению математики в различные области знаний все прочнее утверждались дедуктивные методы. Ученые стремились не только наблюдать и регистрировать, не только накапливать фактический материал, но и в первую очередь устанавливать внутренние связи и отношения между явлениями.

Младограмматическое направление в лингвистике начало подвергаться критике еще в тот период, когда оно было господствующим в языкознании. Эта критика вначале шла изнутри самого направления. Объектом критики явились теоретические положения младограмматиков, связанные с некоторыми их общеметодологическими установками.

Одним из первых критиков методологии младограмматизма был Иван Александрович Бодуэн де Куртенэ.

На смену аналитическому изучению языковых явлений, сводившемуся к выделению составных частей языка, что было характерно для младограмматиков, приходит исследование связей между элементами, т.е. выявление характерных для языка структур. Основные черты этого нового подхода уже четко вырисовываются в работах И.А. Бодуэна де Куртенэ. Именно Бодуэн де Куртенэ в конце XIX в. положил начало теоретическому различению статичности и динамики (синхронического и диахронического аспектов) в языке и в лингвистике. Вместе с тем Бодуэн де Куртенэ призывает учитывать системный фактор в анализе динамического аспекта языка, что позволяло вскрыть те общие условия, которые приводят к становлению в языке определенных соотношений элементов системы. Идеи Бодуэна де Куртенэ явились предпосылкой фонологической теории, впоследствии составившей эпоху в языкознании.

Многие положения научной концепции Бодуэна де Куртенэ знаменуют переломную фазу в развитии языкознания¹.

Для развития языковедческой науки конца XIX и начала XX в. характерен наряду с критикой младограмматизма поиск принципиально новых путей.

Одним из проявлений тенденции к обновлению в языкознании было возникновение, прежде всего на базе решительной оппози-

¹ К сожалению, целый ряд идей, высказанных Бодуэном де Куртенэ на рубеже XIX и XX вв., смог быть понят и получил признание и дальнейшее развитие лишь в языкознании второй четверти XX в., отчасти благодаря широкому распространению аналогичных идей Ф.де Соссюра, классически сформулированных в «Курсе общей лингвистики».

ции младограмматизму, **Школы «слов и вещей»**, виднейшим представителем которой был известный австрийский лингвист **Гуго Шухардт**. Шухардт утверждает примат исследования семантических закономерностей (одно из наиболее слабых звеньев в лингвистических исследованиях младограмматиков) над фонетическими, призывает к увязке истории языка с историей материальной культуры.

С резкой критикой младограмматических доктрин выступает возникшее в 1920-е годы новое течение в языкознании, получившее наименование **неолингвистики**. Название говорит само за себя. Неолингвисты стремятся в противовес младограмматикам показать многогранность языка и науки о языке, сложность языкового развития.

В работах ряда языковедов делается упор на рассмотрение языка с точки зрения его функционального назначения, с точки зрения его культурно-исторической природы и эстетико-философской роли в обществе.

Узкоэмпирический подход младограмматиков способствовал более четкому выделению предмета языкознания и уяснению места языкознания среди других наук. Однако он не давал возможности увидеть всеобщую связь между принципами, обнаруживаемыми в организации языка, а также между законами организации языка, с одной стороны, и формами материальной и духовной культуры — с другой.

Между тем гуманитарные науки сохраняли тесную связь с философией, и в частности с философией культуры. В сфере научных интересов все более настоятельно звучат проблемы культурно-философские, эстетико-психологические, социологические и историко-литературные. Возникает идея их синтеза.

Ярким представителем подобного подхода к языку явился **Карл Фосслер** и созданная им **Эстетическая школа**¹.

И. И. А. Бодуэн де Куртенэ

Творческая деятельность И. А. Бодуэна де Куртенэ (1845 — 1929) охватывает более полувека, но ее наиболее интересный и продуктивный период приходится на последнюю четверть XIX в.

Среди научных проблем, интересовавших Бодуэна де Куртенэ, особое место занимали центральные общелингвистические вопросы. Ему были близки проблемы смежных с языкознанием наук, особенно психологии. В поисках ответов на поставленные вопросы Бодуэн де Куртенэ нередко выходит за рамки языкознания.

¹ Школа «слов и вещей», неолингвистика и Эстетическая школа весьма полно рассмотрены в работе: *Иордан И.* Романское языкознание. — М, 1971 (перевод с румынского).

Особое место в научной карьере Бодуэна де Куртенэ занимает казанский период: 1870—1880-е годы¹.

Бодуэн де Куртенэ в своих лингвистических исследованиях сосредоточил внимание на процессах, происходящих при реализации языковой системы в индивидуальной речи. Для него реально существуют отдельный носитель языка, индивидуальная психика, индивидуальный язык как «совокупность произносительных и слуховых представлений, соединенных с другими лингвистическими и нелингвистическими представлениями» [72, 62]. Язык национальный «как целое существует только в идеале» [70, 36], представляет собой научную фикцию. Этот постулат объясняет повышенный интерес Бодуэна де Куртенэ к механизму отдельного акта коммуникации. Именно поэтому он призывает рассматривать как реальную величину не язык, абстрагированный от людей, но человека как носителя языкового мышления [73, 55], что найдет впоследствии столь плодотворное развитие в психолингвистике XX в.

Вместе с тем Бодуэн де Куртенэ специально подчеркивает нераздельность в языке индивидуального и общего: то, что предстает в индивидуе, является одновременно и общим, общечеловеческим. И в основе этого общего лежит одинаковость психических особенностей у всех индивидов и общность как признак социума.

Как младограмматик и вместе с тем критик крайностей младограмматизма Бодуэн де Куртенэ энергично выступает против обособленного изучения звуков без учета их системной связи: вне условий их существования в парадигме грамматических форм и социальных факторов общения. Именно последние объясняют, по его мнению, возникновение фонетических законов.

Для Бодуэна де Куртенэ была совершенно неприемлема обычная трактовка фонетических законов как перехода одного звука в другой. Звуковые законы он считает результатом скрещенного действия различных, зачастую противоречивых факторов. Ложась в основу фонетического закона звуковые сдвиги он склонен рассматривать как одновременное возникновение инноваций в речи группы индивидов, являющееся результатом одинаковых для данных индивидов условий общения, результатом социальных условий языкового существования.

¹ В 1870—1880-х годах Бодуэн де Куртенэ был уже ученым с европейским именем. К этому времени он был избран пожизненным членом Парижского лингвистического общества, членом Финноугорского общества, его научную деятельность высоко оценивали К. Бругман, Г.Хирт, А.Лескин. Бодуэн де Куртенэ вел переписку с Ф.де Соссюром, Г.Паулем, О.Есперсеном, А.Мейе, И.В.Ягичем, Г. Шухардтом. Бодуэн де Куртенэ писал свои работы на русском, польском, немецком, французском языках, он хорошо знал литовский, итальянский, чешский, словенский, лужицкий и другие языки, не считая классических языков.

Новым для лингвистической мысли XIX в. является попытка Бодуэна де Куртенэ обосновать важность статического (описательного) анализа языка — в противовес всецело господствовавшему в языкознании сравнительно-историческому анализу.

Бодуэн де Куртенэ подчеркнул, что для раскрытия механизма языка, для анализа языковой системы *статический метод* может применяться с большим успехом, нежели метод исторического сравнения, поскольку система языка представляет собой **устойчивое состояние языковых компонентов**. Это положение было чрезвычайно важным и новым. С этими мотивами Бодуэна де Куртенэ созвучны идеи Ф. де Соссюра о необходимости строго различать и разграничивать синхронию и диахронию в языке, синхроническое и диахроническое исследования. Уже в начале 1870-х годов Бодуэн де Куртенэ обосновывает необходимость разграничения этих областей лингвистики, разграничения, диктуемого самой природой предмета исследования. Он призывает различать законы развития языка и законы, обуславливающие некоторое данное состояние языка. Законы второго рода составляют сущность языка, как он нам дан.

Вместе с тем законы первого рода органически связаны, по убеждению Бодуэна де Куртенэ, с законами второго рода, одни преобразуются в другие. **Статика языка**, его данность на каждый взятый момент **есть фаза исторического движения языка, элемент его динамики**.

Выделяя в лингвистике статический (синхронный) план и динамический (диахронический) план, Бодуэн де Куртенэ следующим образом формулирует их разграничение: «Нет неподвижности в языке. Статика языка есть только частный случай его динамики» [цит. по: 18, 34].

При диахроническом исследовании, отмечал он, «фиксируют два реально данных периода в языковом развитии и далее стараются определить, в каком направлении развивались отдельные категории звуков и вся звуковая система в целом» [74, 13]. В 1878 г. в программе лекций [3, 85] Бодуэн де Куртенэ выделяет, с одной стороны, *законы равновесия языка* и, с другой стороны, *законы исторического движения языка*. Изучение первых он считает делом статического анализа, изучение вторых — задачей исторического исследования языка.

Для Бодуэна де Куртенэ характерно повышенное внимание к описательному методу. Однако это не означает умаления им важности сравнительно-исторического метода.

Бодуэн де Куртенэ резко и совершенно справедливо критикует утрированный, фрагментарный историзм младограмматиков. Он требует при диахроническом анализе учитывать **системный характер языка**. Это явилось качественно новым положением в сравнительно-историческом языкознании. Имплицитно содержащееся

еще в шлейхеровской интерпретации языка как организма понимание системы получает более ясную формулировку.

Как понимает Бодуэн де Куртенэ язык? Вся его общелингвистическая концепция проникнута стремлением найти объяснение языковым законам, механизму функционирования и развития языка через анализ психического механизма.

Намеченное в работах Бодуэна де Куртенэ разграничение в языковой деятельности статики, т.е. системы языка, рассматриваемой как модель, и речевой ее реализации освещается посредством лингво-психологического анализа. Бодуэн де Куртенэ вводит положение о том, что мы можем назвать в современных терминах **психическим конструктом**.

Этот психический конструкт представляет собой механизм, действующий в сфере представлений и связанный, с одной стороны, с областью категорий мышления и, с другой стороны, с областью речевых реализаций моделей статически представимой системы языка. Бодуэн де Куртенэ стремится обнаружить на уровне фонетико-антропофоническом своего рода изоморфизм между единицами из области психических представлений и единицами из области речи. При этом моделирование единиц из области психологических представлений и моделирование единиц языковой системы где-то теряют свою специфику, оказываются неразличимыми и, следовательно, научным образом неразличеными. Как один из примеров этого можно назвать его толкование фонемы как психологического представления (конструкта) звука, что было по-настоящему понято и оценено лишь столетия спустя и оказалось весьма плодотворным для фонологии второй четверти XX в.

Таким образом, для Бодуэна де Куртенэ психологическое объяснение языка одновременно и является и не является экстралингвистическим. Он, с одной стороны, достаточно четко противопоставляет звуковую форму и психическое содержание в области языка—речи—мышления, а с другой — пользуется терминами, категориями и единицами психологии и психики-сознания для интерпретации явлений языка—речи и шире для объяснения характера звукового языка.

При всей индивидуально-психологической окрашенности лингвистических построений Бодуэна де Куртенэ его концепцию характеризует ясное понимание социальной сущности языка. Пытаясь постичь механизм языка через анализ психической деятельности индивида, он подчеркивает «социальный аспект индивидов, обладающих речевой способностью и входящих в определенную лингвистическую общность» [14, 64]. Язык для него — это явление насквозь психично-общественное [см. 72, 64]. Отсюда

языкознание определяется им как психическо-социальная наука [см. 11,553].

Бодуэн де Куртенэ различает применительно к языку следующие стороны: 1) внешнюю, т.е. звуковую, сторону языка; 2) экстралингвистическую, т.е. внеязыковую, сторону, или, по терминологии Бодуэна де Куртенэ, «сторону семантических представлений», и 3) морфологическую сторону. При этом морфологию языка он трактует расширительно — как языковую форму, структуру языка, его устройство, как реляционное понятие, как способ, каким звуковая сторона связана с психическим содержанием. В этом, по мнению Бодуэна де Куртенэ, и есть, собственно, сущность языка.

Бодуэн де Куртенэ считает, что языку присуща своеобразная, строго языковая морфология, не повторяющаяся в других областях. Различные же языки есть не что иное, как своеобразные преломления, модификации «морфологии» языка человеческого (ср. высказывания Гумбольдта о «форме языка»).

Вслед за В.Гумбольдтом, Г.Штейнталем Бодуэн де Куртенэ разрабатывает положение о языке как «континууме», как языковой деятельности, развертывающейся во времени и пространстве.

Бодуэн де Куртенэ подчеркивает отличие «языка как определенного комплекса известных составных частей и категорий от языка как непрерывно повторяющегося процесса» [2, 313]. Он выделяет, таким образом, два аспекта речевой деятельности, которые противостоят друг другу. Бодуэн де Куртенэ указывает: «Язык — не замкнутый в себе организм, но орудие и деятельность» [71, 394].

Именно в речевой деятельности, в речевом функционировании состоит сущность языка. Итак, здесь обнаруживается понимание той **антиномии язык — речь**, которая берет начало в идеях Гумбольдта и позже была классически сформулирована и по-настоящему развернута Ф.де Соссюром, а затем, уже в математической теории коммуникации, выступила в форме коррелятивных понятий **код — сообщение**.

Бодуэну де Куртенэ было свойственно **понимание языка как системы знаков** с такими их атрибутами, как условность, произвольность. Язык в его представлении состоит из «множества случайных символов, связанных самым различным образом». Этим символам по их природе не присуща «необходимость, непосредственность и неизменность». Эти символы языка группируются в системе по «противопоставлениям и различиям» [70, 32].

К Бодуэну де Куртенэ в известном смысле восходит современное понимание языковой системы. В программе лекций (1878) он писал:

...Физиологически тождественные звуки разных языков имеют различное значение, сообразно со всею звуковой системой, сообразно с отношениями к другим звукам [3].

В статье, относящейся к 1910 г., он уже не ограничивает понятие системы языка системой звуков:

...Всесторонняя морфологическая характеристика языкового мышления должна учитывать тот факт, что, с одной стороны, налицо пережиточные формы, унаследованные от прошлого и более не соответствующие данной структуре языка в целом, и что, с другой стороны, известные явления, так сказать, предсказывают будущее состояние данного племенного и национального языка, вследствие чего они еще не соответствуют современному синхронному состоянию соответствующего языка [73, 58].

Особо следует подчеркнуть его стремление осмыслить закономерности процесса языковой динамики.

В свете идей современного языкознания важно дать историческую интерпретацию теории фонем Бодуэна де Куртенэ.

На протяжении своей научной деятельности Бодуэн де Куртенэ, пытаясь вскрыть сущность языкового моделирования, давал различные определения фонемы. В 1881 г. в работе «Некоторые отделы сравнительной грамматики славянских языков» он определяет фонему как «сумму обобщенных антропофонических свойств известной фонетической части слова, неделимую при установлении коррелятивных связей в области одного языка и корреспондентских связей в области нескольких языков» [4, 333]. В другом месте этой же работы он определяет фонему как «просто обобщение антропофонических свойств», как «фонетический тип», как отвлеченность, как результат «обобщения, очищенный от положительно данных свойств действительного появления или существования» [см. 4, 335].

Как можно вывести из этих формулировок, фонема представляется Бодуэну де Куртенэ следующим образом: 1) это единица сложная; 2) она состоит из элементарных единиц (свойств); 3) данная совокупность элементарных единиц (свойств) функционирует в языке как неделимое целое; 4) фонемы, состоящие из простейших элементов, выступают в системе языка как члены соотношений (корреляций); 5) фонема — это отвлеченность, результат языкового обобщения, результат лингвистического отвлечения от реально выступающих в речи звуковых проявлений; 6) эти реальные проявления — суть проявления антропофонической природы. Таким образом, у Бодуэна де Куртенэ в казанский период его Деятельности фонема, по существу, выступает как конструкт, как нечто постоянное, инвариант (в терминах современной фоноло-

гии) в плоскости множества вариантов, реально произносимых и слышимых, с одной стороны, и как единица абстрактная, как элемент чисто системный — с другой. Антропофонические же свойства, характеристики единиц строя языка, видимо, можно рассматривать как то, что в современной лингвистике известно под названием фонологических элементов, дифференциальных признаков.

В статье, вышедшей в 1912 г., Бодуэн де Куртенэ развивает некоторые из этих положений. При переходе с фонологического анализа на антропофонический (фонетический, т.е. акустико-артикуляционный) становится еще более очевидной разложимость фонемы на более дробные элементы. Эти элементы — двоякой природы. С одной стороны, это представления отдельных работ речевого аппарата (*кинемы*), с другой стороны, — представления отдельных акустических впечатлений (*акусмы*). Таким образом, фонемы выступают как некоторые единства этих тоже структурных, отвлеченных и обобщенных, более дробных, чем фонемы, элементов [см. 13, 253—254, 289—290]. Бодуэн де Куртенэ, исходя из этого, определяет фонемы как единицы языка, объединяемые, как таковые, одновременностью исполнения соответствующих физиологических работ речевого аппарата и восприятия соответствующих этим работам акустических впечатлений [см. 12, 212 и сл.].

Вместе с тем с 90-х годов XIX в. Бодуэн де Куртенэ еще более определенно говорит о фонеме как об отвлеченной единице. А на рубеже XIX и XX вв. окончательно переводит фонему в область структурно-языковой абстракции. Фонемы фигурируют уже как сущности, ненаблюдаемые непосредственно на речевом материале.

В статье «Фонема» он определяет эту единицу как «психический эквивалент звука». Звук оставляет в сознании говорящих «акустико-фонетический след», обобщенный на базе многократного его функционального возникновения:

...Фонемы — это единые, непреходящие представления звуков языка [11, 351-352].

А в статье «Фонология» Бодуэн де Куртенэ характеризует фонему как:

...Однородное, неделимое в языковом отношении антропофоническое представление, возникающее в душе путем психического слияния впечатлений, полученных от произношения одного и того же звука [10, 355].

Таким образом, фонема — это постоянно существующее в нашей психике представление звука, модель, существующая в языковом сознании говорящих [13, 253]. Это определение фонемы с позиции говорящего. Здесь фонема не может быть определена иначе как представление звука. С позиции же лингвиста фонема есть

функциональная модель, неделимая с функционально-лингвистической точки зрения единица. Эта единица научного анализа языка есть результат научного обобщения данных речи. (Это практически прототип современного представления о фонеме как конструкте.)

Фонология, по мысли Бодуэна де Куртенэ, изучает эти единицы с точки зрения их роли в построении значимых единиц. По его представлениям фонология изучает фонемы с учетом их роли в построении смысла, «в связи с другими представлениями»: «морфологическими» и «внеязыковыми, т.е. семасиологическими» [см. 10, 354]. Иначе говоря, Бодуэн де Куртенэ указывает на использование фонем в качестве различителей морфем и слов (как экспонентов внеязыковых различий).

Бодуэн де Куртенэ уже сознавал, что одна фонема может отличаться от другой разным количеством и разным набором признаков. По его мнению, легко можно, меняя по одной особенности, «пройти» весь состав звуков, как, например: $p-p' - b' - b - m - n - dw$ т.д. Бодуэн де Куртенэ отмечал, что в процессе развития языка могут исчезнуть некоторые различия у фонем, может ослабнуть или даже исчезнуть способность к дифференциации (например, совпадение в определенных случаях в латинском языке b и bh , d и dh). Таким образом, в этих идеях берет свое начало учение о различительной функции фонем и фонологических позициях.

В ранних работах Бодуэна де Куртенэ высказывается мысль о возможности обобщения фонем в единицы высшего порядка. Впоследствии в некоторых школах языкознания такого рода единица получила наименование «*архифонемы*» (возникающей в результате нейтрализации, по терминологии Пражской школы). С другой стороны, как отмечает Бодуэн де Куртенэ, оттенки фонем могут усиливаться до такой степени, что каждому из них на каком-то этапе развития языка начинает соответствовать в языковом мышлении данного индивида (и коллектива) особая фонема. В его работах мы впервые встречаем отдельные замечания о так называемых факультативных фонемах, о зависимых и независимых, эквивалентных и неэквивалентных, соизмеримых и несоизмеримых фонемах, о понятии нуля фонемы [см. 13, 246–293].

Положения, содержащиеся в различных бодуэновских определениях фонемы, получают различное истолкование и преломление в фонологических концепциях XX в. Они предопределили понимание фонемы как звукотипа — в одних направлениях и обусловили уяснение важности фонемы для интерпретации фономофологических явлений — в других направлениях и школах. Кроме того, некоторые из указанных положений сыграли определенную роль и в теоретических построениях в весьма важной для современной лингвистики области — в области выявления элементарных единиц звукового строя языка. Мысль Бодуэна де Куртенэ о

разложимости фонемы стимулировала настойчивые попытки экспериментальным путем выделить составляющие фонему признаки и теоретически осмыслить их роль в механизме языка.

Как видим, одним из центральных моментов анализа фонем у Бодуэна де Куртенэ является понимание фонем как неких идеальных сущностей: с одной стороны, как результата отвлечения от звучаний в сознании говорящих, с другой стороны, как результата научной абстракции, т.е. лингвистического моделирования.

Другим важным моментом этой теории является оценка роли звуковых единиц с точки зрения функционального использования фонем в морфологическом строе языка. Бодуэн де Куртенэ закладывает основы **учения о «морфологизации» и «семасиологизации» фонем**, т.е. о позитивной их функции. Фонемы понимаются им как знаки, признаки морфем. Свойство фонемы служить идентификации морфем он считает спецификой фонем как единиц фонологического уровня (как мы бы сказали).

Фонемы рассматриваются Бодуэном де Куртенэ в системном плане как реляционные ценности, как элементы языковой структуры.

Фонемы становятся языковыми ценностями и могут быть рассматриваемы лингвистически только тогда, когда входят в состав всесторонне живых языковых элементов, каковыми являются морфемы, ассоциируемые как с семасиологическими, так и с морфологическими представлениями [см. 7, 160], а эти представления, как известно, «определяются альтернациями, или чередованиями» [7, 161].

В возникновении теории фонем Бодуэна де Куртенэ важную роль сыграли два фактора.

Первый фактор сводится к сделанному на основе изучения живых языков и физиологии звуков выводу о том, что есть два рода признаков звуков речи: с одной стороны, это звуковые особенности, позволяющие дифференцировать смысл, и, с другой стороны, это признаки, которые не влияют на различение смысла, что позже было осознано соответственно как дифференциальные и интегральные признаки фонем.

Второй фактор состоит в выяснении той роли, которую эти звуки играют в механизме языка, что было тесно связано с потребностями сравнительно-исторического изучения развития звукового строя отдельного языка и звукового строя родственных языков.

Бодуэн де Куртенэ одну из своих задач видит в том, чтобы попытаться выявить те участки языкового механизма, где осуществляется связь различных уровней системы языка. Бодуэн де Куртенэ считает фонему «подвижным компонентом морфемы и признаком известной морфологической категории» [4, 334]. Фонема

у Бодуэна де Куртенэ выступает как связующее звено между фонологией и морфологией. Таким образом, речь идет о связи уровня фонетического с уровнем морфологическим. В одной из своих работ [см. 4] Бодуэн де Куртенэ определяет фонетику как историю фонем в отношении к морфологии, в другой работе, посвященной фонетическим законам, говорит о ней как о «фонетике ассоциаций с морфологическими и семасиологическими представлениями» [72, 62].

Бодуэн де Куртенэ явился создателем научной **теории чередований**. Наиболее полно она представлена в книге «Опыт теории фонетических альтернатив» [9], вышедшей в 1893 г. на польском языке, а в 1895 г. — на немецком, книге, подведшей итог длительной работе, начатой еще в Казани Бодуэном де Куртенэ, Крушевским и Радловым.

Теория чередований, во-первых, позволяла объяснить фонетические закономерности в свете их использования на морфологическом уровне; во-вторых, она давала возможность проследить процесс развития элементов системы языка и взаимодействие различных уровней языка — от возникновения «микроскопических фонетических изменений» до превращения их в традиционные чередования (через целый ряд стадий, через морфологическое осмысление фонетических различий).

Бодуэн де Куртенэ устанавливает, что альтернантами (компонентами чередования) следует признать разные с фонетической точки зрения фонемы, выступающие в этимологически родственных морфемах и занимающие в составе этих морфем соотносительные относительно друг друга места. Бодуэн де Куртенэ дал очень подробную классификацию чередований с различных точек зрения. Благодаря этой теории оказывается возможным провести стратификацию чередований в хронологическом плане. Первый опыт хронологической классификации уже содержит различие *дивергентов*, *коррелятов* и *корреспондентов*. Теория чередований Бодуэна де Куртенэ легла в основу морфонологии.

Представляют интерес **типологические изыскания** Бодуэна де Куртенэ. Уже в работах казанского периода он формулирует, говоря терминами современного языкознания, основные принципы исследования фонологической и морфонологической структуры языка. Завершением его типологических опытов явилась статья «О классификации языков» [73]. В программе лекций (1878) Бодуэн де Куртенэ выделяет два структурных признака: а) морфологическое использование ударения, или — иначе — морфологическую функцию ударения, и б) противопоставление долготы и краткости гласных. Основываясь на этих признаках, он создает набросок сопоставительной (типологической) характеристики

славянских языков и устанавливает пять структурных языковых типов в рамках славянской языковой общности [см. 3, 144–145]. Работы Бодуэна де Куртенэ в этой области предвосхищают типологические изыскания Р.О.Якобсона, Ю.Р.Куриловича, Э.Станкевича и ряда других лингвистов.

Бодуэн де Куртенэ одной из задач лингвистики считал создание статистической типологии звуковых систем славянских языков, проведение сравнительного статистического исследования взаимных отношений звуков в общем составе языка:

...С помощью статистических вычислений можно было бы определить относительно более или менее частое появление тех или других гласных или категорий гласных в отдельных языках словенских, что могло бы послужить одним из оснований для характеристики этих языков с антропофонической точки зрения [4, 298–299].

Бодуэн де Куртенэ следующим образом очерчивает область типологических исследований: 1) сопоставительный (типологический) анализ языков, никак не связанных по происхождению; 2) типологический анализ по отношению к языкам родственным; 3) типологический анализ по отношению к языкам, связанным территориально [см. 5, 337]. Бодуэн де Куртенэ, в частности, живо интересовался проблемами балканского языкового союза, в основе которого, по его мнению, лежит субстрат, общий для всех балканских языков.

Таким образом, положения Бодуэна де Куртенэ перекликаются с установками современной лингвистики, занимающейся изучением отношений между языковыми системами.

В рамках типологической классификации Бодуэн де Куртенэ ставит вопрос об исследовании путей грамматического перевода, т. е. путей передачи одних и тех же или сходных грамматических значений различными способами. В этих рамках находят, таким образом, свое место операции по преобразованию одной системы в другую.

Тесное увязывание генетических и типологических исследований, типологическое сопоставление языковой структуры с учетом общих для некоторых языков тенденций развития позволили Бодуэну де Куртенэ подойти вплотную к проблеме лингвистического времени — поставить вопрос о скорости развития одного языка по сравнению с другим (на материале славянских языков).

Бодуэн де Куртенэ стремился, таким образом, соединить в более широких, но единых рамках различные пути и методы, обеспечивающие построение научной теории, где каждый язык и его свойства получили бы определение в точных системных терминах и на базе однозначных критериев.

Общелингвистическая концепция И. А. Бодуэна де Куртенэ несет на себе следы двойственности, отражая эпоху, в которую протекала его творческая деятельность. Во взглядах Бодуэна де Куртенэ много общего с положениями младограмматиков. По целому ряду общеязыковедческих вопросов он занимает те же позиции, которые были свойственны лейпцигским младограмматикам, что объясняется прежде всего тем, что его взгляды, как и взгляды лейпцигских младограмматиков, формировались под влиянием идей лингвистического психологизма. Кроме того, Бодуэн де Куртенэ, как и младограмматики, стремился избавиться от некоторых догматических положений, присущих школе Шлейхера, и воспринять новые веяния, появившиеся в смежных научных областях.

Именно этим объясняется его стремление к исследованию живых современных языков и диалектов, именно этим объясняется его повышенное внимание к разработке вопроса о роли индивидуального языкового мышления.

Но по многим теоретическим вопросам его воззрения расходятся с младограмматическими установками.

В период господства младограмматических воззрений, особенно в период 90-х годов XIX в., Бодуэн де Куртенэ критикует многие младограмматические догмы подчас с позиций, которые стали характерными для языкознания XX в.

Работы Бодуэна де Куртенэ, относящиеся к 70—80-м годам XIX в., нередко содержат мысли, которые перекликаются с соответствующими идеями в том их виде, как они формулируются Соссюром и в современной лингвистике. Некоторые положения его кредо приближают Бодуэна де Куртенэ к соссюрской концепции и даже превосходят в определенных отношениях «Курс общей лингвистики» Ф. де Соссюра. Бодуэна де Куртенэ с полным основанием можно считать одним из предшественников структурного языкознания, особенно в том его виде, в каком оно сложилось в Пражской школе. Бодуэн де Куртенэ, как известно, оказал очень значительное влияние на формирование идей Пражской структуральной школы, прежде всего взглядов таких ее представителей, как В. Матезиус, Н. С. Трубецкой и Р. О. Якобсон.

Бодуэн де Куртенэ, к сожалению, не дал целостной лингвистической системы, в рамках которой были бы интерпретированы различные аспекты языка. На известную фрагментарность своих общелингвистических положений указывал сам Бодуэн де Куртенэ:

Высказывалось много новых мыслей, которые, однако же, оставались большей частью набросками и недомолвками, без надлежащего развития [6, н. 347, с. 35].

Многие передовые идеи Бодуэна де Куртенэ и других представителей Казанской школы русского языкознания были широко

использованы в трудах ученых разных стран. Из польских учеников Бодуэна де Куртенэ можно назвать Г.Улашина, Т. Бенни, В.Дорошевского. Одним из его учеников был видный советский лингвист Е.Д.Поливанов.

Языкознание восприняло и развивает многие мысли Бодуэна де Куртенэ. Положения Бодуэна де Куртенэ о языке как социальном явлении, его внимание к общественным факторам в жизни языка в известной мере предвосхитили концепцию сформировавшейся позднее социологической школы, согласно которой язык есть «идеальная лингвистическая форма тяготеющая над всеми индивидами данной социальной группы» [17, 224].

Введение в научный обиход понятия фонемы, выявление конститутивных черт фонемного строя языка было крупнейшим открытием Бодуэна де Куртенэ, обогатившим науку о языке.

Идеи Бодуэна де Куртенэ сыграли определенную стимулирующую роль в области экспериментального исследования речи и приложения добытых результатов к общественно-языковой практике.

П. Г. Шухардт. Школа «слов и вещей»

Школа «слов и вещей» возникает на основе острой критики младограмматических доктрин и метода исследования. Она выступает в истории языкознания как одно из первых течений, стремившихся полностью порвать с традициями младограмматизма.

Школа «слов и вещей» оформляется в 1909 г. с выходом в свет издаваемого Р. Мерингером журнала «Слова и вещи» («*Wörter und Sachen*»), просуществовавшего до начала 40-х годов XX в.

Рудольф Мерингер (1859—1931) выдвигает идею о расходящихся в разном направлении «волнах культуры» [см. 119], которые состоят из «языковых волн» и «волн вещей». Исходя из этого, Мерингер в своих многочисленных работах стремится проследить распространение языковых новшеств, сопровождающее распространение атрибутов материальной культуры, например построек определенного типа, некоторых видов домашних животных и т. п. [см. 116—118; 120—123]. Основная трудность, с которой столкнулись Мерингер и его последователи, сводилась к вопросу о том, как определить понятие «вещь» и как быть с названиями абстрактных понятий.

Школа «слов и вещей» ставила перед собой задачу изучения истории слов, основываясь не только на лингвистическом анализе, но и на истории самой вещи, обозначаемой данным словом — поскольку, по их мнению, слова заимствуются, переходят из одного языка в другой не изолированно, а вместе с обозначаемыми ими вещами.

Основное возражение у представителей этой школы вызывает интерпретация младограмматиками языка как самодовлеющего

механизма, функционирующего и развивающегося в соответствии с фонетическими законами и законами аналогии.

Как известно, в центре внимания младограмматиков оказываются фонетика и морфология. Область же семантики ими изучается слабо и поверхностно. Естественно поэтому, что критики младограмматизма, наоборот, основное внимание сосредоточивают именно на области семантики, на области развития и изменения значений. Язык рассматривается ими как инструмент, отражающий деятельность человека, тесно связанный с его социальными и культурными институтами, с его историей.

Поэтому сторонники этого направления требуют всестороннего изучения и описания как современного состояния языков, так и истории их развития.

Все это нашло яркое отражение в системе взглядов и деятельности Школы «слов и вещей» и в лингвистических воззрениях видного австрийского языковеда конца XIX—начала XX в. Гуго Шухардта (1842—1927), с именем которого в истории языкознания связано само существование и деятельность этой школы¹.

Шухардт отличался большой смелостью в постановке теоретических проблем лингвистики и всегда выступал против того, чтобы сводить науку к простому описанию фактов языка, выступал против боязни обобщений, столь характерной для младограмматиков. Так, в статье «О фонетических законах» он писал:

Всякое частное языкознание переходит в общее, должно быть составной частью его, и чем выше будет подниматься в научном отношении общее языкознание, тем решительнее оно будет отбрасывать все случайное и эмпирическое. При самом тщательном исследовании частных вопросов мы обязаны не терять из виду общее, так сказать, самое общее [40, 53].

Шухардт выступает против тех исследователей (младограмматиков), которые представляют науку как некую замкнутую область, за пределы которой они боятся выходить:

К подлинной науке нельзя подходить с излюбленным «*ne supra crepidam*» (буквально — не выше башмака: башмачник, знай свои башмаки), что в действительности применимо лишь к сапожнику [33, 71].

Шухардт интересовался широким кругом проблем. Он всегда **Шел** навстречу самым сложным вопросам и приветствовал все

¹ Г. Шухардту принадлежит огромное количество работ, опубликованных преимущественно в периодических изданиях. Извлечения из основных работ Шухардта по вопросам общего языкознания были изданы в 1922 г. [см. 155], а второе, расширенное, издание вышло в 1928 г. [см. 155]. В 1950 г. в переводе на Русский язык были изданы «Избранные статьи по языкознанию» [см. 33].

новое, смелое в науке. Так, в статье «О книге Ф. де Соссюра "Курс общей лингвистики"» он писал:

От книги Соссюра на меня повеяло духом свежести и самостоятельности; я мог бы сказать, пожалуй, духом беспокойства [33, 197].

Интерес к вопросам теории сочетался у Шухардта с тягой **к конкретным исследованиям многочисленных языков**. Поэтому всю жизнь он неустанно работал над исследованием лексики и грамматики самых разнообразных языков, хотя основной областью его исследований были романские языки [см. 136; 140; 141; 144—147]. Шухардт в статье под названием «Личность автора в лингвистическом исследовании» пишет, что с увлечением изучал и исследовал славянские, кельтские (живя в Уэльсе, он мог объясняться с местными жителями, не прибегая к английскому) языки, мадьярский, баскский, кавказские, хамитические, прежде всего берберский, языки. Кроме того, он занимался древнееврейским языком и креольскими языками, изучал иероглифы [см. 42; 137; 138; 140; 143; 147; 148; 150—152]. Шухардт занимался также математикой, особенно, как он называл, «философской математикой». Сам он так говорил об этом:

Мысль Канта, что всякая наука является наукой в той степени, в какой она содержит в себе математику, произвела на меня, очевидно, очень сильное впечатление [33, 275].

Стремление к широким научным обобщениям сделало очень актуальными для Шухардта проблему **связи языкознания с другими науками** и проблему **подразделения самой науки о языке**. В этих вопросах, как и в большинстве других, он выступает против воззрений младограмматиков, таких, как К. Бругман, Г. Остгоф, Г. Пауль, Б. Дельбрюк, В. Мейер-Любке и др.

Прежде всего Шухардт категорически возражает против использования термина «филология» и против отнесения филологии **к** некоей особой области знания, в ведение которой попадают проблемы и языка, и литературы. Даже языки различных семей, подчеркивает Шухардт, «как бы далеко они ни отстояли друг от друга, в научном смысле связаны между собой гораздо теснее, чем язык и литература, даже тогда, когда они принадлежат одному и тому же народу» [33, 52]. Разделение наук, по его мнению, должно исходить из сути вещей, причем основным и решающим моментом здесь должно являться тождество исследовательского метода. Отсюда следует, что языкознание, литературоведение и история культуры должны быть отдельными науками. Таким образом, он не только выступает в явной форме против младограмматиков, увлекавшихся разработкой индоевропейской филологии, но и в неявной форме выступает против народной психологии Штейнталя—Лацаруса и В. Вундта.

Как известно, во все периоды существования науки о языке чрезвычайно существенной была проблема отнесения языкознания к тому или другому типу наук. Решение проблемы менялось в зависимости от общей концепции языка, во-первых, и в зависимости от всего направления развития наук этого периода — во-вторых. В настоящее время указанная проблема по-прежнему является сложной и актуальной. Для Шухардта наука едина, и поэтому науки о природе и науки о «духе» (или гуманитарные науки в нашем понимании) не следует рассматривать как находящиеся в каком-то противоречии по отношению друг к другу. В то же время он убежден, что каждая наука не должна отказываться от присущей ей специфики, причем между биологией и языкознанием пропасть не шире и не глубже, чем, например, между химией и биологией. Исходя из этого, Шухардт считает, что спор о принадлежности лингвистики к наукам о природе или наукам о духе и попытка ее отнесения по содержанию к наукам о духе, по методам — к естественным наукам оказываются беспредметными.

В своих работах Шухардт касается всех сторон языка: фонетики, грамматики и лексики. Он ставит и пытается решать общетеоретические, лингвистико-философские проблемы и вместе с тем осуществляет тонкое исследование конкретных языковых фактов и явлений.

Значительную роль для последующего развития науки о языке сыграли работы Шухардта в области семантики. В этих работах Шухардт стремится выявить закономерности развития семантического строя языка. Основное внимание Шухардт уделяет проблеме развития и изменения значений слов. Слово, его историю он теснейшим образом связывает с историей обозначаемой этим словом вещи. В этом плане особенно характерна его работа «Вещи и слова» [см. 34]. По Шухардту, исследование вещей и исследование слов должно происходить одновременно и приводить к результатам, одинаково ценным для обеих областей. По его словам,

...Союз *и* в выражении «вещи и слова» должен превратиться из символа сложения в символ умножения; необходимо создать историю вещей-слов (*Sachwortgeschichte*) [34, 200].

Существенной частью методики в этой области исследования является объяснение основных отношений между вещами и словами. Вещь по отношению к слову — нечто первичное и устойчивое, причем термин «вещь» понимается очень широко. Под вещью понимаются и предметы, и действия, и состояния. Понятие «вещь» распространяется на одушевленные и неодушевленные предметы Реального и нереального мира. Так, по отношению к слову *кентавр* вещью является наше представление о кентавре. Между ве-

стью и словом, подчеркивает он, неизменно находится представление.

По мнению Шухардта, для глубокого изучения соотношения между вещью и словом необходимо перейти от рассмотрения их в состоянии покоя к рассмотрению их в развитии. Нужно, следовательно, изучать историю слов, но история каждого слова будет одновременно являться «историей говорящего». Поясняя это положение, Шухардт утверждает, что, говоря об истории какого-либо дома, лошади, виноградника, иглы, горшка и т.д., следует «говорить об истории строительного искусства, приручения лошади, культуры виноградарства, кузнечного и гончарного производства, а еще правильнее — об истории того, кто строит, приручает животных, сажает лозу, кует и изготавливает гончарные изделия... Таким образом... возникает полный параллелизм между историей вещей и историей слов» [34, 203].

Наряду с историей вещи и слова Шухардт говорит о необходимости учитывать **историю обозначения и значения**. В каждый отдельный момент обозначение совпадает со словом, а значение — с вещью. В ходе исторического развития может наблюдаться следующее соотношение: 1) изменяется вещь, но сохраняется неизменным обозначение; 2) вещь остается неизменной, но изменяется обозначение.

Насколько большое значение сам Шухардт придавал этой проблеме, указывают следующие слова:

...Учение о языке является либо учением о значении, либо учением об обозначении... [33, 238].

Изучение соотношения между вещью и словом в историческом плане, как подчеркивает Шухардт, разъясняет возникновение синонимов и омонимов.

Очень интересны в этом отношении работы Шухардта, посвященные этимологическим изысканиям [см. 144; 145]. В статье «К этимологии французского *mauvais* из латинского *malifatus*» [37] Шухардт стремится показать, что этимология слова может быть установлена семантически, даже если его фонетическая история не поддается выяснению. В этом случае необходимо проследить путь, проходимый тем или иным словом, независимо от того, ведет ли он от вещи к человеку или от человека к вещи. Следует установить все промежуточные ступени от единичного употребления слова в необычном смысле до полного вытеснения его первоначального значения. Особое внимание должно быть обращено на различия в исходных пунктах развития слова.

В статье «Этимология и исследование истории слов» [38] Шухардт подчеркивает, что при изучении истории слов нужно учитывать не только причину возникновения или проникновения в

язык того или другого слова, но и его дальнейшую судьбу, т.е. то, как оно распространяется, причем основное внимание должно быть сосредоточено на исследовании словаря различных социальных группировок. Он считает, что «подобно тому как нет двух людей, обладающих словарем совершенно одинакового объема, так и между разными общественными группами, проживающими в пределах одной и той же территории, различия в объеме словаря исключительно велики» [38, 220].

Работы Шухардта, и особенно его статья «Вещи и слова» (1912), способствовали выделению в языкознании особой области — *ономазиологии*, т.е. науки о названиях (*Bezeichnungslehre*)¹.

Для истории языкознания очень важен спор Шухардта с младограмматиками по вопросу о фонетических законах. Как известно, к 70-м годам XIX в. в младограмматической школе сложилось убеждение, что развитие языка определяется непреложными фонетическими законами, действующими со «слепой необходимостью». И хотя в дальнейшем в эту категорическую формулировку вносились поправки, положение о фонетических законах оставалось краеугольным камнем теоретических положений младограмматизма.

Г. Шухардт выступает с яркой полемической статьей «О фонетических законах» [40], направленной против догм младограмматиков. Он подробно разбирает положение младограмматизма о непреложности фонетических законов с целью доказать его неправомерность. Поскольку тезис о сходстве фонетических законов с законами природы, отмечает Шухардт, следует признать несо-

¹ Ономазиология — это область языкознания, которая изучает принципы и закономерности обозначения предметов и понятий.

При ономазиологическом исследовании лексических единиц на первый план выдвигается функционирование слова в качестве имени. Ведь изменение значения слова, по Шухардту, сводится к изменению у предметов или понятий наименований.

Дальнейшая теоретическая разработка этой проблемы, особенно попытка установления целей и задач ономазиологии, продолжалась и в середине XX в. (см., например: книгу Бруно Квадри «Задачи и методы ономазиологических изысканий» [129]).

Работы Шухардта в этой области способствовали обоснованию задач и методов изучения словаря языков по предметным группам, составлению так называемых идеологических словарей. Сам Шухардт считает также, что словарь, составленный по принципу объединения однородных вещей, гораздо полезнее, чем словарь, составленный в алфавитном порядке.

Теоретические основы науки о названиях и принципы составления идеологических словарей полно представлены в следующих работах: *Дорнзеиф Ф.* Немецкий словарь, составленный по предметным группам [см. 88]; *Халлиг Р., Вартбург В.* Система понятий как основа лексикографии [см. 99].

Халлиг и Вартбург делят всю лексику на три главные группы: «мир», «человек» и «человек и мир». Каждая из этих групп, в свою очередь, подразделяется на ряд подгрупп.

стоятельным, несостоятельным оказывается и тезис о том, что эти законы не знают исключений. Полемизируя с младограмматиками, Шухардт саркастически отмечает, что единственный тезис, который может быть признан безусловным и бесспорным достоянием их школы, — это тезис о «непреложности фонетических законов», однако:

...Если вы сообщите любому лицу, не являющемуся специалистом в данном вопросе, что подобные общеобязательные фонетические законы еще не открыты и что, больше того, все установленные до сих пор законы действительны лишь в относительно узких пределах времени и пространства, то он, разумеется, не обнаружит здесь той категории абсолютной необходимости, которая служит всегда обязательной предпосылкой для не знающего исключений закона [40, 29].

По его мнению, нельзя утверждать, что фонетические изменения всегда развиваются в одном и том же направлении даже при условии их пространственной и временно́й ограниченности. Ограничение сферы действия фонетических законов местом и временем не решают вопроса, потому что в языке постоянно и одновременно действуют и центробежные и центростремительные силы, которые делают границы между языком и его диалектами очень неустойчивыми. Шухардт указывает, что нельзя сводить развитие языка к чисто внешним, механическим факторам, что закономерности развития языка определяются не только его физиологической стороной, но и психической. Между тем во всех построениях младограмматиков психологический фактор воспринимается как «антагонист фонетических закономерностей» [40, 25], что приводит к неточностям. В связи с этим положением Шухардт высказывает очень глубокую мысль о взаимосвязанности элементов языка, предвосхищая в определенной степени положение о системном характере языка, получившем распространение с XX в. Он пишет:

...В целом нужно уметь (Обнаруживать в языке единство и не представлять его себе как борьбу Аримана с Ормуздом [40, 29].

Фонетические законы, замечает Шухардт, можно сравнивать с продуктами моды, т. е. их следует рассматривать как результат осознанного или наполовину осознанного подражания. Например, во Франции и в Германии все более входит в моду гортанное *ɣ* вместо зубного *g*, а берлинское *j* вместо *g* все глубже проникает в центральные области Германии. Большую роль играют здесь школа и вообще развитие просвещения. Шухардт также считает, что не выдерживает критики в плане защиты учения о непреложности фонетических законов тезис «одинаковые причины — одинаковые следствия», поскольку в каждом случае имеются в виду не адекватные условия, а лишь приближение к ним в той или иной степени.

Понятие фонетического закона, если оно вообще может остаться в теории языкознания, должно играть, как утверждает Шухардт, сугубо вспомогательную роль:

...Я признаю право на существование и полезность «фонетических законов», но лишь в качестве формул, разъясняющих сближение или совпадение различных процессов, а отнюдь не определяющих их [40, 53].

Отрицательное отношение Шухардта к понятию фонетического закона объясняется его общетеоретической концепцией, заключающейся в отказе от так называемого индивидуализма в языкознании, в выдвигании на первый план положения об общественном характере языка:

Фонетические законы и социальный характер языка несовместимы друг с другом [40, 53].

Следует, однако, отметить, что если иногда в пылу спора Шухардт вообще отказывался признавать звуковые закономерности, то в конкретных лингвистических исследованиях он сам обращал пристальное внимание на звуковую сторону речи, на звуковые соответствия.

Шухардт считал, что простая эволюция звуков в языке еще не раскрывает подлинного смысла истории языка. Именно поэтому он расходился с младограмматиками по вопросу о причинах изменения языка. Если младограмматики сводили причины изменения языка часто к действию фонетических законов и аналогии, то Шухардт в качестве важнейшей причины развития языка выдвигал явление **языкового смещения**. В статье «К вопросу о языковом смещении» он утверждал:

Среди всех тех проблем, которыми занимается в настоящее время языкознание, нет, пожалуй, ни одной столь важной, как проблема языкового смещения [39, 175].

В концепции Шухардта и его последователей проблема скрещивания, или смещения, языков принимает форму методологического принципа.

На формирование концепции языкового смещения Шухардта огромную роль оказала так называемая **теория волн** И.Шмидта, отрицающая наличие четких границ между языками, указывающая на наличие общих черт между граничащими языками. Под влиянием последней возникла теория **лингвистической непрерывности** Шухардта. По мнению Шухардта, возможность смещения языков не имеет ограничений и может приводить к самым различным результатам — от максимального до минимального различия между языками. В мире не существует несмешанных язы-

ков, не содержащих в себе чужих элементов. Смешение языков ведет прежде всего к их изменению. Здесь, по его мнению, следует выделять два явления: 1) изменение в прямом смысле этого слова и 2) смешение. Первое происходит в случае внесения в «одно начало гомогенного ему другого начала», второе — в результате внесения «гетерогенного начала» [см. 33, 176].

Хотя Шухардт и отказывается рассматривать язык как некий организм, подвергая критике еще встречавшиеся у некоторых его современников элементы натуралистической концепции языка, он тем не менее также применяет сравнения с явлениями живой или неживой природы. Например:

Подобно тому как неорганические тела могут изменяться физически или химически, а организмы в результате отбора или скрещивания, так и языки могут изменяться либо в силу внешних, частично зависящих друг от друга условий существования говорящих, либо в результате прямого вмешательства других языков [33, 176].

Причины языкового смешения, как отмечает Шухардт, всегда социального, а не физиологического порядка, поскольку язык не есть самостоятельный организм — субъект, но лишь продукт деятельности субъекта.

Проблема языкового смешения связана с проблемой двуязычия. По мнению Шухардта, смешение языков может происходить в случае миграции народов, но может иметь место и при постоянном пребывании на одной и той же территории. В последнем случае оно протекает особенно интенсивно и идет особенно сложными путями. Влияние, испытываемое одним языком со стороны другого, может, как считает Шухардт, быть либо очень значительным, либо поверхностным. Примером первого рода может служить отношение римлян и романских народов к италийцам, этрускам, кельтам, иберам, которым завоеватели-римляне, распространившись среди них, навязали свой язык; примером второго рода является их отношение к германцам, славянам, арабам, которые испытали вторжение и временное господство римлян, но не восприняли, однако, их языка.

Шухардт отрицал деление истории языка на строго разграниченные хронологические периоды и наличие границ между отдельными говорами, диалектами и языками, выдвигая положение о географическом варьировании. По его мнению, локальные говоры, поддиалекты, диалекты и языки — абсолютно условные понятия. Иначе говоря, испанский, французский, итальянский языки или верхнеитальянский, ломбардский и другие диалекты — лишь «географические собирательные обозначения» [33, 727]. Языки смешиваются и переплетаются между собой, образуя сплошную цепь переходов, сцеплений и взаимодействий.

В статье «О классификации романских диалектов» [41] он отмечает, что, двигаясь с севера Италии к юго-западу Франции, нельзя точно установить, где кончается тот или иной североитальянский диалект и где начинаются южнофранцузские языковые границы [см. 41, 123].

Уже в ранней своей работе «Вокализм вульгарной латыни» [141] он указывает, что по всей области распространения романских диалектов соседние диалекты, говоры, подговоры и т.д. не отграничиваются резко друг от друга, а сближаются, переходят один в другой. Отсюда Шухардт делает вывод о невозможности определить как область распространения отдельного диалекта, так и область распространения всех отдельных его фонетических особенностей. Например, перевалив через Апеннинский хребет, вместо *grande* (большой), *tutto* (весь), *paese* (страна) слышат *grand*, *tutt*, *paes*, сходные с французскими *grand*, *tout*, *pays*. Еще определеннее напоминает северофранцузскую речь переход *a* в *a*: вместо *baciare* (целовать), *paine* (хлеб) слышим *basar*, *pan*, сходные с *baiser*, *pain*, и т.д. [см. 41, 123].

Фонетические или другие особенности, отмечает Шухардт, появляются где-то в одном пункте, откуда и начинают постепенно распространяться. Отмечая на карте контурными линиями определенные фонетические и морфологические особенности, можно установить «пункты излучения» диалектных особенностей. Построение подобной системы может быть обеспечено путем создания целой серии карт, представленной в виде историко-этнологического языкового атласа. Такой атлас призван показать, что распространение того или иного явления в пределах определенной территории происходит либо путем просачивания его во всех направлениях, либо лучеобразно. Распространение явления зависит от размеров общения. Общению обычно препятствуют либо естественные границы (горы, леса, воды), либо созданные искусственно (политические и религиозные границы). Средствами их распространения служат обычно сухопутные и водные пути. Кроме того, следует учитывать и факторы человеческого существования, как-то: ремесла, обычаи, суеверия и т. п.

Эти положения Шухардта, развивавшиеся им на материале романских языков, стали основополагающими для представителей французской школы лингвистической географии, которые отрицали наличие границ между отдельными диалектами, изучали пути распространения отдельных языковых явлений, передающихся от индивида к индивиду в виде непрерывной сети незаметных переходов.

Вывод о наличии постепенных переходов между языками приводит Шухардта к мысли об отказе от понятия родословного Древа:

Мы связываем сучья и ветви родословного древа бесчисленными горизонтальными линиями, и вследствие этого оно перестает быть родословным древом [33, 126).

Отсюда он делает вывод о том, что строго генеалогическая классификация языков вообще невозможна. Поэтому статью «О классификации романских диалектов» Шухардт заканчивает словами:

Я намеревался говорить в этой статье в защиту классификации романских языков, но оказался вынужденным говорить против нее [41, 140).

Итак, вместо генеалогической классификации языков Шухардт выдвигал *теорию географической непрерывности*, т.е. переходов одного языка в другой в соответствии с их географическим положением.

Отказ от признания понятия «родство языков», утверждение о том, что смешение, скрещивание языков служит базой для образования всех языковых групп, привели Шухардта не только к отрицанию теории и практики младограмматизма, но и шире — к отрицанию теории и практики всего сравнительно-исторического языкознания с его понятиями языковой семьи, праязыка, архетипа, реконструкции и т.п.

Усматривая «единственно реальную» основу родства языков в общении коллективов носителей языков, Шухардт в связи с этим много внимания уделяет так называемым креольским языкам, которые, как он подчеркивает, были вызваны к жизни непосредственной необходимостью общения как языки торговли, невольничьи языки [см. 138].

По мнению Шухардта, эти языки не следует просто считать хаотическим смешением разнородных элементов. Это совершенно особые, специфические образования, несущие некоторые черты искусственных языков типа эсперанто и волапюка:

Мы не можем... рассматривать креольский язык как объединение европейского словаря с африканской или азиатской грамматикой, в особенности неправильно было бы утверждать, что *lingua franca* представляет собой романский язык с арабской или турецкой грамматикой [33, 182).

И далее он отмечает, что в основу ложится какой-то один из языков:

Основа языка, созданного исключительно для целей общения двух совершенно чуждых в языковом отношении групп, всегда принадлежит лишь одной из указанных групп: какой именно — это зависит не от свойств данных языков, а всецело от внешних обстоятельств [33, 184].

Скептическое отношение к понятию генеалогического родства языков привело Шухардта к мысли о родстве всех языков мира,

тем более что смешение, осложняя прямое родство, сближает разные языки между собой:

Я признаю, что все языки мира родственны, однако они родственны не в силу своей родословной, но лишь потому, что это родство образовалось при ближайшем, весьма широком участии смешения и уподобления [33, 73-74].

Характерно, что в противовес младограмматикам, уделявшим преимущественное внимание изучению родственных языков, Шухардт выступает за сравнительное изучение языков неродственных, т.е. за изучение их в плане типологии. Ход развития всех языков, по Шухардту, зависит от действия двух факторов — центробежной и центростремительной сил. Первая, изначальная, ведет к дифференциации языка, к дроблению на отдельные, индивидуальные языки, вторая — к сближению языков через общение. Итак, развитие языка складывается из дивергенции (расхождения) и конвергенции (схождения).

Отказываясь решительно высказаться в пользу моногенеза или полигенеза языкового развития, Шухардт тем не менее категорически подчеркивает однородность языкового развития, основанную на общности психической природы людей [см. 35; 36; ЛЩ. Древнейший язык в его представлении насчитывал ничтожно малое количество слов, которые, однако, уже составляли предложения:

Нам надлежит рассматривать предложение как изначальную составную часть человеческой речи; слово выросло из предложения, как понятие из мысли. Два объединившихся друг с другом предложения стали двумя словами одного и того же предложения [33, 80—81].

Наиболее простое сочетание, по мнению Шухардта, — это сочетание требования, дополненного указанием типа *смотри туда! огонь!* (= *там горит*). Это высказывание, передающее содержание процесса. Слово-процесс стало основным стержнем языка, оно не только касалось совершающегося процесса, но и побуждало к действию, например: *иди! посмотри!* Два одночленных предложения, относящихся к одному и тому же процессу, сливаются в двучленное. Позднее выделяются слова, указывающие на состояние и принадлежность. Связь слова-указания со словом-высказыванием дает первоначальный тип двучленного предложения. Из третьего типа слов, так называемых относительных слов, представляющих собой редукцию двух первых типов, образуется флексия в склонении и в спряжении.

Попытки установления древнейшего состояния языка, по Шухардту, должны опираться на данные современных живых языков, так как «в жизни языка испокон веков существовали те же факторы» [33, 144]. К тому же, подчеркивает он, в методическом отношении исследование живых языков для познания мертвых го-

раздо полезнее, чем привлечение мертвых языков для исследования живых.

Подводя итоги, следует сказать, что лингвистическое наследие Шухардта очень неоднородно и неравноценно. Важно, однако, что он решительно и упорно искал новых путей в науке. Шухардт был ярким полемистом и смело критиковал современное ему состояние науки о языке, стараясь пробуждать у молодых исследователей стремление к поиску.

В истории языкознания Шухардт занимает особое место как критик старого и глашатай нового. В его трудах, написанных в конце XIX — начале XX вв., как в зеркале отразилось состояние современной ему науки о языке. Работы Шухардта свидетельствуют о зарождении нового подхода к языку, выработке новых методик его описания.

Лингвистика XX в. осуществит дальнейшее и более глубокое исследование этих проблем: описание языка как общественного явления найдет свое отражение в трудах представителей социологического направления; представление о языке как сети незаметных постепенных переходов — в работах по лингвистической географии; развитие концепции смещения (скрещивания) языков как основы языкового развития — в трудах Н.Я.Марра; исследование языка как системы взаимосвязанных элементов и отношений — в трудах представителей лингвистического структурализма.

III. Эстетическая философия языка.

К. Фосслер (Эстетическая школа, или неофилология)

Эпитет «эстетическая» данная школа получила благодаря своему кредо, в котором эстетика объявляется «альфой и омегой» языкознания. Эстетическая школа делает упор на исследовании языка со стороны его экспрессивной функции и в целом подходит к языку как историко-культурному образованию.

Наиболее ярким и последовательным представителем такого подхода к языку выступает Карл Фосслер (1872—1949) — создатель и глава Эстетической школы. Среди представителей этой школы следует выделить Е.Лерха, Л.Шпитцера, Х.Хатцфелда, Х.Райнфелдера, Ф.Шюра, В.Клемперера и Л.Ольшки. Все они, как, впрочем, и ее основатель, были специалистами в области романской филологии¹.

¹ Е.Лерх занимался преимущественно проблемами французского синтаксиса [см. 109—114]; Л.Шпитцер — стилистикой, семасиологией и этимологией романских языков [см. 156—161]; Ф.Шюр известен главным образом как автор книги «Наука о языке и дух времени» [134], в которой он стремится обосновать и утвердить идеи К.Фосслера [см. 133; 135]; Х.Хатцфелд [см. 100; 101] и Х.Райнфелдер [см. 130; 131] также известны своими работами в области романской филологии: В.Клемперер и Л.Ольшки [см. также 124] — крупные литературоведы.

Наименование нефилология, или «идеалистическая нефилология», идет от названия юбилейного сборника, изданного в 1922 г. учениками и последователями К.Фосслера в честь его пятидесятилетия. В посвящении к сборнику авторы заявляют, что его название «является своего рода знаменем. От Вас мы получили его, и Вам салютует оно» [102, VIII].

Деятельность К. Фосслера, профессора романской филологии в Мюнхенском университете, протекает в основном в первые десятилетия XX в. К.Фосслер не только (и, может быть, даже не столько) лингвист, но и литературовед, что сказывается на его взглядах на язык, на круге интересующих его проблем, на манере изложения¹.

Среди работ Фосслера (общее количество которых исчисляется сотнями) наибольшее значение для понимания развития языковедческих идей имеют его общетеоретические труды².

В трудах К.Фосслера ощущается глубокое влияние философско-эстетических идей Б.Кроче, а также взглядов В.Гумбольдта, Г. Штейнталя, Г. Гегеля, работы которых он глубоко и тщательно изучал. Влияние Гегеля проявляется не только в содержании многих работ Фосслера, но и в их стиле.

Со своими теоретическими противниками, младограмматиками, называемыми им позитивистами, Фосслер борется, как он сам утверждает, с идеалистических позиций. Именно поэтому на протяжении всей своей творческой деятельности он постоянно подчеркивает идеалистическую сущность своей концепции. Отсюда и название его основной работы — «**Позитивизм и идеализм в языкознании**». Фосслер, разъясняя сущность своей полемики, утверждает:

Под позитивизмом и идеализмом я понимаю не две различные философские системы или группы систем, а первоначально только два основных направления в наших методах познания [цит. по: 21, 286].

Речь идет о полемике между различными направлениями в **философии научного творчества**. Идеализм как творческое, по мнению Фосслера, начало противопоставлен механицизму, научной косности и ограниченности.

¹ Перу Фосслера принадлежат многочисленные сугубо литературоведческие работы [см. 164; 165; 170; 188; 191; 195—198]. Они посвящены исследованию литературных направлений, например: провансальским трубадурам [см. 173], итальянской литературе XIX в. [см. 166; 176; 178], исследованию творчества, стиля и языка таких писателей, как Ж.Расин [см. 190], Ж.Лафонтен [см. 180], Лопе де Вега [см. 194], Данте [см. 183; 184] и др. [см. 167; 171; 185; 193].

² На русском языке опубликованы лишь некоторые, причем не самые важные, работы К.Фосслера: «Грамматика и история языка» [32]; «Отношение истории языка к истории литературы» [31]; «Грамматические и психологические формы в языке» [30].

Расхождение между позитивистами и идеалистами (в терминах Фосслера) с точки зрения целей познания Фосслер видит в их отношении к проблеме причинной связи. Для Фосслера важно выявление исходной причины, иначе — первопричины, для младограмматиков — конкретной, непосредственной причины, объясняющей появление или развитие каждого конкретного языкового явления. Позитивистами для него являются те исследователи, которые определяют в качестве «ближайшей цели исследования точное описание наличных фактов, знание "материала"» [цит. по: 21, 287].

Позитивизм, который рассматривает описание фактов лишь как предварительную задачу исследования, Фосслер называет «методологическим, предварительным и подчиненным» позитивизмом [см. 21, 287]. Но наряду с ним, по его мнению, «существует также метафизический, абсолютный и враждебный» позитивизм [см. 21, 287]. Собираение фактов без их объяснения и осмысливания, как отмечает Фосслер, превращается у метафизических позитивистов в конечную цель.

Напротив, исследователей, стремящихся к установлению «причинной связи» между явлениями, он характеризует как «идеалистов» (термин «идеалист» нередко синонимичен в употреблении Фосслера термину «диалектик»).

Идеалистов, как их определяет Фосслер и к которым причисляет и себя, прежде всего интересуется выявление причинных связей, а не только собирание и описание материала. Собирание фактов, точное знание всего наличного материала, как самоцель, — этого, по его мнению, еще недостаточно:

В действительности это вовсе не наука. Это смерть человеческого мышления, конец философии. Остается только хаос сырого материала — без формы, без порядка, без связи. Если лишить наш разум понятия причинности (каузальности), он будет мертв [цит. по: 21, 287].

Позитивистская, по Фосслеру, позиция младограмматиков, сводящаяся в первую очередь к накоплению материала, к познанию его, как такового, избегая философии языка, не может удовлетворить науку. Фосслер ищет выхода из такого преднамеренно «объективистского» ограничения задач научного исследования и находит вдохновение в философии языка В. Гумбольдта.

Вслед за Гумбольдтом Фосслер объявляет язык «выражением духа», духовных процессов. В языке духовные ценности обретают форму. В соответствии с этим положением Фосслер делает вывод о том, что законы развития языка нужно изучать не автономно, а как проявление «деятельности духа»:

Для нас автономным является не язык с его звуками, а дух, который создает его, формирует, двигает и обуславливает в мельчайших частностях. Поэтому языкознание не может иметь никакой иной задачи, кроме

постулирования духа, как единственно действующей причины всех языковых форм [цит. по: 21, 293].

По мнению Фосслера, дух, живущий в речи, производит все вместе: предложения, члены предложения, слова и звуки. «Дух языка» определяет языковое своеобразие. Не только наличие, но даже отсутствие известных языковых форм должно находить объяснение в «духе языка».

Именно «дух языка», по Фосслеру, определяет все в языке. Этот тезис Фосслера направлен против положений младограмматиков о законах языка, в защиту требования глубокого исследования механизма *языковой экспрессии*.

Фосслер, исходя из тезиса о языке как «выражении духа», вводит понятие «дух языков». Под последним понимается «поэтический природный дух, присущий всем языкам. Он выступает как деятельный и творческий принцип во всех человеческих языках» [169, 102].

Следуя за Гумбольдтом, Фосслер выступает за изучение языка в процессе его становления, в его динамике, а не статике. Стремление рассматривать язык как постоянное творчество лежит в основе всей концепции языка Фосслера. Именно этим объясняется то, что Фосслер уделяет основное внимание индивидуальной речи, воспринимая ее как непрерывное творчество, и предлагает перераспределить разделы лингвистики таким образом, чтобы ведущее место отводилось тем, в которых отражается творческая сторона человеческого языка, связи языковых и интеллектуально-духовных процессов.

Однако концепция К.Фосслера характеризуется определенной односторонностью, проистекающей в результате гипертрофирования определенных гумбольдтовских положений. Фосслер не учитывает важности двустороннего подхода Гумбольдта к основным характеристикам языка, не принимает, в сущности, так называемых языковых антиномий Гумбольдта. (Например, для Гумбольдта язык столько же есть деятельность, сколько и произведение.)

Это одностороннее восприятие идей Гумбольдта в определенной степени объясняется влиянием на Фосслера философии и эстетики Бенедетто Кроче¹, которого сам Фосслер называет своим непосредственным учителем.

Чтобы более ясно представить себе позиции Эстетической школы, и прежде всего ее основателя Фосслера, и лучше понять их

¹ Б. Кроче (1866—1952) — итальянский философ, неогегельянец. Философская система Кроче, представленная в его труде «Философия духа», и эстетика Кроче оказали большое влияние на современное ему западное искусствоведение, тем более что сам Кроче являлся одновременно крупным литературоведом, создавшим целую школу [см. 19].

исторические предпосылки, рассмотрим вкратце философско-эстетическую концепцию Б. Кроче. Работой, которая в наибольшей мере повлияла на становление взглядов Фосслера, явилась книга Кроче «Эстетика как наука о выражении и как общая лингвистика» [22]. В этой книге Кроче сформулировал взгляд на язык, который во многих существенных чертах восходит к идеям Гумбольдта.

Кроче делит человеческое познание на два вида: интуитивное и логическое. Интуитивное познание дает познание индивидуального, отдельных вещей. Логическое познание дает познание универсального, познание отношений между вещами. Интуитивное познание ведет к созданию образов, логическое познание — к созданию понятий. Интуитивное познание представлено в искусстве, интеллектуальное (логическое) — в науке. Аппарат знания, писал Кроче, «находится в движении между двумя полюсами, полюсом чистой интуиции, которым является поэзия или искусство, и полюсом чистого понятия, которым является философия» [82, 194].

Эстетика для него — часть философии. Объектом изучения эстетики является выражение.

Каждое проявление интуиции, каждое создание образа — в то же время выражение. Язык также состоит из неповторимых выражений. Следовательно, объектом изучения языкознания является выражение.

Языковой акт Кроче приравнивает к творческому акту, что сближает язык с искусством.

Таким образом, и у языкознания, и у эстетики оказываются одни и те же объекты исследования. Отсюда Кроче делает вывод: «все научные проблемы лингвистики одни и те же у нее с эстетикой и что ошибки и истины одной из них являются ошибками и истинами другой» [22, 170].

В результате лингвистика сближается с эстетикой настолько, что, «будучи взяты в их подлинном научном значении», они уже не две отдельные науки, «а одна и та же научная дисциплина» [22, 160]: «На определенной ступени своей научной обработки лингвистика, поскольку она является философией, должна слиться воедино с эстетикой; по она действительно сливается с этой последней без всякого "остатка"» [22, 170]. Философия языка и философия искусства суть одно и то же [22, 151].

Итак, в целом Кроче включает лингвистику в общую эстетику.

Преобразование лингвистики в часть эстетики вело к акцентуации лингвистических основ эстетики, к подчеркиванию важности изучения экспрессивной стороны языка как средства самовыражения.

Следуя за Гумбольдтом и объявляя язык творчеством, Кроче сближает язык с поэзией. Соответственно каждый говорящий может приравниваться к творцу. Отсюда в центре внимания оказывается индивидуальный акт выражения, спонтанный акт творчества в момент говорения:

Каждый говорит и должен говорить сообразно тем отзвукам, которые веши будят в его душе, или же сообразно своим впечатлениям [22, 168].

Язык для Кроче «не является арсеналом красивого и готового оружия... не является словарем, т.е. собранием абстракций» [22, 169]. Язык — это средство выражения. Язык есть звук членораздельный, ограниченный, организованный в целях выражения [22, 160].

Языки не обладают реальностью за пределами произведений искусства, благодаря которым они получают конкретное существование. Соответственно любая классификация, любое абстрагирование являются внешними по отношению к языку.

Эстетическая философия языка Кроче приводит его к отказу от понимания предложения и грамматических категорий как понятий, основанных на логических принципах.

Положения Кроче о том, что лингвистика, как и эстетика, не имеет ничего общего с логическим познанием и должна основываться на интуитивном познании, легли в основание эстетической нефилологии, представленной прежде всего в работах Фосслера, а также, но в гораздо меньшей степени и под несколько иным углом зрения, в работах представителей итальянской нелингвистики.

В работах К.Фосслера эстетика Б.Кроче и его идеи о языке и лингвистике были развиты в специфическую теорию языка. Книга Фосслера «Позитивизм и идеализм в языкознании» стала манифестом нового направления. Не случайно Фосслер писал о Кроче:

Насколько мне известно, никто другой не определил с подобной ясностью, определенностью и последовательностью эстетику как науку о духовном выражении и языкознание как часть эстетики и не сделал все выводы, какие следуют из этого определения [168, 5].

Идеи Кроче оказались созвучными идеям самого Фосслера как литературоведа, интересующегося языком с точки зрения творческого процесса и механизма выражения.

Фосслер считал, что в основе всех языковых категорий лежит интуиция, и только интуиция позволяет нам познать сущность этих категорий.

Язык, по Фосслеру, не должен быть подвержен логическому Рассмотрению. Сущностью языка является внутренняя деятельность — интуиция.

Свою задачу Фосслер видит в разработке методов применения Интуитивного познания в конкретных исследованиях. Он пишет:

Так как я, так же как и Кроче, причисляю языкознание к группе Исторических дисциплин, основывающихся на созерцании (интуитивное познание), то в настоящем труде в конечном счете речь идет не о

чем другом, как о проблеме правильного применения нашего интуитивного познания к целям объективного исторического исследования [цит. по: 21, 286].

Новая система языкознания должна, по мнению Фосслера, обеспечить чисто эстетическое (1) и эстетико-историческое (2) рассмотрение языка. Первое исследует отдельные формы выражения сами по себе и независимо друг от друга. Второе исследует языковые формы различных народов и времен, во-первых, хронологически — по периодам и эпохам, во-вторых, географически — по народам и расам, в-третьих — по «индивидуальностям народов» и духовному родству.

Эстетика, по Фосслеру, — это наука о выражении духа или интуиции. Последнее объясняет ведущую роль эстетики. В то же время все другие науки: фонетика, акустика, физиология органов речи, экспериментальная психология и т.п. — не более как вспомогательные дисциплины, подчиненные целям эстетики.

Выдвижение на первый план эстетики приводит Фосслера к постановке знака равенства между историей развития языка и историей искусства в широком смысле слова. Ведь понятие языка в известном смысле, по его мнению, охватывает различные искусства: танец как язык жестов, живопись как язык красок и линий, музыку как язык тонов, пластику и архитектуру как язык твердых тел и поэзию как «язык языков» [см. 169, 100]. Таким образом, Фосслер расширяет понятие выражения, лежащее в основе интуитивного познания. Наряду со словесными выражениями он выделяет и другие, несловесные выражения души: цвета, тона, линии, звуки, мелодии, ритмы, такты, картины и т.д. По Фосслеру, только художник, обладающий незаурядной фантазией, может создать то выражение, которое верно изображает его духовный замысел. Следовательно, духовным жизненным принципом языка является творческая фантазия, т.е. *интуиция*, по терминологии Кроче.

Подобно Кроче, Фосслер считал, что у естественного человеческого языка основная функция — *экспрессивная*, а с этой точки зрения следует прежде всего изучать языки.

Поскольку в основе любого языка лежит творческий акт индивида и индивидуальные речевые акты, то в первую очередь требуется исследовать процесс «говорения».

Термин «говорить» Фосслер употребляет в двояком смысле: во-первых, в значении отдельного речевого акта и, во-вторых, в значении акта коммуникации, разговора. Живым, конкретным «говорением» является второй вид, включающий понимание услышанного и получение ответа. (Разговор, по Фосслеру, не обязательно должен предполагать минимум двух лиц; говорить можно и с самим собой.) Каждый разговор обязательно должен включать

несколько основных актов, таких, как: *чувствование, продумывание, говорение*, а при наличии второго собеседника — *понимание, слушание, ответ*. Правда, отвечать можно и самому себе. Собственно носителем и творцом разговора оказывается при философском рассмотрении вещей отдельная личность, которая может выступить в любом количестве ролей [см. 169, 7—13].

Упор лишь на творчество, на экспрессивную функцию, естественно, приводит Фосслера к признанию в качестве реальности лишь самого речевого акта и отрицанию реального существования «обобщенного языка». По мнению Фосслера, аналогично тому, как из факта существования геометрических теорем о круге и треугольнике не следует реальное бытие последних, так и наличие языкознания как науки еще не является доказательством наличия реального языка. К указанной мысли Фосслер возвращается неоднократно в ряде своих трудов. В частности, раскрытию понятий «речь», «диалог», «язык» и опровержению «общепринятого положения» о существовании некоего абстрактного языка посвящен большой раздел в его книге «Дух и культура в языке» [189, гл. I].

Принятие указанного положения приводит Фосслера к мысли о том, что если люди при помощи языка понимают друг друга, способны общаться друг с другом, то происходит это не благодаря общности языкового материала или строю языка, а благодаря общности языковой одаренности, предрасположенности. Языковой общности, диалектов и т. п. в действительности не существует. Эти понятия возникли в результате более или менее произвольной классификации. Как говорил В. Гумбольдт, языку нельзя в буквальном смысле слова научить, его можно лишь «пробудить» в человеке [см. 21, 292]. «Пробудить», по Фосслеру, как, впрочем, и по Гумбольдту, — значит вызвать отклик в душе. У всего человечества в целом и у каждого отдельного народа имеется духовная предрасположенность к речевой деятельности, проявляющаяся в общей звуковой деятельности.

По утверждению Фосслера, языковые ценности творят избранные личности — поэты, творцы, наделенные интуитивной силой, подобно тому как шедевры искусства создаются отдельными людьми (достаточно вспомнить А. Данте, В. Шекспира, И. В. Гёте и др.). Эти языковые ценности могут становиться общим достоянием народа.

Поскольку в основе любого языка лежит творческий акт индивида, то и развитие языка происходит через посредство индивидуального языкового творчества (*действия*). Результатом последнего всегда является языковое выражение. Языковое выражение внедряется лишь в том случае, если другие индивиды примут его пассивно, повторяют, не вдумываясь, или же творчески, внося изменения, ослабляя или усиливая, — короче говоря, путем сотрудничества и коллективного действия.

В развитии языка Фосслер выделяет два главных момента: момент возникновения и *абсолютного прогресса*, или свободного индивидуального творчества (1), и момент *относительного прогресса*, или так называемого закономерного развития и взаимобусловленного коллективного творчества (2). В момент возникновения и абсолютного прогресса язык — нечто активное. В момент относительного прогресса язык — нечто пассивное: это момент стабилизации, момент относительного покоя и утверждения [см. 169, 90—94]. Проявление коллективной духовной деятельности приводит к стабилизации устоявшихся форм.

По Фосслеру, при изучении первого момента внимание обращается на исторически данное состояние языка и рассмотрение является чисто эстетическим. При изучении второго момента сравнивают более раннее состояние с более поздним, и в силу этого рассмотрение является историческим.

В работе «**Язык как творчество и как развитие**» [169] Фосслер подчеркивает двойной способ рассмотрения языка (на что указывает уже само название). Причем в этой работе коллективное творчество оказывается почти столь же важным, как и индивидуальное. Правда, по его мнению, язык, как таковой, не развивается, а заново и своеобразно создается каждым индивидом. Но поскольку язык используется для практического общения индивидов, он не является более индивидуальным творчеством, а представляет собой коллективное творчество. Последнее формируется и изменяется в соответствии с культурными потребностями языкового коллектива. Следовательно, в этом плане язык должен рассматриваться уже не как творчество, а как развитие.

В своих поздних работах Фосслер еще более отошел от крайнего индивидуализма и признал творцом языковых ценностей не только отдельную личность, но и человеческий коллектив.

По Фосслеру, рассматривать язык надо как нечто постоянно обновляющееся, находящееся в процессе вечного творчества, а не как нечто устоявшееся:

Рассматривать язык с точки зрения установлений и правил — значит рассматривать его ненаучно [цит. по: 21, 292].

Указанный подход находит свое выражение и в оценке значимости отдельных лингвистических дисциплин. Все дисциплины, базирующиеся на понятии общего народного языка, особенно дисциплины, делающие упор на изучение «языковой формы», объявляются ненужными. Обращая свою критику в адрес младограмматиков, Фосслер писал:

Синтаксис вовсе не наука — в такой же степени, как и морфология и фонетика... Вся эта совокупность грамматических дисциплин — безг¹р¹ничное кладбище, устроенное неумолимыми позитивистами, где совм^c

стно или поодиночке в гробницах роскошно покоятся всякого рода мертвые куски языка, а гробницы снабжены надписями и перенумерованы. Кто не задыхался в могильной атмосфере этой позитивистской филологии [цит. по: 21, 292—293].

Единственно научной дисциплиной является, по Фосслеру, стилистика, поскольку последняя дает возможность изучать подлинную реальность в языке — индивидуальное духовное творчество. Стилль более всего проявляется в построении фраз, поэтому «проложить мост от синтаксиса к стилистике — значит вновь воскресить мертвых» [цит. по: 21, 293]. Стилистика выдвигается в качестве науки, к которой должна сводиться вся лингвистика:

Стилистика была и остается альфой и бетой филологии [169, 24].

Грамматика, особенно нормативная морфология, не представляет интереса, так как грамматические формы есть лишь упорядоченные и застывшие духовные формы. Отсюда Фосслер делает следующий вывод:

Так называемая грамматика должна полностью раствориться в эстетическом рассмотрении языка [цит. по: 21, 290].

Грамматика не имеет права на самостоятельное существование, если ее будут продолжать изучать как чисто формальную дисциплину, ограничивающуюся регистрацией явлений с точки зрения их правильности. Грамматика, утверждает он, должна быть поставлена на службу языку как искусству.

Подразделение языкознания на фонетику, морфологию и синтаксис произошло в результате придуманного грамматистами механического членения.

В действительности, считает Фосслер, отдельные разделы науки следует располагать в обратном порядке, т. е. вместо того, чтобы от мелких единств подниматься к более крупным, нужно двигаться от более крупных к более мелким. Иными словами, исходя из стилистики, через синтаксис спускаться к морфологии и фонетике. Отсюда следует, что

...Все явления, относящиеся к дисциплинам низшего разряда — фонетике, морфологии, словообразованию и синтаксису, — будучи зафиксированы и описаны, должны находить свое конечное, единственное и истинное истолкование в высшей дисциплине — стилистике [цит. по: 21, 290].

В результате того, что элементы языка объявляются Фосслером стилистическими средствами выражения, стилистика предстает **Как** наука без точных определений и без четко установленного **Предмета** исследования. Стилистика, по Фосслеру, включает в себя ^в лингвистику. Но поскольку сама стилистика объявляется при-

надлежностью эстетики, то и все языкознание оказывается составной частью эстетики.

Итак, стилистика занимает ключевую позицию в концепции Фосслера, так как через ее посредство, по его мнению, легче всего установить связи между фактами развития языка и явлениями культуры, легче выявить влияние индивидуального творчества на развитие языка, легче представить процесс развития языка как творческий акт. На основе стилистики легче объяснить фонетические, морфологические и синтаксические факты как эстетические явления.

Различие между подходом Фосслера и младограмматиков к языковым явлениям особенно заметно проявляется в трактовке так называемых звуковых законов.

Для младограмматиков причиной звуковых изменений оказываются некие общеязыковые тенденции, действующие в тот или иной период.

Для Фосслера, напротив, причиной звуковых изменений является творческая деятельность каждого отдельного индивида. В связи с этим Фосслер не проводит характерного для младограмматиков различия между звуковыми изменениями, совершающимися по звуковым законам, и изменениями, совершающимися по аналогии. Фосслер отвергает положения младограмматиков и о том, что аналогия вносит беспорядок в регулярность фонетических изменений и что она проявляется только в изолированных случаях. Для него и фонетический закон, и аналогия — противоположные процессы, различающиеся по характеру своего протекания, а напротив, процессы, тесно связанные друг с другом, поскольку их действие обуславливается единой общей причиной — творческой деятельностью индивида. Каждое изменение в своих истоках, по Фосслеру, индивидуально, но его распространение происходит по аналогии. Индивидуальное изменение всегда происходит сознательно. Это творчество. Но его дальнейшее развитие протекает бессознательно.

Получит ли изменение широкое распространение или, напротив, оно будет ограничено лишь несколькими изолированными случаями, зависит от его соответствия или несоответствия духу языка. Дух языка определеннее всего проявляется в ударении, илге в акценте, по его терминологии. Акцент — это подлинная «душа языка».

Исходя из акцента, можно объяснить все фонетические изменения. Роль акцента Фосслер демонстрирует путем сравнения фонетических изменений в разных языках. В частности, он отмечает, что в истории французского языка наблюдается тенденция к развитию открытых слогов, в истории немецкого языка — тенденция к синкопированию (выпадению) гласных элементов,¹¹

истории итальянского — тенденция к удвоению согласных. Указанные тенденции являются результатом того, что француз, например, выделяет слова посредством качественного акцента (высокого или низкого тона), а итальянец членит речь в соответствии с силой и длительностью тона [см. 169, 65–67].

Взгляд на язык как на «выражение духа» приводит Фосслера к восприятию его как отражения определенной формы культуры. В связи с этим Фосслер выдвигает положение о том, что претендовать на научный характер может только та «история языка», которая рассматривает языковые явления так, чтобы «внутренняя форма языка в своих физически, психически, политически, экономически и вообще культурно обусловленных изменениях стала ясной и понятной» [см. 32, 170].

Итак, история языка означает, по Фосслеру, историю форм выражения. Указанный подход особенно четко проявляется в работе **«Дух и культура в языке»** [189]¹.

В центре внимания Фосслера находится проблема соприкосновения человеческой речи с другими областями проявления «народного духа».

Фосслера прежде всего интересует становление определенных форм мышления (причем с формами мышления здесь соотносятся грамматические формы). Так, например, в главе «Новые формы мышления в народной латыни» Фосслер отмечает, что с конца периода классической латыни народная (вульгарная) латынь удаляется от антропоморфных, детерминистских, интеллектуалистических форм мышления, приближаясь к дуалистическим, конкретным, практическим, волюнтаристским формам. Формы мышления свидетельствуют о переходе от мистической, пантеистической концепции мира к символической, более глубокой, более психологической концепции. Так закладываются основы мышления Средневековья [см. 189, гл. IV].

Применяемый Фосслером метод исследования языка состоит в описании каждого языкового периода с точки зрения грамматики и затем — в объяснении грамматических явлений с точки зрения стилистики, эстетики, форм мышления.

Особенно характерна в этом отношении его книга **«Культура и язык Франции»** [187]. В этой работе Фосслер делает попытку установить связь между языковыми изменениями и особенностями Духовной культуры каждой определенной эпохи. Грамматические

¹ Книга «Дух и культура в языке» [189] состоит из следующих глав: I. Введение; II. Речь, диалог, язык; III. Язык и религия; IV. Новые формы мышления в народной латыни; V. Язык и природа; VI. Язык и жизнь; VII. Языковые общности: а) метафизическая и эмпирическая языковая общность; б) национальный язык как «пережитый» язык; в) язык и национальное чувство; г) национальные языки как стили; д) языковая общность как общность интересов; е) языковая общность как общность чувств; VIII. Язык и наука; IX. Язык и поэзия.

формы интерпретируются как формы мышления соответствующей эпохи. Например, утрата в старофранцузском языке сложной и дифференцированной системы латинских союзов (условных, уступительных и т.п.) связывается с характерной для раннего Средневековья примитивностью мышления. Последнее, по Фосслеру, оказывается не способным к дифференциации сложных логических отношений, что проявляется в использовании простых форм сочинения, т.е. сложения предложений без каких-либо формальных признаков связи [см. 187, 49]. В дальнейшем на смену исчезнувшим латинским союзам в связи с изменением форм духовной и материальной культуры приходит целый ряд новых союзов. Причем они приходят в народную речь из книжного научного стиля.

Аналогичным образом рост использования в среднефранцузском артикля *de* в функции родительного разделительного он связывает с развитием в стране товарно-денежных отношений и практического подхода к явлениям действительности [см. 187, 164, 372].

Каждый период развития французского языка Фосслер характеризует с общественно-политической и литературно-художественной точки зрения. Так, по его мнению, характерная черта старофранцузского заключается в сочетании национального чувства с культурно-религиозным чувством, что проявляется в единстве и гармонии языкового строя, в частности в гармонии, наблюдаемой между фонетикой и синтаксисом.

Среднефранцузский период характеризуется, с одной стороны, наличием национального сознания, а с другой — наличием особого практического сознания. В связи с этим в языке наблюдается беспорядочное обогащение словарного состава и разноречивой фонетике и словоизменении.

Новый период характеризуется как эпоха натурализма (XVI в.) и рационализма (XVII в.). В этот период происходит еще более значительное обогащение словарного состава языка, что сопровождается его приспособлением к нормам, или «духу», французского языка.

В 1929 г. вышло переработанное издание указанной книги, в которую он включил совершенно новые главы: «От латыни до французского»; «Эпоха энциклопедистов» (XVIII в.); «От романтизма до настоящего времени» [см. 192].

Как мы видим, в этой книге Фосслер под определенным углом зрения дает полную историю французского литературного языка, начиная от эпохи латыни вплоть до французского языка XX в.

Среди других проблем, рассматривавшихся Фосслером, можно назвать вопрос о слове, вопрос о логическом в языке и т.д.

Фосслер категорически отрицал самостоятельный и обобщенный характер слова. **Язык**, по Фосслеру, — **творчество индивидов**, и, следовательно, с каждым творческим актом человек вкладывает

в слово неповторимое содержание, придает ему неповторимую эстетическую окраску. В качестве доказательства Фосслер упоминает, например, сцену из «Божественной комедии» Данте, в которой героиня несколько раз произносит слово *atoge*, причем каждый раз оно воспринимается как новое слово с новым значением [см. 199, 50]

Подобно Г. Штейнталу, Фосслер решительно выступает за **разграничение языкознания и логики**, утверждая, что понятиями можно только мыслить, но не говорить. По его мнению, язык не имеет логической природы. В языке имеют дело с представлениями (впечатлениями, образами), но не с понятиями. Понятие в его логической чистоте не может быть выражено ни на одном из языков мира [см. 189, 220-221].

Подводя итоги, необходимо еще раз подчеркнуть, что в своих работах Фосслер последовательно выступает за превращение лингвистики в инструмент открытия внутреннего мира человека, механизма процессов, которые там протекают, того, как они выражаются в языке и каким путем объективируются, иными словами, за превращение лингвистики в инструмент исследования **творческих аспектов** человеческого языка.

Не забывая о субъективизме концепции К.Фосслера, следует отметить его попытки поставить развитие языка в тесную связь с развитием общества и расширить область лингвистического исследования.

Неоспоримой заслугой К.Фосслера является его стремление поставить перед языкознанием ряд новых задач, таких, как: лингвистическое изучение стилистики; исследование соотношения между языком писателей и общенародным языком; изучение взаимосвязи истории культуры и развития языка, взаимосвязи языка и мышления.

IV. Неолингвистика, или ареальная лингвистика

Неолингвистика, известная также как ареальная, или пространственная, лингвистика, формируется в качестве направления в языкознании в течение первых двух десятилетий XX в. К этому направлению принадлежат в первую очередь итальянские ученые М. Бартоли и Дж. Бертони. К ним примыкают Дж. Бонфанте, В. Пизани и др.

Наиболее активными пропагандистами идей неолингвистики являются **Маттео Бартоли** (1873—1946) и **Джулио Бертони** (1878—1942).

¹ Эти идеи получили дальнейшее развитие у последователей Фосслера, особенно у Е.Лерха [см. 111, 85—88].

Исходные положения неолингвистики и термины «неолингвист» и «неолингвистика» были сформулированы М.Бартоли еще в 1910 г. [см. 67, 889; 68, 5].

Фундаментальное изложение принципов и метода неолингвистики дается в опубликованном в 1925 г. «Кратком очерке неолингвистики» [69], первая часть которого («Общие принципы») написана Дж. Бертони, а вторая («Технические критерии») — М. Бартоли. Суммарное изложение общетеоретических положений неолингвистики содержится также в двух других работах: «Введение в неолингвистику» М.Бартоли [68] и «Позиция неолингвистики» Джулиано Бонфанте [80].

Неолингвистика впитала в себя и переработала многие идеи В. Гумбольдта и Б. Кроче. В целом ряде отношений она очень близка Эстетической школе и Школе «слов и вещей». Подобно К. Фосслеру, представители неолингвистики говорят о языке как о духовной деятельности и художественном творчестве; подобно Г. Шухардту, они подчеркивают решающую роль процессов языкового смещения.

Кроме того, положения и выводы неолингвистики согласуются в известной своей части с положениями и выводами так называемой лингвистической географии. Не случайно Бартоли во «Введении в неолингвистику» отмечает, что неолингвистическое направление основывается на идеях, содержащихся в «Лингвистическом атласе» Ж.Жильерона и в работах ряда итальянских и зарубежных философов и лингвистов, особенно в работах Гумбольдта, Кроче, Шухардта, Асколи и др. [см. 68, 5].

Представители неолингвистического направления стремятся противопоставить себя младограмматикам даже в своем названии, указывая, что если последние были не столько лингвистами, сколько грамматистами, то они хотят быть собственно лингвистами, т.е. изучать Бесъ сложный комплекс фактов языка [см. 68, 5]. Отсюда и термины «неолингвист», «неолингвистика».

Неолингвисты, подобно Фосслеру, выступают против позитивистов-младограмматиков, которые, по их словам, ограничиваются исключительно сбором материала и составлением справочных пособий. Особенно показательны в этом отношении статьи Дж. Бонфанте, в которых он резко выступает против узости и догматизма младограмматиков.

Неолингвисты, заявляет Бонфанте, утверждают:

...Накопление материала, как бы тщательно и обширно оно ни было, никогда не сможет разрешить проблемы без живой искры идеи, которая выходит за пределы рассматриваемого процесса, с тем, чтобы погрузиться в пульсирующую реальность говорящего [цит. по: 21, 307].

В статье «Позиция неолингвистики» Бонфанте формулирует общую задачу, которую ставит перед собой неолингвистика:

Наше столетие настоятельно требует, чтобы была сделана попытка не только описать, но и понять как язык, так и жизнь [цит. по: 21, 307]. Для неолингвистов язык есть язык, т.е. совокупность эстетических выражений. Он обнаруживается во всей своей полноте в каждой строчке поэмы, в каждой речи, в каждой поговорке [цит. по: 21, 318–319].

Неолингвисты воспринимают язык прежде всего как продукт эстетического творчества индивидов [см. 75].

Человек, считают неолингвисты, создает язык духовно, посредством воли, воображения, мыслей и чувств. Язык отражает своего создателя. Исходя из этого, для каждого языкового изменения они ищут причины духовного порядка. Возникновение и распространение языковых новообразований основано у них на эстетическом отборе, как и в искусстве. Поэтому, по их мнению, одна лишь физиология языка (т.е. то, чем в первую очередь занимались младограмматики) не может послужить основой для вскрытия причин возникновения того или иного языкового явления.

Неолингвисты обвиняют младограмматиков в том, что последние, говоря словами Бонфанте, «рассматривают язык и лингвистическое изменение как коллективное явление, управляемое коллективными законами» [цит. по: 21, 299]. В действительности, по мнению неолингвистов, каждое языковое изменение создается говорящим индивидом и, следовательно, индивидуально по происхождению. Индивидуальность, единичность каждого изменения, согласно взглядам неолингвистов, доказывается тем, что понятие некоего языка — это абстракция. Точнее, это такая же фикция, как и понятие так называемого среднего человека. Речь же каждого конкретного человека, как они считают, никогда не в состоянии отражать полностью абстрактные нормы. Следовательно, не существует некоего человека, «говорящего по-английски» или «говорящего по-итальянски».

Неолингвисты решительно выступают против методики исследования и всех основных общетеоретических положений младограмматизма. Особой критике подвергаются положения о роли, которую играют механические звуковые законы в фонетике и психические процессы в морфологии.

Для неолингвистики неприемлем принцип физиологического объяснения происхождения фонетических изменений: для них всякое языковое явление — это свойственный только человеку Духовный, а не физиологический процесс.

Признавая язык в целом «духовным творчеством», неолингвисты усматривают порочность исследовательской практики младограмматиков и в том, что последние разрушают единство языка, проводя деление на фонетику, морфологию, лексику и синтаксис. Здесь неолингвисты следуют за Б. Кроче, который приравнивал языковой акт к творческому акту. Вслед за ним они выдвигают на

первый план язык как выражение и, следовательно, делают упор на конкретном процессе говорения. Бонфанте пишет:

Люди говорят словами, или, точнее, предложениями, а не фонемами, морфемами или синтагмами, которые являются нашими абстракциями и не имеют самостоятельного существования [цит. по: 21, 304].

Следует, однако, отметить, что идеи Кроче и Фосслера играют лишь второстепенную роль в разработке неолингвистической концепции языка.

По мнению неолингвистов, эволюция любого языка определяется действием экстралингвистических факторов.

В соответствии с этим теоретическим положением неолингвистика рассматривает язык прежде всего с точки зрения территориального распространения языковых явлений. Теоретическая разработка этого вопроса принадлежит М. Бартоли, который первоначально назвал свою теорию термином «неолингвистика», а позднее — «пространственная лингвистика» (*linguistica spaziale*) [см. 56-58; 64-66].

Название «ареальная лингвистика» связано с термином «ареал», введенным в научный оборот французским лингвистом Ж. Жильероном. По Жильерону, термин «ареал» (франц. *aire*) означает распространение данного языкового явления в данную эпоху на данной территории в пределах либо одного языка или диалекта либо группы родственных языков или диалектов [см. 95].

В концепции неолингвистов весьма значительное место занимают учение об ареалах, а также сама методика исследования и данные лингвистической географии¹.

¹ *Лингвистическая география* — это наука, основным объектом исследования которой являются границы распространения языковых явлений. Рост влияния лингвистической географии стал возможен лишь в результате больших успехов, которые были достигнуты ею прежде всего благодаря подготовке больших атласов европейских языков. Например, в последней четверти XIX в. Г. Венкером были собраны и частично опубликованы материалы лингвистического атласа Германии [см. 209; 210]. Работа над атласом началась в 1876 г., но вплоть до 1926 г. он существовал только в рукописи. Сокращенное его издание в виде «Немецко-го лингвистического атласа» [211] Г. Венкера — Ф. Вреде вышло в 1926—1932 гг. в шести томах.

В первые десятилетия XX в. один за другим появились «Лингвистический атлас Франции» Ж. Жильерона и Э. Эдмона [96; см. также 93; 94; 97] и «Атлас диалектов Италии и Южной Швейцарии» К. Яберга и И. Юда [105; см. также 103; 104; 106; 107]. «Лингвистический атлас Франции» Ж. Жильерона и Э. Эдмона был издан в двенадцати томах в 1902—1910 гг. «Атлас диалектов Италии и Южной Швейцарии» К. Яберга и И. Юда был издан в восьми томах в 1928—1940 гг.

Французские и, шире, романские исследования в области лингвистической географии проводились на основе традиций «Лингвистического атласа Франции». Лингвистическая география явилась для французских ученых в первую очередь географией слов. Именно так и составлен «Атлас» Жильерона и Эдмона, регистрирующий границы распространения слов. Следует отметить, что в этой

Основным методом исследования неолингвистов является установление *изоглосс*, т.е. линий, нанесенных на лингвистическую карту и показывающих границы и этапы распространения фонетических, грамматических и лексических новообразований. *Областями изоглосс* называют районы с одинаковой трактовкой какого-либо явления, а линиями изоглосс — границы каждой трактовки. Пучок изоглосс приблизительно представляет границы между смежными диалектами, причем четких границ между диалектами или языками вообще не существует и, следовательно, перед исследователем налицо «лингвистическая непрерывность», из центральной области которой путем незаметных переходов распространяются передаваемые от индивида к индивиду отдельные инновации. Эта непрерывность представляет собой бесчисленное количество изоглосс. Каждый языковой факт образует свою изоглоссу, площадь распространения которой обычно не совпадает с площадью распространения других изоглосс и может даже не совпадать с границами диалекта и иногда — языка. В результате образуется целая сеть изоглосс. Исходя из этого, неолингвисты определяют язык как *систему изоглосс*. В качестве иллюстрации приведем, например, следующее положение В.Пизани:

Называя изоглоссами элементы, которыми обладают члены данной лингвистической общности в данный момент времени, мы можем определить язык как систему изоглосс, соединяющих индивидуальные лингвистические акты [126, 13].

Ср. также слова Бонфанте:

Нет никакого единства, но есть только огромное количество диалектов, изоглосс, переходов и разного рода волнообразных движений — безграничное и бурное море борющихся друг с другом сил и течений [цит. по: 21, 300].

в работе авторы с самого начала исходили из положения о взаимопроникновении диалектных особенностей и относительности диалектных границ.

Немецкое течение в области лингвистической географии, представленное главным образом школой Т.Фриигса, формировалось на базе комплексных исследований диалектов рейнских провинций, в которых анализируется не только лексика этих диалектов, но прежде всего их фонетика и грамматика [см. 90—92].

Лингвистическая география в Германии никогда окончательно не порывала с младограмматическими традициями, уделяя огромное внимание особенностям распространения и действия звуковых законов в определенных областях. Например, Ф. Вреде предлагал проводить разграничение диалектов по различию в произношении в результате действия древневерхненемецкого перебора согласных, т.е. по принципу распространения «непередвинутых» и «передвинутых» форм типа *appel — pfei* Только фонетическую сторону языка отражает и атлас Г.Венкера [см. 211].

«Лингвистический атлас Италии» М. Бартоли, который начал выходить отдельными выпусками с 1924 г., базировался на лексическом принципе, т.е. создавался в соответствии с традициями романских исследований в области лингвистической географии [см. 55].

Для неолингвистов лингвистическая география — это не просто картографическое исследование диалектов, но прежде всего исследование распространения языковых явлений на весьма обширных территориях и фиксирование исходных точек *инноваций* (новообразований), что позволяет проводить методологически важное разграничение *генезиса* (т.е. возникновения) явления и его *иррадиации* (т.е. распространения) на соседние диалекты. Это распространение происходит путем *субституций* (подстановок, замен) — в случае звуковой инновации или путем заимствований — в случае лексической и морфологической инновации. Так как распространение явлений протекает во времени, по распространению нововведений в языковой области можно судить об их относительной древности.

Своими исследованиями лингвистическая география оказала влияние на дальнейшее развитие сравнительно-исторического языкознания.

Заслуга в распространении принципов лингвистической географии на сравнительно-историческое изучение индоевропейских языков принадлежит в основном итальянским лингвистам, особенно М. Бартоли и В. Пизани.

В качестве главного они выдвигают **положение о постепенной иррадиации** отдельных языковых новообразований на смежные территории.

Как указывает Бартоли, инновации имеют место в центре лингвистической области, а затем распространяются на периферические ареалы. Всякое новообразование, по утверждению Бартоли, возникает в языке как результат контаминации каких-либо двух языковых фактов. Следовательно, для характеристики инноваций обязательно требуется определить, что существовало до них. А для этого необходимо установить, какой из двух сравниваемых фактов более ранний. Для сравнения, по его мнению, можно выработать систему строгих норм. Так, при отсутствии письменных свидетельств о времени появления того или иного явления более древней из двух языковых фаз (состояний) следует считать ту, к которой сохранилась: 1) в изолированных ареалах; 2) в *латеральных* (окраинных) ареалах; 3) в ареалах преобладания, т.е. на более обширной территории; 4) в более молодых ареалах, т.е. в областях более позднего распространения данного языка [см. 68, 101— 102].

Под термином «изолированный ареал» Бартоли подразумевает острова по отношению к материку, горы по отношению к равнине. Термин «латеральный ареал» он относит, например, к Иберийскому полуострову и Дакии по их отношению соответственно к Галлии и Италии. Термин «более молодой ареал» распространяется им, например, на Иберийский полуостров и Галлию как на области, которые (по сравнению с Италией) включены в состав

Римской империи на более позднем этапе ее существования [см. 115, 25-26].

Итак, согласно выдвинутым Бартоли критериям определения архаичности языковых фактов конструируются схемы, показывающие их хронологическое соотношение [см. 56 — 58].

Следует отметить, что основное внимание представители пространственной лингвистики, в частности Бартоли, уделяли изучению романских языков. Так, они много занимались синонимикой латинского языка, исследуя степень архаичности членов ее рядов и устанавливая затем особенности распространения синонимов на территории распространения романских языков. Ср., например, такие синонимические пары, как *equa* и *caballa* (лошадь), *ager* и *campus* (поле, пашня), *caput* и *testa* (голова) и т.д. Наличие в языках Пиренейского полуострова и в румынском языке слов, восходящих к латинскому *equa*, воспринимается как фаза, сохранившаяся в периферийных ареалах. Например, замещение на территории Галлии латинского слова *caput* (голова) словом *testa* (черепок) воспринимается как инновация, возникшая в центральной области романского ареала, и т.д.

Бартоли рассматривает проблему языковых инноваций с точки зрения 1) их возраста (что является более ранним?)/ 2) места появления и 3) причин, породивших **эти** инновации.

Эти нормы Бартели нашли широкое применение в конкретных исследованиях неолингвистов. Тем не менее они подвергались критике со стороны одного из наиболее поздних представителей направления — **Витторе Пизани** в его работе «**Геоллингвистика и индоевропейский язык**» [125]. В первой главе данной работы, «Иррадиация и инновация», Пизани исследует способы распространения и причины возникновения новообразований в языке. Во второй главе **этой** работы, «Восстановление индоевропейского языка и неоллингвистические нормы», Пизани пытается проверить возможность применения отдельных норм при изучении индоевропейского языка. В результате он приходит к выводу, что только данные латеральных ареалов могут служить доказательством ббльшей древности явлений, обнаруживаемых в их границах, по сравнению с явлениями, обнаруживаемыми в пределах границ центрального ареала [см. 125, 114].

Уточняя процесс образования инноваций, Пизани в четвертой главе указанной книги устанавливает три стадии перехода фонетической инновации из одного языкового коллектива в другой. На **Первой** стадии принимаются отдельные слова, содержащие инновацию. На второй стадии отдельные индивиды полусознанно, **Путем** сопоставления нового произношения со старым распространяют инновацию на ряд слов, а затем — на все или почти все слова, содержащие старый звук. На третьей стадии новое произношение получает признание во всем языковом коллективе [см. 24, 72].

Критерии определения архаичности форм по их ареалам были перенесены неолингвистами и на изучение взаимоотношений между индоевропейскими языками. Например, в трудах М. Бартоли и Дж. Бонфанте показывается процесс распространения общеиндоевропейского языка на огромной территории. Внутри этой территории выделяются центры возникновения языковых новообразований, распространявшихся в различных направлениях [см. 68]. Так, Бонфанте выделяет в качестве центрального ареала область распространения древнегреческого и хеттского языков. Этот ареал рассматривается им как главный центр инновации [см. 77-79].

С помощью критериев пространственной лингвистики некоторые представители неолингвистики делают попытку выйти за пределы одной языковой семьи и установить связи, которые могут существовать между семьей индоевропейских языков и языками неиндоевропейскими. В основе таких исследований лежит положение о моногенезисе языков (что ярко представлено в работах А. Тромбетти [см., например, 162], в отличие от оспариваемого ими младограмматического положения о полигенезисе.

Так, например, М. Бартоли выдвигает положение о существовании «лингвистической непрерывности», включающей арио-европейские, уральские и семитические языки, выделяя здесь центральные ареалы, периферийные ареалы и ареалы изоляции. Бартоли в этом случае говорит не об исконном родстве, но о проникновении отдельных языковых элементов из одних семей языков в другие в те отдаленные эпохи, когда эти языки находились в географической близости друг к другу. Его конкретные исследования в этой области сводятся к установлению лексических, фонетических и синтаксических изоглосс, соединяющих индоевропейские и неиндоевропейские языки [см. 62; 63]. Пространственные критерии используются Бартоли, кроме того, и в его попытке решить проблему происхождения языков индейцев Северной и Южной Америки [см. 60].

Основной метод и основная задача всех исследований такого рода заключаются в установлении изоглосс для конкретных фактов из области фонетики, грамматики и словаря [см. 62; 76].

Любая древняя языковая общность изображается в виде лингвистической карты диалектов и рассматривается как некая лингвистическая непрерывность.

Следующим важным положением неолингвистов является **положение о смешении языков**. В соответствии с этим французский язык рассматривается, например Бонфанте, как латинский + германский (франкский); испанский — латинский + арабские итальянский — латинский + греческий + оскоумбрский; румынский — латинский + славянский; чешский — славянский + не-

мецкий; болгарский — славянский + греческий; русский — славянский + финноугорский и т.д. [см. 21, 305].

Характерно, что проблема смешения языков в конечном счете сводится к проблеме инноваций в языке. Так, неолингвисты считают этнические смешения основной причиной языковых изменений. Под этническими смешениями они понимают не расовые, а культурные смешения. В соответствии с указанной концепцией смешения языков каждый новый языковой факт рассматривается как заимствование. Особенно четкое выражение эта мысль нашла в выступлении М. Бартоли на I Международном конгрессе лингвистов. В этом выступлении положение о возможности заимствования любого продукта языкового творчества было возведено им в ранг главной отличительной черты неолингвистики [см. 61, 52].

В разработке теории языкового смешения неолингвисты в значительной степени опираются на работы Грациаджо Исайа Асколи¹.

Г. Асколи, исследуя итальянский, ретороманский и другие языки, в сущности, заложил основы пространственно-исторического изучения языкового материала [см. 43; 48--50]. Основными понятиями, используемыми при изучении проблем смешения языков, являются «субстрат», «суперстрат» и «адстрат»². В своих работах Асколи указывает на влияние субстрата той же самой или совершенно иной генетической принадлежности в самых различных языках. Например, с этих позиций он рассматривает семитские элементы в этрусском языке [см. 47].

Понятие субстрата со времени его появления стало привлекаться для объяснения отклонений от праязыкового типа, т.е. для объяснения языковых изменений. Уже в 1854 г. Асколи поставил

¹ Г. Асколи (1829—1907) — известный итальянский лингвист, занимавшийся вопросами индоевропейского сравнительного языкознания, и прежде всего романскими языками. По своим научным убеждениям он стоял между неолингвистами и младограмматиками [см. 44; 46; 52]. В ряде своих работ, например в «Письмах по языкознанию» [51], он выступал с критикой ряда положений младограмматиков.

² **Субстрат** в современной лингвистике определяется как следы побежденного языка коренного населения в составе «языка-победителя» пришельцев при скрещивании двух языков. **Суперстрат** определяется как следы побежденного языка пришельцев в составе «языка-победителя» коренных жителей. **Адстрат** — 1) язык пришельцев — нередко национального меньшинства, — повлиявший на язык аборигенов и сохранившийся в качестве соседнего языка; 2) разновидность Двужычия, порожденного длительным существованием разных языков на одной территории.

Полагают, что впервые понятие субстрата было сформулировано Я. Бреде - Дорфом [см. 81]. Более полное развитие оно получило в процессе изучения истории романских языков. Уже Г. Шухардт в работе «Вокализм вульгарной латыни» (см. 141) подчеркивает влияние местных кельтских языков на вытеснивший их латинский. Однако основателем теории субстрата считается Г. Асколи, который в «Письмах по языкознанию» и в целом ряде статей, опубликованных в основном им журнале «Archivio Glottologico Italiano» (1872—1901), исследует проблему влияния кельтского языка на романский.

вопрос о смешении языков как одной из важнейших причин появления языковых новообразований [см. 47]. Однако первое конкретное применение для лингвистического анализа эта теория нашла в работе Асколи только в 1881 г.: переход латинского *i* во французское *y* он объяснял влиянием кельтского субстрата, а переход латинского /*v* испанское *h* — влиянием иберийского субстрата [см. 46]. Следует отметить, что Асколи использует понятие субстрата главным образом по отношению к фонетическим явлениям, например, при исследовании явления палатализации [см. 46; 51].

Позже понятие субстрата получило широкое распространение при исследовании вопросов, относящихся к фонетике и грамматике.

В рамках теории субстрата образование специфических черт, характеризующих структуру тех или иных языков, зависит от характера взаимодействия языка завоевателей и языка покоренного населения. В соответствии с этим все доказательства проявления действия субстрата сводятся у Асколи к факту совпадения географических границ определенных изоглосс с границами расселения народа, говорившего на побежденном, вытесненном языке. Этот метод Асколи называл «хорографическим» [см. 51].

В дальнейшем в практике неолингвистов хорографический метод Асколи превратился из «статического» в «динамический». Вместо требования совмещения зоны распространения какого-либо новообразования с зоной распространения языка, который вызвал это новообразование, Бартоли во «Введении в неолингвистику» выдвинул требование установления очага инновации, который должен был находиться в пределах первоначально иноязычной территории [см. 68, 70]. Аналогичной позиции придерживается и В. Вартбург в работе «Эволюция и структура французского языка» [см. 208, 32 — 35].

Теория субстрата со времени ее появления оказалась составной частью более общей теории языкового смешения. Например, уже Шухардт указывал, что «вопрос о смешении языков тесно связан с явлением билингвизма» [155, 29]. В работах Асколи языковое смешение, или языковая контаминация, по его терминологии, четко определяется им как явление, которое характеризует субстрат [см. 45].

По Бартоли, понятие субстрата входит в более общее понятие смешения языков [см. 68, 79]. Исходя из этого, каждая языковая инновация рассматривается им как результат имитации в силу этнического, социального или индивидуального иноязычия [см. 68, 38, 79].

Роль индивидуального иноязычия подчеркивается Пизани. Последний отмечает, что инновации всегда вносятся в коллектив отдельными личностями, а затем распространяются либо на всей территории действия субстрата, либо на ее части [см. 24, 82].

Следует отметить, что Пизани в отличие от других представителей неолингвистического направления предостерегает против чрезмерного увлечения теорией субстрата:

Заметим также, что термином «субстрат» надо пользоваться очень осторожно: ненаучно, более того, антинаучно пытаться всюду отыскивать субстрат, даже там, где никто не слыхивал об иммиграциях других народов, ни о более раннем заселении территории народом с другим языком, и т.д. [24, 83]¹.

Понятие субстрата в дальнейшем широко использовалось лингвистами различных направлений для объяснения диалектального дробления индоевропейского языка, обоснования наличия неиндоевропейских черт в германских и других языках и т.д. [20; 53; 54].

Термин «суперстрат» был введен В.Вартбургом (учеником Жильерона) в работе «Разделение романских языков» [203]. В этой статье, как и в ряде последующих работ [см. 201; 202; 205], Вартбург рассматривает влияние языка германских завоевателей — франков (т. е. франкский суперстрат) на латынь, употреблявшуюся севернее Луары, в качестве причины появления впоследствии ряда французских инноваций. Как подчеркивает Вартбург, именно смешение франков с галло-романским населением привело к образованию той правящей верхушки, которая определила форму нового языка.

В своих работах Вартбург ставит вопрос о разграничении языковых ареалов внутри Романии (т. е. области распространения романских языков) [см. 201; 202]. Причину территориальной дифференциации латыни и ее превращения в современные романские языки автор видит прежде всего в воздействии суперстрата.

Понятие суперстрата не получило в лингвистике столь широкого распространения, как понятие субстрата.

Термин «адстрат» введен М.Бартоли. По Бартоли, адстрат — это два слоя сосуществующих языков, ни один из которых не господствует над другим [см. 59, 59– 65].

Концепция неолингвистов о смешанном характере всех языков направлена против упрощенного истолкования понятия родства языков. Огромную роль в формировании неолингвистической концепции сыграла так называемая *теория волн* И. Шмидта [цит. по: 21, 303].

Шмидт установил, что географическое соседство двух языков сопровождается наличием свойственных только им общих языковых черт. Указанное положение способствовало позднее возникновению понятия «сродство языков» в отличие от прежнего поня-

¹ Положения теории субстрата, как известно, получили широкое распространение в лингвистике в начале XX в. (см.: *Террачини Б.* Субстрат [27, 17–55]).

тия «родство языков». Понятие *«сродство языков»* означает возникновение общих черт в результате сближения двух или нескольких языков. На этом понятии основана теория о так называемых языковых союзах. *Языковые союзы* — это языковые объединения, образовавшиеся в результате взаимовлияния сосуществующих в течение длительного периода языков.

Классическим примером языкового союза являются различные по происхождению языки Балканского полуострова: греческий, албанский, болгарский, македонский и румынский, которые в результате длительного исторического взаимодействия приобрели целый ряд общих черт.

Разработка теории языковых союзов явилась одним из основных достижений неолингвистического направления. Дальнейшее развитие эта теория получила в работах представителей Пражской школы структуралистов, и в первую очередь в трудах Н.С.Трубецкого [см. 163] и Р.О.Якобсона [см. 108]. Как отмечает Дж. Бонфанте:

...Неолингвисты в их борьбе против младограмматической концепции монолитности языка предвосхитили один из наиболее важных принципов пражской школы — принцип языковых союзов (фактически не существует никаких теоретических расхождений между неолингвистами и пражской школой, только различная степень подчеркивания разных моментов или различие методов исследования) [цит. по: 21, 302].

Большой интерес в плане изучения проблем смешения языков, образования языковых союзов и применения критериев пространственной лингвистики к решению проблем сравнительно-исторического языкознания представляют работы В. Пизани. Они интересны прежде всего тем, что являются своеобразным синтезом принципов младограмматизма и неолингвистики.

Пизани, например, не отрицает значения установления звуковых законов, хотя и не абсолютизирует их. (Вспомним, что вся концепция неолингвистики строится на противопоставлении ее положений положениям младограмматиков.)

Принимая основные положения ареальной лингвистики об отсутствии резких языковых границ, Пизани представляет общий индоевропейский язык как систему переплетающихся изоглосс.

Передом критерии неолингвистики на предысторию индоевропейских языков, Пизани утверждает, что различные языковые ветви: германская, славянская, балтийская, кельтская и т.д. — не являются независимыми и монолитными группами, возникшими благодаря расщеплению столь же монолитного индоевропейского праязыка, а представляют собой результат распространения из одного или нескольких центров отдельных явлений, проникших в языки, на которых говорило население данной области [см. 23].

Отстаивая и развивая идею языкового союза, Пизани подчеркивает, что эти языки могли быть как индоевропейскими, так и неиндоевропейскими. Таким образом, он категорически отрицает гипотезу о реальном существовании индоевропейского языка-основы [см. 23]. Речь может идти, считает Пизани, о непрерывном процессе схождения и расхождения явлений. Исходя из этого, и об индоевропейских языках, по его мнению, можно говорить, только имея в виду элементы диалектов, образующих индоевропейское единство [см. 128, 13; 126].

Пизани определяет индоевропейский язык, подлежащий нашей реконструкции, просто как стадию, которую должны были пройти все индоевропейские языки, когда они находились в состоянии взаимодействия друг с другом [см. 126, 166]. По мнению Пизани, индоевропейское единство — результат образования языкового союза вследствие наложения языков завоевателей, говоривших на протосанскритских наречиях, на различные местные языки. Но и сам протосанскрит не был, по утверждению Пизани, исконно индоевропейским языком:

Протосанскрит был результатом объединения языков, подобных тюркским и т.п., с другими языками, подобными кавказским и средиземноморским, объединения, возникшего благодаря слиянию военной аристократии кочевников, пришедших из Центральной Азии, с классом жрецов, сохранявших традиции средиземноморской и месопотамской цивилизаций [23, 4].

Считая, что все языки образовались в процессе смешения, Пизани очень скептически относится к понятию языкового родства, подчеркивает его условность. Он ссылается на пример франко-германского скрещивания, «результатом которого явился английский язык». Как замечает Пизани, хотя значимость элементов германского и романского происхождения приблизительно одинакова, но английский принято считать языком германской группы, поскольку по-английски говорят там, где прежде говорили по-англосаксонски. Если бы, напротив, отмечает Пизани, произошло слияние этих языков на территории Франции, то, возможно, возникший язык считался бы романским [см. 23, 14].

Итак, неолингвистика возникает прежде всего как направление, противопоставляющее себя младограмматизму. В противовес младограмматикам, изучающим язык как некое имманентное образование, подверженное действию абсолютных законов, нелингвисты проводят идеи о языке как духовной деятельности и художественном творчестве.

В противовес младограмматикам, изучающим язык в диахронии, нелингвисты обращают внимание на синхронно-диахронное взаимодействие различных языковых фактов.

В отличие от младограмматиков, которые первыми поставили вопрос о необходимости теоретического изучения живых языков и диалектов, но в практической деятельности ограничились, по существу, изучением мертвых языков, неолингвисты действительно сосредоточили все внимание именно на исследовании реальных диалектов.

Большая заслуга этого направления заключается в дальнейшем уточнении и совершенствовании приемов исследования в лингвистической географии, в расширении и углублении ее общетеоретических задач и в перенесении ее критериев в область сравнительно-исторического языкознания. Некоторые «ареальные» исследования стали классическими.

Наиболее существенным недостатком неолингвистики является, пожалуй, увлечение экстралингвистическими факторами, недооценка системно-структурных свойств языка и преувеличение качественного своеобразия индивидуальных языков в плане их структуры и со стороны их культурно-исторической значимости.

* * *

Подводя некоторый итог, следует заметить, что в языкознании XIX в. системно-структурная сторона языка, понимание языкового «организма» как цельной структуры, понимание языка как порождающей модели (в современной терминологии), находящейся в динамическом единстве с речью — ее материальным воплощением, естественно-историческое понимание языка как диалектического единства сущности и явления, абстрактного и конкретного, всеобщего и особенного, бытия и деятельности, деятельности и ее продукта, — все эти идеи, выдвинутые еще В.Гумбольдтом, безусловно, присутствуют в различных направлениях, школах и конкретных лингвистических исследованиях.

Вместе с тем они не сформулированы достаточно отчетливо и строго лингвистически, тем более в рамках единой теории. Эта задача была решена в XX в. Ф. де Соссюром и современной лингвистикой.

Литература

1. **Алисова Т. Б.** Место итальянской школы в современной лингвистике // Современное итальянское языкознание. — М., 1971.
2. **Бодуэн де Куртенэ И. А.** Некоторые общие замечания о языковедении и языке // Журнал Министерства народного просвещения. — 1871, февраль. — Ч. 153.
3. [**Бодуэн де Куртенэ И. А.**] Подробная программа лекций И. А. Бодуэна де Куртенэ в 1877—1878 уч. г. — Казань; Варшава, 1881.
4. **Бодуэн де Куртенэ И. А.** Некоторые отделы сравнительной грамматики славянских языков // Русский филологический вестник. — 1881. — Т. V. — № 2.
5. **Бодуэн де Куртенэ И. А.** О смешанном характере всех языков // Журнал Министерства народного просвещения. — 1901, сентябрь. — Ч. 337.

6. *Бодуэн де Куртенэ И. А.* Лингвистические заметки и афоризмы // Журнал Министерства народного просвещения. — 1903, апрель. — Ч. 346. — 1903, май. — Ч. 347.
7. *Бодуэн де Куртенэ И. А.* Введение в языковедение. — СПб., 1914.
8. *Бодуэн де Куртенэ И. А.* Избранные труды по общему языкознанию. — М., 1963. — Т. 1 - Й.
9. *Бодуэн де Куртенэ И. А.* Опыт теории фонетических альтернатив // Избранные труды по общему языкознанию. — М., 1963. — Т. I.
10. *Бодуэн де Куртенэ И. А.* Фонология // Избранные труды по общему языкознанию. — М., 1963. — Т. I.
- И. *Бодуэн де Куртенэ И. А.* Фонема // Избранные труды по общему языкознанию. — М., 1963. — Т. I.
12. *Бодуэн де Куртенэ И. А.* Об отношении русского письма к русскому языку // Избранные труды по общему языкознанию. — М., 1963. — Т. II.
13. *Бодуэн де Куртенэ И. А.* Введение в языковедение (1917) // Избранные труды по общему языкознанию. — М., 1963. — Т. II.
14. *Бодуэн де Куртенэ И. А.* Фонетические законы // Избранные труды по общему языкознанию. — М., 1963. — Т. II.
15. *Бодуэн де Куртенэ И. А.* Обзорение славянского языкового мира // Избранные труды по общему языкознанию. — М., 1963. — Т. I.
16. *Бонфанте Дж.* Позиция неолингвистики // *Звегинцев В. А.* История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях. — М., 1960. — 4.1.
17. *Вандриес Ж.* Язык: Пер. с фр. — М., 1937.
18. *Венгеров С. А.* Критико-библиографический словарь русских писателей и ученых. — СПб., 1897. — Т. V.
19. *Гарвин Э.* Хроника итальянской философии XX в. / Пер. с итал. — М., 1965.
20. Доклады и сообщения. Институт языкознания АН СССР. — М., 1956. — IX.
21. *Звегинцев В. А.* История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях. — М., 1960. — Ч. 1.
22. *Кроче Б.* Эстетика как наука о выражении и как общая лингвистика. — М., 1920. — Ч. I: Теория.
23. *Пизани В.* К индоевропейской проблеме // Вопросы языкознания. — 1966. — № 4.
24. *Пизани В.* Взаимоотношения между общим языком и языком индивидуальным // Современное итальянское языкознание. — М., 1971.
25. *Пизани В.* Общее и индоевропейское языкознание // Общее и индоевропейское языкознание. — М., 1956.
26. *Слюсарева И. А.* Критический анализ проблем внутренней лингвистики в концепции Ф. де Соссюра // Автореф. дисс.... д-р филол. наук. — М., 1970.
27. Современное итальянское языкознание. — М., 1971.
28. *Соссюр Ф. де.* Курс общей лингвистики / Пер. с фр. — М., 1933.
29. *Трубецкой Н. С.* Мысли об индоевропейской проблеме // Вопросы языкознания. — 1958. — № 1.
30. *Фосслер К.* Грамматические и психологические формы в языке // Проблемы литературной формы. — Л., 1928 [немецкий оригинал см. 181].

31. *Фосслер К.* Отношение истории языка и истории литературы // Логос — 1912—1913. — III. 1—2 [немецкий оригинал см. 174].
32. *Фосслер К.* Грамматика и история языка. К вопросу об отношении между «правильным» и «истинным» в языковедении // Логос. — 1910. — I [немецкий оригинал см. 172].
33. *Шухардт Г.* Избранные статьи по языкознанию. — М., 1950.
34. *Шухардт Г.* Вещи и слова // Шухардт Г. Избранные статьи по языкознанию. — М., 1950 [немецкий оригинал см. 149].
35. *Шухардт Г.* Происхождение языка // Избранные статьи по языкознанию. — М., 1950.
36. *Шухардт Г.* Выражение отношения в языке // Избранные статьи по языкознанию. — М., 1950.
37. *Шухардт Г.* К этимологии французского *mauvais* из латинского *malifatus* // Избранные статьи по языкознанию. — М., 1950 [немецкий оригинал см. 146].
38. *Шухардт Г.* Этимология и исследование истории слова // Избранные статьи по языкознанию. — М., 1950 [немецкий оригинал см. 154].
39. *Шухардт Г.* К вопросу о языковом смешении // Избранные статьи по языкознанию. — М., 1950.
40. *Шухардт Г.* О фонетических законах // Избранные статьи по языкознанию. — М., 1950 [немецкий оригинал см. 139].
41. *Шухардт Г.* О классификации романских диалектов // Избранные статьи по языкознанию. — М., 1950 [немецкий оригинал см. 153].
42. *Шухардт Г.* Личность автора в лингвистическом исследовании // Избранные статьи по языкознанию. — М., 1950.
43. *Ascoli G. I.* Vortrage uber Glottologie. — Halle, 1872.
44. *Ascoli G. I.* Kritische Studien zur Sprachwissenschaft. — Weimar, 1878.
45. *Ascoli G. I.* Il tipo galloromano SEUV = SEVO e i francesi ortel e glai-ve // Archivio Glottologico Italiano. — 1886. — X.
46. *Ascoli G. I.* Una lettera glottologica. — Torino, 1881.
47. *Ascoli G. I.* Studi orientali e linguistiche. — Rome, 1854.
48. *Ascoli G. I.* Zigeunerisches. — Halle, 1865.
49. *Ascoli G. I.* Saggi ladini // Archivio glottologico italiano. — 1872. — I.
50. *Ascoli G. I.* LTalia dialettale // Archivio glottologico italiano. — 1882 — 1885. — VIII.
51. *Ascoli G. I.* Lettere glottologiche. — Torino, 1886.
52. *Ascoli G. I.* Corsi di glottologia Torino e Firenze // Lezionidi fonologia comparata del sanscrito, del greco e del latino. — 1870. — Vol. 1.
53. Atti del III Congresso internazionale dei linguisti. — Firenze, 1935.
54. Actes de II-e Congres internationale des linguistes. — Geneve, 1932.
55. *Bartoli M.* Der italienische Sprachatlas und die Arealnormen // Zeitschrift fur Volkskunde. — 1939. — X. — N 1.
56. *Bartoli M.* Figure similari e norme spaziali // Archivio glottologico italiano. — 1924. — XX. — N 3.
57. *Bartoli M.* La norma neolinguistica e la loro utilita per la storia dei linguaggi e dei costumi // Atti della societa italiana per il progresso delle scienze. Roma, 1933.
58. *Bartoli M.* La norma delle aree laterali // Bollettino dell'Atlanle linguistiche italiano. — 1933. — N 1.

59. *Bartoli M.* Substrate, superstrato, adstrato // *Rapports au 5-me congres international des linguistes.* — Bruges, 1939.
60. *Bartoli M.* Ancora delle origini dei linguaggi precolombiani alla luce delle norme Spaziale // *Melange de linguistique et de philologie offerts a J. van Ginneken.* — Paris, 1937.
61. *Bartoli M.* L'aspect géographique de la lexicographie et de la stylistique // *Actes du Premier Congrès international de linguistes.* — Leiden, 1929.
62. *Bartoli M.* Studi sulla stratificazione dei linguaggi ario-europei // *Archivio glottologico italiano.* — 1933. — XXV.
63. *Bartoli M.* Ario-europeo, uralico, semitico // *Scritti in onore di Alfredo Trombetti.* — Milano, 1938.
64. *Bartoli M.* Linguistica spaziale // *Le razze e i popoli della terra.* — 1940. — I.
65. *Bartoli M., Vidussi G.* Lineamenti di linguistica spaziale. — Milano, 1943.
66. *Bartoli M.* Saggi di linguistica spaziale. — Torino, 1945.
67. *Bartoli M.* Alle fonti del neolatino // *Miscellanea di studi in onore di Attilio Hortis.* — Trieste, 1910. — II.
68. *Bartoli M.* Introduzione alla neolinguistica (Principi — Scopi — Metodi). — Firenze; Geneva, 1925.
69. *Bartoli M., Bertoni G.* Breviario di neolinguistica. — Modena, 1925.
70. *Baudouin de Courtenay J.* Szkice jezykoznawcze. — Warszawa, 1904.
71. *Baudouin de Courtenay J.* Zur Kritik der Kunstlichen Welt-sprachen // *Annalen der Naturphilosophie.* — Leipzig, 1907. — Bd. VI.
72. *Baudouin de Courtenay J.* Les Lois phonétiques // *Rocznik slawistyczny.* — 1910. — III [русск. пер. см. 14].
73. *Baudouin de Courtenay J.* Die Klassifikation der Sprachen // *Indogermanische Forschungen.* — 1910. — Bd. XXVI.
74. *Baudouin de Courtenay J.* Übersicht der slawischen Sprachenwelt. — Leipzig, 1884 [русск. пер. см. 15].
75. *Bertoni G.* Programme di filologia romanza come scienza idealistica. — Ginevra, 1923.
76. *Bertoni G.* La geografia linguistica. — Udine, 1925.
77. *Bertoni G.* Note sur la chronologie de la langue hittite // *Indogermanische Forschungen.* — 1934. — Bd. 52.
78. *Bertoni G.* Encore de la place du hittite parmi des langues indo-europeennes // *Indogermanische Forschungen.* — 1937. — Bd. 55.
79. *Bertoni G.* Indo-Hittite and Areal Linguistics // *American Journal of Philology.* — 1946. — Vol. 67.
80. *Bertoni G.* The Neolinguistic Position // *Language.* — 1947. — Vol. 23. — N4.
81. *Bredsdorff J. H.* Om aarsagerne til sprogenes forandringer. — Kobenhavn, 1821.
82. *Croce B.* La Critica. — 1904. — I — II.
83. *Croce B.* Estetica come scienza dell'espressione e linguistica generale. — Milano, 1900 [русск. пер. см. 22].
84. *Croce B.* Estetica. — Bari, 1912.
85. *Croce B.* La poesia. — Bari; Laterza, 1963.
86. *Croce B.* Saggi filosofici. I. Problemi di estetica e contributi alla storia dell'estetica italiana. — Bari, 1910.

87. *Croce B.* Filosofia come scienza dello spirito. — Bari, 1908—1917. — Vol. 1—5.
88. *Dornseiff F.* Der deutsche Wortschatz nach Sachgruppen. — Berlin, 1932.
89. Festgabe zum 60. Geburtstag Karl Vosslers. — München, 1932.
90. *Frings Th.* Dialektographie des Niederrheins. — Dortmund, 1913.
91. *Frings Th.* Rheinische Sprachgeschichte. — Dortmund, 1924.
92. *Frings Th.* Grundlegung einer Geschichte der deutschen Sprache. — Halle, 1948.
93. *Gillieron J.* Petit Atlas phonétique du Valais roman (sud du Rhone). — Paris, 1881.
94. *Gillieron J.* L'Atlas linguistique de la France. — Paris, 1902—1912.
95. *Gillieron J.* L'Aire Clavellus, d'après l'Atlas linguistique de la France. — Neuveville, 1912.
96. *Gillieron J., Edmont E.* Atlas linguistique de la France. — Paris, 1902—1910.
97. *Gillieron J., Edmont E.* Table de l'Atlas linguistique de la France. — Paris, 1912.
98. *Godel R.* Les sources manuscrites du Cours de linguistique générale de F. de Saussure. — Genève; Paris, 1957.
99. *Hallig R., Wartburg W. von.* Begriffssystem als Grundlage für Lexikographie. — Berlin, 1952.
100. *Hatzfeld H.* Einführung in die Sprachphilosophie. — München, 1921.
101. *Hatzfeld H.* Einführung in die Interpretation neufranzösischer Texte. — München, 1922.
102. Idealistische Neuphilologie. Festschrift für Karl Vossler zum 6. September 1922 / Hrsg. von Victor Klemperer und Eugen Lerch. — Heidelberg, 1922.
103. *Jaberg K.* Sprachgeographie. Beitrag zum Verständnis des Atlas linguistique de la France. — Aarau, 1908.
104. *Jaberg K., Jud J.* Ein Sprach- und Sachatlas Italiens und der Südschweiz // Wörter und Sachen. — 1924—1926. — IX.
105. *Jaberg K., Jud J.* Sprach- und Sachatlas Italiens und der Südschweiz. — Solingen, 1928—1942. — I—VIII.
106. *Jaberg K., Jud J.* Der Sprachatlas als Forschungsinstrument. — Halle, 1928.
107. *Jaberg K.* Aspects géographiques du langage. — Paris, 1936.
108. *Jakobson R.* Sur la théorie des affinités phonologiques des langues // Actes du 4-me Congrès international des linguistes, 1936. — Copenhague, 1938.
109. *Lerch E.* Die Bedeutung der Modi in Französischen. — Leipzig, 1919.
110. *Lerch E.* Die Verwendung des romanischen Futurums als Ausdruck eines sittlichen Sollens. — Leipzig, 1919.
111. *Lerch E.* Elise Richter, Zu ihrem 60. Geburtstag // Die Neuren Sprachen. — 1925. — XXXIII.
112. *Lerch E.* Französische Sprache und Wesenart. — Frankfurt, 1933.
113. *Lerch E.* Historische französische Syntax. — Leipzig, 1925—1934. Bd. 1—3.
114. *Lerch E.* Hauptprobleme der französischen Sprache. — Braunschweig, 1930—1931. — Bd. 1—2.
115. *Maccarone N.* Principi e metodi Nella Linguistica Storica // Revue de linguistique romane. — 1930. — VI.

116. *Meringer R.* Etymologien zum geflochtenen Haus // Abhandlungen zur germanischen Philologie. Festschrift für Richard Heinzel. — Halle, 1898.
117. *Meringer R.* Das volkstümliche Haus in Bosnien und Herzegovina. — Wien, 1900.
118. *Meringer R.* Die Stellung des bosnischen Hauses und Etymologie zum Hausrat. — Wien, 1901.
119. *Meringer R.* Wörter und Sachen // Indogermanische Forschungen, XVI. — 1904.
120. *Meringer R.* Das deutsche Haus und sein Hausrat. — Leipzig, 1906.
121. *Meringer R.* Sprachlich-sachliche Probleme // Wörter und Sachen. — 1909. — I.
122. *Meringer R.* Die Werkzeuge der pinsere-Reihe und ihre Namen // Wörter und Sachen. — 1909. — I.
123. *Meringer R.* Beitrag zur Geschichte der Ofen // Wörter und Sachen. — 1911 — 1912. — III.
124. *Olschki L.* Struttura spirituale e linguistica del mondo neolatino. — Ban, 1935.
125. *Pisani V.* Geolinguistica e indeuropeo. — Roma, 1940.
126. *Pisani V.* La lingua e la sua storia // Linguistica generale e indeuropea. — Milano, 1947.
127. *Pisani V.* Introduzione alla linguistica indoeuropea. — Torino, 1948.
128. *Pisani V.* Allgemeine und vergleichende Sprachwissenschaft-Indogermanistik // Wissenschaftliche Forschungsberichte. — 1953. — Bd 2 [русск. пер. см. 25].
129. *Quadri B.* Aufgaben und Methoden der onomasiologischen Forschung. — Bern, 1952.
130. *Rheinfelder H.* Kultsprache und Profansprache in den romanischen Ländern. Sprachgeschichtliche Studien besonders zum Wortschatz des Französischen und des Italienischen. — Geneve; Firenze, 1933.
131. *Rheinfelder H.* Altfranzösische Grammatik. — München, 1937.
132. *Saussure F. de.* Cours de linguistique generale. — Paris, 1916.
133. *Schurr Fr.* Romagnolische Dialektstudien. — Wien, 1918 — 1919. — I-II.
134. *Schurr Fr.* Sprachwissenschaft und Zeitgeist. Eine sprachphilosophische Studie. — Marburg, 1922.
135. *Schurr Fr.* Barock, Klassizismus und Rokoko in der französischen Literatur. Eine prinzipielle Stilbetrachtung. — Leipzig, Berlin, 1928.
136. *Schuchardt H.* De Sermonis Rotnani Plebei vocalibus. — Bonnae, 1864.
137. *Schuchardt H.* Ueber die Benguelasprache. — Wien, 1883.
138. *Schuchardt H.* Kreolische Studien. — Wien, 1882—1888. — 1—8.
139. *Schuchardt H.* Ueber die Lautgesetze. Gegen die Junggrammatikern. — Berlin, 1885 [русск. пер. см. 40].
140. *Schuchardt H.* Romanisches und Keltisches // Gesammelte Aufsätze. — Berlin, 1886.
141. *Schuchardt H.* Der Vokalismus des Vulgarlateins. — Leipzig, 1866 — 1868. — Bd. I—III.
142. *Schuchardt H.* Weltsprache und Weltsprachen (An answer to the Gustav Meyer's essay of that title in the «Schleische Zeitung» of June 12 and 14, 1891). — Strassburg, 1894.

143. *Schuchardt H.* Ueber den passiven Charakter des Transitive in den kaukasischen Sprachen // Kaiserliche Akademie der Wissenschaften. Phil.-hist. — Klasse. 1896. — Bd. 133.
144. *Schuchardt H.* Romanische Etymologien. I // Kaiserliche Akademie der Wissenschaften. Sitzungsberichte. Phil.-hist. — Klasse. 1898. — Bd. 141.
145. *Schuchardt H.* Romanische Etymologien II // Kaiserliche Akademie der Wissenschaften Sitzungsberichte. Phil.-hist. Klasse. — 1899. — Bd. 141.
146. *Schuchardt H.* Franz. *mauvais* < \dX. *malifatius* II Zeitschrift für roraanische Philologie. — 1906. — XXX [русск. пер. см. 37].
147. *Schuchardt H.* Die romanischen Nominalsuffixe im Baskischen // Zeitschrift für romanische Philologie. — 1906. — Bd. XXX.
148. *Schuchardt H.* Die iberische Deklination // Kaiserliche Akademie der Wissenschaften. Sitzungsberichte. Phil.-hist. — Klasse. 1907. — Bd. 157.
149. *Schuchardt H.* Sachen und Wörter // Anthropos. — 1912 VII [русск. пер. см. 34].
150. *Schuchardt Я.* Berberische Hiatusstilgung // Kaiserliche Akademie der Wissenschaften. Sitzungsberichte. Phil.-hist. — Klasse. 1916. — Bd. 182.
151. *Schuchardt H.* Linguae Vasconum. Einführung ins Baskische. — Halle, 1923.
152. *Schuchardt H.* Baskische und die Sprachwissenschaft // Kaiserliche Akademie der Wissenschaften. Sitzungsberichte. Phil.-hist. — Klasse. 1925. — Bd. 202.
153. *Schuchardt H.* Dber die Klassifikation der romanischen Mund-arten // Schuchardt-Brevier. Ein Vademekum der allgemeinen Sprachwissenschaft. Als Festgabe zum 80. Geburtstag des Meisters zusammen-gestellt und eingeleitet von Leo Spitzer (далее сокращенно: «Schuchardt-Brevier»). — Halle, 1922 [русск. пер. см. 41].
154. *Schuchardt H.* Etymologic und Wortforschung // Schuchardt-Brevier. — Halle, 1928; 2. Aufl [русск. пер. см. 38].
155. Schuchardt-Brevier. Halle, 1922; 2. Aufl. — Halle, 1928.
156. *Spitzer L.* Die Wortbildung als Stilistisches Mittel. Exemplifiziert an Rabelais. Nebst einem Anhang über die Wortbildung bei Balzac in seinem «Contes drolatiques». — Halle, 1910.
157. *Spitzer L.* Stilistisch-Syntaktisches aus den spanisch-portugiesischen Romanzen // Zeitschrift für romanische Philologie. — 1877. — Bd. 35. — H. 2—3 (отд. изд. — Halle, 1911).
158. *Spitzer L.* Aufsätze zur romanischen Syntax und Stilistic. — Halle, 1918.
159. *Spitzer L.* Lexicalisches aus dem Katalanischen und den ubrigen iberoromanschen Sprachen. — Geneve, 1921.
160. *Spitzer L.* Stilstudien. — MUnchen, 1928. — Bd. I — II.
161. *Spitzer L* Linguistics and Literary History. Essays in Stylistics. — Princeton, 1948.
162. *Trombetti A.* L'unita d'origine del linguaggio. — Bologna, 1905.
163. *Trubetzkoy N.S.* Gedanken über das Indogermanenproblem // Acta linguistica. — 1939. — Vol. I. — Fasc. 2 [русск. пер. см. 29].
164. *Vossler K.* Das deutsche Madrigal. Geschichte seiner Entwicklung bis in die Mitte des 18. Jahrhunderts. — Weimar, 1898.
165. *Vossler K.* Poetische Theorien in der italienischen Fruhrenaissance. Berlin, 1900.

166. *Vossler K.* Italienische Literaturgeschichte. — Leipzi; Berlin, 1900.
167. *Vossler K.* Die philosophischen Grundlagen zum «sussen, neuen Stil», des G. Guinizelli, G. Cavalcanti und Dante Alighieri. — Heidelberg, 1904.
168. *Vossler K.* Positivismus und Idealismus in der Sprachwissenschaft. Eine Sprach-philosophische Untersuchung. — Heidelberg, 1904.
169. *Vossler K.* Sprache als Schopfung und Entwicklung. Eine theoretische Untersuchung mit praktischen Beispielen. — Heidelberg, 1905.
170. *Vossler K.* Die Gottliche Komodie, Entwicklungsgeschichte und Erklärung. — Heidelberg, 1907— 1910. — Bd. I—II.
171. *Vossler K.* Salvatore Di Giacomo, ein neapolitanischer Dichter in Wort, Bild und Music. — Heidelberg, 1908.
172. *Vossler K.* Grammatik und Sprachgeschichte oder das Verhältnis von «richtig» und «Wahr» in der Sprachwissenschaft//Logos. — Tübingen, 1910. — I [русск. пер. см. 32].
173. *Vossler K.* Die Kunst des ältesten Trobadors // Miscellanea di studi in onore di Attilio Hortis. — Triest, 1910.
174. *Vossler K.* Das Verhältnis von Sprachgeschichte und Literaturgeschichte // Logos. — Tübingen, 1911. — II [русск. пер. см. 31].
175. *Vossler K.* Frankreichs Kultur in Spiegel seiner Sprachentwicklung. Geschichte der französischen Schriftsprache von den Anfängen bis zur Klassischen Neuzeit. — Heidelberg, 1913.
176. *Vossler K.* Italienische Literatur der Gegenwart (von der Romantik zum Futurismus). — Heidelberg, 1914.
177. *Vossler K.* Das Leben und die Sprache // Germanisch-romanische Monatsschrift. — 1915. — VII.
178. *Vossler K.* Italienische Literaturgeschichte. — Berlin; Leipzig, 1916.
179. *Vossler K.* Über das Verhältnis von Sprache und Nationalgefühl // Die Neueren Sprachen. — 1918. — XXVI.
180. *Vossler K.* La Fontaine und sein Fabelwerk. — Heidelberg, 1919.
181. *Vossler K.* Über grammatische und psychologische Sprachformen // Logos. — Tübingen, 1919. — VIII [русск. пер. см. 30].
182. *Vossler K.* Über das Verhältnis von Sprache und Religion // Die Neueren Sprachen. — 1920. — XXVIII.
183. *Vossler K.* Dante und die Sprache // Die Pyramide. — Karlsruhe, 1921. — September, 14.
184. *Vossler K.* Dante als religiöser Dichter. — Bern, 1921.
185. *Vossler K.* Giacomo Leopardi. — München, 1923.
186. *Vossler K.* Gesammelte Aufsätze zur Sprachphilosophie. — München, 1923.
187. *Vossler K.* Frankreichs Kultur und Sprache. — Heidelberg, 1923.
188. *Vossler K.* Die neuesten Richtungen der italienischen Literatur. — Marburg, 1925.
189. *Vossler K.* Geist und Kultur in der Sprache. — Heidelberg, 1925.
190. *Vossler K.* Jean Racine. — München, 1926.
191. *Vossler K.* Realismus in der spanischen Dichtung der Blütezeit. — München, 1926.
192. *Vossler K.* Frankreichs Kultur und Sprache. Geschichte der französischen Schriftsprache von den Anfängen bis zur Gegenwart. 2-te neu-bearb. — Aufl. — Heidelberg, 1929.

193. *Vossler K.* Introduccion a la estadistica romance. — Buenos Aires, 1932.
194. *Vossler K.* Lope de Vega und sein Zeitalter. — Munchen, 1932.
195. *Vossler K.* Einfuhrung in die spanische Dichtung des goldenen Zeitalters. — Hamburg, 1939.
196. *Vossler K.* Literatura espanola, Siglo de oro. — Lucero (Mexico), 1941.
197. *Vossler K.* Algunos caracteres de la culture espanola. — Buenos Aires; Mexico, 1942.
198. *Vossler K.* Die Dichtungsformen der Romanen. — Stuttgart, 1951.
199. *Vossler K.* Sprache als Schopfung und Entwicklung. Eine theoretische Untersuchung mit praktischen Beispielen. — Heidelberg, 1950.
200. *Wartburg W.* Zur Benennung des Schafes in den romanischen Sprachen: Ein Beitrag zur Frage der provinziellen Differenzierung des Spatzern Lateins. — Berlin, 1918.
201. *Wartburg W.* Die Entstehung der Sprachgrenzen im Innern der Romania // Beitrage zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur. — 1934. — LVIII.
202. *Wartburg W.* Die Entstehung der romanischen Sprachraume // Schweizerische Monatshefte. — 1936. — XVI.
203. *Wartburg W.* Die Ausgliederung der romanischen Sprachraume // Zeitschrift fur romanische Philologie. — 1936. — Bd. 56. — H. 1 (см. также французское расширенное издание: *Wartburg W.*, *La fragmentation linguistique de la Romania.* — P., 1967).
204. *Wartburg W.* Die burgundische Wörter im Frankprovenzalischen // Zeitschrift fur romanische Philologie. — 1939. — Bd. 59. — H. 3—4.
205. *Wartburg W.* Die Entstehung der romanischen Volker. — Halle, 1937.
206. *Wartburg W.* Die frunkische Siedlung in Nordfrankreich im Spiegel der Ortsnamen // Zeitschrift fur romanische Philologie. — 1939. — Bd. 59. — H. 3—4.
207. *Wartburg W.* Umfang und Bedeutung der germanischen Siedlung in Nordgallien im 5 und 6. Jahrhundert im Spiegel der Sprache und der Ortsnamen // Deutsche Akademie der Wissenschaften zu Berlin. — 1950. — H. 36.
208. *Wartburg W.* Evolution et structure de la langue francaise. — Leipzig, Berlin, 1934.
209. *Wenker G.* Sprachatlas von Nord- und Mitteldeutschland, auf GrunJ von systematisch mit Hilfe der Volksschullehrer gesammelten Material aus circa 30 000 Orten. — Strassburg, 1881.
210. *Wenker G.* Der Sprachatlas des deutschen Reichs. Dichtung und Wahrheit. — Marburg, 1895.
211. *Wenker G.*, *Wrede F.* Deutscher Sprachatlas. — Marburg, 1926—1932. Bd. 1—6.
212. *Wrede F.* Der Sprachatlas des Deutschen Reiches und die elsassische Dialektforschung // Archiv für das Studium der neueren Sprachen (und Literaturen). — 1903. — CXI.

ГЛАВА 8
**СТРУКТУРНО-ФУНКЦИОНАЛЬНОЕ
ЯЗЫКОЗНАНИЕ (ИСТОКИ, НАПРАВЛЕНИЯ,
ШКОЛЫ)**

Вводные замечания. Условия и причины становления лингвистического структурализма.

- I. Ф. де Соссюр и его место в лингвистике XX в.
- II. Копенгагенская школа в языкознании.
- III. Пражская школа.
 1. *Проблемы фонологии.*
 2. *Проблемы грамматики.*
 3. *Типологическое изучение языков и языковых союзов.*
 4. *Проблема литературного языка и культуры речи.*
- IV. Американский структурализм.
 1. *Дескриптивная лингвистика.*
 2. *Синтаксический анализ.*
 3. *Трансформационный метод.*
- V. Лондонская лингвистическая школа.
 1. *Некоторые черты английской лингвистической традиции и Лондонская школа.*
 2. *Лондонская школа: предмет в задачи лингвистического описания; проблема метода лингвистического исследования.*
 3. *Философия языка и некоторые вопросы общего языкознания в системе взглядов Лондонской школы.*
 4. *Проблемы значения.*
 5. *Роль и место контекста в лингвистическом исследовании.*
 6. *Уровни. Иерархия уровней. Уровни языка и уровни лингвистического описания. Процедуры поуровневого описания.*
 7. *Фонология и просодика.*
 8. *Вопросы грамматического анализа. Проблема соотношения формального и содержательного анализ.*

**Вводные замечания. Условия и причины становления
лингвистического структурализма**

Большую роль в становлении философии лингвистического структурализма сыграла феноменологическая философия и неопозитивизм. Значительное место в исходных общетеоретических основаниях дескриптивной лингвистики, одного из ответвлений

лингвистического структурализма, принадлежит так же бихевиоризму.

Начало учению, получившему название *феноменологии*, было положено Э.Гуссерлем (1859—1938). Суть учения Э.Гуссерля сводится к следующему: 1) предмет философии — это явления (феномены) сознания, рассматриваемые как единственно и непосредственно данные явления; 2) эти феномены являются некими абсолютными сущностями, имеющими всеобщее значение. Эти сущности постоянны, универсальны и неизменны. Задача философии заключается в том, чтобы за миром преходящих явлений вскрыть эти универсальные сущности.

Гуссерль выдвинул требование сделать философию строгой наукой, положения которой были бы близки законам логики и математики. Гуссерль утверждал, что законы логики идеальны и априорны:

Желание обосновать или отвергнуть идеи на основании фактов — это бессмыслица [10, 40].

Представители школы феноменологической философии оказали значительное воздействие на формирование структурной лингвистики, повлияли как на представителей Пражской школы, так и на представителей Копенгагенской школы структурализма.

Неопозитивизм, называемый иначе «логическим позитивизмом», «логическим атомизмом», «логическим эмпиризмом», «логическим анализом» и т.д., с самого начала сложился как международное философское течение. Логический позитивизм берет свое начало в «Венском кружке», образовавшемся в начале 1920-х годов под руководством М.Шлика. В него входили Р.Карнап, Ф.Франк, О.Нейрат и др. Наряду с ним в 1930-х годах возникли так называемая группа «аналитиков» в Англии (А.Айер и др.) и Львовско-Варшавская школа в Польше, куда входили Айдукевич, Тарский, Твардовский. Большую роль в возникновении и развитии неопозитивизма сыграли английский логик, математик и философ Б. Рассел и австрийский философ Л. Витгенштейн.

По мнению неопозитивистов, философия должна представлять собой основанный на математической логике¹ «логический анализ языка» (Витгенштейн), или логико-синтаксический анализ (Карнап).

Бихевиоризм представляет собой одно из направлений психологии, которое изучает поведение человека как механические действия живого организма. Строго следуя учению бихевиористов,

¹ Математическая, или символическая, логика возникла в результате разработки в математике неевклидовых геометрий и создания теории множеств. Значительную роль в разработке математической логики сыграл Б. Рассел.

американский языковед Л. Блумфилд, например, сводит язык и мышление к механизму раздражений и реакций, причем языковые акты в цепи раздражений и реакций необязательно связаны с мышлением. Предметом лингвистического исследования здесь выступает, собственно, речевой акт.

Под общим названием «структурализм» принято объединять следующие школы: 1) пражская школа, 2) копенгагенская школа, 3) лондонская школа, 4) американский структурализм, который представляет собой явление весьма разноликое и поэтому термин «школа» к нему менее применим.

Огромную роль в становлении всех направлений структурализма сыграли идеи Ф. де Соссюра, особенно его знаменитые *дихотомии*: языка — речи, синхронии — диахронии, внешней и внутренней лингвистики, а также рассмотрение им языка как системы знаков и понятие системности.

Общим, что объединяет все школы структурализма в единое направление, являются следующие положения: язык — это некая структура, система взаимосвязанных и взаимообуславливающих элементов, свободная от всякого отношения к внеязыковой реальности; язык должен прежде всего изучаться в синхронной плоскости; изучение языка должно вестись, исходя из его формы как системы отношений; языкознание должно стремиться к тому, чтобы стать точной наукой.

В связи с этим на первый план выдвигается стремление создать объективный метод исследования языка и соответственно преодолеть традиционный, в большей мере интуитивный, подход к языковым явлениям.

Структурализм является основным течением в лингвистике первой половины XX в. Целый ряд его методов и сейчас плодотворно используется в работах языковедов, принадлежащих к самым различным направлениям и в самых различных странах. Анализируя данное направление в лингвистике, необходимо принимать во внимание следующее:

1) структурализм не представляет собой единое течение, само оно и примыкающие к нему группы характеризуются многообразием мнений и методов;

2) структурализм ставил перед собой довольно ограниченные цели исследования, определяемые только изучением строя языка, что привело к необходимости обратиться к изучению языка в его функционировании;

3) во всех школах структурализма язык рассматривается в статике, что исключает понятие развития языка. Разделение вслед за Ф. де Соссюром «внешней и внутренней лингвистики» приводит к стремлению в структурализме отделить язык от человека и культуры. Отсюда все вопросы связи языка и культуры оставались, по сути, за пределами исследования;

4) напротив, современная лингвистика нацелена на изучение связей языка и общества. Человеческий фактор оказывается в центре современных лингвистических исследований. Отсюда возникновение новых областей лингвистики, как-то: лингвистика текста, социолингвистика, психолингвистика, коммуникативная лингвистика, когнитивная лингвистика;

5) вместе с тем сказанное не исключает достижений структурализма в области изучения языка, без чего практически невозможны современные лингвистические изыскания.

Л. Ф. де Соссюр и его место в лингвистике XX в.

Ф. де Соссюр, живший и работавший в Женеве (1857—1913), широко известен прежде всего и главным образом как автор **«Курса общей лингвистики»** — труда, составившего эпоху в языкознании. «Курс общей лингвистики» на основе университетских записей был составлен и опубликован в 1916 г. его учениками, известными языковедами А. Сешэ и Ш. Балли. Кроме этого труда Соссюру принадлежит ряд исследований в области сравнительной грамматики индоевропейских языков. Особое место занимает его ранний труд, посвященный вокализму индоевропейских языков, — **«Мемуар о первоначальной системе гласных в индоевропейских языках»**, опубликованный в 1879 г. и ознаменовавший собой начало не только нового плодотворного этапа в развитии сравнительной грамматики индоевропейских языков, но и понимание языка как строго организованной системы.

Мы ограничимся здесь лишь основными положениями лингвистической концепции Ф. де Соссюра, явившимися концептуальной основой структурализма. Рассмотрению подлежат следующие вопросы: 1. Язык. Определение языка. 2. Язык и речь. 3. Место языка среди общественных явлений. Место языкознания в ряду наук. Семиология (Семиотика). 4. Язык как система знаков. Природа языкового знака. 5. Внешняя и внутренняя лингвистика. 6. Синхроническая и диахроническая лингвистика.

Все эти проблемы нашли отражение в направлениях структурализма, особенно в Копенгагенской школе.

Ф. де Соссюр был одним из первых исследователей, четко осознавших, что язык имеет самые различные свойства, следовательно должен характеризоваться с разных сторон и может получать различные определения.

Язык, анализируемый с точки зрения своей функции в коллективе людей, может рассматриваться как средство общения, средство выражения мыслей, средство оформления мыслей. Язык, рассматриваемый с точки зрения условий своего существования,

предстает перед нами как факт культурно-исторический. Язык, исследуемый с точки зрения своего внутреннего устройства, должен быть определен как система, как известная структура.

В связи с последним положением Соссюр писал:

Язык есть не что иное, как система чистых значимостей [26, 144].

Все, относящееся к лингвистической системе, для Соссюра есть взаиморасположение элементов системы. В «Курсе общей лингвистики» Соссюр среди различных определений языка дает следующее:

Язык — это система знаков, в которой единственно существенным является соединение смысла и акустического образа, причем оба эти элемента знака в равной мере психичны [26, 53].

В данном определении язык выступает как явление психического характера. И Соссюр не случайно, как увидим, подчеркивает это свойство языка.

Очень важным для понимания и оценки воззрений самого Ф. де Соссюра, а также для понимания истоков соответствующих лингвистических построений XX в. является строгое разграничение, которое Ф. де Соссюр проводил между *языком (la langue)* и *речью (la parole)*, которые оба входят как компоненты в *речевую деятельность (le langage)*. Если язык *психичен*, то речь, в отличие от языка, *психофизична*. Уже поэтому совершенно необходимо, по его мысли, проводить четкое различие между языком и речью. Ведь если этого не делать, то, как считает Соссюр, пришлось бы включить в языкознание целый ряд наук, как-то: психологию, антропологию, нормативную грамматику, филологию и т.д., которые, по его словам, «...Мы отграничиваем от лингвистики» [26, 47].

Речевая деятельность, охватывающая как язык, так и речь, — многоформенна и разносистемна, по мнению Соссюра. Она вторгается в несколько областей, таких, как область физики, физиологии и психики. Кроме того, она относится и к индивидуальной и к социальной сфере. Язык же, по Соссюру: «...Только определенная часть, правда, важнейшая часть, речевой деятельности».

Ф. де Соссюр очень четко формулирует это положение, заявляя: «Язык для нас — это речевая деятельность минус сама речь» [26, 47].

Язык, с одной стороны, социальный продукт речевой способности,^c Другой — совокупность необходимых условий, усвоенных общественным коллективом для осуществления этой способности у отдельных лиц. Если бы мы были в состоянии охватить сумму всех словесных образов, Накопленных у всех индивидов, мы бы коснулись той социальной связи, Которая и есть язык. Язык — это клад, практикой речи отлагаемый во

всех, кто принадлежит к одному общественному коллективу, это — грамматическая система, виртуально существующая у каждого в мозгу, точнее сказать, в сознании целой совокупности индивидов, ибо язык не существует полностью ни в одном из них, он существует в полной мере лишь в коллективе [26, 52].

Итак, в языке все социально, все общественно обусловлено. И если речевая деятельность охватывает как индивидуальное, так и социальное, то *язык* — только *социальное*. Следовательно, остается еще *индивидуальная сторона* речевой деятельности, которая и относится к *речи*.

Таким путем Соссюр выпукло показывает социальный характер языка. Соссюр считает, что мало охарактеризовать язык как явление социальное. Охарактеризовать язык только так — значит, еще не вскрыть всю специфику языка. Ф.де Соссюр не ограничивается этим определением, он подчеркивает, что хотя язык — явление социальное, он вместе с тем многими чертами отличается от прочих социальных явлений: политических, юридических и др. Главное различие заключается в том, что «язык есть система знаков, выражающих понятия» [26, 54]. «Язык — есть замкнутое целое. Язык — это условность, и природа условного знака безразлична». Развивая эту же мысль, Соссюр говорит о том, что: «все органы речи являются столь же посторонними по отношению к языку, сколь посторонни по отношению к азбуке Морзе служащие для передачи его символов электрические аппараты. Фонация, т.е. реализация акустических образов, ни в чем не затрагивает самой их *системы*» [26, 56].

Соссюр полагает, что, следовательно, можно проводить сравнение языка с другими системами знаков, выражающими идеи, — с письмом, с азбукой для глухонемых, с символическими обрядами, с формами учтивости, с военными сигналами и т.д. Причем язык оказывается не более чем важнейшая из этих систем.

Это положение приводит Соссюра к чрезвычайно важному выводу о том, что следует выделить особую науку, «изучающую жизнь знаков в рамках жизни общества», которую он предлагает назвать *семиологией* (от греч. *semeion* — 'знак') [26, 54]. Лингвистика при этом оказывается всего лишь частью этой науки. Одна из задач лингвиста, по мысли Соссюра, сводится к установлению того, что именно позволяет выделить язык как особую систему среди других семиологических явлений (как обряды, обычаи, системы сигнализации, танцы и т.д.). Семиологии Соссюр придает чрезвычайно большое значение. Только связь языка с семиологией, уяснение места языка в ряду других знаковых систем впервые, по его мнению, позволит найти лингвистике место среди¹ других наук.

Ф. де Соссюр исходит из того, что элементы языка не выступают обособленно в данном языке. Они являются частью системы, где каждый элемент языка соотносится с другими элементами языка. В «Курсе» Соссюр писал об этом следующее:

...Взгляд на член языковой системы как на простое соединение некоего звучания с неким понятием является серьезным заблуждением. Определять подобным образом член системы — значит изолировать его от системы, в состав которой он входит, это ведет к ложной мысли, будто возможно начинать с членов системы и, складывая их, строить систему, тогда как на самом деле надо, отправляясь от совокупного целого, путем анализа, доходить до составляющих его элементов [26, 146].

Как известно, младограмматикам совершенно чуждо было понимание языка как системы элементов, где все языковые факты, все языковые категории на каждом этапе развития языка, в каждом языковом состоянии входят в определенную систему, соотносятся друг с другом, обуславливают друг друга. Соссюр справедливо критикует младограмматиков за их атомизм, за разобщенное рассмотрение языковых явлений. Соссюр решительно и категорически выдвигает требование рассматривать все языковые факты в определенной системе. Заметим, что эта категоричность обусловила отчасти и проведенное Соссюром четкое разграничение лингвистики на синхронную лингвистику и диахронную лингвистику. Это была своеобразная реакция на атомизм младограмматиков.

Единого определения, охватывающего все свойства и признаки языка, Ф. де Соссюр не дает. Имеющиеся в его «Курсе» различные определения подчеркивают ту или иную сторону языка. Чрезвычайно важное место в характеристике языка имеет определение языка как системы знаков и понимание природы языкового знака. Уже в самом начале раздела о языковом знаке и его природе Соссюр ставит вопрос о том, что для очень многих язык представляется номенклатурой (т.е. перечнем) терминов, соответствующих такому же количеству вещей. Такое представление, по его мнению, является неправильным, т.к. предполагает наличие уже готовых идей, предшествующих словам. Остается неясным, какова природа *названия*: звуковая или психическая. Между тем, по его мнению, слово может рассматриваться и под тем и под другим углом зрения.

Ф. де Соссюр дает следующее определение *знака*: «Мы называем знаком соединение понятия и акустического образа» [26, ^00], — чему соответствует и предлагаемая им схема:

Понятие

Г Акустический образ /

Итак, в состав лингвистического знака входит акустический образ и понятие. «Акустический образ», по Соссюру, не является чем-то чисто физическим, но является «психическим отпечатком звука», т.е. представлением, которое мы о нем получаем посредством наших органов чувств.

Поскольку знаком у Соссюра является комбинация понятия и акустического образа, то языковой знак — двусторонен. А так как обе стороны знака психического свойства (понятие и представление о звуке), то и языковой знак психичен. Соссюр отмечает:

Языковой знак есть, таким образом, двусторонняя психическая сущность [26, 100].

Однако, — указывает Соссюр, — «в ходячем употреблении этот термин обычно обозначает только акустический образ» (например, слово *дерево*). Это по его мнению, происходит от того, что забывают: если слово *дерево* называется знаком, то лишь постольку, поскольку в него включено понятие «дерево».

Двусмысленность исчезает, если назвать все три наличных понятия именами, предполагающими друг друга, но вместе с тем взаимно противопоставленными. Мы предлагаем сохранить слово *знак для* обозначения целого и заменить термины *понятие* и *акустический образ* соответственно терминами *означаемое* и *означающее* [26, 100].

Означаемое /

Г Означающее

Раскрывая дальше положение о лингвистическом знаке, Соссюр утверждал, что «*языковой знак произволен*» [26, 100]. Так, по его мнению, понятие 'сестра' никаким внутренним отношением не связано с последовательностью звуков *s—ce — z* и, как он отмечает, могло бы быть выражено любым другим сочетанием звуков [26, 101]. Основным доказательством этого являются различия между языками и сам факт существования различных языков.

Слово «произвольный», по мнению Ф.де Соссюра, не должно пониматься как «любой» в том смысле, что означающее зависит от свободного выбора говорящего субъекта. Наоборот, он доказывает, что индивид не может внести ни малейшего изменения **и** знак, уже установившийся в языковом коллективе. Произвольность, немотивированность знака проявляется в том, что «означающее» **немотивировано**, т.е. произвольно по отношению к означаемому: с которым у него нет в действительности никакой естественной связи [26, 101].

Не зря, как отмечает Соссюр, даже звукоподражания и восклицания по своему значению произвольны, доказательством чего служит факт их различий по языкам.

Кроме принципа произвольности знака, Ф.де Соссюр выдвигал также второй принцип — принцип *линейного характера* означающего.

Означающее, — по мысли Соссюра, — являясь по своей природе воспринимаемым на слух, развертывается только во времени и характеризуется заимствованными у времени признаками: а) *оно обладает протяженностью* и б) *эта протяженность имеет одно измерение*: это — линия [26, 103].

Это положение, как подчеркивает сам Соссюр, — является чрезвычайно важным, так как от этого принципа «зависит весь механизм языка» [26, 103]. Ведь в противоположность зрительным (визуальным) означающим, таким как морские сигналы и т.п., которые могут состоять одновременно из комбинаций в нескольких измерениях, акустические означающие располагают лишь одной линией — линией времени. Их элементы следуют один за другим, образуя цепь.

Естественно, ставится вопрос: если знаки произвольны, почему не наблюдается общей внезапной перемены в языке, состоящей из таких знаков. Соссюр указывает на четыре обстоятельства, препятствующих этой перемене.

1. *Произвольность знака* — самая произвольность знака защищает язык от попытки, направленной к его изменению: раз знаки произвольны, нельзя ставить вопрос, который из них более рационален.

2. *Множественность знаков*, используемых языком, затрудняет изменение знаков.

3. *Крайняя сложность языковой системы*; сложен механизм этой системы, и внесение изменений соответственно затруднено; если и разбираются в этом механизме, то только специалисты, и только они могут наметить определенные изменения, но, насколько нам известно, — замечает Ф.де Соссюр, — такого рода попытки успеха не имели.

4. *Сопrotивление коллективной косности всякому новшеству в языке*; в каждый данный момент язык есть дело всех и каждого. В этом отношении его никак нельзя сравнить с другими общественными установлениями. Предписания закона, обряды религии (ритуалы), морские сигналы и пр. касаются одновременно лишь ограниченного количества лиц, и то в продолжение определенного срока; напротив, в языке каждый принимает участие ежеминутно, почему язык и испытывает постоянное влияние всех. Одного этого основного факта достаточно, чтобы показать невозможность в нем внезапного переворота.

Из всех общественных установлений язык представляет меньше всего возможностей для проявления инициативы. Он составляет неотъемле-

мую часть жизни общества, которое, будучи по природе инертным, выступает прежде всего как консервативный фактор [26, 107].

Далее Ф.де Соссюр продолжает:

Язык устойчив не только потому, что он привязан к косной массе коллектива, но и вследствие того, что он существует во времени. Эти два фактора неотделимы. Связь с прошлым ежеминутно препятствует свободе выбора [26, 107].

Ф.де Соссюр заключает:

Именно потому, что знак произведен, он не знает другого закона, кроме закона традиции, и, наоборот, он может быть произвольным, только потому что опирается на традицию [26, 107].

Установив, что же именно препятствует внезапной перемене в языке и, следовательно, сохраняет его знаки, Соссюр ставит также вопрос об изменчивости знака, поскольку время всегда подвергает изменению языковые знаки. При этом, по его мысли, «принцип изменения опирается на принцип непрерывности» [26, 107]. Это происходит потому, что оба эти факта взаимно обусловлены, поскольку знак подвергается изменению, потому что он не прерывается. Однако «при всяком изменении преобладающим моментом является устойчивость прежнего материала», а «неверность прошлому лишь относительна» [26, 107].

Главное в этом выдвигаемом Соссюром принципе изменяемости заключается в том, что изменяемость всегда выражается в «сдвиге отношения между означающим и означаемым». В подтверждение этого положения Ф.де Соссюр приводит следующие примеры. Так, лат. *pecage*, означающее 'убивать', превратилось во фр. *pouet* со значением 'топить' (в воде). Здесь, как видим, изменились и акустический образ и понятие. Или другой пример: в англосаксонском языке дописьменная форма *fdt* 'нога' сохранилась в виде *Jot* (совр. англ./оог), а множественное число **foti* 'ноги' превратились в *fet* (совр. англ./ее/).

Язык по своей природе бессилен обороняться против факторов, постоянно передвигающих взаимоотношения означаемого и означающего. В этом одно из следствий произвольности знака, — утверждает автор и тут же отмечает, что в отличие от языка прочие человеческие установления — обычаи, законы и т.п. — вес основаны, в различной степени, на естественных отношениях вещей; в них есть необходимое соответствие между использованными средствами и поставленными целями. По его мнению, даже мода не вполне произвольна, т.к. нельзя уклониться далее определенной меры от условий, которые диктуются человеческим телом. Язык же, в чем и заключается его специфика, — оказывается ничем не ограниченным в выборе своих средств [см. 26, 108].

Доказывая произвольность лингвистического знака, Соссюр, однако, считал, что произвольность лингвистического знака ограничивается законами развития данного языка, что абсолютно произвольным лингвистический знак являлся лишь у некоторой части слов: «...У других знаков обнаруживаются признаки, позволяющие отнести их к произвольным в различной степени: *знак может быть относительно мотивированным*» [26, 163].

Под этим Соссюр понимал следующее. Например, возьмем русское слово *сорок*. Это слово ничем не мотивировано. Это слово не соотносится в категории числительных со словом *четыре* и выступает как отдельная лексема. А скажем, слово *тридцать* имеет уже совершенно иное образование. Оно соотносится со словом *три*; *пятьдесят* соотносится со словом *пять*, *восемьдесят* — со словом *восемь* и т.д. Вот это числительное *сорок* в системе русского языка выпадает и предстает как отдельное лексическое образование, а все прочие числительные соотносимы, так как напоминают об элементах, из которых они составлены, и об элементах, которые с ними ассоциируются. Ведь если бы мы взяли, например, числительные *пять* и *десять* в отдельности, то они оказались бы такими же произвольными, как и *сорок*. То же самое, — говорит Соссюр, — можно сказать и о фр. *pommier*, 'яблоня', которое напоминает о *potte* 'яблоко' и чей суффикс *-ier* вызывает в памяти *poirier* 'грушевое дерево' — *poire* 'груша', *cerisier* 'вишневое дерево'. Однако иной случай представляют такие названия деревьев, как *frene* 'ясень', *chêne* 'дуб' и т.д. Или, например, англ. множеств, число *ships* 'корабли' своей формой напоминает весь ряд: *flags*, *birds*, *books* и т.д., а *men*, *sheep* ничего не напоминают. «Не существует языков, где нет ничего мотивированного; но немисливо себе представить и такой язык, где мотивировано было бы все» [26, 165], — говорит Ф.де Соссюр.

При этом он предлагает те языки, где немотивированность достигает максимума, называть *лексическими*, а те, где она снижается до минимума, — *грамматическими* [см. 26, 165]. Это не означает, что «лексика» и «произвольность», с одной стороны, «грамматика» и «относительная мотивированность» — с другой, всегда синонимичны.

Это как бы два полюса, между которыми движется вся языковая система [26, 165].

По мнению Соссюра, английский язык уделяет значительно больше места немотивированному, чем немецкий; но типом ультралексического языка является китайский, а индоевропейский Праязык и санскрит — образцы ультраграмматических языков.

Итак, подчеркивая мотивированность знака, Соссюр считает, что если по отношению к изображаемой им идее означающее пред-

ставляется свободно выбранным, то, наоборот, по отношению к языковому коллективу, который им пользуется, оно не свободно, оно навязано.

Соссюр устанавливает следующее разграничение в лингвистическом знаке. Он разграничивает *значение* и *значимость* (по-французски *valeur*). По Соссюру, «Для определения значимости слова недостаточно констатировать, что оно может быть сопоставлено с тем или иным понятием, то есть что оно имеет то или иное значение; его надо, кроме того, сравнить с подобными ему значимостями» [26, 148].

Речь идет о следующем. Возьмем французское слово *mouton*. Это слово имеет определенное значение, имеет определенный звуковой комплекс, сочетание определенных гласных и согласных. Одновременно французское слово *mouton* 'баран, баранина' может совпадать по значению с русским словом *баран*, но оно не имеет одинаковой с ним значимости. Так, говоря о приготовленном и поданом на стол куске мяса, русский скажет *баранина*, а не *баран*. Различие в значимости между *баран* и *mouton* связано с тем, что в русском языке есть наряду с ним другой термин, соответствующего которому нет во французском языке. Иными словами, место, занимаемое словом *mouton* в лексической системе французского языка, не соответствует месту, занимаемому словом *баран* в системе русской лексики (по-русски: *жаркое из баранины*; нельзя сказать: «жаркое из барана»). Или возьмем пример из английского языка. Мы найдем два слова — с одной стороны *sheep*, а с другой — *mutton*. Значимость этих слов — различна. В английском языке есть противопоставление *sheep* и *mutton*. Уже давно было замечено В. Скоттом, что, бегая по лугу, это *sheep*, а будучи поданным на стол — *mutton*. Это положение Соссюра имеет огромное значение в вопросе о переводе. Как раз теория перевода должна прежде всего учитывать эти различия, заложенные в самом отдельном слове, в самой лексике. Содержание слова определяется лишь во взаимодействии со всем, что находится вне его. Образую часть системы, слово имеет не только значение, но также всегда и значимость, причем значимость любого слова определяется его окружением.

То, что сказано о словах, по мнению Соссюра, относится к любым явлениям языка. Например, грамматическим категориям. Так, например, значимость английского или французского (или русского) множественного числа не совпадает со значимостью множественного числа в санскрите (или старославянском), хотя их значение чаще всего совпадает. Дело в том, что санскрит обладает не двумя, а тремя числами: «...Следовательно, значимость множественного числа зависит от того, что находится вне и вокруг него в (системе)» [26, 149].

Соссюр говорит и о том, что привычное нам различие времен чуждо некоторым языкам: в древнееврейском нет даже самого

основного различия прошедшего, настоящего и будущего. В прагерманском языке не было особой формы для будущего времени. Поэтому, когда говорят, что в нем будущее передается через настоящее время, выражаются по его мнению, неправильно, так как значимость настоящего в прагерманском языке не та, что в тех языках, где наряду с настоящим имеется и будущее. С другой стороны, славянские языки, например, последовательно различают в глаголе два вида: совершенный вид выражает действие в его завершенности, как некую точку, вне всякого становления; несовершенный — действие в процессе совершения и на линии времени. Эти категории всегда затрудняют француза [см. 26, 149].

Во всех этих случаях мы... находим... *значимости*, вытекающие из самой системы языка [26, 149].

Лингвистический знак не выступает обособленно в языке. Он является частью системы. Иными словами, каждый лингвистический знак соотносится с другими лингвистическими знаками.

По мнению Ф. де Соссюра, само определение языка предполагает, что из понятия языка устраняется все, что является экстралингвистическим, т.е. все то, что находится вне языка как системы знаков, системы, внутренне организованной и функционирующей по свойственным ей законам. В языкознании область, рассматривающая экстралингвистические факторы, получила наименование *внешняя лингвистика* в отличие от *внутренней лингвистики* — области рассмотрения собственно языковых фактов.

Остановимся на вопросе соотношения так называемой «внешней и внутренней лингвистики» в системе Ф. де Соссюра.

Деление лингвистики на внешнюю и внутреннюю было впервые четко проведено в языкознании в 80-х годах XIX в. немецким языковедом Габеленцем в его труде «Система языкознания». Под внешней лингвистикой Габеленц понимал совокупность исторических фактов, как-то: историю народа, являющегося носителем изучаемого языка, историю культуры, описание письменных памятников и другие вопросы. Во внутреннюю лингвистику, согласно Габеленцу, входила грамматика в собственном смысле слова.

Это деление лингвистики на внешнюю и внутреннюю четко проходит в «Курсе общей лингвистики» Ф. де Соссюра. По мнению Соссюра, необходимо устранить из понятия языка все, что соприкасается с этнологией, все, что связано в истории языка с историей нации, расы или цивилизации. Все это входит в раздел внешней лингвистики. В разделе внешней лингвистики, по мысли Соссюра, остается также все, что касается отношений между языком и политической историей. Например, великие исторические события, вроде римского завоевания, которые имели неисчислимые последствия для целого ряда лингвистических фактов. Нако-

нец, как отмечает Соссюр, к внешней лингвистике относится и все то, что относится к географическому распространению языков и к их диалектному дроблению [см. 26, 59—62].

Однако ошибочно было утверждать, будто, проводя так четко различие между внешней и внутренней лингвистикой, Соссюр отрицает необходимость и полезность изучения внешней лингвистики, отрицает влияние на язык внешних (географических, исторических или политических) факторов. Он говорит:

Мы считаем весьма плодотворным изучение «внешнелингвистических», то есть внеязыковых явлений; однако было бы ошибкой утверждать, будто без них нельзя познать внутренний организм языка [26, 60].

Он категорически подчеркивает тот факт, что не они являются главными, определяющими, поскольку они не касаются самого строения языка, его «внутреннего организма». По его мнению, разделение обеих точек зрения неизбежно, и чем строже оно соблюдается, тем лучше. Соссюр видит наилучшее доказательство этому в том, что каждая из них, и внешняя лингвистика, и внутренняя лингвистика, создает свой метод.

Внешняя лингвистика может нагромождать одну подробность на другую, не чувствуя себя сжатой тисками системы [26, 61].

В отношении внутренней лингвистики, — говорит он, — дело обстоит совершенно иначе:

Язык есть система, которая подчиняется лишь своему собственному порядку [26, 61].

Понять это, по его мнению, поможет, например, сравнение с игрой в шахматы, в отношении которой легко отличить, что внешнее и что внутреннее. Так, тот факт, что эта игра пришла в Европу из Персии — внешнего порядка, а, напротив, внутренним является все то, что касается системы и правил игры.

Если я фигуры из дерева заменю фигурами из слоновой кости, то такая замена будет безразлична для системы; но, если я уменьшу или увеличу количество фигур, такая перемена глубоко затронет «грамматику игры» [26, 61].

Итак, Соссюр четко провел разграничение лингвистики на внешнюю и внутреннюю и заявил, что основными содержанием языкознания является внутренняя лингвистика. На этом основании Соссюр логически приходит к выводу, что единственным и истинным объектом лингвистики является язык, его система.

Язык Ф. де Соссюром рассматривается прежде всего как система, и изучение элементов языка рекомендуется производить, ис-

ходя из системного характера языка, помня, что они представляют собой части определенной системы. Неустанно подчеркивая, что язык постоянно образует систему, Соссюр следующим образом говорил об этом:

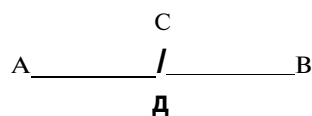
Язык есть система, все части которой могут и должны рассматриваться в их синхронической взаимообусловленности [26, 120].

Отсюда вытекает упор Соссюра на важность синхронного изучения языка.

Ф.де Соссюр считал, что лингвистика должна быть разделена на две части — анализ *синхронный* и анализ *диахронный*, иначе говоря, на анализ статический и динамический (исторический).

С точки зрения истории науки, уяснения линий развития лингвистической мысли понятно не только четкое деление Ф.де Соссюром лингвистики, объекта и методов изучения языковых фактов на два раздела: на синхронию и диахронию, — но и упор, который Соссюр сделал на синхронии. Дело в том, что младограмматики, объявив историю языка основным объектом языкознания, все языковые явления рассматривали с так называемой исторической точки зрения. Изучалось значительное количество фактов в историческом разрезе, друг с другом совершенно не связанных. Надо, однако, сказать, что Соссюр все же не смог до конца преодолеть отдельные установки младограмматической школы, с концепцией которой так упорно он боролся. Среди таких установок можно упомянуть, например, психологическую окрашенность языкового анализа, примат фонетики над всеми остальными аспектами. Так, касаясь диахронии, Соссюр говорил, что основным методом изучения диахронии, а в известной мере и основным объектом диахронии является фонетика и фонетический закон. Фонетика и прежде всего фонетика, — заявлял Соссюр, открывая соответствующую главу в «Курсе общей лингвистики».

По мнению Ф.де Соссюра, исторический, или диахронический, анализ имеет свои собственные задачи и собственные методы исследования, вполне отличные от методов синхронного анализа. Точно так же у синхронного анализа свои цели и свои методы, резко отличные от диахронного анализа. По его мнению, явления синхронии не имеют ничего общего с явлениями диахронии; первая имеет дело с отношениями элементов, данных одновременно, другая — с заменой одного элемента другим во времени. Это положение Соссюр иллюстрирует следующей схемой:

1) *ось одновременности* (АВ), касающаяся отношений между существующими элементами, откуда исключено всякое вмешательство времени; 2) *ось последовательности* (СД), на которой никогда нельзя увидеть больше одного элемента одновременно и по которой располагаются в отдельности все явления первой оси со всеми их изменениями [см. 26, 113].

Итак, по Соссюру, синхрония — состояние языка; диахрония — фаза эволюции.

По мысли Соссюра, основными причинами, по которым совершенно необходимо изучать язык в «двух лингвистиках» — синхронической и диахронической, — являлись следующие: 1) многочисленность знаков, которая препятствует одновременному изучению отношений в системе и отношений во времени; 2) тот факт, что язык оперирует понятием ценности. По его мнению, для наук, оперирующих понятием значимости, такое различие становится практической необходимостью. А значимость, как известно, в каждый данный момент зависит от системы сосуществующих с ней других значимостей. Причем никакая другая система, оперирующая понятием ценностей, не может сравниться в этом отношении по сложности с языком. По Соссюру,

...Синхронический аспект превалирует над диахроническим, так как для говорящих только он — подлинная и единственная реальность [26, 123]. Первое, что поражает, когда приступаешь к изучению языка, — это то, что для говорящего не существует последовательности этих фактов во времени: ему непосредственно дано только их состояние [26, 114].

Соссюр постоянно подчеркивал, что для синхронного анализа диахрония, по сути дела, никакой реальной пользы принести не может. Из этого, однако, ошибочно было бы делать вывод, что Соссюр отрицал полезность диахронии в лингвистике. Отнюдь нет: деля лингвистику на синхронную и диахронную, он считал, что у каждой есть свои собственные методы и задачи. Соссюр в различных местах своей работы указывал на то, что и исторический метод, и статический метод переплетаются между собой. Проводя различие между синхронией и диахронией и устанавливая примат синхронии, Соссюр подчеркивал, что любое языковое явление изменчиво. Вот положение Соссюра:

...Если кто-нибудь станет предполагать наличие в языке каких-то постоянных признаков, над которыми не властно ни пространство, ни время, тот посягнет непосредственно на основные принципы эволюционной лингвистики. Неменяющихся признаков, по существу, не бывает [26, 266].

Таким образом, Соссюр делал основной упор на синхронном изучении языка. Языкознание еще в XVII и XVIII вв. широко пользовалось синхронным методом, иначе говоря, описательным мето-

дом. Например, авторы «Грамматики Пор-Рояль» 1660 г., написанной по заветам философа Декарта, давали описание языковых категорий лишь в одном, как бы горизонтальном плане, отнюдь не ставя вопроса о возникновении и развитии соответствующих грамматических категорий. Соссюр призывал языковедов вернуться к исходным принципам логической, или рациональной «Грамматики «Пор-Рояль» и разрабатывать их на современном научном уровне.

Рассмотренные положения Ф.де Соссюра явились концептуальной основой европейского языкознания первой половины XX в. Они отвечали научным и практическим задачам своего времени. Однако концентрирование внимания исследователей только на них оставляло без учета многие области языковой деятельности, что поняли уже его непосредственные ученики и последователи, как, например, представители Женевской или, позднее, Лондонской школ в языкознании.

II. Копенгагенская школа в языкознании

Наиболее яркое отражение идеи лингвистического структурализма нашли в датском структурализме и его установках. Это направление возникло в 1931 г. в результате объединения датских языковедов (в основном Копенгагенского университета) в Копенгагенское лингвистическое общество, или копенгагенский кружок. Основателем общества является профессор Луи Ельмслев (1899—1965) (директор института лингвистики и фонетики при философском факультете Копенгагенского университета), а основными представителями были В.Брэндал (1887—1942), Х.Ульдал (1907—1957), а также Сёренсон и некоторые другие лингвисты.

С 1939 г. в Копенгагене стал издаваться журнал «Acta linguistica» («Языковедческие труды») — «Международный обзор структуральной лингвистики», как значится в подзаголовке, под руководством В. Брэндала и Л.Ельмслева (после смерти В.Брэндала, с 1942 г. журнал вел Л. Ельмслев).

Представители Копенгагенской школы хорошо осознавали свою связь с предшествовавшими и современными направлениями в лингвистике. Однако особая роль отводится влиянию идей Ф.де Соссюра.

В качестве первооткрывателя должен быть назван лингвист-теоретик Швейцарец Фердинанд де Соссюр [11, 268].

Основными теоретическими источниками нового направления, как об этом прямо говорит и сам Ельмслев в статье «Метод структурного анализа в лингвистике», являются: 1) учение Ф.де Сос-

сюра о языке и 2) логистическая теория языка, разработанная Уайтхедом и Расселом, а также Венской логистической школой и особенно Карнапом в его работах по синтаксису и семантике.

Из теории Соссюра копенгагенцы взяли прежде всего положения, связанные с пониманием языка как системы, не зависящей от внешних факторов, как чистой структуры отношений.

Логистическая теория языка профессора Карнапа определила понимание Ельмслевым структуры как явления чистой формы и чистых отношений, т. е. каждое научное утверждение должно быть утверждением об отношениях, не предполагающих описания самых элементов, входящих в отношения. Согласно логистической теории языка теоретическая мысль должна сводиться к идеальному языку, в котором каждый символ был бы однозначен. Над созданием подобного языка науки, помимо Карнапа работали и другие ученые из разных стран: Фреге (Германия), Пирс (США), Уайтхед и Б. Рассел (Великобритания), Витгенштейн (Австрия).

Очень важными предпосылками для попыток создания общей теории языка как системы исчислений являлся тот факт, что в результате развития теории математики возникло понятие математики как системы знаков, которая конструируется в соответствии с определенными формальными правилами. Эта система знаков начала обозначаться термином «язык», трактуемым в самом широком смысле, включая и логическое исчисление, и языки различных областей науки, и естественные языки. Последнее стало возможным, потому что по определению математической логики любая система знаков может быть названа «языком» при условии удовлетворения следующим трем требованиям: 1) система имеет совокупность элементарных знаков; 2) обладает правилами образования из элементарных знаков комбинаций знаков, допускаемых в этой знаковой системе; 3) может иметь определенные правила вывода, т. е. правила преобразования одних комбинаций знаков в другие.

Как отмечалось выше, установки датского направления являются наиболее характерными для структурализма. Не случайно В. Брэндалль сам ввел термин «структуральная лингвистика» и в первом номере журнала «Acta linguistica» в 1939 г. написал программу структуральной лингвистики, где подвел итоги прежних лингвистических течений и изложил свою концепцию. Вслед за де Соссюром он излагает точку зрения на язык в его общности (структуре), в его единстве (*langue*) и его тождестве (синхрония). Язык (*la langue*) сравнивается им с понятием вида в биологии и понимается как чисто абстрактное единство, высшая норма для индивидов, совокупность важнейших типов, которые реализуются речью бесконечно разнообразными способами; структуру — как целое, образуемое «солидарными» явлениями, так что

каждое из них зависит от другого и может быть самым собой лишь в отношении к системе и вследствие своего отношения к системе [см. 3].

Поясняя, что представляет собою тождество, единство и структура языка, Брэндал писал следующее:

Под знаком синхронии (или тождества данного языка) объединяется все, что относится к одному и тому же состоянию... Для установления языка (или единицы языка, отождествленной посредством синхронического изучения) собираются все варианты в виде *минимального количества основных и абстрактных типов*, реализацией которых эти варианты являются... Чтобы проникнуть затем в структуру (или языковое целое, тождество или единица которого уже известны), нужно установить между отождествленными и приведенными к единице элементами постоянные, необходимые и, следовательно, определяющие отношения [3, 98].

Целью Брэндала является построение обшей, или логической, грамматики. В связи с этим возникает вопрос о правомерности панхронического или ахронического (а не только синхронического и диахронического) рассмотрения языка, при котором исследуются общечеловеческие факторы, действующие на каждой стадии развития каждого отдельного языка.

Датский структурализм иногда определяют также специальным термином «глоссематика» (от греч. *γλῶσσα* 'язык').

Термин «глоссематика» был введен создателями теории, по их словам, для того, чтобы провести грань между традиционным языкознанием и новым структурным методом исследования. Начиная с 1936 г. на протяжении 40-х и 50-х годов был опубликован целый ряд монографий и статей Л. Ельмслева, Х. Ульдалля и других лингвистов, в которых излагались основные положения глоссематики. Создателем глоссематики принято считать Л. Ельмслева. В 1943 г. в Копенгагене на датском языке вышла его книга, представляющая собой общее введение в глоссематику. В 1953 г. книга была переведена на английский язык, а в 1960 г. — на русский под названием «Пролегомены к теории языка».

В 1957 г. была опубликована работа Х. Ульдалля «**Основы глоссематики**», которая была задумана им вместе с Ельмслевым и также определяет принципы глоссематики. Л. Ельмслев, как отмечалось, — автор большого количества работ, причем первой его крупной работой, в которой уже намечались основы нового Направления, была книга с характерным названием «Принципы всеобщей грамматики» (1928 г.).

Рассмотрим основные положения глоссематической теории языка, опираясь преимущественно на работу Л. Ельмслева «**Пролегомены к теории языка**». «Пролегомены» вызвали оживленные

отклики и продолжают вызывать оживленную дискуссию среди лингвистов всего мира¹.

«Пролегомены», по существу, распадаются на три части. В каждой из них рассматривается определенная проблема таким образом, что каждая последующая исходит из предпосылок предыдущей.

В первой части (разд. 1 — 9) излагаются общие критерии теории языка, во второй (разд. 10 — 20) дается специфика лингвистической теории и в третьей (разд. 21—23) — отношение языка к неязыку.

Первая часть — это, собственно, ключ к пониманию всей работы и ее теоретических установок. Без нее невозможно понять все дальнейшее изложение, поскольку именно в ней содержатся философские предпосылки автора. Ельмслев объясняет причины создания его книги тем, что необходимо, наконец, создать теоретическую базу лингвистики как особой науки в отличие от филологии. По Ельмслеву, филология — это наука, в которой изучение языка и его исторических событий есть средство познания литературных явлений и исторических событий. Напротив, лингвистика — наука о языке и его текстах как таковых.

Ельмслев считает, что лингвистика должна попытаться охватить язык не как конгломерат внеязыковых (т.е. физических, физиологических, психологических, логических, социологических) явлений, но как самодавящее целое, структуру *suigeneris*. Только таким, по его мнению, образом, абстрагируясь от связей, не составляющих внутренней сущности языка, язык может рассматриваться научно.

Лингвистическая наука должна пренебрегать отклонениями и изменениями в речи, поскольку она должна искать «постоянное, лежащее в основе изменений», под чем подразумевается система. Лингвистическая теория, — говорит он, — «должна искать постоянное, не связанное с какой-либо внеязыковой "реальностью"; то постоянное, что делает язык языком, каким бы он ни был, и что отождествляет любой конкретный язык с самим собой во всех его различных проявлениях» [11, 269].

¹ В зависимости от общих философских и общелингвистических воззрений обсуждавших эту работу ученых, она либо подвергалась ожесточенной критике, либо превозносилась. К сожалению, многие лингвисты, критикуя положения Ельмслева, не учитывали цели и стремления автора, те задачи, которые он ставил перед собой, создавая эту работу. В результате большинство критических положений сводится к признанию малой применимости этого труда и его положений к конкретным исследованиям того или другого языка и соответственно к упрекам Ельмслева в том, что он дал слишком мало языковых примеров для и* пояснения или подтверждения. А ведь Ельмслев говорит не об английском, немецком, французском, русском, латинском и т.п. языках, а о языке вообще, как некоей человеческой способности, т.е. он высказывает положения, которые должны подходить и к европейским, и к африканским, и к другим языкам.

Это положение надо понимать в том смысле, что каждый язык имеет определенную систему, определенный каркас и как бы он ни изменялся в речи отдельных лиц, пользующихся им, его основа остается все той же. Что же касается отдельных отклонений, то они определяются не системой, остающейся неизменной, а различными «внеязыковыми» причинами (физиологическими, психологическими, социальными или историческими).

Эмпирическое, атомистическое и субъективистское изучение, как отмечают и Ельмслев, и Ульдаль, и Брёндаль, было характерно для языковедов XIX в. В XX в. точные науки потому ушли далеко вперед по сравнению с гуманитарными, что имеют дело только с одним аспектом действительности — с *отношениями* между вещами, с *функциями*. Такой же подход к исследованию материала предлагается и для лингвистики.

Целью глоссематической теории является **создание метода описания языка**.

Проникнутый духом науки своего времени, для которого характерно тяготение к математике, Л. Ельмслев, как и другие представители копенгагенского направления, стремится к точному исследованию языка при помощи чисто лингвистических понятий. Его цель — «*алгебра языка*, оперирующая неопределенными единствами».

Ельмслев выдвигает тезис о том, что для каждого процесса, включая исторический, можно найти соответствующую систему и на ее основе проанализировать и описать этот процесс посредством ограниченного числа предпосылок. При этом каждый процесс разложим на ограниченное число элементов, постоянно повторяющихся в различных комбинациях. Последние (т. е. элементы) можно объединять в классы по их комбинационным возможностям. На этой основе можно построить всеобщее и исчерпывающее исчисление (*calculus*) всевозможных комбинаций, что и является конечной целью всякой истиннонаучной теории. Если бы история, например, изучалась подобным образом, она поднялась бы над уровнем чисто примитивного описания, став систематической, точной и дедуктивной наукой, в теории которой все события (всевозможные комбинации элементов) предвидятся, а условия их осуществления устанавливаются заранее [см. 11, 270].

Лингвистическая теория, по Ельмслеву, должна исходить из формальной системы предпосылок и давать возможность вывести теоремы. А на основе теории и ее теорем будет возможно строить гипотезы (включая так называемые законы)¹.

¹ Понимание теории Ельмслевым соответствует определению аксиоматических формальных дедуктивных теорий в символической логике, где под аксиоматической дедуктивной теорией понимается такая теория, в которой принимаются за исходные некоторые положения, т. е. аксиомы или постулаты, и из них по определенным правилам вывода логически выводится все содержание теории **Или** цепь теорем.

Цель подобной теории, по его мнению, в том, чтобы указать процедуру, дающую познание или понимание исследуемого объекта. При этом Ельмслев подчеркивает:

...Теория должна быть общей в том смысле, что она должна снабдить нас инструментами для понимания не только данного объекта или объектов, исследованных до этого, но всех мыслимых объектов определенной природы [И, 276].

Подлинно научная теория вооружает исследователя для встречи не только с теми случаями, которые отмечались ранее, но с любым возможным случаем.

По Ельмслеvu, объектами, представляющими интерес для лингвистической теории, являются *тексты*. Так, необходимо создать теорию, способную описать не только какой-то данный датский текст, но и все другие датские тексты, и не только данные, но и вообще все мыслимые и возможные датские тексты.

По мысли Ельмслева, описание исследуемого текста должно быть: 1) свободным от противоречий (самоудовлетворяющим); 2) исчерпывающим и 3) предельно простым.

Требование непротиворечивости предшествует требованию исчерпывающего описания. Требование исчерпывающего описания предшествует требованию простоты.

Требование непротиворечивости диктуется (и проверяется) невозможностью противоречивых теорий в математической теории.

Требование полноты предполагает отсутствие в анализе неопищенного остатка. Каждая операция должна продолжаться или повторяться до тех пор, пока описание не окажется исчерпывающим.

Требование простоты также предполагает сведение сложного объекта к минимальному числу неразложимых элементов.

Описание является простым, если оно, оставаясь последовательным и полным, раскрывает предмет как нечто состоящее из возможно меньшего числа единиц, представляющих собой конечный результат исследования [34, 419].

Однако понятие простоты в глоссематике на этом не исчерпывается и получает совершенно особое содержание.

Объективное описание проще, чем субъективное, потому что оно не предполагает личных склонностей или частного опыта, который входит в понятие субъективности; объективное описание использует только часть человеческого опыта, которая доступна (или может быть доступной) для всех. Последовательное описание проще, чем непоследовательное, потому что противоречие предполагает наличие более чем одного множества исходных идей. Исчерпывающее же описание проще, чем неполное, потому что в любом остатке содержится и скрывается возможность противоречия [34, 416].

Таковы общие теоретические положения, которые Ельмслев выдвигает в своей книге и которые кладутся в основу всего построения.

Переходим к рассмотрению более специфических сторон его лингвистической теории.

По мнению Ельмслева, лингвистическая теория строит систему определений, которая не имеет ничего общего с традиционными лингвистическими определениями, такими как: управление, примыкание, родительный падеж, перфект, сослагательное наклонение, пассив и т. п. Основной недостаток подобных традиционных определений он видит в том, что они не допускают общего определения. Так, родительный падеж, перфект, сослагательное наклонение, пассив — совершенно различные явления в различных языках, даже в таких близких языках, как латинский и греческий.

Итак, вместо привычных определений Ельмслев предлагает **общие универсальные определения**, особенно акцентируя отношения между элементами текста. Так, взаимные зависимости, при которых один член предполагает существование другого, и наоборот, называются **взаимозависимостями (интерденденциями)**. Односторонние зависимости, при которых один член предполагает существование другого, но не наоборот, называются **детерминациями**. А более свободные зависимости, в которых оба члена являются совместимыми, но ни один не предполагает существования другого, — **конstellациями**.

К этим общим значениям для трех видов зависимостей Ельмслев прибавляет специальные обозначения для зависимостей в **процессе** (иначе, в тексте) и в **системе** (иначе, в языке) отдельно [см. 11, 284-285].

Взаимозависимость между членами в процессе называется **солидарностью**, взаимозависимость между членами в системе — **комплементарностью** (пример комплементарноеTM — отношения между существительными и прилагательными или между гласными и согласными).

Детерминация между членами в процессе называется **селекцией**, а детерминация между членами в системе — **спецификацией**.

Уточняя свою систему определений, Ельмслев говорит, что функции между определениями являются, например, детерминация-ми, т. к. наличие определений, помещаемых ранее в процессе (или системе), предполагается последующими определениями, но не наоборот. Далее он уточняет также, что если иерархия определений рассматривается как процесс, между определениями существует селекция; если она рассматривается как система, между определениями наличествует спецификация. Точно так же конstellации в процессе он называет комбинациями, а конstellации **Дии** в системе — автономиями.

По мнению Ельмслева, удобно иметь в своем распоряжении три ряда терминов: один для процесса, второй ряд для системы и, наконец, третий ряд, употребляемый в одинаковой мере как для процесса, так и для системы.

Поясняя эти положения примерами из текстов индивидуальных языков, Ельмслев указывает в качестве примера солидарности солидарность между морфемами (термин «морфема» употребляется в значении флективного элемента). Так, морфема падежа и морфема числа всегда сочетаются в латинском имени.

Селекция — это управление (например, наблюдается селекция между предлогом и падежом).

Комбинация наблюдается, например, между латинским *йБ* и аблативом, где оба элемента могут сочетаться друг с другом, но не обязательно.

Таким образом, анализ, по Ельмслеву, заключается в регистрации некоторых единообразных зависимостей между элементами, которые являются частями текста. Эти элементы Ельмслев называет объектами, а сам анализ — *делением*. Анализ текста ведется по этапам: нерасчлененный целый текст делится на периоды, периоды — на предложения, предложения — на слова, слова — на слоги, слоги — на фонемы. Анализ продолжается до тех пор, пока не будут получены далее неразложимые единицы. В этом случае считается, что анализ доведен до конца.

Если же анализ текста, т.е. деление, не исчерпывается этим и могут быть установлены новые зависимости посредством других, новых делений, то в таком случае Ельмслев предлагает говорить о комплексе анализов. В этом случае анализ текста принимает форму процедуры, состоящей из комплекса делений.

Объект, подвергающийся анализу, — это *класс*, а другие объекты, устанавливаемые последующим делением, — сегменты класса. В самом начале анализа под классом понимается нерасчлененный текст. Продолжая деление, получают дериваты, т.е. сегменты сегментов. Устанавливаются дериваты первой, второй и т.д. степени.

Поскольку, как уже отмечалось, Ельмслев предлагает считать процесс — текстом, а систему — языком, то классы в языковом процессе Ельмслев предлагает назвать *цепями*, а сегменты класса — частями цепи, в то же время классы в лингвистической системе он предлагает называть *парадигмами*, а сегменты класса — членами парадигмы. Текст для Ельмслева — это цепь, и все ее части (например, предложения, слова, слоги и т.д.) — равным образом цепи, за исключением таких конечных частей, которые уже не могут быть подвергнуты анализу [см. 11, 289].

Подобную процедуру в целом Ельмслев называет *дедукцией*. По его мнению, процедура может состоять либо из анализов, и тогда имеют дело с дедукцией, либо из синтезов, и тогда имеют дело с

индукцией. Дедукция идет от класса к отдельному элементу, а *индукция* идет от элемента к классу. Метод индукции был характерен, особенно в прошлом, для гуманитарных наук, в частности для лингвистики. Метод дедукции свойствен всем точным, математическим наукам, и Ельмслев, стремясь превратить лингвистику в точную науку, естественно, кладет его в основу своей методики исследования. Дедуктивные теории всегда имеют чисто формальный характер.

Необходимо отметить, что цель анализа не просто в членении языка на все более мелкие единицы, а, главным образом, в установлении и регистрации *взаимозависимостей*, существующих между членами подвергающегося делению объекта, а также в объединении в классы всех компонентов, являющихся членами одинаковых функций.

Итак, мы переходим к следующему, очень важному для теории Ельмслева понятию — понятию *функции*. Сам автор определяет функцию следующим образом:

Зависимость, отвечающую условиям анализа, мы назовем функцией. Так... существует функция между классом и его сегментом /цепью и ее частями, или парадигмой и ее членами) и между сегментами (частями или членами) [И, 292].

Члены функции он предлагает называть *функтивами*, понимая под функтивом объект, имеющий функцию к другим объектам. Поясняя свое понимание функции, Ельмслев подчеркивает, что он употребляет этот термин «функция» в значении, «лежащим между логико-математическим и этимологическим» [11, 293].

Ельмслев одним из первых попытался систематизировать существующие в языке функции, используя понятия константы и переменной. Под константой понимается функтив, наличие которого является обязательным условием для наличия другого функтива. Соответственно, под переменной понимается функтив, наличие которого не является обязательным условием для наличия другого функтива. Как уже отмечалось выше, Ельмслев подчеркивает целесообразность наличия трех рядов параллельных терминов: общие, в тексте, в системе. Соответственно им выделяются общее наименование функции, функция в тексте и функция в системе. Одновременно, функции различаются по составу функтивов: интердепенденция — функция между двумя константами, детерминация — функция между константой и переменной, констелляция — функция между двумя переменными. Устанавливается, что функции, в состав которых входят константы, объединяются в *когезии*, а функции, в состав которых входят только однородные функтивы (иначе: либо только переменные, либо только константы), объединяются в *реципроции*. Смысл по-

добного объединения функций в классы заключается в том, что все компоненты, оказывающиеся членами одного и того же функционального класса, рассматриваются как структурно-эквивалентные.

Как и Соссюр, Ельмслев всячески подчеркивает, что язык по своей цели прежде всего *знаковая система*. «Знак», по мысли Ельмслева, в противоположность «незнаку», есть носитель значения. При этом все знаки языка, т.е. слова или корни, число которых неограниченно, строятся из незнаков, т.е. фонем или слогов, число которых ограничено.

Такие незнаки, — говорит он, — входящие в знаковую систему как часть знаков, мы назовем фигурами [И, 305].

Таким образом, анализ языка с точки зрения глоссематики в значительной степени оказывается связанным с изучением фигур и их иерархий.

Весь анализ фигур Ельмслев ведет в плане выражения и в плане содержания. Однако понятия «содержание» и «выражение» не истолковываются Ельмслевым в традиционном смысле как значение и звуковой образ. Содержание и выражение — это произвольно выбранные обозначения для двух функций знака.

Мы ввели здесь термины *выражение* и *содержание* как обозначение функций, включающихся в знаковую функцию. Это чисто операциональное и формальное определение, и в данном контексте не следует придавать терминам «выражение» и «содержание» другого значения [11, 306].

Выражение и содержание нельзя также сравнивать с формой и субстанцией, так как Ельмслев пользуется последними двумя понятиями как в плоскости выражения, так и в плоскости содержания и говорит о форме выражения и субстанции выражения и соответственно о форме содержания и о субстанции содержания. Здесь Ельмслев развивает положение Соссюра, который утверждал, что язык, вырабатывающий свои единицы между двумя бесформенными массами («массой» мысли и «массой» звуков) есть форма, а не субстанция. Как бесформенная «масса» мыслей, так и бесформенная масса звуков существуют лишь как субстанция для формы. Форма содержания и соответственно форма выражения преобразуют эту «массу», формируют ее. Поясняя эти положения Ельмслева, можно сказать, что в плане выражения имеется субстанция выражения или фонетический материал, который может быть общим для целого ряда языков. Из этого материала создается форма выражения, т.е. способ использования звуков в данном конкретном языке. «Один и тот же материал выражения может быть сформирован различно в разных языках», — говорит Ельмслев, приводя в доказательство различное произношение города Берлина: англ. ['balin], нем. [bɛr'li:n], японское [berulin] [11, 314].

Эти же два элемента, субстанцию и форму, мы обнаруживаем и в плане содержания. Субстанцией содержания оказывается субстанция языкового мышления. По мнению Ельмслева, «...Нет основания для предположения, что субстанция содержания (мысль) и субстанция выражения (поток звуков) предшествует языку во времени или в иерархическом ряду, или наоборот» [11, 308].

Более того, «...Субстанция зависит от формы в такой степени, что существует исключительно благодаря ей и никоим образом не имеет независимого существования» [11, 308].

Субстанция содержания имеет один и тот же для всех языков исходный материал. Форма содержания у каждого языка своя собственная и неповторяемая.

Сам Ельмслев приводит следующий пример в доказательство своего положения [11, 309]:

jeg **vedd det ikke** (дат.)
I do not **know** (англ.)
Je ne **sais pas** (фр.) я не знаю
naluvara (эским.)

Неоформленный материал в этих лингвистических цепях (например, в эскимосском «не—знающий» «есть—я—это» и глагол, образованный от *nalo* 'невежество' с суффиксами для 1-го лица субъекта и 3-го лица объекта [И, 309—310].

Решающей для Ельмслева является форма. Субстанция же, по его мнению, нелингвистический предмет, изучать который должны различные специальные неязыковые науки (физика и психология); причем последние должны анализировать языковой материал (субстанцию), совершенно отвлекаясь от языковой формы. В противоположность им лингвистика: «...Может и должна изучать языковую форму, отвлекаясь от материала, который может быть подчинен этой форме в обоих планах» [И, 335].

Форма содержания, по его словам: «Независима и произвольна в отношении к материалу и формирует его субстанцию содержания» [11, 310].

По Ельмслеву, язык нужно изучать только как форму, только как модель, что и является ее специальной задачей. При этом, как мы видим, Ельмслев отмечает, что рассмотрение либо выражения, либо только содержания не дает возможности понять структуру языка и что последнее возможно лишь при учете взаимодействия обоих планов.

Из того факта, что только форма является предметом рассмотрения, в то время как субстанция не имеет значения, вытекает важное следствие, поскольку этот факт дает возможность перенести познания, полученные при помощи естественного языка, на всякую аналогичную структуру и наоборот. По мысли Ельмслева, предметом исследования лингвиста следует считать

не только «естественный», каждодневный язык, но и любую «семиотику», т.е. «любую структуру, аналогичную языку», поскольку она тоже представляет собой иерархию, в которой каждый сегмент допускает дальнейшее деление на классы. В этом плане язык (в обычном смысле) может рассматриваться как особый, специальный случай более общего объекта [см. 11, 361–362]. Лингвист, хотя и должен сосредоточивать свое внимание на изучении естественных языков, обязан помнить о существовании других семиотических структур. Отсюда Ельмслев делает вывод о целесообразности установления общих положений для огромного круга дисциплин (от литературы, искусства, музыки, истории — до логики и математики), с тем чтобы на основе этих положений все указанные науки концентрировались вокруг ряда лингвистически определенных проблем. Таким образом, на основе взаимного сотрудничества окажется возможным создать общую энциклопедию знаковых структур. Как видим, Ельмслев придерживается здесь уже высказанного де Соссюром понятия семиологии (семиотики) как науки о системах знаков. Однако в отличие от Соссюра он «освобождает» знак от его социологической и психологической основы.

Одним из наиболее важных для понимания концепции Ельмслева является его положение о том, что: «...Сущности языковой формы имеют алгебраическую природу и не имеют естественного обозначения» [11, 360].

Отсюда он делает вывод о том, что их можно произвольно обозначать самыми различными способами. Иначе говоря, с точки зрения глоссематики не имеет значения, оперирует лингвист языковыми единицами или алгебраическими знаками. Эти различные возможные обозначения не затрагивают теории языковой схемы, так как остов отношений между единицами остается неизменным. В силу этого можно заменить «субстанцию звука, мимики или жеста» на любую другую. Таким образом, звуковая субстанция, т.е. та же самая языковая форма, может манифестироваться (проявляться) в письме. Кроме письма, могут быть и другие «субстанции», например, азбука Морзе, морские коды флажками, язык жестов у глухонемых и т.д.

По Ельмслеву, для науки не существенно, в какой субстанции манифестируется языковая форма, но для науки чрезвычайно важна исчерпывающая регистрация отношений между исследуемыми единицами. По его мнению, нужно иметь «метод, позволяющий в совершенно определенных условиях свести две сущности к одной» или «отождествить две сущности», иначе говоря, нужно иметь метод установления элементов:

...Во многих частях текста... встречается много образцов каждого сложного предложения, каждого простого предложения, каждого слова и т.д.

Эти образцы Ельмслев предлагает называть *вариантами*, а сущности, образцами которых они являются, — *инвариантами* [11, 320].

Операция, позволяющая на каждом этапе анализа устанавливать элементы, называется *коммутацией*. Она применима ко всем пластам языка и заключается в том, что, если замена какого-либо элемента одного плана другим элементом того же плана вызывает изменение в противоположном плане языка, указанные два элемента рассматриваются как *комму табельные*, т. е. как самостоятельные элементы системы, иначе говоря, инварианты. Если же при подмене одного элемента какого-нибудь плана другим элементом того же плана не происходит изменения в противоположном плане, два взаимозаменяемые элемента рассматриваются как варианты одного инварианта. Подобное явление называется *субституцией*.

Понятие инвариантов — вариантов позволяет на каждом этапе анализа отождествлять элементы, сводить их к некоторому ограниченному перечню простейших элементов. При этом, как подчеркивают Ельмслев и другие представители глоссематики, опыт замены дает возможность выделить ограниченное число составляющих не только в плане выражения, но и в плане содержания. Последнее положение чрезвычайно важно, поскольку предыдущие направления разработали методику установления инвариантов (в данном случае фонем) только для плана выражения. Ср., например, инварианты плана выражения [e—a] в *pet—pat*. По Ельмслеву, сопоставление возможно в обоих планах. Например, *ram—he—sheep* будет отличаться от *ewe—she—sheep* точно так же, как *si* будет отличаться, например, *om fl* [11, 328]. При этом и элементы плана выражения, и элементы плана содержания глоссематики стремятся разложить на ограниченное число составляющих их незначков (иначе фигур). Так, например, содержание *кобыла* предстает как *лошадь + она; жеребец = лошадь + он* и т. д.

Ельмслев и другие представители Копенгагенской школы считают, что глоссематика, исходящая из сугубо формальных критериев, возможно, может послужить базой для создания однотипных описаний различных языков. В этом случае исходят из положения о том, что математическим путем можно исчислить все возможные связи и зависимости каждого языкового элемента. Важно подчеркнуть, что при подобном исчислении устанавливаются все лингвистически возможные связи и отношения, которые установлены теоретически, независимо от того, реализованы они в каком-либо из существующих языков или нет. После этого, определив, какие из возможностей, допускаемых общим исчислением, действительно реализуются в том или ином конкретном языке, можно было бы создать типологическую классификацию языков. Сам Ельмслев по этому поводу пишет:

Главная задача теоретика — выявить путем определений структуральный принцип языка, из которого может быть дедуцировано общее исчисление в форме типологии, категориями которой являются индивидуальные языки, или вернее, индивидуальные языковые типы [И, 361].

Следует отметить, что глоссематика стремилась быть универсальной теорией языка, иначе говоря, основной и единственно возможной. Между тем, как отмечают многие языковеды, существующие работы по глоссематике не дают ответа на очень большое число практических и даже теоретических вопросов¹.

Положительным моментом глоссематической теории является стремление разработать точный метод анализа, опирающийся на аппарат математической логики².

III. Пражская школа

Пражская школа — это одно из основных направлений структурализма, причем именно в Праге последний впервые оформился как цельное течение в современной лингвистической науке³.

¹ В философском плане глоссематическая теория опирается на логический позитивизм. Именно влиянием логического позитивизма в значительной мере объясняется признание объектов лишь точками пересечения, пучками отношений. «Наивным реализмом» объявляется признание объектов действительности. Влиянием логического позитивизма объясняется стремление отмежеваться от философии, от философских проблем, заявляя, что эмпирические науки не зависимы от философии. Влиянием логического позитивизма объясняется и утверждение о невозможности проверки (подтверждения или опровержения) лингвистической теории существующими текстами и языками, т.е. практикой.

² Из математической логики в глоссематику вошли многие математические понятия: понятие функции, константы и переменной, языка — объекта и метаязыка и др.

³ Пражский кружок издавал с 1929 по 1939 г. серию «Труды Пражского лингвистического кружка» («Travaux du Cercle linguistique de Prague»), а с 1935 г. — журнал «Slovo a s1bvesnost».

Пражский кружок был основан в 1926 г. профессором Вилемом Матезиусом (1882—1945), известным англистом и специалистом по общему языкознанию, занимавшимся преимущественно разработкой вопросов синтаксиса и фонологии. Кружок В. Матезиуса объединил ряд молодых языковедов, славистов и германистов, стремившихся к разработке структурных методов исследования в лингвистике и литературоведении. Всех этих ученых больше объединяли общие интересы и общий подход к определенным проблемам лингвистики, чем единые рабочие методы. В кружок вошли чехословацкие языковеды Богумил Трнка, Богуслав Гавранек, Йозеф Вахек, Владимир Скаличка, Людовит Новак, Карел Горалек, Павел Трост, Ян Мукаржевский и др., в его работе принимали деятельное участие русские лингвисты Николай Сергеевич Трубецкой (1890—1938); Роман Осипович Якобсон (1896—1982) и Сергей Осипович Карцевский (1884—1955). Работа Пражского лингвистического кружка велась в тесном содружестве с наиболее выдающимися учеными мира. Среди них можно назвать Л. Блумфилда (США), К. Бюлера (Австрия), Л. Ельмслева (Дания), А. Ф. де Гроота (Голландия), Г. Улашина (Польша), Д. Джоунза (Англия), А. Мартине (Франция) и др. Особенно тесной была связь с русскими языковедами Е. Д. Поливановым, Г. О. Винокуром, Б. В. Томашевским, Н. Н. Дурново и др.

Философской основой Пражской школы являются теория познания неопозитивизма и феноменология Э.Гуссерля. Возникновение Пражской школы было обусловлено не только закономерными тенденциями развития мировой науки вообще, но и, в частности, некоторыми особенностями развития науки о языке в Чехословакии. Так, здесь, с одной стороны, наблюдалось преобладание младограмматизма, а с другой — уже в конце XIX — начале XX в. в работах ряда языковедов появлялись положения, созвучные идеям Соссюра. В частности, на В. Матезиуса, основателя кружка, большое влияние оказали взгляды А. Марти, работавшего в Праге. Значительную роль на представителей кружка оказали также положения И. А. Бодуэна де Куртенэ, Л. В. Щербы, Ф. Ф. Фортунатова и других создателей русской лингвистической традиции.

Как и другие направления структурализма, Пражская школа с самого начала противопоставила свою лингвистическую концепцию положениям младограмматического направления, его историзму и атомизму. По мнению Б.Трнки, о Пражской школе можно говорить как о **школе функциональной лингвистики**, поскольку понятие функции пронизывает все области исследований пражцев. Они понимают язык как функциональную систему, т.е. «систему средств выражения, служащих определенной цели». Таким образом, понятие функции привело к необходимости принятия пражцами так называемой *телеологической* точки зрения. Любое языковое явление рассматривается с точки зрения той функции, которую оно выполняет, и той цели, к которой оно направлено. Поэтому при изучении языка они тщательно исследуют различия лингвистических функций и способы их реализации в тех или иных языковых явлениях. По их мнению, звуковая и грамматическая структура языка и его словарный состав меняются именно в зависимости от этих функций и способов. Понятие «функции» не определяется пражцами в математическом смысле, как выражение строгой зависимости. Именно поэтому, как это отмечают сами представители кружка, «термин "функция" означает здесь, разумеется, задачу, а не зависимость» [6, 250]. По словам пражцев, лингвистической особенностью школы является «прежде всего структуральность: пражские языковеды вводят в лингвистическую проблематику проблему структуры — проблему структурного характера языка и взаимосвязанности его частей». Но для них не характерно ортодоксальное следование таким новым положениям во взглядах Ф.де Соссюра, как взгляд на язык как на систему чистых отношений, строгое разграничение внутренних и внешних языковых явлений, языка (*langue*) и речи (*parole*).

Правда, в фонологических трудах Н. С.Трубецкого эта дихотомия (разделение на язык и речь) явилась основой разделения науки о звуках на фонологию и фонетику. Но в работах других пред-

ставителей Пражского лингвистического кружка, таких, например, как В. Матезиус и Е. Коржинек, это положение Соссюра было осмыслено и отражено совершенно самостоятельно и по-другому.

Как известно, одним из важнейших моментов концепции Ф.де Соссюра является категорическое разграничение синхронии и диахронии при изучении языка, причем примат, предпочтение отдается синхронической точке зрения. Пражцы, как и Ф.де Соссюр, объявляют синхронный анализ лучшим способом познания сущности и характера языка. Однако они добавляют, что между синхронным и диахронным методами нет непроходимых преград.

...Нельзя воздвигать непреодолимые преграды между методом синхроническим и диахроническим, как это делала Женевская школа. Если в синхронической лингвистике элементы системы языка рассматриваются с точки зрения их функций, то о претерпеваемых языком изменениях нельзя судить без учета системы, затронутой этими изменениями. Было бы нелогично полагать, что лингвистические изменения — не что иное, как разрушительные удары, случайные и разнородные с точки зрения системы. Лингвистические изменения часто имеют своим объектом систему, ее упрочение, перестройку и т.д. Таким образом, диахроническое изучение не только не исключает понятия системы и функции, но и, напротив, без учета этих понятий является неполным [28, 18].

С другой стороны, как подчеркивают пражцы, синхроническое описание также не может исключить понятие эволюции, поскольку каждая существующая стадия сменяется стадией, находящейся еще в процессе формирования, что проявляется в стилистических элементах языка типа архаизмов и существующем различии между продуктивными и непродуктивными формами. Последнее вызвано тем, что речь изменяется непрерывно. Соответственно пражцы призывают к структурному истолкованию исторического развития языка.

Таким образом, пражцы, в отличие от Ф.де Соссюра **стремятся к сближению синхронического и диахронического анализа**. Язык является системой, которая находится в определенном движении во времени. Поэтому они считают, что при исследовании развития отдельных явлений нужно иметь в виду всю систему, ибо только тогда можно прийти к удовлетворительным результатам. Даже при реконструкции элементов языка следует учитывать всю систему языка в целом. Ведь конечные цели исторического и структурно-реконструктивного исследования, по мысли пражцев, по сути дела, не отличаются от задач синхронного структурного исследования, поскольку и в том и в другом случае необходимо выявить определенные языковые связи и закономерности.

Примером подобных работ могут служить работы Р. О.Якобсона, создавшие основы для разработки диахронической фонологии, а также работы В.Матезиуса, Б.Трнки, Б.Гавранка. В иссле-

довательской практике пражцы сосредоточили свое внимание на синхронном изучении языка.

Представители Пражского кружка в отличие, например, от Копенгагенской школы не стремились выработать некий новый глобальный объективный метод описания языка. С новых позиций они стремились изучать целый ряд проблем: фонологии, грамматики, типологии, форм существования и функционирования литературного языка. Но центральным звеном исследования явились вопросы фонологии.

1. Проблемы фонологии

Представители Пражской школы основывались в своих фонологических изысканиях, с одной стороны, на идеях И.А.Бодуэна де Куртенэ, Н.В.Крушевского и частично Л.В.Щербы, с другой стороны, на идеях Ф.де Соссюра. Синхронный подход к языковым явлениям обеспечил представителям Пражской школы определенное решение вопроса о том, что является фонемой, что входит в задачи фонологии и какова связь между фонологией и фонетикой. Наиболее важными в этом плане являются работы Н.С.Трубецкого, Р.О.Якобсона, В.Матезиуса, Б.Трнки, Б.Гавранка, И.Вахека.

Уже на I Международном конгрессе лингвистов в 1928 г. Р.Якобсон, С.Карцевский, Н.С.Трубецкой предложили тезисы, в которых совершенно самостоятельно и оригинально развивалась теория Ф.де Соссюра о функциональной языковой системе, согласно которой существенную роль в языке играет не материальная сторона звуков, а их контрастные противопоставления. Тезисы были приняты Конгрессом, причем в разрабатываемую программу современного лингвистического исследования впервые был введен новый термин «фонология».

По мнению пражцев, задача фонолога заключается, во-первых, в установлении фонологических элементов исследуемой фонологической системы (их возможных комбинаций) и их взаимоотношений и, во-вторых, в определении, каким способом и в какой мере каждый описываемый язык использует эти фонологические элементы и их всевозможные комбинации. Мера конкретного использования фонологических элементов, под которыми понимаются фонемы и их признаки, устанавливается отношением количества реализаций к количеству возможностей, имеющих в словарном составе или в потоке речи. Например, В.Матезиус в результате анализа словарного состава разных языков (в частности, чешского, немецкого, английского и французского) пришел к выводу, что разные языки «используют фонологические элементы с неодинаковой экономичностью». Так, чешский язык содержит большее количество согласных фонем и может в большей мере использовать их для образования различных комбина-

ций, чем немецкий. Английский и французский языки используют согласные фонемы еще более экономично, чем немецкий [см. 28, 70-76].

Наиболее исчерпывающе и систематично взгляды представителей Пражской школы в области фонологии изложены в работе Н.С.Трубецкого «Основы фонологии», которая представляет собой лишь первую часть задуманного автором всеобъемлющего труда.

В основу своей фонологической концепции Н.С.Трубецкой положил сосюрсовское деление речевой деятельности на язык и речь. Соответственно Трубецкой из области ведения традиционной фонетики выделил две самостоятельные специальности: *фонетику* в собственном смысле как область изучения звуков с физиолого-акустической точки зрения и *фонологию*, предметом которой являются не звуки, а единицы звукового строя — фонемы. Фонетика относится к речи; фонология относится к языку как к системе. Тем самым фонетика и фонология, с точки зрения Трубецкого, — это две самостоятельные дисциплины:

Мы будем называть учение о звуках речи фонетикой, а учение о звуках языка — фонологией [33, 9].

Единственной задачей фонетики, по Трубецкому, является ответ на вопрос: Как произносится тот или иной звук? Фонетика — это наука о материальной стороне (звуков) человеческой речи. А поскольку, по мнению автора, у этих двух наук о звуках разные объекты изучения: конкретные речевые акты у фонетики и система языка у фонологии, то к ним должны применяться и различные методы исследования. Для изучения фонетики предлагалось использовать чисто физические методы естественных наук, а для изучения фонологии — собственно лингвистические методы¹.

При установлении понятия фонемы — основной фонологической единицы — Н.С.Трубецкой выдвигает на первый план ее смыслоразличительную функцию. Так, звуки, которые являются предметом исследования фонетики, обладают большим числом акустических и артикуляторных признаков. Но для фонолога большинство признаков совершенно несущественно, так как они не функционируют в качестве различительных признаков слов. Фонолог должен принимать во внимание лишь то, что в составе звука выполняет определенную функцию в системе языка. По его

¹ В том, что Трубецкой приравнивает фонетику к естественным наукам, сказывается влияние К.Бюлера, лингвиста, философа и психолога. Само же^с разделение фонетики и фонологии было подготовлено не только положением¹ Ф.де Соссюра, но также, по словам самого Н.С.Трубецкого, идеями И.А.Бодуэна де Куртенэ, Л.В.Щербы и Е.Д.Поливанова. В соответствии с моделью языка К. Бюлера Трубецкой выделяет *экспрессивную, апеллятивную и экспликативную* фонологию.

мнению, поскольку звуки имеют функцию различения и обладают значимостью, они должны рассматриваться как организованная система, которую по упорядоченности структуры можно сравнивать с грамматической системой.

С этих позиций Трубецкой разбирает имевшиеся определения фонемы, принимая или отвергая ряд положений. Прежде всего он утверждает, что при определении фонемы не следует пользоваться категориями психологии, так как фонема — языковое, а не психологическое понятие. Здесь Трубецкой выступает против психологизма в определениях И.А.Бодуэна де Куртенэ и Н.Ван-Вейка. Согласно определению Ван-Вейка, фонемы образуют категорию языковых элементов, которые «наличествуют в душе всех членов данной языковой общности».

По Трубецкому, фонему нельзя понимать и как звуковой тип, как это делает известный английский фонетист Д. Джоунз. «Фонема не может получить удовлетворительного определения, если исходить из ее психологической природы или из ее отношения к фонетическим вариантам; фонему можно определить, только исходя из ее функции в языке» [32, 49]. С этих позиций Трубецкой отвергает и понятия «микрофонемы» и «макрофонемы» В.Ф.Тводелла в работе «Об определении фонемы» (1935). По его мнению, эти понятия ведут к автоматизации фонологии и усложнению теории фонемы, но не способны заменить предложенного им определения. Н. С.Трубецкой поддерживает положение Тводелла¹, что фонема является абстрактной единицей, а не физической или психической реальностью [см. 33, 50]. Н.С.Трубецкой дает следующее определение фонемы:

Фонологические единицы, которые с точки зрения данного языка невозможно разложить на более краткие, идущие друг за другом, фонологические единицы, мы называем фонемами. Следовательно, фонема является кратчайшей фонологической единицей языка [33, 42— 43].

С точки зрения Пражской школы, фонемы реально произносимы. Будучи научной абстракцией, фонемы реализуются в различных оттенках или вариантах, которые произносимы. Но сама фонема как абстрактное единство всех оттенков реально произносима. Трубецкой пишет:

Конкретные звуки, слышимые в речи, являются скорее лишь материальными символами фонем... Звуки никогда не являются самими фонемами, поскольку фонема не может содержать ни одной фонологически несущественной черты, что для звука речи фактически неизбежно [33, 45].

¹ Фонологически несущественный означает «не являющийся различительным».

В своей работе Н. С. Трубецкой устанавливает также практические правила выделения фонем, разбивая их на два типа: 1) правила различения *фонем* и *вариантов* и 2) правила различения *фонемы* и *сочетания фонем*.

Правила первого типа устанавливают, при каких условиях два звука следует рассматривать как реализацию двух разных фонем, а при каких — как два фонетических варианта одной фонемы. Для этого Трубецкой предлагает следующие четыре правила [см. 33, 53-58].

1. Если в том или ином языке два звука встречаются в одной и той же позиции и могут замещать друг друга, не меняя при этом значения слова, то такие звуки являются факультативными вариантами одной фонемы. Здесь могут быть разные случаи, поскольку по своему отношению к языковой норме факультативные варианты делятся на общезначимые и индивидуальные. К общезначимым вариантам произношения относятся такие, которые не считаются ошибкой или отклонением от нормы. Напротив, индивидуальные считаются главным образом местными, социальными, патологическими и иного рода отклонениями от нормы. С функциональной точки зрения факультативные варианты распадаются на стилистически существенные и стилистически несущественные. Стилистически существенные варианты выражают различия между различными языковыми стилями, как взволнованно эмоциональный, небрежно фамильярный и т.д. Ср. нем. удлинение согласного перед ударными гласными как *ssoo? schschon!*, которые используются для выражения эмоциональных нюансов речи.

2. Если два звука встречаются в одной и той же позиции и не могут при этом заменить друг друга без того, чтобы не изменить значения слова, или не исказить его до неузнаваемости, то эти звуки являются реализациями двух разных форм. Например: немецкие звуки / и a: ср. *Blppe* — 'губа', *Lappe* — 'тряпка', *Fisch* — 'рыба' — *Fasch* (слово искажено до неузнаваемости).

3. Если два акустически (или артикулярно) родственных звука никогда не встречаются в одной и той же позиции, то они являются комбинаторными вариантами одной и той же фонемы. Например; разные варианты русского *a* (предударные и заударные позиции).

4. Два звука, во всем удовлетворяющие условиям третьего правила, нельзя тем не менее считать вариантами одной фонемы, если они в данном языке могут следовать друг за другом как члены звукосочетания, притом в таком положении, в каком может встречаться один из звуков без сопровождения другого. Например, как предполагает Трубецкой, в английском языке [г] может находиться только в положении перед гласными, а [э] — только в положении перед согласными. Эти звуки по их неопределенному тембру мож; но было бы рассматривать как комбинаторные варианты одной

фонемы. Однако это невозможно, так как в таких словах, как *profession* (произносится [prɜːfɛjɪn]), звуки [г] и [э] следуют друг за другом, в то время как в других словах, например в слове *perfection* (произносится [pɛɪrˈfɛkʃən]), в том же самом положении встречается только один из этих звуков, а именно [э]. Последнее правило, как показал опыт исследователей, является весьма спорным.

Н.С.Трубецкой сформулировал также основные положения установления **однофонемности** или **многофонемности**, согласно которым однофонемную значимость могут иметь только те сочетания звуков, составные части которых не распределяются по двум слогам; которые образуются единой артикуляцией; длительность ее не превышает нормальную длительность одного звука. Из этих положений вытекают следующие шесть правил [см. 33, 62–68].

1. Реализацией одной фонемы можно считать только сочетание звуков, составные части которого в данном языке не распределяются по двум слогам. Например, в русском, польском, чешском и других языках группа звуков *ts*, составные части которой входят в один слог, является одной фонемой.

2. Группу звуков можно считать реализацией одной фонемы, если она образуется с помощью одной артикуляции или в процессе постепенного убывания или сокращения артикуляционного комплекса. Например, в английском языке дифтонги *ei* или *oi* имеют значимость единых фонем.

3. Группу звуков следует считать реализацией одной фонемы, если ее длительность не превышает длительности других фонем данного языка. Например, чешский *oi* превышает длительность долгих гласных чешского языка, благодаря чему *oi* можно считать реализацией группы фонем.

4. Потенциально однофонемную группу звуков следует считать реализацией фонемы, если она встречается в таких положениях, где по правилам данного языка недопустимы сочетания фонем определенного рода. Например, некоторые языки не терпят скоплений согласных в начале слова. Соответственно такие группы, как *ph*, *th*, *kh*, *tsch* и т.п., в японском, монгольском и тюркских языках следует рассматривать как одну фонему.

5. Группу звуков, отвечающую требованиям, сформулированным в правилах 1 – 3, следует считать простой фонемой, если последнее вытекает из всей системы данного языка. Например, в таких языках, как чеченский, грузинский, группы согласных *ts* [tsʰ] следует рассматривать как реализацию одной фонемы, а не сочетания фонем в соответствии с фонологической системой этих языков.

6. Если составная часть потенциально однофонемной группы звуков не может быть истолкована как комбинаторный вариант какой-либо фонемы того же языка, то вся группа звуков должна рассматриваться как реализация одной фонемы.

Первые три правила предлагают лингвисту при описании фонологической системы языка исходить из данных фонетики. Последние правила, напротив, основаны на истинно структурном подходе к фонологической системе.

По мнению Трубецкого, каждое слово можно разложить на фонемы, представить как определенный ряд фонем. Поэтому получается, что: «...Каждое слово должно содержать столько фонем и в такой последовательности, чтобы можно было его отличить от других слов; ряд фонем, составляющих целое, присущ лишь данному единичному слову, но каждая отдельная фонема этого ряда встречается в качестве различительного признака также и в других словах» [33, 43].

Необходимо отметить, что фонемы, по мнению Трубецкого, с одной стороны, являются фонологическими признаками для вышестоящих фонологических структур, а именно слов, а с другой стороны, сами характеризуются признаками, среди которых надо выделять различительные и неразличительные. Так, прагмы выдвигают учение о различительных признаках фонемы, называемых иначе *дифференциальными*, т.е. признаками, которые отличают одну фонему от другой. Для установления системы фонем первое место отводится именно этим различительным признакам, поскольку, как подчеркивает Трубецкой, звуки участвуют в фонологических (смыслоразличительных) оппозициях лишь благодаря своим фонологически существенным признакам. Что такое различительный признак? Рассматривая детально отношение двух членов противопоставления, Трубецкой приходит к выводу о том, что *б* от *п* отличает, например, наличие голоса при *б* — отсутствие голоса при *п*. При *б* — активно работают голосовые связки, при *п* — активной работы голосовых связок нет. Следовательно, один член противопоставления этим качеством не обладает. То же самое можно сказать о /*я* — *д*, /*с* — *г* и т.д. Фонема, по мнению Трубецкого, представляет собой совокупность ее фонологически существенных признаков, общих для всех ее вариантов. Это Трубецкой называет фонологическим содержанием фонемы.

Разработка проблемы различительных признаков получила дальнейшее развитие в работах Б.Трнки и особенно Р.О.Якобсона.

Положения Ф.де Соссюра о том, что в языке даны лишь различия, что язык — это система отношений, были положены Трубецким в основу его фонологического учения. Поэтому в своей книге «Основы фонологии» Трубецкой, раскрывая содержание понятия фонемы, исходит из установления и анализа противопоставлений (или *оппозиций*) различных фонем. Н.С.Трубецкой следующим образом устанавливает сущность фонологического противопоставления: Фонологическое противопоставление или оппозиция — это «такое противоположение звуков, которое в данном языке может дифференцировать интеллектуальное значение.

Каждый член такой оппозиции мы называем фонологической (или смысловозначительной) единицей» [33, 41].

Поскольку Трубецкой настоятельно подчеркивает, что в фонологии основная роль принадлежит не фонемам, а смысловозначительным оппозициям, исследование различных типов фонологических оппозиций приобретает особое значение. Трубецкой прежде всего оговаривает, что противоположение (оппозиция) предполагает не только те признаки, которыми члены оппозиции отличаются друг от друга, но и те признаки, которые являются общими для обоих членов оппозиции.

Критериями классификации фонологических оппозиций являются: А) отношения к системе оппозиций в целом; Б) отношение между членами оппозиций; В) объем их смысловозначительной силы [см. 33, 74–93].

А. По отношению ко всей системе оппозиций в целом фонологические противопоставления подразделяются на два типа оппозиций: одномерные и многомерные. *Одномерные* оппозиции — это такие оппозиции, в которых совокупность общих признаков, являющихся основанием для сравнения, присуща только какому-то двум членам данной оппозиции и не присуща большому никакому другому члену системы. В противоположность этому в многомерных оппозициях совокупность общих признаков, не ограничиваясь только двумя членами данной оппозиции, распространяется также и на другие члены этой системы оппозиций. В любой системе оппозиций *многомерные* противопоставления численно превышают одномерные. Так, например, в немецком литературном языке, по Трубецкому, возможно при наличии 20 согласных фонем 190 оппозиций, из которых 13 одномерны, а именно: *b-p, d-t, g-k, b-m, d-n, g-rj, pf-fʷ, k-ch, tz-ss, f-w, ss-s, ss-sch, r-L*. Одномерные фонологические оппозиции, хотя их гораздо меньше, наиболее существенны для определения фонологического содержания фонемы и, следовательно, играют очень значительную роль в структуре фонологической системы.

Многомерные оппозиции делятся на *гомогенные* (однородные) и *гетерогенные* (неоднородные). Однородными оппозициями называются такие многомерные оппозиции, члены которых являются «крайними точками "цепочек" из одномерных оппозиций». Например, нем. *u-e* можно представить как крайние точки «цепочки» *u-dʷ o-d, d-e*. Напротив, оппозиция *r-* является неоднородной. Однородные многомерные оппозиции делятся на прямолинейные и непрямолинейные, в зависимости от того, какая цепная связь устанавливается между членами оппозиции: с помощью одной «цепочки», как нем. *x-k-g-n*, или ряда цепочек (ср.: *u-o-o-e* или *u-ÿ-o-e*, или *u-ÿ-i-e*, или *u-o-a-ci-e*).

Б. По отношению между членами оппозиции различают: привативные оппозиции, ступенчатые (градуальные) оппозиции и равнозначные (эквивалентные) оппозиции:

а) *привативными* называются оппозиции, один член которых характеризуется наличием, другой — отсутствием признака, например, «звонкий—незвонкий»; и т.д. Член оппозиции, который характеризуется наличием признака, называется *маркированным*, а член оппозиции, у которого признак отсутствует, — *немаркированным*. Это понятие маркированных и немаркированных членов отношения широко используется в современном языкознании;

б) *градуальными (ступенчатыми)* называются оппозиции, члены которых отличаются различной степенью (или градацией) одного и того же признака. Например, оппозиция между разными степенями раствора у гласных (ср. нем.: *u—o, ÿ—ø, i—e*). Градуальные оппозиции, по мнению Трубецкого, не так важны, как привативные;

в) *Эквивалентными (равнозначными)* являются оппозиции, оба члена которых «логически равноправны, то есть не являются ни двумя степенями какого-либо признака, ни утверждением или отрицанием признака». Например, нем. *p—t, f—k* и т.д. Эквивалентные оппозиции — самые часто встречающиеся в любом языке. Однако они не так существенны, как привативные.

Две фонемы, которые являются членами логически привативной, пропорциональной, одномерной оппозиции, образуют коррелятивную пару. Совокупность всех коррелятивных пар, обладающих одним и тем же коррелятивным признаком, образует корреляцию. Коррелятивный признак — это фонологический признак, наличие или отсутствие которого характеризует ряд коррелятивных пар (например, назализация гласного, которая различает во французском языке коррелятивные пары: *an [a] — a, on [ɔ̃] — o, in [ɛ̃] — e, un [dɛ̃] — eÿ*. Как отмечает Трубецкой, можно выделить разные типы корреляций: корреляция звонкости (*d—t, b—p, g—k, z—s*), корреляции количества (*a—a, i—I, o—ø*) и т.д. Корреляции образуют пучки корреляций, структура которых очень разнообразна и зависит как от числа участвующих корреляций, так и от их взаимных отношений. Чаще всего образуются трехчленные или четырехчленные пучки корреляций. Например, в древнеиндийском языке смычные участвуют одновременно и в корреляции звонкости и в корреляции придыхания. В древнеиндийском образуются четырехчленные пучки [см. 33, 97]:

<i>p-ph</i>	<i>k-kh</i>	<i>t—th</i>
<i>b-bh</i>	<i>g-gh</i>	<i>d-dh,</i>

а в древнегреческом — трехчленные:

TZ
K
X
 P ФУ хб ф

В. По объему смыслообразительной силы оппозиции делятся на постоянные и нейтрализуемые [см. 33, 86–88].

Нейтрализуемыми являются оппозиции, в которых специфические признаки членов противопоставления теряют свою фонологическую значимость; в качестве действительных (релевантных) остаются только признаки, являющиеся общими для обоих членов оппозиции. Такие положения Трубецкой называет положениями или позициями нейтрализации. Положения, при которых оппозиция сохраняет свою значимость, называются положениями или позициями релевантности. Учение Трубецкого о нейтрализации тесно связано с его учением об архифонеме. Не случайно он говорит:

В позиции нейтрализации один из членов оппозиции становится, таким образом, представителем «архифонемы» этой оппозиции.

Архифонема, по Трубецкому, это — «совокупность смыслообразительных признаков, общих для двух фонем» [33, 87].

Отсюда следует, что нейтрализоваться могут только одномерные оппозиции, т.е. оппозиции типа: *n — б,т — д,к—г* и т.д. Например, *луг—лук [лук] —[лук]*, но *лука, луком, о луке* и, напротив, *луга, лугом, о луге*. Иными словами, в именительном падеже наблюдается позиция нейтрализации и в именительном падеже перед нами архифонема. И архифонема, подобно фонеме, — не звуковое явление, а понятие, отвлеченное от реального звучания, т.е. абстракция.

Как видно, Трубецким фонологическая система языка рассматривается как набор фонологических оппозиций, способных служить для дифференциации значений.

Необходимо, однако, отметить, что разнообразные положения, наиболее полно и четко разработанные в трудах Н.С.Трубецкого, не являлись полностью общепринятыми среди всех представителей Пражского лингвистического кружка. Наибольшее различие со взглядами Трубецкого на фонему и роль дифференциальных признаков находим в работах Й. Вахека, Л. Новака, Б. Скалички.

Й. Вахек в статье «**Фонемы и фонологические единицы**» предлагает пересмотреть и уточнить понятия фонемы, фонологической единицы и фонологической оппозиции, которые в «Проекте стандартизованной фонологической терминологии», опубликованном в 4-м томе «Трудов...», сформулированы следующим образом:

Фонема... Фонологическая единица, не разложимая на более мелкие и более простые единицы». «Фонологическая единица... Член лю-

бой фонологической оппозиции». «Фонологическая оппозиция... — Звуковое различие, способное служить в данном языке для смысловозначения [5, 88].

По Вахеку, фонологическая единица и «фонологическая оппозиция» определяются в «Проекте» слишком широко, что препятствует их употреблению в фонологической практике. Фонологическую единицу, по Вахеку, нельзя разложить на меньшие фонологические единицы. При этом фонологическая единица должна являться членом не любой фонологической оппозиции, а лишь простой фонологической оппозиции. Последняя здесь определяется как минимальное звуковое различие, способное служить для смысловозначения. Само понятие фонологической оппозиции Вахек подразделяет на широкое понятие фонологической оппозиции и узкое, подчиненное понятие простой фонологической оппозиции. Таким образом, фонологическая оппозиция подразделяется на простую и сложную. Фонема и фонологическая единица, — подчеркивает Вахек, — разные понятия, причем четкое разграничение двух терминов — фонемы и фонологической единицы — возможно только в терминах времени. Предлагаемая «окончательная формулировка» Вахека следующая:

Фонема составляет часть члена сложной фонологической оппозиции; она бывает иногда разложима на фонологические единицы, выступающие одновременно, но никогда — на фонологические единицы, следующие друг за другом [28, 932].

Значительный интерес в плане уточнения формулировок понятий: «фонологическая оппозиция», «фонологическая единица», «фонологическая система», «фонема» — представляет статья Л. Новака «**Проект нового определения фонемы**». Л. Новак под «фонемами» понимает: «...Мельчайшие элементы, которые не могут быть подвергнуты дальнейшему дроблению и которые выделяются благодаря взаимопересечению всех внутренних функций данного языка, спроектированных на форму того же самого языка» [22, 97].

Указанное определение, по мнению его автора, выгодно отличается от предшествующих определений фонемы членами Пражского кружка тем, что устраняет все пережитки фонетических представлений, например, понятия, отражающие явления — по преимуществу экстрафонологические — физиологии отдельных звуков речи или их сочетаний. Под пережитками фонетических представлений Новак имеет в виду понятия комбинаторных вариантов фонемы.

Подводя итог сказанному, необходимо отметить, во-первых, отсутствие полного сходства взглядов на фонему и основные фонологические понятия среди представителей Пражского кружка.

и, во-вторых, что в послевоенный период в отличие от 1930-х годов фонологические исследования не находятся в центре интересов лингвистов Чехословакии. Последнее объясняется, прежде всего, стремлением расширить сферу исследований, рассматривая более высокие уровни языка.

Характерной чертой фонологических исследований 1950-х годов является усиление интереса к проблеме исторической фонологии, а также стремление к определенному сочетанию фонологических и диалектологических исследований, в частности, обязательным стало требование формулировать результаты диалектологического исследования в фонологических терминах.

Не менее четко выраженной чертой чешских исследователей является убеждение в том, что структура фонологического уровня не может быть полностью понята и описана без изучения структур других, более высоких уровней.

Работы пражских лингвистов направлены на выявление того факта, что то или иное фонологическое изменение (или его отсутствие) может вызываться потребностями структуры более высокого уровня данного языка, особенно его морфологического уровня.

Фонологические исследования прагцев проводятся с учетом воздействия на язык экстралингвистических факторов (важных социальных, экономических и политических событий), поскольку, по их мнению, система языка, включая и ее фонологический уровень, в ходе своего развития подвержена внешнему влиянию. Отсюда вытекает убеждение, что никакой язык не является абсолютно уравновешенной системой и, следовательно, в системе каждого уровня, включая фонологический, можно обнаружить периферийные явления (например, фонема *h* в современном английском) или структурную недостаточность (например, отсутствие в чешском литературном языке в подсистеме долгих гласных фонемы заднего ряда, противопоставляемой фонеме переднего ряда), что ведет к перестройке системы.

2. Проблемы грамматики

Фонологическое учение с его понятиями дифференциальных признаков, оппозиции, корреляции, нейтрализации легло в работах представителей Пражской школы в основу описания других уровней языка, поскольку они считали, что принципы фонологии должны лечь в основу морфологии, а затем и синтаксиса. Так, Трубецкой следующим образом набрасывал план работы по морфологии и синтаксису: за общей фонологией следует морфологическая фонология, или более кратко морфонология, исследующая морфологическое применение фонологических средств; затем следует синтаксическая фонология, изучающая фонологичес-

кие явления с синтаксическими функциями (Материалы II Международного конгресса лингвистов. — Женева, 1931. — С. 54). В статье «Некоторые соображения относительно морфонологии» он указывал:

...Полная морфонологическая теория должна состоять из следующих трех разделов: 1) теории фонологической структуры фонем; 2) теории комбинаторных звуковых изменений, которым подвергаются отдельные морфемы в морфемных сочетаниях; 3) теории звуковых чередований, выполняющих морфологическую функцию [32, 116—117].

Подобное исследование структуры морфем позволяет выявить существенные различия между корневыми, суффиксальными и префиксальными морфемами в самых различных языках, в то время как два последних пункта, наряду с важностью их изучения в различных языках, особенно существенны при изучении истории и современного состояния славянских языков.

Исследование этих проблем привело Трубецкого к необходимости выдвижения понятия «*морфонемы*», под которой он понимал «мыслимую как морфонологическое единство совокупность фонем, участвующих в данном чередовании». Например, в русском языке морфонема *к/ч* в *рук—рука—ручной*. Цель морфонологии, являющейся связующим звеном между фонетикой и морфологией благодаря своему положению в системе грамматического описания, — дать «всеобъемлющую характеристику каждого языка» [32, 118].

В области грамматики в пражской лингвистике наблюдались три основных подхода к проблеме разработки ее структурного описания. Первый подход нашел отражение в работах Р.О.Якобсона, второй — В. Матезиуса и третий — в трудах В. Скалички.

Одновременно следует отметить, что изучение проблем грамматики в трудах пражского направления распадается на два периода: в первый период изучение проблем грамматики связывалось прежде всего с именами чешских языковедов (Матезиус, Трнка, Вахек и др.), в то время как основное направление работ Пражского кружка, возглавляемого некоторый период времени Н.С.Трубецким, шло по линии исследования проблем фонологии¹.

Подход Р.О.Якобсона нашел отражение прежде всего в его статье «К общему учению о падеже», а также в работе «Морфоло-

¹ Правда, уже в «Тезисах Пражского лингвистического кружка» наряду с исследованиями звуковой стороны языка предусматривались «исследования слова и сочетания слов», составляющих основу теории «лингвистической номинации», иначе, устойчивых сочетаний и исследования сочетаний слов, возникающих непосредственно в процессе общения, составляющих основу «теории синтагматических способов». Но тем не менее грамматическим исследованиям отводилась второстепенная роль. Второй период начался в послевоенной Праге, где Матезиус, его коллеги и ученики занимаются разработкой грамматических проблем, прежде всего в плане функционального исследования.

гические наблюдения над славянским склонением» и других трудах. В основе этого подхода лежит тезис о принципиальной однородности фонологического и грамматического анализа. Опираясь на учение Н.С.Трубецкого о корреляции, Р.О.Якобсон выдвигает идею применения понятия бинарных привативных оппозиций при анализе грамматической системы языка. Суть сводится к тому, что в коррелятивных грамматических категориях одна всегда выражает наличие определенного признака, в то время как в другой он отсутствует. Например, в русском языке невозвратные глаголы по сравнению с возвратными. Так, в статье **«О структуре русского глагола»** Р.О.Якобсон выявляет морфологические корреляции, опираясь на свойства фонологических корреляций. В частности, по его мнению, классы глагола образуются двумя видовыми и двумя залоговыми корреляциями. Общая видовая корреляция: формы совершенного вида (признаковая категория) — формы несовершенного вида (беспризнаковая категория). Общая залоговая корреляция: формы, обозначающие непереходность действия (признаковая категория) — формы без указания на непереходность, т.е. формы действительного залога. Признаковый член корреляции сам содержит корреляцию: формы страдательного залога (признаковая категория) — возвратные формы [см. 45, 212—213].

В статье **«К общему учению о падеже»** делается попытка разложить значение русских падежей на составляющие их дифференциальные признаки, такие как: направленность, объемность, периферийность. Объемность «указывает ограничение объема, на предел участия обозначаемого предмета в содержании высказывания» [45, 146], т.е. предмет принимает участие в действии в разном объеме. Периферийность «указывает, что соответствующее имя занимает в общем содержании высказывания периферийное положение» [45, 152]. Направленность означает, что действие направлено на предмет или от предмета. Например, наличие направленности действия на предмет засвидетельствовано употреблением обоих падежей отношения (*Т.* и *Д.*) с предлогами (*в, на, за, под, через, по* и т.д.).

Итак, как утверждает Р.Якобсон в статье «Морфологические наблюдения над славянским склонением», русская система падежей (как всякая развитая падежная система) обнаруживает ряд изоморфных отношений. Например, *Т. : И. = Д. : В. = П. : Р.* В каждом из этих отношений падеж, который сигнализирует данный признак, противопоставлен падежу, лишенному подобной сигнализации. В шести первичных падежах отчетливо выступают те три измерения, на которых базируется эта падежная система. 1) Признак направленности в *В.* и *Д.* противопоставлен отсутствию такового в *И.* и *Т.* Отсюда *В.* и *Д.* называются направленными падежами. 2) Признак объемности в *Р.* противопоставлен отсутствию такового в *И.* и *В.*, и тот же признак в *Я.* противопоставлен его отсут-

ствию в Г. и Д. Отсюда *Р.* и *П.* называются объемными падежами в отличие от прочих необъемных падежей — #., *В.*, *Т.* и *Д.* 3) По признаку периферийности *Т.*, *Д.* и *П.* противопоставлены лишенным этого признака *И.*, *В.* и *Р.*

Таким образом, *И.* является полностью беспризнаковым падежом по отношению к прочим признаковым падежам, т.е. к трем однопризнаковым — *В.*, *Р.*, *Т.* и двум двупризнаковым — *Д.* (направленность и периферийность) и *П.* (объемность и периферийность) [см. 45, 179-180].

По мнению Р.О.Якобсона, бинарные привативные оппозиции и корреляции при анализе грамматического материала имеют универсальную значимость.

Следует указать, что вообще в представлении пражских лингвистов задачи структурной морфологии сводятся к двум моментам:

1) определение морфологических оппозиций (например, оппозиции падежей, оппозиции числа и рода существительных, оппозиции глагольных форм времени и др.), их взаимоотношение в системе языка и их нейтрализации (например, нейтрализация *Р.* и *В.* падежей одушевленных существительных мужского рода в словацком языке; нейтрализация родов во множественном числе в немецком языке и т.д.);

2) определение средств, при помощи которых морфологические оппозиции данного языка выражаются в его фонологическом плане.

Пражская школа определяет основные лингвистические категории именно в плане такой постановки задач структурной морфологии. Например, так называемые части речи выделяются прежде всего не на основе того, какие предметы или явления окружающей действительности называются данным словом, что характерно для традиционного подхода, а тем, в какой степени, как слова, их называющие, участвуют в морфологических оппозициях. Так, существительным в русском языке является каждое слово, способное участвовать: 1) в оппозиции падежей; 2) в оппозиции чисел; 3) в оппозиции родов. По мнению представителей Пражской школы, из того факта, что деление слов на «части речи» обусловлено различиями между совокупностью морфологических оппозиций, в которых участвует «часть речи» [30, 48 и сл.], получается, что количество частей речи в разных языках не одинаково и что, следовательно, морфологическую структуру каждого данного языка надо рассматривать с позиций его собственной «морфологической действительности», а не с позиций традиционной античной (греческой или латинской) или какой-нибудь другой грамматики.

Значительный вклад в разработку структурной грамматики внес В.Матезиус, который стремился создать «функциональную грам-

матику». Грамматическая концепция В. Матезиуса находит наиболее четкое отражение в его статьях «Попытка создания теории структурной грамматики», «О системном грамматическом анализе», в обширной работе «Язык и стиль» и других трудах.

Как подчеркивается в статьях «Попытка создания теории структурной грамматики» и «О системном грамматическом анализе», в основу разработки своей концепции В. Матезиус кладет **четыре** общих **принципа**, относящихся к системному лингвистическому анализу языка в целом. По Матезиусу, к правильному научному анализу конкретного языка можно прийти: **1)** только на статической (синхронной) основе; **2)** при этом необходимо проводить сравнение языков без учета их генетического родства, стремясь к выявлению существенных черт исследуемого языка; **3)** подобное исследование можно производить только с функциональной точки зрения, то есть исходя из общих потребностей выражения и устанавливая способ, при помощи которого отдельные языки удовлетворяют эти общие потребности; **4)** анализ языка должен быть направлен на выявление причинных связей между отдельными сосуществующими явлениями одного и того же языка [см. 17, 196; 226].

Задачу научного исследования Матезиус видит в том, чтобы под оболочкой внешних явлений вскрыть более глубокие факты действительности, поскольку «научное исследование обязано теоретически обобщать богатство фактов действительности». Подобное исследование основывается на следующих предпосылках: во-первых, при описании языка следует двигаться от речи как чего-то непосредственно данного к языку, который в виде системы существует лишь в идеальном плане, и, во-вторых, следует двигаться от функциональных потребностей к формальным средствам, удовлетворяющим этим потребности.

Говоря о системно грамматическом анализе, Матезиус подчеркивает, что полный анализ какого-либо языка можно найти лишь при учете того, что системы всех языков созданы преимущественно в целях общения, а не в целях выражения и что каждое произнесенное высказывание состоит из двух актов.

Первый акт заключается в том, что из конкретной или абстрактной действительности отбираются отрезки с тем, чтобы именно на них сосредоточилось внимание говорящего и чтобы их удалось закрепить словарным составом языка.

Второй акт состоит в том, что языковые знаки, обозначающие отрезки действительности, вступают во взаимодействие друг с другом [см. 15, 228].

Отсюда, важнейшими направлениями лингвистических исследований оказываются изучение средств и способов названия отдельных элементов действительности и способов объединения этих названий в предложения. На этом основании В. Матезиус выделяет

ет две основные области исследования — функциональную оно-матологию и функциональный синтаксис. **Функциональная оно-матология** изучает инвентарь языковых наименований (т.е. называний в самом широком смысле) и их использование в конкретных высказываниях. **Функциональный синтаксис** изучает, как эти названия сочетаются в предложении. Морфология при таком подходе оказывается имеющей отношение к обеим областям, поскольку члены одной и той же морфологической системы могут функционально включаться как в ономатологию, так и в синтаксис [см. 15, 228-229].

Ономатология (или учение о наименовании) оказывается довольно разнородной и широкой областью, поскольку сюда попадают как учение о лексическом значении слова и соотношении лексического значения слова и его контекстуальных модификаций, так и учение о словообразовательных возможностях языка и путях пополнения словаря. Словарный состав языка, по Матезиусу, представляет собой сложную систему, организованную на основании нескольких взаимно перекрещивающихся принципов, поскольку наименования группируются попарно или в ряды, а также в круги вокруг основного представления. На основе общих словообразовательных элементов слова образуют ряды, на базе общности основы или корня производные слова объединяются в гнезда.

Наиболее важным объединением Матезиус объявляет «части речи». Последние рассматриваются как база для классификации, с помощью которой говорящий получает возможность овладеть словарным составом своего языка, причем система классификаций продолжается и внутри частей речи.

При анализе этих последующих классификаций следует различать два ряда фактов, а именно: при переходе слов из одной категории в другую наблюдается изменение а) лишь внешнего аспекта соответствующих значений при неизменности общей основы или же б) полное изменение всего значения слова.

Первый тип классификационных различий Матезиус предлагает назвать аспектными модификациями, а второй — категориальными различиями.

Например, у существительных аспектными модификациями оказываются число {камень—камни}, партиитивность (фр. *un pain — du pain, les pains—des pains*), определенность (англ. *man — a man — the man*), квалифицирующий род (чешек, *ucitel* 'учитель' — *ucitelka* 'учительница'); у прилагательных — степени сравнения; у глаголов — время и наклонение.

Категориальными различиями являются, например, переходность и непереходность в славянских языках.

Каждый язык, подчеркивает Матезиус, имеет свою систему частей речи, причем аспектовые модификации и категориальные различия видоизменяются по их взаимоотношениям в системе

[см. 15, 228— 233]. Определенным недостатком концепции В. Матезиуса является некоторая недооценка собственно морфологической структуры.

Крупнейшим вкладом Пражской школы в изучение проблем грамматики, в частности проблем синтаксиса, считается учение В. Матезиуса об *«актуальном членении предложения»*, которое получило широкое признание (см. работу *«О так называемом актуальном членении предложения»*).

Это учение разрабатывалось В. Матезиусом в связи с основным вопросом отношения языка к выражаемой действительности и отношения высказывания к конкретной ситуации. В основу теории положен тезис о принципиальном различии между двумя способами анализа предложения: формальным членением и актуальным членением.

При формальном членении состав предложения разлагается на его грамматические элементы, а при актуальном членении выясняется способ включения предложения в предметный контекст, на базе которого оно возникает.

Основными элементами формального членения предложения являются грамматический субъект и грамматический предикат. Основными элементами актуального членения предложения являются: исходная точка (или основа) высказывания, т.е. то, что является в данной ситуации известным и из чего исходит говорящий, и ядро высказывания, т.е. то, что говорящий сообщает об исходной точке высказывания [см. 16, 239]. Иначе говоря, выделяются: элемент, являющийся предметом сообщения, и элемент, осуществляющий сообщение, т.е. то, что несет новую информацию.

Имеет значение не только само расчленение предложения на основу и ядро высказывания, но и порядок, в котором следуют основа и ядро высказывания один за другим. Так, в повествовательном предложении является обычным порядок от основы к ядру высказывания. Такое расположение от известного к новому В. Матезиус называет *«объективным порядком»*, в отличие от *«субъективного порядка»*, когда говорящий начинает с ядра высказывания, двигаясь к основе.

Субъективный порядок следования ядра и основы высказывания встречается обычно в вопросительных, побудительных и восклицательных предложениях.

Актуальное членение выступает как основной фактор, определяющий порядок слов в предложении. Связь между актуальным членением и порядком слов в предложении очень сильна в языках с неграмматикализованным порядком слов, например в славянских.

Связь высказывания с конкретной ситуацией и контекстом, а следовательно, и семантическая структура предложения и его ак-

туальное членение могут быть весьма разнообразными. Последнее зависит от разнообразия возможных ситуаций и контекста. Характерно, что в отрывистой повседневной речи картина актуального членения гораздо богаче, чем в обработанной и особенно письменной форме языка. Объясняется это тем, что в первом случае чрезвычайно обогащается ситуация, на основе которой отбираются обстоятельства, которые могут становиться исходным пунктом высказывания. К ситуации относится все, что используется в речи как известное.

Таким образом, теория «актуального членения» Матезиуса оказывается очень плодотворной при исследовании многих синтаксических явлений и особенно при изучении порядка слов в различных языках. С точки зрения развития лингвистической теории ее достоинство состоит прежде всего, в том, что Матезиус, отказавшись от логико-психологической интерпретации, исходит непосредственно из коммуникативной функции предложения как единицы сообщения.

Грамматическая система В.Скалички представляет собой применение *типологического подхода* к проблемам структурной грамматики. Наиболее ярко этот подход проявляется в его исследовании «**О грамматике венгерского языка**», где делается попытка разработки типологической характеристики языков. По мнению В.Скалички, анализ грамматической системы должен определить место описываемого языка среди других языков. Прежде всего, по его мнению, необходимо выяснить общие принципы подхода к грамматической системе. В. Скаличка понимает грамматику очень широко. По его мнению, она охватывает все стороны языка, кроме фонологии. Однако собственно объектом грамматического изучения автор объявляет формативные элементы, которые исследуются им преимущественно на материале венгерского языка, а также чешского, финского и турецкого языков. Несколько языков различных семей избираются потому, что, по мнению автора, для объективного доказательства теоретических утверждений следует проводить сопоставление с другими языками, а не только ограничиваться исследованием в пределах одного языка.

В построении своей грамматической теории В. Скаличка исходит из основного положения структуральной лингвистики о том, что всякая языковая система основывается на противопоставлении элементов. Следовательно, для понимания сущности системы языка необходимо выявить ее основные составляющие элементы или ее наименьшие единицы.

Если грамматика представляет собой систему, то необходимо найти мельчайшие единицы, из которых образована эта система. Такой мельчайшей единицей считается морфема [25, 135].

В. Скаличка, однако, не признает положения Бодуэна де Куртенэ о неделимости морфемы. Если морфему принимать как единицу грамматики, то ее нельзя, по мнению Скалички, рассматривать как единицу неделимую. Последнее доказывается, например, такими случаями, как англ. *foot—feet*, *tooth—teeth*, где каждое слово одновременно несет две функции: во-первых, функции семантемы — 'нога', 'зуб'; во-вторых, числа: единственное и множественное, в то время как в других случаях такому разделению соответствуют две различные морфемы: нулевая и формально выраженная (англ. *hand/O* 'рука' — *hand/s* 'руки') [см. 28, 135]. Следовательно, утверждает Скаличка, в языке невозможно достаточно точно разграничивать форму и функцию. В связи с этим в вышеуказанной работе и в статье «Асимметричный дуализм языковых единиц» Скаличка предлагает считать мельчайшей грамматической единицей *сема*.

Минимальной языковой единицей, обладающей значением, является сема [25, 122].

Она не может быть разделенной на более мелкие значащие части. Например, в слове *zub-at-у* пять сем: *zub* 'зуб', *at* — суффикс прилагательного и *у*, которое содержит три семы: 1) им. падеж, 2) ед. число и 3) муж. р.

Сема — это элемент, являющийся одновременно и формальным и семантическим, хотя преимущественно морфема имеет формальную основу, а сема — смысловую. По большей части сема выражается непрерывной последовательностью фонем. Одна морфема может быть равной семе или состоять из нескольких сем. Например, *тол-у* (морфема *у* представляет собой сочетание трех сем: муж. рода, ед. числа и дат. падежа).

Морфема — это соединение сем, которое само по себе или с помощью других морфем выражается непрерывным фонемным рядом [25, 138].

Сема, считает Скаличка, должна быть таким элементом, на который можно разложить любой язык. Семы и морфемы связываются в единицы высшего порядка — слова и наименования [см. 25, 122-123].

Придя к понятию семы, автор приступает к исследованию фонологической структуры сем и формулирует новые задачи морфонологии, заключающиеся в создании: 1) учения о фонологической структуре сем; 2) учения о неопределенности их фонологических структур и 3) учения о функциональном использовании неопределенности семы (внутренняя флексия, инфиксация), причем наиболее важной объявляется третий раздел [см. 25, 148].

В разных языках сочетание семы и морфемы различно. В связи с этим автор предлагает создать специальный раздел описательной

грамматики с задачами разработки: 1) учения о структуре сочетаний сем и морфем; об организации морфем в слова и предложения; о порядке слов, об ударении и паузе; 2) о функциональном использовании неопределенности сочетаний сем и морфем; 3) учения о чередовании сочетаний сем и морфем (сюда относится функциональное использование ударения; ср. русск. *рук/и—рук/й* [см. 25, 49]).

Различное сочетание сем и морфем оказывается связанным со строем языка. Например, в языках флективных существует явное различие семы и морфемы, в то время как в агглютинативных языках этого противопоставления, по существу, нет, а в языках изолирующих имеется значительное количество сем, не выраженных морфемой, — «неморфемных».

Основной грамматический элемент — сема — противостоит не только морфеме, но и единицам более высокого порядка, как слово и предложение. Причем для грамматической единицы вообще (семы, морфемы, слова и т.д.) вводится термин **семема**. Например, в одном типе языков слово равно семе (морфеме) и противопоставление слова и предложения очень отчетливо (языки изолирующие). В противоположном типе языков в одном слове объединяются несколько сем и морфем; а в крайнем случае в них исчезает противопоставление слова и предложения (языки кумулятивные).

Расчленение семы на **семантему**, т.е. сему, являющуюся носителем собственного значения слова, и **форм ему**, т.е. сему, не являющуюся носителем собственного значения слова, лежат, по Скаличке, в основе различия языков на агглютинативные и полисинтетические. Различие между ними в том, что в агглютинативных языках слово содержит только одну семантему, в то время как в языках полисинтетических слово может содержать несколько семантем [см. 25, 150].

В своей грамматической теории В.Скаличка исходит из аналогии с фонологической теорией и широко употребляет аналогичные термины: оппозиция, дифференциация, корреляция. Под **опозициями** понимается соотношение или противопоставление грамматических единиц в грамматической системе (например, сема—морфема, имя—глагол). **Дифференциации** — это оппозиции, в которых противопоставляются друг другу отдельные группы сем (например, имя—глагол). **Корреляции** — это соотношение морфем или более сложных сем, объединяющихся в пару с помощью одной общей семы (например, *стол, стола, столу—стола, столов, столам*).

Отношение между двумя семами, не имеющее аналогии во всей системе языка, называется **реляцией**.

Наибольшую разработку получают дифференциации, которые делятся на несколько типов, а именно — дифференциация про-

стных сем, дифференциация сем и морфем, дифференциация более сложных семантических сочетаний, как-то: морфема—слово, слово—предложение, простое предложение—сложное предложение и т.д.

Противопоставления выступают по вертикальной линии: сема-морфема—слово—предложение, и по горизонтальной линии: различие внутри сем, морфем, слов, предложений.

Степень реализации всех этих противопоставлений характеризует строй языка. Например, деление языков на основные типы: изолирующие, агглютинативные, флективные, полисинтетические зависит от степени дифференциации сем и морфем.

Скаличка выделяет не только морфологические, но и синтаксические оппозиции, возникающие на базе позиции слов в синтаксическом сочетании. Например, индоевропейские языки используют специальные оппозиции: субъект—предикат, предикат—объект и т.д., Напротив, другие языки, например урало-алтайские, имеют только общую оппозицию: управляющее—управляемое. Синтаксические оппозиции тесно связаны с категориальными оппозициями.

Итак, В. Скаличка применил типологический подход к проблемам структурной грамматики, уделяя основное внимание изучению субморфемного уровня языка.

3. Типологическое изучение языков и языковые союзы

Особенно большой вклад в типологическое изучение языков внесли работы Н.С.Трубецкого, Р.О.Якобсона, В.Матезиуса, В.Скалички, В.Гавранка, А.Исаченко.

В Пражской школе выделяется в первую очередь так называемое *«характерологическое»* направление. Его основателем выступает В. Матезиус, по мнению которого, традиционная типология уже не отвечает требованиям современной лингвистики. Сущность характерологической концепции в стремлении сконцентрировать внимание на характерных особенностях описываемого языка, на своеобразии его структуры в сравнении с другими языками. Тем не менее, по мнению некоторых чешских лингвистов, характерологический принцип также не удовлетворяет современное языкознание:

...Этот метод имеет один существенный недостаток: он не обладает прочной теоретической базой, которая позволила бы ему оценивать различные явления не в зависимости от их своеобразия, а в соответствии с их ролью в общей системе языка, оценивать их на основе точных и определенных критериев [23, 28].

По их мнению, необходимо выработать принцип, который не только позволял бы выделить специфические черты отдельных

языков, но и был бы «способен определять точные факты». С этой целью лингвисты стремятся группировать «отдельные явления языка по определенным признакам» на материале многих языков. Примером подобных работ являются исследования А. Исаченко в области славянских языков. В статье «**Опыт типологического анализа славянских языков**» А. Исаченко классифицирует славянские языки в зависимости от численности гласных и согласных. Он устанавливает внутри фонологической системы славянских языков два крайних языковых типа — «консонантические» и «вокалические». В консонантических языках происходит последовательное смягчение согласных и в максимальной степени используется разная окраска согласных. В вокалических языках широко представлены вокалические различия (музыкальное ударение, количество). Вокалические языки проявляют тенденцию к вокализации согласных. Большинство славянских языков располагается между этими двумя полярными типами. К консонантическим языкам автор относит прежде всего польский язык, а также русский и лужицкий языки. К вокалическим языкам — сербскохорватский язык (штокавский диалект) и словенский и кашубский языки. С учетом фонологической нагрузки гласных фонем (их просодической «надстройкой») в славянских языках, по Исаченко, выделяются следующие группы:

1. Политонические языки: а) с различием музыкальных ударений на кратких и долгих слогах (языки типа штокавского наречия сербскохорватского языка или кашубского); б) с различием музыкальных ударений только на долгих слогах (чакавское наречие, словенский литературный язык, большинство словенских диалектов).

2. Монотонические языки с так называемым свободным количеством: а) в любом слоге (языки типа чешского); б) только в корневых слогах в литературном словацком и в среднесловацких диалектах; в) лишь с одним долгим слогом (в словенских диалектах, которые утратили музыкальное ударение).

3. Монотонические языки с так называемым динамическим ударением (например, восточнославянский и болгарский). Система гласных в этих языках включает как ударные, так и безударные гласные.

4. Монотонические языки без какой бы то ни было просодической нагрузки на гласные фонемы. Ударение здесь закреплено за определенным слогом слова (например, в польском языке, в обоих лужицких языках, а также в некоторых словацких диалектах).

Классификация славянских языков по консонантизму позволяет распределить языки по трем группам.

1. Языки, в которых проводится систематическое противопоставление между твердыми и мягкими согласными по всем арти-

куляторным классам (например, русский, польский, нижнелужицкий, украинский, болгарский).

2. Языки, в которых проводится различие между твердыми и мягкими согласными лишь в пределах группы дентальных (например, словацкий литературный язык, чешский, штокавский).

3. Языки, в которых отсутствуют мягкие согласные (например, люблянское произношение словенского языка).

Как подчеркивает Исаченко, языки с бедным консонантизмом, например штокавский или словенский, обладают богатым вокализмом, и наоборот, языки с хорошо развитым консонантизмом, например польский, характеризуются бедной системой согласных.

Результаты исследования А. Исаченко представляет в форме статистической таблицы, где количество согласных указывается в процентах от всего фонемного инвентаря [см. 12, 110–115].

Свои типологические исследования А. Исаченко распространяет также на грамматику. Так, исследуя один из морфологических признаков европейских языков, устанавливает в них языки невербальные, т.е. языки с развитым склонением и ослабленным спряжением, как русский и некоторые другие славянские языки, и языки вербальные, т.е. обладающие развитым спряжением, как романские и германские языки, а также болгарский язык.

Независимо от того, какой из принципов типологического исследования применяется конкретным автором, все представители пражского направления признают необходимость утверждения в типологии структурного подхода, в основе которого лежит системное восприятие языка. Основные проблемы, возникающие при структурном подходе, по словам В. Скалички, сводятся к следующему:

...Какие элементы могут выступать в определенном языке, а какие не могут? Какие элементы обязательно существуют? Какие элементы с необходимостью вызывают появление других и какие элементы не связаны подобным образом? Какие элементы вызывают отсутствие других? [23, 34]

Подходя с этих позиций к проблеме типологии, В. Скаличка в своих работах стремится показать взаимную связь различных явлений языка (морфологических, синтаксических, фонетико-комбинаторных, словообразовательных). Взаимная связь явлений, по его мнению, может быть положительной или отрицательной. Сумму свободно сосуществующих явлений он называет типом и выделяет пять основных типов: флективный, интрофлективный, агглютинативный, изолирующий, полисинтетический, причем в конкретном языке эти типы могут реализоваться одновременно. Подобный подход, по Скаличке, создает подлинную научную основу для диахронических исследований, поскольку при допущении

зависимости явлений изменение языка уже не воспринимается больше как взаимно несвязанное, беспорядочное нагромождение явлений. Примером подобных исследований могут служить его работы о развитии и изменении флективного типа (склонения) в славянских языках [см. 24, 184—187].

Стремление к типологическому сравнению языков, поскольку последнее позволяет выяснить не только характерные черты системы конкретных описываемых языков, но и языка вообще, значительно снижает интерес пражцев к их генеалогическому изучению.

Сравнительно-исторический метод уступает место у них поэтому методу аналитического, или синхронного, сравнения структуры не только родственных, но и близких в территориальном отношении языков. Так возникает понятие «языкового союза», противопоставленного понятию языковой семьи. В связи с этим ими выражается сомнение относительно ценности проблемы «праязыка». Теория языковых союзов была выдвинута и развита Н.С.Трубецким и Р.О.Якобсоном и в ряде статей о «евразийском языковом союзе» получила поддержку в работах В.Гавранка, В. Скалички и других чешских лингвистов.

Теория языковых союзов очень важна для разработки проблем лингвистической географии, а также проблем языкового смешения или языкового субстрата.

Уже на I Международном конгрессе лингвистов Н.С.Трубецкой предложил проводить различие между двумя типами группировки языков: «языковыми союзами» и «языковыми семьями».

Под термином *языковой союз* принято понимать группу географически смежных неродственных или неблизкородственных языков, структура которых обладает общими чертами, т.е. «заметным сходством в синтаксической, морфологической и синтаксической структуре» в результате «тождественного развития» [46, 93—94]. Это сходство получило наименование «сродства». Напротив, «языковые семьи» характеризуются общим фондом грамматических морфем и обиходных слов. Классическим примером языкового союза принято считать так называемый «балканский языковой союз», в который входят греческий, албанский, болгарский и румынский языки, т.е. индоевропейские языки, относящиеся к разным группам и состоящие лишь в отдаленном родстве. Все эти языки обладают некоторыми общими морфологическими чертами (как, например, постпозиция определенного артикля). Однако это сходство лишь структурного порядка. Материального сходства, т.е. сходства фонетического, здесь не наблюдается.

Разработкой проблемы языковых союзов и особенно выяснением специфики структурных черт различных языковых уровней подобных союзов члены Пражского лингвистического кружка занялись практически с момента создания их лингвистического

объединения. Так, уже в 1931 г. появляются работы Р.Якобсона «**О теории фонологических союзов между языками**» и «**К характеристике евразийского языкового союза**», в которых автор выделяет фонологические черты, характеризующие некоторые языковые союзы. Например, языкам Балтийского языкового союза, охватывающего литовский, латышский, кашубский, эстонский, шведский, датский, норвежский и часть северонемецких диалектов, в разной степени свойственна политония, т.е. фонологическое использование различий музыкального тона. Перечисленные языки относятся не только к различным группам индоевропейских языков, но и к различным языковым семьям (ср. эстонский язык). Свойством политонии характеризуется и языковый союз, включающий ряд языков Юго-Восточной Азии, как китайский, японский, бирманский, таи, вьетнамский. Между этими географически очень удаленными друг от друга союзами расположен огромный Евразийский языковой союз, охватывающий большинство алтайских и уральских языков, а также восточнославянские языки и польский язык. Эти языки характеризуются наличием различия палатализованных и непалатализованных согласных и сингармонизмом.

Теория языковых союзов была направлена прежде всего против традиционной индоевропеистики, отрицающей проницаемость языковых систем и возможность объединения неродственных языков. Так, по словам Р.О.Якобсона:

...Изначальное тождество, которое вскрывает сравнительная грамматика, является не более чем состоянием, возникшим в результате конвергирующего развития, и никоим образом не исключает одновременных или последующих расхождений [46, 94].

Р. О.Якобсон подчеркивает широко известную тенденцию многих фонологических фактов распространяться в пространстве. Так, область русского (включая сюда белорусский и украинский) и польского языков противопоставляются области чешского и словацкого языков отсутствием количественной оппозиции гласных и составляет в этом отношении одно целое с большинством финно-угорских и тюркских языков европейской, т.е. предуральской части России [см. 46, 95].

Естественно, что теория языковых союзов толкала к пересмотру и иной интерпретации многих положений компаративистики. Одной из таких работ, стремящихся по-новому взглянуть на индоевропейскую проблему и перекликающейся с идеями ряда современных лингвистов, в частности, представителями течения ариальной лингвистики, как В.Пизани и др., является статья Н.С.Трубецкого «**Мысли об индоевропейской проблеме**».

В этой статье Н. С.Трубецкой выдвигает в противовес традиционной компаративистике тезис о том, что понятие «языкового семейства» не предполагает обязательного общего происхожде-

ния ряда языков от одного и того же праязыка. По мнению Трубецкого, общность языкового строя и, главное, «материальные совпадения», т.е. фонетическое сходство, может возникать в результате массовых заимствований одним неродственным языком у другого. Исходя из этого постулата, по Трубецкому,

...Нет собственно никакого основания, заставляющего предполагать единый индоевропейский праязык, из которого якобы развились все индоевропейские языки. С таким же основанием можно предполагать и обратную картину развития, т.е. предполагать, что предки индоевропейских ветвей первоначально были непохожи друг на друга и только с течением времени благодаря постоянному контакту, взаимным влияниям и заимствованиям значительно сблизились друг с другом, однако без того, чтобы вполне совпасть друг с другом [31, 67].

Таким образом, автор предполагает на всех этапах развития возможность и дивергентного, и конвергентного развития, а также возможность их переплетения.

Дивергентное развитие, по его мнению, обычно приводит к «сетевидному» (или цепевидному) членению языков, при котором почти каждый язык выступает в виде связующего звена между двумя другими, и связь между соседними языками осуществляется переходными говорами. Подобная картина обычно имеет место между языками одной группы.

Напротив, конвергентное развитие обычно приводит к «кирпичевидному» членению, при котором наблюдается резкая и определенная граница между языками, обычно между отдельными группами индоевропейских языков. По его мнению, единственной научно допустимой постановкой вопроса будет: «Как и где образовался индоевропейский строй языка?» Для ответа на него необходимо прежде всего выявить особенности самого строя.

По Трубецкому, все индоевропейские языки характеризуются наличием шести структурных признаков:

- 1) отсутствие гармонии гласных;
- 2) число согласных, допускаемых в начале слова, не беднее числа согласных, допускаемых внутри слова;
- 3) слово не обязано начинаться с корня;
- 4) образование форм осуществляется не только при помощи аффиксов, но и при помощи чередования гласных внутри основы;
- 5) наряду с чередованием гласных известную роль при образовании грамматических форм играет и внешне не обусловленное чередование согласных;
- 6) подлежащее непереходного глагола трактуется совершенно так же, как подлежащее глагола переходного.

Каждый из перечисленных шести структурных признаков, утверждает автор, встречается порознь и в неиндоевропейских языках, но все шесть вместе характеризуют только индоевропейские.

Отсюда следует вывод, что язык может стать индоевропейским или, напротив, перестать быть индоевропейским.

Концепция Н.С.Трубецкого нашла горячую поддержку среди одних лингвистов и не менее резкое возражение среди других. Например, один из ведущих компаративистов XX в. Э. Бенвенист, опровергая типологическое основание установления языковых семей Н.С.Трубецкого, отмечает, что и другие, неиндоевропейские, языки могут иметь перечисленные шесть признаков (например, язык индейцев такелма).

С другой стороны, идея о некоем континууме языковых семейств, в котором каждая семья обладает определенными особенностями, объединяющими ее с соседними семействами, нашла своеобразное отражение и преломление в работах многих компаративистов XX в.

4. Проблема литературного языка и культуры речи

С самого начала возникновения кружка в работах ряда его членов ставились проблемы, связанные с изучением литературного языка, и разрабатывалась теория так называемой **языковой культуры**. Особенно большое внимание этим вопросам уделялось в работах В.Матезиуса и Б. Гавранка.

Выдвижение на первый план и постановка всех этих проблем показывает, что для Пражской школы характерен глубокий интерес к проблемам отношения между языком и действительностью. Последнее объясняется в первую очередь специфическими условиями работы чешских и словацких лингвистов. Как известно, чешский литературный язык в значительной степени в силу причин политического и социального характера не мог опереться на разговорную речь и являлся весьма архаичным. Молодое государство же требовало утверждения своего литературного языка. Эту задачу представители Пражской школы выполняли в теоретической борьбе с пуристами. Особенно упорная борьба развернулась в связи с подготовкой «Настольного словаря чешского языка».

Полемика с пуристами послужила поводом для выступлений членов кружка с лекциями о литературном языке и культуре речи, которые вошли в сборник «*Spisovnacestinaa jazykova kultura*». Создание литературного языка предполагает, по мнению членов кружка, увеличение роли сознательного вмешательства в развитие языка, отражением чего является так называемая языковая политика, а также различные формы реформаторских попыток. Литературный язык обнаруживает две характеризующие его тенденции: тенденцию к распространению, т.е. способность выступать в роли койнэ, и тенденцию занять господствующее положение.

Литературный язык в работах представителей кружка превращался в самостоятельный объект внимания, причем выдвигалось

требование сознательного развития в языке именно тех качеств, которые требует его функция.

Пражская школа решала две основные проблемы, связанные с изучением литературного языка. Во-первых, определяла понятие сущности литературного языка, отграничивая его от других языковых образований или форм существования языка, во-вторых, распределяла языковые средства самого литературного языка в соответствии с многообразием его функций и стилистических пластов.

Пражцами (в частности, Б.Гавранком) поднимаются следующие проблемы: определение понятия «литературный язык» и установление форм его существования, а также основных закономерностей развития чешского литературного языка.

Новая теория литературного языка была направлена против представлений о книжном и искусственном характере литературного языка, господствовавших в языкознании в XIX в.

Члены Пражского лингвистического кружка учитывали не только данные письменного языка, но и устную языковую практику образованных слоев общества.

Весьма важным моментом явились выработка *понятия нормы* литературного языка и отграничение нормы от кодификации. Норма литературного языка, отмечают члены кружка, отличается от нормы народного языка большей функциональной и стилистической дифференциацией и большей осознанностью и обязательностью своих канонов, что связано с большей его стабильностью. В норме литературного языка подчеркивались как традиционные, так и новые элементы. Тем самым выявлялся ее динамический характер, ее способность к изменению как результат взаимодействия литературного языка с обиходно-разговорным чешским языком. Кодификация же предполагает закрепление архаического состояния языка, что оказывалось входящим в противоречие с общественной и языковой ситуацией периода. Функциональная специфика литературного языка проявляется прежде всего в его лексическом составе, ибо для удовлетворения потребностей в выразительных средствах в области культуры необходимо обогащать литературный язык элементами, которыми народный язык не обладает. Необходимы обозначения для абстрактных понятий, философских категорий и т.д. Ведь нужда в выразительных средствах растет и изменяется с развитием цивилизации. Возникает потребность наименования новых параметров. Новые наименования создаются либо путем образования новых слов, либо путем приспособления уже существующих. Литературный язык нуждается также в специальных терминах, таких, как технические, юридические и т. п.

Как отмечал **Б. Гавранек** в статье «**Задачи литературного языка и его культура**», под «культурой» литературного языка пражцы понимали прежде всего сознательную теоретическую обработку

литературного языка. Работа языковедов в области литературного языка была направлена на то, чтобы создать и стабилизировать нормы этого языка, развивать в нем богатство и разнообразие средств, отвечающих всем потребностям и всем задачам, предъявляемым к литературному языку. Итогом сознательной обработки литературного языка должны являться, по их мнению, культивированный язык и языковая культура тех лиц, которые на практике пользуются литературным языком [см. 7, 338—339].

Соответственно возникал и вопрос о правильной языковой форме. Правильной формой для пражских лингвистов, как четко указывал **В. Матезиус** в статье «**О необходимости стабильности литературного языка**», оказывалась не генетически обоснованная языковая форма, а форма, в наибольшей степени соответствовавшая какой-то определенной цели. В этой связи им выдвигалось понятие «языковой отшлифованности», в отличие от понятия «исторической чистоты» или «языковой генетической правильности». Отшлифованность языка возникает лишь в процессе его литературной обработки, и отшлифованные формы могут включать и заимствованные слова, если последние увеличивают своей выразительностью богатство оттенков литературного языка [см. 19, 378—382]. Не случайно уже в тезисах кружка литературному языку, его сущности уделено очень большое внимание. В отличие от многих предшественников пражские лингвисты подчеркивают не консервативный, а, напротив, творческий характер литературного языка и его особый характер по сравнению с народным языком. Последнее проявляется в выполнении предъявляемых к нему очень высоких требований, поскольку он отражает всю культурную жизнь и цивилизацию народа. Эти функции литературного языка способствуют его расширению и изменению, обозначаемому пражцами термином *интеллектуализация*.

Под интеллектуализацией понимается появление в языке как лексических, так и синтаксических средств для выражения абстрактных понятий, а также во все возрастающем контроле над эмоциональными элементами.

Под интеллектуализацией литературного языка (которую можно было бы назвать также рационализацией) мы понимаем такую степень развития языка, при которой высказывания становятся более определенными и точными, а в случае надобности — абстрактными и способными выражать всю сложность мыслей и их взаимосвязь; следовательно, под интеллектуализацией понимается усиление интеллектуального аспекта языка. Интеллектуализация получает наивысшее воплощение в научном языке (теоретическом), который характеризуется стремлением к максимально точному выражению, стремлением к тому, чтобы языковое выражение отражало точность объективного мышления (научного), чтобы слова-термины приближались к логическим понятиям, а предложения — к суждениям [7, 349-350].

Интеллектуализация литературного языка вызывает необходимость выразить взаимосвязь и сложность мыслительных процессов. Это проявляется, во-первых, в появлении соответствующих абстрактных терминов, во-вторых, в грамматической структуре, особенно в образовании сложных предложений, внутри которых связь находит формальное выражение в союзах. В то же время в народном языке чаще всего встречается свободное расположение небольших предложений.

Другая специфическая особенность литературного языка обусловлена тем, что он чаще всего реализуется в письменной форме. С этим связано и то обстоятельство, что в литературном языке монолог превалирует над диалогом.

Как считают прагматики (особенно Гавранек), специфические функции литературного языка влияют не только на его лексику и синтаксис, но и на его фонологическую и морфологическую структуру.

Одной из специфических черт литературного языка, по мысли прагматиков, является его функциональное расслоение. Как отмечает Б. Гавранек, по сравнению с литературным языком расслоение и дифференциация народного языка незначительны и не так заметны.

Литературный язык рассматривается прагматиками как система лингвистических знаков, имеющих функциональный характер, т.е. выполняющих определенные задачи или функции. Каждая подобная система является для них сложной системой, состоящей из частных функциональных систем. Таким образом, язык предстает как сложное образование, состоящее из нескольких слоев. При этом, поскольку прагматики принимают сосюрровское деление на язык (*langue*) и речь (*parole*), они устанавливают соответствующие им понятия «*функционального языка*» и «*функционального стиля*». Не случайно в «Тезисах» утверждается: «каждая функциональная речевая деятельность имеет свою систему — язык в собственном смысле» [28, 25]. Соответственно различные языковые слои и стилевые разновидности языка объявляются различными языками [28, 366]. Например, Б. Гавранек выделяет следующие функции языка и соответствующие им функциональные языки, а также функциональные стили:

Функции литературного языка:		Функциональные языки:
1) коммуникативная	Язык	1) разговорный
2) практически специальная	сооб-	2) деловой
3) теоретически специальная	щений	3) научный
4) эстетическая		4) поэтический

Функциональными стилями литературного языка оказываются:
1. В зависимости от конкретной цели высказывания: **1)** практическое сообщение; **2)** вызов (призыв), убеждение; **3)** общее из-

ложение (популярное); 4) специальное изложение (объяснения, доказательства, кодифицирующие формулы).

2. В зависимости от способа выражения: интимное — публичное, устное — письменное. Устное: а) интимное: монолог, диалог; б) публичное: речь, дискуссия. Письменное: а) интимное; б) публичное: объявления, афиша, газетное и книжное выступление.

В статье «**О функциональном расслоении литературного языка**» Б. Гавранек подчеркивает, что функциональное расслоение литературного языка не тождественно стилистическим различиям, поэтому нельзя вместо функционального «языка» говорить о функциональном стиле речи [7, 437].

Положение о так называемой независимости поэтического языка от литературного повысило интерес к исследованиям в области поэтики. Изучением литературного языка и специально поэтического языка много занимались Б. Гавранек, Р. Якобсон, Я. Мукаржовский.

В изучении «поэтического языка» пражские языковеды во многом следовали русским формалистам. Как и последние, они видели в поэзии «воскрешение слова» и считали, что поэтический язык обладает своими собственными нормами, отличающимися от общеязыковых норм.

Основной вопрос, который ставится пражскими лингвистами, в частности **Я. Мукаржовским** в статье «**Литературный язык и поэтический язык**», при изучении поэтического языка сводится к следующему:

...Каково взаимоотношение между масштабом распространения поэтического и масштабом распространения литературного языка, между положениями, которые каждый из них занимает в общей системе языкового единства? Чем является поэтический язык: особой ли разновидностью литературного языка или самостоятельным структурным образованием? [21, 407]

По их мнению, поэтический язык нельзя рассматривать как разновидность литературного языка, поскольку между ними существуют: 1) структурные и 2) функциональные различия.

Со стороны структуры поэтический язык имеет собственные особые элементы (особенно в лексике и синтаксисе). Возможны даже случаи, когда лексический материал поэтического произведения полностью заимствован из языка, отличающегося по своей структуре от структуры литературного языка (например, поэмы Вийона или Риктуса, написанные на жаргоне, а не литературным французским).

Со стороны функциональной различие заключается в следующем: функция поэтического языка состоит в максимальной актуализации языкового материала. *Актуализация* — это такое использование языковых средств, которое привлекает внимание само по

себе и воспринимается как необычное, лишенное автоматизма, деавтоматизированное. Литературный язык преимущественно избегает актуализации и применяет *автоматизацию*, т.е. такое использование языковых средств, которое является обычным для определенной задачи выражения.

Актуализация до некоторой степени характерна и для литературного языка, но в поэтическом языке актуализация приобретает максимальную интенсивность. Она совершается здесь не для того, чтобы служить цели сообщения, а для того, чтобы выдвинуть на передний план сам акт выражения [см. 21, 407— 413]. Я. Мукаржовский утверждает:

Итак, поэтический язык не является разновидностью литературного языка. Однако тем самым не отрицается тесная связь между обоими языками, основывающаяся прежде всего на том, что литературный язык является для языка поэтического фоном, на котором отражается... намеренное нарушение языковой нормы [21, 407].

Подобный подход к языку поэзии привел к позиции, сближающей членов кружка с русскими формалистами в литературоведении. Не случайно «Тезисы» выдвигают положение о том, что организующим признаком искусства является «направленность не на означаемое, а на сам знак».

Подводя итоги, следует отметить, что Пражская школа внесла значительный вклад в создание и развитие современного языкознания. Пражцам впервые удалось всесторонне развить понятие системы как структурного целого, обосновать важность функционального структурного анализа и доказать его применимость и необходимость не только в области синхронии, но также и диахронии. Тем самым пражцами были заложены основы не только синхронной, но и диахронией фонологии.

Необходимо также указать на дальнейшую и плодотворную разработку ими концепции «системности языка», в частности, на разработку «принципа внутренней солидарности», согласно которому связь и взаимосвязь между системами фонетики, грамматики и лексики настолько велика, что любое изменение в одной ведет к изменениям в другой.

Работы представителей Пражской школы, направленные против младограмматического тезиса о необходимости сравнительного изучения лишь родственных языков, явились основой дальнейших типологических исследований.

Работы пражцев в области так называемой «языковой культуры» создали основу для теоретической разработки нормативно-лингвистических проблем.

Многие положения Пражского лингвистического кружка на следующих этапах развития лингвистической науки были изменены

или даже отброшены (например, телеологический принцип), тем не менее Пражский кружок не только являлся в определенный период ведущим центром разработки новой лингвистической теории, новой методики обработки лингвистического материала, а его проблематика оказывается актуальной и в настоящее время.

IV. Американский структурализм

В отличие от Копенгагенского структурализма и Пражского лингвистического кружка американский структурализм в самых различных своих проявлениях не является прямым продолжением теоретических положений, выдвинутых Ф. де Соссюром. Одновременно следует подчеркнуть, что американский структурализм с момента возникновения не являлся единым течением, характеризующимся единством целей и методов¹. Общей чертой, свойственной всем проявлениям американского структурализма, является его прагматизм, его определенная недооценка значения общей теории языка. Практическая направленность всего направления объясняется также тем, что оно выросло из практической потребности описания и изучения туземных языков американских индейцев. Позднее практическая направленность проявилась в интересе к вопросам методики преподавания языков.

Зарождение американского структурализма обычно связывают с деятельностью крупного антрополога, этнографа и лингвиста Франца Боаса (1858—1942), который обнаружил, что адекватное описание языков североамериканских индейцев неосуществимо при помощи традиционной методики. Специфическая структура этих языков, по мнению Боаса, требует от исследователя полного отказа от предыдущего лингвистического опыта. Отсюда возникает необходимость создания объективных методов описания языка, которые выделяли бы его внешние, формальные качества. Отсутствие письменных памятников поставило перед Боасом вопрос о всесторонней разработке синхронного плана исследования, поскольку диахронического плана при подобном исследовании собственно не существует.

Ф. Боас утверждает, что всякое лингвистическое описание должно состоять из трех основных разделов: 1) фонетики; 2) категориальных значений, выраженных в языке; 3) грамматических процес-

¹ Из периодических печатных изданий, сыгравших немалую роль в формировании американского структурализма, следует отметить следующие: 1) *International Journal of American Linguistics**, основанный в 1917 г. Ф. Боасом; 2) общетеоретический чисто лингвистический журнал «*Language*» с приложениями: *Language Dissertations**, «*Language monographs**» и т.д., основанный американским лингвистическим обществом в 1925 г.; 3) «*Studies in Linguistics**» (1942); 4) «*Word*» (1945), возникший в связи с организацией в 1944 г. Нью-Йоркского лингвистического кружка; 5) «*Anthropological Linguistics**», (1959).

сов. Основную задачу лингвиста Боас видит в изучении и описании категорий, специфичных для каждого конкретного языка.

Уже требования, выдвигаемые Боасом для описания фонетической системы, показывают, что он приближается к положению Ф.де Соссюра о системном характере языка и, в частности, системном характере «звуков языка». Однако в отличие от Ф.де Соссюра Боас предлагает исследователю сконцентрировать внимание на изучении речи (*la parole*), поскольку для него язык есть лишь артикулируемая речь, т.е. коммуникация посредством групп звуков, производимых органами артикуляции.

Идеи Ф. Боаса в двух разных направлениях продолжили Э. Сепир и Л. Блумфилд.

Интересы Э.Сепира сосредоточивались преимущественно на изучении языка в широком культуроведческом контексте.

Подлинным основоположником американского структурализма и особенно его наиболее цельного и разработанного течения — дескриптивной лингвистики — считается Леонард Блумфилд, профессор германской филологии Чикагского университета. Среди работ Блумфилда наибольшей известностью пользуется книга «Язык», вышедшая в 1933 г. «Книга Л. Блумфилда "Language"..., — пишет в предисловии к русскому переводу М. М. Гухман, — занимает в истории американского языкознания XX в. место, аналогичное тому, какое занимает известная работа Ф.де Соссюра в истории европейского языкознания». И далее: «...изложенные здесь положения о задачах, принципах и методах лингвистических исследований стали основой развития дескриптивной лингвистики — направления, занимавшего в течение четверти века (1933 — 1957) господствующее положение в американском языкознании» [2, 5].

В этой книге изложены философские и лингвистические воззрения Блумфилда. Книга является переработанным вариантом его монографии «Введение в изучение языка», вышедшей в 1914 г. Пересмотр своей более ранней работы сам Блумфилд связывает в первую очередь с отказом от психологической системы В. Вундта, на позициях которой он стоял до «Введения». Кроме книги «Язык» широкой известностью пользуется также основополагающая статья Блумфилда «Ряд постулатов для науки о языке».

Л. Блумфилд, отказавшись от психологизма вундтовского толка, пытался построить лингвистический анализ, опираясь на течение в американской психологии — бихевиоризм. **Бихевиоризм** утверждает, что о психической деятельности человека или животного можно судить только по внешне выраженным реакциям, т.е. поведению (*behaviour*). Бихевиористская психология возникла как попытка заменить в психологии понятие «души», которое они считали ненаучным, чем-то, что можно подвергнуть эксперименталь-

ному исследованию. Единственно научным объектом исследования признается реакция организма, т.е. изучение того, что «организм совершает или говорит», как утверждает это один из создателей бихевиоризма Дж.Уотсон, для которого «речь являлась лишь одной из многих форм поведения» [35]. Последнее положение сыграло особенно значительную роль для теории Л.Блумфилда.

Свою общую теорию языка Блумфилд называет «материалистической» или «механистической» и противопоставляет ее «менталистской» теории. Теория менталистов, как отмечает Блумфилд, исходит из того, что вариативность человеческого поведения объясняется вмешательством какого-то нематериального, нефизического фактора, как дух, воля или рассудок:

Материалистическая (или точнее механистическая) теория исходит из того, что вариативность человеческого поведения, включая речь, объясняется только тем, что человеческое тело — это очень сложная система. Поступки людей согласно материалистической точке зрения, являются частью причинно-следственных отношений, ничем не отличающихся от тех, которые мы обнаруживаем, скажем, при изучении физики или химии [2, 47].

Итак, речь (или язык) определяется как форма поведения человека. Поведение же складывается из навыков, создающихся благодаря повторяемости вызывающих их стимулов:

С физиологической точки зрения язык... складывается из великого множества процессов, которые объединяются в единый всеобъемлющий комплекс навыков, возникающий благодаря повторяемости стимулов на протяжении всей предшествующей жизни человека [2, 51].

«Механистическая» лингвистика Блумфилда на первый план выдвигает именно физиолого-биологическую сущность языка.

Соответственно, и процесс речевого общения оказывается биологическим актом, членимым на ряд физиологических стимулов и реакций. Не случайно Блумфилд обращается к простейшим ситуациям, в которых речь идет об удовлетворении элементарных потребностей. Ср. знаменитый пример с яблоком, где Джек (юноша) и Джилл (девушка) идут вдоль изгороди. Джилл голодна. Она видит яблоко на дереве и издает звук, в образовании которого участвуют гортань, язык и губы. Джек перепрыгивает через изгородь, влезает на дерево, срывает яблоко, приносит его Джилл и кладет его ей в руку. Джилл ест яблоко.

Изучающие язык, отмечает Блумфилд, будут в этой последовательности событий различать самый акт речи и другие явления, которые называются практическими событиями. С указанной точки зрения все происшедшее распадается во времени на три части:

А. Практические события, предшествовавшие акту речи.

В. Речь.

С. Практические события, последовавшие за актом речи.

Практические события *А* касаются главным образом говорящего и называются стимулом говорящего. Практические события *С*, которые следуют за речью, называются *реакцией* слушающего (Джека), а также касаются Джилл: она берет яблоко и съедает его. Вся история зависит также от более отдаленных обстоятельств, связанных с *А* и *С* и основанных на отношениях между Джеком и Джилл. Эти отдаленные обстоятельства называются *предопределяющими факторами*. *В* — момент речи состоит из трех моментов: *В1*) говорящий (Джилл) привел в действие свои голосовые связки; *В2*) голосовые связки во рту приводят в сходное волновое движение окружающий воздух; *В3*) эти звуковые волны достигают барабанных перепонок слушающего и заставляют их вибрировать, воздействуя на его нервы. Джек слышит речь. Это служит стимулом для Джека.

Если бы Джилл была одна, *стимул (S)* вызвал бы у нее *реакцию (R)*, что схематически изображается как *S—R*. Но ввиду того что Джилл не одна, вместо прямой реакции налицо речевая или замещающая реакция, обозначаемая Блумфилдом как *г*. Вся ситуация получает следующее изображение:

где *S* — практический стимул, *г* — речевая деятельность, *R* — практическая реакция.

Итак, язык сводится Блумфилдом, по существу, к механизму раздражения и реакций [см. 2, 37—40].

Однако бихевиористская психология, хотя сам Блумфилд и объявляет ее основой своей лингвистической концепции, занимает лишь второстепенное положение в книге и в конечном счете фактически не используется при изложении собственно лингвистических понятий.

В настоящее время, хотя некоторое влияние бихевиоризма еще сказывается на положениях ряда американских лингвистов, классический бихевиоризм в формулировке Дж. Уотсона более не используется в лингвистике.

Положение Блумфилда о сущности языка оказало значительно меньшее влияние на дальнейшее развитие американской лингвистики, чем его взгляд на сам предмет лингвистики, согласно которому лингвист должен ограничить свою деятельность лишь изучением речевых сигналов, а не заниматься проблемами физиологии или психологии. Основным объектом лингвистического исследования, по Блумфилду, является речевой отрезок, данный в высказывании. Высказывание, как подчеркивает Блумфилд, — это единственное, что объективно дано лингвисту и с чего должно начинаться лингвистическое описание. Именно это положение

приводит и самого Блумфилда и позднее американских дескриптивистов к концентрации внимания прежде всего на анализе речевого отрезка, на выделении элементов, составляющих высказывание и описании их расположения относительно друг друга, т.е. на синтагматическом аспекте исследования.

Наибольшее влияние на дальнейшее развитие дескриптивной лингвистики оказало стремление Блумфилда выработать принципы объективного анализа языка. Основными условиями для достижения этого Блумфилд считал строгое определение терминов и формализацию описания. Наиболее полно попытка добиться этого представлена в книге «Язык» и в статье «Ряд постулатов для науки о языке».

По мнению Блумфилда, метод постулатов (т.е. гипотез и аксиом), принятый в математике, необходим в лингвистике, так как он заставляет нас формулировать наши утверждения с большей ясностью и

...Сберегает нам также дискуссии, поскольку он ограничивает наши утверждения определенными терминами, в частности, он спасает нас от психологических Диспутов [1, 200].

В связи с этим Блумфилд делает попытку поставить лингвистическую теорию на основу постулатов, подобных математическим. Соответственно с помощью определений и гипотез Блумфилд представляет такие понятия, как форма и значение, морфема, слово, словосочетание, фонема, конструкция, категория, часть речи, альтернативы. Например, форма и значение представлены Блумфилдом следующим образом: прежде всего дается 1) определение: «Акт речи есть высказывание». Затем следует 2) гипотеза 1: «В пределах определенных общностей последовательный ряд высказываний полностью или частично сходен». Отсюда вытекают: 3) определение. Каждая подобная общность есть *речевая общность*. 4) определение. Совокупность высказываний, которые могут быть произнесены в речевой общности, есть язык данной речевой общности. 5) определение. То, что сходно, называется *тождественным*. То, что не сходно — *различно*. 6) определение. Голосовые признаки, общие тождественным или частично тождественным высказываниям, суть *формы*; соответствующие признаки стимулов и реакций суть *значения*. 7) гипотеза 2: «Каждое высказывание полностью образуется формами» [1, 201–202].

Понятие формы является ведущим в концепции Блумфилда, так как именно в них манифестируется каждый конкретный язык:

Каждый язык состоит из ряда сигналов — *языковых форм*. Каждая языковая форма — это закрепленное сочетание сигнальных единиц — фонем [2, 165].

Все языковые формы делятся на 1) *связанные* и *свободные* и 2) *сложные* и *простые*. Связанная форма — это языковая форма, которая никогда не встречается изолированно. Все другие формы являются свободными. Сложная форма — это языковая форма, обладающая частичным фонетико-семантическим сходством с другой формой. Простой формой (или морфемой) является языковая форма, лишенная частичного фонетико-семантического сходства с другой формой: комплексная форма целиком разлагается на морфемы, которые в этом случае получают название «составляющие». Далее: общая часть каких-либо комплексных форм является составляющим (или компонентом) данных комплексных форм. Составляющие делятся на *непосредственно-составляющие* и *конечные составляющие*. В примере *Poor John ran away poor, John, ran, a-, way* — конечные составляющие, а *Poor John/ran away* — составляющие [см. 2, 167— 169].

Грамматические формы могут быть сгруппированы в три больших класса: определенный тип предложения, конструкция, субституты (заместители).

Форма, произнесенная изолированно, выступает как определенный *тип предложения*. Когда две или несколько форм произносятся вместе, в качестве составляющих какой-либо комплексной формы, то объединяющие их грамматические признаки, составляют *конструкцию*. Субститут — это форма, регулярно выступающая в качестве общепринятого заместителя для любой формы или целого класса форм [см. 2, 777].

Итак, одни определения, по мнению Блумфилда, закономерно вытекают из других, данных ранее, конструируются на их основе. Цель подобного построения — создание единой системы понятий, пригодной для синхронного описания языка любого строя.

В описанной системе понятий, представляющих собою лишь различный тип форм, в качестве основной единицы выступает морфема, в то время как понятие слова, по существу, исчезает. Например, *bird* 'птица', *play* 'играть', *dance* 'танцевать', *egan-*, *-y*, *-ing*. все это морфемы по Блумфилду [см. 2, 168]. Словосочетание или предложение — это тоже последовательность специфическим образом организованных морфем. Это положение о ведущей роли морфемы в виде исходной, базисной и одновременно почти всеобъемлющей лингвистической единицы широко отражено в работах дескриптивистов.

Стремление к формализации лингвистического описания привело Блумфилда к утверждению, что объектом научного описания может являться лишь формальная сторона языка. Отсюда следует его собственное стремление и стремление его последователей сосредоточить внимание на изучении формы, избегая изучения значения «как такового». Оно не может быть проанализирова-

но в пределах лингвистики. Последнее изучается лишь как дифференциальное значение, поскольку Блумфилд предлагает принимать во внимание только факт отличия одной единицы значения от других значений.

Подводя итог рассмотрению основных идей Л.Блумфилда, следует отметить, что лингвистическую концепцию Л. Блумфилда нельзя трактовать как связанную лишь с американской традицией. Блумфилд был тесно связан с Пражской и Женевской школами языкознания, хорошо знаком с работой Ф.де Соссюра. Ряд его статей был опубликован в «Трудах Пражского лингвистического общества». Таким образом, новое понимание содержания и задач лингвистики, так ярко проявившееся в трудах Блумфилда, было обусловлено как всем ходом развития лингвистической мысли в Европе и Америке, так и специфическими условиями «полевой работы» американского исследователя.

Считается, что рассмотрение принципов дескриптивной лингвистики должно начинаться с книги Л.Блумфилда, поскольку эта книга является исходным пунктом почти всех значительных публикаций американских структуралистов. Однако, подобно Ф. де Соссюру, Блумфилд идет новыми путями только в области синхронии, в области единовременного описания языка; при рассмотрении же истории языка он стоит в целом на позиции младограмматиков. Вслед за Блумфилдом и его книгой появился целый ряд работ, авторы которых взяли все наименее традиционное из его учения, совсем опустив исторический аспект языкознания.

7. Дескриптивная лингвистика

В дескриптивном направлении необходимо разграничить три разные группировки или даже школы. Первая из них известна как **Йельская школа**. Это была группа учеников и последователей Л.Блумфилда, представленная такими языковедами, как З.Хэррис, Б. Блок, Дж.Трейджер и др. Вторая известна как **Энн-Арборская группа** лингвистов (штат Мичиган). Представители этой группы К. Пайк, Ю. Найда, Ч. Фриз и др. Также являясь последователями Л.Блумфилда, они в значительной степени были продолжателями идей Э.Сепира. Третья школа известна как **школа трансформационного анализа**, представители которой Н.Хомский, Р.Лиз и др.

Теоретическая работа Йельской школы, особенно в 1940-х годах, была сосредоточена преимущественно на дальнейшем творческом развитии идей Л.Блумфилда. Характерной чертой этой школы является ее антипсихологизм, физикализм.

Работа представителей Энн-Арборской группы характеризовалась стремлением объединить теоретические положения Э.Сепи-

ра и Л. Блумфилда. Влияние Сепира проявлялось прежде всего в широком привлечении к лингвистическому анализу экстралингвистических факторов, таких, как социальные, этнические и др., откуда возникла определенная связь с проблемами антропологической лингвистики. Одновременно в отличие от Йельской школы в работах представителей этой школы наблюдалось тяготение к психологизму, рассмотрению языка как одного из видов человеческого поведения вообще.

Основное внимание представителей дескриптивного направления сосредоточено на разработке **методики исследования**. Дескриптивная лингвистика создала свою технику лингвистического описания, установила свои категории и рабочие приемы.

Каковы же основные черты дескриптивной лингвистики?

Дескриптивисты посвящают себя описанию внутренней структуры языка. Внутренняя структура языка складывается, по их мнению, из трех компонентов: плана выражения (фонология, морфология, фономорфология), плана содержания и словаря. Однако в действительности дескриптивная лингвистика оказывается лишь «теорией о системе выражения языка», поскольку на первый план выдвигается фонология и морфология. Языковеды данного направления сосредоточивают свое внимание на описании «внешних» формальных элементах структуры языка, оставляя в стороне все то, что имеет какое-либо отношение к логике, психологии и другим смежным дисциплинам.

Соответственно **Дж.Л.Трейджер**, например, в книге «**Предмет языкознания**» всю область научного изучения языка определяет как макролингвистику, которая в свою очередь подразделяется на паралингвистику, микролингвистику и металингвистику. Паралингвистика занимается проблемами экспериментальной фонетики (акустическими и артикуляционными явлениями) и, частично, психологией речи. Микролингвистика — это собственно лингвистика, являющаяся основным объектом исследования дескриптивистов. Металингвистика занимается изучением значения языковых знаков [126]. В отношении металингвистики большинством языковедов этого направления высказывается ряд оговорок как о дисциплине, которая до сих пор не более, чем возможность, хотя наличие самих металингвистических проблем и их важность не отрицаются. Однако большинство дескриптивистов стремятся к чисто формальному описанию языковых единиц, что позволило бы проводить их описание, не прибегая к учету значения. В этом заключается один из основных теоретических постулатов дескриптивистов, восходящих к Блумфилду, который исключил значение из числа собственно лингвистических явлений. Твердо придерживаясь этого положения, основоположники дескриптивизма — Блок и Трейджер — пишут, например, следующее:

При осуществлении классификаций не должно быть никакого обращения к значению, абстрактной логике или философии [56, 68].

Особенно четко положения Л. Блумфилда, включившего значение в физиологическую область стимулов и реакций, проявляются в книге **З.Хэрриса «Метод в структуральной лингвистике»**, где значение и его роль в дистрибутивном анализе трактуются в основном в плане бихевиористской формации, состоящей из лингвистических стимулов и реакций воспринимающих их людей [см. 93, 17].

Дескриптивная лингвистика никогда не ставила перед собой задачу создания обобщающих, философских или формализованных «теорий» языка. По словам **Р.Уэллса**, это лишь специфический «набор предписаний об описании» [137, 38]. Каждый лингвист-дескриптивист, приступая к описанию какого-либо языка, должен строго придерживаться определенной техники сбора и обработки данных.

Работа дескриптивиста состоит из двух фаз: сбора сырого языкового материала и установления его внутренней организации. Областью исследования для дескриптивной лингвистики является единичный язык или диалект, а само исследование заключается в собирании высказываний в каком-либо едином диалекте и в анализе собранного материала. Материал поставляется обычно избранным для этого информантом. Конкретной областью исследования оказывается обычно единичное и законченное высказывание на данном языке. Высказывание — это отрезок речи определенного лица, ограниченный с обеих сторон паузами. Как правило, высказывание у дескриптивистов не тождественно с «предложением», поскольку многие высказывания состоят из отдельных слов, фраз, незаконченных предложений и т.д. Пользуясь определенной схемой, определенной последовательностью процедур, дескриптивист выявляет, устанавливает структуру описываемого языка.

Для дескриптивной лингвистики характерно строгое разграничение отдельных уровней языкового анализа. В языке выделяются несколько уровней: фонологический, морфологический, синтаксический, которые образуют определенную иерархию. Низшим уровнем считается фонологический уровень, а высшим — синтаксический, причем предполагается, что единицы каждого более высокого уровня строятся из единиц непосредственно предшествующего уровня. Например, морфемы строятся из последовательностей фонем. Таким образом, при подобном последовательном прохождении ступеней анализа в порядке возрастающей сложности рассматриваемых языковых явлений результаты, полученные на предыдущем уровне анализа, являются базой для последующего уровня. Но при изучении более низкого уровня данные вышестоящего уровня не учитываются. Так, например, фо-

нологический анализ не должен учитывать ни данных морфологии, ни синтаксиса, ни семантики.

Позднее, с разработкой трансформационного метода в противоположность традиционному дескриптивному рассмотрению материала в порядке возрастающей сложности был предложен нисходящий порядок его рассмотрения.

Американский структурализм, в частности дескриптивная лингвистика, характеризуются чрезвычайно детальной разработанностью методики фонологического и морфологического анализов (особенно фонологического).

Каждый из этих уровней анализа в свою очередь делится на ряд отдельных плоскостей (или) ступеней анализа. Это состоит, например, в том, что: паралингвистические данные исследуются с точки зрения отношения к языку, так как, по мысли дескриптивистов, не каждый звук, который органы речи способны артикулировать, имеет значение для анализа языка. Требуется еще систематическое рассмотрение значимых звуков, составление фонетической системы языка. Это составляет область фонетики, которая, по словам К.Л. Пайка, «собирает сырой материал». Следующим шагом является фонемный анализ (фонемика). **Фонемика** — это учение о системах фонем какого-либо языка. Кроме фонемики, в фонологии выделяют также еще **фонотактику**, т.е. учение о классах фонем, о закономерностях их сочетания (аранжировки) и их организации. Внутри морфологии обычно рассматривают **морфонемiku**, изучающую фонемы и их чередования в плане идентификации морфем, и **морфемiku** и **морфотактику**, которые изучают инвентари морфем и способы их организации в более сложные последовательности. Как правило, исследование начинается на фонологическом уровне и затем продолжается на морфологическом. Как отмечают сами дескриптивисты, например Хэррис, существуют некоторые различия между применением дескриптивистских методологических принципов к фонологии и к морфологии, что обуславливается, во-первых, различием материала и, во-вторых, тем, что, когда операции повторяются применительно к морфологии, они осуществляются над материалом, сведенным уже к определенным элементам.

Одним из основных положений дескриптивизма является требование объективности описания материала, т.е. независимости получаемых результатов от исследователя.

Дескриптивизм категорически ограничивается от традиционных языковедческих категорий. В языке выделяются повторяющиеся структурные элементы, описание которых дается в виде строгой и максимально лаконичной системы определений и постулатов, заимствованных из математики и символической логики. Отсюда стремление к созданию чисто формального способа описа-

ния языка. В дескриптивной лингвистике таким способом является прием описания лингвистических элементов лишь на основании их воспроизводимости в речи или их дистрибуции. Отсюда и сама область лингвистики, использующая методику дистрибутивного анализа, нередко называется дистрибутивной лингвистикой.

Сущность дистрибутивного метода или способа заключается в том, что различные языковые единицы, такие, как фонемы, морфемы, слова, классифицируются на основе их *распределения* (или *дистрибуции*) относительно друг друга в связной речи. Отсюда дистрибуция оказывается основной методологической категорией в дескриптивной лингвистике. Рассматривая методику дескриптивистов, очень важно отметить, что объектом их изучения является не столько язык, сколько речь, что многократно подчеркивается всей подробно разработанной методикой дескриптивного исследования, исходящего из речевых отрезков.

Понятие дистрибуции возникло и применялось первоначально лишь в области фонологии. Позднее принцип дистрибуции стал универсализироваться, переноситься в морфологию, синтаксис и даже семсиологию. Такое универсальное определение стремится, например, дать З.Хэррис в книге «Метод в структуральной лингвистике» в главе «Методологические предпосылки», где он пишет:

Главной целью исследования в дескриптивной лингвистике... есть отношение порядка расположения (дистрибуции) или распределения (аранжировка) в процессе речи отдельных ее частей или признаков относительно друг друга... Дистрибуция (порядок расположения) элемента есть совокупность всех окружений, в которых он встречается, т.е. сумма всех (различных) позиций (или употреблений) элемента относительно употреблений других элементов [38, 219].

Соответственно дескриптивная лингвистика (в терминологическом смысле) — это особая область исследования, имеющего дело с «регулярностями определенных признаков речи». Регулярности заключаются в повторяемости признаков относительно друг друга в пределах высказываний, т.е. в их дистрибуционных отношениях. Отсюда и вся схема исследовательской процедуры, начинающейся с сырого речевого материала и заканчивающейся определением грамматической структуры, основана на применении двух главных принципов: **1)** установлении элементов и **2)** определении дистрибуции этих элементов относительно друг друга.

Основными моделями дистрибуции являются дополнительная дистрибуция (*complementary distribution*) и контрастная или контрастирующая дистрибуция (*contrastive distribution*).

Единицы находятся в отношениях *дополнительной дистрибуции*, если каждая из них встречается в определенной совокупности окружений, в которых не встречается ни одна из остальных. Под ок-

ружением понимается «соседство» других элементов. Соседство — это позиция других элементов перед или после рассматриваемого элемента. Другие элементы выявляются на базе той же самой процедуры, которая использовалась при установлении данного элемента. **Контрастная дистрибуция** прямо обратна дополнительной. Это употребление единиц в тождественном окружении.

В соответствии со своей дистрибуцией языковые элементы (фонемы, морфемы, слова и т.д.) распределяются по так называемым дистрибутивным классам. Под **дистрибутивным классом** понимается класс элементов, способных появляться в аналогичных окружениях. Такими являются традиционно выделяемые в языке части речи, а также более мелкие подразделения слов внутри одной и той же части речи.

Лингвистическое исследование начинается (согласно методике дескриптивистов) с установления лингвистических элементов, причем для каждого языка устанавливается подробный список таких элементов.

Установив основы методологического принципа дистрибутивного анализа, посмотрим, как же проводится фонологический, а затем морфологический анализ.

На **фонологическом уровне** исследователь стремится выделить (установить) имеющиеся в языке фонемы. Процедура исследования состоит из двух основных шагов: сегментации и отождествления аллофонов.

Начало анализа связано с сегментацией текста, произносимого информантом, т.е. с его разбиением (на слух) на небольшие отрезки — **сегменты**. В результате создается возможность записать материал в виде фонетической транскрипции. Все полученные звуковые элементы записываются в таблицу. При составлении таблицы отыскиваются сходные по фонетическому облику пары — «фоны», а затем устанавливаются их дистрибутивные отношения. Термин **фона** означает: 1) член фонемы; 2) структурная единица дифференциального уровня, еще не отнесенная к той или другой фонеме, т.е. определяемая безотносительно к фонемной принадлежности. «Фона» — понятие, усвоенное из английского языкознания, вводимое при переходе от фонетического исследования к фонологическому. Это понятие некоторого подкласса звуков.

Фона, соотнесенная с той или иной фонемой, называется **аллофной**. В этой терминологии префикс «алло» соответствует понятию члена. **Аллофона** — это вариант (альтернант, разновидность, манифестация фонемы). Например, [т] и [к] сразу будут отнесены к разным фонемам, но можно предположить, что [к] и [k^h] — это аллофоны одной и той же фонемы. Подтверждение или опровержение выдвинутой гипотезы производится при помощи уста-

новления того, в какой дистрибуции они находятся друг к другу. Если [к] и [к^h] находятся в дополнительной дистрибуции, значит, они аллофоны одной и той же фонемы. Если в контрастной, значит — это разные фонемы. Соотношение аллофонов фонем, как показывает выявление их дистрибуций, не совпадает в различных языках. Например, в итальянском встречаются два аллофона фонемы [п]: [п] и [п̥], которые находятся между собой в отношении дополнительной дистрибуции, а в английском [п] и [п̥] — различные фонемы, находящиеся в отношении контрастной дистрибуции. Аллофон [п̥] встречается в итальянском языке перед [к] и [г], а аллофон [п] — в остальных позициях. В английском языке [п] и [п̥] различают слова. Например, sun [n] — sung [п̥].

Особый случай составляет *свободное варьирование*, характеризующееся тем, что 1) два элемента языка могут заменять друг друга и 2) смысл высказывания при этом не меняется, на что указывает отсутствие изменения в реакции информанта. Например, для многих американцев произношение [wiG] и [wid] позиционно не обусловлено.

Таким образом, с помощью моделей дистрибуции можно свести число сегментов (обозначаемых термином фона), доходящих до нескольких сот, к сравнительно небольшому числу классов — фонем.

Для дескриптивной фонологии характерно понимание фонемы как некоего альтернирующего ряда звуков. Сами члены подобных рядов представляют собой подклассы звуков и определяются как аллофоны фонемы.

Фонема для американских лингвистов — это теоретическое понятие, абстрактное представление, которое охватывает целую группу фонетически однотипных звуков. Так, в «Очерке лингвистического анализа» Блока, Трейджера, с именами которых прежде всего связана разработка основ фонологической теории в США, дается следующее определение:

Фонема — это группа фонетически близких звуков, противопоставленных в языке и взаимоисключающих все тождественные группы звуков [56, 140].

Отдельными членами подобной группы являются ее аллофоны, которые как раз и являются формами проявления фонемы. Ср., например, *p* в *pin*, *spin*, *up*, *upper*. Во всех случаях эти различные *p* представляют собой аллофоны фонемы *p*. Установление того, что перед нами отдельные фонемы или аллофоны одной и той же фонемы, производится с помощью уже упоминавшихся дополнительной и контрастной дистрибуций. Так, различные *p* в *pin*, *spin*, *up*, *upper* находятся в отношении дополнительной дистрибуции, т.е. их фонетические свойства обусловлены их позицией: каждой позиции, в которой встречается один из принадлежащих к

этой группе звуков, соответствует свой аллофон. Эти аллофоны взаимно не перекрещиваются. Звуки, противопоставляемые в так называемых минимальных или контрастирующих парах (например, *стол* — *стул*), находятся в состоянии контрастной дистрибуции и являются самостоятельными фонемами.

В.Тводделл предлагает промежуточное понятие *микрофонемы* (microphoneme), т.е. некоторый звукотип, взятый для каждой особой позиции отдельно. Например, [b] и *beak* и *cab* — разные микрофонемы, так как [b] стоит в начальной и конечной позиции. Затем микрофонемы отождествляются в качестве членов одной фонемы (macrophoneme).

Фонемы делятся на два типа: **сегментные** фонемы, или линейные, выделяемые в результате рассечения (сегментирования) звукового потока, и **суперсегментные**, или просодемы. *Сегментные* фонемы — это гласные и согласные звуки, а *суперсегментные* — это долгота звука, высота тона, ударение и разные способы соединения (стыка) звуков.

В Америке изучение проблемы фонемы пошло по двум направлениям: с одной стороны, по линии изучения системы фонем отдельных языков, причем помимо классификации фонем изучается их текстовая частотность, а с другой (позднее) — по линии изучения акустической и артикуляционной стороны тех звуковых образований, которые лежат в основе системы фонем. В этом отношении важно определение фонемы в книге Р.Якобсона и М.Халле «Фонология и ее отношение к фонетике», где она определяется как пучок различительных признаков [47, 233]. Этот анализ на уровне дифференциальных признаков, необходимо отметить, связан с традициями Пражской школы. Анализ на уровне дифференциальных признаков у Якобсона предшествует самому отождествлению фонем.

Существенна также тщательная разработка проблемы различительных (дифференциальных) признаков фонем, которая получила подробное освещение в работах Р.Якобсона, Г.М.Фанта и М.Халле. Согласно их теории различительные признаки делятся на два класса: 1) просодические и 2) внутренние.

Просодическим признаком обладают только те фонемы, которые образуют вершину слога. Этот признак может быть определен только по отношению к рельефу слога или цепи слогов, тогда как внутренний признак может характеризовать фонему безотносительно к ее роли в рельефе слога и таким образом его можно определить без обращения к рельефу слога или цепи слогов.

Внутренние различительные признаки, которые обнаружены в настоящее время в языках мира, сводятся к двенадцати противопоставлениям, и, согласно взгляду Р.Якобсона и М.Халле, «каждый язык выбирает из их числа то, что ему нужно» [47, 254]. Все внутренние признаки делятся на два класса: признаки звучности

и признаки тона. «Признаки звучности основаны на различиях в количестве и концентрации энергии в спектре и во времени. Признаки тона основаны на различных характеристиках краев частотного спектра» [47, 254].

I. Различительными признаками звучности являются следующие:
гласный—негласный (*vocalic—non-vocalic*);
согласный—несогласный (*consonantal— nonconsonantal*);
компактный—диффузный (*compact— diffuse*);
напряженный—ненапряженный (*tense—lax*);
звонкий—глухой (*voiced—voiceless*);
носовой—ротовой (*nasal—oral*);
прерванный — непрерывный (*discontinuous— continuant*);
резкий — нерезкий (*strident— mellow*);
глоттализированный—неглоттализированный (*checked— unchecked*).
II. Различительные признаки тона:
низкий —высокий (*grave—acute*);
бемольный —простой (*flat—plain*);
диезный —простой (*sharp—plain*) [см. 47, 254— 258].

Каждый из различительных признаков оказывается охарактеризованным как на акустическом, так и на артикуляционном уровне.

Таким образом, как видим, при наименовании различительных признаков используется как традиционная, так и совершенно новая терминология.

Традиционный артикуляционный термин сохраняется в том случае, если он указывает на существенный критерий деления звуков в процессе их передачи, восприятия и распознавания [47, 263].

Если же соответствующего термина не имелось, подбирались термины из области акустики и психоакустики.

Переходя от фонологического к морфологическому уровню, следует показать, из каких стадий состоит и в какой последовательности осуществляется морфологический анализ у дескриптивистов.

Задачей морфологического анализа является достижение удобного способа регистрации материала в виде обобщенных формул, сводящих весь многообразный лингвистический материал к неким повторяющимся единицам функционирования. При этом **морфема** становится основной единицей грамматического исследования, поскольку не только структура слова, но и структура более крупных конструкций (словосочетаний, предложений и т.д.) осмысливается и анализируется через посредство морфемы. Морфема оказывается минимальным исходным элементом грамматического анализа.

Такое выведение американскими дескриптивистами на первый план морфемы в качестве основной единицы грамматического

анализа объясняется тем, что в неиндоевропейских языках, в языках полисинтетического строя, действительно, морфема приобретает очень большое значение не только с точки зрения строения слова, но и с точки зрения построения предложения в целом.

Существо формализованного описания морфологии языка, согласно нормам дескриптивной лингвистики, заключается: 1) в выделении минимальных значащих элементов речи (морфемных сегментов); 2) в определении их функционирования в разных лингвистических окружениях; 3) в объединении морфемных сегментов в морфемы; 4) в группировке морфем в грамматические ряды.

Уже этот перечень указывает на прямой параллелизм процедуры морфологического анализа процедуре фонологического анализа. В морфологическом анализе лингвист проходит те же стадии и пользуется теми же приемами, что и при фонологическом анализе. Подобное перенесение принципов фонологического анализа на морфологический уровень очень ярко характеризует дескриптивное языкознание в целом и является одной из его основных особенностей.

Итак, первая стадия морфологического анализа заключается в том, что при расчленении (сегментации) отрезка речевой цепи прежде всего выделяются морфы. *Морфа* — единица языка, определяемая как таковая, т.е. до того, как была бы определена ее принадлежность к той или другой морфеме и вообще независимо от определения такой принадлежности. Морфы — первичные значимые элементы, выделяемые в процессе сегментации высказывания.

Вторая стадия анализа заключается в том, что морфы соотносятся с определенными морфемами. И каждая морфа, соотношенная с определенной морфемой, становится *алломорфой* (или, иначе, альтернантом, разновидностью, манифестацией морфемы). Установление морфем и алломорф в морфологии так же важно, как установление фонем и аллофонов в фонологии. Не случайно Глисон подчеркивает:

...Понятие алломорф и морфем, как и других «алло-» и «-ем», является одним из основных понятий дескриптивной лингвистики. Эти понятия связаны с двумя основными единицами лингвистического анализа — фонемой и морфемой... [9, 103].

Каждая морфема состоит из одной или нескольких алломорф. Причем алломорфы могут быть двух видов: фонологически зависимые — например, окончания в *cats* [s], *dogs* [z], *boxes* [iz], и морфологически зависимые — например, окончание *children* [-en]. А в случае *sheep* мы сталкиваемся с примером нулевой алломорфы.

При отождествлении алломорф также очень значительная роль отводится дистрибуции.

Принципы отождествления морфемных сегментов были выдвинуты в 1942 г. Хэррисом, перенесшим на морфологический уровень понятие дистрибуции (впервые это понятие применительно к фонологическому уровню было определено М.Сводешем и использовано Б. Блоком и Дж.Трейджером). В морфологии под дистрибуцией (или распределением) понимается сумма всех контекстов, в которых встречается данная морфема, в отличие от тех контекстов, в которых она употреблена быть не может.

Итак, *алломорфа* — это вариант морфемы, встречающийся в определенных окружениях, а *морфема* — это группа из одной или нескольких алломорф, определяемых по признаку общности дистрибуции.

При отождествлении алломорф (как аллофонов) также очень большая роль отводится дополнительной дистрибуции. Понятие дополнительной дистрибуции в морфологии (как и в фонологии) сводится к тому, что два элемента (две алломорфы) никогда не встречаются в одном и том же окружении. Например, алломорфы (варианты морфемы) множественного числа английских существительных [s], [z], [ɪz], *en* употребляются лишь в строго определенных позициях. После глухих конечных согласных употребляется [s]: *books, lamps*, после гласных и звонких — [z]: *boys, girls*^а после ss, x — [ɪz]: *boxes, classes*. Окончание *en* встречается лишь у некоторых слов, как *ox—oxen, child—children*. В русском языке у существительных мужского рода стол, путь, дом мы обнаруживаем в им. падеже множественного числа окончания: *-ы, -и, -а* (*столы, пути, дома*), которые представляют собой алломорфы морфемы им. падежа множественного числа.

Дополнительная дистрибуция в морфологии также противопоставляется контрастной (или контрастирующей) дистрибуции, т.е. употреблению в одном и том же окружении, что является признаком отдельных самостоятельных морфем. Например: в английском: *(he) moves—(he) moved* или: *sing* [i]—*sang* [æ]—*sung* [ɪ]. Ср. *делаю—делал—делала*.

Иногда в одном и том же окружении можно встретить два элемента, но они не выражают при этом принципиально разных значений. Так, по-русски допустимо рукой и рукою, собой и собою и т.п. Такие отношения между морфемными сегментами обозначаются термином *свободное варьирование*.

Морфема выступает в понимании дескриптивистов как совокупность различных вариантов, наделенных в системе языка одной функцией. Ср. варианты морфемы множественного числа английских существительных *s, z, ɪz, en* и др. (*books, classes, oxen*). Алломорфы должны быть объединены в одну морфему, если они обладают следующими тремя признаками: 1) имеют одно значение (например, элемент *s* в *cows* или *en* в *oxen* выражают множественное число существительных); 2) находятся в отношении до-

полнительной дистрибуции, что связано либо с фонетическими, либо с морфологическими условиями их употребления (так, *-en* встречается только после *ox-*, в то время как *s* после него невозможно); 3) встречаются в параллельных конструкциях. Конструкции типа *ox-cow \ oxen: cows* являются параллельными, поскольку они встречаются в идентичных или сходных окружениях. Следовательно, *en* [in] и *s* [z] обладают одинаковой функциональной ролью в грамматической структуре языка.

Последняя стадия морфологического анализа представляет собой группировку морфем в определенные разряды, которые дескриптивисты называют **формальными классами** (*form classes*), **морфемно-дистрибутивными классами** (*morpheme-distribution classes*) или **классами взаимозаменяемых единиц** (*substitution classes*). Принципом классификации является распределение морфемы, ее избирательная способность: объединяются морфемы, встречающиеся в одинаковых лингвистических окружениях. Так, слова *шляпа* и *карта* могут встречаться в таких одинаковых окружениях, как: *я вижу... (шляпу, карту); большая... (шляпа, карта); много... (шляп, карт)* и т.д. Совпадение или несовпадение окружений определяется с помощью метода субституции, т.е. возможной замены одних морфем другими в высказывании, подстановки одних морфем вместо других. Вообще метод субституции является основным методом, применяемым на всех уровнях. Необходимо отметить, что последняя ступень морфологического анализа является одновременно началом изучения более крупных, чем морфема, отрезков речи, а именно: в классы взаимозаменяемых единиц языка включаются не только морфемы, но и последовательности морфем. Считается, что одна основа или сочетание морфем, состоящее из одной основы и любого количества суффиксов, — это морфемное слово. Если налицо более одной основы, то это морфемная фраза. Например, *house* — это морфемное слово, а *White House* — это морфемная фраза. Дается также определение морфемного высказывания, что представляет собой морфемную фразу плюс сведения о ее мелодическом рисунке и типах примыкания.

Последняя ступень морфологического анализа, таким образом, осуществляет своего рода переход от морфологического уровня языка к синтаксическому, исследование которого также формализовано. Правда, в 1940-е и даже в начале 1950-х годов среди дескриптивистов довольно распространенным являлось скептическое отношение к вопросу о необходимости и целесообразности разработки метода исследования, специфического для синтаксического уровня. Например, рядом исследователей высказывается мнение о том, что деление на собственно морфологическую и синтаксическую фазы описания может быть вообще упразднено, поскольку методика анализа, по существу, одинакова. Эта мысль проводится, например, в таких работах Хэрриса, как «From Morpheme-

me to Utterance» [92] и «Method in Structural Linguistics» [93]. Предложение строить морфологию и синтаксис совершенно одинаково, рассматривая их лишь как разные уровни или этапы единого анализа, содержится также в таких работах Трейджера и Смита, как «An Outline of English Structure» [127].

2. Синтаксический анализ

Требование проводить исследование синтаксиса в чисто формальном плане было сформулировано Л. Блумфилдом. По его мнению, недостатком большинства работ предыдущего периода являлось употребление при описании синтаксиса философских определений вместо формальных. В качестве метода подобного формального исследования был выдвинут метод *непосредственных составляющих* (*immediate constituents*)¹.

Метод, предложенный Блумфилдом, получил дальнейшее развитие в 1940—1950-е годы. Уже к середине 1940-х годов дескриптивисты все чаще обращаются к исследованию проблем синтаксиса, а в 1950-х синтаксис оказывается в центре внимания ведущих американских лингвистов. В качестве основных методов анализа синтаксического уровня стали разрабатываться анализ по непосредственно составляющим и трансформационный анализ.

Сущность **анализа по непосредственно составляющим** заключается в том, что всякое высказывание воспринимается как бинарное и делится на две непосредственно составляющие. Те снова делятся на непосредственно составляющие, и процесс заканчивается выделением морфем. Членение речевых единиц необходимо производить так, чтобы каждый раз получались «максимальные отрезки», т.е. такие, которые в свою очередь допускают бинарные членения. Так, в предложении: *Маленькая девочка в белом платье ест большое яблоко* — максимальным членением будет членение на две части: 1) *маленькая девочка в белом платье*; 2) *ест большое яблоко*. Каждое из полученных членений в свою очередь делится, например: *маленькая девочка* / *в белом платье*; *маленькая* / *девочка* и т.д. — до тех пор, пока не будут получены элементы, далее уже неделимые.

Анализ предложения по непосредственно составляющим (НС) по условию должен начинаться в том месте, которое допускает

¹ По Блумфилду, в предложении *Poor John ran away* «непосредственно составляющими» являются две формы: *poor John* и *ran away*, причем каждая из них в свою очередь является сложной формой, т.е. «непосредственно составляющими» *ran away* являются *ran* и *away*. Эта форма все еще сложная, т.е. она состоит из составляющих: *a-* и *way*. В то же время *poor John* делится на *poor* и *John*. Только путем подобного анализа, по мнению Блумфилда, можно дойти до *конечных составляющих морфем* (*ultimate constituents*). Как видно из примера, метод, предложенный Блумфилдом, пригоден и для синтаксиса, и для морфологии.

максимальное количество дальнейших делений. Подобным местом обыкновенно является соединение предиката (чаще всего глагола в личной форме) с субъектом. Далее происходит расчленение группы субъекта и группы предиката на все более мелкие НС, которое продолжается вплоть до наименьших единиц: морфем и даже фонем. В результате расчленения создается некоторая иерархическая цепочка из непосредственно составляющих. В сложном предложении после первого рассечения на НС, которые совпадают с его частями, каждая часть рассматривается как самостоятельное предложение и соответственно членится.

Следует, однако, отметить, что установление места членения языковой структуры по дихотомическому принципу отнюдь не простое дело. Например, **К. Пайк** в статье «**Таксемь и непосредственно составляющие**» предлагает целый ряд критериев, которые должны учитываться при расчленении, а именно: ранг и определители, структурный порядок, позиционная структурная слабость, связанность или свобода грамматических форм, условие деривации, типы морфем, сохранение компонентами своего значения, интонационный признак и паузы, учет аналитических образований, интуиция и здравый смысл [см. 114, 76— 81].

Метод анализа по непосредственно составляющим позволяет установить иерархические отношения между синтаксическими конструкциями внутри предложения. Подобное деление синтаксических сочетаний (по принципу непосредственно составляющих), основанное на установлении определенной иерархии языковых структур и последовательно проводимом в соответствии с этой иерархией дроблением исследуемого отрезка на все более мелкие единицы, выявляет действующие в языке нормы соединения слов и соответствует современным системным отношениям.

При анализе по непосредственно составляющим выделяются два понятия: *модель конструкции* (*construction pattern*) и *класс составляющих* (*constituent class*). Класс составляющих характеризуется встречаемостью в тех же позициях и возможностью подстановки (пример взят из книги Глисона. «An Introduction to Descriptive Linguistics» [63, 299]).

<i>The</i>	<i>old</i>	<i>man</i>	<i>who</i>	<i>lives</i>	<i>there</i>	<i>has</i>	<i>gone</i>	<i>to</i>	<i>his</i>	<i>son's</i>	<i>house</i>
<i>The</i>	<i>graybeard</i>		<i>who</i>	<i>survives</i>		<i>went</i>		<i>to</i>	<i>that</i>		<i>house</i>
<i>The</i>	<i>graybeard</i>		<i>surviving</i>		<i>went</i>		<i>to</i>	<i>Boston</i>			
<i>The</i>	<i>survivor</i>					<i>went</i>		<i>there</i>			
		<i>He</i>						<i>went</i>			

Основным критерием при группировке элементов (слов) в виде составляющих является возможность синтаксической подстановки одного слова вместо целой группы. Это положение оказалось чрезвычайно важным при разработке в дальнейшем другого метода анализа синтаксического уровня — трансформационного анализа.

Все слова объединяются в два типа конструкций: эндоцентрическую и экзоцентрическую.

Экзоцентрической называется конструкция, не являющаяся синтаксически эквивалентной ни одному из ее составляющих, т.е. в которой грамматическая характеристика целого не совпадает с грамматическими характеристиками составляющих. Например, экзоцентрической являются конструкции, состоящие из имени и глагола, типа: *Петр шел; Я бегу* и т.п., так как ни имя, ни глагол в отдельности не имеют синтаксической возможности конструкции имя + глагол. Эндоцентрической называется конструкция, синтаксически эквивалентная одному или более ее составляющих, т.е. когда грамматическая характеристика целого совпадает с характеристикой одной из составляющих частей.

Эндоцентрические конструкции бывают двух типов: сочинительные и подчинительные. Например: *женщины и мужчины* (имя союз имя) — сочинительная конструкция, *умные дети* — подчинительная. В последней конструкции *дети* — это центральный (основной) элемент (*head*), а *умные* — подчиненный элемент (*subordinate*) и т.п.

В экзоцентрических конструкциях рассечение на НС происходит на месте стыка основных определяющих форм. Например, *Петр/шел*. В эндоцентрических конструкциях рассечение происходит на месте стыка, например, определяемого и определяющего. Благодаря анализу по НС удалось более четко представить отношения управления и подчинения, существующие между морфемами. В первую очередь анализ по НС направлен на изучение последовательности морфем.

Схема анализа по непосредственно составляющим получила дальнейшую разработку в трудах Ю.Найды, Р.Уэллса, Р.Питмена, К.Пайка, З.Хэрриса, С.Четмана и др.

Например, формулированию принципов анализа по непосредственно составляющим посвящена статья Р.Уэллса «Непосредственно составляющие» [136]. Требование, выдвигаемое Уэллсом, заключается в том, чтобы при анализе по непосредственно составляющим стремиться к разложению каждого высказывания на наиболее независимые ряды, которые могут встречаться в наибольшем числе окружений. Так, разбиение типа: *the king of England/opened Parliament* является, по его мнению, более подходящим, чем *the king /of England opened Parliament*, так как *opened Parliament* встретится в большем числе окружений, чем *of England opened Parliament*.

Ю.Найда в своей работе «Морфология» [108] выделяет пять основных принципов анализа по НС: 1) деление по НС должно строиться с учетом смысловых отношений; 2) деление основано на заменяемости более крупных единиц более мелкими; 3) число делений должно быть минимальным; 4) деление должно производиться с учетом всей структуры языка; 5) при прочих равных условиях следует предпочитать деление на непрерывные НС (т. е. контактные) делению на прерывные НС (т.е. дистактные).

В 1950-е годы была сделана попытка распространения анализа по НС на фонологию, особенно в работе Ч.Хоккета «Руководство по фонологии» [97]. За основу фонологического анализа Хоккет принимает деление на слоги. В каждом слоге он выделяет три элемента: начало, вершину и исход слога, которые анализируются по НС в зависимости от особенностей фонологической системы в целом. По НС анализируются и отдельные фонемы, составляющими которых считаются их артикуляторные и акустические признаки. Однако уже в «Курсе современной лингвистики» (Ch.Hockett. A Course in Modern Linguistics (p. 152) Хоккет ограничивает анализ по НС лишь грамматическим уровнем.

Примеры анализа предложения из книги Ч.Хоккета

	<i>son</i>	<i>-s</i>	<i>and</i>	<i>daughter</i>	<i>-s</i>	<i>of</i>	<i>a</i>	<i>man</i>	<i>a-</i>	<i>-re</i>	<i>hi-</i>	<i>-s</i>	<i>child-</i>	<i>-ren</i>
<i>The</i>	<i>sons</i>		<i>daughters</i>				<i>a man</i>							
	<i>sons and daughters of a man</i>										<i>his</i>		<i>children</i>	
	<i>sons and daughters of a man</i>								<i>are his children</i>					
	<i>The sons and daughters of a man are his children</i>													

	<i>bought-</i>	<i>-t</i>	<i>a</i>	<i>new</i>	<i>hat</i>
<i>She</i>	<i>bought</i>		<i>a new hat</i>		
	<i>bought a new hat</i>				
	<i>She bought a new hat</i>				

	<i>like-</i>	<i>-s</i>	<i>the</i>	<i>old</i>	<i>man</i>
<i>He</i>	<i>likes</i>		<i>the old man</i>		
	<i>likes the old man</i>				
	<i>he likes the old man</i>				
	<i>He likes the old man</i>				

<i>She</i>	<i>like</i> -s	<i>fresh</i> <i>milk</i>
	<i>likes</i>	<i>fresh milk</i>
	<i>likes fresh milk</i>	
<i>She likes fresh milk</i>		

<i>John</i>	<i>i-</i>	-s	<i>here</i>
	<i>is</i>		
	<i>is here</i>		
<i>John is here</i>			

Значительную роль для последующего развития теории синтаксического анализа сыграла работа Р. Питмена «Ядерные структуры в лингвистике» [115], которая, по существу, уже явилась связующим звеном между методом непосредственно составляющих и трансформационным анализом. В статье Питмена предлагаются некоторые принципы выделения при анализе по НС внутри каждого составляющего его центрального компонента, или «ядра», и подчиненного компонента, или «спутника». В качестве основных характеристик ядра в отличие от спутника Питмен называет *независимость*, т. е. способность употребляться изолированно; принадлежность к классу с большим числом членов; способность сочетания с большим числом классов, иначе — способность употребляться в разнообразных окружениях; вхождение в тот же класс, что и весь составляющий.

Переходным этапом на пути к созданию трансформационного метода можно считать и так называемый «цепочечный» анализ. Проблемы «цепочечного» анализа поднимались в американском языкознании Р. Лонгакром и З.Хэррисом. В одной из своих последних работ З.Хэррис выдвигает теорию, по которой каждое предложение состоит из одного элементарного предложения (или центра) и ряда примыкающих к нему слева и справа членов, или *прилеп.* И элементарное предложение, и «прилепы» образуют цепочки слов, которые относятся к тем или другим классам. Если заменить слова символами соответствующего класса, то получится формула цепочки [см. 94].

Метод анализа по непосредственно составляющим оказывается, по существу, дальнейшим и своеобразным теоретическим развитием теории синтагмы Ф. де Соссюра, поскольку он основан на понятии некоего звена, состоящего из двух связанных между собой «конституентов», или составляющих, из которых одно бывает главным и второе — зависимым. Каждый из «конституентов»

может быть объединен с единицами высшего или низшего порядка по отношению к нему, что допускает развертывание или свертывание предложения. Именно последнее обстоятельство послужило причиной его дальнейшего использования в качестве одного из этапов при создании нового метода синтаксического анализа. Необходимость поисков новых путей анализа, разработки новой методики объясняется тем, что анализ по НС уже не удовлетворял требованиям, предъявляемым к синтаксическим исследованиям в связи с развитием ряда смежных дисциплин, в связи с возникновением новых как чисто прикладных, так и общетеоретических задач. В частности, метод по НС способен вскрыть лишь иерархическую структуру предложения, но не позволяет выделить структурные типы предложений.

3. Трансформационный метод

С середины 1950-х годов в американской лингвистике разрабатывается и применяется новый метод синтаксического анализа, называемый **трансформационным**. Распространение и внедрение идей трансформационного метода сопровождалось резкой критикой классической дескриптивной методики описания материала. К середине 1960-х годов трансформационный метод превратился в один из наиболее широко применяемых методов не только в США, но и в других странах. Успеху трансформационного метода способствовало его коренное отличие от дескриптивной техники анализа, что позволяет по-новому осмыслить уже известный языковой материал.

Основы трансформационного метода и понятия трансформаций были впервые наиболее четко сформулированы в статье **З.Хэрриса «Анализ речи»** (1952) и особенно в статье **«Совместная встречаемость и трансформация в языковой структуре»** (1957). По словам Хэрриса, «трансформационный анализ устраняет значительную часть сложностей анализа по непосредственно составляющим» [37, 529]. Непосредственным толчком к созданию метода и к разработке понятий трансформаций явилась, как отмечает Хэррис, попытка создания метода анализа речевых отрезков, больших, чем предложение, или изолированных предложений, не поддающихся другим методам лингвистического анализа:

«Трансформационный анализ» представляет собой в большей степени алгебраический метод анализа языковой структуры, чем другие общепринятые лингвистические методы [37, 529].

Создатели трансформационного метода исходили из положений современной математической логики, где в качестве основных категорий принимаются, с одной стороны, некоторые аксиомы, а с другой — правила их порождения и преобразования.

Следует при этом отметить, что трансформационный метод отличается от метода НС прежде всего своими целями. Различие поставленной цели заключается в том, что с помощью метода НС пытались ответить на вопрос, каким образом составлено предложение, из каких частей оно состоит. С помощью трансформационного метода пытаются найти ответ на вопрос, из какого предложения или предложений выведено путем структурных преобразований данное конкретное предложение.

В трансформационном анализе используются понятия конструкций, трансформов и трансформаций.

Понятие конструкции выводится из понятия класса, например, класса N или класса V, т.е. имени или глагола. По Хэррису,

...О классах N и V можно сказать, что любое N встречается перед некоторыми V в окружении THE () V и что любое V встречается после некоторых N в окружении the N () [37, 531].

В терминах этих классов может быть описана структура предложений, т.е. указаны наборы морфем, встречающихся в этих предложениях. В предложениях любого языка допустимы лишь некоторые определенные последовательности классов. Некоторое число элементарных последовательностей классов, которые сочетаются определенным способом, называются *конструкцией*. Классы, или подконструкции, в конструкции характеризуются их окружением. Характеристики классов, или подконструкции, в конструкции составляют статус, или отношение, каждого класса в конструкции или же статус конструкции в большей конструкции.

В ряде конструкций окружения оказываются почти одинаковыми. Понятие трансформации применяется именно к такому типу предложений. По Хэррису:

Если две или более конструкции (или последовательности конструкций), содержащие одни и те же p классов, встречаются с одним и тем же набором из p членов этих классов в одном и том же окружении в предложении, мы говорим, что эти конструкции являются *трансформами* одна другой и что каждая из них может быть получена из другой посредством определенной *трансформации* [37, 537].

В основе трансформационной теории лежит положение о делении всех предложений исследуемого языка на две категории: на так называемые *ядерные* предложения и все остальные предложения языка. Ядерные предложения принадлежат к ядру грамматики, которая «представляет собой множество элементарных предложений и соединительных элементов» [37, 627]. Другая категория состоит из множества производных предложений или *дериватов*. Считается, что если принять в качестве исходных данных некоторое характерное для данного языка количество ядерных структур, то все предложения другой структуры можно рассматривать как произ-

водные от этих основных структур с помощью одной или нескольких трансформаций. Таким образом, как отмечает Хэррис:

Трансформации играют особую роль в общей структуре языка. Благодаря неограниченной повторяемости различных трансформаций становится возможным построение разнообразных предложений неограниченной длины из набора ядерных предложений [37, 630].

Для того чтобы перечисленные выше положения стали более понятными, можно взять элементарный пример. Допустим, в качестве такого простейшего примера возьмем предложение: *Маленькая девочка ест большое яблоко*, которое может быть представлено таким образом, что одни слова играют роль «ядра», а другие — примыкающие к ним — «сателлитов». Обозначим через П — прилагательное, С — существительное, Г — глагол. Теперь это предложение имеет следующий вид:

<i>маленькая</i>	<i>девочка</i>	<i>ест</i>	<i>большое</i>	<i>яблоко</i>
П	С	Г	П	С
С		Г		

Конструкция СГ может считаться окончательной, далее не сводимой конструкцией, т. е. «скелетом» всего предложения. Подобные «скелеты» предложения называются ядерными конструкциями. Из ядерных предложений можно построить, добавляя определенные классы слов, развернутые предложения различной длины. Например, предложение *Девочка ест* можно развернуть в *Маленькая девочка ест большое яблоко*; *Очень маленькая хорошенькая девочка ест с аппетитом большое красное яблоко*; *Очень маленькая хорошенькая девочка в белом платье с аппетитом ест большое красное яблоко* и т. д. Такой процесс развития окончательного ядра называется **деривацией**.

Трансформация — это формальные операции, которые производятся над ядерными предложениями, чтобы получить более сложные предложения. Следовательно, трансформация — это преобразование языкового материала, производимое по определенным, заранее заданным правилам. Очень упрощенно это можно представить следующим образом. Возьмем, например, предложение: *Сестра вяжет шапку*. Это же предложение без ущерба для его общего смысла можно преобразовать в: *Шапка вяжется сестрой*. Запишем это, обозначив существительное через С (соответственно С¹ — подлежащее, С² — дополнение, Г — глагол).

<i>Сестра</i>	<i>вяжет</i>	<i>шапку</i>	<i>Шапка</i>	<i>вяжется</i>	<i>сестрой</i>
С*им.п.	Г	С ² вин.п.	С ² им.п.	Г	С ² тв.п.

Заменим эти обозначения на X и Y. Тогда: $C^1 = X^b$, $\Gamma = Y$, $C^2 = X^2$.
Получаем: $X, - Y - X^2 \longrightarrow X^2 - Y - X^1$.

Над одной и той же ядерной конструкцией может производиться не одно преобразование, а несколько. В таком случае последовательность трансформаций должна осуществляться по заранее установленным правилам. Эта последовательность трансформаций, каждая из которых предполагает уже совершенной предыдущую трансформацию, образует так называемую алгебру трансформаций. Алгебра трансформаций, их внутренняя структура так же, как и максимальное число трансформаций, которые могут производиться над одной структурой, различаются от языка к языку, хотя некоторые трансформации могут совпадать в разных языках.

Таким образом, оказывается, что, зная правила выведения производных из первичных ядер, можно построить трансформационную грамматику любого языка, поскольку все предложения языка могут быть выведенными из некоторого количества ядерных предложений и соединительных элементов.

Для того чтобы правильно определить и произвести операции, необходимые для каждой трансформации, надо, прежде всего, проанализировать структуру исходного предложения. Этот анализ производится с помощью метода непосредственно составляющих.

Цель применения правил уровня непосредственно составляющих — получение древоподобных моделей, отображающих структуру предложения. Точки разветвления получаемого синтаксического «дерева» соответствуют различным непосредственно составляющим. Примером подобного древа может служить частичная структура русского предложения [см. 37, 309].

Предложение					
Подлежащее			Сказуемое		
Принаречная группа			Приглагольная группа		
Наречие	Присубстан. группа	Им. п.	Глагол перех.	Дополнение	Вин. п.
	Префикс	Основа глагола перех.	Прошедшее время	Присубстан. группа	

Когда дерево сконструировано, то все операции производятся над его «ветвями». На следующем этапе анализа синтаксическое дерево вновь вытягивается в цепочку, каждому звену которой придается нужная форма. Для этого используются морфофонологические правила, разработанные ранее дескриптивистами. И наконец, производится описание фонологического состава предложения. Итак, описание лингвистической структуры предложения состоит из четырех показателей: 1) показатель структуры предложения; 2) показатель трансформационной структуры, т.е. описание деривационной истории предложения; 3) показатель морфоноло-

гической структуры; 4) показатель фонемного строения высказывания.

Трансформационная грамматика, следовательно, по своему составу распадается на два раздела: синтаксический и фонологический.

Синтаксический раздел также распадается на два раздела или подраздела. Первый раздел представляет правила классификации элементов и соединения элементов предложения между собой. Второй — набор сложных операций для преобразования грамматической структуры предложения.

Фонологический раздел содержит морфонологические и фонологические правила в отношении сочетаемости морфем и фонем, которые позволяют превратить цепочки символов в реальную речевую последовательность.

Трансформационный метод чаще всего применяется в тех случаях, когда требуется установить наличие многозначности или омонимичности тех или иных языковых единиц. С помощью трансформаций удается определить структуру конструкций, не поддающихся обычному лингвистическому анализу (например, структуру *flying planes* 'летающие самолеты' в предложении: *Flying planes is my hobby* — 'летать на самолетах — мое любимое занятие') [см. 37, 630].

На основе трансформаций можно определить различия и сходства предложений. Рассмотрим, например, следующие четыре сходные предложения.

- S¹ Mary has a sad fate* — У Мэри печальная судьба
S² Mary's fate is sad — Судьба Мэри печальна
S³ Mary's fate is a sad one — Судьба Мэри печальная
S⁴ Mary's fate is a sad fate — Судьба Мэри — печальная судьба

Эти предложения получены в результате трансформаций некоторых или всех трех ядерных предложений: 1. *Mary has a fate.* 2. *Fate is a fate.* 3. *Fate is sad* [см. 37, 630— 631].

Иными словами, по мысли создателей трансформационного анализа, можно любую последовательность предложений сводить к ядерным конструкциям и их трансформациям.

Типы трансформаций, выделяемых З.Хэррисом и Н.Хомским, классифицируются следующим образом:

1. Различаются обязательные и желательные трансформации. К желательным трансформациям относятся, скажем, инверсии. Например, *Наступила зима*, но *Зима наступила*.

2. Различаются трансформации, изменяющие всю структуру предложения (как в случае трансформации активной формы в пассивную) или лишь добавляющие какие-то элементы к неизменяемому ядру. Например: *Я хочу есть. Я не хочу есть*.

3. Различаются трансформации в зависимости от того, производятся ли преобразования внутри одной структуры или объе-

диняются и трансформируются две и более структур. Например: *Он читает книгу; Я тоже читаю книгу; Он читает книгу, и я тоже* и т.д.

Хомский выделяет 24 типа трансформаций. Сюда включаются трансформации связи слов, трансформации активной формы в пассивную, трансформация вопроса, отрицания, инверсии и т.д.

Применение трансформационного метода в некоторых случаях дает в руки лингвисту возможность более глубоко понять специфику того или другого языкового явления. Идея трансформационного анализа лингвистических явлений применяется и при сопоставлении различных языковых систем. Например, трансформация находит особое применение в типологии языков — для сравнения языков разной структуры.

Трансформациями пользуются и при переводе, так как сходство между многими языками больше в ядерных предложениях, чем во всей их структуре. Трансформационный анализ нашел широкое применение как один из методов автоматического перевода. Как известно, сначала производится «свертывание» синтаксической структуры при анализе переводимого языка и «развертывание» при синтезе переводящего языка. А трансформационные правила предполагают как перестройку структуры предложения, так и его свертывание и развертывание.

К 1960-м годам особое развитие получили идеи Н.Хомского, представляющие собой дальнейшее и особое развитие трансформационной методики. Из работ Хомского, развивающих эти идеи, особенно важна книга «Синтаксические структуры» [40].

Основой концепции Н.Хомского является понятие порождающих грамматик. Согласно этой концепции грамматика языка, а по существу весь язык, рассматривается как некое порождающее устройство. *Порождающая грамматика* — это не только метод исследования языка, преследующий строго практические цели, но и некая общая теория языка: «Грамматика языка есть в сущности теория языка» [40, 456].

Эта теория стремится к рассмотрению языка не только в статическом, но и в динамическом аспекте. Истоки порождающей грамматики сам Н.Хомский возводит к идеям В.Гумбольдта о творческом аспекте языка. Цель создания порождающей грамматики, как указывается в работе «Логические основы лингвистической теории», в выявлении строгих правил, по которым протекает в языке эта творческая деятельность:

Порождающая грамматика... есть результат попытки изобразить точным образом некоторые аспекты гумбольдтовской формы языка; та или иная теория порождающей грамматики есть результат попытки выяснить, какие именно аспекты этой формы являются общим человеческим достоянием [41, 476—477].

Именно в силу этого порождающая грамматика важна, по его мнению, для моделирования обучения языку. Как стремится показать Н. Хомский в работе «Explanatory Models in Linguistics», процесс обучения ребенка языку может рассматриваться как постепенное интуитивное конструирование трансформационной порождающей модели в его мозгу.

Порождающая грамматика не выводится из языкового материала (иначе, текста), а строится, конструируется, после чего проверяется ее адекватность объекту. Это означает, что трансформационная грамматическая модель должна обладать способностью порождать правильные предложения языка, и только их. По словам Хомского, грамматика языка есть: «Своего рода механизм, порождающий все грамматически правильные последовательности языка и не порождающий ни одной грамматически неправильной» [40, 416].

Иначе говоря, порождающая модель должна обладать способностью отбирать из множества высказываний только те и все те, которые являются предложениями данного конкретного языка. Грамматическая правильность не подразумевает осмысленность. Например, предложения типа: *Spinach is eaten by John* и *John is eaten by spinach* или *Colorless green ideas sleep furiously* оказываются в равной степени правильными. Правильность устанавливается интуитивно носителем языка.

Итак, трансформационная грамматика и дескриптивная грамматика различаются не только методами анализа, но своими общетеоретическими установками. Так, дескриптивистами язык воспринимался как набор знаков, которые должны быть выделены и классифицированы. Дескриптивная грамматика поэтому является описательной. У Н. Хомского язык выступает как особое порождающее устройство, дающее на выходе правильные предложения. Соответственно к его грамматика является синтезирующей, «порождающей».

Н. Хомский дает формальное описание синтаксической структуры языка, сформулированное согласно математической логике и в ее терминах. Описание представляет собой систему аксиом и выводимых из них теорем.

Критериями оценки грамматики Хомский считает: 1) полноту (грамматика должна давать все грамматически правильные предложения языка); 2) адекватность (порождаемые предложения должны быть приемлемы для природного носителя языка); 3) простоту. Для подтверждения своей идеи Хомский рассматривает несколько грамматик, основанных на разных моделях.

Модель первой грамматики представляет собой машину, известную в математике под именем «**марковского процесса с конечным числом состояний**». Теоретико-коммуникационная модель языка этого типа позволяет рассматривать каждого говорящего как по-

добную машину. Указанная грамматика представляет собой устройство, способное принимать конечное число состояний. Машина начинает свою работу с начального состояния, проходит ряд промежуточных состояний и оканчивает работу конечным состоянием. При каждом переходе в некое состояние порождается слово. Порожденная таким способом последовательность слов называется предложением. Множество предложений, создаваемых с помощью этой машины, называется языком. Это язык с конечным числом состояний, при котором предложения порождаются слева направо. Но так как английский язык (как и другие естественные языки) не является языком с конечным числом состояний, то описанная модель не является адекватной задачам грамматики.

Второй из возможных типов грамматик Хомский называет **модель непосредственно составляющих**. Эта грамматика представляет собой:

1) набор единиц и символов. Например, N — существительное, V — глагол, NP — именная группа, VP — глагольная группа, T — артикль и т.д.;

2) набор правил развертывания этих символов. Каждое правило развертывания X—Y означает предписание «вместо X-поставить Y». Подобная грамматика на примере одного предложения: *The man hit the ball* выглядит следующим образом: 1. Предложение -> NP + VP; 2. NP -> T + N; 3. VP -> Verb + NP; 4. T -> the; 5. N -> *man, ball* и т.д. 6. Verb -> *hit, took* и т.д. [40, 430]. Описанная модель, по мнению Хомского, «является более сильной, чем первая» и более пригодной, так как может производить большее количество предложений. Последнее доказывается в виде теоремы. Однако в случае предложений более сложных, чем простые, она оказывается слишком громоздкой.

Грамматика третьего типа — **трансформационная грамматика**, рассматривается как наиболее удачная модель. Трансформационная грамматика представляется как система, обладающая «трехчастным строением», т.е. состоящая из трех уровней: уровня непосредственно составляющих, трансформационного уровня и морфофонемного уровня.

Грамматика включает ряд правил, с помощью которых можно воссоздать структуру непосредственно составляющих, и ряд морфофонемных правил, обращающих цепочки морфем в цепочки фонем. В качестве связующего звена имеется ряд трансформационных правил, переводящих цепочки структуры непосредственно составляющих в цепочки, к которым приложимы морфофонемные правила [40, 519].

Правила структуры непосредственно составляющих и морфофонемные правила Хомский рассматривает как элементарные, а трансформационные — как более сложные, производные. Основ-

ное различие заключается в том, что использование нетрансформационных правил требует знания лишь формы цепочки, к которой они применяются, в то время как для применения трансформации к цепочке требуется знание истории ее деривации.

Особенность грамматической концепции Н.Хомского в том, что если ранее американские лингвисты уделяли преимущественное внимание грамматическому анализу, то Хомский предлагает заняться в первую очередь грамматическим синтезом. Грамматика Н.Хомского — *синтезирующая грамматика*. Подобный подход к проблеме создания грамматики объясняется прежде всего чисто практическими задачами, возникающими в связи с все возрастающей ролью проблем массовой коммуникации.

В связи с новыми задачами синтеза предложений, некоторое множество которых объявляется языком, по-новому ставится и вопрос уровней языка. Лингвистические уровни, по Хомскому, представляют собой последовательные этапы предложений или высказываний: «Лингвистический уровень есть метод представления высказываний» [40, 519].

Каждый лингвистический уровень имеет конечный словарь символов, которые располагаются в линейной последовательности, образуя цепочку символов с помощью операции сцепления. Последняя обозначается знаком +. На фонемном уровне это словарь называется *алфавитом языка*. На морфемном уровне — это элементы словаря типа: *the, boy, S, past, come* и т.д. Из них можно образовать цепочку: *the + boy + S + come + past*. С помощью морфофонемных правил последняя превращается в цепочку /бэ + + boyz # keuz/, представляющую высказывание *The boys came*. Символ # означает здесь границу слова, а косые скобки — обычный символ, применяемый на уровне фонем.

Процесс порождения начинается с **лингвистического уровня «непосредственно составляющих»**. Исходным пунктом модели непосредственно составляющих является предложение или символ: # предложение #. Этот символ последовательно преобразуется следующим образом:

1. Предложение —> NP + VP (группа имени + группа глагола).
2. VP —> Verb —> NP (символ группы глагола преобразуется в символ глагола + символ группы имени).
3. NP NP_i или NP^{sing} (символ группы имени в единственном или множественном числе).
- 4- NP^{sing} T + N + O (символ группы имени в единственном числе преобразуется в символ артикля + символ имени + символ морфемы, выражающей единственное число для существительных и множественное для глаголов (т.е. *boy* 'мальчик', *come* 'приходят')).
5. NP_i T + N + S¹ (символ группы имени во множественном числе преобразуется в символ артикля + символ имени + символ

морфемы, выражающей единственное число для глаголов и множественное число для существительных, т. е. *comes* 'приходит', *boys* 'мальчики').

6. T → *the*.

7. N → *тяя, to//* и т.д.

8. Verb → Aux + V (символ глагола преобразуется в символ вспомогательного глагола + символ знаменательного глагола).

9. V → *hit, take, walk*.

10. Aux C (M) (*йдуе + en*), (*be + wg*).

11. M *will, can, may, shall, must* [см. 40, 522—523].

В результате 11 правил, предложенных Хомским, образуется цепочка символов, частью совпадающая с конкретными морфемами, частью обобщенного характера.

Анализ по непосредственно составляющим для Хомского представляет собой грамматику, определяемую конечным множеством Z начальных цепочек и конечным множеством F «формул-команд» вида $x \rightarrow y$, что означает «подставить y вместо x». ^необязательно должен быть одним символом, но только один символ из состава x может быть заменен при образовании y. Таким путем происходит своеобразный процесс деривации. Деривацию Хомский определяет как «конечную последовательность цепочек, начинающуюся с одной из начальных цепочек £, такую, что каждая цепочка в ней получается из предыдущей цепочки в результате применения одной из формул-команд множества F» [40, 434].

Цепочка, являющаяся последней цепочкой завершенной деривации, называется терминальной.

Итак, «применение правил порождения связано со следующими условиями: 1) каждое отдельное правило допускает перекодирование только одного символа; нельзя перекодировать одновременно два или несколько символов; 2) в процессе перекодирования не допускается перестановка символов; 3) при формулировке правила порождения цепочек принимается во внимание только состояние каждой данной цепочки; что же касается предшествующих цепочек, то их состояния не принимаются во внимание. Иными словами, история деривации каждой данной цепочки не влияет на порождение следующих цепочек [см. 42, 392-393].

Второй этап — это **трансформационный уровень** или трансформационная модель, которая характеризуется структурным разложением цепочек и структурными изменениями, которые она производит в этих цепочках. Трансформация может быть обязательной и необязательной (возможной). К числу **обязательных трансформаций** в английском языке включаются: число, вспомогательные глаголы, граница слова, глагол *do* и др. Например, возьмем обязательную трансформацию Aux. Структурное разложение здесь: X—Af—V—Y (где Af есть любое C, либо *en* или *ing*\ v — любое M

либо *V*, или *have* либо *be*). *Af* есть любой из аффиксов *past*, *S*, *O*, *en*, *ing*. Через *v* обозначается любой из элементов *M*, *V*, *have*, *be* (т.е. любой неаффикс в группе *Verb*). Тогда $Af+v \rightarrow v + Af\#$, т.е. символы *Af* и *v* меняются местами. Структурное изменение здесь передается формулой: $X^1 - X^2 - X^3 - X^4$.

С помощью трансформационных правил предложения, порожденные по модели непосредственно составляющих, превращаются в новые предложения. В отличие от модели непосредственно составляющих в трансформационной модели допустимы одновременное перекодирование нескольких символов и перестановка символов. Непременным условием трансформационной модели является также обращение к истории деривации цепочек.

На последнем **морфофонемном уровне** цепочки символов преобразуются в реальные слова, а затем предложения языка. Морфофонемика языка также задается в виде набора правил типа «подставить *u* вместо *l*». Например, *take + past* \rightarrow /tuk/, *hit + past* \rightarrow /hit/.

Итак, в описываемой грамматике порождение предложений происходит путем последовательной переработки некоего нерасчлененного предложения (или символа *S*) в терминальную цепочку или ядерное предложение. Из ядерных предложений порождаются новые цепочки, которые затем перекодируются в цепочки морфофонем в соответствии со специальными морфофонемными правилами. Подобную трансформационную грамматику приравнивают в кибернетическому устройству особого вида, получающее на входе предложение и выдающее на выходе цепочки морфофонем [см. 42, 400–401]. Подобное гипотетическое порождающее устройство имеет обычно следующие три компонента: 1) набор простых грамматических объектов, из которых порождаются сложные грамматические объекты; 2) набор операций, применение которых к простым грамматическим объектам служит средством для порождения сложных грамматических объектов; 3) набор структурных характеристик, приписываемых каждому порождаемому сложному грамматическому объекту (таким образом задается иерархия порождения сложных грамматических объектов) [42, 18].

Грамматика Н. Хомского, по замыслу ее автора, должна создать высоко абстрактную теорию лингвистической структуры, в которой «описательные механизмы конкретных грамматик представлялись бы и изучались абстрактно без обращения к конкретным языкам», причем одну из ее важнейших задач Н. Хомский видит в том, чтобы «выработать общий метод выбора грамматики для любого языка...» [40, 415].

Ведь, как подчеркивает Н. Хомский:

...Любая научная теория основывается на некотором конечном множестве наблюдений, и, устанавливая общие законы, формулируемые в

терминах новых понятий, она пытается объяснить эти наблюдения, показать, как они связаны между собой, и предсказывать бесконечное число новых явлений [39, 238].

Таким образом, задача порождающей грамматики — быть орудием познания. Именно эту познавательную роль теории Н.Хомского отмечает С. К. Шаумян, когда он пишет:

Мы полагаем, что следует поставить Н.Хомскому в большую заслугу, что он по-новому сформулировал цель лингвистической теории. Новая формулировка цели лингвистической теории гармонирует с фундаментальными принципами логики науки. С точки зрения современной логики науки для всякой научной теории существенно не описание того, как сложилась эта теория, а функционирование теории в качестве средства для познания законов действительности [42, 406].

Подводя итоги, следует, прежде всего, еще раз подчеркнуть самостоятельность и специфику развития американского языкознания в целом и американского структурализма в частности. Американское языкознание нельзя рассматривать как нечто цельное и единое. Напротив, американское языкознание предстает как сложный комплекс различных направлений и школ. Но основным направлением 1940—1950-х гг. является дескриптивизм. Основной задачей дескриптивизма объявляется описание языка, или упорядоченная регистрация фактов языка, но не их объяснение. Подобный подход к языковым явлениям и определил задачи дескриптивной лингвистики — дать набор предписаний об описании языка. Американской лингвистике свойственно стремление разработать наиболее совершенную модель описания языка. Период поиска наиболее совершенной, логически последовательной модели делится на два этапа.

Первый этап, связанный с попытками дать исчерпывающее описание морфем языка и комбинаций этих морфем, относится к началу 1940-х годов. Он продолжается до середины 1950-х годов. Разработке проблем создания подобной модели посвящены вышедшие в те годы работы З.Хэрриса, Ч.Хоккета, Дж.Трейджера, Б. Блока и других американских лингвистов.

Второй этап, связанный с созданием так называемой «трансформационной грамматики», относится к середине 1950-х годов вплоть до середины 1960-х годов. Разработке этой проблемы посвящены вышедшие в то время труды З.Хэрриса, Н.Хомского и других авторов. Принципы, выдвинутые Хомским и другими авторами, соответствовали всему духу современных им наук, особенно точных, где дедуктивному построению математических моделей объекта придавалось исключительное значение. Трансформационный анализ — это следующий этап развития американского структурализма. Трансформационный анализ теснейшим образом связан с дескриптивным анализом, с дескриптивной лингвисти-

кой, хотя их цели и задачи существенно различаются. Трансформационная модель, в отличие от дескриптивной модели, не устанавливает принципы выделения единиц языка. Трансформационная модель устанавливает некую сумму правил построения различных типов «правильных» предложений какого-то данного языка. Следует также отметить следующее существенное различие между дескриптивным и трансформационным анализами, а именно: дескриптивное описание языка по методу непосредственно составляющих ограничивается лишь установлением линейных, синтагматических отношений между языковыми единицами, в то время как трансформационный анализ устанавливает прежде всего их парадигматические отношения¹.

V. Лондонская лингвистическая школа

Лондонская школа направляет свою деятельность на построение общей теории языка, что в этом отношении сближает ее с глоссематической концепцией. Однако в отличие от глоссематики, лондонцы стремятся к созданию такой общей теории, в рамках которой можно найти место и объяснение, применительно к любому данному случаю, специфическим особенностям какого-либо языка («без навязывания ему категорий универсально-грамматического описания»). Собственно, в большей степени, чем построить общую теорию, лондонцы стремятся выработать адекватные методы структурно-функционального исследования конкретных живых языков. Такая теория, по мнению лондонцев, должна обеспечить индуктивное семантико-семиотическое описание языка. В этом отношении лондонская школа отличается и от американской дескриптивной лингвистики. Одновременно лондонцы стремятся к разработке методики формально-лингвистического анализа, что, с другой стороны, сближает лондонцев с американскими дескриптивистами.

Основоположником и теоретическим главой лондонской школы явился Джон Руперт Фёрс (1890—1960). Вокруг него объединилась (а позже расширилась) группа английских языковедов. Среди них: В.С.Аллен, Натали Ватерсон, Дж.Т.Бендор-Самуел, Дж. Карнохан, Т.Ф.Митчел, Ф.Р.Пальмер, Р.Г.Робинс, Р.К.Спринт, В.Хаас, М.А.К.Халидей (Халидей).

¹ В американском языкознании широко применялись и применяются методы количественной оценки языковых явлений. Они используются, например, для решения общих проблем типологии языков, для изучения вопросов контактирования языков, для установления генетического родства языков и т.д. В разработке методов математической лингвистики следует особо отметить деятельность таких научных центров, как Массачусетский институт технологии, Гарвардский университет, университеты штатов Мичиган, Пенсильвания и др. Именно с деятельностью этих научных центров связано возникновение и развитие особой области языкознания, так называемой прикладной лингвистики.

Лингвистические воззрения самого Фёрса складываются в основных чертах в течение 1930—1940-х годов.

Последующий период в деятельности Фёрса, его учеников и последователей, т. е. собственно школы, характеризуется уточнением и дальнейшим развитием теоретических положений и выработкой и проверкой методик лингвистического анализа на материале описания многочисленных, в частности малоизученных, языков.

Процесс формирования концепции Фёрса тесно связан с практической и научной деятельностью самого Фёрса: работа в семинаре Б. Малиновского в Лондонском университете; преподавание английского языка в Индии; работа в отделе фонетики Лондонского университета, в отделе лингвистики и фонетики Института востоковедения и африканистики; организация в 1944 г. и руководство (до 1956 г.) первой кафедрой общего языкознания в Лондонском университете; работа с 1954 года в качестве председателя Лондонского филологического общества.

Организационное оформление Лондонской школы как таковой можно датировать 1944 г., когда Фёрс стал руководителем кафедры общего языкознания [см. 99, /] в Лондонском университете. Отсюда проистекает и само наименование школы (хотя ряд принадлежащих к ней языковедов в это время работали в других учебно-академических центрах Англии и даже за ее пределами).

В 1960-е годы (после смерти Фёрса) в английском языкознании обозначалась нео-фёрсианская школа под руководством М.А.К. Холидея (Эдинбургский университет) и Р. М. У. Диксона — ученика Холидея (Лондонский университет) [см. 99, 6].

В становлении отправных общенациональных положений Лондонской школы важную роль сыграли культурно-социологические доктрины Б. Малиновского и Дж. Р. Фёрса и затем развитая Фёрсом теория структурно-функционального исследования значения методом формализованного контекстуально-ситуационного анализа.

Лондонская школа возникает как оригинальное ответвление широкого структурального течения в языкознании XX в.

Достаточную самостоятельность концепции Лондонской школы легко показать, обратившись к некоторым историческим фактам. Известная книга Л. Блумфилда «Язык» [2] появилась в 1933 г. Несравненно менее известная, за пределами Лондонской школы, работа Дж. Фёрса «Речь» [65] вышла в 1930 г. За ней последовало сочинение «Языки человечества» [72]. Сравнение этих работ (работы Блумфилда, с одной стороны, и работ Фёрса — с другой) обнаруживает как независимость формирования двух самостоятельных линий в развитии структурно-лингвистического мышления, так и расхождение двух взглядов на язык, на задачи и характер лингвистического исследования. Наиболее ярко это различие проявилось в отношении к проблеме значения.

В названных работах Фёрс подчеркивает важность анализа значения в языке, в противоположность, как известно, Блумфилду и его школе, рассматривавшим значение как феномен, находящийся за пределами формального лингвистического описания. Это с самого начала обозначившееся различие в дальнейшем обрело достаточно строго кодифицированную форму и сохранилось вплоть до 1960-х годов. В 1960-е годы, однако, намечается сближение американской и английской концепций. Оно осуществляется через формирование лингвистических взглядов некоторых учеников Блумфилда и Фёрса (и их прямых последователей). На почве английского языкознания к таким можно отнести, например, Дж.Лайенза, который в целом ряде аспектов своей семантической концепции (и в особенности в синтаксической теории) придерживается идеи трансформационной и генеративной грамматики [см. 101] и не относится к Лондонской школе в собственном смысле.

Материалом лингвистического анализа многих работ Фёрса и его последователей были малоизвестные и малоизученные языки Юго-Восточной Азии и Африки.

Результаты исследований публиковались в таких специальных журналах, как: «Бюллетень Института востоковедения и африко-америки», «Международный журнал американского языкознания», «Журнал американского востоковедческого общества», «Труды филологического общества».

Лишь в 1960-е годы, с опубликованием сборника избранных работ Фёрса [см. 86], куда вошла его обобщающая теоретическая статья «Синописис лингвистической теории: 1930—1955 гг.» [83], делающая попытку изложить систему взглядов Лондонской школы, а также сборника работ его учеников и последователей [132], идеи Лондонской школы получают широкое распространение и научный резонанс.

1. Некоторые черты английской лингвистической традиции и Лондонская школа языкознания

Британское языкознание, его традиции существенно отличаются от языкознания континентальной Европы.

Школы континентальной Европы, игравшие ведущую роль в развитии лингвистической теории в XIX в., сосредоточили свои интересы в области исторического и сравнительного языкознания и занимались почти исключительно исследованием индоевропейских языков, преимущественно на материале письменных памятников.

Британское же языкознание уже с середины XIX в. уделяет много внимания исследованию живых языков самых разнообразных типов и самой различной этнической принадлежности. Для британской лингвистической мысли всегда были характерны устремле-

ния в область научного познания живых языков. Ими много, в частности, сделано по изучению так называемых «примитивных», или «экзотических», языков.

Такой характер британского языкознания, безусловно, связан с особенностями расширения лингвистической базы британских языковедов. В районах Британской империи они получают возможность первыми исследовать данные языков самых различных групп, часто весьма редких и ранее неизученных. Эта исследовательская работа принимает в конце XIX в. и первой половине XX в. широкий размах. Значительную роль в этом играет Научно-исследовательский институт востоковедения (позже переименованный в Институт востоковедения и африканистики), и в частности его отдел лингвистики и фонетики.

Британская лингвистика, кроме того, всегда характеризовалась достаточно выраженным прикладным характером. В лингвистической работе конца XIX в. и особенно начала XX в. наряду с вопросами истории языка, диалектологии и лексикологии большое место занимали проблемы практической фонетики, графики, орфографии и орфоэпии — применительно как к английскому, так и к другим языкам, в том числе младописьменным и бесписьменным (в различных территориальных владениях Великобритании).

В рамках британской колониальной политики лингвистической работе, как и в целом языковой политике, всегда уделялось значительное внимание.

Интересно попутно отметить одну особенность кадровой политики британского Министерства иностранных дел и Министерства колоний. В наборе служащих для британских ведомств, миссий, просветительных, торговых и информационных агентств в колониях нередко отдавалось предпочтение выпускникам филологических и, в частности, классических факультетов, а не коммерческих, философских и политических, исходя из того, что серьезная подготовка в классических и европейских языках и хорошее гуманитарное образование поможет молодым служащим быстро освоить местные языки, наречия и психологию народа и обеспечит эффективное выполнение самих разнообразных задач.

Между прочим, преподавателями английского языка и другими специалистами с лингвистическим образованием проделана значительная работа по описанию многих до того науке не известных туземных языков и диалектов Азии и Африки.

Традиции британского языкознания, в частности интерес к всестороннему исследованию живых языков, естественно, отразились на характере лингвистической работы английских научных школ и выдающихся языковедов конца XIX в. и первых десятилетий XX в., таких, как Г.Суит, Д.Джоунз и др. Отразились они и

на облике и интересах Лондонской лингвистической школы. Именно так можно интерпретировать особенный интерес Лондонской школы к исследованию звуковой стороны языка и всестороннему изучению феномена «значения» в живом языке.

Для Г. Суита были характерны исторически ориентированные лингвистические исследования, а также работы с выраженной описательно-прикладной направленностью [см. 13, 309; 99, 4].

Много было сделано в исследовании звуковой стороны языка (опять-таки под историческим углом зрения или в учебно-прикладных целях) знаменитой фонетической школой Джоунза [см. 73].

Исследованием семантики на почве английского языкознания много и плодотворно занимается, например, Стефен Ульман [см. 128—132].

Между тем именно эти внешние совпадения позволяют легко показать те характерные черты, которые составляют более глубокое отличие исследований звуковой стороны языка и значения в языке лондонскими языковедами от исследований школы Джоунза, с одной стороны, и исследований С.Ульмана, с другой стороны, и которые формируют особенное лицо Лондонской лингвистической школы.

Основные программные задачи исследовательской работы, сформулированные в рамках Международной фонетической ассоциации в 1938 г. Д.Джоунзом, включают следующие пункты: а) изучение проблем практической фонетики и орфоэпии в целях совершенствования освоения произносительных норм родного и иностранных языков, а также исправления дефектов речи; б) изучение вопросов графики, орфографии и алфавитов в приложении к различным, в частности младописьменным и бесписьменным, языкам; в) работа в области лексикографии; г) историческое и сравнительно-историческое изучение языков; д) диалектологические исследования [см. 73, 93и сл.].

Проблематика, намеченная Джоунзом, остается, таким образом, в основном в русле традиционной, в значительной мере младограмматической исследовательской практики.

Что касается семантических исследований С.Ульмана, то он занимается преимущественно проблемами теоретической и исторической семантики. Его интересуют проблемы общей и лингвистической семантики [см. 128; 129], природа значения языковых единиц, закономерности семантических сдвигов и соотношений, возможности структурно-диахронического исследования семантики, пути выявления универсальных семантических принципов и семантических законов языка [см. 130; 131].

Фёрс же и его коллеги, хотя их лингвистическое мировоззрение формируется в условиях влияния той работы, которая осуществляется в английском языкознании, традиции которого тесно связаны с именами Г. Суита, Д. Джоунза и других видных языко-

ведов, вместе с тем решительно расходятся с ними как во взглядах на язык и лингвистику, ее объем, задачи, методы исследования, так и в трактовке различных языковых фактов. Так, например, если английская фонетическая школа отводит фонетике центральное место в ряду лингвистических дисциплин, то школа Фёрса (1940—1950-е годы) считает, что примат в лингвистическом исследовании должен принадлежать исследованию значения, что фонетика лежит в основе лишь фонологических исследований, которые, в свою очередь, служат делу описания фактов лексики и грамматики.

Но и к исследованию значения школа Фёрса подходит особым образом. Она формулирует строго функциональную теорию значения и последовательно разрабатывает целый арсенал приемов и процедур структурно-лингвистического анализа, направленного на выявление и описание значения языковых единиц различных уровней на материале многочисленных живых языков — в строгом соответствии с требованиями синхронно-системного анализа. В конечном счете весь аппарат лингвистических методов и процедур, характерный для Лондонской школы, предназначен для выявления и описания значения языковых единиц.

Лондонская школа стремится безоговорочно отмежеваться от традиционных идей и методов в языкознании, ставит перед языкознанием новые задачи, формулирует по-новому многие вопросы общетеоретической значимости, расширяет рамки исследуемого языкового материала.

Лондонская школа сумела не только преодолеть определенную узость европейского лингвистического наследия XIX в. и развить многие идеи языкознания XX в. Ей в известных отношениях удалось преодолеть, а в других отношениях развить и традиции собственно британского языкознания.

Дж. Фёрс и его последователи выдвигают требование еще более решительно обратиться к изучению живых языков, особенно редких и неизученных языков Азии и Африки, продолжая в этом собственно английскую традицию.

Лингвистические интересы Лондонской школы весьма многосторонни и охватывают важнейшие вопросы общего языкознания, а именно:

- Язык и общество. Место и функции языка в обществе. Язык и культура. Проблема личности в связи с исследованием языка.
- Сущность языка. Определение и разграничение языка.
- Движущие силы в развитии языка.
- Язык и языкознание. Задачи лингвистики.
- Строение языка. Выделение языковых уровней и единиц.
- Система лингвистического описания. Описание строения языковых уровней и единиц уровней. Система терминов лингвистического описания. Язык лингвистики.

- Релевантные признаки лингвистических категорий и критерии их установления.
- Проблема привлечения экстралингвистических данных к лингвистическому анализу любого (в частности, ранее не исследованного языка).
- Проблема языкового значения и его место в лингвистическом анализе.
- Проблема контекста. Виды контекста. Ситуационный контекст и его место в лингвистическом анализе.
- Ситуационная теория значения.
- Место и роль данных о значении в анализе новоисследованных языков.
- Просодический анализ.
- Проблема функционального расслоения языка.
- Необходимость отличать то, что говорят, от того, что хотят сказать.

Из всей обширной проблематики разрабатываемой лондонскими языковедами мы ограничимся рассмотрением основных (с точки зрения характеристики концепции Лондонской школы) вопросов, группируя их определенным образом для удобства изложения.

2. Лондонская школа: предмет и задачи лингвистического описания; проблема метода лингвистического исследования

При исследовании редких и малоизвестных языков Востока и Африки перед английскими лингвистами возникли серьезные трудности. Необходимо было решить вопрос о выборе способа их описания.

Описание этих языков в категориях универсальной грамматики, по образцу так называемых переводных грамматик, не позволяет раскрыть специфику их строя. Описание, в терминах и приемах сравнительно-исторического метода оказывается часто вообще невозможно, и прежде всего из-за отсутствия письменных памятников этих языков.

Таким образом, исследование и описание, основанные на базе традиционной философии языка, в терминах европейской грамматической традиции, идущей от Античности и сформировавшейся на лингвистической обработке богатых письменными памятниками и культурной историей языков, не способны выявить все своеобразие форм и категорий туземных языков Востока и Африки. Подобное описание не способно вскрыть **типологическую** и **функционально-прагматическую** их специфику и нередко приводит к приписыванию им норм, свойств и категорий из арсенала европейских грамматик и, следовательно, не отвечает, с точки зрения лондонцев, требованиям, предъявляемым к методу изучения языка для собственно лингвистических целей.

Для вскрытия языковой специфики, адекватного описания языков, их типологического анализа британским языковедам пришлось обратиться к поиску таких методов и приемов описания, которые лучше всего отвечали бы решению поставленных задач.

В этой связи Фёрс и его последователи поставили перед собой задачу развить в рамках некоей общей теории языка систему технических приемов исследования, отвечающих природе языка в целом и являющихся орудием познания и описания многотипных конкретных языков. Вот что писал по этому поводу Фёрс в своей последней работе, посвященной проблемам общей теории языка:

То, что здесь кратко изложено, представляет собою общую теорию языка, применяемую к частным лингвистическим описаниям, а не теорию универсалий для общелингвистического описания [83, 21].

По моему мнению и мнению ряда моих коллег, языкознание представляет собой группу родственных технических приемов для изучения языковых явлений. Мы полагаем, что группа наших дисциплин предназначена для систематического опытного анализа и что она автономна в том смысле, что необязательно имеет отправной пункт в другой науке или дисциплине, будь то психология, социология или какая-либо школа метафизики (т.е. философии. — Б. О.) [77, 181].

То, что мы назвали бы фонетической, фонологической, семантической систематикой или систематикой грамматических категорий, есть лишь упорядоченные схематические конструкторы, которыми мы оперируем, своего рода приспособления, служащие для изучения явлений... наши схематические конструкторы должны рассматриваться под углом зрения их пригодности как инструмента изучения языковых явлений в социальном процессе. Такие конструкторы лишены онтологического статуса, и мы не приписываем им действительного бытия или существования. Они не имманентны и не трансцендентальны, это всего лишь язык, использованный для изучения самого же языка [77, 181].

Как считает Фёрс, используемые в лингвистическом исследовании социального процесса и отдельной личности (что одинаково важно и должно вестись одновременно) структурные гипотезы доказываются функциональными свойствами самих изучаемых явлений. Это подтверждается в процессе научного изучения и интерпретации этих явлений, что в достаточной мере оправдывает применение такого рода научных конструкторов [см. 77, 181].

В соответствии с принимаемой концепцией языкознания и требованиями вырабатываемой на этой основе общелингвистической теории должен формулироваться метод описания. Метод описания в системе взглядов Лондонской школы — это общий принцип, или система критериев, которыми руководствуется исследовательская практика. От метода или системы критериев описания языка зависят техника исследования, совокупность приемов и процедур

работы с лингвистическим материалом, характер и природа выделяемых исследователем единиц.

Имманентность общей теории языка, множественность методик, приемов и процедур исследования и гибкость в применении их соответственно специфике конкретной исследуемой языковой системы есть важнейшие предпосылки успешной лингвистической исследовательской практики [см. 77, 181].

В связи с методом и техникой исследования с первых шагов остро встает проблема терминологии.

Для достижения адекватного описания языка необходимо, чтобы термины образовывали систему, чтобы они были связаны между собой отношениями, в которых могут найти отражение отношения между единицами языка, и способствовали бы вскрытию специфики строения языка и сочетания единиц в языке.

Поскольку традиционная, преимущественно индоевропейская, терминология не охватывает многого в этих новых языках со стороны их типологических особенностей, английским языковедам пришлось обильно вводить новую терминологию. Введение новой терминологии хотя и затрудняет чтение научных работ, но обусловливается целями и оправдывается характером лингвистического описания.

Особое внимание на терминологию и технику лингвистического описания обращает Дж.Фёрс. Он считает, что терминология должна учитывать специфические трудности описания языковых явлений какого-то языка на другом языке и, следовательно, должна учитывать различие между особенностями языка описываемого и языка, на котором дается описание [см. 83, 19–22].

Столь серьезное отношение к вопросам терминологии объясняется тем обстоятельством, что в языке, на котором идет описание некоторого другого языка, на терминах лежат печать ассоциаций, во-первых, с употреблением этих слов в иных значениях в общественно-языковой практике и, во-вторых, — с привычным употреблением их для описания строя самого того языка (на котором ведется описание некоторого языка).

Одно из важнейших общих требований, предъявляемых Лондонской школой к лингвистическому описанию, состоит в том, что языковед, стремясь к наиболее точному и ясному изложению языкового материала, должен при описании фактов руководствоваться *принципом непротиворечивости данных*. Он должен предусмотреть наиболее рациональный способ изложения, при котором выбор единиц описания производился бы с учетом принципов *простоты, экономности, компактности*. (Это требование классическим образом было сформулировано Л. Ельмслевом в Копенгагене.)

Лондонские языковеды решительно выступают против каких-либо раз и навсегда установленных правил и схем в отношении

подхода к языку. По замечанию Фёrsa, наука не должна навязывать своих систем языку. Она должна отыскивать их в речевой деятельности и, обнаружив их, излагать факты, используя для этого адекватный язык терминов.

Поэтому школа Фёrsa требует проводить описание любого языка *ad hoc*, т.е. не шаблонно, не предвзято, а применительно к данному случаю, в соответствии с особенностями данного языка.

Выбор единиц, в которых производится описание, строго говоря, зависит от специфической для данного языка (или языкового типа) функциональной делимости и инвентаря единиц функциональной делимости, получаемых в результате лингвистического препарирования языка. Так, Р. Робине при исследовании суданского глагола выделяет просодему назальное™, Дж. Карнохан при анализе глагола в языке хауса вводит просодему глоттальности, а М. Холидей, описывая пекинский диалект, вводит слог как единицу лингвистического измерения.

Требование Лондонской школы изучать язык в живой социальной действительности и сами особенности существования большинства обследуемых языков обуславливают то, что в качестве основного подхода к изучению языка лондонцы используют синхронный подход как инструмент создания адекватного дескриптивного описания языка.

Британские структуралисты понимают под дескриптивным описанием, иначе дескриптивной грамматикой, «полный синхронный лингвистический анализ текста» [90, 7].

Понятие «дескриптивного описания» формируется в Лондонской школе как одно из совокупности лингвистических понятий, связанных с типологией лингвистических исследований и применяемых методов и процедур анализа. Дж. Р. Фёрс писал:

Дескриптивная лингвистика, все увереннее занимает заслуженное ею место как автономная группа родственных дисциплин, как: фонетика, фонология, грамматика, лексикография, семантика и то, что может быть названо «социологией языка [77, 777].

Каждый тип лингвистического исследования характеризуется в Лондонской школе как пересечение признаков, располагающихся на двух плоскостях анализа [см. 89, 45], в следующей таблице.

	Частное	Сравнительное	Универсальное
Дескриптивное			
Историческое			
Эволюционное			

Частное описание — это такое описание, когда исследуется один язык. *Сравнительное* описание, это такое описание, когда некоторое число языков является объектом обследования. *Универсальное* описание — это такое описание, когда все языки входят в сферу анализа. *Дескриптивное* описание представляет собою полное синхронное описание языка. *Историческое* описание — это последовательность синхронных описаний, упорядоченная соответственно хронологической дифференциации объекта (языка). *Эволюционное* описание есть описание изменений, происшедших в языке в ходе его эволюции (истории).

При этом, как отмечают лондонские лингвисты, современная дескриптивная лингвистика не ставит своей целью опровергнуть достижения прошлого языкознания или сравнительно-исторический метод, а только извлекают пользу из спора и проверки правильности выбора. И меньше всего дескриптивная лингвистика стремится опровергнуть историческую лингвистику как область научных знаний [см. 89, 55].

И если, как отмечает М.Д. К.Холидей:

...Мы считаем общую лингвистику основой теории, направляющей и контролирующей процессы различных областей лингвистической науки, тогда любой лингвистический метод, исторический или описательный, частный или сравнительный, обогащает законы общей лингвистики.

В любой из этих областей науки могут использоваться; формально-лингвистические методы. Например, методы так называемой структурной лингвистики. (Если употреблять такой термин, то, пожалуй, не в применении к какой-то области или отдельной лингвистической школе, а к основам общей лингвистической теории, контролирующей использование формально-лингвистических методов.) [89, 55]

Что касается **диахронической лингвистики**, то в подлинном смысле слова диахроническая лингвистика может иметь место, по мнению лондонских структуралистов, только тогда, когда языковая структура рассматривается в ее развитии и без ущерба для тех требований, которые предъявляются к синхронному описанию.

Представители Лондонской школы основывают свой лингвистический анализ преимущественно на **индуктивном подходе**. Они, как правило, склонны отказываться от описания языка на базе аксиом, что по их мнению, нередко усложняет практическую лингвистическую работу. Однако, например, В. Аллен в работе «О лингвистическом анализе языков» [52] отмечает, что современная лингвистика уже созрела для того, чтобы сформулировать в терминах аксиоматики исходные принципы, которые могут быть положены в основу ее метода научного анализа. Он считает, что для подлинно научного лингвистического анализа языка необходимо следующее: а) определить природу изучаемого материала;

б) установить систему аксиом (исходных посылок), которые могут составить основание лингвистической науки; в) описать метод изучения языка, который мог бы быть применен к (а) и учитывал бы (б) [см. 52, 13].

В то же время В. Аллен предостерегает против чрезмерной математизации лингвистики и против увлечения применением в лингвистическом описании идей, заимствованных из логики, теории информации, кибернетики и т.п. Он полагает, что это легко может привести к подмене лингвистического описания логико-семантическим, математическим и т.д. Аллен предостерегает, в частности, против смешения лингвистической работы с семантическими исследованиями, получившими в философии наименование «лингвистического анализа» и оформившимися в своего рода философское направление¹.

Предостерегая против смешения этого направления с лингвистической работой, Аллен все же считает, что было бы неразумно игнорировать его и что оно может дать для лингвистики некоторые полезные данные.

3. Философия языка и некоторые вопросы общего языкознания в системе взглядов Лондонской школы

Лондонская школа поставила своей целью преодолеть недостатки и слабые стороны предшествующего языкознания и развить уже имеющиеся положительные начинания. Лондонские языковеды, подобно прагматикам и копенгагенцам, с самого начала определяют свою позицию как радикально противостоящую взглядам младограмматиков. Они пытаются критически подойти и к наследию Ф. де Соссюра, и к идеям французской социологической школы. В частности, Фёрс и его ученики подвергают пересмотру отдельные стороны соссюровского учения.

Давая оценку традиционному языкознанию, Фёрс обращает внимание на ущербность чрезмерного увлечения сравнительно-историческим методом, обращает внимание на то обстоятельство, что результаты конкретных исторических и сравнительно-исторических изысканий не всегда надежны с точки зрения их истинности: и в части фонетических знаний, и в части значения элементов языка, и в части описания значений слов, а добытые таким путем выводы не могут быть проверены экспериментальными или точными методами с гарантией на успех [см. 77, 178].

Фёрс и его последователи отмечают, что при сравнительно-историческом подходе к языку практически не исследуются ни социальные аспекты функционирования языка, в частности про-

¹ Это направление занимается логико-философским анализом содержания высказываний.

блемы движущих сил развития общества и языка, ни аспект личности, ни место и роль личности в общей концепции культуры и языка, что является основной проблематикой лингвистической науки [см. 77, 179].

Отсутствие социологического компонента в сравнительно-исторических исследованиях, особенно — обращенных к отдаленному прошлому, к реконструкции праязыковых состояний, вполне закономерно, ибо истинно научного социологического компонента, как пишет Фёрс, не может быть там, где нет настоящего живого языка, функционирующего в обществе [см. 77, 178].

Социологическая философия языка, возникающая в корпусе сравнительно-исторического языкознания, исходит из того, что любой язык, хорошо документированный за длительный период, а также слова, соответствующим образом зафиксированные в языке, могут рассматриваться как социальные факты, находящиеся вне и над тем бесконечным количеством индивидов, которые использовали данный язык и данные слова. По мнению Фёрса:

...Именно к такому утверждению восходит социологическая основа современного французского языкознания, связанного с именами Мейе, Брюно и Вандриеса. И не только французского языкознания. Славянские школы, группировавшиеся вокруг Бодуэна де Куртенэ, а позже вокруг Трубецкого и Пражского лингвистического кружка полностью разделяли основное философское положение известного женеваского ученого Фердинанда де Соссюра [77, 179].

Концепция же Соссюра тесно связана с «социологией Дюркгейма. Его теория вполне может быть названа дюркгеймовским структурализмом. Группы языковедов, которые я упоминал, и многие другие ученые, работающие в настоящее время, придерживаются этой же теории» [77, 179].

Де Соссюр, придерживаясь положений Дюркгейма, рассматривал социальные факты как своеобразные, внешние по отношению к индивидуальным явлениям и находящиеся в другой по сравнению с нами плоскости. «Коллективное сознание», хотя и представляется как нечто реально существующее в психологии, не может быть познано путем изучения индивидуального сознания. Социальный факт находится в другой плоскости действительности... Наше языковое поведение как говорящих субъектов де Соссюр называет речью (*laparole*)... Но язык, любой из общественно установленных языков (*la langue*) есть функция говорящей массы... В триаду де Соссюра входит еще одно понятие, обозначенное французским словом (*le langage*) язык вообще, или речевая деятельность. Речевая деятельность охватывает все проявления общечеловеческого дара речи. Речевая деятельность есть способность человека, часть человеческой природы, социальная и индивидуальная, разнородная и многообразная... Не существует науки, изуча-

юшей «*le langage*» язык в этом самом широком смысле. Это, как говорил де Соссюр, непознаваемое... [77, 179–180].

Для Фёrsa важно указать на тот факт, что, по Соссюру, именно изучение языка является подлинной целью и объектом языкознания, синхронного и диахронного, т.е. дескриптивного и исторического.

В понимании де Соссюра, подчеркивает Фёрс, язык есть система знаков, размещенных по категориям. Это система различных значимостей, а не конкретных и определенных звуков, слов, предложений. В действительности люди не говорят на таком языке. Как бы системно человек не говорил, он не говорит системой. И чтобы изучить такой язык как систему, нужно предположить, что он существует статически [см. 77, 179–180]. А при таком подходе, по мнению Фёrsa: «структура существует и изучается как нечто неизменное — как вещь. Как говорил Дюркгейм, такие социальные факты должны рассматриваться как вещи» [77, 181].

В английском языкознании, подчеркивает Фёрс, подобный подход не укоренился. В частности, Фёрс ссылается на Б.Малиновского, который в своих исследованиях осуществлял то, что сам Фёрс называет «изучением личности» [см. 77, 181 и др.].

На формирование общелингвистического кредо Лондонской школы известное влияние оказали положения бихевиоризма, философские взгляды Венского кружка и особенно — современные идеи в области этнографии и социальной антропологии.

Во многих отношениях воззрениям Лондонской школы близки положения антропологической лингвистики¹.

Очень важным для формирования системы взглядов Лондонской школы оказалось творческое сотрудничество Фёrsa с известным этнографом и антропологом Брониславом Малиновским, много внимания уделявшим, в частности, лингвистической проблематике [см. 102–104].

Б.Малиновский, а за ним и Фёрс в целях методологического обоснования своей позиции стремятся критически развить социологическую концепцию Дюркгейма и ее лингвистическую интерпретацию Ф.де Соссюром. Соответствующие положения, яв-

¹ Антропологическая лингвистика, или лингвистическая антропология, — область лингвистических исследований, посвященная изучению языков, на которых говорят народы, не имеющие письменности. Лингвисту-антропологу приходится собирать материал непосредственно среди людей, говорящих на этих языках. Особенности обследуемых языков и особые условия изучения этих языков таковы, что в связи с методом описания остро встает проблема отбора и учета (при лингвистическом описании) разнообразных аспектов социальной структуры и культуры народов и этнических групп — носителей этих языков. Антропологическая лингвистика свое классическое развитие и данное наименование получила в американской научной традиции.

ляющийся основной философии языка Лондонской школы, можно представить следующим образом:

1. И язык, и культура обладают некоторыми общими свойствами. Функциональный подход к изучению языка и культуры позволяет проследить эти общие свойства и дать им объяснение в рамках единой теории.

2. Если общая социология изучает общие свойства организации общества на конкретном материале различных социальных структур и их проявлений, то общее языкознание изучает общие свойства языка на конкретном материале различных языков и их функциональных проявлений.

3. Как социология не есть практическое создание общественных структур, хотя может и должна служить тому, так и лингвистика не есть практическое освоение языков и уяснение трудностей, связанных с их употреблением, хотя может и должна тому служить.

4. Основная задача социологического анализа общества состоит в адекватной характеристике социальной структуры, ее уровней и элементов в их функционировании, иными словами, — в синхронном описании функционирования общественной структуры. Соответственно основная задача лингвистики состоит в синхронном анализе языка, описании функционирования и функциональной членимости этого сложного целого.

5. Историческое рассмотрение общества становится социологическим только тогда, когда организации общества рассматривается как имманентная, организованная по собственным законам, проистекающим из ее природы, структура в ее развитии, иначе говоря — как исторически и системно увязанная последовательность синхронных описаний. Соответственно историческое лингвистическое описание должно представлять собой системно увязанную последовательность синхронных описаний.

6. Правомерность включения в синхронную социологию и синхронную лингвистику исторических экскурсов и справок оспаривается как несоответствие требованиям научного метода и строгому описанию.

Так, в Лондонской школе намечаются теоретические положения, определяющие связь имманентных, по своему существу, социологической и лингвистической структур. Таким путем делается попытка увязать лингвистический план с прагматическим планом, т.е. с конкретными ситуациями, и анализировать язык как бы в фокусе социально-лингвистических ситуаций.

Б. Малиновский настаивал на важности функционального подхода к символическим системам.

Функциональный подход дает нам возможность определить прагматический контекст символа и доказать, что в реальной действительности

культуры словесный и любой иной символический акт обретает вещественную реальность исключительно благодаря эффекту, который он производит [55, 24].

Язык, по мнению Б. Малиновского, занимает одно из важнейших мест в ряду символических систем.

По Малиновскому, и в культуре, и в языке проявляются основные побуждения, желания, потребности, обусловленные социальной и биологической природой человека. Эти основные побуждения отражаются на всех уровнях языка, что делает элементы языка релевантно значимыми.

Под культурой Малиновский понимает весь контекст человеческого поведения. Культура включает в себя научные представления, характеристики технического уровня, материальные и духовные ценности, обычаи, навыки, привычки, идеи и т.д. [см. 102; 103; 113]. Под потребностями он понимает «систему условий в человеческом организме, в культурных установлениях (в отношении тех и других к внешней среде), которые необходимы и достаточны для выживания группы или организма» [104, 90].

Отсюда Малиновский пытается установить степень и характер детерминированности личности в культурном пространстве.

Малиновский выделяет в области культуры своего рода универсалии в виде коррелятивных пар, где каждая из основных потребностей удовлетворяется через определенного рода ответное культурное действие, как-то: воспроизведение — родство, безопасность — защита, здоровье — гигиена и т.д. Малиновский, в сущности, подходит в своих работах к выделению дифференциальных признаков, единиц, позволяющих проводить сравнение разных культурных структур.

Дальнейшее критическое развитие этих идей о выборе конститутивных признаков культуры, научно обоснованных и выделенных с учетом всего многообразия конкретных форм культуры, может, по мнению Малиновского, позволить осуществить попытку построения типологии культур.

В научном анализе культуры, по мнению Малиновского, при всех значительных достижениях в области функционального подхода мало сделано в отношении ее структурного понимания и описания, в лингвистике же — немало сделано в области структурного анализа, но слабо разработаны принципы функционального анализа применительно к языку. Поэтому полезен взаимообмен идеями между научной теорией языка и научной теорией культуры.

Функциональный подход к анализу является одним из важнейших положений лингвистического кредо Лондонской школы.

По Малиновскому и Фёрсу, и общество, и личность, и язык настолько тесно связаны между собою функционально-генетически, что для всякого научного проникновения в сущность языка совершенно необходим учет функциональной стороны всех этих трех компонентов. Язык, общество и личность выступают как связу-

ющее звено между прошлым, будущим и настоящим. С одной стороны — это привычка, обычай, традиция, а с другой стороны — созидание нового [см. 68; 102, 297]¹.

«Функциональность» понимается лондонцами весьма широко. Лондонская школа исходит из положения, что язык — это неотъемлемая часть объективно существующей социальной действительности. Эта социальная действительность ставит перед коллективами людей и перед каждым отдельным членом коллектива проблемы, которые разрешаются в соответствующих случаях с помощью языка. Использование языка, само языковое поведение как нечто целое рассматривается как «значимое усилие», направленное на поддержание соответствующих норм жизни, как «часть социального процесса» [см. 77, 25; 77, 181].

Такой подход к языку более точно определяется как функционально-прагматический. **Функциональный**, потому что язык рассматривается прежде всего как один из видов действия, а значение элементов языковой системы устанавливается их функциональным назначением и употреблением в широком ситуационном контекста (контексте ситуации). **Прагматический**, потому что язык и его явления рассматриваются прежде всего не как корреляты мыслительных процессов и явлений, а как значимая деятельность, направленная на то, чтобы жить.

Прагматико-эмпирический подход лондонцев к объекту своего исследования и к самой исследовательской практике удобно проиллюстрировать следующими словами Фёрса, открывающими его статью «Личность и язык в обществе»:

Я позволю себе утверждать, что в задачи языкознания не входят объяснение того, что такое язык. Возможно, это проще сделать в отношении понятия «личность», но я не собираюсь давать здесь исчерпывающее объяснение ни одного из этих понятий, некоторое же понимание взаимоотношений языка и личности в обществе, что и предполагает название статьи, может быть достигнуто в свете социологии, биологии и дескриптивной лингвистики [89, /77].

Это высказывание вполне отражает некоторые черты философии языка Лондонской школы и ее исследовательской практики.

¹ Между прочим, Малиновский отмечал, что использование языка для передачи идей есть производное его использование. В исходной же его функции язык «следует рассматривать скорее как вид действия, нежели как выразитель ("контр-знак") мысли» [102, 297].

Фёрс идет дальше. Он заявляет, что в свете современной лингвистической концепции и «происхождение языка — речи необходимо изучать в деятельности живых людей в современном обществе» [77, 179]. Ибо и язык, и личность включают в себя и природу, и воспитание (обучение) и служат выражением того и другого. Отсюда генезис и личности, и языка основан на сочетании обоих моментов [см. 77, 179].

Дж.Р.Фёрс уже с 1930-х годов придерживался мнения, что описательное языкознание наиболее эффективно выполняет свое назначение только в том случае, если языковое поведение рассматривается в нем как значимое во всех аспектах его связей с жизнью в обществе [см. 80, 100]. При изучении языка, как и при изучении культуры, языковед, по его мнению, не может игнорировать биологическую и социальную мотивированность речевой деятельности, поскольку использование языка есть одна из форм человеческой жизнедеятельности, а нормальное языковое поведение есть значимое усилие, направленное на поддержание соответствующих жизненных норм [см. 80]. По убеждению Фёрса, с точки зрения живого языка «общение» равновелико «значению» [см. 83, 29]. Значение, иными словами, выступает в виде ситуативных отношений в контекстах ситуаций, в которых локализируются собственно речевые формы.

Подчеркивая стремление изучать социальный аспект, Фёрс и другие лондонские языковеды ставят вопрос об изучении языковой нормы различных социальных и профессиональных групп, равно как и местных диалектов, а не только нормы литературного (стандартного) языка [см. 77, 185—186; ПО, 239—240].

Социальная организованность речи делает насущной проблему изучения функциональных стилей речи, поскольку каждый человек выполняет целый ряд определенных функций, находясь при осуществлении каждой из них в специфическом окружении, которое составляют семья, служба, профессия, общество. Каждый раз человек находится, таким образом, в относительно определенном контексте и как бы выступает в качестве многих лиц, играет множество ролей, которые ему приходится исполнять (как члена расы, нации, класса, семьи, школы, клуба, выступая как сыновья, братья, возлюбленные, родители, рабочие, спортсмены и т. п.). Эта дифференциация предполагает определенную степень языковой специализации (то, что прагматики рассматривают как функциональное расслоение языка). Отсюда Фёрс делает вывод:

...Языковое единство — есть понятие, лишь в самую последнюю очередь применимое к языку. Единство языка — это самое прозрачное из всех единств, будь то историческое, географическое, национальное или индивидуальное [68, 29].

При таком подходе разговор человека, как считает Лондонская школа, похож в общих чертах на заранее заданный ритуал. Можно выделить такие типовые ситуации, как: а) обращение; б) приветствия, прощания, взаимное признание общественного положения и ранга и вступление в контакт, установление отношений после контакта, разрыв отношений, возобновление отношений, перемена в отношениях; в) ситуации, в которых слова,

часто условно установленные законом или обычаем, служат для того, чтобы обязать человека выполнить определенное действие или освободить от известных обязанностей и т.д. [см. 36, 93]. По Фёрсу:

...Поскольку язык является способом общения с людьми, видом поведения и средством воздействия на поведение других, мы могли бы добавить много других типов функций — желание, благословение, проклятие, хвастовство, язык вызова и просьбы или изъявления холодности, стремление унижить, раздражить или обидеть, вплоть даже до явного выражения враждебности. Употребление слов, сдерживающих враждебные действия или предотвращающих и смягчающих их, так же как и слов, скрывающих реальное намерения, представляет в наше распоряжение очень важные и интересные «значения». Не должны мы забывать и язык лести, любовный язык, язык похвалы и обвинения, пропаганды убеждения [36, 94].

Поэтому следует изучать такие стили речи, как фамильярный, разговорный, и более официальные стили: школьный язык, язык юриспруденции, церковный язык и т.п. [см. 36, 92].

Как замечает Пальмер:

...Внутри любого языка, даже языка одного индивида, существует много различных: стилей, различных пластов языка, которые в основном определяются родом деятельности говорящего. Лучше всего рассматривать их с лингвистической точки зрения как разные языки. Попытка создать единое описание всех этих языковых стилей явилась бы слишком сложным делом. Но можно, и даже следует, создать более простое описание одного из этих стилей [НО, 239].

Теоретически совокупность всех множеств языковых средств, присущих всем функциональным типам языка, взятым вместе, может снабдить говорящего полным набором языковых возможностей, обеспечивающих общение в любой ситуации. Но этого в языковой действительности, очевидно, никогда не бывает. Поэтому взаимная дополнительность функционально-языковых различий существует, по-видимому, в полной мере лишь в сфере абстрактного единства языкового моделирования, представленного в той или иной разновидности общеязыковой культурной нормы.

Так в общих чертах представляют себе проблему единства и разнородности языка лондонские лингвисты.

Нет сомнения, что, несмотря на все функциональные различия, несмотря на различия языковых норм многообразных культурных, профессиональных, локальных и т. п. общественных группировок, у всех имеется нечто общее, что является базисным в языке: это грамматическая структура, основной словарный фонд, существенное тождество фонемного строя, что создает необходимые предпосылки для весьма мощного объединения людей по язы-

ку в пределах очень широких культурно-исторических и национально-географических единств. Но не подлежит, видимо, сомнению и то, что наряду с этой объединительной функцией языка достаточно эффективно (чтобы о ней говорить и ее исследовать) выступает и разделительная функция языка, проявляющаяся в пределах одного и того же национально-языкового объединения в том, что лица, принадлежащие к различным группировкам общества (культурным, религиозным, профессиональным и т.д.), испытывают трудности, подчас очень большие, во взаимном понимании. И эти трудности языкового характера обнаруживаются соответственно на всех уровнях языка, особенно в лексике и синтаксисе. И социолингвистике, конечно, надлежит всем этим заниматься.

Из осознания многоликое™ языка и разнообразия его проявлений вытекает требование Лондонской школы самым тщательным образом исследовать социальные аспекты языка-речи.

Отсюда основное внимание уделяется речевой деятельности как таковой, конкретным речевым актам. Речевой акт выступает как последовательность языковых *актем*. Эти языковые акты могут соотноситься с неязыковыми актемами, например, *кинемами*, которые участвуют в формировании ситуационного контекста. Совокупность определенного рода актем может рассматриваться и как особый язык.

Понятие и термин «язык» употребляется Фёрсом в трех основных значениях — в виде различных проявлений языка:

1. Побуждения и внутренние стимулы в природе человека (которые побуждают нас использовать звуки, жесты, знаки и символы). В этом смысле «язык» — естественный дар.

2. Традиционные системы или привычки, формирующиеся как результат воспитания и обучения и сохраняющиеся в силу общественной деятельности, иначе говоря, постоянное усвоение языковых норм и активное владение ими. «Язык» в этом втором значении выступает в виде определенной системы.

3. «Язык» как обобщенный термин в приложении к бесчисленному множеству индивидуальных высказываний или языковых актов. Итак, термин «язык» не обозначает специально ни одного аспекта из триады де Соссюра [см. 77, 186—187].

Несколько слов о трактовке Лондонской школой таких лингвистических категорий, как *система* и *структура*.

Дифференциация структур и систем — важный принцип исследования в лингвистическом структурализме, но, как известно, соотношение этих двух понятийных рядов неоднозначно в разных структуральных школах.

Для представителей Лондонской школы концептуальное различие понятий «структура» и «система» является основным принципом синхронного дескриптивного списания. Фёрс пишет:

...Первым принципом фонологического и грамматического анализа является разграничение между *структурой* и *системой* [83, 77].

Различение «структур» и «систем» подчинено различению синтагматических и парадигматических отношений между выделяемыми на некотором уровне единицами. *Синтагматические отношения* — это отношения совместной или раздельной встречаемости единиц в некотором тексте, *парадигматические* отношения — это отношения включения и взаимозаменяемости единиц.

Выделение структур связано с установлением синтагматических отношений. Структура — «горизонтальна» и ее составные компоненты носят название «элементы». Наиболее распространенной трактовкой понятия «структура» среди представителей Лондонской школы является ее восприятие как определенной организации единиц, располагающихся в линейной последовательности и связанных между собой закрепленным порядком [см. 13, 328и сл.]. Структуры одномерны, и в каждой из них может быть только одна единица измерения. Точнее:

Термины структура и элементы структуры не используется в отношении всего языка или даже того, что может быть названо частями языка, но исключительно только в отношении категорий, полученных путем абстрагирования из обычных форм слова или текстуальных форм [75, 17].

Структура, по мнению Фёрса, состоит из элементов внутренних синтагматических отношений, и эти элементы занимают места в порядке *взаимного ожидания* (*expectancy*). Место и порядок расположения элементов обозначается в структуре и находит применение и обновление связи с источниками абстракций [см. 83, 30]. Термины же и соответственно единицы, относящиеся к «системе», «системам», ограничиваются только парадигматическими отношениями между *коммутирующими* (взаимозаменяемыми) единицами или терминами, которые обеспечивают *ценности* (значимости) элементов структуры [см. 38, 17]. Таким образом, выделение систем связано с установлением парадигматических отношений. *Система* — «вертикальна» и ее составные компоненты носят название «членов». Системы, в отличие от структур, объемны и многомерны. Они складываются из конечного числа компонентов: каждый из членов системы является взаимоисключающим. Следовательно, субституция, которая возможна для элементов структуры, здесь исключена, но каждый член системы подвергается *коммутации* [см. 13, 328и сл.].

Однако, как пишет Фёрс:

...Хотя структуры, так сказать, горизонтальны, в то время как системы вертикальны, ни то ни другое не следует рассматривать в каком-либо смысле как сегменты [83, 17].

Лингвистический анализ, учитывающий системно структурные отношения, проходит, таким образом, примерно по следующей схеме.

Выявляются внутренние фонологические отношения, связанные с самим текстом; сначала синтагматические отношения между элементами просодических и фонематических структур, затем парадигматические отношения терминов, или единиц, которые коммутируют внутри систем, построенных для того, чтобы установить свойства (придать ценностные характеристики) элементам структуры [см. 83, 77].

Затем идет грамматический анализ, имеющий дело с текстами, устанавливающими структуры и системы, причем конститутивные элементы синтаксических структур это не слова, а обобщенные классы, или категории, посредством которых могут быть установлены внутренние отношения между элементами [см. 83, 77, 31].

Весь язык, по мнению лондонцев, многоструктурен и полисистемен: это система систем [см. 83, 77, 30].

В целом можно сказать, что в рамках философии языка Лондонской школы понятие системности есть производное от того основополагающего утверждения, что язык и личность объединены в единый организм, который постоянно принимает участие в деятельности, направленной к сохранению образа жизни [см. 78, 143]. «Следовательно, — пишет Фёрс, — мы можем ожидать, что лингвистическая наука также найдет необходимым постулировать наличие лингвистических моделей и систем, внутри которых наблюдается порядок, структура и функция. Существование этих систем обеспечивается деятельностью. Следовательно, в деятельности их надлежит и изучать. Именно на этих основаниях должна покоиться системность лингвистики. На этой основе фонетическое, а также системное фонологическое изучение одного лица в одну единицу времени является не только научно обоснованным, но и неизбежным» [см. 75, 143 и сл.].

При исследовании ранее неописанных языков Азии или Африки Фёрс и его последователи, как отмечалось, вынуждены часто работать всего с одним «информантом», изучая его язык через его речь. Они считают, что изучение одного человека в определенный отрезок времени представляется полностью оправданным как научный метод. Но избираемые для наблюдения информанты в таком случае должны отбираться чрезвычайно тщательно и являться членами широкого языкового сообщества. Таким образом, изучаемые лица могут рассматриваться как типы [см. 75, 142–144]. Однако подчеркивание личностного, равно как и системного, а также типического характера дескриптивной лингвистики не предполагает пренебрежения «социальным подходом и синтезом» [75, 143] и, следовательно, не находится в противоречии с условным, т.е. «социально связывающим» характером языковых явлений.

4. Проблемы значения

Лондонская лингвистическая школа впервые в истории современного языкознания предприняла попытку систематически и последовательно применить принципы структурного анализа к исследованию значения в языке. В этой деятельности Лондонская школа исходила из сформулированных ею положений, касающихся понимания языка и задач языкознания.

Если язык, как считают лондонцы, — значимая целенаправленная деятельность, то лингвистика должна прежде всего заниматься изучением значения в языке во всем многообразии его манифестаций и описывать все эти аспекты значения в строгой системе надлежащих терминов. Обосновывая важность изучения значения в языке для современной лингвистической теории, Фёрс подчеркивал:

...Общее языкознание со всеми своими вспомогательными техническими приемами направлено, в конечном счете, на раскрытие значения во всем его многообразии в языке вообще и в языках, в частности [86, XI]. С помощью языкознания мы надеемся достичь системного изложения фактов и особенно сформулировать утверждения, касающиеся значения [77, 181].

При этом, по его мнению, все разнообразные отрасли методы лингвистики направлены на то, чтобы помочь в установлении значения [см. 78, 190].

В соответствии с этими положениями и ведется вся исследовательская работа в Лондонской лингвистической школе.

В раскрытии проблемы значения специфика взглядов Лондонской школы проявилась наиболее цельно и последовательно.

Значение рассматривается как сложное лингвистическое явление, требующее всестороннего лингвистического обследования на всех уровнях языковой структуры.

В соответствии со своей общей структурно-функциональной концепцией языка представители Лондонской школы подчеркивают, что значение какой-либо формы можно раскрыть лишь на основе анализа ее фактического употребления, лишь постольку, поскольку оно манифестируется в речи, через исследование ее речевых манифестаций.

Вместе с тем Лондонская школа подчеркивает, что как и при формальном анализе, так и при исследовании значения необходимо абстрагироваться от конкретных манифестаций, конкретных языковых проявлений и пользоваться соответствующими научными конструктами и моделями.

В ходе исследования и описания языка формальный анализ текста должен, по мнению лондонцев, предшествовать исследованию значения. Вот что пишет по этому поводу Дж. Р. Фёрс:

Тесная связь между практическим контекстуальным анализом речи и скрупулезным формальным методом, описанным здесь, была недавно так хорошо сформулирована одним из моих учеников Фрицем Гюттингером (Fritz Guttinger), что я позволю себе процитировать эту формулировку полностью. Из сказанного вытекает, конечно, что общая лингвистическая социология не представляет большой ценности без точного формального анализа: «Устойчивости впечатления от программной работы Дж. Р. Ферса о процессах речи так же, как от его педагогической деятельности в University College в Лондоне, способствует его положение о том, что законы языка и речи в своей основе гораздо более строги, чем принято думать. Мы не будем останавливаться здесь на том, какие следствия из этого вытекают. Таким образом, для того чтобы рассматривать значения слов и предложений, необходимо сначала точнейшим образом описать их формальные особенности» (Neue Schweizer Rundschau. — 1935. — S. 176—177).

Фёрс и его школа в некоторых положениях своей философии языка и применяемых приемов исследования близки к этнолингвистике. На практике, в исследовании значения, это проявляется как в стремлении соотнести лингвистические модели с моделями социального и культурного характера, что позволяет локализовать и проанализировать значение в плоскости социальных ситуаций и культурных реалий разных народов, так и в некоторых аспектах работы с речевыми текстами (и их источниками, в частности, информантами), а также в учете того культурно-социального контекста, в котором локализуется речевая деятельность.

В то же время Лондонской школе близки некоторые семантико-семиотические идеи Огдена и Ричардса, а также Рассела и Витгенштейна, что в определенной степени связано с тем влиянием, которое оказал на Фёрса Б. Малиновский. Малиновский при исследовании значения солидаризуется и даже в значительной степени опирается на идеи философии языка Огдена и Ричардса, изложенные в их книге «Значение значения» [109]. Подзаголовок к книге звучит: «Исследование о влиянии языка на мысль и о науке символизма». Характерно, что в качестве приложения к книге Огдена и Ричардса была помещена статья Б. Малиновского «Проблема значения в примитивных языках» [102]¹.

Рассматривая язык как символическую систему, Малиновский на материале одного из языков Новой Гвинеи (в упомянутой статье) стремится показать отличие характера языка, иной объем значений слов в языке народа другой цивилизации по сравнению с английским языком.

Это он объясняет тем, что язык по своей основной функции — один из видов реакции на окружающий мир, способ моделирования мира.

¹ Огден и Ричарде, рассматривая язык как одну из форм «знакового поведения» в ряду с искусством и т.п., в свою очередь опираются на положения математической логики, особенно на работы Б. Рассела и Л. Витгенштейна.

Смысл термина «значение» в работах представителей Лондонской школы, особенно Фёрса, имеет ясно выраженный структурно-функциональный характер. Значение какого-либо элемента — не его содержание, а именно функция его формы [см. 87, 81].

Структурно-функциональный анализ (в отличие от субстанционального) приобрел в лингвистике особую важность потому, что он позволяет дать представление о функциональной делимости и механизме действия языка, что единственно важно для пользования языком как средством общения и орудием мысли.

Сущность функционального анализа заключается в том (как известно), что аналитическое исследование и описание объекта производится по единицам делимости — именно функциональной делимости (ср. фонологию в Пражской школе в противоположность антропофонике).

Единицей функциональной делимости является любая часть (элемент) языка, выполняющая известную функцию в составе целого и для этого использующая целый ряд материальных сущностей, выступающих в этой функции и сменяющих друг друга во времени (например, фонема, синтаксическая модель и т.п.). Это было особенно ясно осмыслено и теоретически обосновано в структурной лингвистике.

Особое значение имеют положения о том, что функция есть то, что формирует инвариант, обуславливает соотношение парадигматики и синтагматики, определяет связь класса как категории абстрактной и единиц (ему принадлежащих) как материальных сущностей. Значение рассматривается как состоящее из отдельных элементов, выделение которых достигается в результате поуровневого членения значения как целого, членения, устанавливающего каждое отдельное, составное значение. При этом Фёрс пишет:

...Главными компонентами всего комплекса значения являются фонетическая функция, названная мной «второстепенной» функцией, основные функции — лексическая, морфологическая и синтаксическая (подчиненная реорганизованной грамматической системе) и функция точного определения контекста ситуации или типичного контекста ситуации — область семантики [36, 97].

Объясняя сущность подобного анализа, Фёрс в качестве примера приводит английское слово [bo:d]. Каковы его функция и значение?

1. На фонетическом уровне [bo:d] противостоит 15 другим формам (звучащим отрезкам), таким, как: [bird, bid, bed, baed, ba:d, bo:d] (————) и т.д. В данном положении [bo:d] — это «нейтральная единица».

2. На грамматическом уровне в парадигме (контекста) [bo:d—bo:dz] устанавливается, что это существительное, а в парадигме [bo:d—bo:dz—bo:did—bordir] — простая форма глагола.

3. На лексическом уровне в словесном контексте *Not on the board* или *Board of studies* в отличие от [bard ts de9] устанавливается семантическая функция (значение) и т.д. [см. 36, 85— 88].

Иначе говоря, в значении вычленяется ряд основных компонентов-функций: 1) фонетическая функция (звука); 2) лексическая функция; 3) морфологическая функция; 4) синтаксическая функция (интонации); 5) семантическая функция. Вводя такие виды (или аспекты) значения, как «фонетическое», «грамматическое», «лексическое» и т.д., Фёрс полагает, что общее значение формы можно определить как их сложно взаимодействующую совокупность.

В настоящее время мы уже привыкли к разделению значения на функции. Термин «значение», таким образом, мы употребляем по отношению к целому комплексу функций, которыми может обладать языковая форма [36, 97].

Фёрс и его школа разрабатывают целую систему приемов анализа значения, где отдельные технические процедуры строго увязаны друг с другом и соподчинены. С помощью этих приемов вскрываются конститутивные элементы значения, которые образуют структуру значения, иначе спектр значения.

Предлагается различать два вида значения — формальное значение и контекстуальное (ситуационное) значение [см., например, 91, 244— 245]. **Формальное значение** указывает на связи конкретных форм текста между собой, **контекстуальное** — на связи отдельных форм текста с той ситуацией, в которой они реализуются.

В анализе значения важнейшую роль играет контекстуализация, иначе, метод (приемы) установления контекста, в котором выступают рассматриваемые единицы языка.

Прием контекстуализации осуществляется применительно к каждому языковому уровню. Из результатов контекстуализации на каждом уровне исследования, как в фокусе, складывается значение, выступающее сложным комплексом контекстуальных отношений.

Контекстуальное отношение — это отношение любой языковой формы к контексту. То, как используется некоторая языковая форма относительно некоторого контекста, — составляет характеристику функциональной значимости этой формы, а **функции** языковых форм рассматриваются как единицы измерения соответствующей подсистемы языка.

Понятие «значение» употребляется в Лондонской школе в различных терминологических сочетаниях, подвергаясь соответствующим модификациям и приобретая, таким образом, различную смысловую определенность. Широко используются термины «вид значения», «аспект значения», «модус значения», «уровень зна-

чения» и т.п., но, к сожалению, не всегда достаточно строго и последовательно (по разным работам у разных авторов).

Этот вопрос подробно рассматривается Фёрсом в работе «Модусы значения» [см. 78]. Отправным пунктом лингвистического исследования, как подчеркивается Лондонской школой, является текст. Его глобальное значение устанавливается в итоге поуровневого анализа. Каждый уровень исследования должен иметь дело с изучением соответствующего участка целого (глобального) значения. Этот участок (аспект) значения лондонцами и называется **модусом значения**.

Фёрс, в частности, пишет:

Прежде всего мы имеем дело с процессом говорения, локализуемым в контексте ситуации. На этом уровне существенны главным образом пояснения социального личностного порядка. Синтаксис занимается динамикой слов в предложении. Фонология занимается фонематическими и просодическими процессами внутри слова и предложения, рассматривая их как модусы значения [78, 194].

В зависимости от потребности исследования, как считает Фёрс, указанная очередность уровней может быть изменена на обратную. Число уровней может быть увеличено.

На **фонетическом уровне** модус значения образуется различными особенностями произношения, характеризующими отдельных лиц, отдельные социальные группы, диалекты или даже национальные общности.

Фонологический модус значения — это то, что можно выразить средствами имеющих место в языковом коллективе ассоциативных связей между общественным и индивидуальным отношением к некоторым фонетико-фонологическим чертам и повторяющимися контекстами ситуации. Например, по Фёрсу, в английском языке слова, начинающиеся на группу *si-*, ассоциируются с пейоративным контекстом. Видимо, речь должна идти о разного рода вытекающих из этих ассоциаций, приводящих и сопутствующих семантических оттенках главным образом эмоционального плана [см. 78, 194].

Просодический модус значения — это то, что может найти свое выражение интонационными и ритмико-мелодическими средствами.

Лексический модус значения — это то, что (оставляя в стороне концептуально формируемое значение — например, слова *night* 'ночь') может быть выражено через способность слова вступать в социально (или индивидуально) привычные сочетания: *night—dark*. (Что важно, например, для определения хронологии или авторства текста.) Фёрс замечает:

Лингвистические формы рассматриваются как имеющие значение на грамматическом и лексическом уровнях, причем эта значения опреде-

ляются с помощью взаимозависимости форм в грамматических системах, установленных в языке [79, 227].

Фёрсовское понимание значения на грамматическом уровне практически соответствует сосюрювской концепции значимости в сфере грамматики [см. 79, 227–228].

Таким образом, в практике исследования значение того или иного участка текста является произведением многих участвующих факторов. Они являются предметом разных уровней исследования, «они изучаются с помощью целой иерархии лингвистических методов от социальной контекстуализации до фонологии» [79, 220].

Как видно из изложенного, структурно функциональная концепция Лондонской школы в сочетании с социологическим подходом к языку обуславливает понимание значения как производного от отношения между речевой актуализацией (с ее структурой) с ситуацией (обладающей своими структурными характеристиками), в которой эта речевая актуализация имеет место. В различных языках модель этого отношения, этой связи, понимаемая структурно-функционально, может обретать различный вид, ибо существует множество способов, по которым индивидуальные языки могут относиться к одной и той же ситуации [см. 83, 19].

5. Роль и место контекста в лингвистическом исследовании

По словам Е.Малиновского: «Высказывание обретает свой смысл не из логической взаимосвязи идей, выраженных составляющими его словами, а из того отношения к ситуационному контексту, в котором оно локализуется» [102, 297].

«Точно так же, как в устных или письменных языках слово вне речевого контекста есть лишь фрагмент и само по себе ничего не значит, так и в живой действительности бесписьменного языка высказывание не имеет смысла вне контекста ситуации» [102, 307].

Лондонская школа различает (в предварительном подразделении) два вида контекстуализации, две разновидности контекста: ситуационный контекст (иначе контекст ситуации) и социальный контекст.

Понятие *контекста ситуации* было выдвинуто Б. Малиновским еще в 1920-е годы в рамках его концепции культуры. Малиновский понимал под контекстом ситуации процесс, протекающий в культурном пространстве, в культурной среде, процесс, в котором центральное место занимает речевая деятельность.

Введение этого понятия потребовалось ввиду того, что при исследовании так называемых «примитивных» и «экзотических» языков часто невозможно было точно установить и описать значение высказывания без всестороннего знания ситуации, в которой оно употребляется. Эта ситуация, в которую входят культурные,

социальные и прочие внешние факторы и действия, создающие своего рода динамическую среду, в которой высказывание получает свою актуализацию.

Малиновский рассматривает контекст ситуации как некоторый вид поведения коллектива, в котором язык имеет чисто творческое значение. Контекст ситуации выступает у Малиновского в виде конструкта для применения к типично повторяющимся событиям в социальных процессах. Он сам составляет как бы часть социального процесса. Е. Малиновский обсуждал эти проблемы, как отмечает Фёрс, с известным лингвистом А. Гардинером, посвятившим свою книгу «The Theory of Speech and Language» Ф. Венгеру, одному из первых ученых, широко применивших в английской научной литературе понятие ситуационного контекста [см. 138, 27-27].

В целях чисто языкового исследования понятие контекста ситуации было несколько изменено и уточнено Фёрсом и другими лингвистами. Контекст ситуации (для целей лингвистики) приводит во взаимодействие следующие категории, пишет Фёрс:

А. Релевантные признаки участников: лиц, личностей.

1. Словесно выраженные действия участников.

2. Словесно не выраженные действия участников.

Б. Релевантные предметы.

В. Результат словесно выраженного действия [77, 182, см. также 83, 9].

Описание контекста ситуации может быть продолжено, по его мнению, рассмотрением таких контекстов, как:

а) экономические, религиозные и другие социальные структуры обществ, членами которых являются участники речевого акта;

б) типы речевых отрезков в виде монолога, хорового языка, повествования, декламации, объяснения, подробного изложения и т.п.;

в) изменения в составе лиц, особенно в отношении числа, возраста и пола участников, с указанием читающего и говорящего, говорящего и пишущего и т.п.;

г) типы речевых функций, таких, как муштра, приказание, подробные указания, социальная лесть, проклятие, восхваление, обман, общественный гнет и принуждение, речевые соглашения всех видов и т.п. [см. 83, 10].

Понятие контекста ситуации используется в Лондонской школе как вспомогательное средство для выработки комплекса технических приемов, служащих цели установления значения, в том виде, как это было выше описано, причем каждая лингвистическая дисциплина, как мы видели, т.е. фонетика, грамматика, семантика, получают для анализа строго конкретную область спектра значения данного лингвистического комплекса в соответст-

ющем контексте, но при этом делается достаточный упор на взаимосвязи элементов данного наблюдаемого контекста.

Как это выглядит? Поток речи расчленяется на элементы, или «единицы», методом подстановки. На фонетическом уровне понимания изучаются единицы подстановки и дистрибутивные свойства в связи с фонетическим контекстом и фонетической системой языка.

Фонетическими единицами подстановки могут быть отдельные звуки, корреляции или их взаимодействие, например положительная и отрицательная голосовая корреляция [d—t], долгота, назализация и т.д., а также комплексы фонетических элементов [str, skw, kl] и др. Здесь выявляются элементы значения. Морфологические и синтаксические функции объясняют элементы значения в грамматическом контексте и на грамматическом уровне понимания. Таким путем значение любой языковой единицы рассматривается как обусловленное широким ситуационным контекстом.

Как подчеркивает Ф. Пальмер:

Определение границ и установление тождества языковых фактов и типов языкового поведения может быть проведено через контекст ситуации. Это не значит, что надо использовать значение для установления лингвистических категорий, просто нужно признать, что язык — часть более широкой человеческой деятельности, и классифицировать его следует относительно этой деятельности. В этом смысле контекст ситуации, как считает Фёрс, есть основа всей организации лингвистической техники, но он не является ни одним из приемов этой техники, ни одним из уровней анализа [ПО, 239].

Контекст ситуации, по Фёрсу «это удобная абстракция на социальном уровне исследования, составляющая основу для иерархии технических приемов в целях установления значения» [83, 10].

По Пальмеру: «Контекст ситуации может с большой пользой применяться как часть лингвистического анализа без нарушения правила, что лингвистическое исследование должно быть формальным, так как он может быть использован для определения границ и установления тождества различных типов языкового поведения» [ПО, 239].

Контекстуальные исследования должны учитывать отношения, основанные на социальной иерархии, классовой, религиозной и национальной структуре общества, культурной истории общества и говорящих индивидов. Все это проявляется в речи и поступках участников речевого акта.

Описание контекста ситуации должно вестись посредством установления внутренних отношений составных частей или факторов. Выводы, полученные из изучения контекстов ситуации, могут быть представлены в форме таблицы, включающей следующие пункты: 1) тип контекста ситуации; 2) тип речевой функ-

ции; 3) языковой текст и языковой механизм; 4) ограниченный язык, к которому принадлежит текст; 5) синтаксическая характеристика текста; 6) прочие лингвистические особенности текста, включая стиль и ритм; 7) творческий эффект; 8) ассоциативные связи с предыдущими и последующими контекстами ситуации, основанные на памяти.

Надо сказать, что проблема «контекста ситуации» в рамках Лондонской школы получает не только фундаментальную теоретическую разработку, но и самое широкое применение в конкретных работах по описанию языков.

Применяя понятие «контекста ситуации» к конкретным лингвистическим исследованиям, Фёрс пришел к выводу, что дальнейшее уточнение понятия лежит в области социологической лингвистики. Поэтому контекст ситуации, по Ферсу, всегда составляют: а) один или несколько людей; б) то, что они говорят, и в) то, что происходит. Каждый человек всегда привносит с собой частицу своей культуры и частицу социальной действительности. В область исследования контекста ситуации должны входить также вопросы так называемой «личной биографии» участников речевого акта с учетом всей системы воспитания и образования. Как отмечает Фёрс, широкая и перспективная область исследования, открывающаяся в «биографической» лингвистике, все еще остается неизученной [см. 83, 10, 20].

Для лингвистики, по Фёрсу, однако, главный аспект контекста ситуации — это реальный словесный контекст, в который входят все возможные словосочетания описываемого языка, рассматриваемые как члены данного контекста ситуации [см. 36, 74]. Отсюда само значение рассматривается как прежде всего «ситуационные отношения в данном контексте ситуации» [36, 74]. Ситуационные отношения могут устанавливаться: а) положительно, т. е. употреблением слов в связи с остальным ситуационным контекстом, или б) отрицательно, т. е. методом так называемого контекстуального исключения. Техническим приемом для подобного анализа является определение контекста формы или контекстуализация. На лексическом уровне контекстуализация той или другой формы производится путем установления ее типичного и постоянного окружения. Подобная контекстуализация получает название *коллокации*. *Коллокация* — это постоянная сочетаемость исследуемого слова с определенными словами. Этот пункт имеет теоретическое и практическое значение при составлении словарей и изучении иностранных языков, т. е. употребление слова в том или ином языке обычно нормируется его участием во вполне определенных словосочетаниях [см. 68, 195; 83, //].

В качестве примера, пишет Фёрс, можно привести слово *осел*, буквальный смысл которого в разговорном языке настолько стирается в таких контекстах, как: *он осел, ты глупый осел, не будь*

ослом и т.п., что в ответ на замечание о том, что *В зоопарке осла ужасно отдубасили*, репликой будет: *А каким образом он там оказался?* [см. 78, 195; 83, 11]. Слово *осел* обладает обычно ограниченными возможностями сочетания с предшествующими прилагательными, наиболее употребительными из которых являются: *глупый, упрямый, бестолковый, ужасный*, иногда *отъявленный, вопиющий* [см. 78, 195]. Богатый материал для исследования в этом плане представляет изучение языка писателя, поэта.

Методика коллокационного изучения слов позволяет сформулировать теоретические положения об установлении значения слова в определенной его форме, а не как члена парадигмы. Обнаруживаются, например, такие специфические коллокации, как *светлый—темный, светлый—тяжелый* [см. 78, 196; 83, 12].

Контекстуализация формы на уровне грамматической тоже связана с описанием конкретных рамок ее использования. Прием соположения взаимосвязанных грамматических категорий получает в Лондонской школе название *коллигация*. Если коллокация — это окружение конкретных слов, то коллигация — это связь классов, или категорий, слов. Оказывается, например, целесообразным рассматривать в западно-европейских языках такие категории, как существительное и прилагательное в коллигации с артиклем и указательным местоимением; в китайской языке — категорию имени в коллигации с категорией детерминативов и т.д. [см. 13, 325].

В конечном счете методика контекстуализации формы приводит к установлению сопологающихся форм, т.е. того, что в американской дескриптивной лингвистике получает наименование окружения (*environMent*). Но если американские ученые на практике ограничивались главным образом фонетическим материалом, то школа Фёрса сделала попытку исследовать окружение на всех уровнях и чаще на более высоких уровнях [см. 13, 326].

Социальный контекст представляет собой более широкую сферу действия социальных процессов, событий, явившихся фоном или прямо стимулировавших создание языкового текста и оказавших влияние на его историю. В понятие социального контекста входит и то влияние, которое данный языковой текст в свою очередь оказал на социальную среду, последующие процессы и события. Так, например, письменный текст прошлых эпох обладает обоими видами контекста, характеризующимися, в частности, двумя пространственно-временными измерениями: синхронным измерением и измерением, представляющим собой диахронию синхронии — как результат его использования и влияния на события, расположенные на оси времени в социальном пространстве [см. 90, 13 и сл.]. Но последнее, как отмечает Холидей:

...Не есть история текста, а есть извлечение из нее тех черт, которые для лингвиста являются релевантными чертами прошлых и современных

событий, в которых текст этот в той или иной форме принимал участие [90, 24].

Развивая учение Фёрса о контексте, М.Холидей подчеркивает, что ни один текст не может быть исчерпывающим образом охарактеризован в отношении его ситуационного контекста, ибо невозможно абсолютно полно описать ту или иную реальную ситуацию. Сам по себе текст еще менее полно содержит указания на контекст ситуации. Поэтому Холидей вводит понятие «лингвистической контекстуализации» [90, 24].

Контекстом ситуации в той или иной мере полноты, по Холидею, обладает лишь письменный (или устный) текст в целом. Единицы более низких уровней: главы, абзацы, куски, предложения, фразы — не обладают контекстом ситуации, но характеризуются лингвистическим контекстом, или «контекстом упоминания», содержание которого есть производное всех внутритекстовых связей.

Таким образом, как показывают Лондонские лингвисты, два вида функционального разграничения (разнообразие речевых стилей (см. разд. IV выше) и разнообразие ситуационных контекстов) сопряжены в языковой деятельности. Различные функциональные стили взаимоисключаемы и находятся как бы в дополнительной дистрибуции в отношении их применимости в различных типах ситуации общения: для каждого вида ситуативного общения в английском языке, например, как подчеркивается лондонцами, имеется только один (из всего функционально-стилистического разнообразия) стиль, который может быть оптимально действенным в некоторой данной ситуации; в то время как другие, может быть и пригодные, меньше подходят в данном случае. Иными словами, все существующие стили того же английского языка являются взаимозаменяемыми в строгой зависимости от смены ситуации общения.

6. Уровни. Иерархия уровней. Уровни языка и уровни лингвистического описания. Процедуры поуровневого описания

Современное языкознание исходит из того, что всем языкам присуще нечто общее и вместе с тем каждому языку свойственно особенное, что и создает его индивидуальную специфику.

Самым общим свойством всех языков, рассматриваемым в языкознании, выступает членораздельность. **Членораздельность** понимается, применительно к современным лингвистическим идеям, как способность языка обнаружить такое строение, в котором можно выделять дискретные части: уровни и единицы.

Во всех языках, по-видимому, существует, в принципе, одинаковая способность выделять одни и те же уровни и единицы уровней. Рассматриваемое как одно из универсальных характери-

стик естественного человеческого языка, это свойство входит в сферу исследования лингвистической универсологии.

В строении же уровней и единиц, способе их связи обнаруживается специфика конкретных языков, их особенные свойства, что составляет область типологии языка и индивидуального лингвистического описания.

Английские ученые много занимаются такими вопросами лингвистического анализа, как: с чего начинать языковой анализ, в какой последовательности его вести, в каких единицах описывать языковые факты, на что следует обращать главное внимание. Особенно много внимания уделяется разработке процедур анализа по уровням.

Понятие уровня анализа лондонцами применено гораздо шире, чем в других структуральных школах. Широкому обсуждению подверглись такие вопросы, как: 1) число и иерархия уровней языка; 2) формы взаимосвязи между различными уровнями языка; 3) иерархия уровней анализа, т. е. последовательность анализа явлений, входящих в разные уровни, и т. п.

По мнению лондонцев, нельзя априорно установить определенное число уровней анализа — оно может варьироваться. Фёрс в разных работах называет разное число уровней: фонетический, морфологический, лексический, синтаксический, семантический или: фонэстетический, фонетический, просодический, грамматический и коллокационный.

Как считает, например, В.С.Аллен, отдельные уровни языка связаны между собой вполне определенными, но качественно различными способами. Аллен приходит к выводу, что нет прямолинейных соответствий между фонетическим, фонологическим и грамматическим уровнями. Переход от одного уровня на другой представляется в форме корреляции. Характер связи между фонологическими и грамматическими данными носит опосредованный характер: и фонологические, и грамматические данные одинаково опираются на фонические (фонетические) данные [см. 52].

Согласно концепции Лондонской школы, лингвист должен разложить на составляющие компоненты ту целостную модель поведения, которая называется речью, и применить специальные методы для описания и классификации так называемых элементов речи, которые отождествляются посредством анализа. Этот вид анализа затем сопоставляется с результатами, достигнутыми на различных уровнях, и таким путем приходит к достоверному, так сказать, описанию данного языка.

Лондонские языковеды полагают, что для лингвистического анализа можно брать любую лингвистическую форму и для ее характеристики важны данные как более низких, так и более высоких уровней. Они не соглашались с позицией 1) тех языковедов, которые стоят за сепаратизацию отдельных уровней и за описание

каждого из более высоких уровней в единицах более низкого уровня, — компарменталистов, равно как и 2) тех, кто считает вообще невозможным строго разграничить явления разных уровней, — так называемых интегралистов.

Как правило, уровневый анализ в Лондонской школе приводится таким образом: удостоверившись в реальности данных на социологическом уровне, переходят к разложению этих данных на семантические, грамматические, лексические, фонологические и фонетические компоненты.

В. Хаас считает, что одинаково правомерны два основных способа исследования языка: 1) все единицы языка можно определить аналитически, т.е. через их отношение к более мелким единицам, из которых они состоят, и 2) синтетически, т.е. через их отношение к более крупным единицам, частью которых они являются. Размер и количество единиц будет варьироваться в соответствии со спецификой уровня. Единицы, установленные на любом уровне, могут быть рассмотрены аналитически, в терминах единиц более низкого уровня, и синтетически, в терминах, единиц более высокого уровня. Например, если взять морфемы, то синтаксическое определение их будет вестись через конструкции, а аналитическое — через фонемы [см. 87].

Лондонские лингвисты полагают, что поуровневый анализ можно осуществлять как в направлении от низшего уровня к высшему, так и наоборот. Вместе с тем большинство лондонцев считает, что, предпринимая лингвистическое описание некоторого языка, целесообразнее идти от рассмотрения более высоких уровней к более низким уровням. Предпочтительность нисходящего пути поуровневого исследования определяется тем, что такая иерархия уровней исследования позволяет учесть наиболее существенные черты языкового моделирования, функциональные характеристики языка и его частей. Противоположная последовательность уровневого анализа может привести к тому, что от лингвиста ускользнут какие-то наиболее общие черты или явления, присущие языку, хотя в должных случаях эта иерархия может оказаться предпочтительной. Так, В. Хаас в статье «Лингвистические структуры» рекомендует начинать анализ с языковых высказываний, а не строить описание системы языка по принципу «от звука к предложению» [см. 88]. В другой, более ранней, работе [см. 87] Хаас формулирует позицию, в соответствии с которой продвижение лингвистического анализа с одного уровня на другой осуществляется без предвзятости в выборе определенного направления.

Другой представитель Лондонской школы Ф.Р. Пальмер высказывает весьма скептическую точку зрения в отношении обязательности некоего строгого направления анализа. По его мнению, иерархия уровней делает обязательным лишь одно направление анализа: исследование на всех уровнях время от времени должно

подтверждаться ссылками на фонетику [см. 110]. Наиболее решительно отказ от наличия обязательного направления исследования проявляется у М.Холлидея [см. 91]. Что касается Фёрса, то он признает иерархию только как иерархию технических приемов исследования и задачей лингвиста считает установление значения на каждом уровне, пользуясь приемами, соответствующими данному уровню. Каждый уровень автономен, и единицы того или иного уровня определены в терминах, соответствующих данному уровню. Исследование при этом может вестись иногда в нисходящем порядке, иногда в обратном порядке.

Вопрос об отношениях между уровнями всегда включает в себя, наряду с вопросом о «направлении», или логическом движении внутри иерархии, и вопрос о положении «крайних точек» и «центра» иерархии. По первому вопросу, как видим, нет единства мнений. По второму вопросу целый ряд лингвистов выдвигает мнение о том, что грамматика — центральная часть лингвистического анализа, фонетика — его основа, фонология — мост между ними, семантика — конечная часть. Хаас, рассматривая проблему иерархии уровней, выделяет самый высший и самый низший уровни, конечные уровни: с одной стороны, фонетический уровень, а с другой — семантический [см. 88].

В целом, пользуясь словами Ф. Р. Пальмера можно, сказать, что в современной лингвистике существует столько же взглядов на отношения между уровнями, сколько лингвистических теорий.

Некоторые из этих теорий отрицают с достаточной ясностью, или имплицитно, иерархичность отношений между уровнями. Например, Ч.Ф.Хоккет в своем «Руководстве по фонологии» ссылается на «традиционную точку зрения», согласно которой фонологические и грамматические элементы различаются только размером (*size—level*) и, таким образом, в целом конструкция языка составляет иерархию. Его же собственная точка зрения «радикально отличается» от нее. Дж. Р. Фёрс («Личность и язык в обществе») считает, что «дескриптивная лингвистика — это своего рода иерархия технических приемов, с помощью которых лингвистическое значение может быть рассеяно в спектре специализированного высказывания». Термин «иерархия технических приемов» можно, видимо, принять как исключаящий иерархию уровней. В. Хаас («К определению лингвистических элементов») предлагает различать 3 типа элементов языка, каждый из которых, по его словам, определяется своей «семантической ценностью». Он говорит: «Три типа семантической ценности составляют иерархию, причем каждый элемент третьего типа включает один или более элементов второго типа, а любой элемент второго типа — один или более элементов первого. Таким образом, можно сказать, что элемент языка принадлежит к определенному уровню» [110, 225].

Сложность лингвистического исследования во многом зависит от огромной сложности самого языка. Но до некоторой степени трудности и осложнения создаются самими лингвистами. Четкая, удовлетворяющая всем требованиям эстетики теория может увести исследователя в сторо-

ну и запутать. Точка зрения, предполагающая строгую иерархию уровней, — как раз такого типа, и сейчас она не очень популярна. Но и диаметрально противоположный подход, когда не признается никакой упорядоченности отношений между различными уровнями (в широком смысле слова), тоже неприемлем. Точка зрения, изложенная в этой статье, та, что уровни, в самом широком смысле слова, существуют и соотносятся между собой специфическими, но различными способами. Организация отношений между уровнями не признается иерархией, разве что в самом общем смысле. Эти уровни следующие: (1) Контекст ситуации — разграничивает и определяет типы языка (стили), так как каждый из них требует отдельного описания на всех остальных уровнях. (2) Грамматика — основная и центральная часть лингвистического исследования. (3) Фонология — вспомогательное средство, мост между грамматикой и фонетикой. (4) Фонетика — конечное подтверждение для грамматики и фонологии, так как она связывает их с доступным наблюдению фактическим материалом. Только благодаря фонетической основе грамматика может быть формальной, а языкознание научным и объективным [ПО, 241].

Одним из главных условий уровневого анализа выступает согласование, или непротиворечивость, данных: констатация фактов на одном уровне должна быть представлена по возможности в таком виде, чтобы облегчить и упростить подачу материала на другом уровне. Например, при возможности различной интерпретации материала на фонологическом уровне следует предпочесть ту, которая упрощает описание на уровне грамматики [см. 123, 135—138]. Лингвист с самого начала должен предусмотреть тот наиболее рациональный способ изложения, или классификации, при котором выбор единиц описания отвечал бы принципам компактности, экономности, простоты и т.д. сразу на нескольких уровнях исследования.

7. Фонология и просодика

Хотя в программных теоретических работах описание звукового строя языка ставится лондонскими лингвистами в подчиненное отношение сравнительно с описанием на уровне грамматики, тем не менее в большинстве конкретных описаний языков (особенно экзотических языков) вопросы грамматического описания занимают несравненно меньше места, чем вопросы звукового строя. Но этому положению вещей, видимо, можно найти объяснение в другом основополагающем тезисе лондонцев: без надлежащего, проведенного самым тщательным образом обследования звукового строя языка нельзя дать полного описания грамматического строя, нельзя в полной мере вскрыть механизм значения.

Лондонцы не признают за фонетикой господствующего положения или, вообще, самодовлеющего характера. Фонетический

строй языка исследуется с тем, чтобы сделать возможным на основе полученных данных более полно описать область значения. А последняя складывается в основном из фактов лексики и грамматики. Семантическая концепция Лондонской школы содержит совокупность исходных положений, определяющих способ интерпретации фонетических данных.

Внимание лондонских лингвистов сосредоточивается при описании звукового строя на обследовании фонематики и просодики.

Выступая против гиперболизации понятия фонемы (свойственного, по их мнению, ряду школ), представители Лондонской школы широко оперируют понятиями «просодема», «просодия», «просодический уровень». Как утверждает Фёрс:

...Применение термина «фонема» следует ограничить лишь определенными признаками согласных и гласных, систематически установленными *ad hoc* для каждого языка [74, 122].

Фонемы входят в фонематические, а просодемы — в просодические системы языка (понимаемого как система систем).

Фонемы и просодемы для лондонцев — это абстракции, установленные в ходе членения речевого потока.

Фёрс рассматривает *фонему* как *единицу замещения* (*substitution counter*), подстановки, в фонетическом и морфологическом рядах. Определяющей функцией фонемы выступает функция различения смысла: через различение единиц, выступающих носителем смысла, замена звука другим звуком в составе морфемы или слова ведет к изменению звукового облика морфемы и слова, а с этим другим обликом морфемы и слова соотнесен другой смысл. Такая трактовка фонемы в полной мере вытекает из структурно-функциональной концепции языка, которой последовательно придерживается Лондонская школа.

Интерес Фёрса и его школы в области исследования звуковой стороны языка обращен в первую очередь к **изучению способов соединения звуков в потоке речи**. Соответственно ставится задача установления частных систем фонем для каждой позиции в слогах, словах и т.д. изучаемого языка. Таким образом, получаем, например, систему согласных фонем для начальной позиции перед гласными, систему для конечной позиции после гласных и т.д.

Исчерпывающий анализ всего корпуса текстов (или типических текстов) позволяет вывести состояние фонологической модели языка на некотором синхронном срезе как сложной взаимосвязанной системы (частных) подсистем, состоящих из взаимосвязанных элементов.

Техника фонемного анализа в Лондонской школе отличается, таким образом, от той техники, которая принята Пражской школой. Конечный ее результат — фонологическая модель языка тоже характеризуется иной онтологией, иными сущностными характе-

ристиками. Если Пражская школа исходит из концепции **всеобъемлющей системы языка (и всеобъемлющей фонологической системы)** и затем получает эту модель из анализа речевой действительности, то Лондонская школа исходит из концепции языка как **системы систем**, т.е. системы, как бы расщепленной на ряд частных систем (и фонологической системы, состоящей из еще более частных систем), а затем тоже, но иным набором процедур, получает эту модель из анализа речевой действительности (модель, как бы сведенную из частных моделей).

Одним из конкретных следствий этих концептуальных (и процедурных) различий между Лондонской и Пражской школой в части фонологии является то, что в фонологической модели языка Лондонской школы нет места понятию «фонематической нейтрализации», которое в фонологической концепции, например Трубецкого, занимает важное место (не говоря уже о понятии «архифонемы», от которого впоследствии отказались и пражцы [см. 133]).

Рекомендуя избегать, по возможности, спорного и по-разному интерпретируемого различными лингвистами понятия фонемы, Фёрс предлагает сосредоточить внимание на исследовании звуков и просодии [см. 74, 123].

Понятие **просодии**, просодических элементов включает в себя признаки, отличающие начало слова или слога, конец слога или слова, выделение из слова части слова или выделение из предложения части предложения, стыки слогов, стыки слов, словосочетаний и предложений [см. 74, 122–123]. При рассмотрении языка с систематической точки зрения, указывает Фёрс, любые фонетические черты, характерные и свойственные подобным позициям или стыку, могут быть определены как просодии предложения или слова [см. 74, 123].

Понятие **просодии** вводится, в первую очередь, для характеристики межфонемных и межслоговых связей. Фёрс особо выделяет «удобство установления структуры слова и его музыкальных свойств в виде рядов абстракций, четко выделяющихся из общего фонологического комплекса».

Центральное место при исследовании проблемы просодии отводится слогу, поскольку, как отмечает Фёрс, «силлабическая структура слова является сама по себе просодией» [74, 125]. В связи с этим просодические черты слова включают следующие элементы: 1) число слогов; 2) природу слога; открытый или закрытый характер слога; 3) слогаобразующие единицы; 4) последовательность слогов; 5) последовательность согласных; 6) последовательность гласных; 7) позицию, природу и количественную характеристику ударного слога; 8) темный или светлый характер слога [см. 74, 130]. Кроме этих признаков Фёрс относит к просодиям и ряд других признаков, как ударение, долгота, назализа-

ция, аспирация, тон, звонкость, палатализация, звуки или группы звуков, специфически используемые в конкретном языке, как, например, /Л/ в английском.

Изучение просодии, отмечал Фёрс, в современной лингвистике находится в зачаточном состоянии по сравнению с техникой систематического изучения звуков [см. 74, 123]¹.

Различие, устанавливаемое Лондонской школой между звуками и просодическими элементами, весьма существенно. Важность просодических элементов заключается особенно в той связи, которую они обеспечивают между фонологическим и грамматическим уровнями языка.

В понятие «просодия» представителями Лондонской школы вкладывается, таким образом, большое содержание, и ей отводится едва ли не доминирующая роль в структуре слова в самых различных языковых типах. Так, по мнению Фёрса, при установлении структуры слов в арабском языке, китайско-тибетских или западно-африканских тоновых языках просодические системы более значимы, чем фонемные [см. 74, 130–131]. К просодиям, по его мнению, относятся явления приступа в датском языке, соединительное /e/ в английском, слабое и сильное придыхание в греческом, плавные, носовые а также /и>/, /у/ в индо-европейских и китайско-тибетских языках и т. п. В письменной фиксации как просодические символы выступают диакритические значки (например, в арабской письменности), промежутки между словами и даже знаки препинания, Фёрс полагает, что в истории любого языка звук и просодия взаимозаменяемы.

Начатая Фёрсом и его ближайшими коллегами разработка проблем просодии продолжается в английском языкознании очень интенсивно и в настоящее время.

8. Вопросы грамматического анализа. Проблема соотношения формального и содержательного анализов

В Лондонской школе проведена значительная работа по созданию теории грамматического анализа. Грамматика, как отмечают представители Лондонской школы, в отличие от лексикологии оперирует только замкнутыми системами, т. е. системами с твердо установленным числом членов, изменения в котором влекут за

¹ Термин «просодия» впервые был предложен Д. М. Бичем применительно к явлениям тона, ударения, интонации и т. д. {Jones D. The History and Meaning of the term «Phoneme» // Suppl. to «Le Maître Phonétique». — London, 1957). Н. С. Трубецкой употребляет понятие просодемы. Под просодемой он понимает минимальную просодическую единицу, такую, как слог, или мора [см. 33, 22]. Многие из того, что Лондонской школой относится к просодическим элементам, Трубецким обозначалось термином «пограничный сигнал» [см. 13, 244–248].

собой изменение самой системы. Все то, что не относится к замкнутым системам, не может быть отнесено к области грамматики и является предметом изучения в лексикологии. Что касается взаимоотношений грамматики и фонологии, то эти две области лингвистики признаются важными, так как отражают два главных способа структурирования языковой данности, но описания на фонологическом уровне, по мнению лондонцев, всегда должны предшествовать описаниям на грамматическом и лексическом уровнях и являться основой для описания на этих уровнях.

Основные положения в отношении анализа на грамматическом уровне заключаются в том, чтобы: а) значение лингвистических форм определялось с учетом всей системы данного языка и устанавливалось в контексте; б) при описании грамматической системы избегать априорных классификаций и устанавливать лишь те лингвистические различия, которые формально выражены. После выявления всех формально выраженных грамматических различий должен быть составлен полный список, инвентарь элементов с указанием их дистрибуции, функции и значения, установленных с учетом системных отношений и конкретных употреблений. В результате можно установить классы и подклассы (например, именные или глагольные), а также указать на продуктивность или непродуктивность каждого класса и т.п. [см. 19,222-2231

Лондонцы стремятся выделить прежде всего основные *категории* грамматического анализа, которые определяются как элементы взаимосвязанных систем, имеющих в качестве экспонентов сегменты текста (графические или фонетические). Категории грамматического анализа подразделяются на *единицы* и *классы*, выступающие как результат научной абстракции в лингвистике. Те или иные лингвистические единицы вычленяются, по мнению В.Аллена, в соответствии со способом описания языка и системой терминов, которые приняты в данном лингвистическом исследовании как наиболее эффективные для конкретной цели [см. 53, 13].

Единицы в грамматике устанавливаются на основании формально-грамматических критериев. Основными единицами грамматического анализа являются *предложение, слово, морфема*.

Система единиц образует иерархию, как правило, в нисходящей прогрессии, так что каждый элемент определяется как состоящий из одного или более членов последующего элемента (каждый экспонент данной единицы определяется или как единый экспонент, или как последовательность экспонентов единицы, следующей по порядку).

Считается целесообразным начинать, когда это возможно, с установления и разграничения предложения. При дальнейшем установлении и классификации последующих единиц выводы, сде-

данные о каждой единице, будут соотноситься с величинами, установленными в структуре вышестоящей единицы. Тогда для каждой единицы будут установлены системы классов, формально определенных в грамматике и достаточно исчерпывающих [см. 89, 58-59].

Основным понятием о взаимоотношениях различных компонентов является понятие *соподчиненности*, оно легко выявляется в таком, например, ряду, как: предложение—придаточное предложение— группа слов—слово—морфема [см. 91]. В конечном счете суть анализа сводится к выявлению отношений между отдельными языковыми единицами. Цель, которую стремятся достичь с помощью подобного описания, — создание категориальной грамматики.

От Л. Ельмслева установилась традиция делить описываемый текст на отрезки уменьшающейся длины до тех пор, пока не будут получены неделимые дальше отрезки.

В эту часть аналитической лингвистики Лондонской школой, как мы видели, были добавлены процедуры контекстуализации: ситуационной контекстуализации, социальной контекстуализации, а также лингвистической контекстуализации, которые в порядке подготовки текста к поуровневому анализу должны предшествовать его делению.

Важным требованием структуральной лингвистики при этом является требование опираться при делении текста на формальные критерии, т.е. те признаки текста (письменного или устного) его частей, которые выражены в части своей делимости теми или иными средствами или которые по формальным признакам самих единиц могут быть таким способом разделены.

Школа Фёрса, как отмечалось выше, специально подчеркивает, что при выделении лингвистических категорий и единиц функционально существенно в языке лишь то, что получает выражение формальными средствами.

Однако это требование не во всех случаях может успешно быть проведено в ходе анализа текста.

Таково, например, положение вещей при членении сплошного звукового потока (в частности — применительно к бесписьменному языку) или при выделении из сплошного письменного текста предложений и слов (особенно — когда отсутствуют знаки препинания, пробелы, графические признаки строчности и прописи и т.п. в древних, скажем, рукописях).

Там, где формальное выделение тех или иных отрезков текста, соответствующих тем или иным лингвистическим единицам, невозможно или затруднено, приходится прибегать к помощи содержательного анализа.

Фонемы, морфемы и с известной уверенностью слова могут быть выделены в тексте без обращения к содержательному анализу.

Фонемы — это минимальные единицы выражения, морфемы и слова — это устойчивые единицы выражения, характеризующиеся определенной частотой появления в текстах. И те, и другие, и третьи могут быть выделены статистически, независимо от их содержания.

Статистическая обработка фонем (слогов), морфем и слов составляет, таким образом, первый этап формального анализа.

Второй этап формального анализа состоит в установлении взаимной сочетаемости фонем (слогов), морфем, слов.

Правда, статистическое выделение слов по условиям текста не всегда бывает возможно. Тогда прибегают к помощи содержательной информации [см. 27].

Слово может выделяться при помощи анализа на трех уровнях содержательной информации. Первый уровень — это лексическое содержание единицы, конкретное значение данной единицы. Второй уровень — вхождение слова в некоторый класс на основе категорий и сочетаний, к выражению и образованию которых оно способно. Третий уровень — это принадлежность данной единицы к некоторому классу единиц по критерию абстрактной значимости, свойственной всем единицам данного класса (значимость всегда содержательна).

Что касается предложения, то с этим отрезком текста дело обстоит еще более сложно. Предложение вообще не может быть выделено без обращения к плану содержания в отличие от фонемы, морфемы и слова.

Предложение тесно связано с внелингвистическими факторами (и, собственно, детерминируется ими). Связь эта осуществляется через личность производителя сообщения и несет на себе ее отпечаток¹.

Структурная лингвистика, в частности Лондонская школа, разработала ряд приемов содержательного лингвистического анализа, направленного на выделение предложения.

Анализ текста с целью выделения предложения осуществляется в несколько этапов, каждый из которых располагает своими аналитическими процедурами. Два этапа формального анализа были рассмотрены выше. За ними следуют два этапа содержательного анализа [см. 90].

В качестве первого этапа содержательного анализа используются процедуры, имеющие целью выделить комбинационные классы таких единиц, как фонемы (слоги), морфемы, слова.

В качестве второго этапа содержательного анализа применяются процедуры, направленные на описание единиц уровней, следующих за уровнем слова, таких, как фраза или «кусочек» (как от-

¹ Здесь становится понятной важность, которую придают Фёрс и его последователи изучению фактора личности (*personality*).

резок текста и лингвистическая единица, обычно меньшая, чем предложение), наконец, предложение.

Классы, выделяемые на первом этапе как члены системы, а также члены этих классов наделены значимостью — фактором содержательного анализа. Важным техническим приемом содержательного анализа является выделение данных по признаку «зависимость—независимость» относительно таких единиц, как морфема, слово, фраза. Все эти процедуры предваряют выделение предложения.

Трудности, связанные с выделением предложения формализованными процедурами, состоят в том, что предложение не является устойчивой единицей. Далее, предложение непосредственно зависит от содержания входящих в него единиц. Предложение, наконец, не обладает статистическим признаком.

Устойчивыми единицами являются лишь типы предложения. *Типы предложения* — это структурные модели. И как таковые именно они являются единицами функциональной делимости.

При этом структурные, иначе функциональные, модели, каковыми являются типы предложения, тоже не вполне свободны от содержательных характеристик, поскольку они представляют собою упорядоченные последовательности единиц, относящихся к определенным классам, и непосредственно зависят от содержания входящих в них единиц.

В силу этих особенностей предложения возникает вопрос: можно ли предложение относить к разряду лингвистических единиц?

В распоряжении лингвиста нет формальных средств, которые уверенно и непременно фиксировали бы отдельность предложения, давали бы возможность членения текста по предложениям.

Действительно, письменный текст средствами графики (орфографии и пунктуации и т. п.) может фиксировать отдельность предложения. Но может и не фиксировать отдельности предложения, как, например, в древних текстах, написанных сплошняком (не говоря уже о неграмотных написаниях).

Интонация (интонационно-мелодический рисунок) как формальный признак предложения — критерий, по-видимому, сомнительный, ибо интонация не предшествует, а сопровождает содержательную последовательность лингвистических единиц [ср. 27]¹, отождествляемых (предварительно) как отдельное предложение.

Итак, отдельность предложения детерминируется внеморфологическими факторами, а установление соответствия интонационно-мелодического рисунка предложению осуществляется на базе

¹ Вот почему, кстати, в импровизируемой речи могут иметь место разного рода нарушения этого (против нормы) соответствия интонационно-мелодического рисунка отдельности предложения.

предварительно уже установленной отдельности предложения, которая является ведущим фактором.

Поэтому нельзя считать случайным то, что Л. Ельмслев счел необходимым исключить предложение из числа лингвистических единиц [см. 96, 52]. Отсюда структурная лингвистика изучает типы предложения, а не предложения как единицы языка (как это между прочим делало и доструктурное языкознание). Лондонцы в связи с этим испытывают немало трудностей с анализом предложения [см. 27; 90; 91; 99].

* * *

Подводя итог, можно сказать, что научная концепция Лондонской школы языкознания в целом характеризуется логичностью, стройностью, взаимной обусловленностью ее составных частей и известным стремлением к универсализму.

Охватывая самые различные аспекты языка, Лондонская школа старается выработать лингвистическую теорию, которая (на иных основаниях, чем глоссематика) сочетала бы в себе те же достоинства: простоту, полноту и непротиворечивость. Одновременно следует подчеркнуть и индуктивно-эмпирическую направленность методологического подхода Лондонской школы, стимулирующую конкретные лингвистические описания типологически самых различных языков.

Безусловно, многие проблемы, поставленные языковедами, объединяемыми в рамках Лондонской школы, еще нуждаются в дальнейшей разработке, но не подлежит также сомнению и то, что уже сами попытки решения и вырабатываемые для этой цели приемы исследования вносят существенный вклад в развитие языкознания, в частности в аппарат структурно-функционального исследования языка.

Ввиду ее достаточной концептуальной цельности, самостоятельности и насыщенности конкретными лингвистическими исследованиями деятельность Лондонской школы представляет собой то звено, без знания которого наши представления о теории и исследовательской практике системно-структурного языкознания как определенного этапа в развитии лингвистической науки оказываются неполными.

* * *

Развитие науки о языке в XX в. идет, как мы видим, в различных направлениях. Эти направления и сам характер движения лингвистической мысли были в известной мере обусловлены и совокупностью знаний, унаследованной от языкознания XIX в., и новыми сдвигами, которые наметились в формирующейся новой лингвистической традиции в лингвистике рубежа XX в.

Глубокое влияние на развитие языкознания XX в., как уже отмечалось, оказал швейцарский ученый Ф. де Соссюр.

Имя Соссюра тесно связывается с оформлением в языкознании социологического течения; к его идеям непосредственно восходят многие положения структурализма; его общие лингвистические идеи и сравнительно-исторические исследования дали толчок формированию качественно новой исследовательской методики в сравнительном языкознании — так называемого метода внутренней реконструкции.

Соссюр, первый из лингвистов XX в., предложил науке новую, цельную и четко сформулированную общелингвистическую теорию.

Общелингвистическая система (практически во всех ее частях), разработанная Ф. де Соссюром, подводила итог развитию предшествующего языкознания и являлась отражением прежде всего тех успехов, которые были сделаны лингвистикой за три предыдущих столетия (XVII—XIX вв.).

1. Соссюр четко провел и теоретически обосновал принципиальное разграничение **языка** как системы условных средств (норм) и **речи** как формы существования этой системы, как последовательности конкретных языковых проявлений.

2. Язык и речь входят в **речевую деятельность** как два ее компонента. Язык — это структура, абстрактная система связей. Речь — это материальная последовательность сигналов.

3. Структура языка познается через выявление системы функциональных правил, со всеми абстрактными моделями, помогающими осмыслить строение материала и выявить в нем наиболее существенное.

4. Соссюр принципиально разграничивает область **синхронии** и область **диахронии** и делает упор на синхронии. Проведя такое разграничение и сделав упор на синхронии, он вместе с тем подчеркнул, что синхронный метод и метод диахронный взаимно связаны и выбор того или другого определяется характером предмета исследования и поставленными задачами.

5. В синхронии Соссюр главный упор делает на систему языка.

6. Определяющими в речевой деятельности являются два типа отношений: ассоциативные (т.е. **парадигматические**) и отношения последовательности распределения элементов в речевой цепи (т.е. **синтагматические**).

7. Система основывается на противопоставлении членов. Язык, по Соссюру, характеризуется системой, основанной целиком на противопоставлении конкретных единиц. При противопоставлении единиц языка система формируется на базе установления **тождеств** и **различий**. Весь механизм языка, по Соссюру, вращается исключительно вокруг тождеств и различий.

8. Анализ языкового материала необходимо вести от **целого** (системы) к **частному** (элементам). При изучении системы надо исходить из совокупного целого и путем анализа доходить до заключенных в нем элементов, а не начинать с готовых языковых элементов и строить систему из их суммы.

9. Соссюр утверждает **статичность** как важнейший, с лингвистической точки зрения, атрибут системы, хотя он не рассматривает статику

как неподвижность, не рассматривает данное состояние языка как абсолютно неподвижное: состояние не математическая точка, это может быть длительный промежуток времени.

10. И наконец, Соссюр проводит разграничение внутренней и внешней лингвистики. **Внутренняя лингвистика** — область изучения всего того, что имеет отношение к системно-структурным характеристикам языка. **Внешняя лингвистика** исследует многосторонние связи языка и его носителя — народа — в синхронии и диахронии.

Надо сказать, что перечисленные лингвистические положения полностью отвечали тем общим тенденциям, которые наметились в развитии научных знаний XX в.

Понятие структуры становится в XX в. одним из самых распространенных понятий. Это факт связан с успехами математической логики, с более глубоким раскрытием физиологического механизма нервной деятельности, с попытками моделирования его отдельных звеньев, с общей проблемой автоматизации различных процессов, а позже — с применением кибернетических принципов в различных областях человеческой деятельности. Становится ясно, что существование, структуру и свойства любого элемента можно понять только в его связи с другими элементами, причем само существование и свойства каждого из них зависят от существования и свойств других. Под влиянием взглядов Соссюра и как своего рода реакция на долго господствовавший младограмматизм в языкознании XX в. оформляется новое лингвистическое направление, получившее наименование структурализма.

Под общим названием структурализм принято объединять прежде всего: 1) Пражскую школу, 2) Копенгагенскую школу, 3) Лондонскую школу, 4) американский структурализм.

Многие общие положения методов структурного описания языка становятся с течением времени составными частями современного языкознания в целом.

Структурализм, с одной стороны, исходил из положений, выдвинутых Ф. де Соссюром, который предельно отчетливо сформулировал тезис о системном характере языка, и, с другой стороны, использовал достижения математической логики, психологии и других смежных наук, развивая вместе с тем некоторые идеи Бодуэна де Куртенэ и Крушевского, исследования которых о фонеме стимулировали создание основ современной фонологии в том виде, как она была разработана представителями Пражской школы (прежде всего Н. С.Трубецким и Р. О.Якобсоном). Он также обратился к определенным положениям философии языка, содержащейся в универсальной грамматике и сравнительном языкознании.

Учение Ф. де Соссюра, воспринятое на фоне успехов точных наук, оказалось решающим для становления школ структурализма, прежде всего Пражской и Копенгагенской.

Многие идеи и приемы лингвистического анализа, свойственные структурализму, с одной стороны, тесно связаны с достижениями сравнительно-исторического языкознания XIX в. и, с другой стороны, служат совершенствованию сравнительно-исторического метода на его новом этапе развития — в XX в.

Исследования лингвистического структурализма обращены в первую очередь к области процедур лингвистического анализа. Аппарат структурной лингвистики по своей онтологии требует определенных посылок и допущений, лежащих за пределами этого аппарата и составляющих философию языка как особый раздел в самом структурализме.

Эти допущения были сформулированы в виде онтологических представлений о языке.

1. Язык есть система, состоящая из отдельных сущностей — знаков. Каждый из знаков имеет две стороны: план содержания и план выражения — и обладает ценностью (значимостью), определяемой как место в системе. На положении о двусторонности знака впоследствии основывается коммутационный тест, а на положении о значимости — дистрибутивный анализ.

2. При анализе обнаруживается, что язык есть система (из синтагм и парадигм), содержащая иерархию. Это позволило в дальнейшем уже индуктивно вывести систему дифференциальных признаков и помимо уровней разграничить так называемые планы анализа.

Эти два положения, сформулированные первоначально Ф. де Соссюром, прямо обращены, как видим, к аналитическим процедурам.

Однако, для того чтобы данные понятия могли существовать, нужно было соотнести их с другими понятиями, связывающими онтологию структурализма с онтологией сравнительно-исторического языкознания. Поэтому были сделаны следующие важные дополнения и уточнения.

1. **Положение о цельности системы.** Всякая система языка — замкнутое и самодовлеющее целое. Это было хорошо известно уже А. Шлейхеру. Без этого нельзя определить ценностные (добавление Соссюра) отношения между элементами внутри системы. Это положение соответствует представлениям философии языка в сравнительно-историческом языкознании. Но оно не может быть выведено из результатов сравнительно-исторического исследования, плохо согласуется с ними, особенно это относится к некоторым отделам сравнительного языкознания, как, например, лингвистической географии.

Поэтому, отнеся понятие целостности системы к сравнительно-историческому языкознанию, Ф. де Соссюр вводит понятия синхронии и диахронии. Важным средством различения синхронии и диахронии, по Соссюру, является фактор ценностной

характеристики: **1)** там, где ценностная характеристика (системы) тождественна самой себе, присутствует синхрония; **2)** там же, где ценностная характеристика изменяется за счет смены элементов языка или отношений между ними, наличествует диахрония.

2. Положение о немотивированности языкового знака. Провозглашается, что планы содержания и выражения связаны в знаке так, что характер выражения не может указать на характер содержания (мотивировать его), и наоборот. Это положение соответствует еще одному пункту сравнительно-исторического языкознания, так как в начале всякого сравнительно-исторического исследования при сравнении языков важным для сближения родственных языков является положение о неслучайной (генетически обусловленной) близости единиц в планах выражения и содержания. Отношение же между этими двумя планами сближаемых единиц в принципе не мотивируется. Вся же система этимологии и фонетических законов раскрывается на основе связи планов выражения и содержания и мотивирует их, объединяет их.

Основатели структурализма, рассматривая положение о мотивации языкового знака, касаются всех основных антиномий языка, сформулированных В.Гумбольдтом, и интерпретируют их в связи с задачами структурализма.

Так формулируются положения об условности связи планов выражения и содержания языка для знака и безусловности этой связи для общества, об индивидуальности речи, необходимой для создания текстов на языке, и социальности системы, стоящей за языком, об объединении членов общества благодаря системе языка и об изменении системы через индивидуальное ее использование и т.п.

Все эти антиномии излагаются так, чтобы утвердить тезисы о замкнутой системе языка, стоящей за текстами, и о немотивированности знака.

Таким образом, в отношении философии языка структурализм начинает в целом как бы с того, что является результатом развития языкознания. (Положение о том, что язык есть сформировавшийся социальный институт.) Отсюда вопросы онтологии языка и различные теории происхождения языка являются внешними по отношению к структурализму.

Бурное развитие в XX в. получают структурно-типологические исследования.

До появления структурализма и генеративной грамматики лингвистическая типология является лишь периферийной областью языкознания. В ее задачи входит создание типологических классификаций языков. Эти классификации в целом не имеют большой самостоятельной ценности. Они используются для самого общего разделения языков мира на системы, предвещающего сравнительно-исторический анализ, и для построения различных концепций в области философии языка.

С появлением структурализма значительно изменяется роль типологии как отдела науки о языке. Структурализм, создав правила описания языковой системы, в принципе сделал возможным создание единого основания для сравнения языковых систем.

Возникают условия для нового пробуждения интереса к универсальной грамматике. Лингвистический универсализм становится неотъемлемой частью современной теории языка.

Генеративная грамматика, типология языка и лингвистический универсализм создают условия для включения вновь в повестку дня языкознания проблем онтологии языка, а также вопросов моделирования связи языка с мышлением, имея в виду рассмотрение их средствами лингвистики.

Многие проблемы языка рассматриваются с привлечением данных семиотики (семиологии) и методом семиотики, развернувшей широким фронтом исследования разнообразных знаковых систем, их роли в обществе, их взаимодействия с языком.

В языкознании XX в. намечается тенденция к синтезированию разнообразных идей и приемов анализа, разработанных в философии языка и исследовательской практике различных лингвистических течений — младограмматического, структурального, психолингвистического, универсально-типологического и т.д., что создает условия для рассмотрения на более высоком научном уровне проблем, поставленных в ходе развития языкознания, и для дальнейшего успешного продвижения науки о языке.

Литература

1. Блумфилд Л. Ряд постулатов для науки о языке // *Звегинцев В. А.* История языкознания XIX—XX веков в очерках и извлечениях. — М., 1965. — Ч. II.
2. Блумфилд Л. Язык. — М. 1968.
3. Брендаль В. Структуральная лингвистика // *Звегинцев В. А.* История языкознания XIX—XX веков в очерках и извлечениях. — М. — Ч. II.
4. Вахек И. Лингвистический словарь Пражской школы. — М., 1964.
5. Вахек Й. Фонемы и фонологические единицы // *Пражский лингвистический кружок.* — М., 1967.
6. Вахек Й. Пражские фонологические исследования сегодня // *Пражский лингвистический кружок.* — М., 1967.
7. Гавранек Б. Задачи литературного языка и его культура // *Пражский лингвистический кружок.* — М., 1967.
8. Гавранек Б. О функциональном расслоении литературного языка // *Пражский лингвистический кружок.* — М., 1967.
9. Глисон Г. Введение в дескриптивную лингвистику. — М., 1959.
10. Гуссерль Э. Философия как строгая наука // *Логос.* — М., 1911. — Кн. I.
11. Ельмслев Л. Прологомены к теории языка // *Новое в лингвистике.* — М., 1960. — Вып. I.

12. *Исаченко А.* Опыт типологического анализа славянских языков // Новое в лингвистике. — М., 1963. — Вып. III.
13. *Кубрякова Е.Г.* Из истории английского структурализма (Лондонская лингвистическая школа) // Основные направления структурализма. — М., 1964.
14. *Матезиус В.* Задачи сравнительной фонологии // Пражский лингвистический кружок. — М., 1967.
15. *Матезиус В.* О системном грамматическом анализе // Пражский лингвистический кружок. — М., 1967.
16. *Матезиус В.* О так называемом актуальном членении предложения // Пражский лингвистический кружок. — М., 1967.
17. *Матезиус В.* Попытка создания теории структурной грамматики // Пражский лингвистический кружок. — М., 1967.
18. *Матезиус В.* Язык и стиль // Пражский лингвистический кружок. — М., 1967.
19. *Матезиус В.* О необходимости стабильности литературного языка // Пражский лингвистический кружок. — М., 1967.
20. *Молошная Т.Н.* W.S.Allen. On the Linguistic Study of Languages // Структурно-типологические исследования. — М., 1962.
21. *Мукаржовский Я.* Литературный язык и поэтический язык // Пражский лингвистический кружок. — М., 1967.
22. *Новак Л.* Проект нового определения фонемы // Пражский лингвистический кружок. — М., 1967.
23. *Скаличка В.* О современном состоянии типологии // Новое в лингвистике. — М., 1963. — Вып. III.
24. *Скаличка В.* Асимметричный дуализм языковых единиц // Пражский лингвистический кружок. — М., 1967.
25. *Скаличка В.* О грамматике венгерского языка // Пражский лингвистический кружок. — М., 1967.
26. *Соссюр Ф. де.* Курс общей лингвистики // Труды по языкознанию. — М., 1977. — С. 31-269.
27. *Софронов М.В.* U.A.K.Halliday. The Language of the Chinese «Secret History of the Mongols» // Исследования по структурной типологии. — М., 1963.
28. Тезисы Пражского лингвистического кружка // Пражский лингвистический кружок. — М., 1967.
29. *Топоров В. К.* J. E. Pirth. Papers in Linguistics, B. Malinowsk. A Scientific Theory of Culture and Other Essays // Структурно-типологические исследования. — М., 1962.
30. *Трика Б.* К дискуссии по вопросам структурализма // Вопросы языкознания. — 1957. — № 3.
31. *Трубецкой Н. С.* Мысли об индоевропейской проблеме // Вопросы языкознания. — 1958. — № 1.
32. *Трубецкой Н. С.* Некоторые соображения относительно морфонологии // Пражский лингвистический кружок. — М., 1967.
33. *Трубецкой Н. С.* Основы фонологии. — М., 1960.
34. *Ульдалль Х. И.* Основы глоссематики. (Исследования методологии гуманитарных наук со специальным приложением к лингвистике) // Новое в лингвистике. — М., 1960. — Вып. I.

35. Уотсон Дж. Психология как наука о поведении. — СПб., 1926.
36. Ферс Дж.Р. Техника семантики // Новое в лингвистике. — М., 1962. - Вып. II.
37. Хэррис З. С. Совместная встречаемость и трансформация в языковой структуре // Новое в лингвистике. — М., 1962. — Вып. II.
38. Хэррис З. С. Метод в структуральной лингвистике (Раздел: «Методологические предпосылки») // В.А.Звегинцев. История языкознания XIX—XX веков в очерках и извлечениях. — М., 1965. — Ч.И.
39. Хомский Н. Три модели описания языка // Кибернетический сборник. — М., 1961. — Вып. 2.
40. Хомский Н. Синтаксические структуры // Новое в лингвистике. — М., 1962. - Вып. II.
41. Хомский Н. Логические основы лингвистической теории // Новое в лингвистике. — М., 1965. — Вып. IV.
42. Шаумян С. К. Теоретические основы трансформационной грамматики // Новое в лингвистике. — М., 1962.
43. Шаумян С.К. Структурная лингвистика. — М., 1965.
44. Якобсон Р.О. К общему учению о падеже // Избранные работы. — М., 1985.
45. Якобсон Р.О. Морфологические наблюдения над славянским склонением // Избранные работы. — М., 1985.
46. Якобсон Р.О. О теории фонологических союзов между языками // Избранные работы. — М., 1985.
47. Якобсон Р., Холле М. Фонология и ее отношение к фонетике // Новое в лингвистике. — М., 1962. — Вып. II.
48. Allen W.S. Some Prosodic Aspects of Retroflexion and Aspiration in Sanskrit//BSO(A)S. — 1951. — 13.
49. Allen W.S. Retroflexion in Sanskrit: Prosodic Technique and Its Relevance to Comparative Statement // BSO(A)S. — 1954. — 16.
50. Alien W.S. Structure and System in the Abaza Verbal Complex // IPS. — 1956.
51. Alien W. S. Aspiration in the Harauti Nominal // SLA. — 1957.
52. Alien W. S. On the Linguistic Study of Languages. An Inaugural Lecture. Cambridge University Press. — 1957.
53. Bender-Samuel J. T. Some Problems of Segmentation In the Phonological Analysis of Terena // Word. — 1960. — 16.
54. Bendor-Samuel J. T. Stress in Terena // TPS. — 1962.
55. Bendor-Samuel J. T. Syntagmatic Features or Grammatical Prosodies // Actes du X Congres International des linguistes. — Bucarest, 1970. — II.
56. Block B.у Trager G. Outline of Linguistic Analysis. — N. Y., 1942.
57. Boas F. Handbook of American Indian Languages. — Washington, 1911. — Vol. I.; Washington, 1922. - Vol. II.
58. Bureli-Hall G.L. «Levels» Analysis: J.R.Firth's Theories of Linguistic Analysis (Part II) // Journal of the Canadian Linguistic Association. — 1961. — 6. - N 3.
59. Carnochan J. A Study of Quantity In Hausa // BSO(A)S. — 1951. — 13.
60. Carnochan J. Glottalization in Hausa // TPS. — 1952.
61. Carnochan J. Gemination in Hausa // SLA. — 1957.

62. *Carnochan. J.* Vowel Harmony in Igbo // African Language Studies. — 1960. — 1.
63. *Gleason HA.* An Introduction to Descriptive Linguistics. — N. Y., 1955.
64. *Godel R.* Les Sources Manuscrites Du Cours De Linguistique Generale de F. de Saussure. — Geneve; Paris, 1957.
65. *Firth J. R.* Speech // The Tongues of Men & Speech. — London, 1964.
66. *Firth J. R.* The Word «Phoneme» // PL. — 1934.
67. *Firth J. R.* The Principles of Phonetic Notation in Descriptive Grammar// PL. — 1934.
68. *Firth J. R.* The Technique of Semantics // PL. — 1935.
69. *Firth J. R.* The Use and Distribution of Certain English Sounds // PL. — 1935.
70. *Firth J. R.* Phonological Features of Some Indian Languages // PL. — 1935.
71. *Firth J. R.* Alphabets and Phonology in India and Burma // PL. — 1936.
72. *Firth J. R.* The Tongues of Men // The Tongues of Men & Speech. — London, 1964.
73. *Firth J. R.* The English School of Phonetics // PL. — 1946.
74. *Firth J. R.* Sounds and Prosodies // PL. — 1948.
75. *Firth J. R.* The Semantics of Linguistic Science // PL. — 1948.
76. *Firth J. R.* Atlantic Linguistics // PL. — 1949.
77. *Firth J. R.* Personality and Language in Society // PL. — 1950.
78. *Firth J. R.* Modes of Meaning // PL. — 1951.
79. *Firth J. R.* General Linguistics and Descriptive Grammar // PL. — 1951.
80. *Firth J. R.* Structural Linguistics // TPS. — London, 1955.
81. *Firth J. R.* Philology in the Philological Society // TPS. — 1956.
82. *Firth J. R.* Linguistic Analysis and Translation // For Roman Jakobson. — Hague, 1956.
83. *Firth J. R.* A Synopsis of Linguistic Theory, 1930— 1955 // SLA. — 1957.
84. *Firth J. R.* Ethnographic Analysis and Language with Reference to Malinowski's Views // «Man and Culture» An Evaluation of the Bronislaw Malinowski. — London, 1957.
85. *Firth J. R.* Applications of General Linguistics // TPS. — 1957.
86. *Firth J. R.* Papers in Linguistics, 1934 — 1951. — London, 1964.
87. *Haas W.* On Defining Linguistic Units // TPS. — 1954.
88. *Haas W.* Linguistic Structures // Word. — 1960. — Vol. 16. — N 2.
89. *Halliday M. A. K.* Some Aspects of Systematic Description and Comparison in Grammatical Analysis // SLA. — Oxford, 1962.
90. *Halliday M. A. K.* The Language of the Chinese «Secret History of the Mongols» //Publication 17 of the Philological Society. — Oxford, 1959.
91. *Halliday M. A. K.* Categories of a Theory of Grammar // Word. — 1961. — 17. — N 3.
92. *Harris Z.* From Morpheme to Utterance // Language. — 1946. — Vol. 22. — N 3.
93. *Harris Z.* Method in Structural Linguistics. — Chicago, 1951.
94. *Harris Z.* String Analysis of Sentence Structure. — Hague, 1962.
95. *Hill A. A.* Suprasegmentals, Prosodies, Frosodemes // Language. — 1961. — 37.

96. *Hjelmslev L.* La categorie des cas, Etude de grammaire generale, Premiere Partie // Acta Jutlandica. — 1935. — VII. — 1.
97. *Hockett Ch.* A Manual of Phonology. — Baltimore, 1955.
98. *Langendoen D. T.* Review of Studies In Linguistic Analysis // Language. — 1964. — 40.
99. *Langendoen D. T.* The London School of Linguistics: A Study of the Linguistic Theories of B. Malinowski and J. R. Firth. — Cambridge; Massachusetts, 1966.
100. *Lyons J.* Firth's Theory of Meaning // In Memory of J. R. Firth. — London, 1966.
101. *Lyons J.* Introduction to the Theoretical Linguistics. — London, 1968.
102. *Malinowski B.* The Problem of Meaning in Primitive Languages // *Ogden C. K. and Richards I. A.* The Meaning of Meaning. Supplement I / 10th ed. — N. Y., 1966.
103. *Malinowski B.* Culture // Encyclopedia of the Social Sciences. — N. Y., 1931. — Vol. IV.
104. *Malinowski B.* A Scientific Theory of Culture and Other Essays. — Chapel Hill, 1944.
105. Man and Culture: An Evaluation of the Work of Bronislaw Malinowski. — London, 1957.
106. *Matthews P. H.* The Concept of Rank in «Neo-Firthian» Grammar // Journal of Linguistics. — 1966. — 2.
107. *Mohrman C., Norman E., Sommerfelt A.* Trends In Modern Linguistics. — Utrecht, 1963.
108. *Nida E. A.* Morphology. — 2 ed. — N. Y., 1949.
109. *Ogden C. K., Richards I. A.* The Meaning of Meaning. — N. Y., 1966.
110. *Palmer E. B.* Linguistic Hierarchy // Lingua. — 1956. — 7. — N 2.
111. *Palmer E. B.* Grammatical Categories and their Phonetic exponent // Proceedings of the IX-th International Congress of Linguists. — Hague, 1964.
112. *Postal P.* Constituent Structure: A Study of Contemporary Models of Syntactic Description. — Hague, 1964.
113. *Richards B. F.* The Concept of Culture in Malinowski's, Work // Man and Culture: An Evaluation of the Work of Bronislaw Malinowski. — London, 1957.
114. *Pike R.* Taxemes and Immediate Constituents // Language. — 1943. — Vol. 19. — N 2.
115. *Pittman R. S.* Nuclear Structures in Linguistics // Readings in Linguistics, ed. by M. Joos. — Washington, 1957.
116. *Robins R. H.* Noun and Verb in Universal Grammar // Language. — 1952. — 28.
117. *Robins R. H.* John Rupert Firth // Language. — 1961. — 37. — N 2.
118. *Robins R. H.* Syntactic Analysis // Readings in Linguistics. — Chicago; London, 1967. — II.
119. *Robins R. H.* General Linguistics in Great Britain. 1930 — 1960 // *Mohrman S., Norman E., Sommerfelt A.* Trends in Modern Linguistics. — Utrecht, 1963.
120. *Robins R. H.* General Linguistics. An Introductory Survey. — London, 1965.

121. *Robins R. Я.* A Short History of Linguistics. — London, 1967.
122. *Sprigg R. K.* Junction in Spoken Burmese // SLA. — 1957.
123. *Sprigg R. K.* Vowel Harmony in Ihasa Tibetan: Prosodic, Analysis Applied to Inter-related Vocalic features of Successive Syllables // BSO(A)S. — 1961. — Vol. 24.
124. *Stockwell R. P.* Review of «Studies in Linguistic Analysis» // IJAL. — 1959. — 29.
125. Studies in Linguistic Analysis. Special publication of the Philological Society. — Oxford, 1957.
126. *Trager G.L.* Smith H.L. An Outline of English Structure. — N. Y., 1951.
127. *Trager G.L.* The Field of Linguistics. Battenberg Press. — Oklahoma, 1949.
128. *Ullmana S.* The Principles of Semantics. — 2 ed. — Glasgow; Oxford, 1957.
129. *Ullmann S.* Precis de semantique frangaise. — Berne, 1952.
130. *Ullmann S.* Descriptive Semantics and linguistic Typology // Word. — 1953. — 9.
131. *Ullmann S.* Semantics. An Introduction to the Science of Meaning. — Oxford, 1962.
132. *Ullmann S.* Language and Style. — Oxford, 1964.
133. *Vachek J.* The London Group of Linguistics // Sbornik praci filosoficke falculty Brnenske university. — 1959. — VIII: Rady jazykovedne.
134. *Waterson H.* Some Aspects of the Phonology of the Nominal Toms of the Turkish Word // BSO(A)S. — 1956. — 18.
135. *Watson J.B.* MacDongall. The Battle of Behaviorism. — N. Y., 1929.
136. *Wells R. S.* Immediate Constituents // Language. — 1947. — Vol. 23. — No 2. —
137. *Wells R.S.* Some Neglected Opportunities in Descriptive Linguistics // Anthropological Linguistics. — 1963. — Vol. 5. — N 1.
138. *Wegener Ph.* Untersuchungen uber die Grundfragen des Sprachlebens. — Halle, 1885
139. *Wells R.* Is a Structural Treatment of Meaning Possible? // Proceedings of the 8-th International Congress of Linguist. — Oslo, 1958.
140. *Wittgenstein L.* Philosophical Investigations. — London; N. Y., 1953.

Принятые сокращения

- BSO(A)S — Bulletin of the School of Oriental (and African) Studies.
 IJAL — International Journal of American Linguistics.
 JAOS — Journal of the American Oriental Society.
 PL — Papers in Linguistics, 1954—1951. By J.B. Firth (1957). — London, 1964.
 SLA — Studies in Linguistic Analysis (1957). — Oxford, 1962.
 TPS — Transactions of the Philological Society.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Абу-л-Аббас Ахмед Салаб (815 — 904) 131
- Абу Амр ал-Джарми (Абу Амр Салих ибн Исхак ал-Джарми, ум. в 839 г.) 131
- Абу Амр ибн ал-Алла (ок. 689—770) 131
- Абу-л-Асвад (Абу-л-Асвад ад-Дуали; Абу-л-Асвад Залим ибн Амр ад-Дуали, ум. между 680-689 гг.) 129
- Абу Джафар Мухаммад ар-Руаси (Абу Джафар Мухаммад ибн ал-Хасан ибн Аби-Сар ар-Руаси, ум. в 805 г.) 131
- Абу Закария Яхья ибн Зияд ибн Абдулла ибн Мензур ад-Дайлами ал-Фара (ум. в 822 г.) 131
- Абу-л-Хасан ал-Ахфаш ал-Авсат (ум. в 830 или 835 г.) 131
- Абу-л-Хасан ибн Хамза Али ал-Кисаи (Абу-л-Хасан Али ибн Хамза ибн Абдулла ибн Усман ибн Фейруз, ум. ок. 805 г.) 130, 134
- Абу Усман ал-Мазини (ум. в 863 г.) 131
- Августин Аврелий <Св. Августин> (Augustinus Aurelius <Sanctus Augustinus>, 354-430) 144
- ал-Авсат (ум. в 830 или 835 г., см. ал-Ахфаш ал-Авсат) 131
- Аделунг Иоганн Христофорович <Иоганн Кристоф> (Adelung Johan Christoph, 1732-1806) 225, 242
- Аделунг Федор Павлович <Фридрих> (Adelung Friedrich, 1768- 1843) 258
- Айер (Ayer) Алфред Джулс (1910 — 1989) 506
- Айдукевич (Ajdukiewicz) Казимеж (1890-1963) 506
- Александр Вилладейский <Александр из Вилладьё> (Alexander de Villa-Dei <Villedieu>, конец XII — начало XIII в.) 148
- Александров Александр Иванович (1861-1918) 420
- Али (халиф, годы правления 656 — 661) 129
- ал-Алла (см. Абу Амр ибн ал-Алла, ок. 689-770) 131
- Амр ибн Усман ибн Канбар Сибавейхи (Абу-Бишр Амр ибн Усман ибн Канбар ал-Басри, ум. ок. 793 г., см. Сибавейхи) 129-131, 133, 134, 140
- Апишали (инд. грамматик, "согласно Панини — его предшественник, прибол. ранее V— IV вв. до н.э.) 63
- Аполлоний Дискол (Apollonios Dyscolos, первая пол. II в. н.э.) 144
- Аристон (ок. начала н.э.) 42
- Аристотель (384—322 до н.э.) 77 — 80, 86, 141, 147, 182, 217, 414
- Арно Антуан (Arnould Antoine, 1612—1694) 183, 186- 188, 200, 201, 205, 207, 210, 211, 214, 215
- Арно Антуан <Старший> (Arnould Antoine, 1560-1619) 186
- Арнуа Ги (Harnois Guy, конец XIX— X в.) 196, 197
- Асклепиад Мирлейский (150—50 до н.э.) 85
- Асколи Грацидио Исая (Ascoli Graziadio Isaia, 1829-1907) 382, 484, 491, 492
- ал-Ахфаш ал-Авсат (ум. в 830 или 835 г., см. Абу-л-Хасан ал-Ахфаш ал-Авсат) 131
- ал-Ахфаш ал-Акбар (ум. в 793 г., см. Хамид ал-Ахфаш ал-Акбар) 131
- Балли (Bally) Шарль (1865-1947) 508
- Барсов Антон Алексеевич (1730 — 1791) 137
- Бартоли Маттео (Bartoli Matteo, 1873 — 1946) 483, 484, 486, 488-493

- Беккер Карл Фердинанд (Becker Karl Ferdinand, 1775-1849) 245, 340
- Бембо Пьетро (Bembo Pietro, 1470—1547) 165
- Бенвенист (Benveniste) Эмиль (1902—1976) 563
- Бенеке Фридрих Эдуард (Beneke Friedrich Eduard, 1798-1854) 334
- Вендор Сэмюэл (Vendog-Samuel) Джон Т. (род. в 1929 г.) 604
- Бенни Титус (Benni Tytus, конец XIX—XX вв.) 458
- Бенфей Теодор (Benfey Theodor, 1809-1881) 260, 261, 267, 393
- Бертони Джулио (Bertoni Giulio, 1878—1942) 483, 484
- Безенбергер Адальберт (Bezzenberger Adalbert, 1851-1922) 262
- Би Гун-чэнь (XVII в.) 115
- Блок (Bloch) Бернард (1907—1965) 575, 576, 581, 585, 603
- Блумфилд Леонард (Bloomfield Leonard, 1887-1949) 507, 570-577, 587, 605, 606
- Боас (Boas) Франц (1858-1942) 569, 570
- Богданович Ипполит Федорович (1743-1803) 163
- Богородицкий Василий Алексеевич (1857-1941) 420, 422-428
- Бодуэн де Куртенэ Иван Александрович <Иван-Игнатий Нецислав> (Baudouin de Courtenay Jan, 1845—1929) 233, 293, 340, 386, 387, 392, 420-422, 443, 445-458
- Бозе Никола (Beauzee Nicolas, 1717—1789) 212, 213, 216
- Боккаччо <Боккачио> Джовани (Boccaccio Giovanni, 1313—1375) 165
- Бонфанте Джулиано (Bonfante Giuliano, род. в 1904 г.) 483-487, 490, 494
- Бопп Франц (Bopp Franz, 1791—1867) 184, 231, 237, 238, 240-249, 253-255, 260, 261, 263, 265, 267, 297, 323, 381-383, 389, 394-396, 403, 429
- Бозций Аниций Манлий Торкват Северин (Boethius <Voetius> Anicius Manlius Torquatus Severinus, ок. 480—524) 147
- Брадке Петер фон (Bradke Peter von, 1853-1897) 262
- Бранденштайн Вильгельм (Brandenstein Wilhelm, 1898-1967) 262
- Бреаль Мишель (Breal Michel, 1832—1915) 382, 406
- Бредсдорф Якоб Горнеман (Bredsdorff Jakob Hornemann, 1790—1841) 256
- Брэндаль Виго (Brondal Viggo, 1887—1942) 521-523, 525
- Бросс Шарль де (см. Де Бросс) (Brasses Charles de, 1709-1777) 158
- Бругман Карл (Brugmann Karl, 1849—1919) 271, 370, 381, 382, 384, 387, 389, 392-395, 397, 402-404, 460
- Брюно Фердинанд (Bruno Ferdinand, 1860-1938) 616
- Бугге Софус (Bugge Sophus, 1833—1907) 382
- Булич Сергей Константинович (1859—1921) 258, 420
- Буслаев Федор Иванович (1818—1897) 239, 383, 406
- Бхарваджи (инд. грамматик, согласно Панини — его предшественник, прибол. ранее V—IV вв. до н.э.) 63
- Бхартихари (I в. н.э.) 63
- Бэкон Роджер (Bacon Roger, 1214—1294) 149, 158, 159, 176, 186, 187, 190, 191, 194, 236, 252
- Бэкон Франсис (Bacon Francis, 1561—1626) 149, 158, 159, 176, 186, 187, 190, 191, 194, 236, 252
- Бюлер Карл (Buhler Karl, 1879-1963) 334
- Бюфье Клод (Buffier Claude, 1661—1737) 211, 212
- Вайс И. (Weiss I., XIX-начало XX в.) 128
- Вальде Алоиз (Walde Alois, 1869—1924) 262
- Вандриес Жозеф (Vendrués Gozef, 1875-1960) 616
- Ван Ли (XX в.) 111, 112, 114, 116, 154
- Вараручи Катьяяна (III в. до н.э.) 80, 91, 128
- Варрон Марк Теренций (Varro Marcus Terentius, 116—27 до н.э.) 81, 82
- Вартбург Вальтер фон (Wartburg Walter von, род. в 1888 г.) 492, 493
- Василий Великий <Каппадокийский или Кесарийский> (ок. 330—379) 144
- Вахек (Vasek) Йозеф (род. в 1909 г.) 537, 546, 548
- Вегелин Якоб <Жак> (Wegelin Jacob <Weguelin Jaques>, 1721-1791) 334
- Векслер Эдуард (Wechsler Eduard, род. в 1869 г.) 395
- Венкер Георг (Wenker Georg, 1852—1911) 481

- Вернер Карл (Verner Karl, 1846 — 1896) 382, 399, 400
- Вико Джамбатиста <Джанбаттиста или Жан Баттиста> (Vico Giovanni Battista, 1668-1744) 158, 174, 309
- Виноградов Виктор Владимирович (1895- 1969) 17, 359, 372
- Винокур Григорий Осипович (1896— 1947) 534
- Витгенштейн Людвиг (Wittgenstein Ludvig, 1889-1951) 506, 522, 627
- Вожла Клод Фавр де (Vaugelas Claude Favre de, 1585- 1650) 188
- Вольнё <Вольней> Константен Франсуа (Volney Constantin Francois, 1757 — 1820) 211
- Востоков Александр Христофорович (1781- 1864) 231, 238, 240, 257-259, 260, 297, 381, 383
- Во Чао (миф. лицо) 32
- Вреде Фердинанд (Wrede Ferdinand, 1863- 1934) 486
- Вульфилла (вестготский епископ, ок. IV в.) 430
- Вундт Вильгельм (Wundt Wilhelm, 1832- 1920) 291, 333, 334, 340-353, 373, 389, 460, 570
- Выготский Лев Семенович (1896 — 1934) 365
- Габеленц Ханс Георг (von der Gabelentz, 1840- 1893) 517, 518
- Гаманн Иоганн Георг (Hamann Johann Georg, 1730- 1788) 294, 295
- Гаргью (инд. грамматик, согласно Панини — его предшественник, прибл. ранее V—IV вв. до н.э.) 63
- Гавранек (Navranek) Богуслав (1893 — 1978) 564, 566, 567
- Гассенди Пьер (Gassendi Pierre, 1592 — 1655) 182
- Гаттала Мартин (Hattala Martin, 1821 — 1903) 259
- Гвиницелли Гвидо (Guinicelli Guido, род. между 1230 и 1240 г.-ум. 1276) 165
- Гегель Георг Вильгельм Фридрих (Hegel Georg Friedrich Wilhelm, 1770- 1831) 255, 299, 329, 330, 342, 344, 355, 471
- Геккель Эрнст Генрих (Haeckel Ernst Heinrich, 1834- 1919) 324
- Ген Виктор (Hehn Victor, 1813—1890) 262
- Герbart Иоганн Фридрих (Herbart Johann Friedrich, 1776- 1841) 334, 335, 343, 345, 352, 355, 356, 371, 426
- Гердер Иоганн Готфрид (Herder Johann Gottfried, 1744—1803) 253, 291, 293-296, 339
- Герман Э. (Germann E., вторая пол. XIX в.) 166, 176, 235, 253, 297, 389, 406, 431
- Гермоген (Hermogenes, ок. 160—225) 27
- Геснер Конрад (Gessner Conrad, 1516— 1565) 224
- Гёте Иоганн Вольфганг фон (Goethe Johann Wolfgang von, 1749- 1832) 298, 477
- Гиргас Владимир Федорович (1835 — 1887) 128, 134
- Глисон (Gleason) Генри (род. в 1917 г.) 584, 588
- Гоббс Томас (Hobbes Thomas, 1588 — 1679) 182
- Гомер (между X—VII вв. до н.э.) 326
- Горнфельд Аркадий Георгиевич (1867— 1941) 353
- Горалек (Hordlek) Карел (род. в 1908 г.) 534
- Гранде Бенцион Меерович (1891 — 1974) 128, 154
- Грассман Герман (Grassman Hermann, 1809-1877) 399
- Григорий Назианзин <Назианзинский, Богослов> (ок. 329—ок. 390) 144
- Григорий Нисский (ок. 331—ок. 394) 144
- Гримм Вильгельм (Grimm Wilhelm, 1786- 1859) 296
- Гримм Якоб Людвиг Карл (Grimm Jakob Ludwig Karl, 1785- 1863) 231, 238-240, 252-257, 260, 265, 293, 294, 296, 297, 381, 383, 393, 429
- Гроот (de Groot) Альберт Биллем де (1892- 1963) 534
- Гумбольдт Александр <Фридрих Генрих Александр> фон (Humboldt Friedrich Heinrich Alexander von, 1769 — 1859) 297, 298
- Гумбольдт Вильгельм <Карл Вильгельм> фон (Humboldt Karl Wilhelm von, 1767-1835) 291-294, 297-302, 305, 307-323, 355-362, 371, 375, 377, 378, 394, 450, 472-474, 477
- Гуссерль Эдмунд (Husserl Edmund, 1859-1938) 506, 534
- Гутенберг Иоганн (Gutenberg Johann, род. в 1394 или 1399 или 1406 г. —ум. 1468 г.) 170

- Гухман Мирра Моисеевна (1904 — 1989) 570
- Гярмати Самуил (см. Дьярмати) (Gyarmathi Samuel, 1751 — 1830) 237
- ад-Дабби (710-798, см. Юнус ибн Хабиб ад-Дабби) 131
- Данжо Курсилон <Луи де> (Dangeau Courcillon <Louis de>, 1643- 1723) 211
- Данилич (Даничич) Юрий (Daničič Gjužo <Даничип TL>, 1825— 1882) 259
- Данте Алигьери (Dante Alighieri, 1265 — 1321) 163, 165, 226, 471, 477, 483
- Дарвин Чарльз (Darwin Charles, 1809 — 1882) 324-327
- Де Бросс Шарль (см. Бросс Шарль де) (Charles de Brasses, 1709—1777)
- Девото Джакомо (Devote Giacomo, род. в 1897 г.) 262
- Декарт Рене (Descartes Rene <Cartesius>, 1596- 1650) 158, 159, 166, 176, 177, 180- 184, 521
- Дельбрюк Бертольд (Delbrück Berthold, 1842-1922) 249, 267, 270, 324, 333, 381, 382, 384, 392, 396-398, 402, 403, 430, 433, 460
- Де Марэ Реньё <Демарё Франсуа Серафин Реньё> (см. Марэ) (Desmarais Francois Seraphin Regnier, 1632—1713) 211
- Деметрий Хлор (ок. начала н.э.) 85
- Державин Гавриил Романович (1743 — 1816) 163
- Дестют де Траси Антуан Луи Клод (см. Траси Дестют) (Destutt de Tracy Antoine Louis Claude, 1754-1836) 215
- Дефо Даниель (Defoe Daniel, 1660 — 1731) 163
- ал-Джарми (ум. в 839 г.; см. Абу Амр ал-Джарми) 131
- Джоунз (Jones) Даниел (1881— 1967) 539, 607, 608
- Джоунз Вильям (Jones William, 1746 — 1794) 236, 237; 263, 297
- Диомед (римский грамматик IV в. н.э.) 42
- Дионисий Галикарнасский (I в. до н.э.) 85, 86
- Дионисий Фракиец <Фракийский> (Dionysios Thrax, 170—90 до н.э.) 42, 85, 86, 88
- Дитрих Отмар (Dittrich Ottmar, XIX— начало XX в.) 353
- Диц Фридрих (Diez Friedrich, 1794— 1876) 239, 323
- Донат Элий (Donat Elij, IV в. н.э.) 143
- Дорошевский Витольд Ян (Doroszewski W.J., род. в 1899 г.) 458
- Драйден Джон (Dryden John, 1631 — 1700) 163
- ад-Дуали (ум. в 680 или 689 г.; см. Абу-л-Асвад ад-Дуали) 131
- Дурново Николай Николаевич (1876— 1937) 534
- Дьярмати Самуил (см. Гярмати) (Gyarmathi Samuel, 1751 — 1830) 237
- Дюбелле Жоашен (Du Bellay Joachim, 1522-1560) 163, 165
- Дюкло Шарль Пино (Duclos Charles Pinot, 1704-1772) 185, 212
- Дю Марсэ Цезарь Шесно (см. Марсэ) (Dumarsais Cesar Chesneau, 1676 — 1756) 186, 213
- Дю Ман <Пельтье дю Ман> (см. Пельтье дю Ман) (Peltier Adolphe Chads, конец XVII-начало XVIII в.) 165
- Дюркгейм Эмиль (Durkheim Emil, 1858-1917) 616, 617
- Екатерина II <Алексеевна> (1729 — 1796) 224
- Ели Жэнь-юн (первая пол. XI в.) 105, 107, 108
- Ельмслев Луи (Hjelmslev Louis, 1899— 1965) 17, 521 — 534L 612, 645, 648
- Есперсен Отто <Йенс Отто Харри> (Jespersen Jens Otto Harry, 1860— 1943) 331
- Жильерон Жюль (Gillieron Jules, 1854— 1926) 484, 486, 493
- аз-Замахшари (ум. в 1143 г.) 134
- Зизаний <Зизания> Лаврентий (конец XVI-начало XVII в.) 166, 167
- Иоанн XXI (архиепископ Брагский; папа Римский в 1276—1277 г.) (см. Петр Испанский, ок. 1210-1277) 150
- Иоанн (экзарх Болгарский, X в.) 22, 150, 167
- Йордан Йоргу (Jordan Jorgu, род. в 1888 г.) 446
- Иоанн Дамаскин (ок. 650—ок. 750) 144
- Иоанн Златоуст (ок. 347 —ок. 407) 144
- Иса ибн Умар ас-Сакафи (Абу Амр Иса ибн Умар ас-Сакафи; ум. в 766 г.) 131
- Исидор Севильский (ок. 560—ок. 637) 144, 151

- Иустин Философ <Юстин Мученик> (см. Юстин) (ум. ок. 165 г.) 144
- Кайнц Фридрих (Kainz Friedrich, род. в 1897 г.) 334
- Кант Иммануил (Kant Immanuel, 1724-1804) 182, 253, 298, 299, 333, 342, 355, 376, 461
- Карнап (Carnap) Рудольф (1891—1970) 506, 522
- Карцевский Сергей Осипович (1884—1955) 537
- Кате Ламберт тен (Kate Lambert ten, 1674-1732) 56, 235
- ал-Кашгари (см. Махмуд Кашгарский <Махмуд ал-Кашгари>; XI в.) 153
- Каширенинов Р. И. (вторая пол. XIX в.) 354
- Квадри Бруно (Quadri Bruno, XX в.) 463
- Кёрду (Coeurdoux, XVIII в.) 236
- Кирилл (собств. имя Константин; см. Константин Философ, ок. 826—869) 109, 259
- ал-Кисаи (ум. ок. 805 г.; см. Абу-л-Хасан ибн Хамза Али ал-Кисаи) 130, 134
- Клавдий <Тиберий Клавдий Нерон Германик> (пятый римский цезарь) (Tiberius Claudius Nero Germanicus, 10 до н.э. —54 н.э.) 198
- Клемперер Виктор (Klemperer Victor, 1881-1960) 470
- Княжнин Яков Борисович (1742—1791) 163
- Коллиц Герман (Collitz Hermann, 1855-1935) 262
- Колосов Митрофан Алексеевич (вторая пол. XIX в.) 354
- Кондильяк Этьенн Боннот <Бонно> де (Condillac Etienne Bonnot de, 1715—1780) 213-216
- Кондорсэ <Кондорсе> Мари Жан Антуан Никола (Condorcet Marie, Jean Antoine Nicolas, 1743-1794) 158
- Константин Грамматик (XIV в.) 167
- Константин Философ (см. Кирилл, ок. 826-869) 109, 259
- Конт Огюст (Comte Auguste, 1798—1857) 342
- Копитар Варфоломей <Ерней> (Kopitar Bartholomaeus, 1780—1855) 258
- Копперс Вильгельм (Koppers Wilhelm, 1886-1961) 262
- Конфуций (Кун-фу-цзы, ок. 551—479 до н.э.) 62
- Коржинек (Korinek) Йозеф Мирослав (1899-1945) 536
- Крайе <Краэ> Ганс <Ханс> (Krahe Hans, 1898-1965) 262
- Кречмер Пауль (Kretschmer Paul, 1866-1956) 270
- Крижанич <Крыжанич> Юрий (1617—1674) 234
- Кроче Бенедетто (Croce Benedetto, 1866-1952) 471, 473-476, 484-486
- Крушевский Николай Вячеславович (1851-1887) 387, 397, 420-428
- Ксюландер Йосеф <Карл Август Антон Алоис Иосиф> фон (Xylander Karl August Anton Aloys Joseph von, XIX в.) 241
- Кун Адальберт (Kuhn Adalbert, 1812—1881) 260, 261, 267, 323, 393
- Кур-де-Жебелен Антуан (Court de Gebelin Antoine, 1725-1784) 218
- Курилович Ежи <Юрий Романович> (Kurjowicz Jerzy Roman, 1895—1978) 456
- Курциус Георг (Curtius Georg, 1820—1885) 260, 261, 267, 384, 393, 394, 396, 397, 406
- Лансло Клод (Claude Lancelot, 1616—1695) 186-188, 197, 200, 205, 207, 210, 211, 214-216
- Лань Янь-сю (XV в.) 115
- Лассен Христиан (Lassen Christian, 1800-1876) 323
- Лафонтен Жан де (La Fontaine Jean de, 1621-1695) 471
- Лазарус Морис (Lazarus Moris, 1824—1903) 291, 334-338, 344, 345, 352, 355, 356, 371, 389, 460
- Лейбниц Готфрид Вильгельм (Leibniz Gottfried Wilhelm, 1646-1716) 108, 159, 176-181, 184, 211, 224, 235, 341, 352
- Ленц Рудольф (Lenz Rudolf, вторая пол. XIX—начало XX в.) 395
- Лермонтов Михаил Юрьевич (1814—1841) 365
- Лерх Еуген <Эуген> (Lerch Eugen, 1888-1952) 470
- Лескин Август (Leskien August, 1840—1916) 270, 382, 386, 387, 389, 395, 397, 406
- Лэфман Соломон (Lefmann Salomon, вторая пол. XIX в.) 324
- Лиз Роберт (Leez Robert, род. в 1922 г.) 575

- Литуанус Михало (Lithuanus M., вторая пол. XVI — начало XVII в.) 234
- Ли Юань-хао (первая пол. XI в.) 105
- Локк Джон (Locke John, 1632— 1704) 176, 183
- Ломоносов Михаил Васильевич (1711 — 1765) 160, 167, 168, 235, 236, 285, 354
- Лопе де Вега Карпью Феликс (Lope de Vega Carpio Felix, 1562-1635) 471
- Лотнер Карл (Lottner Carl, XIX в.) 268
- Лотце Рудольф Герман (Lotze Rudolf Hermann, 1817- 1881) 334, 355
- Лудольф Генрих Вильгельм (Ludolf Henry Wilhelm <Henricus Wilhelm Ludolfus>, вторая пол. XVII в.) 167
- Луллий Раймонд <Раймун, Раймунд> (см. Раймунд Луллий) (Lulle <Lul> Ramon <Lullius Raymundus>, 1235— 1315) 148
- Лу Фа-янь (вторая пол. VI — начало VII в.) 113
- Людвиг XIV (Louis XIV, 1638- 1715) 180
- Лю си (II в.) 60
- Лютер Мартин (Luther Martin, 1483 — 1546) 430
- Ляпунов Борис Михайлович (1862 — 1943) 354, 406, 407
- Мадсен Яков Арус (Madsen Jacob Aarhus <Jacobus Matthiae>, 1538— 1586) 166
- ал-Мазини (ум. в 863 г.; см. Абу Усман ал-Мазини) 131
- Максим Грек (собств. имя Михаил Триволис, ок. 1480— 1556) 167
- Малецкий Антони (Malecki Antoni, род. в 1821 г.) 259
- Малиновский Бронислав Каспер (Malinowski Bronislaw Casper, 1884— 1942) 605, 617-620, 627, 631, 632
- Марр Николай Яковлевич (1864 — 1934) 18, 470
- Марсэ Цезарь Шесно дю (см. Дю Марсэ) (Marsais <Dumarsais> Cesar Chesneau, 1676- 1756) 186, 213
- Мартине Андре (Martinet Andre, род. в 1908 г.) 18, 373, 534
- Марэ Франсуа Серафим Ренье де (см. Де Марэ) (Desmarais Francois Seraphin Regnier, 1632- 1713) 211
- Матезиус Вилем (Mathesius Vilem, 1882- 1945) 457, 534-537, 548, 550-554, 557, 563, 565
- Махмуд Кашгарский <Махмуд ал-Кашгари> (см. ал-Кашгари, XI в.) 153
- Ма Цзянь-чжун (XIX в.) 160
- Мегизер Иероним (Megiser Hieronymus, ок. 1553- 1618) 224
- Мегре Луи (Meigret <Maygret> L'ouis, XVI в.) 165
- Мейе Антуан (Meillet Antoine, 1866 — 1936) 18, 460
- Мейер-Любке Вильгельм (Meyer-Lubke Wilhelm, 1861-1936) 460
- Мукаржовский (Mukarovsky) Ян (1891-1975) 567, 568
- Менаж Жиль (Menages Gilles, 1613 — 1692) 168
- Мерингер Рудольф (Meringer Rudolf, 1859- 1931) 458
- Мерсень <Мерсеин> Марен (Mersenne Marin, 1588-1648) 177
- Месроп Маштоц (361 — 440) 109
- Мещанинов Иван Иванович (1883 — 1967) 372
- Мефодий (род. в 815 или 820 г. — ум. в 885 г.) 109
- Миклошич Франц (Miklosich <MikloSic> Franz, 1813- 1891) 239
- Монбоддо Джеймс Барнет (Monboddo James Burnett, 1714—1799) 232
- Мух Матеус (Much Matthaus, вторая пол. XIX—начало XX в.) 129, 130, 262
- Мухаммед <Мохаммед, Мухаммад> (ок. 570-632) 129, 130
- Мюллер Макс (Muller Max, 1823 — 1900) 268, 373
- Найда (Nida) Юджин Алберт (род. в 1914 г.) 575, 589
- Нейрат Отто (Neurat Otto, 1882 — 1945) 506
- Немесий <Немезий> Эмесский (ок. 400 г.) 144
- Николь Пьер (Nicole Pierre, 1625 — 1695) 182, 187, 201
- Новалис Фридрих (собств. имя Герденберг Георг Фридрих фон) (Novalis Friedrich <Hardenberg Georg Friedrich von>, 1772- 1801) 253, 293
- Ньютон Исаак (Newton Isaacs, род. в 1643 или 1642 г. -ум. в 1727 г.) 241
- Овелак Алекс Абель (Novelacque Alex Abel, 1843- 1896) 331
- Овсяннико-Куликовский Дмитрий Николаевич (1853- 1920) 354, 372

- Огден Чарлз Кей (Ogden Chads Key, 1889-1957) 627
 д'Оливе Тулье (d'Olivet Pierre Joseph Thoulier, 1682-1768) 211, 212
 Ольшки Леонардо (Olschki Leonardo, 1885- 1961) 470
 Осман (халиф, годы правления 644—656) 129
 Остгоф Герман (Osthoff Hermann, 1847-1909) 382, 384, 389, 393-395, 397, 460
- Пайк (Pike) Кеннет Ли (род. в 1912 г.) 575, 578, 588, 589
 Паллас Петр Симон (Pallas Peter Simon, 1741-1811) 224, 225
 Пальмер (Palmer) Фрэнк Роберт (род. в 1922 г.) 604, 622, 633, 639
 Панини (Panini, ок. V—IV вв. до н.э.) 20, 60, 62-66, 70-76, 86, 95, 96, 104, 142, 247
 Паскаль Блез (Pascal Blaise, 1623 — 1662) 182
 Патанджали (II в. до н.э.) 23, 24
 Паулино а Санто Бартоломео (собств. имя Вездин Иоганн Филипп) (Paulino a Santo Bartolomeo, вторая пол. XVIII в.) 237
 Пауль Герман (Paul Hermann, 1846 — 1921) 18, 333, 382, 389, 390, 392, 396-398, 402, 444, 460
 Пельтье дю Ман (Peltier Adolphe Charls, конец XVII в.-XVIII в.) 165
 Пепо Ч. ди (см. Чимабуэ Джованни) (Pepo C. di, 1240-1302) 165
 Петерсон Михаил Николаевич (конец XIX—XX в.) 407, 417, 418
 Петр <Пьер> Абаляр (Petrus Abailarus <Abailard Pierre>, 1079- 1142) 148
 Петр Гелийский (Peter Helias, XII — XIII в.) 149
 Петр Испанский (см. Иоанн XXI) (Petrus Hispanus, ок. 1210—1277) 150
 Петр Рамус <Пьер Раме> (Petrus Ramus <Pierre de la Ramee>, 1515 — 1572) 167, 198
 Петрарка Франческо (Petrarca Francesco, 1304-1374) 165
 Пешковский Александр Матвеевич (1878-1933) 137, 406, 417, 418
 Пизани Витторе (Pisani Vittore, род. в 1899 г.) 483, 487-489, 492-495, 562
 Пикте Адольф (Pictet Adolphe, 1799 — 1875) 262
- Пирс Чарлз Сандерс (Peirce Charls Sanders, 1839-1914) 522
 Пифагор из Самоса (ок. 580 — 600 до н.э.) 357
 Платон (427 — 347 до н.э.) 20, 24-26, 29, 31, 34-37, 41, 57-59, 77, 94
 Плотин (205-270) 144
 Покровский Михаил Михайлович (1869-1942) 406, 407, 420
 Поливанов Евгений Дмитриевич (1891- 1938) 458
 Попов Александр Васильевич (1855 — 1880) 354
 Поржезинский Виктор Карлович (1870-1929) 406
 Постеллус Гвильельм (Postellus Guilielmus, 1510-1581) 233
 Потевня Александр Афанасьевич (1835- 1891) 18, 291, 293, 334, 348, 353-374, 418, 428
 Потт Август Фридрих (Pott August Friedrich, 1802-1887) 249, 260, 261, 267, 393, 394
 Пристли Джозеф (Priestley Joseph, 1733-1804) 232
 Присциан (Priscianus, конец V — начало VI в.) 143-149
- Радлов Василий Васильевич (1837 — 1918) 455
 Раймунд Луллий (см. Луллий Раймонд) (Raumundus Lullius, 1235— 1315) 148
 Райнфелдер Ханс (Rheinfelder Hans, род. в 1898 г.) 470
 Рапп Карл Мориц (Rapp Karl Moritz, XIX в.) 331
 Расин Жан Батист (Racine Jean Batis-te, 1639-1699) 180, 471
 Раек Расмус Кристиан (Rask Rasmus Kristian <Christian>, 1787- 1832) 231, 237, 238, 240, 249, 250-252, 254, 260, 381, 383
 Рассел Бертран Артур Вильям (Russel Bertrand Arthur William, 1872- 1970) 506, 522, 627
 Рибеццо Франческо (Ribezzo Francesco, XX в.) 262
 Ригль Ф. (XIX в.) 323
 Ричарде Айвор Армстронг (Richards Ajvor Armstrong, 1893-1979) 627, 628
 Ришелье Арман Жан Дюплесси (Richelieu Armand Jean du Plessis, 1585 — 1642) 186
 Ронсар Пьер де (Ronsard Pierre de, 1524- 1585) 163

ар-Руаси (ум. в 805 г., см. Абу Джафар Мухаммад <ибн ал-Хасан ибн Аби-Сар> ар-Руаси) 131

Руссо Жан Жак (Rousseau Jean Jacques, 1712-1778) 158, 160, 211, 232, 350

Сакафи (см. Иса ибн Умар ас-Сакафи, ум. в 766 г.) 131

Салаб (815 — 904, см. Абу-л-Аббас Ахмад Салаб) 131

Салих ибн Исхак (ум. ок. 839 г.; см. Абу Амр ал-Джарми) 131

Саси Сильвестр де (Sasy Samuel ustazade Silvestre de, 1801-1879) 215

Сводеш Моррис (Swadech Morris, 1909- 1967) 585

Секст Эмпирик (ок. 200-250) 84

Сепир Эдуард (Sapir Edward, 1884—1939) 570, 575

Сеше Альберт (Sechhayе Albert, 1870—1946) 508

Сибавейхи (см. Амр ибн Усман ибн Канбар Сибавейхи, ум. ок. 793 г.) 129 — 131, 133, 134, 140

Сикар Рох Амбруаз Лукуррон (Sicard Roch Ambroise Cucurron, 1742—1822) 216

Скалигер Иосиф Юстус (Scaliger Joseph Justus, 1540-1609) 233, 234

Скаличка Вл. (Skaliaka Vl., род. в 1908/1909 г.) 545, 548, 554-557, 559, 560

Смит Адам (Smith Adam, 1723— 1790) 587

Смотрицкий Мелетий Герасим (ок. 1577- 1633) 167

Соболевский Алексей Иванович (1856- 1929) 354

Сократ (469-399 до н.э.) 27-32, 35, 88

Соссюр Фердинанд де (Saussure Ferdinand de, 1857-1913) 7, 67, 139, 184, 192, 223, 227, 321, 382, 389, 408, 421, 423, 445, 448, 476, 483, 486, 520-523, 530, 542, 617, 618

Спарвенфельд Иоганн Габриель (Sparfvenfeld <Sparfwenfelt> Johan Gabriel <Sparfwenfeldius Joannus>, вторая пол. XVII в.) 234

Спенсер Герберт (Spenser Gerbert <Herbert>, 1820- 1903) 342

Спиноза Барух <Бенедикт> де (Spinoza Benedictus de, 1632- 1677) 183, 342

Станкевич Эдуард (Stankiewicz Edward, род. в 1920 г.) 456

Стефанус Генрих (Stephanus Henricus), см. Этьен Анри (Estienne Henri, 1528- 1598) 163

Стефанус Робер (Stephanus Robertus), см. Этьен Робер (Estienne Robert, 1503 — 1559) 163

Суит Генри (Sweet Henri, 1845- 1912) 608, 609

Сыма Гуан (XIII в.) 114

Сюань-ван (VIII в. до н.э.) 50

Сю Шэнь (I в. н.э.) 54, 55, 57-60, 76, 91, 92, 102, 105, 107, 111, И3

Тарский Альфред (Tarski Alfred, род. в 1902 г.) 506

Татиан <Тациан> (II в.) 430

Твардовский Александр Трифонович (1910-1971) 506

Тевт (миф. лицо) 24, 25, 32

Террачини Бенвенуто (Terracini Benvenuto, 1886-1968) 493

Тик Людвиг (Tieck Ludwig, 1773 — 1853) 293

Тим Пауль (Thieme Paul, род. в 1899 г.) 262

Томашевский Борис Викторович (1890- 1957) 534

Томсен Вильгельм (Thomsen Vilhelm, 1842-1927) 249, 382

Томсон Александр Иванович (1860— 1935) 406

Траси Дестют Антуан Луи Клод де (см. Дестют де Траси) (Tracy Destutt Antoine Louis Claude de, 1754—1836) 215

Трелиаковский Василий Кириллович (1703-1768) 167- 169

Триссино Джанджорджо (Trissino Giovanni Giorgio, 1478-1550) 165

Тромбетти Альфред (Trombetti Alfredo, 1866-1929) 490

Трейджер (Трэггер, Трейгер) (Trager) Джордж Леонард (род. в 1906 г.) 575, 576, 581, 584, 586, 604

Трнка Богумил (1895-1984) 534, 536, 542

Трубецкой Николай Сергеевич (Trubetzkoу N.S., 1890- 1938) 120, 155, 420, 457, 494, 497, 535, 537-540, 542-545, 549, 557, 560-562, 616, 643

Тхон-ми Самбхоту (VII в.) 108 — 110

Тюрго Анн Роберт Жак (Turgot Anne Robert Jaques, 1727- 1781) 211

- Уитни Вильям Дуайт (Whitney William Dwight, 1827- 1894) 376, 382, 387, 388, 396
- Улашин (Ulaszin) Хенрик (1874—1956) 458
- Ульдаль (Uldall) Ханс Йёрген (1907 — 1957) 521, 523
- Ульман Стефан (Ulman Stefan, 1914—1976) 608, 609
- Ульянов Георгий Георгиевич (1859 — 1912) 406, 417
- Уоллис Джон (Wallis John, 1616- 1703) 166
- Уотсон (Watson) Джон Бродес (1878 — 1958) 571, 572
- Ушаков Дмитрий Николаевич (1873 — 1942) 406, 420
- Уэллс (Wells) Рулон (род. в 1919 г.) 577, 589
- Файст Зигмунд (Feist Sigmund, 1865 — 1943) 262
- Фант Гуннар М. (Fant Gunnar, род. в 1919 г.) 582
- ал-Фарахиди (см. ал-Халил <ибн Ахмад>, род. ок. 718 —ум. между 776 и 791 г.) 131
- Фатер Иоганн Северин (Vater Johan Severin, 1771 -1826) 225
- ал-Фарра (см. Абу Закария Яхья ибн Зияд ибн Абдулла ибн Мензур ад-Дайлами ал-Фарра, ум. в 822 г.) 131
- Феодорит Киррский (393 — 457) 144
- Феррари Оттавио (Ferrari Ottavio, 1607- 1680) 168
- Фёрс Джон Руперт (Firth John Ruppert, 1890-1960) 604-606, 608, 609, 611-613, 615-617, 619-626, 628-630, 632-634, 636, 639, 641 — 643, 645
- Фик Август (Fick August, 1833— 1916) 261
- Фихте Иоганн Готлиб (Fichte Johann Gottlieb, 1762- 1814) 355
- Фонвизин Денис Иванович (1745 — 1792) 163
- Фортуатов Филипп Федорович (1848 — 1914) 7, 18, 240, 285, 382, 387, 388, 396, 406-420, 534
- Фома Аквинский <Аквинат> (Thomas Aquinas, 1225- 1274) 148
- Фосслер Карл (Vossler Karl, 1872 — 1949) 374, 443, 446, 470-484, 486
- Фриз Чарлз Карпентер (Fries Chads Carpenter, 1887- 1967) 575
- Фрингс Теодор (Frings Theodor, 1886 — 1968) 487
- Фромон (Fromant Abbe, XVII в.) 185
- Фульда Фридрих Карл (Fulda Friedrich <Frederic> Karl, XVIII в.) 242
- ал-Халил (ал-Халил ибн Ахмад) (Абу Абд-ар-Рахман ал-Халил ибн Ахмад ибн Амр ибн Тамилм ал-Азди ал-Фарахиди ал-Яхмади ал-Басри, род. ок. 718 г.—ум. между 776 и 791 г.) 131
- Халлиг Рудольф (Hallig Rudolf, XX в.) 463
- Халле (Halle) Моррис (род. в 1923 г.) 582
- Ха(о)ллидей (Halliday) Майкл Александр (род. в 1925 г.) 604, 613, 614, 636
- Хамид ал-Ахфаш ал-Акбар (ум. в 793 г.) 131
- Харет <Херид> (II в. до н.э.) 85
- Харчиев Василий Иванович (род. в 1866 г.) 354
- Хатцфелд Хелмут Адольф (Hatzfeld Helmut Adolphe, род. в 1892 jr.) 470
- Хемачандра (XII в.) 63
- Хирт <Гирт> Герман (Hirt Herman, 1865- 1936) 262, 267
- Хоккет (Hockett) Чарлз Ф. (род в 1916 г.) 590, 603, 639
- Хомский Абрам Ноэм <Наум> (Chomsky Avram Noam, род. в 1928 г.) 183, 575, 596-599, 602, 603
- Хэррис Джеймс (Harris James, 1709— 1786) 120, 217, 218
- Хэррис Зеллиг С. (Harris Zeilig S., род. в 1909 г.) 120, 217, 218, 576, 579, 592, 593, 596, 603
- Царнке Фридрих (Zarncke Friederich, 1825- 1881) 389
- Цейс Иоганн Каспар (Zeuss Johann Kaspar, 1806-1856) 239
- Цинь Ши-хуан (III в. до н.э.) 50
- Цицерон Марк Туллий (Marcus Tullius Cicero, 106 — 43 до н.э.) 326
- Чжень Цяо (вторая пол. XI — первая пол. XII в.) 115
- Чжоу Де-дин (первая пол. XIV в.) 114
- Чжу Цюань (вторая пол. XIV—начало XV в.) 115
- Чимабуэ Джованни (см. Пепо Ч. ди) (Cimabue Giovanni, 1240-1302) 165
- Чэн Мао (II в. до н.э.) 50
- Чэнь Юэ (V в.) 113, 124

- Шакальи (инд. грамматик, согласно Панини — его предшественник, пригл. ранее V—IV вв. до н.э.) 63
- Шакатайна (инд. грамматик, согласно Панини — его предшественник, пригл. ранее V—IV вв. до н.э.) 63
- Шаумян Себастьян Константинович 18, 603
- Шафарик Павел Иосифович (Safank P. J., 1795-1861) 259
- Шахматов Алексей Александрович (1864-1920) 406, 417-420
- Шейд <Шейдт> Бальтасар (Scheid <Scheidt, Scheidius> Baltasar, 1614—1670) 245
- Шекспир Вильям (Shakespeare William, 1564-1616) 477
- Шеллинг Фридрих Вильгельм Иосиф <Йозеф> (Schelling Friedrich Wilhelm Joseph, 1775- 1854) 253, 255, 285, 292, 299, 355
- Шерер Антон (Scherer Anton, XX в.) 262, 382, 397
- Шерер Вильгельм (Scherer Wilhelm, 1841-1886) 262, 382, 397
- Шиллер Иоганн Кристоф Фридрих фон (Schiller Johann Christoph Friedrich von, 1759- 1805) 298
- Шкловский Виктор Борисович (род. в 1893 г.) 365
- Шлегель Август Вильгельм фон (Schlegel August Wilhelm von, 1767— 1845) 242, 253, 261, 291, 328
- Шлегель Каролина (Schlegel Caroline, 1763-1809) 293
- Шлегель Фридрих фон (Schlegel Friedrich von, 1772-1829) 237, 242, 243, 246, 247, 253, 255, 258, 263, 294, 296, 297
- Шлейермахер Фридрих Даниель (Schleiermacher Friedrich D., 1768 — 1834) 253
- Шлейхер Август (Schleicher August, 1821-1868) 233, 239, 259, 260, 262-268, 270, 291, 292, 323-332, 339, 360, 361, 373, 381, 383-385, 389, 393, 394, 398, 403, 429, 430, 457, 651
- Шлик Мориц (Schlick Moritz, 1882 — 1936) 506
- Шмидт Иоганн (Schmidt Johannes, 1843- 1901) 260, 268-270, 410, 430, 465, 493
- Шпет Густав Густавович (род. в 1879 г.) 343
- Шпехт Франц (Specht Franz, 1888 — 1949) 262
- Шпитцер Лео (Spitzer Leo, 1887 — 1960) 470
- Шрадер ОТТО (Schrader Otto, 1855 — 1919) 262
- Штейнталь Гейман <Хайман> (Steinthal Heimann <Hajim, Neuman>, 1823 — 1899) 291, 293, 334-340, 344, 345, 350, 352, 355, 356, 460
- Штрайтберг Вильгельм (Streitberg Wilhelm, 1864- 1925) 382, 392
- Шульц Вильгельм (Schulz Wilhelm, 1863-1935) 262
- Шухардт Гуго (Schuchardt Hugo, 1842— 1927) 270, 374, 446, 458-470, 484, 492
- Шюр Фридрих (Schurr Friedrich, род. в 1888 г.) 470
- Щерба Лев Владимирович (1880 — 1944) 417, 418, 534, 537
- Эбель Герман (Ebel Hermann, 1820— 1875) 262
- Эдмон Эдмонд (Edmont Edmond, XX в.) 486
- Эльфрик (Elfric, 955 —ок. 1020) 98
- Эрвас-и-Пандуро Лоренцо (Hervas y Panduro Lorenzo, 1735- 1809) 225
- Эрнест-Август (курфюрст Ганноверский, годы правления 1837— 1851) 252
- Этьен Анри (Estienne Henri), см. Стефанус Генрих (Stephanus Henricus, 1528- 1598) 163
- Этьен Робер (Estienne Robert), см. Стефанус Робер (Stephanus Robertus, 1503- 1559) 163
- Юд Якоб (Jud Jakob, 1882- 1952) 486
- Юнус ибн Хабиб (Юнус ибн Хабиб ад-Дабби, см. ад-Дабби, 710 — 708) 131
- Юстин (см. Иустин Философ) (ум. ок. 165 г.) 144
- Яберг Карл (Jaberg Karl, 1877- 1958) 486
- Ягич Игнатий Викентьевич (Jagic Vatroslav, 1838- 1923) 259
- Якобсон Роман Осипович (Jakobson Roman O., 1896- 1982) 222, 456, 457, 494, 536, 537, 542, 548, 549, 557, 560, 561, 567, 582, 650
- Янсений <Янсен> Корнелий (епископ Ипра, Jansenius Cornelius, 1585 — 1638) 180
- Ян Сюн (конец I в. до н.э.— начало I в. н.э.) 54

ОГЛАВЛЕНИЕ

От авторов.....	3
Предисловие редактора.....	4
Введение	6
I. Предмет и задачи истории языкознания.....	6
II. Вопросы систематизации научных направлений в истории языкознания.....	9
III. Некоторые вопросы построения истории языкознания.....	13
Литература.....	17
Глава 1. Теория языка в Античности	20
Вводные замечания.....	20
I. Теория именованый.....	21
1. Общие сведения.....	21
2. Идеи о языке в диалоге Платона «Кратил».....	26
II. Становление грамматического искусства как начало построения лингвистических описаний.....	42
1. Общие сведения.....	42
2. Китайское грамматическое учение.....	48
3. Индийское грамматическое учение. Панини.....	60
4. Греко-латинское (средиземноморское) грамматическое учение.....	76
III. Некоторые выводы. Античное языкознание и проблема правильности литературной речи (грамматической правильности).....	89
Литература.....	93
Глава 2. Теория языка в Средние века	95
Вводные замечания.....	95
I. Некоторые идеи графики новописьменных языков.....	103
II. Исследование звукового строя языка.....	111
III. Грамматическое учение арабов.....	126
IV. Разработка грамматической теории в Европе.....	142
V. Предпосылки появления науки о языке.....	151
Литература.....	154
Глава 3. Становление языкознания как самостоятельной науки	157
Вводные замечания.....	157

I. Лингвистические аспекты общественно-языковой практики в Европе XVI—XVIII вв.	161
II. Эмпиризм и рационализм в философии языка XVII-XVIII вв.	175
III. Всеобщая рациональная грамматика. «Грамматика Пор-Рояль» ...	180
IV. Отражение метода «Грамматики Пор-Рояль» в теории языка XVII-XVIII вв.	211
V. Подготовка нового этапа в развитии языкознания.	224
Литература.	226
Глава 4. Формирование сравнительно-исторического языкознания	231
Вводные замечания.	231
I. Истоки сравнительно-исторического языкознания.	233
II. Начальный этап сравнительно-исторического языкознания.	237
1. Общие сведения.	237
2. Основоположники сравнительно-исторического метода. Ф.Бопп, Р.Раск, Я.Гримм, А.Х.Востоков.	240
III. Сравнительно-историческое языкознание в середине XIX в.	260
IV. Принципы и методика сравнительно-исторического исследования.	271
Литература.	284
Глава 5. Философия языка в XIX в.	291
Вводные замечания.	291
I. Романтическое направление.	293
II. Создание концепции общего языкознания. В.Гумбольдт.	297
III. Натуралистическое направление. А. Шлейхер.	323
IV. Психологическое направление.	332
1. Философия языка Г. Штейнталя и М. Лацаруса.	334
2. Философия языка В. Вундта.	340
3. Философия языка А.А. Потебни.	353
V. Некоторые выводы.	372
Литература.	374
Глава 6. Младogramматический этап в языкознании.	381
Вводные замечания.	381
I. Методологические основания младограмматизма.	382
II. Лейпцигская школа и характеристика основных проблем, присущих младограмматическому направлению в целом.	389
III. Московская школа.	405
IV. Казанская школа.	420
V. Роль младограмматических идей в развитии языкознания.	429
VI. Сравнительное языкознание и универсальная грамматика.	434
Литература.	438
Глава 7. Критика младограмматизма и поиски нового подхода к языку в конце XIX и начале XX в.	443
Вводные замечания.	443
I. И.А. Бодуэн де Куртенэ.	446

II. Г. Шухардт. Школа «слов и вещей».....	458
III. Эстетическая философия языка. К.Фосслер (Эстетическая школа, или нефилология).....	470
IV. Неолингвистика, или ареальная лингвистика.....	483
Литература.....	496
Глава 8. Структурно-функциональное языкознание (истoki, направления, школы).....	505
Вводные замечания. Условия и причины становления лингвистического структурализма.....	505
I. Ф.де Соссюр и его место в лингвистике XX в.....	508
II. Копенгагенская школа в языкознании.....	521
III. Пражская школа.....	534
1. Проблемы фонологии.....	537
2. Проблемы грамматики.....	547
3. Типологическое изучение языков и языковые союзы.....	557
4. Проблема литературного языка и культуры речи.....	563
IV. Американский структурализм.....	569
1. Дескриптивная лингвистика.....	575
2. Синтаксический анализ.....	587
3. Трансформационный метод.....	592
V. Лондонская лингвистическая школа.....	604
1. Некоторые черты английской лингвистической традиции и Лондонская школа языкознания.....	606
2. Лондонская школа: предмет и задачи лингвистического описания; проблема метода лингвистического исследования.....	610
3. Философия языка и некоторые вопросы общего языкознания в системе взглядов Лондонской школы.....	615
4. Проблемы значения.....	626
5. Роль и место контекста в лингвистическом исследовании.....	631
6. Уровни. Иерархия уровней. Уровни языка и уровни лингвистического описания. Процедуры поуровневого описания.....	636
7. Фонология и просодика.....	640
8. Вопросы грамматического анализа. Проблема соотношения формального и содержательного анализа.....	643
Литература.....	653
Указатель имен.....	659

Учебное издание

**Амирова Тамара Александровна,
Ольховиков Борис Андреевич,
Рождественский Юрий Владимирович**

История языкознания

Учебное пособие

Редактор *А. В. Бездидько*
Ответственный редактор *Г. Е. Конопля*
Технический редактор *Е. Ф. Коржуева*
Компьютерная верстка: *Г. М. Татур*
Корректоры *А. В. Птухина, Е. Н. Зоткина*

Диaposитивы предоставлены издательством.

Изд. № А-201-11. Подписано в печать 31.05.2005. Формат 60х90/16.
Гарнитура «Тайме». Бумага тип. № 2. Печать офсетная. Усл. печ. л. 42,0.
Тираж 3000 экз. Заказ № 14949.

Издательский центр «Академия».

Санитарно-эпидемиологическое заключение № 77.99.02.953.Д.004796.07.04 от 20.07.2004.
117342, Москва, ул. Бутлерова, 17-Б, к. 360. Тел./факс: (095)334-8337, 330-1092.

Отпечатано в ОАО «Саратовский полиграфический комбинат»
410004, г. Саратов, ул. Чернышевского, 59.